

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. IV, part 1

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2008

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том IV, часть 1

Отв. редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2008

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

COLLOQUIA
CLASSICA ET INDOGERMANICA
IV

**STUDIES IN CLASSICAL PHILOLOGY
AND INDO-EUROPEAN LANGUAGES**

Edited by N. N. Kazansky

Saint Petersburg
Nauka
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

COLLOQUIA
CLASSICA ET INDOGERMANICA
IV

**КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Под редакцией Н. Н. Казанского

Санкт-Петербург
Наука
2008

УДК 80/81
ББК 81.2
А 38

COLLOQUIA CLASSICA ET INDO-GERMANICA – IV / Отв. ред.
Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2008. – 588 с. (Acta linguistica
Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1)

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «АКТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды ИЛИ РАН»:

Н. Н. Казанский (председатель),
А. В. Бондарко, Н. Б. Вахтин, М. Д. Воейкова, Е. В. Головки,
С. Ю. Дмитренко, М. Л. Кисилиер (секретарь), С. А. Мызников,
А. П. Сытов, В. С. Храковский.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

Н. Н. Казанский (отв. редактор), Л. Г. Герценберг, А. В. Грошева,
Е. Р. Крючкова, И. М. Стеблин-Каменский, А. П. Сытов.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – грант № 06-04-00471а «Модели описания диахронических
процессов и проблемы индоевропейского сравнительного языкознания»
(рук. Н. Н. Казанский),

и грант № 08-04-00157а «Этимологический словарь языка фарси»
(рук. И. М. Стеблин-Каменский),

РФФИ – грант 08-06-00122 «Сложные слова (компози́ты) и формульные
словосочетания в праиндоевропейском языке (составление
компьютерной базы данных)»

(рук. Н. Н. Казанский),

гранта № НШ-1319.2008.6 Президента РФ

«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

и

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 978-5-02-025540

9 785020 255401

© Коллектив авторов, 2008

© ИЛИ РАН, 2008

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
И ЯЗЫКОВАЯ ТРАДИЦИЯ
В ГРЕЦИИ И МАЛОЙ АЗИИ

HITTITE-LUVIAN BILINGUALISM AND THE DEVELOPMENT OF ANATOLIAN HIEROGLYPHS

1. The Anatolian hieroglyphic script represents a mixed syllabic and logographic system, which received a detailed synchronic treatment in Hawkins 2003¹. It was used for monumental inscriptions in the Hittite Empire of the Late Bronze Age and the Neo-Hittite states of the Early Iron Age, and also for letters and administrative records in the latter period. Accordingly, the term “Hittite hieroglyphs” was widely used in the late nineteenth /early twentieth century and still enjoys limited currency in the modern scholarly literature². But as the understanding of the script improved, it gradually became clear that it was mostly used not for writing Hittite / Nesite, the main language of the cuneiform archives of the Hittite capital Hattusa, but for writing Luvian, a related Anatolian language that is otherwise attested through magic incantations and isolated words embedded in Hittite cuneiform texts. For those scholars who regarded Luvian as a provincial vernacular spoken in certain peripheral areas of the Hittite state, the hieroglyphic script must likewise have been imported to Hattusa from elsewhere. Thus, Güterbock (1956b: 518) answered the question “von wem und für welche Sprache wurde die Bilderschrift entwickelt” with “von den Luwiern, für das Luwische, in Luwischen Landen”³.

---

¹ Subject to the usual disclaimers. I am grateful to Th. Van den Hout (Chicago), H. Craig Melchert (Los Angeles), Zs. Simon (Budapest) and O. Soysal (Chicago) for their remarks on the substance of this paper, to A. Butts and D. Nanos, who helped me to improve its style, and to the lively audience of the VIIth International Congress of Hittitology (Çorum, Turkey, August 2008), where it was first presented.

² It is characteristic that Emmanuel Laroche, who invested considerable efforts into proving a close relationship between Cuneiform Luvian and Hieroglyphic Anatolian, chose the name *Les hiéroglyphes hittites* for his catalogue of Anatolian hieroglyphs (Laroche 1969). One can say in Laroche’s defense that the title of his work did not directly refer to the language rendered by Anatolian hieroglyphs, but perhaps conveyed the idea of “hieroglyphs used in the Hittite Empire and Neo-Hittite states”. Nevertheless, one must recognize that Laroche 1969, still remaining a useful research tool, has an enormous impact on the proliferation of the misleading term “Hieroglyphic Hittite”.

³ According to Güterbock 1956a, the distribution between Hittite and Luvian-speaking areas was mainly geographic. When he writes that “Hittite was not only the written, but also the spoken language in the Old Kingdom, and

This issue, however, can be revisited in light of recent advances made in the understanding of the sociolinguistic situation in the Hittite capital. Rieken's (2006) discussion of structural interference between Hittite and Luvian, Melchert's (2005) analysis of Luvian lexical borrowings in Hittite, and van den Hout's (2006) scrutiny of Luvian foreign words in the Hittite texts composed in Hattusa converge in the implication that Luvian was a spoken language alongside Hittite in the heart of the Hittite Empire. This opens the possibility that the Anatolian hieroglyphic script evolved in Hattusa, in the mixed Hittite and Luvian environment. In what follows, I will elaborate on this hypothesis by adducing both external evidence, namely information regarding the genres and dating of the first hieroglyphic inscriptions, and internal evidence, namely the analysis of acrophonic derivation yielding the syllabic values of individual Anatolian characters.

Section 2 of the present paper introduces the stadial approach to the development of the hieroglyphic script, stressing its continuity in the central part of Anatolia. Section 3 dwells on the arguments adduced for the western Anatolian origin of the script and shows their inconclusive character. Section 4 addresses the methodological aspects of the derivational analysis of syllabic signs, while Section 5 contains the systematic tabulation of syllabograms with transparent "etymologies", showing that both Hittite-based and Luvian-based acrophony played part in their in their phonetization. The concluding Section 6 discusses the likely reasons for the simultaneous use of the hieroglyphic script and the cuneiform in the Hittite Empire and provides a tentative scenario of how this writing system was secondarily associated with the Luvian language.

2. The development of the Anatolian hieroglyphic script represented a long process. Stage I of this development features pictographic representations on the Anatolian cylinder seals of the Colony period (twentieth through eighteenth centuries BC), some of which formally resemble the later Anatolian signs. Thus Mouton 2002 has cogently argued for the association of the stag and the thunderbolt with the Protective God and the Storm-god, as depicted on the "Cappadocian" glyptics. Later, both signs evolved to become the logographic representations of the respective deities. In other cases, one can posit a formal link between certain elements of the glyptic iconography, which have uncertain associations, and the later hieroglyphic signs. For example, the same author discussed the connection between the "rod with balls" appearing as an attribute of gods and humans on the early

---

remained the spoken language in the central area even in the New Kingdom" (p. 138), it is clear from the general context of this statement that Hittite, according to him, was the **main** spoken language in the respective areas.

second millennium cylinder seals in both Anatolia and Mesopotamia and the hieroglyphic sign L 153 <nu>, even though the iconographic significance of this motif remains a matter of conjectures⁴. Yet it does not seem possible to treat the pictographic inventory of the “Cappadocian” glyptics as a semiotic system because no direct connection between the function of seals and their elaborate iconography can be perceived⁵.

Stage II characterizes the new situation of the Old Kingdom period (seventeenth through fifteenth centuries BC), when the now dominant stamp seals came to feature the little group of well-recognized auspicious signs in their middle part (the periphery was normally occupied by the cuneiform inscription)⁶. The most frequent among them were VITA (L 369), a sign reminiscent of the Egyptian “ankh” symbol, and BONUS (L 370), the sign denoting abundance whose precise origin is uncertain (Hawkins 2003: 166). This message interestingly resembles the reference to abstract auspicious concepts, such as *'pzwñ* ‘abundance’ or *ŠPYR* ‘good(ness)’ on the seals of the Sasanian notables (see e.g. Gignoux 1978: 51–63)⁷. In some cases, a small number of additional signs could also be used in this period. Thus the bulla of Isputahsu, King of Kizzuwatna shows the additional signs TONITRUS and REX, presumably indicating that Isputahsu viewed himself as a king ruling by the authority of the Storm-god⁸. Since the Isputahsu sealing is frequently

---

⁴ For the previous appraisal of signs on “Cappadocian” glyptics, see Börker-Klähn 1995. Unfortunately, the author’s conclusion that “das bild-luwische Schriftsystem sei zur Kolonistenzeit geschaffen worden”, does not appear to gain much support from the isolated pictograms of the Colony period discussed in her paper.

⁵ The attempt of Alp (1968: 281–301) to interpret the pictographic elements of the Konya-Karahöyük stamp seals, which probably go back to the end of the Colony period, as an early form of writing must be deemed unsuccessful. For its critique, see Boehmer and Güterbock 1987: 36–40.

⁶ For the inventory of hieroglyphic symbols appearing on the Old Kingdom seals, see Mora 1991. The author concludes that “[n]on si può parlare a nostro avviso di inizio della scrittura geroglifica anatolica (nel significato attribuito al sistema di scrittura in uso dall’età imperiale ittita in poi) nei secoli XVII–XVI” (ibid: 22). At the same time, she concedes that the pictograms of this period were used in order to convey semiotic messages and thus represented true signs (ibid:20).

⁷ This parallel between the Hittite and Sasanian seals appears to be typological rather than areal, since the invocation of abstract concepts is not typical of Babylonian or Achaemenid seals.

⁸ For the description of this famous seal, see Mora 1987, #8.1.1. Cf. Carruba 1974: 88–90 for an unconvincing attempt to read TONITRUS.REX phonetically as Taruhsu, the alleged by-name of Isputahsu. According to Houwink ten Cate 1992: 250, the same group of signs can be read as Tarhuntassa, in spite of the

mentioned in connection with the evolution of hieroglyphic writing, it is important to stress the fact that no other hieroglyphic seals belonging to Kizuwatna kings are known to us. For all we know, this object may well reflect Hittite cultural influence on Kizzuwatna, just as the name Ispuḫḫsu appears to have a Hittite origin⁹.

Stage III, achieved in the Early New Kingdom period (early fourteenth century BC), can be as a rudimentary writing system, which included phonetic (syllabic) signs in addition to the logograms. The kings of Hattusa, from Tuthaliya I onwards, used the digraphic seals containing their names and titles recorded in the Anatolian hieroglyphs in the middle surrounded by one or more rings of the cuneiform rendering the same name¹⁰. Thus the name of Sata(n)duḫpa, wife of Tuthaliya II, was rendered as *sà(-)tā-tu-ha-pa* and placed next to her title MAGNUS.DOMINA on the two sealings of a royal seal found in Maşat-Höyük (Mora 1987, #8.4.1 a-b). The short texts such as this do not yield direct evidence as to whether the relevant seals should be considered bilingual as well as digraphic. On the one hand, the cuneiform legends consisting entirely of personal names and Sumerographic titles can be read in either Hittite or Akkadian, or even in Luvian. On the other hand, the hieroglyphic legends were likewise limited to (semi-) phonetically written personal names and logographic titles and therefore likewise can be read in any appropriate language (cf. Hawkins 2003: 140). To this one must add a group of sealings belonging to high officials, which appear to predate the Empire period on stylistic grounds (see their representative selection in Boehmer and Güterbock 1987: 43–46). Unlike the royal seals, the specimens of this group show the hieroglyphic signs without cuneiform equivalents¹¹.

---

absence of the determinative REGIO and the lack of attestations of Tarhuntassa in written sources before the reign of Muwattalli II.

⁹ The likely pronunciation of the name Ispuḫḫsu was /spuḫḫsu/. The morpheme *-hsu* was a very common formative element in Hittite names of the early second millennium BC. The reconstruction of the initial consonant cluster in this name, precluding its Luvian origin, is assured through the variant *Šu-pu-da-ah-šu* attested in an Akkadian text from Kaneš/Nesa of the Colony period (Kt o/k 53.3). On the simplification of clusters *sC-* in Luvian, see Melchert 1994: 271.

¹⁰ The hieroglyphic renderings of the names of the New Kingdom rulers are collected in Boehmer and Güterbock 1987: 80. For the digraphic seal impression mentioning Tuthaliya I, see Otten 2000.

¹¹ Boehmer and Güterbock (1987: 39, figure 35c) published the seal containing the hieroglyphic combination *HATTI+li* (= Hattusili), which they assigned to the Old Kingdom period on stylistic grounds (ibid: 36). This seal was found in a secondary context, within the wall of the Phrygian fortifications in Hattusa. Pending further discoveries of the similar kind, caution dictates to regard this

Stage III of the Anatolian hieroglyphic script does not yet give the impression of an elaborate system capable of rendering complex messages. The renditions of royal names or the names of high officials can be fairly described as rebus writings that hint at their phonetic shape as opposed to conveying them according to a standard convention. Thus the spelling *MONS.TU* of the name Tuthaliya consists of the image of the homonymous sacred mountain and the phonetic indicator hinting at its first syllable. By contrast, the spelling *PURUS.FONS.MA_x* of the name Suppiluliuma contains the logographic rendering of the toponym Suppiluli (lit. “pure spring”), enhanced by the phonetic indicator *MA_x* hinting at the last syllable of the royal name (cf. Güterbock 1998: 203). It appears that the scribes were facing the task of inventing a new rebus each time they had to deal with a new personal name. The simplest way to account for this distribution is to assume that the consistent conventions of syllabic hieroglyphic writing had not yet been developed in fourteenth century Anatolia.

The main innovation of Stage IV is the established association between the Anatolian hieroglyphic script and the Luvian language. The earliest datable hieroglyphic inscriptions that contain phonetically written Luvian words are *FIRAKTİN* and *ALEPPO 1* (cf. Hawkins 2000: 19a)¹². The former is a group of inscriptions accompanying the reliefs of King Hattusili III and Queen Puduhepa, while the latter mentions Talmi-Sarruma, King of Aleppo, who, like Hattusili III, was a grandson of Suppiluliuma I. The last half of the same century witnessed the creation of large monumental inscriptions written in Luvian, such as *YALBURT*, *SÜDBURG*, and the *EMİRGAZI* altars (all edited in Hawkins 1995). The association between the Luvian language and the hieroglyphic writing was firmly established by the end of the Empire period, while the development of the script reached the stage when it was fit for the rendition of long continuous narratives.

What emerges from this brief survey is the gradual character of the development of the original pictograms into a full-fledged writing system. This, of course, does not mean that the Hieroglyphic Script developed in isolation in Central Anatolia. Individual Anatolian pictograms, as mentioned above, have suggestive parallels in Mesopotamia and Egypt, and it is only logical to assume that the use of the Mesopotamian cuneiform by the Hittites facilitated the creation of hieroglyphic syllabograms. But none of the four stages discussed above

---

isolated object as the late imitation of the Old Kingdom artistic style, and not as the first precursor of New Kingdom seals inscribed with hieroglyphic syllabograms.

¹² Note the recent detailed publication of the *FIRAKTİN* relief and the accompanying inscription in Ehringhaus 2005: 59–65.

appears to represent a drastic innovation that would require us to assume a wholesale adaptation of foreign practices. The development of hieroglyphic writing in the Hittite milieu, where most of its early known specimens have been created, represents a *prima facie* hypothesis.

3. There is but one assuredly Luvian hieroglyphic text, whose possible Early New Kingdom date has been seriously debated. The ANKARA bowl, published in Hawkins 1997 and again in Hawkins 2005, refers to the victorious expedition of a certain Labarna Tuthaliya against the city of Tarwiza. Since the annals of Tuthaliya I (CTH 142) tell us that this Hittite king fought against the Assuwa coalition, which included Wilusiya and Tarwisa, and since the later Hittite texts do not mention the western Anatolian toponym Tarwisa, Hawkins (1997, 2005) hypothetically suggested that Tuthaliya Labarna of the ANKARA bowl is to be identified with Tuthaliya I and that the artifact under discussion can be dated back to the early fourteenth century BC. This dating, as he justly observed, “would make it an extraordinary document of high significance for the development of the Hieroglyphic script”. Indeed, the ANKARA bowl inscription represents a cohesive text with a large number of phonetically written Luvian forms, which stand in stark contrast with the formulaic seal inscriptions of the Early New Kingdom period. If it were indeed made in the early fourteenth century BC, and if its western Anatolian internal reference were relevant for establishing its provenance, this would represent an argument for the hypothesis that the phonetization of the Anatolian Hieroglyphic script was first accomplished in the Aegean area.

For further discussion, it appears to be appropriate to cite the relevant text in full. Note that my translation of this inscription is substantially different from one given in its previous editions.

(1) ANKARA BOWL, cf. Hawkins 2005: 194¹³

za/i-wa/i-ti CAELUM-pi *a-sa-ma-i(a) REGIO.HATTI VIR₂
(*273)i(a)-sa₅-za-tà REX ma-za/i-kar-hu-ha REX PRAE-na
tara/i-wa/i-zi/a-wa/i(REGIO) REL+ra/i MONS.[TU]
LABARNA.LA hu-la-(i)a-tá *a-wa/i-na *a-pa-ti-i(a) ANNUS-
i(a) i(a)-zi/a-tà

‘This bowl Asamaia, man of Hattusa, bought from (lit. “in the presence of”) the king Maza-Karhuha. When Labarna Tuthalia smote Tarwiza, in that year he (Tuthaliya) had it made’.

---

¹³ For the autograph of the inscription, see Hawkins 2003: 144.

Hawkins 2005 notes the formal possibility of connecting (*273)*i(a)-sa₅-za-* with the Luvian stem *iasa-* ‘to buy’, but rejects this connection on semantic grounds. In my opinion, the problematic character of this comparison is exaggerated. It is true that *iasa-* normally appears with the preposition CUM, lit. ‘with’, governing the counter-agent, but the royal dignity of the salesman may have dictated a more polite turn of phrase with PRAE-*na* = /*parran*/, lit. ‘before’ in this case. On the other hand, the assumption that we are dealing with an ownership inscription, and not a dedicatory inscription as thought by Hawkins, helps to explain why it consists of two separate sentences. The first part of the inscription records the act of transfer, while the second one establishes the pedigree of the transferred object.

If my interpretation is correct, then the mention of Tuthaliya I in the text of the inscription does not have bearing on its chronological attribution because the bowl could be bought as an antique object. What clearly tips the scales in favor of dating the inscription to the Hittite Empire or the later period is the mention of king Maza-Karhuha. Since the god Karhuha was worshipped mainly in Carchemish, it is difficult to envisage such a name of a Hittite vassal king in the period when Carchemish remained firmly within the fold of the Mitanni Kingdom. Pace Hawkins (2005: 200), the military campaigns of Tuthaliya I against Mitanni, which are retrospectively mentioned in a thirteenth-century treaty, cannot alone justify the hypothesis that this king controlled Carchemish for an extended period of time (cf. Bryce 2005: 140)¹⁴. A related argument is the use of the *kar* sign (L 315) in our inscription, which is restricted to the documentation originating in Carchemish (Hawkins 2005: 196). A more specific indication of the Late Empire date of the inscription is the hieroglyphic title *LABARNA* (L 277) written next to the name of Tuthaliya. Although the Hittite kings had been using this title in their cuneiform inscriptions since the beginning of the Old Kingdom period, the sign L 277 was apparently introduced only during the reign of Tuthaliya IV (Hawkins 1995: 107).

The attribution of the ANKARA bowl to the times of Tuthaliya I becomes even less likely once we take into consideration the sociolinguistic situation of the Early New Kingdom. The use of the Luvian language in official written discourse was systematically

---

¹⁴ It is unlikely that Maza-Karhuha was one of the viceroys of Carchemish, whose names are generally well known. It is, however, possible that another Syrian or Anatolian vassal king used the theonym Karhuha as a part of his own name in the period after the gods of Carchemish were incorporated into the Hittite pantheon.

discouraged in the early fourteenth century Hattusa¹⁵. Hittite was the standard language for writing on clay tablets (for most textual genres), while Akkadian remained an acceptable alternative for inscriptions on durable materials, such as the sword dedicated by Tuthaliya I to the Storm-god after a victory over Assuwa (Ünal et al. 1991). Incising a Luvian inscription on a silver bowl, which was clearly made for the use of the elites, would represent an obvious *faux pas* under such conditions.

These considerations, taken together, militate against the early fourteenth century date of the ANKARA bowl inscription. I concur with the recent conclusions of Mora (2007) that the late thirteenth century BC is the most likely date for the composition of this text. On the other hand, since the mention of Tuthaliya's conquest of Wiluza represents anything more than the dating formula, while the mention of Maza-Karhuha serves the purpose of establishing the immediate provenance record for the bowl itself, not for the inscription, the mention of Asamaya, man of Hatti, represents the only internal reference that can be potentially useful for discussing the geographic origin of the text. Accordingly, the inscription under discussion does not offer any difficulties for the scenario of the continuous development of the hieroglyphic script in the central part of Anatolia.

A different type of argumentation for the Aegean origin of the Anatolian hieroglyphic script is advanced in Hawkins 1986. Hawkins bases his conclusion on the observed structural similarities between the Anatolian hieroglyphic writing and the Aegean scripts, such as Linear A and B. In particular, Hawkins acknowledged the dominance of the syllabic signs of the CV type in the Aegeo-Anatolian area, as against the Cuneiform CV+VC/CVC type. Hawkins 2003: 166–169 essentially advocates the same view, although this discussion makes clear that the Aegeans syllabaries can be viewed only as triggers for the development of the “Luvian” script, not as its direct prototypes. Since the kingdom of Arzawa was closer than Hatti to the Minoan and Mycenaean cultural sphere, this is where, Hawkins claims, the Anatolian hieroglyphic writing probably originated.

In my opinion, the similarities discussed by Hawkins can all be accounted for in the stadial and typological terms, without invoking either direct borrowing or cultural influence. “The pictographic-Hieroglyphic character common to the Aegean and Anatolian script” reflects a stage passed by every original (non-borrowed) script. “[T]he

---

¹⁵ This conclusion can be made based on the analysis of the Instruction for the Royal Bodyguard (CTH 262) and the Instruction for the Gate-keeper (CTH 263), both composed in the Early New Kingdom Period. Although these instructions contain direct speech passages that are expected to be uttered *luwili* ‘in Luvian’, they are rendered in Hittite in the written text.

same range and type of logograms drawn from the same spheres of material world” attested in both scripts bear witness to the social and economic similarities between the Aegean and the Anatolian states of the second millennium BC. As for the preponderance of the CV signs, it represents an unmarked property of syllabic scripts, be it the Ethiopian or the Kharoshthi syllabaries. Furthermore, there are a number of languages featuring only or mostly open syllables, and this is why the Optimality Theory and a number of other constraint-based phonological frameworks assume that open syllables are inherently less marked than their closed counterparts. Therefore, the syllabaries that develop from logographic systems were likely to give preference to CV signs at a certain stage of their development, just as children normally begin their first language acquisition with CV syllables. It is the elaborate system of VC and CVC signs characterizing the Akkadian and, by extension, Hittite systems that should be analyzed as an exceptional areal feature, presumably to be explained through the mediation of the Sumerian semi-logographic writing.

Part of the problem with the hypothesis that the Aegean syllabaries triggered the development of the hieroglyphic writing without providing a direct model for its development is that such a claim cannot in principle be falsified. We simply know too little about Anatolian intellectual history to rule out the hypothesis that a Hittite man of letters stumbled upon the idea of developing the national writing system upon seeing a Linear A tablet. But the claim about Arzawa as the original locus of the development of the script can be tested. In order to do it, it is enough to look at the dates and content of hieroglyphic texts that were actually found in western Anatolia.

I am aware of four monumental Luvian inscriptions that come from the Aegean area. The name *ku-pa-ia* appearing on the LATMOS inscription and accompanied by the title MAGNUS.REX.INFANS may represent an abbreviation of Kupantakruntiya, the early thirteenth century king of Mira (Peschlow-Bindokat 2002). Targasnawa, king of Mira, who ruled in the late thirteenth century BC, commissioned the KARABEL inscription (Hawkins 1998). SIPYLOS 1 mentions a certain Kuwalanamuwa, tentatively identified with a Hittite prince at the time of Mursili II and the commissioner of HANYERİ and İMAMKULU inscriptions (cf. Bossert 1954: 144–47). SIPYLOS 2 contains the name of a palace attendant (“eunuch”) Zuwalla, who is otherwise unknown (Güterbock and Alexander 1983). To this can add four inscribed seals found in Western Anatolia or connected with it through internal references. The famous “Tarkondemos” digraphic seal, as we now know, belonged to the above-mentioned Targasnawa, king of Mira (Hawkins and Morpurgo-Davies 1998). The imitation(?) of an Anatolian

hieroglyphic seal was found in Metropolis (Schachner and Meriç 2000), while a genuine hieroglyphic sealing found in the area of Eskişehir (Darga and Starke 2003). Finally, one must mention the hieroglyphic seal found in Troy VIIb (the layer of the 12th century BC) in the excavation season 1995 (for its recent extensive discussion, see Latacz 2004: 49–71).

None of the hieroglyphic inscriptions discussed above can be shown to predate the conquest of Arzawa by Mursili II in the late fourteenth century BC, while several of them likely or assuredly postdate it. Therefore, the choice of a writing system must reflect, first and foremost, the political dominion of Hatti over the vassal kingdom of Mira, comprising the central part of the former kingdom of Arzawa¹⁶. If the rulers of Mira tried to imitate the traditions of the Hittite court, it was only natural for them to follow the pattern of epigraphic code alternation that was familiar to Hattusa scribes. Cuneiform script was mostly used for writing on clay tablets, while hieroglyphs were carved in stone. If the commissioner of SIPYLOS 1 has been correctly identified, we have the ready example of a Hittite official whose inscription could provide a model for the local rulers. At the same time, the small number of inscriptional finds coming from western Anatolia suggests that this imitation was practiced on a moderate scale.

The content of all the inscriptions mentioned above is limited to personal names and logographic expressions, and none of them contains phonetically spelled forms that force their attribution to a particular language. Thus, although the hieroglyphic texts found in the Aegean chronologically belong to Stage IV, from the point of view of their structure, they did not go beyond the level of Stage III. In other words, the development of hieroglyphic writing in this region trailed behind the level that it had achieved in the Hittite core area. This is only natural given its provincial status in the eyes of the Hittite kings, whose ambitions were normally turned in the southeastward direction. The hypothesis that the Anatolian Hieroglyphic Script was invented in the western part of Asia Minor lacks empirical confirmation. In the following, I will assume that the true first specimens of the Anatolian hieroglyphic writing (understood here as a semiotic system containing a phonetic component) are the Hattusa seals of the Early New Kingdom period.

---

¹⁶ This can be contrasted with the presence of the cuneiform “Arzawa Lettres” in the archive of El-Amarna, which contain the correspondence between Tarhuntaradu, king of Arzawa, and the Egyptian pharaoh Amenhotep IV. The cuneiform literacy may have not been widespread in the independent kingdom of Arzawa, but it definitely arrived there before the Hittite rule.

4. It is a well-known fact that many early phonetic writing systems established the values of their signs via the principle of acrophonic derivation. Thus, in the early Canaanite alphabet, the letter <b> depicts a house, reflecting the fact that the Canaanite word for house, *bayt, begins with [b], <k> is a pictogram depicting a hand, since *kapp ‘(palm of) hand’ begins with [k], and so on (Hackett 2004: 367). If the same principle underlies the phonetization of Anatolian hieroglyphic signs on Stages III-IV, it is reasonable to presume that syllabograms were likewise assigned values based on the language(s) that the inventors of the new script perceived as their own. If both Hittite and Luvian played a role in this process, then both languages were at home in the community where the script was created. Discussing the characteristic empirical data that can lend support to this claim constitutes the task of the present section.

The starting point for the present discussion is the often-cited paper by Günter Neumann, who made the first attempt to study the acrophonic derivation of Anatolian hieroglyphic signs in order to establish the origin of the script. Although Neumann (1992: 26, fn. 3; 27, fn 5) rejects Aegean influence on the system of Anatolian hieroglyphs and regards Kizzuwatna, and not Arzawa, as the most likely area where it could be created, he concurs with Güterbock’s view that this writing system must have been of Luvian origin. On the one hand, he acrophonically derives the arrow-shaped sign L 376, which had the value <za/i> in the Empire period, from the Luvian proximal demonstrative pronoun *za-*, whose Hittite counterpart was *ka-*. On the other hand, he follows Hawkins 1986 in deriving the phonetic value <u> of the sign L 105 = BOS, graphically the head of a bovine, from the Luvian form that he reconstructed as **uwau-* ‘cow’ < IE. **g^wou-* ‘id.’ (Neumann 1992: 25–26, fn. 2)¹⁷.

Out of these two examples cited by Neumann, only the first one holds water. The archaic inscriptions BOGAZKÖY 1 and 2 lack any unambiguously phonetic signs, but contain L 376 functioning as a demonstrative. For these inscriptions, one can perhaps entertain the logographic value L 376 = HIC, on the assumption that the cross-cultural metaphoric use of an arrow as a pointing device was also known in Bronze Age Anatolia. If one takes this step, there is no way around accepting Neumann’s claim that L 376 acquired its syllabic value in the Luvian-speaking milieu.

---

¹⁷ Cf. the pessimistic assessment by Hawkins (2003: 168): “[R]ecognizable derivations of syllabic values indicate a Hittite-Luvian origin, but provide no diagnostic distinction between the two languages except in one sole case: the derivation of the syllabogram *u* from Luvian **uwau-* ‘ox’, as against the postulated Hittite **guwau-* (Neumann 1992: 25¹, cf. 39)”.

The situation with the BOS sign is more complicated. The earliest attested phonetic value of the variant of BOS that represents the body of a bull and is now transcribed BOS₂ (L 106) is <mu(wa)>¹⁸. Although the developed hieroglyphic script distinguishes between L 105/106 <u> and L 107 <mu>, this must be a secondary differentiation because L 107 is derived from L 105 with the diacritic L 391 = <mi>¹⁹. On the other hand, the expected reflex of *g^w- in Luvian is w-, as in *wana/i*- ‘woman’ < *gwon*^o (Melchert 1994: 239)²⁰. Therefore, (BOS.ANIMAL)*wa/i-wa/i*- must represent the full phonetic rendering of Luv. *wawa(i)*- ‘cow’, and this lexeme could hardly serve as a basis for the acrophonic reading <mu> ~ <u>. In all probability, the phonetic values of L 105–107 simply reflect various renderings of the bellowing of the bulls and the mooing of the cows²¹.

In order to place Neumann’s arguments in a proper perspective, one must contrast them with those cases where the phonetic values of Anatolian hieroglyphs appear to be acrophonically derived from Hittite lexemes. Neither Hawkins 1986, nor Neumann 1992 explicitly addressed this issue, perhaps because both scholars had been convinced beforehand about the original association between the Luvian language and the hieroglyphic script²².

One conspicuous case is L 41, traditionally transcribed as <tà>. Rieken 2007 has shown that this sign is normally used for marking the

---

¹⁸ See, for example, the archaic sealings Boehmer and Güterbock 1987, #117 and Herbordt 2005, #259. Although Herbordt 2005: 4 dates these sealings by the 15th century BC, I do not see obvious reasons why they need to predate Early New Kingdom. For the frequent use of the BOS sign with the value <mu> in Anatolian glyptics, see Hawkins *apud* Herbordt 2005: 428b.

¹⁹ Differently Hawkins *apud* Herbordt 2005: 429a: “[S]ince *mu* properly consists of *u+mi*, if *mi* is omitted, as frequently, *mu* becomes indistinguishable from *u*”. The chronological distribution of the readings <u> and <mu> of L 105–106 speaks against this scenario.

²⁰ One cannot exclude the possibility of an optional contraction **wawa->uwa*- in the Luvian dialect of Hattusa. This contraction, however, was unlikely to become a norm because the Iron Age dialect of Luvian consistently shows (BOS.ANIMAL)*wa/i-wa/i*- ‘bull, cow’.

²¹ Compare the similar case of L 110= <ma>, graphically a ram’s head, which cannot be derived either from Luv. *hawi*- ‘sheep’ or from Hitt. GUD-*u*- ‘id.’ (on the assumption that the latter represents a cognate of IE. *pek’u*- ‘small cattle’). Can this syllable transcribe the bleating sound? Cf. e.g. Gk. μηράζω ‘bleat’ and Arm. *mak^hi* ‘sheep’ of onomatopoeic origin.

²² Compare, however, the remarks of Neumann 1992: 38, where a number of hieroglyphic signs are provided with acrophonic derivations based on Hittite lexemes, but the sociolinguistic implications of these derivations are not discussed.

etymological dental stops in the position of lenition. The most salient exception to this generalization is the Luvian verb ‘to take’, which is commonly transliterated as ***tā-* but transcribed as ***/ta-/* on the assumption that it represents a direct cognate of Hitt. *dā-* ‘take’. Since Luvian, unlike Hittite, consistently implemented the fortition of word-initial dental stops, there is no obvious reason why the initial consonant of this root could undergo lenition in any dialect of Luvian²³. Therefore one may wonder whether the above-mentioned phonetic reconstruction of the Luvian verb ‘to take’ is warranted.

As it turns out, it is not. On the one hand, different dialects of Luvian support the existence of the Luvian verbal root *la-* ‘take’²⁴. The competing verbal stems *la-* and *lala-* ‘to take’ are well attested in the Kizzuwatna dialect (Melchert 1993: 120, 121), while the derived noun *lalama/i-* ‘receipt’ occurs as a *Glossenkeil* word in texts emanating from Hattusa (Melchert 1993: 122). On the other hand, when the Anatolian logogram CAPERE ‘to take’ (L 41) appears with a phonetic complement indicating (part of) the stem in Iron Age Luvian, it is invariably *la(-la-)*, never ***ta-*²⁵. In a similar fashion, when the verb ‘to take’ is phonetically written in the hieroglyphic orthography, its stem appears as *la-*. The table below, containing all the inflected forms of CAPERE in Iron Age Luvian, ostensibly indicates these facts.

²³ For the inconsistent rendering of the etymological **d-* in prehistoric borrowings from Luvian into Hittite, see Melchert 2003: 181.

²⁴ With Tischler 1990: 1, I believe that this root is etymologically unrelated to Hitt. *dā-* ‘take’, but rather represents a cognate of Hitt. *lā(i)-* ‘loose, take off’ (differently Kloekhorst 2007: 804). For Hitt. **lā-* as the original *hi*-conjugation verb, see Oettinger 1979: 67. The semantic reanalysis of Luv. *la-* as ‘to take’ possibly originated in the construction *arha la-* ‘to take off, remove’. A factor that likely contributed to this reanalysis was the undesirable homonymy between Luv. *ta-* ‘to stand’ and **ta-* ‘to take’, which led to the gradual disappearance of the second verb. Using the phonological jargon, one can characterize this case as a “pull shift”.

²⁵ One cannot say with certainty whether the sequence CAPERE(-)*la* contains a logogram extended by the phonetic complement or a determinative followed by the full phonetic spelling in each particular case because of the ambiguity between variant stems *la-* and *lala-*. Only in the case of (“CAPERE”) *la-la-ta* is the full phonetic spelling of the reduplicated stem assured.

Table 1.

Pres	2sg.	la-si	ISKENDERUN § 6
	3sg.	la-i	KÖRKÜN § 11 (+ARHA)
		CAPERÉ-i	KARKAMIŞ A11a § 22, A2+3 § 20 (+ARHA), A6 § 26, A15b § 12, KÖRKÜN § 8 (+ARHA) BOROWSKI 3 § 9 (+ARHA) ALEPPO 2 § 13, 18 (+ARHA) KÖTÜKALE § 5 (+ARHA) BOYBEYPINARI 2 § 19 (+CUM-ni ARHA) ANCOZ 7 § 4 (+ARHA), 9 (+PRAE)
		CAPERÉ-i?	KELEKLI § 2
		CAPERÉ-ia	KARKAMIŞ A6 § 27, 28, 30 (+CUM-ni ARHA), A31+ § 12 HAMA 4 § 8, 5 § 1 (+ARHA)
		CAPERÉ	KARKAMIŞ A11b+c § 22
		CAPERÉ?-i	ASMACIK 1.1–2
	3pl.	CAPERÉ-ti-i	KARKAMIŞ A11a § 27, A11b+c § 28, 29
Pret	1sg.	la-ha	MARAŞ 13, 1. 2–3 (+ARHA), BOHÇA § 13
		CAPERÉ(-) la-ha	MARAŞ 4 § 4,12 (+INFRA-ta)
		CAPERÉ-ha	KARKAMIŞ A11b+c § 30 (+ARHA), A12 § 5, A7 § 3, KARAHÖYÜK § 19 TELL TAYINAT 2 l. 2 frag 2b-a (+ARHA)
	3sg.	CAPERÉ-ta	TELL AHMAR 1 § 12 (+SUPER+ra/i-a) TELL AHMAR fr. 1, TULEIL 1 l.2 (or 3 pl?)
		CAPERÉ-tá	KARAHÖYÜK § 7
		CAPERÉ? -ta	TELL TAYINAT 1, frag 3–5, 1.5
		CAPERÉ-tax	TOPADA § 28
	3pl.	(“CAPERÉ”) la-la-ta	MARAŞ 1 § 9 (+PRAE-i)
Imv.	3sg.	CAPERÉ-tu	EGRİKÖY § 1
	3pl.	CAPERÉ-tú	KARKAMIŞ A25a § 3
Inf.		CAPERÉ(-) la- na	MARAŞ 3 § 8 (+ARHA)
		CAPERÉ(-) la/i/u-na-´	BOHÇA § 3, 9
Part	acc.sg.n	CAPERÉ-ma-za-´	KULULU 2 § 2
		CAPERÉ-ma-z[a]	BULGARMADEN § 13

The alternation between the phonetic spelling *la-* and the logographic spelling CAPERE in two parallel passages of the KÖRKÜN inscription is particularly revealing. It appears that Luv. *la-* ‘to take’ can be spelled as a logogram CAPERE, both with and without a phonetic complement.

- (2) KÖRKÜN, § 8, Hawkins 2000: 173
 na-na-si-pa-wa/i-ta INFANS.NI || |REL-sá |ARHA CAPERE-i
 ‘(He) who takes it away from Nanassi (or) the child ...’.
- (3) KÖRKÜN, § 11, Hawkins 2000: 173
 |za-pa-wa/i-tu-ta (VITIS)wa/i-ni-na |REL-sa |ARHA la-i |na-na-
 si |INFANS.NI-na (NEPOS)ha-ma-si (NEPOS)ha-ma-su-ka-la
 ‘(He) who takes this vine away from Nanassi, (or) the child, (or) the grandchild, (or) the great-grandchild...’.

The next obvious step is to wonder what the obstacles are to accepting *la(la)*-as the phonetic reading of CAPERE (L 41) in all the cases where it stands for the verb ‘to take’. This issue, to my knowledge, was last addressed in Morpurgo Davies 1987: 211–212, fn. 17, who writes: “Hawkins and I ... have already pointed out that it would be possible to read all *ta-* forms as logographic on the assumption that the sign no.*41 must be read as CAPERE and not as <tà>. If so, the normal reading of the root would be *la-* (as in Cun. Luwian). The objection is that for *41, the taking hand, a <tà> syllabic value is certain – and it would be difficult to understand the origin of this value if the verb was not *ta-*, but *la-*. It is of course conceivable that an earlier *ta-* verb in existence at the time when the syllabary was created was replaced by a *la-* verb due to phonetic change or lexical replacement.”

Once we reinterpret the last alternative in sociolinguistic terms, it is easy to arrive at a satisfactory scenario for the evolution of the sign in question. L 41, iconographically a taking hand, was originally used as a logogram CAPERE for the predicate ‘to take’. At some early point in the history of the hieroglyphic script, the Hittite verb *dā-* ‘to take’ provided a basis for the acrophonic derivation of the phonetic value <da> (vel sim.), which is conventionally transliterated as <tà>.²⁶ We can already see this

²⁶ One need not necessarily use this derivation as an argument for the preservation of the distinctive feature [±voice] in word-initial position in fourteenth-century Hittite. Note that L 100=<ta> is acrophonically derived from Hitt./Luv. *targasna-* ‘donkey’, which was likely to begin with an etymological voiced stop (Melchert 2003b: 195–96 with ref.). It is possible that <ta> and <tà> underwent a secondary differentiation already within the system of the hieroglyphic script.

phonetic value on the sealings of the Early New Kingdom ruler Arnuwanda I. The logogram CAPERE was used in this period without phonetic complements indicating its root. After the convention of reading the hieroglyphic texts in Luvian came about, the sign CAPERE became secondarily associated with Luv. *la(la)*- ‘to take’ and this led to the rise of the (semi-)phonetic spellings CAPERE(-)*la*. But the phonetic values of the Anatolian hieroglyphs had been already fixed by this time, and so the reading <tà> of L 41 remained unaffected.

Thus the analysis of a small group of well-attested signs appears to confirm the hypothesis that the phonetic component of the Anatolian hieroglyphic script was originally developed in the mixed Hittite and Luvian-speaking environment.

5. In what follows I will attempt to provide a systematic survey of hieroglyphic syllabograms with assured or likely “etymologies”. In addition to the signs discussed in the previous section, the input of my analysis includes the lists of the acrophonically derived phonetic values collected in Neumann 1992: 39 and Hawkins 2003: 162.²⁷

Table 2 contains six phonetic signs attested from the second millennium BC onward, for which the acrophonic derivation based on the sound shapes of the Hittite but not Luvian lexemes can be suggested. Only the first four examples, which have already been addressed above, must be regarded as probative, whereas the “grey area” contains the signs that theoretically may have been derived based on the unknown Luvian lexemes (the Luvian cognates of Hitt. *pattar* ‘basket’ and *karzan*- ‘basket of wool’ have not been identified thus far).

---

²⁷ I have, however, excluded from my analysis two signs mentioned Neumann 1992 because the suggested path to their phonetization strikes me as too speculative. The sign L 55 = <nì>, graphically a hand with crossed fingers, has been explained with reference to Luv. *niya*- ‘to turn’, but this derivation is neither obvious, nor supported through the known logographic reading of L 55. L 186 = <lu>, graphically a four-pointed star, was explained with reference to Hitt. *lukk*- ‘to dawn’, but the recognition of Hawkins (2005: 410) that L 186 was a mere graphic variant of L 445 in the Bronze Age undermines this derivation. The development of the sign L 108 = <sú>, graphically a horn, advocated by Hawkins, is also problematic. Hawkins (2000: 36) hypothesized that the value <sú> was acrophonically collected from Luv. **surni*- ‘horn’, but the word for horn is written with the sign L 448 = **<sù>*, for which Melchert (1987: 202) suggested the new value <zú> on etymological grounds. If Melchert’s suggestion is correct (and I believe it is), one has to consider a different acrophony, for example deriving <sú> from Luv. *suwa*- ‘fill’ via the concept of cornucopia (Craig Melchert, pers. comm.).

Table 2

L 41		CAPERE	<tà> (/da/)	Hitt. <i>da-</i> vs. Luv. <i>la(la)-</i> 'take'
L 391		4	<mi>	Hitt. <i>miwa</i> vs. Luv. <i>mawa</i> 'four' ²⁸
L 90		PES	<ti>	Hitt. <i>tiya-</i> 'walk, step' ²⁹ (cf. Luv. <i>ta-</i> 'stand, step')
L 56		INFRA	<ká>	Hitt. <i>katta</i> vs. Luv. <i>zanta</i> 'down' ³⁰
L 334			<pa>	Hitt. <i>pattar</i> 'basket'
L 315		Cf. *314=<ha _x >	<kar>	Hitt. <i>karzan-</i> 'basket of wool' ³¹

In seven cases, the values of Bronze Age syllabograms can be acrophonically derived from Luvian, but not from Hittite lexemes. The probative value of examples cited in Table 3 below is, again, not uniform. Only the first three cases can be seen as assured, whereas the signs in the shaded part of the tablet can be explained from Luvian only under certain assumptions. The derivation of L 376, discussed above in this section, depends on the existence of its logographic value HIC, which is likely but not absolutely certain. In the case of L 319, the suggested explanation is based on the graphic shape of this sign, which resembles an upward-pointing arrow, and on its vague resemblance to L 270 = SUPER. In the case of L 389, the contrast between Hitt. *teri-* and

²⁸ Note, however, that the same sign could be used in the second millennium BC as a phonetic indicator *MA_x* accompanying a logogram (cf. Güterbock 1998: 203).

²⁹ Cf. Hawkins 2003: 162: "The relationship of other syllabic values to the corresponding logograms may be unexplained, notably PES, 'foot', syllabic *tī*".

³⁰ Goedegebuure (forthcoming) presents compelling evidence for the functional equivalence between Luv. *zanta*, phonetically spelled in cuneiform texts, and the Hittite preverb *katta(n)* 'down, together'. The two preverbs are assumed to be cognate and go back to IH. **k'ṃto(-)*. Since the affrication of IH. **k'* represents a pan-Luvian feature, HLuv. INFRA-*ta* must also be read as /zanda/ rather than /katta/.

³¹ Melchert (1999: 129) notes that all the occurrences where L 314 functions as a determinative before fully spelled words feature lexemes beginning with /ka-/ or /ha-/. This indicates, according to him, that this sign had an original vague syllabic value <ka_x/ha_x> (vel sim.). For the representation of a wool basket on a relief from Maraş that bears a close resemblance to L 314, see Melchert 1999: 130. The sign L 315 = <kar> was secondarily created (presumably in the area of Carchemish) by adding the "thorn" to L 314.

Luv. *tarri-* ‘three’ is undermined by the absence of a distinct hieroglyphic sign with the value <teri>.³² Finally, since the Hittite word for number ‘9’ is unknown, it remains possible that it sounded *nuwa-* and thus could provide a basis for the acrophonic derivation of L 395.

Table 3

L 13		PRAE (also cf. *14)	<pari>	Hitt. <i>peran</i> vs. Luv. <i>parri</i> ‘before’
L 165		BONUS	<wà/i>	Hitt. <i>assu</i> vs. Luv. <i>wāsu-</i> ‘good’
L 327		SIGILLUM	<sa ₅ >	Hitt. <i>siyatar</i> vs. Luv. <i>sasanza</i> ‘seal’
L 376		HIC(?)	<za>	Hitt. <i>ka-</i> vs. Luv. <i>za-</i> ‘this’
L 319		~SUPER	<ali>	Hitt. <i>parku-</i> vs. Luv. <i>ala/i-</i> ‘high’
L 389		3 (+ra/i)	<tara/i>	Hitt. <i>teri-</i> vs. Luv. <i>tarri-</i> ‘three’
L 395		9	<nú>	Luv. <i>nuwinza</i> ‘nine/nineth’

But the largest group of examples, summarized in Table 4, comprises those cases where a given sign can be equally well derived from via Hittite and via Luvian. For example, both Hitt. *pāi-/piya-* ‘give’ and Luv. *piya-* ‘id.’ could motivate the value <pi> of L 66, graphically a giving hand.³³ In fact, one need not choose between these two options because the person responsible for introducing the new syllabogram could be bilingual in Hittite and Luvian.

³²To this example one should probably compare L 270 = SUPER used with the value <sari> in the hieroglyphic transliteration of Šarri-Tešub, the Hurrian name of Muwattalli II. Note, however, that the seals of the Empire Period Hittite officials appear to use SUPER+ra/i as the equivalent of *sar(r)i-* (Herbordt 2005: 175–177), pleading for a different phonetic value L 270 = <sar> (vel sim.). More syllabographic occurrences of L 270 appear to be necessary to settle the issue.

³³One should, of course, distinguish between the etymology of a given lexeme and its presence in a particular language. For example, although the name of the Hittite capital Hattusa is non-Indo-European in origin, it was intimately familiar to both Hittites and Luvians living in this city.

Table 4

L 362		DARE	<pi>	Hitt. <i>pāi-/piya-</i> vs. Luv. <i>piya-</i> ‘give’
L 175		LINGUA	<la>	Hitt. <i>lala-</i> vs. Luv. <i>lala/i-</i> ‘tongue’
L 100		ASINUS	<ta>	Hitt./Luv. <i>targasna-</i> ‘donkey’
L 160		VITIS	<wi>	Hitt. <i>wiyan(a)-</i> vs. Luv. <i>wiyana/i-</i> ‘vine’
L 329		REL	<kwa/i>	Hitt. <i>kui-</i> vs. Luv. <i>kui-/kua-</i> ‘which’
L 329		CURRERE	<hwa/i>	Hitt. <i>huwāi-/hu(i)ya-</i> vs. Luv. <i>hui(ya)-</i> ‘run’
L 105		BOS	<u/ <mu>	Onomatopoeic origin (sound of mooing)?
L 196		<i>HATTI</i>	<há>	Hitt./Luv. <i>Hattusa</i>

It is instructive to contrast the data collected in Tables 2–4 with a group of signs that acquired syllabographic values only in the first millennium BC. In this late period, when the Hittite language was probably extinct and almost certainly not spoken in the epigraphic community responsible for the production of Luvian hieroglyphic texts, we do not expect the Hittite-based acrophony to play any derivation of new syllabograms. And indeed, all of the sound values listed in Table 5 can be accounted for through the analysis of Luvian lexemes. The only potentially problematic case is that of L 347 = <hú>, for which Neumann 1992 suggests an acrophonic derivation based on Hitt. *huppar* ‘pot, bowl, keg’. Yet if Luv. *huppart(i)-* ‘pelvis’ is indeed derived from the same root, as per Melchert 2003: 196, it is quite likely that the base noun with the meaning ‘bowl’ also existed in Luvian, but is simply not attested in the available texts.

Table 5

L 103		CERVUS	<rú>	Luv. <i>Runtiya-</i> ‘Stag-god’
L 313		VIR	<zí>	Luv. <i>zida/i-</i> ‘man’
L 82		CRUS	<ta ₆ >	Luv. <i>ta-</i> ‘stand, step’
L 362		~DEUS	<má>	Luv. <i>massana/i-</i> ‘god’
L 332		NEG	<ná>	Luv. <i>na</i> ‘not’
L 326		SCRIBA	<tù>	Luv. SCRIBA- <i>la-</i> = * <i>tupala</i> ‘scribe’
L 347			<hú>	Luv. * <i>huppara/i-</i> ‘pot’ (cf. <i>huppart(i)-</i> ‘pelvis’)

It emerges from the analysis undertaken above that although the development of the Anatolian hieroglyphic script was closely connected with the history of the Luvian language, its very initial phase also bears an impact of Hittite. The term “Luvian hieroglyphs” may be relatively more accurate than the earlier misnomer “Hittite hieroglyphs”, but both of them ultimately impose an association with one language upon the writing system that was historically the joint venture of the Hittite and the Luvian speakers.³⁴ This is why I believe that both designations must be abandoned in favor of the language-neutral term “Anatolian hieroglyphs”.

The sociolinguistic setting of Hattusa in about 1400 BC, where the majority of the population was already Luvian, while Hittite enjoyed political and cultural prestige, makes the Hittite capital the most likely venue for the phonetization of the Anatolian hieroglyphic script. Thus there is no more reason to speculate about Arzawa or Kizzuwatna as a place where the first Anatolian syllabograms came into being.

6. We have seen in the previous sections that the combination of the external and the internal evidence refutes Güterbock’s claim that the Anatolian hieroglyphic script was created by the Luvians, in the Luvian lands, and for writing Luvian. My answers to the questions posed in Güterbock 1956b are very different from his: the Anatolian hieroglyphic script was developed in Hattusa, in the mixed Hittite and Luvian environment, for writing Anatolian names and titles on durable objects, such as seals. This happened at the time when the cuneiform script of Mesopotamian origin had been already in use in the Hittite capital for more than two hundred years.³⁵ But what prompted the Hittite rulers and high officials to introduce the new script in addition to the cuneiform for rendering their official signatures?

I believe that this decision was primarily dictated by nationalistic concerns. The Hittite royal seals of the Old Kingdom period, the so-called “*tabarna*-seals”, were inscribed in Akkadian. Even in the later

---

³⁴ For the sake of completeness, one should also mention that the Anatolian hieroglyphs were used for writing divine names in Hurrian on the YAZILIKAYA reliefs (Hawkins 2003: 141) and recording Urartian weight measures on ALTINTEPE pythoi (Hawkins 2000: 588–89). These exceptional cases, however, do not appear to have had any impact on the development of the hieroglyphic writing system.

³⁵ According to the traditional point of view, the North Syrian cuneiform script was adapted to the Hittite language in connection with the Syrian campaigns of Hattusili I (Neu and Rüster 1989: 15). If one follows the Middle Chronology, as the majority of Hittitologists do nowadays, these historical events must be dated to the second half of the 17th century BC (Bryce 2005: 68)

period, the cuneiform periphery of the royal seals could in principle be read in Akkadian as well as in Hittite or Luvian, and there was no easy way to resolve this ambiguity within the cuneiform script, as long as the inscription consisted entirely of personal names and Sumerographic expressions. One could, of course, phonetically render the common nouns making part of the royal title, such as “son” or “king”, but this would make the legends much longer and, in addition, would run afoul of the common practice of writing these words as Sumerograms in Hittite texts. The radical alternative was the invention of an entirely new writing system, which was not in use in Mesopotamia. The choice of this solution could be triggered by the pre-existence of auspicious symbols decorating the central part of Old Kingdom seals.

This change may be compared with a different process, namely the transition from Akkadian to Hittite as the main language of written expression in Hattusa, which was implemented step by step. Certain genres of texts, such as the ritualistic literature pertaining to the official state cult, had been routinely recorded in Hittite at least since the reign of Telibinu. Certain other types of documents, such as royal land grants (*Landschenkungsurkunden*), were always compiled in Akkadian in the Old Kingdom period, but came to be executed in Hittite in the Early New Kingdom (van den Hout, forthcoming). Finally, the bulk of the translation of Mesopotamian epic literature from Akkadian and Hurrian into Hittite appears to have been undertaken in the thirteenth century BC.³⁶ The nationalistic reforms within the sphere of seal production fit well within the general pattern described above. Their only formal peculiarity was that in this case we are dealing not with the shift to the national language, which would have been difficult to implement in a short formulaic text, but with the shift to the national script.

But the difference between these two reforms also had a sociolinguistic dimension. The cuneiform tablets were written and read by the professional scribes, who would have no difficulties discriminating between Akkadian and Hittite. Introducing a new written language must have represented a sufficient way of nationalistic self-expression for this group. The seals, on the other hand, could belong to a variety of officials, not all of which were necessarily literate. Changing a set of obscure foreign signs on their personal signature would do little to

---

³⁶ A number of well-known mythological texts of Akkadian and Hurrian origin (such as the Epic of Gilgamesh or the Hedammu and Ullikummi stories) are known exclusively from New Script fragments. The availability of Middle Script tablets inscribed with the Akkadian and Hurrian versions of the Gilgamesh epic, and the Hurrian version of the Hedammu myth suggests that this gap is probably not accidental. For details on the transmission of the Gilgamesh epic in Hattusa, see Beckman 2003.

boost their sense of national identity. Introducing a set of entirely new symbols whose pictographic shapes would be easily recognizable even to an illiterate person was obviously a better strategy.³⁷

One can easily imagine that the owners of the personal hieroglyphic seals felt the same kind of pride as did Darius I when he intimated at the end of the Bisitun inscription: “By the favor of Auramazda this (is) the *form of writing*, which I have made besides, in Aryan ... Besides, I also made the signature; besides, I made the lineage. And it was written down and was read aloud before me” (DB IV 89–91, Schmitt 1991: 73–74). The Bisitun inscription was likely the first written text ever recorded in Old Persian, but this was the new writing system, not the language, that captured the imagination of the Achaemenid king.³⁸

This leaves us with the question about the underlying language of the first hieroglyphic texts. I suggest that it could be both Hittite and Luvian depending on the individual preferences of the reader. There are no reasons to think that the Hittite and Luvian native speakers viewed themselves as two distinct ethnic groups in Hattusa in the last two centuries of its existence (in fact, the designation “man of Luvia” is never used in written sources after the end of the Old Kingdom period). In a largely bilingual society, in the absence of an open conflict between the two languages, the linguistic associations of the hieroglyphic script may have originally been vague. As Hawkins (2003: 140) aptly observes, even though the names and titles inscribed on seals are attributable *to* a language, these texts are not *in* a language. There is no *linguistic* way to show that their language is either Hittite or Luvian. In practice, this means that certain population groups may have given them a different linguistic attribution from one that had been originally intended. While the court literati probably expected that the hieroglyphic titles be read in

---

³⁷ Cf. Neumann (1992: 27): “Demnach könnte bei der Schöpfung der Hieroglyphen das Streben eine Rolle gespielt haben, in einem mehrsprachigen Land breitere Schichten unmittelbar anzusprechen – mit Hilfe eines neuen Mediums, bei dem jedermann wenigstens einen Teil der Zeichen sofort verstand, nicht nur Schriftgelehrte”.

³⁸ The parallel between the Anatolian hieroglyphs and the Old Persian cuneiform can be carried a step further. Since both writing systems served the goals of nationalistic self-expression, their sphere of application was originally limited to the texts meant for the visual consumption by the general public. Traditional writing systems, such as the Mesopotamian cuneiform and (in the case of Iran) the Aramaic alphabetic writing, continued to be used for day-to-day administrative purposes. The difference between the two situations lies in the further destinies of the innovative scripts. The use of the Old Persian cuneiform died out when the Achaemenid Empire collapsed, whereas the Anatolian hieroglyphs outlived the fall of the Hittite Empire and remained the only writing system in use by the “Neo-Hittite” states.

Hittite, the same titles could have received the Luvian interpretation among the common people of Hattusa. This interpretation was particularly likely given that many names of the local high officials were, after all, Luvian in origin.³⁹

The extent to which the new script came into private use in the Hittite kingdom depends on the unsolved problem of wooden waxed boards, which were quite popular in Late Bronze Age Anatolia (Symington 1991). A large group of scholars are of the opinion that they were sometimes used for the writing of the Anatolian hieroglyphic script (see lately Uchitel 2005: 55).⁴⁰ A different group of scholars (e.g. Marazzi 1994) continue to maintain that wooden boards were always used for writing cuneiform. Although chances of finding a Hittite wooden board with traces of signs preserved on it are rather slim, the discovery of Late Bronze Age private letters or business transactions recorded on different media conducive to tracing hieroglyphic signs, such as lead strips, may eventually contribute to the resolution of this controversy.

Pending this or similar archaeological evidence, the considerations that follow must be regarded as speculative. But if the Anatolian hieroglyphs were indeed used for private records, this could provide an appropriate context for the emergence of their secondary association with the Luvian language. If the Luvian speakers constituting the bulk of the Central Anatolian population appropriated the hieroglyphic script, presumably enticed by its iconicity, they had no reason to use it for writing Hittite. The first private documents possibly represented formulaic business notes, where the use of syllabic signs was limited to proper nouns, just as on Hittite seals. The Iron Age KULULU lead strips (Hawkins 2000: 506–11), where all the phonetic complements are perfectly redundant, give a good idea of what such documents might have looked like. When the phonetic complements and the full phonetic spellings eventually appeared, they could have only reflected the Luvian language used for dictating the respective business records.

---

³⁹ One argument for the widespread transmission of the first hieroglyphic inscriptions as Luvian is the tripartite opposition <Ca> / <Ci> / <Cu> within the system of hieroglyphic signs correlating with the Luvian three-vowel system, as opposed to the Hittite five-vowel system.

⁴⁰ The claim that all the Anatolian wooden boards were inscribed in the hieroglyphic script has, in my opinion, little to recommend itself. We know that this writing implement was also used in Mesopotamia, in particular in Assurbanipal's library (Parpola 1983). Compare also the mention of Kizzuwatna wooden boards inscribed with Hurrian rituals (Miller 2004: 513, fn. 941, 944). But it is easier to draw hieroglyphic images on wax than on clay, and wooden boards, originally designed for writing in the cuneiform, may have secondarily contributed to the proliferation of the new writing system.

The creation of a full-fledged phonetic script might, in its turn, have given rise to new kinds of hieroglyphic texts, such as ownership inscription similar to the ANKARA bowl, or private letters. Once again, we do not have any specimens of the latter category of documents from the Empire period, but their appearance need not have been different from that of the Iron Age ASSUR letters (Hawkins 2000: 534–37). Eventually, the Luvian language associated with the hieroglyphic script might have become the preferred vehicle of all-purpose written communication outside the palatial sphere. This would explain why the last Hittite rulers accepted Luvian as the language of their monumental inscriptions. The real choice was in favor of the Anatolian hieroglyphs, deemed suitable means of nationalistic self-expression, whereas the Luvian language probably came along as a part of the package deal.⁴¹ It must have been easier for the hieroglyphic scribes to design the monumental inscriptions if they could use the familiar linguistic conventions, while the rulers had no reasons to insist on using Hittite. The widespread use of the Luvian “*Glossenkeil*-words” attested in the texts attributed to the thirteenth-century kings of Hatti suggests that these kings, unlike their predecessors, did not shy away from code-switching even in their own public discourse.

The functional extension of hieroglyphic writing in the late Empire period independently allows one to explain why it survived the “Dark Age” that followed the disintegration of the Hittite Empire in the early twelfth century BC. This period witnessed the abandonment of the cuneiform in central Anatolia, reflecting the fact that the writing system used primarily for administrative purposes cannot survive without state sponsorship. The same political upheavals must have decreased the demand for large-scale stonework, as indicated by the small number of monumental hieroglyphic inscriptions datable to the last two centuries of the second millennium BC (cf. Hawkins 2000: 19). The ostensive revival of hieroglyphic writing in the early first millennium BC can be best explained on the assumption that the scribal lore continued to be transmitted in the interim period in response to the mundane needs of private individuals.

---

⁴¹ This explanation is different from the hypothesis of van den Hout 2006: 235, according to which the choice of Luvian as the language of public monuments directly reflected the “alleged solidarity” of the Hittite kings with the common population of the Empire. Even if the desire to please the common people was one of the factors involved in this decision, the choice of the Hieroglyphic script was a more efficient way to achieve this goal. The illiterate spectators would hardly have been able to figure out the underlying language of the inscriptions, but everyone could see the difference between the hieroglyphs and the cuneiform signs.

I must repeat at the risk of seeming tedious that the private circulation of Luvian hieroglyphic texts in the in the thirteenth century BC finds but a minimal support in the archaeological record. The ANKARA bowl is the only relevant text of more than one sentence in length that does not emanate from the royal administration. By contrast, the Hattusa origin of the Anatolian hieroglyphs follows from the available archeological evidence taken at face value and supported by the internal analysis of the script. Thus, whatever one thinks about the evolution of the Hieroglyphic script in the Hittite Empire and thereafter, there is no reason to believe that the Hittites borrowed it from anyone else in the Early New Kingdom period.

REFERENCES

- Alp 1968 – Sedat Alp. Zylinder- und Stempelsiegel aus Karahöyük bei Konya. TTKY V/26. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
- Beckman 2003 – Gary Beckman. Gilgamesh in Hatti // *Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of his 65th Birthday*. Ed. G. Beckman et al. Winona Lake, IN: Eisenbrauns. P. 37–57.
- Boehmer, Güterbock 1987 – Rainer M. Boehmer, Hans G. Güterbock. *Glyptik aus dem Stadtgebiet von Boğazköy*. BoHa 14. Berlin: Mann.
- Bossert 1954 – Helmuth Th. Bossert. Das hethitische Felsrelief bei Hanyeri (Gezbeli) // *Orientalia* 23: 129–47.
- Börker-Klähn – Jutta Börker-Klähn. Archäologische Anmerkungen zum Alter des Bild-Luwischen // *Atti del II Congresso Internazionale di Hittitologia*. Ed. O. Carruba et al. *Studia Mediterranea* 9. Pavia: Gianni Iuculano. P. 39–55.
- Bryce 2005 – Trevor Bryce. *The Kingdom of the Hittites*. New Edition. OUP.
- Darga, Starke 2003 – Muhibbe Darga, Frank Starke. Eine Tonbulle mit hieroglyphen-luwischem Siegelabdruck aus Şarhöyük-Dorylaion // *Studia Troica* 13: 161–64.
- Carruba 1974 – Onofrio Carruba. Tahirwaili von Hatti und die hethitische Geschichte um 1500 v. Chr. // *Anatolian Studies Presented to Hans Gustav Güterbock on the Occasion of his 65th Birthday*. Ed. K Bittel et al. *PIHANS* 35. P. 73–93.
- Ehringhaus 2005 – Horst Ehringhaus. Götter, Herrscher, Inschriften. Die Felsreliefs der Hethitischen Grossreichzeit in der Türkei. In collaboration with F. Starke. Mainz: Philipp von Zabern.
- Gignoux 1978 – Philippe Gignoux. *Catalogue des sceaux, camées et bulles sasanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre*. Paris.
- Goedegebuure, forthcoming – Petra Goedegebuure. The Cuneiform Luvian Adverb zanda ‘together, down’ // *Proceedings of the VIIth International Congress of Hittitology (Çorum, Turkey, 2008)*. Ed. A. Süel.
- Güterbock 1956a – Hans G. Güterbock. Notes on Luvian Studies. (A propos B. Rozenkranz’s Book Beiträge zur Erforschung des Luvischen) // *Orientalia* 25: 113–40.

- Güterbock 1956b – Hans G. Güterbock. Review of *Die Welt der Hethiter* by Margarete Riemschneider (Stuttgart: G. Kilpper, 1954). *OLZ* (1956): 512–522.
- Güterbock 1998 – Hans G. Güterbock. Notes on Some Luwian Hieroglyphs // *Mír Curad: Studies in Honor of Calvert Watkins* / Ed. J. Jasanoff et al. Innsbruck: Inst. der Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck. P. 201–04.
- Güterbock, Alexander 1983 – Hans G. Güterbock, Robert L. Alexander. The second inscription on Mount Sipylus // *Anatolian Studies* 33: 29–32.
- Hackett 2004 – Ann Hackett. Phoenician and Punic // *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Ed. R. Woodard. CUP. P. 365–85.
- Hawkins 1986 – J. David Hawkins. Writing in Anatolia: Imported and Indigenous Systems // *World Archaeology* 17/3: 363–74.
- Hawkins 1995 – J. David Hawkins. The Hieroglyphic Inscription of the Sacred Pool Complex at Hattisa (SÜDBURG). *StBoT, Beiheft* 3. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Hawkins 1997 – J. David Hawkins. A Hieroglyphic Luwian Inscription on a Silver Bowl in the Museum of Anatolian Civilizations, Ankara // *Anadolu Medeniyetleri Müzesi. 1996 Yıllığı*: 7–22.
- Hawkins 1998 – J. David Hawkins. Tarkasnawa King of Mira, 'Tarkondemos', Boğazköy sealings and Karabel // *Anatolian Studies* 48: 1–31.
- Hawkins 2000 – J. David Hawkins. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*. Volume I. Part I, II: Texts; Part III: Plates. Berlin-New York: W. de Gruyter.
- Hawkins 2003 – J. David Hawkins. *Scripts and Texts // The Luvians* / Ed. C. Melchert. *HdO* 1/68. Leiden-Boston: Brill. Pp. 128–69.
- Hawkins 2005 – J. David Hawkins. A Hieroglyphic Luwian Inscription on a Silver Bowl // *Studia Troica* 15: 193–204 (reprint of Hawkins 1997 with additions and corrections).
- Hawkins, Morpurgo-Davies 1998 – J. David Hawkins, Anna Morpurgo-Davies. On Donkeys, Mules, and Tarkondemos // *Mír Curad: Studies in Honor of Calvert Watkins* / Ed. J. Jasanoff et al. Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. P. 243–60.
- Herbordt 2005 – Suzanne Herbordt. Die Prinzen- und Beamtensiegel der hethitischen Grossreichszeit auf Tonbullen aus dem Nişantepe-Archiv in Hattusa. *BoHa* 19. Mainz: Philipp von Zabern.
- Van den Hout 2006 – Theo Van den Hout. Institutions, Vernaculars, Publics: the Case of Second-Millennium Anatolia // *Margins of Writing, Origins of Cultures*. Ed. S. Sanders. Chicago: Oriental Institute. Pp. 217–56.
- Van den Hout, forthcoming – Theo Van den Hout. Reflections on the Origins and Development of the Hittite Tablet Collection in Hattuša and Their Consequences for the Rise of Hittite Literacy. To appear in conference proceedings.
- Houwink ten Cate 1992 – Philo H. J. Houwink ten Cate. The Bronze Tablet of Tudhaliyas IV and its Geographical and Historical Relations // *Zeitschrift für Assyriologie* 82: 233–70.
- Kloekhorst 2007 – Alwin Kloekhorst. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.

- Laroche 1969 – Emmanuel Laroche. Les hiéroglyphes hittites. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.
- Latacz 2004 – Joachim Latacz. Troy and Homer: Towards a Solution of an Old Mystery. Transl. K. Windle and R. Ireland. Oxford University Press.
- Marazzi 1994 – Massimiliano Marazzi. Ma gli Hittiti scrivevano veramente su “legno”? // *Miscellanea di studi linguistici in onore di Walter Belardi* / Ed. P. Cipriano et al. Rome: Calamo. P. 131–60.
- Melchert 1987 – H. Craig Melchert. *Studies in Memory of Warren Cowgill (1929–1985)* // Ed. C. Watkins. Berlin-New York: Walter de Gruyter. P. 182–204.
- Melchert 1993 – H. Craig Melchert. *Cuneiform Luvian Lexicon*. Chapel Hill: self-published.
- Melchert 1994 – H. Craig Melchert. *Anatolian Historical Phonology*. Amsterdam: Rodopi.
- Melchert 1999 – H. Craig Melchert. Hittite karzan- ‘basket of wool’ // *Studi e Testi II*. Ed S. de Martino and F. Imparati. Eothen 10. P. 121–32.
- Melchert 2003 – H. Craig Melchert. *Language // The Luvians* / Ed. C. Melchert. HdO 1/68. Leiden-Boston: Brill. Pp. 170–210.
- Melchert 2005 – H. Craig Melchert. *The Problem of Luvian Influence of Hittite // Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17.–23. September 2000, Halle an der Saale*. Wiesbaden: Reichert. Pp. 445–59.
- Miller 2004 – Jared Miller. *Studies in the Origins, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals*. StBoT 46. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.
- Mora 1987 – Clelia Mora. *La glittica anatolica del II millennio A.C.: Classificazione tipologica*. *Studia Mediterranea* 6. Pavia: Gianni Iuculano.
- Mora 1991 – Clelia Mora. *Sull’origine della scrittura geroglifica anatolica // Kadmos* 30: 1–28.
- Mora 2007 – Clelia Mora. *Three Metal Bowls // Vita: Festschrift in Honor of Belkıs Dinçol and Ali Dinçol*. Istanbul: Ege Yayınları. P. 515–20.
- Morpurgo-Davies 1987 – Anna Morpurgo-Davies. “To put” and “to stand” in the Luvian Languages // *Studies in Memory of Warren Cowgill (1929–1985)* / Ed. C. Watkins. Berlin-New York: Walter de Gruyter. P. 205–28.
- Mouton 2002 – Alice Mouton. *Glyptique cappadocienne et hieroglyphes anatoliens // SMEA* 44/1: 83–113.
- Neu, Rüter 1989 – Erich Neu, Christel Rüter. *Hethitisches Zeichenlexicon: Inventar und Interpretation der Keilschriftzeichen aus den Boğazköy-texten*. StBoT, Beiheft 2. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Neumann 1992 – Günter Neumann. *System und Aufbau der hethitischen Hieroglyphenschrift // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, philologisch-historische Klasse (1992/4)*: 25–48
- Oettinger 1979 – Norbert Oettinger. *Die Stammbildung des Hethitischen Verbuns*. Nürnberg: H. Karl.
- Otten 2000 – Heinrich Otten. *Ein Siegelabdruck Duthalijaš I // Archäologischer Anzeiger (2000)*: 375–76.
- Parpola 1983 – Simo Parpola. *Assyrian Library Records // JNES* 42/1: 1–29.

- Peschlow-Bindokat 2002 – Anneliese Peschlow-Bindokat. Die Hethiter im Latmos. Eine hethitisch-luwische Hieroglyphen-Inschrift am Suratkaya (Beşparmak/Westtürkei) // *Antike Welt* 33/2: 211–15.
- Rieken 2006 – Elisabeth Rieken. Zum hethitisch-luwischen Sprachkontakt in historischer Zeit // *Altorientalische Forschungen* 33: 271–85.
- Rieken 2007 – Elisabeth Rieken. Die Zeichen <ta>, <tá> und <tà> in den hieroglyphen-luwischen Inschriften der Nachgroßreichszeit // *SMEA* 49/2: 637–48.
- Schachner, Meriç – Andreas Schachner, Recep Meriç. Ein Stempelsiegel des späten zweiten Jahrtausend v. Chr. aus Metropolis in Ionien // *SMEA* 42/1: 85–102.
- Schmitt, Rüdiger. 1991. The Bisitun Inscription of Darius the Great: Old Persian Text. *Corpus Inscriptionum Iranicarum* 1.1.1. London: School of Oriental and African Studies.
- Symington 1991 – Dorit Symington. Late Bronze Age Writing Boards and Their Uses: Textual Evidence from Anatolia and Syria // *Anatolian Studies* 41: 111–23.
- Tischler 1990 – Johann Tischler. Hethitisches Etymologisches Glossar. Lieferungen 5–6 (L-M). Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Uchitel’ 2005 – Alexander Uchitel’. Assignment of personnel to cultic households in Mycenaean Greece and the Hittite Empire. (PY TN 316 and KBo XVI.65) // *Kadmos* 44: 51–69.
- Ünal, Ertekin, Ediz 1991 – Ahmet Ünal, A. Ertekin, and I. Ediz. The Hittite Sword from Boghazköy-Hattusa, found in 1991 and its Akkadian inscription // *Museum* 4: 46–52.

“LINGUISTIC THOUGHT” OF MYCENAEAN SCRIBES

By this paper I would like to draw attention to a problem often overlooked by mycenologists, that of a special study of the perception of a syllabic written text. It has been a commonly accepted practice to rely on a certain set of writing rules and to apply them automatically to reading as well¹. Meanwhile, the problem of reading, i.e., of the perception of a written text, has remained outside the mainstream of mycenological research, despite the indisputable significance of reading as an institutionalized component of the palace culture for our general comprehension of Mycenaean culture.

Among the Modern history's popular myths, one of the most naive and lovely is that of the Antiquity as the age of childhood – a golden childhood – of European culture. While the Greek archaic and classic periods are described as the cradle of European culture, the Mycenaean civilization may, at the best, claim to be regarded as a stage almost embryonic and, as such, is excluded from a cultural interpretation. It is striking though that, for all this, nobody has disputed the complexity of Mycenaean civilization. Yet, simplistic myths of this kind continue, partly because they have been long-lasting and widely spread, partly because their eradication turns out to be difficult due to the narrowness of the circle of scholars familiar with Mycenaean materials.

Henry Hankey's beautiful picture which J. Chadwick placed on the cover of his popular book² (a knelt boy manufacturing tablets, a man writing with obvious difficulty and another man supervising them both with a club in his hand) gives a clear and vivid idea of the Mycenaeans as semi-literate people. No less characteristic are remarks on «poor adaptation of the Mycenaean graphic system to rendering Greek words» or statements that «the incompatibility of the Mycenaean graphic system with the phonetic system is the main factor which complicates, or sometimes renders utterly impossible, the interpretation of the Mycenaean lexicon» (e.g. S. Sharypkin in: Molchanov, Neroznak,

---

¹Reading rules, which are, in fact, rather rules for writing, were formulated by M. Ventris and J. Chadwick in their first publication as early as 1953. Cf. also: Chadwick 1967, where Chadwick dwells on the peculiarities of 'Mycenaean scribes' activity.

²«I am much indebted for it (an attempt to reconstruct the scene in the archive room at Pylos – NK) to the Hon. Henry Hankey, who very kindly painted the picture following a brief I drew up» (Chadwick 1976:19).

Sharypkin 1988: 81). Solomo Luria has put it even more clearly and sharply, noting (Luria 1957) that the Mycenaean form *e-ke* may have 16 different readings! Indeed, Mycenaean graphic rules do allow coding 16 sound sequences by means of these two signs³. This, however, applies to the writing rules; rules for reading might have been less ambiguous. In Russian, the sequence of characters Доде can scarcely lead the reader so far as to confusion of /dod'e/ – the dative case of a diminutive form of a personal name stressed on the first syllable – and the name of a writer (Daudet). Why should we think, then, that a Mycenaean scribe, a literate person trained at a scribal school (how else can we explain the uniformity of both the orthography and the format of documents in the entire area of spread of Mycenaean culture from Thebes in Beothia to Pylos in Peloponnesos, and from Cnossos or Chania on Crete to Mycenae and Tiryns?), spelled a text syllable by syllable, selecting one of some 16 options for each word? Wouldn't it make more sense to assume that the Mycenaean literate man simply read instead of going through the options resulting from imperfection of the graphic system? Isn't it more possible to suppose that this imperfection itself is illusory and is connected solely with writing, but by no means with decoding the written fixation of a speech act?

A Mycenaean scribe did not write for himself. We know this definitely, as texts were often corrected, amended, specified and supplemented by another hand. How could such an imperfect writing system exist, moreover, get spread over half a dozen of state centers so remote from one another if it was indeed so bad? Reading syllable by syllable, so persistently and unanimously postulated for the Mycenaean scribes, could scarcely be justified by the administrative practices of the Mycenaean epoch. Let us imagine a reference to a document⁴ at an actual trial. Could a scribe, in the presence of the King (*wa-na-ka*) and the Council (*ke-ro-si-ja*), or facing the people (*da-mo*), allow reading in the manner of a modern dyslexic? This seems extremely doubtful. Yet, the belief in the Mycenaean semi-literacy has established itself so firmly that the work of Mycenaean scribes sometimes appears to be best described in terms borrowed from medical surgery rather than linguistics.

This belief probably arises from the notion of superiority of the ancient Oriental culture for which nobody has ever dared to postulate semi-literacy. A poor adaptation of the Mycenaean graphics and impossibility of its usage for the fixation of texts have become one of the

---

³ «At any rate, this graphic principle is very inconvenient for Greek, which has been the cause of its further alterations» – Tronsky 1973: 84.

⁴ E.g., a purchase contract, whose existence as a self-contained genre of legal documents, indirectly reflected in a separate group of Cnossos tablets, has been proved by J.-P. Olivier (Olivier 1987: 479–498).

axioms not only in mycenology, but also in the history of Greek culture in general.

In my opinion, the sole cause of a wide proliferation of these concepts is to be sought in the absence of any attempts at typological interpretation of Mycenaean texts from the point of view of the perception of information, i.e., of reading. The contrast between the Mycenaean syllabic and the Greek alphabetical systems is, naturally, immense. They differ in their very approach to the text: the segmentation into words is common in Mycenaean texts vs. the fixation of speech flow in early Greek alphabetic inscriptions, e.g., those written in boustrophedon. What strikes the eye here is the difference in the concept of a basic text (or speech) unit. The strict singling out of a word is the foundation of the Mycenaean linguistic analysis. The recognition of a word is the basis of reading in Mycenaean; and the significance of the word as a language unit for the Mycenaean mode of writing has been already stated by scholars. Yet, the next step – the conclusion that words were recognizable for the reader – has not been made. To put it differently, if we regard the word as the basic unit of a Mycenaean text, isn't it natural to suppose that the reader at once recognized a word as an integral sign with all its distinctive features? The text was written – syllable by syllable or word by word – with a certain degree of approximation to the actual pronunciation, but was read word by word (not sign by sign, as is commonly assumed nowadays) and was voiced in the manner common for standard official oral speech. We can, therefore, assume a fundamental difference in the principles of the fixation and perception of text between the Mycenaean (as based on the recognition of words) and the alphabetical (based on the reproduction of a sound sequence) system of writing.

This difference has an important implication. In alphabetical Greek texts morphological elements are written out with an extreme accuracy, while in the Mycenaean syllabic script they are marked off in a rather slap-dash way. We can speak of a principal neglect of inflection in the Mycenaean graphic system, despite the fact that the Greek language of the Mycenaean epoch as well as of the following centuries is a classical example of a language based on flexion (fusion). To have an example, let us list the paradigm of the word (*w*)*oikos* 'house' as it would have looked in Mycenaean and alphabetic Greek:

Case	Mycenaean script	Greek
Nom. sg.	*wo-(i)-ko	(F)οἶκος
Acc. sg.	*wo-(i)-ko	(F)οἶκον
Gen. sg.	*wo-(i)-ko-jo	(F)οἴκοιο
Dat. sg.	*wo-(i)-ko	(F)οἴκωι
Allat. sg.	wo-(i)-ko-de	(F)οἴκωνδε
Loc. sg.	*wo-(i)-ko	(F)οἴκοι

It is not difficult to notice that Mycenaean writing yields no evidence reliable enough for us to draw conclusions about the grammar (genitive and allative excluded). This neglect of grammar is obvious, which does not at all mean that Mycenaean scribes somehow managed without the full stock of grammatical markers, so typical of Greek, in their everyday colloquial speech. The fact that the same Mycenaean scribes had, however, almost no need of grammar marking in written speech is an interesting contradiction only in part reducible to the opposition *orality* : *literacy* as formulated for the Greek and Roman cultures. It appears wiser at this point to avoid lapsing into a straightforward evaluation of these facts and to look for some typological parallels for the Mycenaean features of the fixation and decoding of a text at a later cultural stage, both in and outside Greece. Thus, we would like to turn to abbreviations in ancient Greek papyri and medieval Greek manuscripts as parallels within the domain of the Greek language.

Papyri have been treated in a comparatively recent monograph by Kathleen McNamee, who has provided a detailed account of the cases of violation of the linearity principle in the Greek writing (McNamee 1981: 118–119). It would be reasonable to quote here the classification she has proposed, especially since it is minuter than those of her predecessors are.

1. A non-final character is superscript, the word reads from top to bottom, e.g. $\begin{matrix} \eta \\ \mu \end{matrix} = \acute{\eta}\mu(\acute{\epsilon}\rho\alpha\nu)$

2. Several non-final characters are superscript, the word reads from bottom to top: $\begin{matrix} \omicron \\ \kappa \end{matrix} = \kappa\omicron\iota(\nu\acute{\eta})$.

Cf. also character sequences read in the same direction:

$$\begin{matrix} \omicron \\ \mu \end{matrix} = \mu\omicron(\iota\rho\alpha). \quad \begin{matrix} \rho \\ \omicron \\ \chi \end{matrix} = \chi\rho\rho(\acute{\omicron}\varsigma)$$

3. One (several) character(s) is/are inscript into another character:

$\text{\textcircled{A}} = \lambda\epsilon(\iota\pi\epsilon\iota)$.

4. Three characters are written in a vertical string which reads from middle to bottom, the top character being added at the end; thus the word παλαιός would be written by means of three characters as shown:

$$\begin{matrix} \lambda \\ \pi \\ \alpha \end{matrix}$$

5. Combination of a superscript character with an abbreviation sign.

6. Monograms of the type $\text{\textcircled{O}} = \omicron\iota\omicron\nu$, $\text{\textcircled{H}} = \pi\eta(\chi\acute{\omicron}\varsigma)$.

7. The first character differs from the rest in shape and size:

$\sigma\iota = \sigma\acute{\iota}(\tau\omicron\varsigma)$.

8. Other features, chiefly involving subscript characters like

$\Theta\eta\beta = \Theta\eta\beta(\alpha\iota\omicron\varsigma)$.

To a certain extent, Mycenaean abbreviations are comparable with the papyrus data quoted above⁵. Leaving ideograms (pictures) aside, let us survey instances of acrophonic abbreviation. These are particularly frequent in enumeration of spices (𐀓 SA = sa-sa-ma 'sesame', 𐀕 MA = ma-ra-tu-wo 'fennel', etc.). Especially striking is coincident abbreviation of the word δεσμαί 'sheaf (of cane)' in Mycenaean (abbreviated: 𐀘 de) and in Greek household papyri from Hellenistic Egypt (abbreviated: δε) (Ventris, Chadwick 1973: 593).

Apart from symbols with a purely syllabic value, the Mycenaean script makes use of ideograms that designate a certain concept. In scholarly research, these ideograms are usually treated from a purely functional viewpoint: as has been stated, they never assume the function of the determinative, as is common in cuneiform texts; they are placed at the end of a line as a brief summary of the information preceding them; they may render concepts which are either general (*110-118 designate the concepts of volume, measure and weight) or extremely concrete (*200-219, *226-229, *250 designate various types of vessels ranging from a bullhead-shaped *rhyton* (*227) to an amphora *209).

According to the manner of designation, ideograms may be divided into the following classes.

I. Ideograms proper, i.e. signs of concepts, include:

1) numbers

| 1 || 2 ||| 3 |||| 4 ||||| 5 ||||| 6 ||||| 9

– 10 = 20 etc.

o 100 oo 200 ooo 300 etc.

o 1000 oo 2000 ooo 3000 etc.

2) designations of measures:

a) of weight and volume:

*116 N 𐀓 *111 V 𐀔 *110 Z 𐀕 *113 S 𐀖 *115 P 𐀗

*114 Q 𐀘 *112 T 𐀙 *117 M 𐀚 *118 M 𐀛

b) presumably also of time:

⁵ Claire Préaux was the first to systematically compare the Mycenaean and Hellenistic modes of writing (Préaux 1959: 79–85). Since this publication, there have been undertaken practically no systematical comparisons. Moreover, a feature significant for our research has not been noticed at all: abbreviations appear rather late in the Greek tradition, although the earliest inventory lists date back to the early Classic.

*173 LUN «a lunar month»

3) ostensive ideograms (pictograms):

a) of people, including the ideograms for «man» *101 VIR

and «woman» *102 MU

b) of animals: *104 CERV *105 EQU *106 OVIS

*107 CAP *108 SUS *109 BOS

c) of vessels:

*155^{VAS} *200^{VAS} *201^{VAS} *202^{VAS} *203^{VAS}

*204^{VAS} *206^{VAS} *207^{VAS} *208^{VAS} *209^{VAS}

*210^{VAS} *212^{VAS} *213^{VAS} *214^{VAS} *215^{VAS}

*216^{VAS} *217^{VAS} *218^{VAS} *219^{VAS}

*222^{VAS} *227^{VAS} *228^{VAS} *229^{VAS}

including such complex signs as *225 ALV *226^{VAS}

d) of arms:

*162 TUN *191 GAL *230 HAS

*231 SAG *254 JAC *233 PUG

e) of chariots:

*240 BIG *241 CUR *243 ROTA

f) of plants:

*121 HORD *122 OLIV *125 CYP

g) of metals:

*141 AUR *140 AES

h) of food:

*130 OLE *131 VIN *123 AROM

i) of fabric and clothes:

*159 TELA

4) unidentified ideograms:

*190 *142 *146 *150
 *152 *154 *158 *160 *164
 *165 *170 *171 *174 (+we) *177
 *183 *245 *257 *256

* * *

Among these ideograms we may distinguish pictograms and ideograms with a phonetic value. An ideographic function may be assumed either by pictures that have nothing in common with phonetic

signs (*225 ALV *226^{VAS} *162 TUN *191 GAL
 *230 HAS *231 SAG *254 JAC *233 PUG

*240 BIG *241 CUR *243 ROTA), or by signs which, although having an ideographic value, are arranged acrophonically. In the former case we are simply dealing with an element of pictorial writing, whereas in the latter case we are confronted with an ideogram, which is an abbreviation in no way (except for its syllabic form) different from those found in an alphabetic script (e.g. abbreviations in encyclopedias).

II. Abbreviation of a word to its first syllable. Acrophonic principle of ideogram composition

This usage of the ideogram as a syllabic sign was found by G. Neumann for a fig-tree ($\overset{X}{Y}$ /ni/) whose designation is built after the acrophonic principle: according to Hesychios of Alexandria, the Cretans used for a fig-tree as late as during the Hellenistic period: νικύλεα· σῦκα (Neumann 1958: 156–158). Cases like this are well-known, cf. $\overset{X}{Y}$ SA = *ri-no*, where the initial syllable stands for an unattested non-Greek word used as an ideogram according the acrophonic principle. Such writing is

especially frequent in enumeration of species: Υ SA = *sa-sa-ma* «sesame», Υ MA = *ma-ra-tu-wo* «fennel», Υ KO = *ko-ri-ja-do-no* «coriander», Υ KU = *ku-mi-no* «caraway», Υ MI = *mi-ta* «mint». The

ideographic use of the syllabic sign *65 /ju/ = *129 FAR may also belong to this category.

III. Combination of an ideogram and signs based on the acrophonic principle

In some cases, the acrophonic principle is combined with an ideogram:

- a) identifiable: *211^{VAS} +PO or
- b) non-identified: *153 *189 *174 (+we) *246
 *178 *180 *182 *179 *253

IV. Logograms

A special group of compound symbols is formed by logograms, i.e., by two or more syllabic signs in a ligature constituting a word and thus rendering a concept. Logograms may only be used in the position characteristic of ideograms; they are often read from top to bottom in compliance with the spirit and general principles of Mycenaean script. Yet, an equally great number of logograms read from bottom to top. Logograms can be subdivided as follows:

1) Logograms which can be read horizontally: there are no safe examples, but it is not improbable that the ideogram *161 may originally represent the ligature Υ /pe/ + Υ /pu₂/.

2) Logograms which can be read vertically:
 a) from top to bottom.

Ideogram *156 TURO₂ is obviously a ligature of signs Υ /tu/ + Υ /ro₂/. The meaning «cheese» appears when pronouncing the sequence of syllabic signs /tu+ryo/ read down from the top. Similarly, ideogram *135

MERI reads as a word, also down from the top: Υ /me/ + Υ /ri/ and

*120 GRA has been read as a logogram by in Cornelis J. Ruijgh (Υ /si/ + Υ /to/) (W. F. Wyatt // Kadmos 1968. Bd 7, 100; C. J. Ruijgh //

Kadmos 1970. Bd 9. 173). Ideogram *157 (we+wi vel wi+we) might also belong to this category.

b) from bottom to top. The ideogram for «wool» which has been conventionally rendered as *145 LANA is in reality a ligature of syllabic signs /ma+/ru/ MA+RU behind which lurks a word cognate to μάλλυκες · τρίχες attested in Hesychius. Similarly the logogram *127 KAPO is a ligature of signs ⊕ /ka/ + 𐀓 /po/ = KA+PO /karpos/ «fruit». The ideogram for «saffron» is also a ligature, this time of three signs, and is read from bottom to top: ⊕ /ka/ + 𐀓 /na/ + 𐀓 /ko/ = KA+NA+KO /knākos/. Similarly logogram *133 AREPA consists of syllabic signs 𐀓 /a/ + 𐀓 /re/ + 𐀓 /pa/ disguising the word /aleiphar/.

c) sign inscript in another sign. There are no reliable examples.

Possibly, 247 DIPTE might read inside out as 𐀓 /di/ + 𐀓 /pte/. This method of designation is often utilized in combination of ideograms with a phonetic determinative, e. g., *258 .

V. Ideograms with a phonetic determinative

Just like logograms and compound ideograms, these can be read in different directions: the usual reading is from top to bottom, but reading from bottom to top and from outside inside also occurs. These signs are used to note the whole word and suit the perception of a word as a unity. Due to this fact, a text acquires a second dimension, whereby a sign sequence is read as a linear text from left to right, while the isolated ideograms are read from top to bottom.

It is of interest how animal gender is designated – the difference between the ideogram BOS «bull, cow» differs from BOS^m by lacking the sign 𐀓 /pa/ in the first ideogram. This sign does not, however, become a logogram, i.e., it is not pronounced as 𐀓 /mu/ + 𐀓 /pa/, as is the case with sign *127 KAPO /karpoi/, but the ideogram is understood as a single and indivisible sign for the word «ox». A counterpart to this indivisible sign is furnished by a variant of the ideogram with a subscript syllabic sign resembling 𐀓 /wo/ which denotes a «cow». This opposition of male and female genders is characteristic of all other animals with the

exception of fallow deer (*104 CERV) and donkey for which the ideogram is unknown.

VI. Ligatures of two signs rendering one word by an ideogram strengthened by a phonetic sign used acrophonically

a) a phonetic sign is subscript:

Such usage does not render the whole concept but only specifies an ideogram and occurs in many compound signs: *108+KA (SUS+KA) = /kaper/. In all probability, on the semantic level the subscript syllable /KA/ under the ideogram for «swine» only specifies the generic meaning «swine», whereas on the linguistic (phonetic) level it causes substitution of the reading (pronouncing) /kaper/ «hog» for /sus/ in the same way as the syllable /SI/ subscript under the ideogram for «swine» in the compound sign *108 + SI (SUS+SI) = /sialos/ only specifies the generic meaning «swine», turning it into the word /sialos/ «hog». A similar semantic supposedly determines the SI under the ideogram for «bull»: *109 + SI (BOS+SI) = /sialos/, as well as the combination *106+TA (OVIS+TA) – the meaning of the second element is unknown. A combination of signs also stands for a single word in cases when a phonetic sign is superscript, e.g. *212^{VAS}+U (+ ^f) = u-do-ro /hudroi/ – two signs stand for only one word. The same may hold for combination *146+PE with undiscovered meaning. In all these cases the combination of an ideogram and a phonetic sign serves to designate one word, and thus this mode of notation is typologically close to approaches what we observe in the cuneiform script (cf. Hittite designation of vessels ^{DUG}hapuwai- n., ^{DUG}hariuli- n., etc.), where a sign designates a generic concept. In Mycenaean texts, there is only a hint at the phonetic part: the indication of the word-initial syllable.

b) a phonetic sign inscribed in an ideogram.

*159+TE (TELA+TE) = /te-pa/ «carpet fabric» was probably used as a single word, unlike *159+PA (TELA+PA) = /puktalia/ «cloak fabric», *159+PU (TELA+PU) = /puktalia/ «fabric folded twice». The meanings of *159+KU (= TELA+KU) and *159+ZO (=TELA+ZO) are unknown; it, therefore, appears impossible to define whether they rendered one word or two. The signs *162+KI (TUN+KI) and *162+QE (TUN+QE) also defy definition, whereas in the case of *162+RI (TUN+RI) = /kithōn litinos/, Mycenaean scribes rendered a word group by an ideogram.

It is beyond doubt that only one word is disguised by the notations

*209^{VAS}+A = a-pi-po-re-u /amphiporeus/ and *210^{VAS}+KA = ka-ra-re-we /khlārēwes/; the proof thereof is furnished by Hesychius' gloss χλαρόν· ἐλαιηρός κώθω. And the word δέπας probably lurks behind one of the ideograms with an inscript determinative DI: *202^{VAS}+DI, *214^{VAS}+DI.

The ideogram *211^{VAS} (+PO) = po-ti-ni[, po-ti-[ ]-we (meaning unknown) does not allow to say definitely how many words lurk behind it, as well as *258 (+WI) (meaning unknown). The same is true of *166+WE and *167+PE, both with unknown meanings, where syllabic signs are written across the respective ideograms (the last sign includes WE).

VII. Ligatures of signs rendering two words: the first word ideographically, the second one acrophonically

a) The phonetic sign is superscript: *244 ROTA+TE = /armo termidwen/ «rimmed wheel». The undoubtedly compound sign *244 ROTA+TE stands for two words, whereby syllabic sign *04 = /te/ is added on top of the ideogram *243 ROTA . The resulting ideogram should read as /armo termidwen/, «rimmed wheel», i.e. one (compound!) sign contains two words, of which the first one is rendered ideographically, the second one – acrophonically, by the initial syllable of the word. Something similar has to be postulated for compound signs *159+PA (TELA+PA) = /TELA pharweha/, *159+PU (TELA+PU) = /TELA puktalia/ which, in all probability, contain a word group, as the epithet «cloth folded twice» could hardly be in usage as a single word for a special concept (unlike *159+TE (TELA+TE) = /te-pa/ «carpet fabric», which is likely to conceal one word). Meanings of other ideograms denoting types of fabric are not known to us: *159+KU (=TELA+KU), 159+ZO (=TELA+ZO); it is, therefore, impossible to decide whether they render one word or two. Undoubtedly two words are rendered by sign *162+RI (TUN+RI) = /kithōn lītinos/, but signs *162+KĪ (TUN+KĪ) and *162+QE (TUN+QE) defy analysis. It seems more likely that they represented a word group – a compound technical term.

Two vessels of different shapes have one and the same determinative

DI inscript in a respective ideogram: *202^{VAS}+DI, *214^{VAS}+DI. It may be assumed that in almost all these cases the phonetic sign represents the word di-pa = /depas/, as in epic this word is used

terminologically, at least δέπας ἀμφικύπελον, which corresponds in number of handles to what is shown on the ideogram *214^{VAS}+DI, in text KN K 770. It is almost sure that one part of the signs disguise a single word δέπας, the other part represents a word group resembling Homer's formula cited above.

2) A phonetic sign is subscript: the undoubtedly compound sign *120+PE (GRA+PE) where the syllabic sign *72 /pe/ is subscript to the ideogram *120 = /sito/. The resulting ideogram should read as /sitoio spermo/ – «seed of wheat (?)», i.e. one sign contains two words of which the first is rendered ideographically and the second outlined acrophonically, i.e. by the initial syllable of a phonetic word. Likewise, two words are contained in the compound signs *122+A (OLIV+A) = /elaiwa agria/, *122+TI (OLIV+TI) = /elaiwa tithasos/, *130+PA (OLE+PA) = /elaiwon sphakowen/, where a phonetic sign is subscript. Something similar should be postulated for the compound signs *120+O (GRA+O), *124+QA (PYC+QA), *125+KU (CYP+KU), *125+O (CYP+O), *125+PA (CYP+PA), *130+A (OLE+A), *130+WE (OLE+WE), where the phonetic sign is also subscript.

3) A sign is inscript in a sign.

The undoubtedly compound sign *123 AROM + KO (AROM + KO) = /aroma koriandnoio/, where a syllabic sign is inscript in an ideographic one, represents a word group.

As we have seen, the principles underlying the composition of ideograms/logograms with phonetic determinatives are very diverse and include all possible options: a phonetic sign can be placed above, below, by side and across, or inside an ideogram. All this however does not hinder comprehension of an ideogram. These miscellaneous and contradictory principles must reflect several stages (probably non-simultaneous) in the evolution of ideographic signs. The Mycenaean script, although based on principles, which are often mutually exclusive, was a single system for the Mycenaeans, each sign having only one reading. Thus, we may see, in the discord of principles of ideogram composition, several chronological stages of script development; but we should – from the synchronic and systemic standpoint – regard all ideograms of the Linear B script as clearly and unambiguously recognizable. The order of syllabograms in a linear horizontal text sequence coincides with that of signs in a logogram. Let us take

logogram *133 AREPA as an example. It consists of syllabograms /a/ + /re/ + /pa/, rendering the word /aleiphar/ «ointment». This

logogram reads from bottom to top. Mycenaean, however, allows another direction of reading (from top to bottom): † /pa/ + † /re/ + † /a/ which results in the intelligible /phaleha/, a word attested in Homer's compound /(*tru*)phaleia/ «helmet». Obviously, the order of signs in a logogram was not determined by the convenience of reading based on some unified principles; but it suited the perception of a group of syllabic signs within the limits of a word felt as a single indivisible sign. It is evident that one of the important components in teaching scribes was cultivation of skills necessary for unambiguous recognition of words and logograms perceived as a «word-sign» written in the manner required by an established tradition.

The first step in education however must have been the teaching of the alphabet. Let us now proceed to the RECONSTRUCTION OF AN ALPHABETIC SEQUENCE IN THE MYCENAEAN SCRIPT. As material, we will use the mistakes of Mycenaean scribes.

First of all, we have to point out that, though we have at our disposal several palimpsests representing two texts simultaneously, they play virtually no role in the linguistic study of mistakes, and neither do a few curious cases, when a scribe falters, erasing and then rewriting the same sign⁶. There are also some cases, such as PY Ub 1318⁷, in which we are incapable to clarify the reasons for corrections. Such materials cannot constitute an object for linguistic study either. However, a general classification of mistakes corrected by Mycenaean scribes seems pertinent.

The omission of a word is very frequent, although it is not interesting from the linguistic point of view. For instance, it is quite evident that the scribe PY En 695.4 omitted the first word in the formula *to-so-de pe-mo*, which led to a rather unexpected sentence *we-te-re-u, i-e-re-u, o-na-to, e-ke, pe-mo GRA T 1* «the priest W. has rented grain» instead of «the priest W. has rented a plot of land; the total of grain is T 1»⁸. In the same manner, another scribe had already started writing *pa-ra-wa-jo*, when he noticed that he had omitted *e-pi-ko-ru-si-jo 2 pa-ra-wa-jo*⁹. The same can be observed in PY Ta 708.3 *ta-ra-nu, ku-te-se-jo, a-ja-me-no, a-di-ri-ja-pi* that was later corrected to *ta-ra-nu, ku-te-se-jo, a-ja-me-no, e-re-pa-te-jo, a-di-ri-ja-pi, re-wo-pi-qe*¹⁰. An omitted word would usually be

⁶ Cf. e.g. KN Vc 191 *wa-ke-i-jo* (jo over jo).

⁷ PY Ub 1318.6 *a-pe-i-ja, u-po, ka-ro, we-[ ]-ja 1 u-po, we-e-wi-ja, e-ra-pe-ja E 1* (6 second u-po possibly over [[ka-ro]]).

⁸ PY En 659.4 *we-te-re-u, i-e-re-u, o-na-to, e-ke, to-so-de pe-mo GRA T 1* (*to-so-* over erasure, probably [[pe]] perhaps [[pe-mo?]]).

⁹ KN Sk 789.B *to-]ra / e-pi-ko-ru-si-jo 2 pa-ra-wa-jo* [*e-pi-ko-ru-si-jo* perhaps over *pa*].

¹⁰ PY Ta 708.3 *ta-ra-nu, ku-te-se-jo, a-ja-me-no, e-re-pa-te-jo,*

inserted above the line. The only conclusion that can be drawn from this common practice of correction is that scribes normally reread their texts.

In some cases a scribe starts writing a wrong word and then corrects himself. This type of correction is especially frequent in lists of personal names. Sometimes changes are minimal, as for example in PY Eb 895 [+] 906.B ko-to-no-o-ko, where *-no-* is written above the erased [na], that is, the scribe started writing a more frequent word *ko-to-na* and then realized that he was mistaken. A similar case can be found in PY Fr 1219.2 wa-na-so-i , po-se-da-o-ne OLE+A V 2, where the scribe started writing *po-se-da-i-jo* , «to the temple of Poseidon» and then changed it to «to Poseidon». Very close to it is the omission of signs *-se-wi-* corrected from [[wi-ja]] only after the word *Jpe-se-wi-ja* was written to the end (PY Xa 1385). Both in this text and elsewhere, the length of the erased portion indicates a correction of a considerable part of the word. For instance, *e-ni-qe e-ra-pe-me-na* was changed from *e-qe e-ra-pe-me-na*¹¹. To illustrate this practice we can recall the omission of the first syllable, which makes the word unrecognizable. In one of such cases (PY Sa 794), the scribe omitted both the first syllable and the negation before it: the original [pe-re-e] was changed to *no-pe-re-e*, ROTA ZE 1 [(«useless») in the ultimate version of the text. Often this kind of correction comprises the whole phrase, for instance, *se-re-mo-ka-ra-o-re-qe* , *ku-ru-so*[[ ]] instead of [[kū-wā-ṇō[se-]rē-mō , ka-ra-o-rē]]¹². KN Sd 4401 + 8718 + fr. (Hand128) between .a *Ja-ra-ru-ja* , *a-ni-ja-pi* , *wi-ri-ni-jo* , *o-po-ḡo* , *ke-ra-ja-pi* , *o-pi-i-ja-pi* CUR[and .b *i-qi-jo* , / *a-ja-me-no* , *e-re-pa-te* , *a-ra-ro-mo-te-me-no po-ni-ḡi[-jo*, it was a line with the text *ḡ-u-ḡe* , *pṭe-ṇo* , *po-ṣi*.

Such evidence is certainly very interesting, but again linguistically rather irrelevant. A true linguistic classification should be based on more frequent phenomena. One of the regular types of correction is caused by the fact that a scribe finds himself to be one sign ahead of his text, which urges him to erase the sign that he has just written and to put the omitted one instead.

In this case we can trace how scribes dictated words to themselves, dividing them by syllables and checking the correctness of their spelling:

---

a-di-ri-ja-pi , re-wo-pi-qe (.3 *e-re-pa-te-jo* over [[*a-di-ri-ja-pi*]]).

¹¹ KN L 647 + 2012 + 5943 + 5974 .B]ra , / e-ni-qe e-ra-pe-me-na 'nu-wa-ja'

.B Traces of erasure: -ni- over qe, and -qe e-ra- perhaps over e-ra-pe (note that e- now follows immediately after -qe, suggesting that the scribe may have originally written e-qe e-ra-pe).

¹² PY Ta 714.2 a-ja-me-na , ku-ru-so , a-di-ri-ja-pi , se-re-mo-ka-ra-o-re-qe , ku-ru-so[[ ]] , ku-ru-so-qe , po-ni-ki-pi 1 (*se-re-mo-ka-ra-o-re-qe* , *ku-ru-so* , over [[kū-wā-ṇō[se-]rē-mō , ka-ra-o-rē]]).

one of the scribes writes *mo-* instead of *re-mo*[(KN Xe 691.1 scribe 103)¹³, another one starts writing *di-ka-so*, but realizes that he has made a mistake and changes it to *di-ta-ka-so* (KN Ga(2) 427+8102 scribe 136)¹⁴. In other instances, *we-da-ne-we* is changed to *we-u-da-ne-we* (PY An 519)¹⁵, *a-na-ta* is changed to *a-na-i-ta*¹⁶, the adjective *e-ka-te-re-ta* is spelled *e-te-re-ta*¹⁷, *po-]ni-ja*¹⁸ is corrected to *po-]ni-ki-ja*, and *ki-ri-te-wi-ja* at first looks like *ki-ri-wi-ja*¹⁹. In another curious case, *se-ri-no-te* is changed to *se-ri-no-wo-te*²⁰, but the correction remains incomplete and the word still lacks the last sign, *e-pi-ki-to-ni-ja* is written *e-pi-ki-to-ja*²¹, *wi-je-so* beginning with the sign *je-*,²² the adjective *we-re-ne-ja* was at first written as *re-ne-ja*²³, *e-re-pa-te-ja-pi* as *re-pa-te-ja-pi*²⁴. The scribe often omits a syllable in the end of the word being impatient to proceed to the final sign, e.g., *a₂-zo-qi-jo* had been corrected from *a₂-zo-jo*²⁵, *a₃-ki-a₂-ri-jo* first written as *a₃-ki-a₂-jo*²⁶ or *a-pi-no-e-wi-jo* where the scribe first omitted the syllable *-wi-*: *a-pi-no-e-jo*²⁷. Somewhat different reasons may have produced such mistakes as *ko-na* instead of *ko-to-na*, repeated twice (PY En 659 and PY Ep 212²⁸).

Mistakes resulting from the fact that the scribe pronounced his text to himself before writing it down seem to be indicative of the manner in

¹³ KN Xe 691.1 o-pi , re-mo[(re- over mo), cf. KN X 7502 to-so / i-ka[, with i-written over ka.

¹⁴ KN Ga 427+8102.1 da-wi-jo / a-pu-do-si po-ni-ki-jo di-ta-ka-so M 8 N[ ]o[(-ta- over ka).

¹⁵ PY An 519.1 pa-ro , we-u-da-ne-we (-u- over erasure, perhaps da).

¹⁶ KN Sf 4419 + 5119 + 5814]i-qi-ja / a-na-i-ta CAPS 80 (a-na-i-ta: -i- over ta).

¹⁷ KN Se 891+1006+1042.B pte-re-wa / e-ka-te-re-ta , a₃-ki-no-o 2(-ka- over te).

¹⁸ KN Se 882 po-]ni-ki-ja CUR[(-ki- over ja).

¹⁹ PY Eb 321 [+] 327 [+] 1153.A ki-ri-te-wi-ja , e-ko-si , q[ ]-na[-to ke-ke-]me-na-o (-te-wi- over wi-ja).

²⁰ PY Qa 1290 i-je-re-u , se-ri-no-wo [*189 (se-ri-no-wo-te -te after -no-).

²¹ KN L693 .2 sa-pa P 2 Q 1 e-pi-ki-to-ni-ja AES M 1[(-ni- over ja).

²² KN Da 1163 + 1400.A we-we-si-jo OVIS 100

.B wi-je-so , / pa-i-to ki-ri-jo-te (.B wi- perhaps over je).

²³ PY Ub 1318.7 mu-te-we , we-re-ne-ja , ku[(we- over re).

²⁴ PY Ta 722.3 ta-ra-nu , a-ja-me-no , e-re-pa-te-ja-pi , ka-ru-pi *220 1 ta-ra-nu , a-ja-me-no , e-re-pa-te-ja-pi , ka-ru-pi *220 1 (e- of second e-re-pa-te-ja-pi over re).

²⁵ PY Un 1193.4]nu-we-we DA 10 te-so-qe DA 5 a₂-zo-qi-jo (-qi- over jo).

²⁶ PY Fn 79.15 a₃-ki-a₂-ri-jo HORD T 1 V 4 (-ri- over jo).

²⁷ PY Mb 1396 a-pi-no-e-wi-jo *146 2(-wi- possibly over erasure, perhaps jo).

²⁸ PY Ep 212.3 e-ko-to , te-o-jo , do-e-ro , o-na-to , e-ke , ke-ke-me-na , ko-to-na , ko-na , pa-ro , da-mo , to-so pe-mo GRA T 1 V 3 (ko-to-na , {ko-na , } ; possibly corresponds to Eb 913, 935; cf. Ep 705.8;

which such preliminary oral preparation was done. Sometimes scribes omit a sign without even noticing that they have transgressed the word's limits. The text PY Sa 797 seems to be especially remarkable: it consists of only one line that includes two sentences – the title where a chariot is mentioned (a-te-wo-jo , wo-ka) and the main part that characterizes a pair of wheels belonging to this chariot (a-te-wo-jo , wo-ka , we-je-ke-e ROTA+TE ZE 1 []). Dictating the text to himself the scribe made a mistake not just on the border between two words but on the border between two sense units, having omitted -ka and started writing wo-we-je-ke-e.

An unusual case that indicates the lack of attention caused by the correction according to the number of syllables, which does not make the text any more reasonable than it was before, can be found in PY Ea 305²⁹ .a qo-qo-ta-o

ke-re-te-u e-ke-na-to , to , ke-ke-me-na ko-to-na GRA T 1.

In a number of cases we can suspect that omission of a certain sign was triggered by the phonetic proximity of neighboring signs, as, for instance, in the name ku-ta-to that was first written as ku-to³⁰, or in the sequence o-pi , /po-po[that was mistakenly written as o-po-po³¹. In one case the scribe presented the word *pe-mo* /spermo/ by the single sign *mo-*, but realized it in the process of writing³². In a few cases, scribes started writing *to-so-pe* instead of the final formula *to-so-de pe-mo*³³. Despite the fact that this mistake occurs on the word boundary, it does not differ from omission of a sign within a single word, as it is highly probable that the whole expression could be united by the common accent and therefore could be regarded as a single phonetic word.

Some cases, in which a scribe changed his mind and spelled a word both in a more economical and precise way using rarer signs that reflected the phonetic reality more closely, seem to be especially interesting for us. For example, a scribe 101 in the text KN As(2) 1516.11 si-ja-pu₂-ro VIR 1 used the sign *pu₂-* instead of the usual *pu-*. In the same way, the sign *-ta₂-* appears instead of the usual *ta-* in the text KN X 9338.1]-ta₂-m̄o[³⁴. In different texts we can find both the variants *pe-te/pte-* used equally and the sequence *pe-te* changed to the single

²⁹ *to* , over *ke*; possibly to be interpreted as *e-ke <o>-na-to* , {*to* , } .

³⁰ KN Da 1123 + 7178 a-qi-ro / ku-ta-to OVIS 100 [(-*ta-* over *to*).

³¹ KN L(1) 648 .a ri[-ta pa-we-a

.b o-pi , / po-po[(-*pi* , / *po-* over *po-po*).

³² PY Eb 294 .2 to-so-de , pe-mo, GRA 2 T 5(*pe-* over erasure, probably *m̄o*).

³³ PY En 609.18]to , e-ke , to-so-de pe-mo GRA T 3 (-*de* over *pe*).

PY Eq 146.2 ko-ro , to-so-de , pe-mo [[GRA]] GRA [(-*de* over erasure, perhaps *pe*).

³⁴ J.-P.Olivier: .1 -*ta₂-* over .*ta*.

symbol *pte-*, for example KN So(1) 4429 + 5790 + 6019 + fr. b |a-mo-ta , / pte-re-wa , te-mi-dwe-ta ROTA ZE 23? ROTA 1 [ ]³⁵, or PY Un 219.6 di-pte-ra-po-ro , RA 1 O 3 ko-ro[ ]]³⁶. In both cases, for syllables starting with a stop, that graphic variant is preferred, which better corresponds to the sound. The same striving for phonetic precision pertains to the reflection of the groups formed from two sonorants, for instance, *ro₂-* = /ryo/ instead of *ri-jo* in the names e-ro₂-qo ra-pte (PY Ea 29)³⁷, ko-tu-ro₂ (PY Jn 431)³⁸, PY Un 219.4 te-qi-jo-ne (=te-qi-<ri->jo-ne : cf. Fn 187.12).

There is also a certain tendency to represent the diphthongs *ai* and *au* by special signs, which urges the scribe of PY Eb 866. B to change *ra-* to *ra₃* (PY Eb 866 .B ma-ra₃-wa, PY Ta 709.1 pi-je-ra₃³⁹). The sign *au* written over *a* can be found in the personal names in MY Au 657.2 au-wi-ja-to VIR 1 [and PY Ta 711.1 *au*⁴⁰-ke-wa , da-mo-ko-ro.

We can clearly observe here the significance of the internal unity of a sign series based upon the common initial consonant that a Mycenaean scribe was certainly aware of. The series as a certain unity of signs was evidently also supported morphologically by different gender endings of nouns and adjectives: *-ral-ro*⁴¹, *-wo l-wa*⁴², *-jol-ja*⁴³. The same series also served to distinguish nouns by grammatical number. Corrections related to the dual number seem to be especially important in this respect: *i-qi-jo* (du.) / *i-qi-ja* (sg.)⁴⁴, *te-mi-dwe-te* (du.) / *te-mi-dwe-ta* (pl.n.)⁴⁵.

³⁵ J.-P. Olivier wrote: .b *pte-re-wa* over erasure (*pte-* changed from *pe-* without erasure; *-re-wa* over *te-re*).

³⁶ *-pte-* over [[*pe*]]. For more examples see Perpillou 1977: 241–242.

³⁷ PY Ea 29 e-ro₂-qo ra-pte , e-ke , o-na-to , pa-ro , i-ma-di-jo GRA T 1 (under *-ro₂-* possibly *ri*).

³⁸ PY Jn 431.2 wi-ja-ni-jo AES M 5 ka-ra-*82[ ] AES M 5[ ] ko-tu-ro₂ AES M 5 (*ro* after *-ro₂*). For more examples see Perpillou 1977: 240–241.

³⁹ PY Eb 866 .A ke-ke-me-ṇa , ko-to-na , pa-ro , da-mo .B ma-ra₃-wa , te-o-jo , do-e-ra , e-ke-qe , o-na-to GRA [T 2 (*-ra₃-* over *ra*).

PY Ta 709.1 pi-je-ra₃ , to-qi-de-ja *200^{VAS} 3 pa-ko-to , a-pe-te-me-ne *214^{VAS} 2 po-ro-e-ke-te-ri-ja *228^{VAS} 1 ko-te-ri-ja 6 (*-ra₃* over erasure, perhaps *ra*). For more examples see Perpillou 1977: 240.

⁴⁰ *au-* over *a*.

⁴¹ PY Eo 276.5 ma-re-ku-na , te-o-jo , do-e-ro , e-ke-qe , o-na-to , pa-ro ru-*83-e GRA T 1 (*-ra* over *-ro*), cf. En 74.6, where *do-e-ro*;

⁴² KN Ak 614 + fr. (*ko-wo* corrected from *ko-wa*).

⁴³ PY Ta 714.1 to-no , we-a₂-re-jo , a-ja-me-no , ku-za-no , pa-ra-ku-we-qe , ku-ru-so-qe , o-pi-ke-re-mi-ni-ja (*-jo* over erasure, perhaps *ja*).

⁴⁴ KN Sd 4401 + 8718 + fr. .b i-qi-jo , / a-ja-me-no , e-re-pa-te , a-ra-ro-mo-te-me-no po-ni-ki[-jo (*i-qi-jo* corrected from *-ja*).

⁴⁵ KN So 4433 + 4444.a] te-mi-dwe-te , [

A Mycenaean syllabary sign representing an open syllable includes both the consonant series indication and the timbre of the vowel. Change of vowel within a single series can be taken as evidence for a phonetic analysis previous to the usage of a certain syllabic sign, which can lead us to the assumption that the Mycenaean syllabic signs could have been organized in a regular alphabetical order. Changes made by scribes in case of such mistakes clearly demonstrate that the first sign that came to the scribe's mind was the one containing the vowel *a*, afterwards they realized that they were mistaken and changed this sign to the one with a different vowel. Change of vowel proves to be a very frequent type of correction: *pe* is written above *pa*⁴⁶, *qo* above *qa*⁴⁷, *te* above *ta*⁴⁸(?), *wo* above *wa*⁴⁹, *ti* above *ta*⁵⁰, etc. All examples of vowel change within a single series can be best explained not by some phonetic or morphologic reasons, or by a casual error, but by the influence of some kind of superimposed system. Most probably, it was an alphabetic regularity of signs that could serve as such a system.

The vowel *a* seems to be primary for the sign series above, which can be also supported by the regular confusion of *a/o* (*wa-na-ka*, *ke-ni-qa* etc. *-k(w)s*), and unexpected spelling variants, such as *wa-na-ka-te* instead of *wa-na-ke-te*. There are some rarer kinds of corrections reflecting the confusion of *u-* and *o-* signs, for instance the sign *no-* can be changed to *nu*⁵¹, and the sign *wa-* to *u-*. We cannot totally exclude morphological reasons for the latter correction: a scribe might have mixed up two different case forms and then corrected the nominative to the dative (as in PY Cn 131.5, which contained the nominative form *po-ro-u-te-u* before the correction) or the genitive to the nominative (as in PY Ea 780 *o-ko-me-ne-u*, *o-na-to* GRA 2 [, where the genitive ending [[wə]] was changed to the nominative one *-u*).

A correction explained partly by stylistic reasons and partly by striving for precision in juridical terminology can be observed in PY Eo 247⁵². Having written .1 *a₃-ti-jo-**qo***, *ki-ti-me-na*, *ko-to-na* in the first

---

.b], *a-re-ki-si-to*, *wo-zo-me-no*, ROTA ZE 1 [

(*a* Final *-te* over *ta*).

⁴⁶ KN Df 5260 + 5348.B] *tu-ni-ja*, *pe* OVIS 10 [(*pe* over *pa*)

⁴⁷ KN Vc(1) 290 *wo-ro-to-qo* 1[(*-qo* probably over *qa?*).

⁴⁸ KN As 609 + 5866 + 8589 + fr. .3 *qe-te-se-u* VIR [1] *no-da-ro* VIR 1 *a-ku-ri-jō*[(*-te-* of *qe-te-se-u* over *ta* ?)

⁴⁹ *ko-wo* corrected from *ko-wa*: KN Ak 614 + fr.; cf. KN Se 880 + 1017.2] , *po-ni-ke-a*, *wo-ra-we-sa* CUR 1 (*wo-* perhaps over *wa*).

⁵⁰ KN L(1) 5949.b] *a₃-tu-ti-ja*[(*-ti-* over *ta*).

⁵¹ KN Db 1464 + 7070.B *a-nu-ko* / *pa-i-to* *ki-ri-jo-te* (*-nu-* probably over *no*).

⁵² PY Eo 247.2 *e-ko-to*, *te-o-jo*, *do-e-ro*, *e-ke-qe*, *o-na-to*, *pa-ro*, *a₃-ti-jo-qe*, *ko-to-no-o-ko*, GRA T[1 (*-qe* of *a₃-ti-jo-qe* probably over *qo*).

line, the scribe put this name in the genitive in the second line as well, but then corrected it to the dative pa-ro , a₃-ti-jo-**qe** , ko-to-no-o-ko.

In the last two examples, it would be tempting to ascribe the mistake to a certain pressure exerted by morphology, but a number of examples analyzed above completely excludes any morphologic influence. On the other hand, a *dolde*⁵³ confusion can be almost totally explained by an influence from the alphabet as a system. It is highly probable that a *zo-lze*⁵⁴ confusion constitutes a similar case, and if this observation is correct, the sequence of Ca- Ce- Co- series within the Mycenaean alphabet appears to be quite plausible. In any case, a regulation of syllabic signs according to the vowel seems to be supported by numerous instances of the initial consonant omission, when, for example, a scribe writes *e-mo* instead of *pe-mo*⁵⁵, or *o-so* instead of *to-so*⁵⁶.

A different kind of mistakes is constituted by some cases of incorrect choice of a consonant: some scribes use *qa* instead of *ka* (or *qe*?)⁵⁷, *to* instead of *do*⁵⁸, *wa* instead of *ja*(?)⁵⁹, *wo* instead of *jo*⁶⁰, *jo* instead of *wo*⁶¹, *a* instead of *wa*⁶², *ma* instead of *na*⁶³(?), and *na* instead of *ma*⁶⁴. This group of mistakes probably also includes the usage of *se* instead of *su*⁶⁵ and *56 instead of *u*⁶⁶(??). Mistakes of such kind obviously demonstrate that scribes clearly felt a certain similarity between the

⁵³ PY Jo 438.12 ka-ra-do-ro , ko-re-te[(-do- over erasure, probably *de*)

PY Na 848 .B]ke-ki-do [(-do over *de*).

⁵⁴ PY Ed 236.1 ka-ma-e-we , o-na-ta , e-ko-te , ke-ke-me-na-o , ko-to-na-o ,
² wo-zo-te, to-so , pe-mo GRA 30 T 2 V 3 (.2-zo- over erasure, possibly *ze*).

⁵⁵ PY En 609.17]o-na-to , e-ke , to-so-de , pe-mo GRA T 1 V 3 (*pe-* over *e*).

⁵⁶ KN Od 666.a] to-so o LANA 14 (*to-* over erasure, perhaps *o*).

⁵⁷ KN V(3) 429.1]...qa-ra-jo 1[(*qa-* over *qe* or *ka*).

⁵⁸ PY Ea 803 ko-do , e-ke , da-mi-jo GRA T 6 V 2[(-do over erasure, perhaps *to*).

⁵⁹ KN Od 666 v.]ke-re-wa LANA 9 M 1 P 6 (-*wa* over *ja*?).

⁶⁰ PY Cn 599.1a pa-ro

.1 wa-no-jo , wo-wo , ne-ti-ja-no a-ke-o-jo CAPm 100(.1-*jo* of *wa-no-jo* over *wo*).

⁶¹ KN Xd 119]-ne-ri-jo , e-[(-*jo* over erasure, perhaps *wo*).

⁶² PY Eo 211.1 wa-na-ta-jo-jo , ko-to-na , ki-ti-me-na GRA 2[V 1

.2 a-tu-ko , e-te-do-mo , te-o-jo , e-ke-qe , o-na-to , pa-ro , wa-na-ta-[jo]
 GRA [T V 1 (.2 *a-* possibly over *wa*).

⁶³ KN X 7565 ma-ze-to-[(Over erasure, first erased sign being *na-*:twę-
 difficult. Possibly -*ma*[at right)

⁶⁴ MY 659 .4 e-ri-tu-pi-na , te-o-do-ra-'qe' 2 (.4 e-ri- su [[[.] -*ma*]]).

⁶⁵ PY Ea 822.a ra-wa-ke-si-jo

e-u-me-ne , e-ke , o-na-to , pa-ro su-qo-ta GRA T 5

(*su-* over *se*).

⁶⁶ KN Da 1135 + 7182.B ke-to , / *56-ko-we (.B perhaps *56- over *u*).

labiovelar k^w and the guttural k , between the voiced and voiceless dental t/d , and between the sonorant m and n .

A certain number of mistakes has inevitably to remain without any reasonable explanation, as for example the occasional confusion between o - and ha -⁶⁷, nu - and ka - or qe -⁶⁸, ro - and qa -⁶⁹, po - and ta - or su -⁷⁰ etc.⁷¹

Sometimes there is reason to believe that we deal with a mechanical repetition of a sign, for instance in the case of e - wi - su - $[su]$ - ko that was changed to e - wi - su - zo - ko ⁷². There is no visual similarity between these signs ($-zo$ - vs. - su -), but we have to keep in mind that the sign for $*zu$ - has not been found in any of the available Mycenaean texts, which makes it quite plausible that it did not exist. Therefore, we might be dealing here with an attempt to transmit in script a syllable for which there was no sign. The scribe first tried to use the vowel /u/, but after rereading the text he realized that the word he had written contained the second element $-su$ - ko -, which was usual in compound words, but did not suit the context. Then the scribe made another attempt using the sign - zo - containing the consonant that made the syllable as a whole sound closer to the phonetic original, in spite of its vocalic imprecision.

We cannot exclude some phonetic proximity between the signs *56

 and u ⁷³, although it cannot be proven by the material at our disposal; in the same way, there is no certainty about identifying the sign

*65 as /ju/. In such situation it would not be justified, however tempting it may seem at a first glance (especially considering KN U(1)

49, to discuss the phonetic correlation between *65 and jo ⁷⁴.

The confusion between i - and e -series evidently differs from everything discussed above, as it can be easily explained by phonetic reasons alone. This confusion occurs in many different words both in

⁶⁷ KN Dd 1218.B o - wi - ro / *56- ko - we pa OVIS 6 ([.B o - perhaps over q_2)

⁶⁸ KN V(4) 5913 + 5921 + 8738 + 8818 + fr. .3 nu -to 1 [.3 nu - over erasure. Perhaps ka [or qe].

⁶⁹ KN Xd 148.1 ro -a , ku (.1 ro - over qa).

⁷⁰ KN C(4) 912 + 5027.11 ko -to , / po - ku [ ] OVIS 100[(.11 po - perhaps over ta or su).

⁷¹ Cf. PY Ep 212.4 ko - ri - si - ja te - o - jo , do - e - ra , o - na - to , e - ke , ke - ke - me - na , ko - to - na , pa - ro , da - mo , to - so pe - mo GRA 1 (.4- na of ko - to - na over $-ko$).

⁷² KN Se 965 + 1008.A e - wi - su - zo - ko , ka [($-zo$ - perhaps over su).

⁷³ KN Da 1135 + 7182.B ke -to , / *56- ko - we , (.B perhaps *56- over u).

⁷⁴ Cf. KN U(1) 49 ri -*65- no / a - pe - re QO 1 (-*65- over erasure, possibly jo).

Mycenaean and in the Greek dialects of the first millennium BC: *e-* is changed to *i-*⁷⁵, *ti-* is changed to *te-*⁷⁶, and *di-* is changed to *de-*⁷⁷. A direct phonetic interpretation has to be discarded as well⁷⁸ because a number of different signs were substituted by the sign *si-*: *a-*⁷⁹, *pa-*⁸⁰, *to-*⁸¹. The reason for such popularity of the sign *si-* remains without any explanation.

It seems that the mistakes of Mycenaean scribes show explicitly that the «alphabetic» order of syllabic signs was not occasional, and that within the series of signs the sequence presumably started with the *Ca*.

* * *

The question of the understanding of a Mycenaean text by the reader has not been raised as an independent problem: instead, Ventris' rules have been evoked which apply to the writing of Greek words rather than to their reading, i.e., which are in fact the rules for coding rather than decoding. In this case it is possible for us to penetrate directly into the process of writing. As shown by analysis of errors corrected by the scribe himself or an editor, the scribe dictated the signs to himself, often skipping a sign in anticipation of a following one.

We have no such direct evidence for reading, except, perhaps, for those lines in which the scribe kept the task of reading in mind and took care of his reader. Before we examine a concrete example, let us consider some observations drawn from the facts of modern languages. It can hardly be doubted that Mycenaean texts were read aloud rather than silently⁸². I. M. Schlesinger's fundamental work, dedicated to the

⁷⁵ PY Eo 247.4 i-pa-sa-na-ti , te-o-jo , do-e-ra , e-ke-qe , o-na-to , pa-ro , a₃-ti-jo-qe , GRA T 2 (.4 *i-* over [[*e*]], cf. En 74.13, where *e-pa-sa-na-ti*).

⁷⁶ PY Es 650.5 a₃-ki-wa-ro , a-te-mi-to , do-e-ro e-ke-to-so-de pe-mo GRA 1 (.5-*te-* over erasure, possibly [[*t*]]).

⁷⁷ KN Ak(1) 614 + fr. .A] TA 2 MUL 30 pa di 4[(*di* over erased sign, perhaps *de*).

⁷⁸ There were two cases where instead of the expected *te-* we encounter *si-*: PY Ep 704.5 e-ri-ta , i-je-re-ja , e-ke , e-u-ke-to-qe , e-to-ni-jo , e-ke-e , te-o , (.5 *te-* over erasure, probably [[*si*]]) and KN Dn 5668 + fr.]qo-te-jo OVIS 3300[(-*te-* perhaps over *si*). The interpretation of PY 704.5, which seemed to be strikingly similar to a later Laconic (Alcman) σιολ, is now rejected. It is difficult to confuse the signs *te-* 𐀓 and *si-* 𐀕 because of their visual unsimilarity.

⁷⁹ KN Sc 237 a-e-da-do-ro probably over erasure (*a-* certainly over *si*).

⁸⁰ KN Ce 50.1b te-pa-ra , pe-re-qo-ta (.1b te-pa-ra: *-pa-* over *si*).

⁸¹ PY Jn 601.7 ko-to-wa-[ ]AES M 8 ,to[-so-]dε , e-pi-da-to AES M 7

⁸² e-pi-da-to: *-to* over erasure, perhaps [[*si*]] ;

⁸² The question of silent reading probably may be responded positively for the Antiquity, cf. an exhaustive collection of materials in: Gavrilov 1994/1995: 17–

syntactic structure of a sentence and its guessing / decoding in the process of reading (Schlesinger 1968: 27), contains a number of observations of immediate interest for our problem. Thus, Schlesinger assumes that reading aloud is not reading word by word; instead, the reader grasps with the eye several words at once while voicing only one of them at the same moment. Meanwhile, already Fairbanks' works (Fairbanks 1937: 78–107) have established that the perceptive ability decreases as the reader approaches the limit of the unit grasped by his eye. The average length of a perceivable text span does not exceed four words. Bearing in mind that in Indo-European languages, Greek in particular, the word length varies from 1 to 4-5 syllables, we can easily calculate that the length of a perceivable text span ranges from the minimum of 4 syllables to the maximum of 20 syllables. It should be noted that prosody has paid special attention to the correlation of verse length and performer's breath. Knowledge of limitations imposed on human breath allows specialists in meter to distinguish, depending on the number of syllables, between two basic units: verses requiring one resp. two breath pauses. Indeed, Mycenaean documents do contain longer lines as, e.g., text PY Eq 213.1 o-wi-de, a-ko-so-ta, to-ro-qe-jo-me-no, a-ro-u-ra, a₂-ri-sa; but syntactic and intonational division of this title is no less evident than that of Schlesinger's example, *The woman teacher, who had taught him Latin, was very pleased*, where, as he notes, the words 'teacher', 'Latin', and 'pleased' are the boundaries of syntactic units. Syntactic unit boundaries can be discovered in the Mycenaean text in a similar way; thus, o-wi-de, a-ko-so-ta 'that is what Axotas saw' and to-ro-qe-jo-me-no, a-ro-u-ra, a₂-ri-sa 'traveling through the seaside arable lands' hold intonational and syntactic information evident from the first word for a Mycenaean reader, but providing a chain of riddles allowing various solutions for a modern researcher who analyzes each form syllable by syllable. The consideration of modern experimental materials demonstrates the significance of an actual division of a sentence. Thus, Schlesinger examined the process of reading Hebrew sentences with regard to syntactic arrangement. In practice, he dealt with an actual division of a sentence, the matter still largely overlooked by mycenologists.

Word order, syntactic position in a sentence, alongside with rare inflexion marks allow to read a text correctly by dividing it into syntactic and intonational syntagmas and finding the words that serve as boundaries between them. Sometimes the arrangement of a text into lines is also guided by the actual division of the sentence. Among such cases are, first of all, several texts where the scribe erases a word only to

---

33. However, I would not dare postulate a wide spread of silent reading in the Mycenaean time.

rewrite it at the beginning of the next line, i.e., where arrangement of a text into lines may have been a tool for marking semantic groups and syntagmas, e.g.:

PY Ep 704 .7 ka-pa-ti-ja , ka-ra-wi-po-ro , e-ke , ke-ke-me-no , o-pe-
ro-sa , du-wo-u-pi , wo-ze-e , o--wo-ze , [[to-ṣo]]
.8 to-ṣo[pe-mo GRA]4

«Karpattia, a priestess with a key, has a *kekemeno* field, having obliged herself to cultivate twice, does not cultivate. All-in-all grain...» We can see that the scribe took the trouble of erasing the word 'all-in-all' in line 8 only to write it again at the beginning of the next line, thus separating two parts of a period.

Text PY Un 267 contains two amendments related to actual division of a sentence:

.1 o-do-ke , a-ko-so-ta
.2 tu-we-ta , a-re-pa-zo-o
.3 tu-we-a , a-re-pa-te [[, ze-so-me]]
.4 ze-so-me-no [[ko]]
.5 ko-ri-a₂-da-na AROM 6
.6 ku-pa-ro₂ AROM 6 *1e»5e»7e» 1e»6
.7 KAPO 2 T 5 VINa 20 ME 2
.8 LANA 2 VINb 2
.9-11 vacant

Text PY Un 267 (hō-dōke aksotās tuwestāi aleiphazōi tuweha aleiphatei zesomenōi) may be understood as «That is what Axotas gave to the brewer of ointments who was going to brew for himself aromas for ointments: coriander 6 measures, rush 6 measures, etc.⁸³» «Evident in this text is the scribe's striving for its arrangement into syntagmas by correctly dividing it into lines. In order to secure correct reading of the text, the scribe erases words twice only to rewrite them in the onset of the following line. Obviously the scribe is afraid that line .3 tu-we-a , a-re-pa-te [[, ze-so-me]] may be misunderstood or not understood at all because of a wrong intonational division; line .4 ze-so-me-no [[ko]] was amended for fear that a «brewed coriander» might result instead of the correct «brewed ointments».

The scribe acts in absolutely the same way when describing objects, cf. PY Ta 713, where the beginning of a sentence (= beginning of a line), at first misplaced, was rewritten at the beginning of the next line:

⁸³ For more detail cf. Kazansky 1997: 42–43.

- .1 to-pe-za , ra-e-ja , ku-te-se-jo , e-ka-ma-pi , e-re-pa-te-jo-qe ,
a-pi-qo-to , e-ne-wo-pe-za , qe-qi-no-me-na , to-qi-de 1
- .2 to-pe-za , e-re-pa-te-ja , po-ro-e-ke , pi-ti-ro₂-we-sa , we-pe-za ,
qe-qi-no-me-na , to-qi-de 1 [[to-pe-za]]
- .3 to-pe-za , ku-te-se-ja , e-re-pa-te-jo , e-ka-ma-pi , a-pi-qo-to ,
e-ne-wo-pe-za , ko-ki-re-ja

Let us now pay attention to the word order, which is, in accordance with the household genre, extremely rigid. This rigidity is undoubtedly somehow related to the marking of keywords, each followed by attributes: «a table (*to-pe-za*) (made of) stone, (made of) ebony, with supports, round, with nine legs ...»; others postpositive attributes follow in agreement/apposition to the word defined.

Such textual amendments are the only evidence available of the actual division of the sentence in Mycenaean. Undoubtedly, the texts also contain a syntactic break attested in a number of texts; cf., e.g., PY Eq 146 where violations occur in the title which is followed by three phrases, each in a separate line: «and that's how much Proteos (Leprios, Admeos) has; all-in-all grain so much », but later we again observe a transition to another syntagmatic division: «and that's how X, a physician, hired//has grain so much», where the intonational division would have required a different arrangement into three syntagmas: o-da-]a₂, [ ]-me-no, i-ja-te (end of syntagma), o-na-to, e-]ke (end of syntagma), to-so-de pe-mo GRA 1. In text PY Eq 146 quoted below such inconsistencies are marked in bold:

- .1 **o-da-a₂ te-re-ta** , e-[
- .2 **ko-ro** , **to-so-de** , **pe-mo** [[**GRA**]] **GRA** [
- .3 o-da-a₂ , po-ro-te-u , e-ke , to-so-de , pe-mo GRA 1
- .4 o-da-a₂ , re-pi-ri-jo , e-ke , to-so-de , pe-mo GRA 1
- .5 o-da-a₂ , a-de-me-we , e-ke , to-so-de , pe-mo GRA 1 V 3
- .6-8 vacant
- .9 **o-da-]a₂** , [ ]-me-no , **i-ja-te** , **o-na-to** ,
- .10 **e-]kē** , to-so-de pe-mo GRA 1
- .11 o-da-a₂ , a-si-wi-jo , **i-qo-na-to-mo** ,
- .12 **o-na-to** , **e-kē**[to-]so-de pe-mo GRA T 7

A Mycenaean scribe who read word by word (not like us, reading sign by sign!) could hardly be troubled by ambiguity of reading. Thus, a group of signs, i.e., a word, denoting a geographical concept, signals that the sentence opens with Nomen Loci (loc.) (where NL(loc) stands for a separate *syntagma* most frequently consisting of a single word, although combinations of two words, e.g., ze-i-ja ka-ra-na, also occur) which is, in its turn, followed by another *syntagma* beginning the main text which

may consist of several syntactic structures.

Returning to the word, which was undoubtedly thought of as the basic language unit in the Mycenaean time, it should be noted that Mycenaean knows no fundamental difference between a word written as a linear sign sequence and as an ideo- or logogram.

Comparison with materials from later epochs shows that a tendency towards marking off the *syntagma* boundaries emerges rather early in Greek alphabetical inscriptions and that it is undoubtedly linked with the convenience of reading⁸⁴. We have seen that the Mycenaean scribes, with the same purpose, resorted to rewriting a word in the next line instead of interpunction. In both cases *syntagmas* are not consistently marked.

I have attempted to compare abbreviations of the Mycenaean time with those of the Hellenistic papyri. The feature that both of them have turned out to have in common is the tendency towards abbreviation at the expense of inflection or by writing only the initial syllable (sign) of a word. The latter is frequent in modern alphabetical texts as well, e.g., in encyclopedia articles.

What conclusions can be drawn from these comparisons? First of all: the continuity of the Mycenaean tradition. Abbreviations are unusual in archaic Greek inscriptions. They become common only in the Hellenistic epoch (abbreviations on Greek *ostraca* are excluded; this is a special case, as the first character of a name sufficed to correctly identify the person to be ostracized). Abbreviations in Hellenistic and medieval texts are a fruit born by literacy, not lack of literacy. The state of affairs could hardly be different in the Mycenaean time. In the analysis of Mycenaean texts, the level of scribes' literacy is, I am afraid, significantly underestimated. Abbreviations in Latin epigraphic texts grow in number hand in hand with the spread of literacy, reaching their maximum in the epoch of the Empire⁸⁵. A similar situation is demonstrated by the modes of abbreviation in early Latin texts. Defining the notion of *suspensio*, O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya wrote: «The simplest and most natural abbreviation system (especially if the author uses his native language, of which both he and his reader have a good command) consists in not writing a word up to the end, omitting its end; [a device] which in old

---

⁸⁴ «punctuation does not appear in any of the earliest inscriptions except that of Pithekoussai» (Jeffery 1961: 50).

⁸⁵ As an explanation of this phenomenon, the continuity of the uninterrupted existence of the Roman official tradition in writing documents is often pointed out to, e.g., E. V. Fedorova's wording; «The existence of a unified political power on a vast territory in the course of many centuries naturally led to the appearance, for texts similar in contents, of uniform expressions which could be abbreviated because they had established themselves in usage and become commonly known» (Fedorova 1982: 17).

times was termed «suspension» (*suspensio*) in the Latin world. In an extreme case, it reduces a word to a single (initial) character, *littera singularis*, which was long ago termed *sigla*, *sigle*» (Dobiash-Rozhdestvenskaya 1936: 166). This principle of suspense, which flourished while Latin was a living language and flexions of words could be easily guessed, was later superseded by the principle of contraction, which consists in contracting the word by dropping its medial, less characteristic, parts. In this case, the beginning and the end of a word, «sometimes even the whole flexion» (Dobiash-Rozhdestvenskaya 1936: 167), are invariably preserved. Significant for the conception proposed here is the chronological order of these two contrary abbreviation principles. It may be stated that, to use Dobiash-Rozhdestvenskaya's formulation, «a natural explanation for preponderance of suspense in the epochs of Antiquity and Caroling Renaissance and contraction during the Middle Ages <is>... that a writer could afford abbreviation by dropping the flexion only in a social environment in which a free use of the language he wrote in was presupposed, and in which a firm knowledge of agreement rules and of the correct usage of inflections had been fostered since childhood or had been thoroughly studied at school» (Dobiash-Rozhdestvenskaya 1936: 169). On the other hand, the frequency and admissible degree of abbreviation may vary depending on the genre to which a text belongs. Household documents, which generally allow an easier formalization of material, are usually permeated with abbreviations to a greater degree than texts of other genres.

Thus, we may assume that Mycenaean texts were meant for reading by another person, moreover, for an unambiguous reading. This may have involved the use of certain devices in addition to the signs of syllabic script, such as the correct division into syntagmas in case of household texts.

References

- Chadwick 1967 – J. Chadwick. The decipherment of Linear B. Second ed., Cambridge.
- Chadwick 1976 – J. Chadwick. The Mycenaean World. Cambridge.
- Dobiash-Rozhdestvenskaya 1936 – O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya. *Istoriya pis'ma v sredniye veka*. Moscow; Leningrad.
- Fairbanks 1937 – G. Fairbanks. The relation between eye movement and voice in oral reading of good and silent readers // *Psychol. Monographs*. Vol. 48 (215).
- Fedorova 1982 – E. V. Fedorova, *Vvedenie v latinskuyu epigrafiku*. M.,
- Gavrilov 1994/1995 – A. K. Gavrilov. *Chtenie pro sebya v drevnosti (Obzor antichnyh svдетельств)* // *Hyperboreus. Studia Classica*. Vol. 1, fasc.2.
- Jeffery 1961 – L. Jeffery. *The local scripts of Archaic Greece*. Oxford.

- Kazansky 1997 – N. N. Kazansky. Funktsionalnye kharakteristiki mediya v yazyke krito-mikenskih nadpisey // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Professoru A. I. Zaitcevu k semidesyatiletiju, St.-Petersburg.
- Luria 1957 – S. Ya. Luria. Yazyk i kultura mikenskoj Grecii. Moscow; Leningrad.
- McNamee 1981 – K. McNamee. Abbreviations in Greek Literary Papyri and Ostraca. Scholar Press (= Bulletin of the American Society of Papyrologists. Supplement 3).
- Molchanov, Neroznak, Sharypkin 1988 – A. A. Molchanov, V. P. Neroznak, S. Ya. Sharypkin. Pamyatniki drevneyshey grecheskoj pismennosti. Vvedenie v mikenologiyu. Moscow.
- Neumann 1958 – G. Neumann. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A // Glotta. Bd 36. H. 1/2.
- Olivier 1987 – J.-P. Olivier. Des extraits de contracts de vente d' esclaves dans les tablettes de Cnossos // Studies in Mycenaean and Classical Greek Presented to John Chadwick. Salamanca (= Minos, 1987. Vol. XX–XXII).
- Perpillou 1977 – J.-P. Perpillou. Répantires de scribes // Revue de philologie 51,2.
- Préaux 1959 – C. Préaux. Du «Linéaire B» créto-mycénien aux ostraca grecs d' Égypte // Chronique d' Égypte. N 67.
- Schlesinger 1968 – I. M. Schlesinger. Sentence structure and the reading process. The Hague; Paris, (=Janua linguarum. Series Minor, 69)
- Tronsky 1973 – I. M. Tronsky. Voprosy yazykovogo razvitiya v antichnom obschestve. Leningrad.
- Ventris, Chadwick 1973 – M. Ventris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. 2-nd ed. by J. Chadwick. Cambridge.

К ОРФОГРАФИИ РУКОПИСЕЙ ГОМЕРА В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: I

Alexandro f. Ioseph Zaicev sacrum

Использовалось ли у самого Гомера и в древнейших рукописях обеих его поэм обозначение на письме геминированных согласных? Проблема встала передо мной в связи с обсуждением этнонима киммерийцев, Κιμμέριοι, который впервые в греческой литературе зафиксирован Гомером (λ 14), а решение в самом беглом – по необходимости – изложении уже опубликовано (см. прим. 25). Вопрос, однако, имеет самостоятельное значение и представляется мне достаточно важным, чтобы рассмотреть его более подробно.

1. Свидетельства рукописей

1.1. Большинство исследователей с давних пор отрицает глубокую древность практики графического отображения (раскрытого написания¹) геминат в гомеровских текстах. Так, Шантрен, суммируя итоги изучения вопроса к 1942 г., констатирует: "... геминированные согласные не обозначались в наиболее древних экземплярах «Илиады» и «Одиссеи»" (GH: 6)²; правда, он подразумевал, в первую очередь аттические прототипы, лежавшие, по его мнению, в основе позднейшей традиции (GH: 5)³, как можно заключить из его ссылки (GH: 6) на аттическую форму ἐίνυσθαι (ζ 28, ξ 514, 522) вместо ион. εἴνυσθαι < *φεσιν^ο, ср. катаείνυον ψ 135 (в гомеровские времена слово должны были писать на аттическом ΗΕΝΥΘΑΙ, а в восточно-ионийском, с тех пор, как буквой Η стали обозначать

---

¹ Я использую здесь удобную в своей лаконичности традиционную семитологическую терминологию, применяющуюся для обозначения/необозначения гласных (в ранних текстах – только долгих) буквами консонантного алфавита, например, *раскрытое написание*, scriptio plena, это араб. Bb'l 'Вавилон', ḫylky 'Κίλιξ'; противоположный случай – *дефектное написание*, scriptio defectiva – Bbl, ḫlky. Применительно к нашей теме это, например, Ἀπόλλων ~ Ἀπόλων.

² Ср. 174: «... l'orthographe, qui originellement ne... notait pas les géminées»; Schwyzer GG: 102 f.; Thumb – Scherer 220.

³ К проблеме «аттической редакции» гомеровских поэм см.: Pfeiffer 1978: 21 ff., 44, 140 f.; Тронский 1973: 117 слл.; Janko 1992: 29 ff.; Haslam 1997: 82 ff.; Pöhlmann 1994: 11 f. (лит.).

долгий открытый /ē/, – ΕΝΥΣΘΑΙ или, возможно, ΕΙΝΥΣΘΑΙ)⁴. В случае с (σ)κύλακος) νεογιλῆς μ 86 (υυ – –), которое Бехтель сопоставил с Γίλλος и др. (см. DELG III: 744), Шантрэн, похоже, допускал дефектное написание в самом ионийском прототипе⁵. Но почему не предположить, что ион. νεογιλλῆς (так в части рукописей и у экзегетов) было выравнено в аттическом тексте по местной норме (*γιδλ- > атт. γιλ-)?; ведь в рукописях встречаются даже гибридные ионийско-аттические формы, как, например, Βορρηῆς I 5, Βορρηῆ Ψ 195, наряду с исконными ион. Βορέης, Βορέη (– –; продолжение в первом слоге и синезеса εη), а также эолийско-ионийские (например, ἀργεννέων Σ 588 при эол. ἀργεννάων Γ 198, ἀμμορίη υ 76, καμμορίη Χ 257, Ψ 661, θεῆς, θεῆσι Γ 158, Θ 305 и др.⁶, и едва ли не курьезное Πολυπημονίδαο ω 305: конструкция из эол. πολυπᾶμων + ион. -ίδ- + эол. -ᾶο – GH: 19).

В литературе приводились и другие примеры подобного рода (также для путаницы ε – η, ο – ω)⁷, но постулировать на их основании существование полностью аттических по письму и орфографии рукописей Гомера невозможно хотя бы потому, что едва ли не всегда можно сослаться на произвольное изменение редких слов под влиянием обычных и входящих в формульные выражения⁸; на вероятность автоматической конверсии изначальных чтений ионийских прототипов в афинских списках согласно с особенностями

⁴ Ср. DELG I: 350 s. v. ἔννυμι: «*Od.* probablement graphie attique». Мне, впрочем, не вполне ясно, что дает этот пример для реконструкции древнейшей орфографии; по-моему, он скорее говорит в пользу написаний с геминатами уже в аттическом тексте.

⁵ GH: 6. Ср. 5: «Il est probable [sic!] que le texte homérique a dû être mis par écrit en Ionie d'Asie avant de l' être en Attique».

⁶ Ibid. 103, 175; DELG II: 489b (καμμορίη); Wathélet 1970: 160 suiv.; Forssman 1991: 281 с лит. Некоторые исследователи выводят подобные формы за рамки «Kunstsprache», приводя аналогии в северно-ионийских надписях, т. е. происходящих из контактной ионийско-эолийской зоны, см. Schwyzer GG: 107.

⁷ «The fluctuation between ὀφείλω and ὀφέλλω, 'owe', must be similarly explained [*Il.*] 11. 686n.). At *Od.* 7. 163 the imperative εἶσον from the aorist ἔσσα should be ἔσσον [em. P. Knight; в числе примеров Шантрэна, GH: 6] (original ΕΣΟΝ), and δεινόν at *Od.* 8. 408 [leg. 409: ἔπος... / δεινόν] may be an error for δεινόν, 'abusive' (ΔΕΝΟΝ)» (Janko 1992: 34).

⁸ δεινόν вместо δέννον, если вообще стоит исправлять; ср. ἔπος... / δεινόν φ 168 sq.; δεινά... ἔπεα πτερόεντα II 706, Υ 448; Sc. 445. δέννοισ' искажено из δεινοῖς в Archil. fr. 66 D.³; δέννον – диалектное ионийское слово, без этимологии, гемината имеет экспрессивное происхождение (DELG I: 263), т. е. может факультативно чередоваться с simplex.

локального диалекта⁹ и письменности¹⁰, на непоследовательность архаической орфографии вообще (6.3); на спорадическое упрощение геминат при внутреннем диктante¹¹.

Новейшие гомероведы¹² основываются на суждениях своих предшественников, а лучше сказать, исходят из них. Данные надписей, проливающие, как мы увидим, ясный свет на проблему, но еще неизвестные старым исследователям¹³, если и привлекаются, то лишь выборочно и вообще поверхностно. Виламовиц писал о Карле Кобете, «главном защитнике μεταγραμματατισμός: «Und der lebt im Stande der Unschuld gegenüber der Epigraphik» (Wilamowitz-Moellendorff 1884: 302). С тех пор мало что изменилось. Кауер (Cauer 1895¹: 76, то же – в последующих изданиях) возводил написание καιροσέων η 107 (leg. -ουσσέων) к ионийским спискам, ссылаясь на Τειχιόσης в архаическом посвящении из Дидим (4.1), не упомянув при этом, что тут же стоит Ἀπόλλωνος¹⁴. Очевидно, он исходил из невозможности scriptio defectiva с -σ- = -σσ- вместо атт. -τ(τ)- в аттической вульгате. Однако надписи показывают, что это вполне реально, ср. Μελίσεϛ (gen. f.) в метрической эпитафии SEG: 38 уже около 530 г.¹⁵ Спустя столетие, Р. Джанко повторяет его ссылку на

---

⁹ νεογιλῆς; ὀφείλετ', ὄφειλον Λ 686, 688, 698 вместо обычных эол. ὀφέλλετ(ε), ὀφέλλον, как Τ 200, θ 312 (ср. 1.2.3 κ ἐπέρασσα); последние две формы вполне могут быть ионийскими (ср. ὀφείλεν inf., Фасос, ὀφελέτω = ὀφεί°, Эрифры, Bechtel GD II: 70), но смущает то, что все они концентрируются в соседних строках «Илиады».

¹⁰ Как известно, в Афинах, особенно в текстах, имевших общественное значение, не было принято выписывать геминаты вплоть до 403/402 г. до н. э., когда был официально введен ионийский алфавит.

¹¹ См. 6.4; в Аттике фиксируется с середины V в., Threatte I: 513 ff. Ср. в целом: Thumb – Scherer: 220 § 294.

¹² Janko 1992: 34, 37; Haslam 1997: 57, n. 3. «the earliest texts were written in archaic local alphabets, which did not mark word division or double consonants, or distinguish between ε, η and (secondary) ει» (Horrocks 1997: 194) и т.д.

¹³ Ср., например, Homeri Iliadis carmina... ed. W. Christ (Lipsiae 1884) CV.

¹⁴ У Гомера другие слова с -φειντ-, за исключением λωτοῦντα Μ 283 (Аристарх), всегда выступают в неконтрагированной форме. Отсюда можно заключить, что отрывок, в котором стоит καιροσέων, является относительно поздней интерполяцией (так Людвиг вслед за Найтом и Фридендером, а также Шантрен (GH: 35); καιροεσσέων и λωτοῦντα не вменяются в дактилический стих).

¹⁵ Буквы и диалект аттические. Поучительны также Κυρβισῆς наряду с Κυρβισός и тем же Τειχιόσσα и т. д. в списках фороса 450-х–440-х гг. и Θεσαλός, Μεσάμιος в эпитафиях рубежа VI/V вв. IG I³ 1375, 1355; Threatte

Τειχίωσης (Janko 1992: 34, и за ним – Horrocks 1997: 195), словно по-прежнему неизвестны ни это Μελίσεϛ (надпись издана в 1931 г.), ни ἐ[πι]πέσσειν, [0]άλασσαν, κηρύσσειται, πρήσσειτο в синхронных милетских и хиосских надписях (4.1; 4.2; ср. 6.1), ни раскрытые написания в древнейших метрических надписях VIII в. (2.1), ни, наконец, основанные на них заключения А. Хойбека (1979 г.) об орфографии древнейших гомеровских рукописей (2.4.2).

Между тем на верный путь выводили уже наблюдения Ману Лёйманна (Leumann 1950: 50 ff) над удвоенными написаниями λ, ρ, μ, ν в анлауте после краткого гласного in longo типа ἐνὶ μμευάροισι¹⁶ в некоторых рукописях: чтение ΚΑΤΑΔΕΝΝΟΤΙΟΣ (как PGenf II в. до н. э.; ср. там же ὕδατι λλιερῶι 830) в Λ 811 (= κατὰ δὲ ννότιος) было известно еще Каллимаху (fr. 350 Pf.), который¹⁷, прочитав scriptura continua как δ' ἐννότιος, получил «неологизм» ἐννότις. Это подсказало Лёйманну интерпретацию ὁ ἐμμεμαῶς E 142, μάλ' ἐμμεμαῶς Υ 468 и др. как результата ошибочного расчленения ὁ γε μμεμαῶς X 143 или аналогичной фразы на γ' ἐμμεμαῶς еще автором «Илиады»¹⁸.

1.2. Самого пристального внимания заслуживает еще один случай, оказавшийся вне поля зрения гомероведов. Речь идет о написании Κιμμερίων в «Одиссее», значение которого для нашей темы выявляется при сопоставлении с восточными формами этнонима – аккадской, еврейской и армянской.

Ассирийские писцы использовали следующие знаки для написания имени киммерийцев: PAP-ir (фонетически Gamir или Gimir), ga-MIR, ga-MIR-ra, gi-MIR-ra-a-a (фонетически -mir(-) /-mer(-)), gam-ra-a-a и т. п., но никогда gam-mir^o, gim-mir^o или под. (Parpola 1970:132 f.) В то же время эти написания по меньшей мере не препятствуют трактовке гласного в первом слоге как краткого (ни разу ga-a-mir^o, gi-i-mir^o и т. д.).

В древнееврейской письменности вплоть до конца VII в. н. э. геминаты графически никак не обозначались, но если бы традиция донесла звучание этнонима с геминатой до масоретов, еврейских книжников, снабдивших книги Ветхого Завета пунктиацией (диакритическими значками, указывавшими на правильное, по их сведениям, произношение слов), то они написали бы букву *mem* с так наз.

I: 515, 524 f., 538 f.; «It should be noted that there was a certain tendency to simplify the non-Attic -σσ- to -σ-» (p. 539). Ср. 3.3 (расписные сосуды).

¹⁶ В данном случае речь скорее идет об отражении древнего анлаута *sm^o, следы которого обнаруживаются в микенском, см. Kazansky 2008: 411.

¹⁷ Вслед за Зенодотом? – ср. Pfeiffer 1978: 175.

¹⁸ В 3-ем издании «Grammaire homérique» Шантрен никак не отреагировал на открытие Лёйманна, но принял его в DELG III: 685a.

dāgēš forte (точка внутри контура буквы, обозначающая удвоение данного согласного, в данном случае – ḡ). Однако в масоретской Библии находим Gōmār, а в Септуагинте Гоџер (*Ez* 38: 6), Гаџер (*Gen* 10:2 sq.). Если форма Gōmār и транскрибирующее ее Гоџер демонстрирует полную адаптацию этнонима в древнееврейской языковой среде (по убедительному мнению И. М. Дьяконова, она вокализирована из Gōmār, имя жены Осии, *Hos.* 1:3 – Diakonoff 1981: 116¹⁹), то Гаџер в сопоставлении с аккад. Game/ir(-), др.-армян. Gamir-k' (ниже) должно отражать подлинное, домасоретское, звучание слова. Соответственно Дьяконов реконструировал для библ.-евр. *Gāmēr с позиционно долгим ā в первом открытом и ē < i во вторично закрытом слоге (как библ.-евр. nāmēr 'леопард' по модели qōfēl (< qāfēl) < *kāfīlu; не исключено и *Gāmār (ср. Ivantchik 1993: 146, resp. Иванчик 1996: 152) – подобно barzāl 'железо' < *barzil(1)u; библ.-арам. parzāl < -ēl, видимо, из аккад. parzillu или общего источника – происхождение слова не выяснено). Эта форма без труда может быть возведена к аккад. Game/ir или Gāme/ir (ниже)²⁰, если не прямо, то через посредство арамейского, lingua franca Новоассирийского царства (qaḫil *Gəmar или qāḫil/qāḫel *Gāmar, как библ.-арам. nəmar 'леопард', или sāḫar 'писец', где -a- из -e/i- под влиянием -r²¹), с соответствующей перестройкой вокализма²².

¹⁹ Мне неясно, почему М. Нот предполагал противоположный процесс (Noth 1928: 175, Anm. 2): женское имя «первоначально звучало ḡḡḡ или ḡḡḡ. Прямо отрицает регулярность такого образования Stamm 1980: 114 f.; насколько я могу судить, антропоним нормально образован как гипокористик (Делич ошибочно думал о nomen abstractum – «Vollkommenheit» – Delitsch 1886: 200) от композитов типа библ.-евр. Gəmar-yāh, -ū (ср. ibid. 175; Kornfeld 1978: 46: Gmryh), подобно 'Ōhāl от 'Ōh^olī'āḫ (Noth 1928: 158; к гипокористикам-segolata – S. 38). Мужское Gmr известно в Самарии (Noth 1928: 22), а в Араде – Gmr-wn, другой гипокористик от композита с gmr в сев.-зап. семит. (Marqten 1988: 75). Ср. также ср.-ассир. Gamir[(если сохранилось полностью), Freydank, Saporetti 1979: 55 (впрочем, как мне указала Н. О. Чехович, это свидетельство сомнительно). Кроме 'Ōhāl засвидетельствованы и другие масоретские вокализации того же типа для библ. еврейских nomina segolata: 'Ōsām (исконно однокоренное, ibid. 227), в несемитских именах – Mōšā, Kōrāš (др.-перс. Kūraš); ср. W. Eilers. Kyros // BNF 15 (1964) 193, Anm. 45; ср. также 'āḫī-tōḫāl с неясным вторым компонентом (Noth 1928: 236; подобно 'iš bōšāt? – S. 138).

²⁰ Ср. библ.-евр. Bbl (масор. Bāḫāl) < аккад. Bābili/u; nqd (масор. nōqēd) < *nāqēd (ср. сир. nqd') < аккад. nāqīdu 'пастух'; srys (масор. sārīs) < аккад. (ассир.) ša ḡēši 'евнух' (Kaufman 1974: 76, 100, 147 f).

²¹ Правда, время перехода -ir > -ar неизвестно; не помогает и араб. sāḫir 'волшебник', заимствование из аккад. через арам. (см. Kaufman 1974: 90 и

Из-за утраты в древнеармянском уже ко времени Месропа Маштоца количественных различий гласных и (за редким исключением) древних геминат бесполезно в интересующем нас отношении и армянское наименование Каппадокии – *Gamir-k'* (вероятно, тоже из аккадского²³).

Однако, вполне возможно, что практически бесполезен и весь наш анализ, т. к. ассирийская форма *Gamir/ir-*, судя по всему, возникла под влиянием аккад. *gamir* ‘весь; целиком’ (Иванчик 1996: 147); не исключено, кажется, и переосмысление ее как глагольного образования от этого корня (*gmrg*), а именно причастия *gāmīr(um)* от *gamārum* ‘perficio’, ‘deficio, pereo’. Поэтому исходить надо из формы *Gime/ir-*²⁴, большая аутентичность которой подтверждается тем же вокализмом в нашем *Κιμμέριοι*.

Эта аккадская форма уже определенно свидетельствует против этимологического происхождения гомеровской геминаты; в то же время она по крайней мере не препятствует трактовке гласного первого слога в *Κιμμέριοι*, да и в самом этимоне, как краткого. Отсюда следует, что *μμ* в гомер. *Κιμμέριων* представляет собой графическое обозначение метрического продления первого слога²⁵, как в *ἄλλοφον* (*K* 258), *ἑλλίσσονθ'* (*I* 585), *ἑλλιτάνευε* (*X* 414), *ἐννεσίησι* (*E* 894), *ἐννοσίγαιος* (*I* 362 и др.; ср. *ἐνοσίχθων*), *ἔδδεισεν* (ниже, прим. 41), *(αἰγίδα) θυσανόεσσαν* (*E* 738 и др., ср. *DELG* II 447), в аналогических *ἔμματαεν*, *-ες* (*ρ* 226; *σ* 362; ср. *ἔμμορε* < *sesm^o), *νεμέσσι* (*Z* 335, после эол. *τόσσον*; обычно объясняют влиянием *νεμεσῶω/νεμεσσῶω*; но еще ближе аналогия с псевдоэолийскими дативами на *-εσσι*)²⁶. Таким способом была решена задача помещения в гекзаметр слова, имеющего три кратких открытых

след. прим.), т. к. в арабском слово могло быть воспринято как активное причастие (*qâtil*) в обычной функции *nomina agentis*.

²² Ср. мандейск. *g'wr'* < аккад. *gāwir < *gāmīru* ‘дверной засов’; сир. *nqd'*; манд. *s'hr'* ‘демон’ < аккад. *sāḫīru* ‘волшебник’ (Kaufman 1974: 51, 90).

²³ Во всяком случае, не из *LXX*, как видно из разницы в вокализме (Тохтасьев 1993: 91).

²⁴ Ср. Иванчик 1996: 147 сл., 158, с невозможной реконструкцией арамейской формы «*Gēmār» (< *Gimēr, 150 сл., 158), якобы объясняющей альтернативу Гомер/Γαμερ (вполне понятную и без того). Из *Gime/ir(-)* могло получиться (после редукции в первом слоге, время которой не установлено) только *Gēmīr > *Gēmar (*qīfl*).

²⁵ Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993: 40 сл.; Tokhtas'ev 1996: 1, 34 ff.

²⁶ Solmsen 1901: 16 f., 81–85; Chantraine GH: 100; Wyatt 1969: 83, 94, 115 ff., 226; Horrocks 1997: 210. Иначе об *ἐννοσίγαιος* см.: Forssman 1991: 276, Anm. 68.

слога подряд²⁷. Не считая ἐννοσίγαιος, часто замещающего собственное имя Посейдона (как Φοῖβος для Аполлона), в сфере ономастики аналогиями могли послужить имена важнейших гомеровских персонажей – Одиссея, в котором (часто даже в соседних стихах, ср. δ 280 и 284, ζ 320 и 322 и др.) metri causa чередуются -σσ- и -σ- (у Гомера чередование как бы оправдано этимологизацией от глагола ὀδύσσομαι, ср. τ 407: ὀδυσσάμενος; α 62: ὀδύσαο), и Ахилла (Ἄχιλλεύς/Ἀχιλῆύς, например, в Φ 144 и 147, 263 и 265), также неизвестного, но во всяком случае негреческого происхождения,²⁸ которое вызывало неясные этимологические ассоциации у самого Гомера (то с ἀχλύς, то с ἄχος²⁹). Различие здесь лишь в том, что simplex в этих именах характеризует метрическое сокращение³⁰.

1.2.1. Этот способ обозначать продление слога с помощью неэтимологической геминаты изредка используется и в дальнейшем. В «Теогонии» 1002, у Пиндара, *Pyth.* III, 1; IX, 30, Вакхилида, XXVII, 34, Аполлония Родосского, I, 554 и др. сын океаниды Филеры (Φιλύρη) именуется Φιλλυρίδης (см. Maass 1949: 307); в «Гимне Деметре» 87 по соседству с гомер. ἐννοσίησι (30; также *Theog.* 494) находим ἔλλαχε (также Theog. XVI, 46; по аналогии с ἔλλαβον < *(e)slag^w- и т. п.); у эпического поэта III в. Эвфориона из Халкиды – Πελλιάδες (SH fr. 414, 11, дочери Пелия – Πελλίας (Maass 1949: 307)); в мелиамбах Керкида из Мегалополя (fr. 2b I, 13 D.³) – μεταμελλόδυναν (ср. μεταμέλεια)³¹; в эпитафии из Аполлонии в Писидии римского времени – οὔνομα (книжная гомеровская форма с продлением!) Δεββώρα (~ библи.-евр. Dəḇḇōrā) (Peek 1980: № 39₂).

²⁷ О нетерпимости греческого языка к трем и более кратким слогам подряд, а также о том, что в эпосе в подобных слогх продлению, как правило, подвергался именно первый слог, см.: Schulze 1892: 16 sqq., 224 sqq., 448; Page 1951: 88, ad v. 51; Тронский 1973: 156 слл. с лит.

²⁸ Из последних (по-моему, безуспешных) попыток объяснения из греческого см.: Nagy 1976: 209–237; Vader 1999: 348 suiv.; ср. еще: Hooker 1996: 673 и п. 10.

²⁹ Rank 1951: 42 f.; здесь же (s. 51–68) – об этимологизации Гомером имени Одиссея.

³⁰ Chantraine GH: 110; DELG I: 150 suiv. Это вытекает из самой частотности употребления у Гомера форм с geminata/simplex. Для Ὀδυσσεύς ср. также Ὀλυπτεύς, Ὀλισσεῖαι и т. п. в диалектных надписях (см. 5 и Kamptz 1982: 355 f.; Threatte I: 484, с лит.; Wachter NAVI: 265 ff.), связанных с независимыми от гомеровской традиции, но тоже эпическими источниками.

³¹ Schwyzer GG: 104, Anm. 1, со ссылкой на Пауля Мааса, DLZ 1929: 1866 f.

1.2.2. Высказывались и другие гипотезы относительно геминаты в Κίμμερος . На мой взгляд, они или гораздо слабее аргументированы, или просто ошибочны (см. Tokhtas'ev 1996: 35, Anm. 126)³². В одной из последних своих работ проблему затронул И. М. Дьяконов, который, вопреки возражениям А. И. Иванчика (Иванчик 1996: 138 слл.), продолжал настаивать на выдвинутой им (в сотрудничестве с В. А. Лившицем) иранской этимологии этнонима (Diakonoff 1985: 477b.): «I am not convinced and prefer my own explanation (two forms: [Iran.] *gāmīr with full vocalism, and *gmīr with contracted vocalism; [Akkad.] *gimrāia < *gmīrāia!). The forms with -e- [i. e. *Gōmār* ВН, Гоμερ, Γαμερ LXX, – S. T.] are conditioned by the following -r; -īr- // -īrr-. It is true that the [Iran.] verb *īr- is rare one, but there is no reason why a frequent root should have been used in that particular ethnonym. Note that -r- cannot be reduplicated in Hebrew, and in Greek is compensated by the reduplication of -m-». Отметим, однако, вслед за Иванчиком, что (лишь спорадическое) появление ассирийских форм с -gr- едва ли объяснимо иначе, нежели несовершенствами клинописной графики³³, предположение о переходе -īr- > -igr- по так наз. «закону Эрики Райнер» (метатеза долготы) выдвинуто ad hoc, т. к. Дьяконов постулировал долготу в аккад. лишь ex etymologia, а отчасти как раз путем обратного заключения из написаний с -igr-. Кроме того, резонно задаться вопросом: могло ли реально случиться так, что эти формы были восприняты греками непосредственно от ассирийцев? (так можно понять слова Дьяконова; к сожалению, я не успел уже обсудить с ним этот вопрос). Прямые контакты ассирийцев с греками в VIII в. не засвидетельствованы, не считая киприотов³⁴ или, возможно, памфилийцев, менее всего имевших отношение к созданию и развитию

³² Изложенные здесь соображения о метрическом происхождении геминаты в гомеровской форме этнонима были приняты (с долей осторожности) А. И. Иванчиком – Ivantchik 1989: 1, 15, n. 2. В соответствующем разделе его книги о киммерийцах в обеих ее версиях (Ivantchik 1993: 135, resp. Иванчик 1996: 141), указание на авторство из текста выпало, что, между прочим, ввело в заблуждение Дьяконова (Diakonoff 1985: 475 b).

³³ Ср. (по хрестоматии Иванчика) в № 7: Gi-mīr-ra-a-a, но Gi-mīr-a-a в № 8 (идентичный текст!); № 13: Gi-mīr-ra-a-a в стк. 8, 11, но Gi-mīr-[a-a] в стк. 10; в № 45 gv, стк. 20 (~ 46, стк. 5): Gi-mīr-ra-a-a ~ Gi-mīr-a-a (редакция F: Gi-mīr-ra-a-a). Иванчик (с. 149) ссылается в этой связи на написание Gim-ra-a-a (дважды!), т. е. Gimrāja.

³⁴ Кипрская ἑκδοσις «Одиссеи» (Р. Оху LIII 3710) в условиях господства в эпоху архаики силлабического письма, разумеется, не могла продолжать древнейшую эпическую традицию.

эпоса³⁵. Если они всё же имели место, то, учитывая языковую ситуацию в Ассирии этого времени, они осуществлялись бы, несомненно, через посредство арамейского (где, как и в еврейском, по-видимому, не было геминированного -гг-), а не аккадского (на котором никто и не говорил в приморских районах). Метатеза геминации – реальное явление в греческом языке, но не столь уж частое (и встречающееся преимущественно в поздних текстах)³⁶, чтобы на этом основании строить и без того рискованные комбинации со многими неизвестными.

1.2.3. Опять же, с оглядкой на восточные формы ожидалось бы *Κιμμερωι, а не Κιμμερίωι. Очевидно это суффиксальное оформление принадлежит Поэту или его эпическому же источнику. Каллин употребляет Κιμμέριοι как существительное³⁷, но у самого Гомера этноним формально может рассматриваться в качестве прилагательного (как бы от *Κιμμεροι или какого-то топонима): ἔνθα δὲ Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμὸς τε πόλις τε – «а там народ и город киммерийских мужей». Очевидно форма с исконно адъективным -ιο- образована по модели аппозитивных сочетаний Μεσσηῖοι ἄνδρες φ 18, Τάφιοι ληϊστορες ἄνδρες ο 427 (племя в Акарнании; очевидное производное от названия тамошнего острова Τάφος, упомянутого в α 417); ср. также Αἰτώλιος Δ 399, Βοιωτίος Ρ 597 (в обоих стихах – перед буколической дизрезой) и Ξ 476, Δαρδανίων Β 820, наряду с нормальными и обычными Αἰτωλός, Βοιωτός, Δάρδανοι (Δάρδανος ἀνὴρ Β 701) (Kretschmer 1923: 92; Wackernagel 1924: 58 f.). Порядок слов (нормальным является тип ἄνδρες Ἀθηναῖοι – Schwyzer, Debrunner GG: 614) тоже продиктован размером. В итоге строка, где упомянуты киммерийцы, получила такую же метрическую структуру, что и формульная параллель πλάζετ' ἐπ'

³⁵ Уже одно это ослабляет остроумные доводы Д. В. Панченко (Panchenko 1998: 2, 396 ff.), предложившего гипотезу о переднеазиатских истоках гомеровского образа киммерийцев, закрытых туманом и облаками. Во всяком случае, я не вижу аргументов, заставляющих принять это с необходимостью; даже если допустить, что соответственно окрашенная информация поступила в Эгейскую Грецию через вездесущих финикийцев или греческих (с Эвбеи или Родоса) торговцев, например, из фактории в Аль-Мине, это не выводит его гипотезу за рамки недоказуемого.

³⁶ См. Kretschmer 1894: 173; Schulze 1966²: 288 и Anm. 6; 711; Schwyzer GG: 268; Threatte I: 222, 367; Masson 1990: 399 suiv.; ср. Schmitt 1991: 133, Anm. 5; Тохтасьев 1988: 174.

³⁷ ἔνθ' ἐπὶ Κιμμερίων στρατὸς ἔρχεται ὀβριμοεργῶν, fr. 3 Gentili – Prato. Подразумевается киммерийское нашествие на Лидию в 640-е гг. до н. э., когда они взяли Сарды и убили царя Гигеса.

ἄλλοθρόων ἀνδρῶν δῆμόν τε πόλιν τε ζ' 43 (ср. Иванчик 1996: 141), причем Κίμμερίων занимает место прилагательного ἄλλοθρόων (эпитет, подходящий гомеровским киммерийцам как никому другому). βῆ ῥ' ἐς Φαιήκων ἀνδρῶν δῆμόν τε πόλιν τε ζ' 3, еще одна, метрически не столь близкая, параллель к λ 14, содержит собственно этноним, пусть и мифический. Подобные сочетания вообще принадлежат к тем, «о которых в точности не известно, следует ли предпочесть адъективное или субстантивное употребление»³⁸, что, собственно, и создало почву для свободного продуцирования искусственных метрических дублетов на -ιο- от исконных ἐθνικά типа Αἰτωλός.

Итак, перед нами яркое свидетельство того, что вся – начиная с Каллина – греческая словесность, знающая этноним только в форме с -ιο-, восприняла ее именно у Гомера; а из того, что этноним всегда пишется с двумя ιι, естественно сделать и обратное заключение, что и сама эта орфография восходит не к экзегетам доалександрийского периода, как, например, ἔινυσθαι (1.1) или ἐπέρασσα ε 409³⁹, а к самому Гомеру⁴⁰.

1.2.4. Действительно, если в гомеровские времена количество гласного в первом слоге этимона должно было быть известно, то аттические «редакторы» гомеровского текста уже едва ли могли это знать: после разгрома киммерийцев Алиатгом около 600 г. они навсегда исчезают со страниц истории. Зачем было им переправлять ΚΙΜΕΡΙΩΝ на ΚΙΜΜΕΡΙΩΝ, когда ничто не мешало допустить, что у Гомера первый слог долгий потому что долгим был сам гласный ι в этом варварском слове?⁴¹

³⁸ Wackernagel 1924: 58; Schwyzler, Debrunner GG: 176, 614. См. далее с примерами: Тохтасев 2002: 20 (тип γυνῆ Σικελή ω 211).

³⁹ По образцу γέλασσε, ἐδάμασσα, κέρασσα и т. п. с ᾶ вместо атт. ἐπέρασσα, в свою очередь заместившего ион. ἐπέρησα (как установил Вакернагель, это скрытый аттицизм), Chantraine GH: 411 и п. 1.

⁴⁰ Tokhtas'ev 1996: 34, Anm. 124; 36; там же см. о придуманной Ликофроном (695, 1427), тоже metri causa, форме Κίμμερος, которая парадоксальным образом оказалась ближе к этимону, чем исходная гомеровская.

⁴¹ Правда, ἔδδεισεν κ 448, ὑποδδείσας ι 377, π 425, ὑποδδείσασα κ 296 (1.2) доказывают принципиальную вероятность того, что даже в греческих словах удвоенные написания согласных в качестве графической нотации долготы предшествующего слога, могли возникать ad hoc и без особой надобности: ведь во всех других местах эти слова в рукописях пишутся с одним -δ- (ср. также ἔδεις, ἐδείσας, тоже с долгим); долгота образовалась двойной закрытостью слога в *ἔδδεισε и т. д. и, закрепившись в стандартных формулах ὡς ἔφατ', ἔδεισεν δ(ἐ)... (A 33, 568, Γ 418 и др.; та же метрическая схема, что в κ 448: ἀλλ' ἔπετ' ἔδδεισεν γάρ...),

Не слишком правдоподобно выглядело бы и предположение, что произношение с геминатой стало известно в Аттике из уст рапсодов: *Νέκλια* никак не подходит для публичного исполнения; правда, на «вазе Франсуа» (около 570 г.) среди участников Калидонской охоты изображен некий Киммерий (Κιμέριος, в староаттической орфографии) (Pfuhl 1923: Abb. 25), что позволяет предположить знакомство афинян с ионийской, судя по всему, версии сказания⁴².

Может быть, форму с *plene* взяли из рукописи Каллина? – В высшей степени сомнительно, хотя бы потому, что пришлось бы экстраполировать в VI век методы эллинистических филологов.

Ясно, что основываясь на подобных догадках, приблизиться к надежным выводам невозможно.

Выручает ионийское метрическое граффито начала V в. из Ксанфа в Ликии SEG: 465: Κιμμέριός με ἔκλεψε[ν], ἐπειτ' ἔκτινέ μ' ἄμυστιν. Облик этого имени, которое носил также гражданин Эфеса, сражавшийся на стороне спартанцев при Эгоспотаммах (Κ[ιμμ]έριος Πελασγῶ⁴³), воспроизводит обе специфические черты гомеровского этнонима. Поскольку сама мысль о хождении в V в. вульгарных аттических списков Гомера (ср. 3.7) в ионийском культурном ареале абсурдна, постольку остается сделать вывод, что написание ΚΙΜΜΕΡΙΩΝ имелось в ионийском прототипе аттических экземпляров «Одиссеи». Учítывая, что византийские рукописи гомеровских поэм, восходящие к «аттической редакции», не содержат текстологически значимых вариантов для Κιμμέριων в λ 14, это чтение можно реконструировать и для другой древнейшей ветви традиции.

На очереди вопрос, практиковались ли раскрытые написания геминат уже в гомеровские времена. Хоррокс так формулирует вопрос: «We cannot know, of course [!], whether 'Homer' himself doubled his liquids/nasals or lengthened the preceding short vowels in such cases [i. e. ἄλλοφον, ἔμμαθεν etc. – S. T.], and the later orthography simply adopts the spellings standart at the time of the transposition into the Ionic alphabet» (Horrocks 1997: 211). Проблема

ὑποδείσαντες ὄμοκλήν (M413, ψ 417, 446, Ω265), казалось бы, не должна была специально отмечаться; ср. Meister 1921: 205; Schwyzer GG: 227; Thumb – Scherer: 221. Вероятно, отчасти поэтому против таких написаний (несмотря на ὑποδείσατε (μῆμι) ΩΩ–ΩΩ β 66) и выступал Аристарх, см. La Roche 1866: 390.

⁴² Ср.: Скржинская 1986: 87, 94. Калидонская охота является сюжетом рельефного фриза из Миунта 1-й половины VI в. (около 575 г.), т. е. того же времени, что творение Клития и Эрготима; см. Philipp 1989: 441–449.

⁴³ Syll.³ 115 IV = FD III/1 53 coll. Paus. X, 9, 9. Ср. Тохтасьев 2002₂: 302; Tokhtas'ev 2007: 609.

не представилась бы ему столь безнадежной, если бы он был знаком с вполне аутентичными свидетельствами надписей, в первую очередь – метрических.

2. Метрические надписи

Прежде чем обратиться к надписям, необходимо отметить, что при их датировках нам, как правило, приходится полагаться на мнение издателей и специалистов, которые специально занимались историей греческого письма архаической эпохи, прежде всего – Джеффери и Гвардуччи. Необходимо постоянно иметь в виду, что датировки эти в целом приблизительны и даже для V в. до н. э. расхождения в мнениях разных исследователей иногда достигают полувеков⁴⁴. Лишь в редких случаях палеографическая датировка поддерживается археологическим контекстом со своей отчасти независимой хронологией или искусствоведческим анализом. Именно так обстоит дело с двумя древнейшими метрическими надписями, которые содержат интересующий нас материал.

2.1. Графическое обозначение геминат впервые засвидетельствовано для времени, близкого к созданию «Илиады» и «Одиссеи» застольной эпиграммой на чаше, найденной в погребении, датирующемся последней четвертью VIII в. до н. э., на некрополе древнейшей греческой (халкидской) колонии на о-ве Питекуссы (так наз. «кубок Нестора», SEG: 454): καλλιστῆ[φά]υο Ἄφροδίτης. – Ср. 4.22 (Кумы).

Следующей по времени является эпиграмма Мантикла (Беотия, видимо, из Фив) около 700 г. на посвященной Аполлону (Ἰεκαβάλοιο ἀργυροτόξοιο) бронзовой статуэтке: Φοίβε δίδοι χαρίεττα⁴⁵

⁴⁴ Отметим методически важные замечания А. Рема (Didyma II [Berlin 1958] 1 ff.) и С. Я. Лурье (Luria 1964: 1, 88–107; см. также: Winters 1995: 282–288; для граффити: Jeffery LSAG: 64; Суриков 2000: 114 и прим. 43.

⁴⁵ Оставляю в стороне вопрос о фонетическом значении σσ = атт., беот., зап.-ион. и др. τ/ττ = вост.-ион. σσ/ττ (сампи на Самосе – уже в VII в., Jeffery LSAG²: 471. 1; A. Striano Corrochano // Emerita 57 [1989]: 103 ss.); в Милете сампи известна пока только в VI в. (вероятно, середина – 3-я четверть), Inschriften von Milet: 1278). Обычно думают об аффрикате, судя по всему, правильно. Отметим однако (вместе с Швицером), что в стихе эти знаки «создают позицию», Schwyzler GG: 317 ff.; см. далее: Allen 1987: 60 f.; Brixhe 1978: 63–73; Brixhe 1982: 209–249. Показательна сама практика удвоенного написания, которая могла появиться лишь тогда, когда графическое обозначение «настоящих» геминат уже получило распространение; впрочем, и аффриката могла быть геминированной. Формы с

ἀμοιβ[άν]⁴⁶; это выражение, восходящее к гомеровской аккламации δίδου χαρίεσσαν ἀμοιβήν (γ 58: к Посейдону), находим также на коринфских votивных табличках – πίνακες VI в. (но без обозначения геминаты) и – вместе с эпич. ἄνασσα – в эпиграмме из Смирны того же времени (см. 2.2). – Ср. 4.11.

Очевидно, не относится к делу стоящее здесь же τᾶςδεκάτας с возникшим в сандхи /zd/ (обычно исправляют на {δ}δεκάτας – почему не δ{δ}εκάτας; или σδ = ζ /zd/? – подсказано Н. Н. Казанским). В позднейших беотийских надписях (начиная с LSAG: 95, Pl. 9. 17, 3-я четверть V в.) находим Πολύδδαλος с /d̥d/ (?), ассимилированным из /zd/, но во внешнем сандхи и даже в композитах полной ассимиляции /sd/ (как спорадически в Гортине: τᾶδδαίσιος и т. д., Buck GD: 82 § 97. 4 и ниже, прим. 56) не происходило (дело ограничивалось озвончением /s/ > /z/), как доказывает, например, надпись 424 г. (LSAG: 93 f., 95. 19) с буквой Γ (Θεόζοτος IG VII 585 Π₁₅, Танагра), включенной и в алфавитарий на чаше того же времени (ibid.: 94, 95, Pl. 10. 29) (Фасмер 1914: 146). Учитывая, что в анлауте на месте ион.-атт. ζ- писали одну δ- (Δεῦξιππος, IG VII 2434₁₄ и т. д.), а также сопоставив τᾶςδεκάτας с аргоэск. ἠοῖζ δέ (SEG XI: 314 Π₁₂, 2-я четверть VI в., ср. 4.16), вторую δ можно определить как графический плеоназм.

2.2. Для VIII в. свидетельства из Питекусс и из Фив являются пока уникальными. Но эстафету подхватывают более многочисленные памятники VII–VI в.⁴⁷ Ниже параллельно приводятся примеры дефектных написаний геминат; аттические надписи рассмотрены отдельно (3.1), но учтены в общей статистике (2.3). Верхняя граница – рубеж VI/V вв., выбрана, конечно, чисто условно.

– [σὺ δ' ἄν]ασσα δίδο χαρίεσ[σαν ἀμοιβήν], Милет, 2-я половина VI в., SEG: 426 (приписано к числу надписей Смирны – см. Inschriften von Milet 3: 1244); вряд ли можно сомневаться в точности восстановления χαρίεσ[σαν].

одним σ resp. τ из ранних надписей, как, например, беот. Κίτυλος (ср. κιστός), коринф. [χα]ρίεσαν (-εσσα - *Fевтjǎ) (2.2) и Δαμοφάνασα (< *Fανακjǎ; 5.1) или др.-атт. τέταρες (конец VI в.) - *τετF° (ср. Schwyzer GG: 319; Thraette I: 537) и с точки зрения генезиса (рефлексы сочетаний согласных), и чисто графически ничем не отличаются от дефектных написаний ἠποσύναν (Беотия), περι[κ]αλέα (Локрида) и т. п. (2.2).

⁴⁶ LSAG: 90 f., 94, Pl. 7, 1 = SEG: 326 (с чтением ἀμοιβ[άν]); EG: 145 seg.: «massimo» – начало VII в.

⁴⁷ Часть этих примеров уже собрана Лейманном (Leumann 1950: 19, 272), но просто в качестве гомеризмов, а также Ришем (см. 2.5).

– περικαλλές ἄγαλμα, Самос, 2-я четверть – середина VI в.⁴⁸, вотивы Херамувы *ibid.* 422 и 423 (где, однако, нужно нам слово сбито); это же гомеровское (σ 300) выражение встречаем в посвящениях из Беотии (Птион) и Аргоса (ниже); искусственное $\theta\eta\iota$ (< $\theta\epsilon\eta\iota$) извлечено из тоже искусственных гомеровских дативов $\theta\epsilon\eta\iota$, $\theta\epsilon\eta\iota\sigma\iota$ (ср. 1.1). – Ср. 4.2; 6.1.

– Δ]άμαλιΣταφύλεο (?) (UU–), Аморг (Аркесина), 2-я половина VI в., *ibid.* 455 II; текст, по всей видимости, прозаический. – Ср. 4.3.

Написание с использованием одной *сигмы*, а также *ню* и (реже) других одинаковых согласных вместо двух на стыке слов, – не случайная ошибка; параллели (также в прозаических надписях) находим, в частности, в упомянутых ниже надписях с Делоса, Эвбеи, Наксоса (?), Родоса, из Олимпии, святилища Геры Аргосской (4.16), Сибариса, Тарента (см. 4.22), а также из Аттики VI–V вв. (SEG 26, 31, 32; 99 I₄ и др., Threatte I 513, 640), в лаконской надписи из Олимпии 490–480 гг. (SEG: 367₂), Озольской Локриды 1-й половины V в. (LSAG: 108, Pl. 15. 4, но здесь же *Φασστός ποι τὸν Φαστόν*)⁴⁹, при том, что в более древней локридской же надписи (см. 4.8.1) геминаты везде и многократно выписаны *plene* (поучительный пример, показывающий, сколь существенно могли различаться принципы орфографии даже в соплеменных и соседствующих полисах). Для гомеровского текста ср., например, рукописное ἀλαοσκοπήν (K 515 и др.) вместо ἀλαὸς σκοπήν (Chantraine GH: 6; см. также: Leumann 1950: 53).

Вместе с тем даже теоретически ожидалось бы, что при внешнем сандхи такого рода хотя бы факультативно имела место реальная симплификация геминат (ср. ниже, к родосск. Ζεῦδδέ; 4.16, к аргосск. κάττά; ἀρετῆστῆσα в ионийской уже орфографии в аттической эпиграмме № 99 I₄); графическими и фонетическими аналогами могут служить написания $\acute{\epsilon}$ + C вместо $\acute{\epsilon}\nu$, $\acute{\epsilon}\kappa$ + C вроде ион. $\acute{\epsilon}\text{Ναυκράτι}$ (Bernand 1970 : 419), $\acute{\epsilon}\text{Βορυσθένεος}$ (SEG XLVIII: 1024, Фанагория⁵⁰), $\acute{\epsilon}\text{Πελοποννάσο ἐξ Ἐλίκης}$ (SEG XXXVI: 717, Синдская Гавань; смешанные ионийские и ахейские диалектные характеристики), мессен. $\acute{\epsilon}\text{Φιαλείας}$ (Syll.³ 472₆), локр. $\acute{\epsilon}\text{Ναυπάκτο}$ и т. д.⁵¹, сокращение в стихе конечного долгого слога в гиае,

⁴⁸ Ср. Freyer-Schauenburg 1974: 29, № 7: около 560 г.; 95, № 49: 550–540 гг.

⁴⁹ Ср. Mendez Dosuna 1985: 156. Данные надписей позднейших эпох (особенно часто – в памятниках так наз. народного языка, т. е. граффити, defixiones и т. п.) см. Schwuzer GG: 410 и далее с лит. Тохтасьев 2000: 305 сл. и прим. 38 (ссылка на SEG: 172 ошибочна); 307 сл. и прим. 48; 314 (in fine).

⁵⁰ Ed. pr.: Vinogradov 1998: 154 ff., № 1₄.

⁵¹ И даже τὸῖΝυποκναμιδίοις в той же надписи (начала V в.) Syll.³ 47₂₁; ср. далее χόρε[h]οι (= χόρην οἶ), SEG XLIII: 633, Сиракузы, VI в. (коринфский

вероятно, также элизия или афереза гласных⁵². И действительно, по меньшей мере в одной (аттической) надписи не отмеченное на письме сочетание -ς σ- (если только имя стоит в номинативе, а не в генетиве) не создает долготы: Νιπόστ[рат]οσῆμα – –υυ –υ (SEG: 31, 2-я половина VI в.); напротив, в халкидской надписи 1-ой половины V в. *ibid.*: 322: (Ναυέσιποστῆσειν), и (если принять толкование Хансена) в делосской эпитафеме Миккиада (ниже) сочетание /-s s-/ создает позицию; прочие содержат либо долгий гласный перед виртуальными -ς или -υ, либо ансерс, или же слог и без того имеет природную или позиционную долготу; в *Ἰσομάκος* из Сибариса второй слог, скорее всего, краткий, но этот текст не поддается правильному метрическому анализу (см. комментарий Хансена). Кроме того, как показывают многочисленные примеры (см. Buck GD: 77 § 89. 7, 9; Threatte I: 638 ff., 636 f. и лит. выше, прим. 49), отпадение конечных -ς и -υ происходило и независимо от качества последующего звука, т. е. (вопреки Тритту) было фонетическим явлением; в этом отношении показательно спорадическое отпадение υ, μ перед смычным, т. е. графически просто необозначение назализации (например, Ἄφορο<υ> πέμπτας, Керкира, **4.21**; в инлауте: Πά<μ>βις, Колофон, около 591 г., **4.2**; Λά<μ>πο, Линд, VI в., Bull. ép. 1994, 153).

Соответственно и практика обозначения на письме -ς σ-, -υ υ- могла не считаться в ранней письменности совершенно обязательной, являясь, таким образом, именно экономичным написанием. Наконец, нельзя не принимать во внимание, что в ряде случаев (прежде всего – из-за частотности – для -ς σ-) мы имеем дело с простой гаплографией, естественной в *scriptura continua* (но примеров полно даже в византийских минускульных рукописях)⁵³. Ergo: «дефектные» написания в позиции внешнего сандхи не могут служить нам вполне объективными свидетельствами, само это обо-

---

алфавит, ионийский диалект); τοῖ φανάκοιν, Аргос, IV/III вв., *ΑΔ* 46 В (1991 [1996]) 103; τὸδαμόσιον Del.³ 322, Дельфы, IV в. Ср. Schwyzer GG: 336, 408 и особ. 230 (ассимиляция εСС, часто в дефектном написании; спорадическое упрощение геминаты; для ион., мессен. и локр. подходит лишь последнее толкование *resp.* диссимилятивное выпадение); Bechtel GD I: 342 f.; II 425, 20 f.; Buck GD: 77 § 89. 7; 82 f.; Mendez Dosuna 1985: 155 s.

⁵² Ср. ион. τΗρηι с Самоса 1-й четверти VI в., ἈπόλλωνΙητῶν, δυνάμιητῆ<η>ρος в ольвийских граффити около середины VI в., ἱερΗρα[κλέος] в граффито 470–460 гг. из Мирмекия, атт. Νίκαττᾶνθέκεν начала V в., см. с местами и лит.: Виноградов, Тохтасьев 1998: 1, 26, 34 сл. Ср. **4.1.2**, τᾶφρο[δίτηι] и под.

⁵³ Для литературных папирусов см.: Crönert 1902: 92.

значение для них является условным, в отличие от таких случаев, как Ἐπόλων, χαρίεσαν, ἠιποδρόμοιο.

– ἀλῆον (= ἀλλέων), вотивная эпиграмма Νκηβόλοιο ἰοχεάριη (ср. E 533 sq.) Никандры с Наксоса середины VII в., SEG: 403.

– ἐ]μροτοῖσιν (W. Peek) = ἐ(μ) μβροτοῖσιν, Наксос, VII в., *ibid.* 402 I; но ничто не мешает восстанавливать ἐμ]μροτοῖσιν или даже ἐν]μροτοῖσιν.

– ἐκηβόλοιο Ἐπόλλοιο, Наксос, конец VI в., *ibid.* 405.

– Νεοστία[δης, Делос, около рубежа VII/VI вв., LSAG²: 304. 9; SEG XLVII 1220 (как κα[λ]λίσστας [ниже]?).

– ἠιπποκ[ρ-, Делос, около 500 г., SEG 406.

– Μικκιάδης, Μικκιά[δης в двух сильно фрагментированных вотивных эпиграммах с Пароса (ср. 4.3) и Делоса середины – 3-й четверти VI в., высеченных, соответственно, паросским и, по-видимому, делосским алфавитами (LSAG: 294 f., 305. 29 (воспроизведение см. IG XII/5: 147) и 30 = SEG: 424, 425), сам же Миккиад – хиосец. Гемината здесь экспрессивного происхождения. В первой надписи сохранилось также κα[λ]λίσστας⁵⁴, во второй отметим нередкий в вотивных эпиграммах (уже в надписи Мантикла) гомеровский эпитет Аполлона и Артемиды ΝκηβΩ[λω/οι]. Согласно наиболее правдоподобной интерпретации (см. комментарий Хансена), в Ἄρχερμοσο[φ]ίεσιν (– – – –) № 425 инта стоит в номинативе (= Ἄρχερμος σοφίησιν).

– πΩλλάς, Фасос, вотив Акерата, «который управлял фасосцами и паросцами один (гомер. μὶνος) у тех и других»; последняя четверть VI в. (Launey 1934: 173–183, fig. 1 (175); LSAG: 301, 302, 307. 64; SEG: 416).

– ἀλλά, Фасос, эпитафия того же Акерата (Launey 1934: 180 *suiv.*; LSAG: 301 f., 307. 67; SEG: 162).

– ἐτέλεσε, Мелос, 2-я половина VI в., SEG: 418.

– φυλάσον, несмотря на стоящий рядом гомеровский (E 547 и др.) эпитет Афины ὀβριμράτ[ρ]η[ς]; посвящение сифносца с Кеоса, последняя четверть VI в., *ibid.* 410₃. – Ср. 4.3.

– Φοίβη Ἐπόλων, Дельфы, конец VI в., посвяtitель, вероятно, с Кеоса, *ibid.* 345; смешанный фокейский и кеоский алфавиты, диалект не ионийский, см. LSAG: 298, п. 1 и комментарий Хансена.

⁵⁴ О подобных написаниях (многие еще встретятся нам ниже), отражающих новый слогораздел (καλλίσ-στας) при сохранении метрической долготы предшествующего слога (подобно композитам с ἐκ-λ°, ἐκ-ν°), см. Schwyzer GG: 237 f.; Buck GD: 75 f.; ниже и прим. 56 (во внешнем сандхи). Редкий тип – халкид. (?) Εὐκκτέμονος, G. Manganaro // Chiron 22 (1992): 387, № 3 (SEG XLII: 865), Липары, начало V в.

–]ΣΣ τετιλειν[, Митилена, граффито конца VII или начало VI в., LSAG: 360, 361. 3 (IG: XII Suppl. p. 23, № 64); на метрический характер текста указывает сама семантика τίλλω⁵⁵. Вероятно, перед нами не самый частый случай внешнего сандхи – удвоение конечного ζ перед начальным глухим смычным следующего слова (τίλλω с превербами, оканчивающимися на -ς, по-видимому, не встречается), как, например, в фессал. Εὐδαμοος Κλεοθοίειος SGDI: 326 III₃₈, аргосск. Βαλοος τόνδ' CEG: 365 или атт. ἐς Τένεδον, ἐς τήν, εἰς τὰ (G. Meyer 1896: 304 f.; Schwyzer GG: 236; Buck GD: 84 § 101. 2; Threatte I: 537 f.). – Ср. **4.4**.

– ἄλλοις Κνιδίοισιν, Книд, 3-я четверть VI в., эпитафия, I.Knidios I 501; в ст. 4 – гомер. ἀνεμόεντι; в остальном шрифт и диалект – книдские.

– Ζεὺδέ, Камир, 1-я половина VI в., CEG: 459; ср. τόζ' Ἰδαμενέυς (< τὸδΙ °) в предыдущем стихе⁵⁶; как трактовать различие рефлексов греср. написаний -δε- = /d̥/ < -ςδε- и -ζι- < -δΙ-, не вполне ясно, особенно учитывая родосское же Δεῦς (ibid. 461 II, середина V в.). Согласно Фасмеру⁵⁷, ζ отражает /dd/ (< zd); в Ζεὺδέ он усматривал дефектное написание для -δδ-, указывая на ματρὸδέ (см. прим. 56) в надписи III в. до н. э.; однако тогда дефектные написания этого типа уже вышли из обихода, так что, учитывая эти позднейшие свидетельства, вероятнее всего ассимилятивное выпадение σ /z/ перед /d/ (Bechtel GD II: 620, 832; ср. Thumb – Kieckers: 189; Brixhe et al. 1988: 100, № 71); ср. ниже лакон. ὀπιδομί[ενος]. – Ср. **4.5**.

– Ἰππομένεος, πολλάν, VI в., Амос, I. Rhod. Per.: 351.

– περι[κ]αλέα, Галис (Опунтская Локрида), 1-я половина VI в., CEG: 348. – Ср. **4.8.2**.

– πολλός, Титроний (Фокида), конец VI в., *ibid.* 127.

– ἀνδροικέρας (= ἀνδρῶν νικήσας), Эретрия, рубеж VI/V вв., *ibid.* 321a. – Ср. **4.10**.

– следует упомянуть граффито эвбейскими буквами (с отдельными восточно-ионийскими или аттическими) на килике 500–480 гг. из

⁵⁵ Отсутствует в CEG, не упомянута у Р. Одо – Hodot 1990.

⁵⁶ Хансен ссылается на [?πρό]τεροδὲ πατὲρ Δα[μύα]σ]ιππος в элейской эпиграмме 2-й четверти V в. (386); для -ςδ- ср. родосск. ματρὸδέ (I. Lindos 88 В III_{287, 288}), τὰδευτέρας (SGDI 4250₄), аргосск. τὰδέ, крит. τὰδικας и под., но чаще с -δδ-, а обычно -ς δ-, как в LG; κ -ρδ- ср. книд. παδάματρα (I. Knidos I 147 A₂₀), крит. (LG) πατὲρδδοί и πατὲρδοί (Buck GD: 82 f. § 97. 4, 98).

⁵⁷ Фасмер 1914: 128, вслед за Хиллером фон Гертрингеном (IG XII/1 737: Ζεὺ<δ> δέ).

Фанагории⁵⁸; автор, кажется, пытавшийся составить триметры, использовал гомер. χαρίεσσα (вместо эвбейск. -ττ-); там же – κάλλος.

– περικαλλές ἄγαμα, Птион, 1-я половина VI в., SEG 335; ср. σ 300; Хансен по недоразумению печатает περικαλδές: на прорисовке М. Олло (подлинник утрачен), по которой надпись впервые опубликована Ж. Дюка (Ducat 1971: 386, № 238), ясно читается ΠΕΡΙΚΑΛΛΕΣ; таким образом, утрачивает силу ссылка Хансена⁵⁹ на метрическое граффито из Беотии того же времени:

– θειοῖς περικαλδέια δῶρα (ibid. 327; к гомер. περικαλλέα δῶρα, которое стоит в «Одиссее» σ 303 тремя стихами ниже предыдущего выражения; также θ 420; π 327); ΛΔ в περικαλδέια, конечно, является простой опиской вместо ΛΛ.

– Ἄπέλλοι, Птион, 1-я половина VI в., ibid.: 333.

– Ἄπολον ἄν[α]χς (ср. Α 36 и др.), Птойон, конец VI в., ibid.: 336.

– ἄλά и Πύριχος – ∪∪, Акрэфия, «са. 520–510», SEG XLIX: 505.

– Κιτύλος (прозаическая часть), -οι, Танагра, рубеж VII/VI вв., SEG: 109; имя происходит от κιττός/κισσός, ср. Κιττίης и др., Bechtel HP 593; GD III: 81.

– Καλλία Αἰγίθιοι, Галиарт, рубеж VI/V вв.; SEG 110, с таким комментарием: «Genetivus poeticus, non Boeoticus est (cf. genetivum epicum Αἰγίθιοι pro patronymico usurpatum et formam πρᾶσ' [sc.: pro -ττ- boeot.]); но в ранних эпиграммах гомеровские формы легко сочетаются – как у самого Гомера – с локальными диалектными (кроме того, Καλλία может быть номинативом); сомнительны, далее, как интерпретация Αἰγίθιοι = *Αἰγίθιοι (Αἰγίτθιοι) < Αἰγίσθιοι⁶⁰, так и чтение τὸ δ εὐ πρᾶσ' [ῶ] | παροδῶτα (Peek, Hansen); по моему, на камне вполне хватает места и для πρᾶσ[σ' ῶ]. Ср. Γατασσιάδας 4.11.

– ἀσσοῖ[ς], ἀριστεῦον, Фисба, рубеж VI/V вв., ibid.: 112.

⁵⁸ Σίμων χαρίεσσά εἰμι, κάλλος, ἀγαθὲ καὶ μετρίε – «Я емь прелестница Симон (т. е. 'Курносое существо'), красотка, добрая и умеренная» (предварительная публикация – Vinogradov 1999: 144 f. = SEG XLIX: 1048; Виноградов 2001: 103 сл., с другой, но неубедительной интерпретацией); neutrum κάλλος, относящееся к созданию женского пола, следует понимать как свернутое «вся красота» (поддержано грамматическим средним родом Σίμων), ср. χῶνῆρ δξος ἅπαν (Theocr. XV, 148) и τὴν Λήκυθον... τέμενος ἀνῆκεν ἅπαν (Thuc. IV, 116, 2), Wackernagel 1926: 52: «das Vorbild des neutralen Geschlechts von τέμενος wirkte stärker als die Rücksicht auf den Sinn».

⁵⁹ А также пространные рассуждения на этот счет Вахтера (NAVI: 240 f.), который так же невнимательно изучил рисунок Олло.

⁶⁰ Скорее к αἰγίθος 'название птицы' (Bechtel 1901: 425; Bechtel 1917: 580); правда, количество -и- неизвестно, как и этимология самого слова (DELG I: 30: ср. αἰγίθαλ(λος)?).

– $\eta\pi\sigma\acute{\upsilon}\nu\alpha\nu$ (ср. Δ 303; SEG: 4), Беотия, рубеж VI/V вв., *ibid.* 111. – Ср. **4.11**.

–] $\eta\lambda\alpha\pi\pi\omicron\varsigma$ (асс. pl.?), посвящение из Дельфов коринфским алфавитом 1-й половины VI в.⁶¹

–] $\alpha\acute{\lambda}\gamma\gamma\epsilon\acute{\iota}\lambda\alpha\varsigma$, $\tau\acute{\upsilon}$ $\delta\epsilon$ $\delta\delta[\varsigma \chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\sigma\alpha\nu \acute{\alpha}\mu\omicron\iota\acute{\phi}\acute{\alpha}\nu$, Пендескуфия близ Коринфа, VI в. (возможно, еще 1-я половина), SEG: 360; Вахтер (NAVI: 119, COP 1 A) читает $\delta\delta\rho\omicron\nu\text{?} \acute{\epsilon}\text{]} \pi\alpha\gamma\gamma\epsilon\acute{\iota}\lambda\alpha\varsigma$. Неясно, можно ли трактовать $\gamma\upsilon$ в качестве *scriptio plena*; «дефектные» написания для / $\eta\gamma$ /, кажется вообще не засвидетельствованы (но $\nu\gamma$ обычно, например, $\acute{\alpha}\nu\gamma\epsilon[\lambda]\dots\alpha\nu$, Амбракия, ниже; SEG: 416).

– $\chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\sigma\alpha\nu$ [$\acute{\alpha}\mu\omicron\iota\acute{\phi}\acute{\alpha}\nu$ и

– $\chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\sigma\alpha\nu$ [$\acute{\alpha}\mu\omicron\iota\acute{\phi}\acute{\alpha}\nu$, такие же votивные таблички, *ibid.* 358, 359.

– Ср. **4.13; 5.1**.

– Еще один текст на коринфской табличке 1-й трети VI в. Вахтер (NAVI: 123, COP 2A; 337) считает метрическим: – $\asymp - \mu'$] $\acute{\alpha}\nu\acute{\epsilon}\theta\epsilon\kappa\epsilon$ $\text{Ποτεδά}\phi\omicron\iota\ \acute{\phi}\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\iota$ / $\acute{\alpha}\upsilon\tau\omicron\nu$ пок' I A[– – –];⁶² однако эпическая формула $\text{Ποσειδά}\omega\iota\ \acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\iota$ (O57 и др.) могла быть использована в лишь частично метрических текстах, как это в некоторых посвящениях «Посейдону владыке» из Пендескуфии (ср. $\Sigma\acute{\iota}\mu\acute{\iota}\omicron\nu\ \mu'$ $\acute{\alpha}\nu\acute{\epsilon}\theta\langle\epsilon\rangle\kappa\epsilon$ $\text{Ποτεδά}\phi\omicron\nu[\iota\ \acute{\phi}\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\iota$ на пинаке SEG: 357 = NAVI: 125, COP 3; аналогично – 128, COP 11, 12 [?]). И предположение Вахтера, что речь идет о дефектном написании вместо $\acute{\phi}\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\tau\iota$ с ассимиляцией $\kappa\tau>\tau\tau$, а не о пропуске κ обосновано недостаточно, см. **5.1** к Кетор (позднекоринфская ваза).

– Ненадежно и чтение $\rho\acute{\upsilon}\lambda\alpha\varsigma$ (конечная сигма на рисунке Вахтера не выглядит поврежденной) на пинаке VI в. NAVI: 127, COP 10 (– –: начало гексаметра, согласно Вахтеру), т. к. от первой буквы (α , возможно, и второй; Вахтер: «The letter in front of - $\upsilon\lambda\alpha$ - is likely to have been the first») сохранилась лишь небольшая часть округлости, причем имя $\text{Κύ}\lambda\lambda\alpha\varsigma$, кажется, не засвидетельствовано. Сам Вахтер отмечает: «The whole first part is dubious».

– $\acute{\alpha}\lambda\lambda'$ $\acute{\epsilon}\nu\iota$ $\pi\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\iota$, Керкира, последняя четверть VII в., SEG.: 143: гомер. $\acute{\epsilon}\nu\iota$ ($\acute{\epsilon}\nu\iota$ $\pi\acute{\omicron}\nu\tau\omega$ в τ 277 и др.) рядом с эпическими генетивами $\text{Τ}\lambda\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\phi\omicron$ стк. 1 (но со своим – неэтимологическим – $F!$ ⁶³), $\kappa\alpha\sigma\iota\gamma\acute{\iota}\nu\acute{\epsilon}\tau\omicron\iota\omicron$ в стк. 6 (гомеровским является и само это слово) и безаугментным $\pi\omicron\nu\acute{\epsilon}\theta\epsilon$ в переходном значении (как у Гомера).

⁶¹ Nenci 1991: 367 seg.; ср. J. Bousquet // *Bull. ép.* 1992: 272 (возможно, окончание антропонима с $\text{-}\pi\pi\omicron\varsigma$).

⁶² Вахтер – $\iota\alpha$: к основам $\iota\alpha\acute{\iota}\nu\omega$, $\iota\acute{\alpha}\omicron\mu\alpha\iota$, $\iota\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ и т. д., предпочитая $\iota\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\varsigma$.

⁶³ Ср. Bechtel GD II: 250 и $\text{Πασιάδα}\phi\omicron$ LSAG: 273, 278, Pl. 53. 49 (=Dubois 1989: № 128, Гела, 3-я четверть VI в.; надпись прозаическая!); C. Gallavotti // *Helikon* 15–16 (1975–1976): 107.

ἐνὶ πόντοι еще раз находим в эпитафии середины V в. из Аполлонии Иллирийской, керкирской колонии (ibid.: 390).

– πολλόν, гомер. (ион.) вместо πολύ; эпитафия с Керкиры рубежа VIII/VI вв. (ibid.: 145), составленная гексаметрами, звучит как отрывок из героического эпоса⁶⁴: Арниада, подобно многим героям «Илиады», сражавшегося среди лучших (Βαρνάμενον... πολλὸν ἀριστεύ{τ}οντα⁶⁵) у кораблей (παρὰ ναοῖν) при струях Арахта, сгубил «сверкающий ликом» (χαροπός) Арей. Не упоминающийся в гомеровских поэмах гидроним в Эпире – ἐπ’ Ἀράθθοιο ροφᾶϊσι (стк. 2), имеет, однако же, гомеровскую флексию, то же, вероятно, относится и к ροφᾶϊσι (leg. ροφᾶισι? – Leumann 1950: 19, Anm. 11); находит аналогии и само словосочетание: ср. ῥοὸν Ἀλφειοῖο Δ 726, ἐπ’ Ὠκεανοῖο ῥόων Γ 5, ῥοῆσ’ ἐπὶ Σαυγαρίοιο Π 719 и т. п.; но в стк. 3, напротив, стоит σπονόφεσαν (∪∪–∪), встречающееся у Гомера (в наших рукописях, разумеется, без *vaυ*⁶⁶); последующее ἀφυτάν является такой же диалектной адаптацией гомер. ἀυτήν. θθ в Ἀράθθοιο – несомненно, продукт серии ассимиляций: *κθ/χθ > τθ > θθ⁶⁷. Вопрос об артикуляции θθ (и τθ, ср. κχ/χχ, φφ/φφ) в данном случае не имеет значения (ср. Πιτθῆος Γ 144: – ∪–∪), тем более, что по диалектам она могла различаться⁶⁸. – Ср. 4.21.

– ἔθαλλε, Καλλίταν, Ἀραθθίονα (Α); πολλοί (Β), две эпитафии на полиандрии (братской могиле), Амбракии, середина VI в.⁶⁹; в Β₂, возможно, читается неясное Κομμ[ι]άδ[ου] или Κομν[ι]άδ[ου].

– θιοῖν περκαλλῆς ἄγαλμα, Аргос, последняя четверть VII в., SEG: 363. – Ср. 4.16.

⁶⁴ Buck GD: 87 и 294 ad № 93: «composed in the epic style»; Lumpp 1963: 212–215. К гомеровскому колориту этой и других раннегреческих эпиграмм см. также: Шебалин 1966: 60–69, а также автореферат его диссертации: Истоки древнегреческой метрической надписи (Москва, 1981) 3–7; E. P. McGowan // AJA 99 (1995): 618 ff. (к SEG: 146, тоже Керкира, VII в.).

⁶⁵ Или ἀριστεύ(φ)οντα. – Ср. πολὸν ἀριστεύον ἔθανε, SEG: 118, Фессалия, V в.; ἀριστεύον ἐν προμάχοις, ibid. 112, Фисба (выше).

⁶⁶ К проблеме *дигаммы* в древнейших гомеровских текстах см. Forssman 1991: 283 f.; Slings 1998: 654 f.

⁶⁷ Ср. Strab. VII, 7, 6; 8: Ἀρατθος, наряду с Ἀραχθος других источников, см. Pape – Benseler, s. v.; Kl. Pauly I: 950; ср. Meyer 1896: 288, 362; Ἀραιθος (Callimach. fr. 646 Pf.) уже Низе исправил на Ἀρατθος. Ср. антропоним Ἀραθθίον из Амбракии (ниже) или Ἀρατθίων (SEG XXXV: 665_o), образованный от названия реки, в той же диалектной (коринфской) форме.

⁶⁸ Аллен (Allen 1987: 26 ff.) считает вполне реальным даже /thth/.

⁶⁹ I. Ανδρεου // ΑΔ 41 Α (1986 [1991]): 425 κτῆ; Bousquet 1992: 596 suiv., 605 suiv. (SEG XLI: 540); D’Alessio 1995: 22–26 (только первая эпитафия).

– ρόσινα Ηυσεμάταν⁷⁰ θάψα [π]έλας ηιποδρόμοιο; πολοῖς, [έσ]ομένοις: все пять раз defective вопреки θάψα, -οιο и καὶ [έσ]ομένοις (ср. В 119 и др.; объем лакуны допускает и [έσσ]ομένοις, но в виду прочих сплошь дефектных форм вероятнее восстановление, предложенное в editio princeps); близ Герееона, последняя четверть VI в., *ibid.* 136. Орфография надписи тем неюжиданнее, что в Арголиде раскрытые написания абсолютно преобладают уже в древнейших текстах⁷¹. Создается впечатление, что дефектные формы высечены здесь нарочито, ради архаизации; Коссина адресует будущему поколению – πολοῖς (τόδε) μνᾶμα καὶ [έσ]ομένοις⁷², – поучительный пример героического прошлого Гис(с)ематы (ἐν πολέμοι [φθ]ίμενον), успевшего отличиться и в спорте (ἀε(θ)λοφόρον).

– Θέβασσι, Трезена, 3-я четверть VI в., *ibid.* 138₁; но (поэт.!) *Ἐργάσατο* – ∪∪ (ср. *ἔἘργάσατο* в прозаической надписи 1-й половины V в. из соседнего Гермиеона, LSAG 178, 182, Pl. 33. 9; *ἦργάσαντο* Del.³ 89, Аргос, III в.); дальнейшее, тоже гомеровское ἐνὶ μεγάροις ∪–∪∪– соответствует обычной орфографии гомеровских рукописей, хотя писали и ἐνὶ μμ. (одобрялось Аристофаном; ср. 1.1). Хансен вслед за Баунаком «исправляет» Θέβασ{σ}ι (допуская также конъектуру Б. Кока Θέβα(ι)σι⁷³), т. к. стоящая на камне форма «a lingua Graeca alienum est» (как будто нам так много известно о трезенском говоре!)⁷⁴, ссылаясь и на дефектное

⁷⁰ Daly 1939: 168 ссылается на Κόσσης (Пеллена), Κοσσί-δαμος (A. Plassart // BCH 82 [1958]: 162 *suiv.*, № 15₁₅, = SEG XXII: 390, Феспии, III в.; см. также гипокористики в LGPN I 270 и др.), к имени покойного – на топонимы в Арголиде Ὑσσέλιον, Ὑσεαί.

⁷¹ См. выше и 4.16, а также SEG : 364 (около 500–480 гг.): Αἴσχυλλος; 365 (около 475–468 гг.): Βαλοσς τόνδ'; LSAG:169, Pl. 28.23 (около 480–460 гг.): Ἄργεῖοι... τὰπόλλοι; Del.³ 78 (около 480 г., LSAG : 161): ἄλλοι, γρασσμά-των, ἀλιάσσιος, дамеυέσσο; τὸν (= τὸνς) συναρτῶντας, возможно, лишь гаплография; но в LSAG: 169, Pl. 28. 21 (около 480–475 гг., тоже общественная надпись) опять ηιποδρόμο; ср. также трезен. *ἔἘργάσατο* (ниже).

⁷² Единственный раз в ранних эпитафиях! Ср. сходное выражение в посвящении № 356 начала V в. (Коринф): πᾶσι καὶ ἐσομέ[ν]οισ(ι)ν.

⁷³ Ср. Θέβαις, Аргос (проз.), середина VI в., SEG XXXVII: 283; XLII: 274 (алтарь «Семи против Фив»).

⁷⁴ Специалистам она вовсе не казалась невозможной: Bechtel GD II: 484; Buck GD: 86; Schwyzer GG: 559. Вероятно и окказиональное поэтическое образование по аналогии с дативами на -εσσι (ср. аргосск. Ἐπιτελίδε[σσι] IG IV 569 и Bechtel GD II: 484 f.); dat. pl. part. вроде ηυπαρχόντασσι в дорийском говоре Гераклеи на Сирисе объясняют иначе (Bechtel GD II: 400; но ср. Buck GD: 89).

Ἐρυάσατο (но ср. хотя бы керкирскую эпиграмму № 145, выше); ср. Θεβασιμάχοι dat. (имя героя, ср. прим. 73) на соседней Эгине (LSAG 111 f. Pl. 16. 5, то же время).

– ἐξετέλεσα[ν] (—UU—U), Трезена, конец VI в., *ibid.*: 139.

– ἄσσοικτεῖ (= ἄσοικτεῖ), на лаконском галтере из Олимпии 3-й четверти (или конца) VI в., *ibid.* 372: неметрическое завершение; слово неясно.⁷⁵

– Δεξιπο, лаконский алтарь из Дельфов, 1-я пол. VI в., *ibid.* 369.

– ἑκαβόλοι Ἀπέλοισι, лаконский алтарь из Дельфов, VI в., *ibid.* 370.

– [Π]αλάς, πολά, Спарта, последняя четверть VI в., *ibid.* 375 I.

– Ἰε Μεσαπέω, эпитет Зевса в граффито на чаше, окрестности Спарты, 1-я четверть VI в.⁷⁶; издатели без особых оснований усматривают здесь конец гексамetra.

– ὀπιδομ[ε]νος, Селласия, 3-я четверть VI в., SEG 373. У авторов (Arstph. *Lys.* 1302, 1313, 1316; 1164 и др.) и в поздних надписях лаконский рефлекс *dj в инлауте передается как δδ (и дважды ττ), Bechtel GD II: 323 f. Но в архаической орфографии этот новый звук (/d̥d̥/), возникший из /zd/, могли передавать, как и в анлауте, одной буквой (с точки зрения графики ср. атт., эвбейск., беот. τ (для ττ) / вост.-ион., родосск. τ) и лишь впоследствии стали писать δδ для отличия от /d/.

– Κεφαλᾶνας μεγαθύμος – и это несмотря на гомеровскую аллюзию (ср. *B* 631), а также Διφὸς ὄροισι μεγᾶλοιο (ср. *h. Hom.* XXXIII, 9) в предыдущем стихе!; Кефалления, 3-я четверть VI в., *ibid.* 391.

– Φισομάκος Сибарис, 1-я половина (L. Moretti // *Klio* 52 [1970]: 295) или (как Гвардуччи, EG I: 110 seg.) даже начало VI в., *ibid.* 394; или = Φίσομ resp. Φίσομ μάκος < Φίσφον μ., или Φίσομ < Φίσοδς (асс. pl.) с ассимиляцией. – Ср. 4.22 (Метапонтий).

2.2.1. Для самого гомеровского текста можно упомянуть лишь одно эпиграфическое свидетельство – остракон из Ольвии на стенке чернолаковой чаши со строкой из «Одиссеи» (ι 39): [Κικ]όνεσσι [τέ]λασσειν – Яйленко 1980: 88, № 89 (SEG XXX 933). К сожалению, черепок утерян, рисунок или фотография не сохранились, так что граффито может быть датировано лишь в широком диапазоне от середины VI, когда в Северное Причерноморье стал интенсивно поступать аттический импорт, до конца III в., когда выпуск чернолаковой керамики прекратился.

⁷⁵ Ср. LSAG: 191, n. 2; R. Wachter // *MH* 52 (1995): 155–169.

⁷⁶ R. W. V. Catling, D. G. J. Shipley // *BSA* 84 (1989): 187 ff.; или Μεσαπέα (SEG XXXIX: 376; S. R. Stroud).

2.3. Из этого обзора видно, что в метрических текстах VII в. нашлось 13 лексем с геминатами и лишь три из них (за вычетом ?ἐ]μροτοῖσιν) выписаны defective: ἀλΗον, Κιτύλος, στονόφεσαν, тогда как plene – семь: περικαλλές (bis), περικαλλεία, Νεσσιτιά[δης, ἄλλ(ά), πολλόν, Ἄραθθοιο, или, вместе с]ς τετιλμεν[, восемь.

За весь архаический период (без аттических данных: **3.1**) на 37 форм с раскрытыми написаниями (без учета]αγγείλα, но с обеими геминатами в κα[λ]λίστας) или 33 (исключив ἀσσοικκτεί на лаконском галтере в неметрической части надписи, восстановленные [περικαλλ]ές из Самоса, χαρίεσ[σαν из Смирны и лесбосское]ς τετιλμεν[) приходится 31 дефектная или (за вычетом Αἰγίθοιο, Μεσαπεῦ, ὀπιδόμ[ενος, πρᾶσ[(ε), неметрического Κίτυλος, лишь повторяющего Κιτύλοι самой эпиграммы) – 26; со свидетельствами типа ἀνδρῶνικέρας, отнесенными к числу последних условно, выходит 38 (геср. 32), но при этом ?ἐ]μροτοῖσιν вообще ненадежно, Ζεῦδέ, может быть, не содержит геминаты, а ΔῆμαλιΣταφύλεο, вероятно, стоит в прозаической части. Отбросив все проблематичные случаи, получаем соотношение 33 (34 вместе с]ς τετιλμεν): 26 (29 вместе с написаниями в сандхи). За счет аттических надписей оно изменяется пусть и незначительно, но в пользу дефектных написаний – 40 (41): 36 (38).

plene	defective	in sandhi
	ὀπιδόμ[ενος	Ζεῦδέ
Ἄραθθοιο †	?Αἰγίθοιο *	
Ἄραθθίονα **A		
Μικκιάδης ***		
Μικκιά[δης ††		
ἀλλ' ἐνὶ πόνοι	ἀλΗον	
ἀλλά	ἀλά †††	
ἄλλοις Κινδίοισιν		
ἔθαλλε **A		
ἐκηβόλοι Ἄπόλλοι	φεκαβόλοι Ἄπέλοи	
Ἄπέλλοи	Ἄποлон ἄν[α]χς	
	Φοίβη Ἄποлон	
	Κεφαλάνας μεγαθύμος	
	[Π]αλάς,	
πολλόν †	πολά	
πΩλλάς	πολός	
πολλᾶν ×		
πολλοί **B	πολοῖς •	
περικαλλεία δῶρα	περι[κ]αλέα	
περικαλλές ἄγαλμα		
[περικαλλέ]ς ἄγαλμα		
περικαλλές ἄγαλμα		

περικαλλές ἄγαλμα		
Καλλία *		
Καλλίταν **Α		
καλλιστε[φά]γο		
		Ἔισομάκος
		Ἐμροτοῖσιν
		ἀνδροϊκέρας
κα[λ]λίσστας ***		]ς τετιλμεν[
Νεσσιτιά[δης		
ἀστοῖ[ς],		
ἀρισστεύον		
ἀσκεικτεῖ		
Θέβασι ××	Ἐργάσατο ××	Ἄρχερμωσο[φ]ίεισιν ††
[ἄν]ασσα ×××	φυλάσον	Δ]άμαλιΣταφύλεο
ἐτέλεσσε	ἐξετέλεσα[ν]	
	?πρᾶσ[(ε) *	
	[έσ]ομένοις •	
χαρίετταν ἀμοιF[άν]	χα]ρίεσαν ἀμοιF[άν] ••	
χαρίεσ[σαν ἀμοιβήν] ×××	χαρίεσαν [ἀμοιF[άν]	
	χαρίεσαν [ἀμοιF[άν]	
	στονόFεσαν †	
	Κιτύλοι,	
	(Κίτυλος)	
	ῥόσινα,	
	Ἡυσεμάταν •	
	(Μεσαπεῖ)	
]h...ππος	ἠιποδρόμοιο •	
Ἡιποκ[ρ-	Δεξιπο	
Ἴππομένεος ×		
	Πύριχος †††	
]ἀγγεῖλας) ••		

* , † , × , • – в одной и той же надписи.

Конечно, эти цифры не следует абсолютизировать: если в VII в. доля раскрытых написаний выше, чем в VI, это может быть и случайным, т. к. текстов VII в. слишком мало; иногда в одной и той же надписи встречаются оба типа орфографии; процент дефектных написаний в нашем списке существенно увеличивается за счет SEG: 136 (сразу пять слов!), а раскрытых – за счет SEG: XLI 540 из Амбракии (четыре слова), а также пяти примеров с неэтимологическими σσκ, σστ; при этом в κα[λ]λίσστας – сразу две геминаты; все три вотивные таблички из Пендескуфий с χαρίεσαν выполнены если не одной рукой, то в одной и той же мастерской.

Вместе с тем, прозаические надписи показывают, что, за вычетом Ионии, в большинстве полисов вплоть до середины V в. не заметно явной тенденции к регулярному обозначению геминат на письме (см. 4.2 4 и 5); на этом фоне данные метрических надписей представляются вполне представительными.

2.4.1. Особое внимание привлекает то, что геминаты часто выписывались *plene* в ранних метрических текстах специально для эпических слов и формул или же для слов, грамматически или контекстуально связанных с эпическими. Для специально эпических слов или форм соотношение *plene*: *defective* в текстах VIII–VI вв. практически равно – 8 (10): 10 (11?), а именно *ἄνασσα*, *Ἄραθθιοιο*, *περικαλλές* *ter* (*quater*?), *περικαλλεία*, *πολλόν*, *χαρίφεται*, *χαρίε-σ[σαν] (?)* против *ἠποσύναν*, *[Π]αλάς*, *περι[κ]αλέα*, *στονόφεισαν*, *χαρίεσαν/χαρίεσαν/χα[ρί]εσαν*, *Φεργάσατο*, *ἠποδρόμοιο*, *Κεφαλᾶνας*, *Αἰγίθιοιο* (??).

2.4.2. Чрезвычайно важно в интересующем нас аспекте, что уже самые первые стихотворные надписи, содержащие слова с геминатами, демонстрируют яркие признаки именно гомеровского влияния, а расположение строк надписи на «кубок Нестора» доказывает, что ее автор ориентировался на существовавшие уже рукописные тексты, в первую очередь, гомеровские, где каждый гексаметр занимал отдельную строку⁷⁷ (аналогичное построение имеет метрическое граффито из Эретрии на чаше того же типа, что «кубок Нестора», но, как полагают издатели, несколько более древней⁷⁸). Отсюда А. Хойбек заключил, что геминированные согласные выписывались *plene* уже в древнейших гомеровских рукописях (Heubeck 1979: 115 f.; ср. также: Goold 1960: 282 f.), подтвердив, таким образом, выводы Лёйманна (1.1), к которым тот пришел путем внутренней критики текста. В свою очередь, эта гипотеза позволяет объяснить появление раскрытых написаний в независимых друг от друга локальных письменных традициях архаической эпохи: всех их объединяли гомеровские поэмы, общегреческое достояние.

⁷⁷ Heubeck 1979: 115 f.; ср. А. И. Зайцев 2003: 197–202; то, что гомеровские поэмы создавались как писанные тексты, А. И. отстаивал и в других своих трудах, см. там же, 230–231, 243 сл., 252 сл., 255 слл.). См. далее: Risch 1987: 8 f.; Powell 1997: 23 f.; Cassio 1994: 55–67; А. С. Cassio // *Scrittura mediterranea tra il IX e il VII secolo a. C.* (Milano, 1999): 67–84 (non vidi). Против гомеровского влияния и «imitazione libraria» настаивает с очень слабой аргументацией Pavese 1996: 1–23, специально – р. 20 seg. (с датировкой «720–712»!).

⁷⁸ Johnston, Andriomenou 1989: 217 ff. (SEG XXXIX 939; XLI 866). Ср. М. Peters // *Sprache* 34 (1988–1990): 2, 564 f. (G299).

Нельзя не процитировать определившее время заявление Виламовица, опровергающего теорию μεταχαρακτηρισμός (ср. 3.5): «Genug der unerspießlichen Torheiten: die Inschriften sind ja da, und danach zu fragen, wie die Literatur sich zu den Schriftformen gestellt hat, ist demgemäß ganz wohl tunlich» (Wilamowitz-Moellendorff 1884: 303).

2.4.3. При этом не следует просто экстраполировать орфографию надписей на книги (ср. Wilamowitz-Moellendorff 1884: 307 f.): не говоря уже о том, что мы имеем дело с разными видами словесности, невозможно представить себе автора метрической эпитафии или коринфского вазописца (4.1), который справляется по поводу написания той или иной эпической лексемы в имеющемся под рукой свитке «Илиады». Но ведь не могло быть и так, что в надписях гомеровской эпохи, не говоря уже о VII–VI вв., геминаты, пусть и непоследовательно (ср. 6.1), обозначались, а синхронно существовали свитки гомеровских поэм с нормативными дефектными написаниями.

Разумеется, речь может идти лишь о влиянии книжной в конечном счете орфографии на письменные навыки авторов таких надписей. В каждом мало-мальски крупном городе имелись сведущие в литературе люди, даже державшие дома книги; многие и сами были поэтами или рапсодами (имя одного такого поэта, земляка и современника Мантикла, нам известно – это Гесиод). К ним как к специалистам обращались состоятельные сограждане, заказывавшие метрическую эпитафию или вотивную эпиграмму на изваяниях, позже – на их постаментах. Мастера, высекавшие эти надписи, и те, кто читал их, посещая некрополи или святилища, сами крепче усваивали привычку выписывать геминаты и воспроизводящаяся таким образом прогрессивная орфография, идя в ногу с влиянием школьного обучения, всё больше укоренялась в местной словесности. Те же профессиональные стихотворцы или близкие им по культурному уровню люди писали – уже от своего имени – метрические тексты посвящений на приношениях богам, сосудах и металлических предметах, а в непринужденной обстановке симпосиев слагали жизнерадостные эпиграммы вроде питекусской или дипилонской (SEG: 432), иногда тут же записывая их прямо на своих чашах для вина или на кувшинах, из которых вино разливалось⁷⁹.

2.5. Между тем, у противников глубокой древности обозначения геминат в эпических текстах популярны ссылки на редкость такого

⁷⁹ Обе древнейшие из известных на сегодняшний день греческих эпитаграмм, игривая – на «кубке Нестора», и просто веселая – на дипилонской ойнохое, превосходно иллюстрируют тезис А. И. Зайцева о «жизнеутверждающей струе в мироощущении греков» эпохи культурного переворота.

рода свидетельств в архаических надписях⁸⁰. Априорно исходя из таких представлений, Э. Риш попытался избавиться от неудобных свидетельств: «для столь раннего времени это написание (καλλιστῆ[φά]νο, – С. Т.) неожиданно» (Risch 1987: 7). Сочетание λλ (+ ι), по его мнению, может передавать «особое палатальное произношение» λ («eine besondere palatale Aussprache... wie das im älteren Französisch und im Spanischen bei ll der Fall ist»), а ττ в беотийском χαρίϜετταυ «может передавать особый свистящий звук (Zischlaut), предположительно аффрикату». С первого взгляда ясно, что всё это – не более, чем спекуляции, сколь недоказуемые, столь и ненужные – почему палатальное произношение не могла иметь гемината /л/⁸¹? Вне зависимости от вопроса о произношении λλ, показательно, во-первых, существование самой практики удвоенного написания букв для согласных, которая демонстрирует ясно выраженную тенденцию к наиболее адекватной передаче звукового облика слов, а во-вторых, что в стихе λλ, подобно ττ ~ σσ (Т) (см. прим. 45), создает позиционную долготу предшествующего слога. Никакого веса не имеют заявления Риша, что примерно до середины VI в. до н. э. раскрытые написания «весьма редки»⁸², – как мы видели даже на материале метрических надписей, число их всегда выше дефектных написаний. Прimitивная статистика, которой оперирует Риш, опираясь на поверхностно собранные примеры из LSAG, и не делая различия между метрическими и прозаическими надписями, не учитывает и тот факт, что эта практика засвидетельствована почти везде, где обнаружены тексты VIII–VII вв., содержащие слова с геминатами, не говоря уже о VI в. Впрочем, заключая свой краткий обзор свидетельств для геминат в раннегреческой эпиграфике, Риш пишет, что для уверенных выводов материал слишком скуден, а затем – без комментариев – ссылается на мнение Хойбека, что практика их отображения на письме восходит едва ли не к гомеровским временам. Что касается скудости, то важно даже не само по себе количество ранних надпи-

⁸⁰ Еще дальше идет Аллен, проявляющий странную неосведомленность в предмете: «In early Greek inscriptions the double consonants are written single» (Allen 1987: 12).

⁸¹ Именно такое предположение в отношении рефлекса *-λj- (ἄλλος и под.) высказывали Stang 1957: 27–36, и Driver 1958: 1–25; напротив, К. Брикс (REG 98 [1985]: 271 suiv., № 12) предпочитает говорить о депалатализации получившейся из *-λj- геминаты.

⁸² Аналогично, например, Janko 1992: 34, но он (не называя свой источник) толкует уже о времени примерно до 525 г. и Риша не упоминает, хотя тот – единственный после Ларфельда (Larfeld 1907: 389 f.) специалист, попытавшийся дать обзор соответствующего эпиграфического материала.

сей (хотя наш материал представляется мне довольно репрезентативным), а незначительное количество содержащих слова с геминатами. Между тем, если ограничиться метрическими надписями, то для VIII в. их всего две, а именно «кубок Нестора» и посвящение Мантикла!

Необходимо еще раз подчеркнуть принципиальный момент, который Риш вовсе обошел вниманием: гомеровский контекст (или подтекст) в метрических надписях, начиная с древнейших, в которых имеются слова с отображенной графически геминацией. Таким образом, дело в подходе к материалу. А на нехватку источников жалуются все, даже историки нового времени, хотя их ссылки на закрытые архивы и т. п. способны убедить лишь широкую публику.

Литература

- Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993 – А. Ю. Алексеев, Н. К. Качалова. С. Р. Тохтасьев. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб. Иванчик 1996 – А. И. Иванчик. Киммерийцы. М.
- Виноградов, Тохтасьев 1998 – Ю. А. Виноградов, С. Р. Тохтасьев. Новые посвященные граффити из Мирмекия // *Hypoboreus*. Vol. 4.
- Виноградов 2001 – Ю. Г. Виноградов. Визит эвбейца в Фанагорию // ВДИ. № 1.
- Зайцев 1987 – А. И. Зайцев. Лексико-статистические особенности надписи на «кубке Нестора» из Питекус // *Язык и стиль памятников античной литературы (Philologia classica 3)*. Л. (= А. И. Зайцев. Избранные статьи. СПб., 2003).
- Скржинская 1986 – М. В. Скржинская. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи // ВДИ. № 4.
- Суриков 2000 – И. Е. Суриков. Остракизм и остраконы в Афинах и за их пределами // *Hypoboreus*. Vol. 6, 1.
- Тохтасьев 1988 – С. Р. Тохтасьев. [Рец.] Л. И. Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984 // ВДИ. № 3.
- Тохтасьев 1993 – С. Р. Тохтасьев. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // *Российская археология*. № 2.
- Тохтасьев 2000 – С. Р. Тохтасьев. Новые *tabellae defixionum* из Ольвии // *Hypoboreus*. Vol. 6, 2.
- Тохтасьев 2002 – С. Р. Тохтасьев. *Συδικά* // Таманская старина. № 4. СПб.
- Тохтасьев 2002₂ – С. Р. Тохтасьев. Имя киммерийского царя *Λύδαμης* // История и языки древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова. СПб.
- Тронский 1973 – И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.
- Фасмер 1914 – М. Фасмер. Исследование в области греч. фонетики. М.
- Шебалин 1966 – Н. В. Шебалин. О гомеровской формуле в архаических греческих эпитафиях // Вопросы античной литературы и классической филологии. М. С. 60–69.

- Яйленко 1980 – В. П. Яйленко. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. № 3.
- Allen 1987 – W. S. Allen. *Vox Graeca*³. Cambridge etc.
- D'Alessio 1995 – G. B. D'Alessio. *Sull' epigramma dal polyandron di Ambracia* // ZPE. Bd. 106.
- Bader 1999 – Fr. Bader. *Les grands de l'Iliade et les Achéménides* // REG. T. 112.
- Bechtel 1901 – F. Bechtel. *Varia* // Hermes. Bd. 42.
- Bechtel 1917 – F. Bechtel. *Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle a.d.S.
- Bechtel GD – Bechtel E. *Die Griechischen Dialekte*. Bd. I–III. Berlin, 1921–1924.
- Bousquet 1992 – J. Bousquet. *Deux épigrammes grecques* // BCH. T. 116.
- Brixhe 1978 – Cl. Brixhe. *Les palatalisations en grec ancien* // Étrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune. Paris. P. 63–73.
- Brixhe 1982 – Cl. Brixhe. *Palatalisation en grec et en phrygien* // BSL. T. 77, 1
- Brixhe et al. 1988 – Cl. Brixhe et al. *Bulletin de dialectologie grecque* // REG. T. 101.
- Buck GD – C. D. Buck. *The Greek Dialects*³. Chicago; London, 1955.
- Bernand 1970 – A. Bernand. *Le Delta Égyptien d'après les textes grecques I*. Le Caire.
- Cassio 1994 – A. C. Cassio. *κεῖνος, καλλιστέφανος e la circolazione dell' epica in area euboica* // ΑΠΟΙΚΙΑ. Scritti in onore di Giorgio Buchner (Annali di archeologia e storia antica. N. S. 1. Napoli).
- Cauer 1895 – P. Cauer. *Grundfragen der Homerkritik*. Lpz.
CEG –
- Chantraine GH – P. Chantraine. *Grammaire homérique*. Vol. I. Paris, 1942; 1958³.
- Crönert 1902 – Gu. Crönert. *Memoria Graeca Herculaneensis*. Lipsiae.
- Daly 1939 – Ll. Daly. *An Inscribed Doric Capital from the Argive Heraion* // Hesperia. T. VIII, 2.
- DELG – P. Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque, histoire des mots*. T. I–IV. Paris, 1968–1980.
- Delitsch 1886 – F. Delitsch. *Prolegomena eines neues hebräisch-aramäischen Wörterbuch zum Alten Testament*. Lpz.
- Diakonoff 1981 – I. M. Diakonoff. *Cimmerians* // Monumentum Georg Morgenstierne I. Leiden.
- Diakonoff 1985 – I. M. Diakonoff. *Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins* // JAOS. Vol. 115.
- Driver 1958 – W. Driver. *On the Prehistory of Greek Consonantism* // Word. Vol. 14.
- Dubois 1989 – L. Dubois. *Les inscriptions grecques dialectales de Sicile*. Vol. I. Paris.
- Ducat 1971 – J. Ducat. *Les kouroi du Ptoion*. Paris.
- EG – M. Guarducci. *Epigrafia greca I*. Roma, 1967.
- Forssman 1991 – B. Forssman. *Schichten in der homerischen Sprache* // 200 Jahre Homer-Forschung (Colloquium Rauricum 2). Stuttgart; Lpz.

- Freydank, Saporetti 1979 – H. Freydank, C. Saporetti. Nuove attestazioni dell'onomastica medio-assira. Roma.
- Freyer-Schauenburg 1974 – B. Freyer-Schauenburg. Samos XI. Bildwerke der archaischen Zeit und des strengen Stils. Bonn.
- Goold 1960 – G. P. Goold. Homer and the Alphabet // TAPhA. T. 91.
- Haslam 1997 – M. Haslam. Homeric Papyri and Transmission of the Text // A New Companion to Homer. Leiden etc.
- Heubeck 1979 – A. Heubeck. Schrift (Archaeologia Homerica III). Göttingen.
- Hodot 1990 – R. Hodot. Le dialecte éolien d'Asie. La langue des inscriptions. Paris.
- Hooker 1996 – J. T. Hooker. The Cults of Achilles // J. T. Hooker. Scripta minora. Amsterdam.
- Horrocks 1997 – G. Horrocks. Homer's Dialect // Ian Morris and Barry Powell (eds.). A New Companion to Homer. Leiden: Brill.
- IG – Inscriptiones Graecae.
- Inschriften von Milet – Inschriften von Milet 3 (Milet VI. 3). Berlin; New York, 2006.
- Ivantchik 1989 – A. I. Ivantchik. L'éthnonyme «les Cimmériens» // Linguistique Balkanique. T. XXXII.
- Ivantchik 1993 – A. I. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient. Fribourg; Göttingen.
- Janko 1992 – R. Janko. The Iliad. A Commentary. Vol. IV: Books 13–16. Cambridge.
- Jeffery LSAG – L. Jeffery. Local Scripts of Archaic Greece. London, 1961 (1993).
- Johnston, Andriomenou 1989 – A. W. Johnston, A. K. Andriomenou. A Geometric Graffito from Eretria // BSA. T. 84.
- Kamptz 1982 – H. von Kamptz. Homerische Personennamen. Göttingen.
- Kazansky 2008 – Kazansky N. N. Greek Poetry in the Mycenaen Time // Colloquium Romanum. Atti del XII colloquio internazionale di micenologia. Roma, 20–25 febbraio 2006. I. Pisa; Roma.
- Kaufman 1974 – S. A. Kaufman. The Akkadian Influence on Aramaic. Chicago.
- Kornfeld 1978 – W. Kornfeld. Onomastica Aramaica aus Ägypten. Wien.
- Kretschmer 1894 – P. Kretschmer. Die griechischen Vaseninschriften. Gütersloh.
- Kretschmer 1923 – P. Kretschmer. Sprache // Einleitung in die Altertumswissenschaft I/6. Lpz.
- La Roche 1866 – J. La Roche. Die homerische Textkritik im Altertum. Lpz.
- Larfeld 1907 – W. Larfeld. Handbuch der griechischen Epigraphik. Lpz.
- Launey 1934 – M. Launey. Une dédicace thasienne à Héraclès // BCH. T. 58.
- Leumann 1950 – M. Leumann. Homerische Wörter. Basel.
- LSAG – L. Jeffery. Local Scripts of Archaic Greece. London, 1961 (1993)
- Lumpp 1963 – H.-M. Lumpp. Die Arniadas-Inschrift aus Korkyra // Forschungen und Fortschritte 37.
- Luria 1964 – S. Luria. Zur Frühgeschichte des griechischen Alphabets // Kadmos. Bd. III.
- Maass 1949 – P. Maass. Φιλλυρίδης und Verwandtes // IF.

- Maraqten 1988 – M. Maraqtien. Die semitischen Personennamen in den alt- und reichsaramäischen Inschriften aus Vorderasien. Hildesheim usw.
- Masson 1990 – O. Masson. *Onomastica graeca selecta* II. Paris.
- Meister 1921 – K. Meister. Die homerische Kunstsprache. Lpz.
- Mendez Dosuna 1985 – J. Mendez Dosuna. *Los dialectos dorios del Noroeste*. Salamanca.
- Meyer 1896 – G. Meyer. *Griechische Grammatik*³. Lpz.
- Nagy 1976 – G. Nagy. The Name of Achilles // *Studies in Greek, Italic and Indo-European Linguistics offered to Leonard R. Palmer*. Innsbruck.
- Nenci 1991 – G. Nenci. Una dedica di Creso a Delfi? // *Annali Sc. Norm. di Pisa*. T. 20.
- Noth 1928 – M. Noth. Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung. Stuttgart.
- Page 1951 – D. L. Page. *Alkman*. Oxford.
- Panchenko 1998 – D. Panchenko. The Perpetual Darkness of the Cimmerians: An Explanation // *Hyperboreus*. Vol. 4.
- Pape-Benseler – W. Pape, G. E. Benzeler. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*³. Braunschweig, 1911.
- Parpola 1970 – S. Parpola. *Neo-Assyrian Toponyms*. Neukirchen; Vlyin.
- Pavese 1996 – C. O. Pavese. La iscrizione sulla kotyle di Nestor da Pithekoussai // *ZPE*. Bd. 114.
- Peek 1980 – W. Peek. *Griechische Versinschriften aus Kleinasien*. Wien.
- Pfeiffer 1978 – R. Pfeiffer. *Geschichte der klassischen Philologie von den Anfängen bis zum Ende des Hellenismus*². München.
- Pfuhl 1923 – E. Pfuhl. *Malerei und Zeichnung der Griechen*. Vol. III. München.
- Philipp 1989 – H. Philipp. Die kalydonische Jagd von Myus // *IstMitt*. № 39.
- Pöhlmann 1994 – E. Pöhlmann. Einführung in die Überlieferungsgeschichte und die Textkritik der antiken Literatur. Darmstadt.
- Powell 1997 – B. Powell. *Homer and Writing* // *A New Companion to Homer*. Leiden etc.
- Rank 1951 – L. Ph. Rank. *Etymologiseering en verwante verschijnselen bij Homerus*. Assen.
- Risch 1987 – E. Risch. Zum Nestorbecher aus Ischia // *ZPE*. Bd. 70.
- Schulze 1892 – Gu. Schulze. *Quaestiones epicae*. Guterslohae.
- Schulze 1966 – W. Schulze. *Kleine Schriften*². Göttingen.
- Schwyzler GG – Ed. Schwyzer. *Griechische Grammatik*. Bd. I. München, 1953
- Schwyzler, Debrunner GG – Ed. Schwyzer, A. Debrunner. *Griechische Grammatik*. Bd. II. München, 1953.
- Schmitt 1991 – R. Schmitt // *Kratylos*. Bd. 36.
- SEG – *Supplementum epigraphicum Graecum*.
- SGDI – *Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften*, herausgegeben von H. Collitz und F. Bechtel. Göttingen 1884–1915.
- Slings 1998 – S. R. Slings. *Tsadē and hē: Two Problems in the Early History of the Greek Alphabet* // *Mnemosyne*. T. LI, 6.
- Solmsen 1901 – F. Solmsen. *Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre*. Strassburg.
- Stamm 1980 – J. J. Stamm. *Beiträge zur hebräischen und altorientalischen Namenskunde*. Fribourg; Göttingen.

- Stang 1957 – S. Stang. Quelques remarques sur le système consonantique du grec commun // Symbolae Osloensis. T. 33.
- Syll. – W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum³. Vol. I–IV. Leipzig, 1915–1919.
- Thumb–Scherer – A. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte. 2. Teil. 2. Aufl. von A. Scherer. Heidelberg, 1959.
- Thumb–Kieckers – A. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte. 1. Teil / 2. Aufl. von E. Kieckers. Heidelberg, 1932.
- Threatte – L. Threatte. The Grammar of Attic Inscriptions. I–II. Berlin, 1980–1996.
- Tokhtas'ev 1996 – S. R. Tokhtas'ev. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus. Vol. 2.
- Tokhtas'ev 2007 – Tokhtas'ev S. R. Der Name des kimmerischen Königs Lygdamis, Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme. Panionion-Symposium, Güzelçamlı 26. September – 1. Oktober 1999 (Milesische Forschungen 5).
- Vinogradov 1999 – Ju. G. Vinogradov. Die archaische und klassische Epigraphik aus dem nördlichen Pontosraum // XI Congresso internazionale di epigrafia greca e latina, Roma, 18–24 settembre 1997. Atti. Roma.
- Vinogradov 1998 – Ju. G. Vinogradov. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart.
- Wachter NAVI – R. Wachter. Non-Attic Greek Vase Inscriptions. Oxford, 2001.
- Wackernagel 1924 – J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax. Vol. II. Basel.
- Wackernagel 1926 – J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax. Vol. I². Basel.
- Wathelet 1970 – P. Wathelet. Les traits éoliens dans la langue de l'épopée. Rome.
- Wilamowitz-Moellendorff 1884 – U. von Wilamowitz-Moellendorff. Homerische Untersuchungen. Berlin.
- Winters 1995 – T. F. Winters. The Dates of the Dedications from the Athenian Acropolis // ZPE. Bd. 107.
- Wyatt 1969 – W. F. Wyatt. Metrical Lengthening in Homer. Roma.

Ὑπολαβὼν ἔφη (εἶπε) CHEZ HÉRODOTE: LES PARTICULARITÉS D'USAGE

Le participe d'aoriste du verbe ὑπολαμβάνω se retrouve chez Hérodote sept fois en combinaison avec un *verbum dicendi* avant le discours direct d'un personnage qui répond à une réplique d'autrui. Cette expression, sous deux variantes dont l'utilisation se diffère légèrement, est une des formules figées qui servent à marquer l'insertion du discours direct, et sa forme et les conditions d'emploi ne changent guère: dans la majorité des cas elle consiste en un participe masculin placé devant le verbe εἶπε ou ἔφη; dans tous les cas le sujet de ce verbe est accompagné de la particule atone δέ¹, comme elle n'apparaît que dans des dialogues à deux participants².

Du point de vue sémantique, on remarque tout de suite que ὑπολαβὼν ἔφη (εἶπε) lie la réplique qu'elle introduit à ce qui a été dit avant, d'une manière beaucoup plus étroite que ne le fait, par exemple, «ὁ δ' ἄμείβετο τοῖσδε» (la façon la plus fréquente et la plus neutre d'introduire une réponse chez Hérodote). A première vue notre expression ne devrait pas poser de problèmes de compréhension, et effectivement, les dictionnaires la traduisent le plus souvent tout simplement comme «he said in answer» (Liddell-Scott), «dieser nahm das Wort» (Passow) ou «et ayant pris la parole, il dit» (Bailly)³. Or, une analyse plus méticuleuse des exemples chez Hérodote, laisse apercevoir des nuances qui demandent des précisions. Ainsi, par exemple, la

---

¹ Toutes les modifications de la formule qu'on rencontre dépendent du contexte. Ainsi, dans I, 11 le participe est mis en féminin, car c'est la femme de Candaules qui parle («ὑπολαβοῦσα ἔφη»); dans I, 27 l'expression fait partie de l'histoire raconté en discours indirect («ὑπολαβόντα φάναι»); en IX, 94 le participe est placé derrière le verbe pour le séparer du sujet «οἱ πάρεδροι» qui bien que substantivé, est un adjectif.

² Tels sont, en majorité, les dialogues chez Hérodote – voir Lang 1984: 135, qui remarque à juste titre que même si trois parties ou plus participent à un dialogue, le plus souvent en fait il se réduit à un dialogue entre deux participants (Lang 1984: 136).

³ Cela est, peut-être, dû au fait que les dictionnaires parlent non seulement des usages hérodotéens de cette expression, mais aussi de ceux de Thucydide et de Platon. Malheureusement, la plupart des traductions d'Hérodote se contentent également de la traduction «répondre» ou «répliquer» (ou, plus rarement, «prendre la parole»).

traduction par un simple «répondit» ne convient pas du tout en VII, 101, 13 où Démarates ne répond pas à la question de Cyrus, mais, au contraire, lui pose une question:

Ὁ μὲν ταῦτα εἰρώτα, ὁ δὲ ὑπολαβὼν ἔφη: «Βασιλεῦ, κότερα ἀληθεῖη χρήσωμαι πρὸς σέ ἢ ἡδονῆ;»,

et c'est seulement quelques lignes après qu'il va procéder à la véritable réponse à la première question du roi. De même, la traduction «ayant pris la parole», étant très neutre, ne rend pas la subtilité des relations entre les personnages, telle qu'elle se présente dans leurs discours et dans le contexte général.

Plus proche du sens avec lequel Hérodote utilise cette expression est l'explication fournie par le dictionnaire de Passow à propos du verbe ὑπολαμβάνειν dans les dialogues: «*in die Rede eingreifen, um sie zu unterbrechen oder weiter zu führen*» (Passow 1857: II, 2, Sp. 2137: 2, β). C'est dans ce dernier sens, «*weiter zu führen*», que Hérodote utilise la variante ὑπολαβὼν ἔφη: cette expression apparaît dans les cas où le personnage A cherche à conduire B à accepter son point de vue, souvent en préparant son propos à l'avance, en quelque sorte «prenant l'autre au piège». C'est cette stratégie qu'adopte, par exemple, un des sept sages (Pittacos ou Bias, Hérodote n'en est pas sûr⁴) en parlant avec Crésus dans I, 27. Mais ce sens ne convient pas aux cas dans lesquels ὑπολαβὼν εἶπε est utilisé: ici il s'agit plutôt d'une opposition à la réplique précédente.

Cette différence entre les deux expressions, en apparence si semblables, réclame un examen plus détaillé. Le participe ὑπολαβὼν étant utilisé dans les deux cas, il est judicieux de supposer que le point de divergence réside plutôt dans le verbe. Dans la paire φάναι – εἰπεῖν, l'avis commun est de définir ce dernier comme plus neutre et utilisable dans des contextes plus larges,⁵ tandis que ce premier est censément plus chargé de sens, signifiant une assertion (la traduction en ce cas serait «prétendre») et souvent parvenant à signifier «affirmer, dire oui». on trouve essentiellement la même distinction, même si un peu plus élaborée, dans le livre de Fournier (1946) sur le verbe «dire» en grec ancien: «εἰπεῖν et ἐρεῖν, tournés vers l'objet, le décrivaient ou le mentionnaient, le citaient ou le notifiaient. Mais φημί présente d'emblée un caractère tout étranger, original: comme *le mot exprime avant tout le*

⁴ οἱ μὲν Βίαντα λέγουσι τὸν Πριηνέα ἀπικόμενον ἐς Σάρδις, οἱ δὲ Πιττακὸν τὸν Μυτιληναῖον, εἰρομένου Κροίσου εἶ τι εἶη νεώτερον περὶ τὴν Ἑλλάδα, εἰπόντα τάδε καταπαῦσαι τὴν ναυπηγί-ην (I, 27).

⁵ «Le banal εἰπεῖν», comme l'appelle Fournier (1946b: 44). Voir, ibidem, la caractérisation qu'il fait de ce verbe dans les poèmes homériques: «l'aoriste εἶπε «il prononça ces paroles», d'aspect global, inexpressif, de contenu abstrait et orienté vers l'objet, c'est-à-dire, vers les paroles, qu'il mentionne purement et simplement, sans description aucune du sujet».

jugement convaincu, la notion d'énonciation est facultative; et φημί peut être verbe d'opinion pur» (Fournier 1946a: 12 – les italiques sont celles de l'auteur).

Or, le sens que Fournier donne à ces deux verbes ne correspond pas tout à fait à la façon dont ils se présentent chez Hérodote dans la formule ὑπολαβὼν ἔφη / ὑπολαβὼν εἶπε; dans ce cas, surtout la caractérisation du verbe εἶπεῖν comme «objectif» et «inexpressif», qu'on trouve également chez le chercheur français (Fournier 1946a: 39) est injustifiée. Chez Hérodote, εἶπεῖν est souvent utilisé dans un sens beaucoup plus fort: on le trouve, par exemple, dans les cas d'une réponse qui ne cadre pas avec les attentes de l'interlocuteur. C'est surtout évident dans le dialogue de Crésus et Solon dans le premier livre: Crésus, ayant montré à Solon ses richesses, attend en vain que le sage le nomme l'homme le plus heureux du monde. Le dialogue consiste en quatre répliques de chaque côté, et les réponses de Solon, à l'exception de la première⁶, sont introduites par un simple «Ὁ δὲ εἶπε» (I, 30, 31, 32) qui implique un décalage entre la réponse attendue et la réponse donnée⁷. Dans ce cas il est évident que εἶπεῖν a un sens plus fort que «dire», et qu'il correspond à une prise de position individuelle, à une assertion décidée (et c'est plutôt dans ce sens contrariant qu'il va apparaître dans la formule ὑπολαβὼν εἶπε).

La différence entre «εἶπε» et «ἔφη» devient plus nette, si l'on prend en compte l'aspect des deux verbes. La forme «εἶπε» est un aoriste dont l'aspect est bien défini. Au contraire, «ἔφη» qui est une forme d'imparfait, est utilisé aussi bien avec le sens de l'imparfait que de l'aoriste. Comme le formule Ruipérez, «la valeur aoristique qui lui est couramment attribuée <...> doit être comprise non pas comme ponctuelle, mais comme neutre. <...> ἔφην n'a pas d'aspect» (Ruipelez 1982: 133; Voir également Schwyzler 1950: 261). Apparemment, cette ambivalence commence avec Homère, chez qui le style formulaire nivelle dans une certaine mesure, comme le montre Fournier, les différences de sens et même d'aspect des verbes: ainsi, dit-il, «ὦς εἰπὼν» et «ὥς φάμενος» sont interchangeables sans grande variation du sens, et l'utilisation d'une formule ou de l'autre est due plutôt à des

---

⁶ Ὁ μὲν ἐλπίζων εἶναι ἀνθρώπων ὀλβιώτατος ταῦτα ἐπειρώτα, Σόλων δὲ οὐδὲν ὑποθωπεύσας, ἀλλὰ τῷ ἔοντι χρῆσάμενος, λέγει... (I, 30). Il faut noter que le présent «λέγει» est utilisé dans le sens de l'aoriste, et est en quelque sorte, synonyme de «εἶπε» qui introduit les répliques suivantes de Solon.

⁷ Dans ὁ δὲ εἶπε, ce n'est pas seulement le verbe εἶπεῖν qui est utilisé dans un sens plus fort que d'habitude, mais aussi la particule δέ: elle est constamment utilisée pour l'articulation des parties du dialogue chez les auteurs anciens, mais ici elle porte plus d'opposition à la réplique précédente que d'ordinaire.

causes métriques⁸. Comme Hérodote n'est pas restreint par la métrique, la préférence pour «ἔφη» ou pour «εἶπε» chez lui doit être expliquée en chaque cas par une nuance de sens. Aussi est-il vraisemblable que «εἶπε» à force de sa valeur ponctuelle peut apparaître dans le contexte d'une **affirmation forte**, d'une formulation d'avis individuel, contrariant à des fois l'avis d'autrui; cette réplique résolue, introduite par le verbe en aoriste, se rapportera immédiatement au **développement précédent du dialogue**, c'est-à-dire, au moment concret de parler. A son tour, la forme «ἔφη» qui est indifférente à l'aspect⁹ est bien appropriée pour introduire une **assertion conclusive**, qui sera décisive **pour le développement des événements qui suivent le dialogue**.

Aussi voit-on que l'aspect du verbe principal joue un rôle important pour la reconstitution du sens précis de l'expression en question. Mais le participe ὕπολαβῶν porte également une nuance qu'il convient de noter. La plupart des commentaires et des dictionnaires expliquent que dans la formule ὕπολαβῶν ἔφη (εἶπε) le mot λόγον est sous-entendu (la traduction précise serait «en prenant le mot, il dit...»)¹⁰. En fait, l'expression ὕπολαβεῖν λόγον existe, et même apparaît deux fois dans les *Histoires*, mais elle a la signification sens très précise et spécifique de «**suivre le conseil de quelqu'un**» («répondre aux paroles de quelqu'un

⁸ Fournier 1946b: 60–65. Il formule son idée le plus clairement à la fin de ce chapitre: «ὡς φάμενος et ὡς εἰπών, puis ὡς φάτο, ὡς ἄρ' ἔφη et ὡς ἄρ' ἐφώνησεν en particulier se confondent complètement et l'on comprend que les anciens et modernes discutent de l'aspect de ἔφη et de φάτο sans pouvoir trancher la chose. Aucune indication de contexte dans ces formules après le discours direct – participe ou adverbe – n'éclaire nettement l'aspect du verbe *dire*» (Fournier 1946b: 65).

⁹ Il est intéressant de noter que φημί n'a pas de valeur durative même au présent (Ruipérez 1982: 133). Apparemment, il faut lier à ce fait l'usage des temps de ce verbe quand il signifie «confirmer, dire oui» et, donc, est évidemment non-duratif. Le dictionnaire de Liddell-Scott-Jones signale que dans ce sens-ci les auteurs attiques utilisent les formes du présent (φημί), du futur (φήσω) et de l'aoriste (ἔφησα), et préfèrent éviter les formes de l'imparfait, infinitif et participe en les remplaçant par des formes correspondantes du verbe φάσκω.

¹⁰ Ainsi, le commentaire de Abicht (ad I, 11) et Macan (ad 9, 94: “took him up, or took up the conversation, as frequently...”); de même, Passow: “das Wort nehmen und antworten, erwidern, entgegenen”; Bailly: “avec ou sans λόγον, prendre la parole après quelqu'un”. Notons que pour le sens que les chercheurs voudraient donner à cette expression, la restitution de λόγος comme le mot omis n'est pas la meilleure, parce qu'il signifie «parole» dans le sens de «raisonnement» (cf. note 16); il serait plus logique dans ce cas de suppléer ἔπος ou μῦθος.

par une action conforme à ce qui a été dit») ¹¹: ainsi, Tomiris, la reine des Messagètes, e dit n menaçant Cyrus: «Νῦν ὦν ἐμέο εἶδὲ παραινεούσης ὑπόλαβε τὸν λόγον» (I, 212), et quand Cyrus, tout en satisfaisant la première partie de sa demande (de laisser son fils), ne quitte pas le pays des Messagètes, elle tient sa promesse et le «rassasie de sang» au sens littéral; de même, Méandrios suit le conseil de son frère en III, 146 (Ταῦτα ἔλεξε ὁ Χαρίλεως· Μαιάνδριος δὲ ὑπέλαβε τὸν λόγον...) ¹². Mais cette signification ne convient pas du tout à ὑπολαβὼν ἔφη (εἶπε), et il faut se garder de restituer un complément d'objet direct pour cette expression ¹³. Il est assez significatif que chez les lexicographes antiques,

¹¹ Le commentaire de Lhardy est le seul, à notre connaissance, à le dire explicitement: “ὑπολαβοῦσα: erwidernd <...>; man pflegt dabei τὸν λόγον zu ergänzen, was jedoch bei Herodot in diesem Sinne nie dabei steht: denn I, 212. III, 146. IX.122 heisst ὑπολαμβάνειν τὸν λόγον *den Vorschlag anzunehmen*” (Lhardy 1850: I, 9; italiques sont les miennes – M. K.).

¹² Ce sens semble être propre à Hérodote; après lui, l'expression λόγον ὑπολαβεῖν est utilisé assez souvent, mais dans tout un autre sens, celui de «comprendre le raisonnement d'autrui». Par exemple, chez Euripide: «ὄν μὴ σὺ φράξεις πῶς ὑπολάβοιμι ἄν λόγον;» (Eur., *Iph. Aul.*, 523). Dans les dialogues de Platon le verbe ὑπολαβεῖν se trouve dans le même sens le plus souvent tout seul (avec le mot λόγον sous-entendu), ce qui montre que pour lui c'était déjà une expression si figée qu'elle a pu être abrégée. On trouve ce verbe (souvent accompagné d'un adverbe comme ὀρθῶς, εἶδ, ἄριστα, καλῶς, etc.) dans les situations où il y a besoin de préciser quelque chose dans le raisonnement d'un des personnages du dialogue: «Κάλλιστα ὑπέλαβες· αὐτὸ τοῦτο λέγω» (Plat., *Theaet.*, 159b), «Ἐγὼ τοίνυν σου τότε ταῦτα λέγοντος ὑπέλαβον ὡς» (Plat., *Gorg.*, 460e), «Υπολαμβάνεις γὰρ δήπου τι, ἔφη, ὃ λέγω;» (Plat., *Euthyd.*, 295b), etc. Le fait que ὑπολαβεῖν se trouve dans la moitié des cas en couple avec le verbe λέγειν montre que λόγον est vraiment sous-entendu. Il est important de noter que ni chez Hérodote, ni après on ne trouve l'expression ὑπολαβεῖν λόγον dans le sens de «prendre la parole», qui semble d'être une invention des chercheurs à partir du sens étymologique de ὑπολαβεῖν et son correspondant latin *suscipere*: cf. *suscipit Anchises atque ordine singula pandit* (Verg., *Aen.*, VI, 723).

¹³ Un cas qui pourrait ressembler un peu plus à cette invention savante, qui est ὑπολαβεῖν <λόγον>, se trouve dans l'introduction du discours de Cyrus, qui persuade les Perses de le joindre et de se rebeller contre Astyage. En se faisant passer pour un général commissionné par Astyage, il ordonne à ses soldats un jour de dur travail dans les champs, et l'autre un jour de fête avec une régalade libérale; ensuite il leur demande lequel des jours leur avait plu le plus, à quoi ils répondent, bien sûr, que c'est le deuxième.

Παραλαβὼν δὲ τοῦτο τὸ ἔπος ὁ Κῦρος παρεγύμνου τὸν πάντα λόγον, λέγων· «Ἄνδρες Πέρσαι, οὕτως ὑμῖν ἔχει· βουλομένοισι μὲν ἐμέο πείθεσθαι ἔστι τάδε τε καὶ ἄλλα μυρία ἀγαθὰ, οὐδένα πόνον δουλοπρεπέα ἔχουσι· μὴ

expliquant le sens de «répondre», bien établi à l'époque tardive pour notre verbe, on ne trouve aucun indice que le mot λόγον soit sous-entendu. Par exemple, dans le Suda: Ὑπολαβῶν: ὑπονοήσας, ἢ ἀποκριθεὶς, ἢ ἀντειπῶν, ἀντικρούσας (υ, 534); ou chez Hésychius: ὑπολαβῶν: ὑπονοήσας, νομίσας, ἀποκριθεὶς (υ, 678).

Comme Hérodote est le premier auteur à utiliser ὑπολαβεῖν dans les dialogues, il semble pertinent, pour mieux comprendre la nuance du sens, de considérer les usages qu'il en fait dans d'autres contextes. Ce verbe est assez fréquent chez notre historien qui l'utilise régulièrement à l'égard des forces naturelles, incontrôlables par l'homme: par exemple, à propos des vents d'orage qui emportent les navires (IV, 179; II, 26), à propos des maladies qui saisissent les gens (la peste, la folie – VI, 27; VI, 75), etc.¹⁴ De manière un peu semblable, le personnage dont la réplique est introduite par ὑπολαβῶν ἔφη (εἶπε) donne **une réponse qui est hors du contrôle de l'autre**, et qui est déterminante pour le déroulement des événements à venir, ou au moins pour le développement du dialogue: dans presque tous les cas, à l'exception de VII, 101 qui sera examiné d'une manière plus détaillée ci-dessous, c'est avec elle que se clôt le dialogue. Surtout dans le cas de ὑπολαβῶν ἔφη, le locuteur décide pour

---

βουλομένοισι δὲ ἐμέο πείθεσθαι εἰσὶ ὑμῖν πόνοι τῷ χθιζῶ παραπλήσιοι ἀναρίθμητοι. Νῦν ὦν ἐμέο πειθόμενοι γίνεσθε ἐλεύθεροι...» (I, 126).

Mais même ici, si on le compare à I, 148 et II, 19 (où Hérodote parle de ses propres recherches), il est évident que cela signifie «en recevant / en entendant leur réponse...»; la différence qu'Hérodote fait dans cette phrase entre ἔπος et λόγον est évidente: le premier signifie «parole, ce qui est dit», tandis que le deuxième signifie «raisonnement».

¹⁴ Un sens assez étrange, «suivre immédiatement» (pour le cours des événements), qui est signalé par les dictionnaires (Passow, 2138; Liddell-Scott; Bailly, 2025), est inventé *ad hoc* pour expliquer deux passages d'Hérodote, où ὑπολαβεῖν est utilisé à propos d'une bataille navale (VI, 27; VIII, 12). Mais dans ces deux cas, la bataille est précédée par une série de malheurs (la peste et l'écroulement du toit d'une école dans le premier cas, un orage dans le second) et, tout en étant leur comble, elle est représentée comme aussi incontrôlable que les autres désastres naturels. C'est surtout évident en VI, 27, chapitre qui commence par la célèbre phrase: «Φιλέει δὲ κως προσημαίνειν, εἴτ' ἂν μέλλῃ μεγάλα κακὰ ἢ πόλι ἢ ἔθνεϊ ἔσεσθαι»: les malheurs prédisent la défaite de Chios dans la bataille et son subjugation par Histiaeos. Il est signifiant que le verbe ὑπολαβεῖν est utilisé deux fois dans ce chapitre – une fois à propos de la peste, et l'autre à propos de la bataille, ce qui montre que Hérodote, voulant dépeindre la défaite dans la même tonalité que les malheurs précédents, a utilisé le verbe en question dans un sens figuratif et dans un contexte qui ne lui est propre (d'ailleurs, Powell note dans son Lexique que l'usage de ὑπολαμβάνειν dans ce sens est métaphorique).

l'autre, en sorte que le sens va plutôt vers «prendre l'affaire en main, devenir maître de la situation».

De ce point de vue, le choix du participe d'aoriste pour cette expression plutôt qu'un participe du présent est important. La nuance que l'aspect du participe apporte devient plus évidente, si on le compare avec certaines formules d'introduction du discours direct chez Homère, comme:

Τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς (Il., 1, 84);
Τὴν δὲ Πάρις μύθοισιν ἀμειβόμενος προσέειπε (Il., 3, 437);
τὸν καὶ λισσόμενος Πρίαμος πρὸς μῦθον ἔειπε (Il., 24, 485); etc.

Dans ces formules, comme Homère utilise participe présent, l'action du verbe et celle du participe présent sont simultanées; voire, on peut dire qu'il s'agit d'une seule action exprimée par deux verbes où le participe remplit une fonction adverbiale. Mais le participe d'aoriste présuppose deux actions, dont une est ponctuelle: effectivement, ὑπολαβὼν fait référence à la réplique précédente par laquelle l'autre locuteur avait montré qu'il s'est laissé piéger. Bien entendu, les deux actions étant si proches l'une de l'autre, cette nuance est très faible, et bientôt ne se laisse plus sentir (cf. la note 39).

Passons maintenant aux exemples concrets. L'expression que nous examinons se trouve pour la première fois tout au début du premier livre, dans la première nouvelle insérée dans le récit historique, celle de Gygès et Candaule (I, 8–11). La narration de cette histoire, connue par ailleurs et qui circulait, apparemment, sous la forme d'un conte populaire¹⁵, est nettement divisée chez Hérodote en deux parties symétriques par deux dialogues, chacun consistant en trois répliques: celui entre Candaule et Gygès au long duquel le roi de Lydie persuade son serviteur de voir sa femme nue, et celui entre Gygès et la reine qui, à son tour, en lui donnant le choix soit de se donner la mort, soit de tuer Candaule et devenir de roi à sa place, aboutit à le forcer à trahir son maître. Les deux dialogues sont

---

¹⁵ Pour la caractérisation de cette histoire comme «conte», voir Dovatour (1957: 94–95). A l'époque classique, une version plus fabuleuse de cette histoire est donnée par Platon dans la *République*: ici Gygès est un berger qui trouve par hasard l'anneau d'invisibilité, ce qui lui permet de séduire la reine et de s'emparer du trône de Lydie. Les deux versions, «rationnelle» d'Hérodote et «fabuleuse» de Platon, ont coexisté jusqu'à la fin de l'antiquité et même plus tard, surtout dans les exercices rhétoriques, comme le montre dans son article Smith [1920]. La version que raconte Hérodote, lui permet d'analyser les caractères des participants dans leur conflit, tandis que dans la version fabuleuse les personnages sont complètement dépourvus de caractère (un trait marquant des contes populaires), à tel point qu'on ne pourrait pas dire si Platon classe Gygès parmi les «δίκαιοι» ou les «ἀδίκαιοι» (cf. Plat., *Rep.*, 360b).

liés par des parallèles lexicaux, la symétrie du dessein, ce qui est évident dans la réplique finale de la reine¹⁶, et surtout par la figure du malchanceux Gygès piégé entre deux forces bien plus puissantes que lui: car ce n'est pas seulement le pouvoir dont ils sont investis, qui donne la force à Candaule et la reine, mais l'amour et l'orgueil vaniteux à ce premier, et le sentiment d'outrage et la nécessité de défendre son αἰδώς à cette dernière. Gygès ne peut qu'obéir dans les deux cas¹⁷.

Le deuxième dialogue, celui entre la reine et Gygès, consiste en trois répliques: la reine expose les deux possibilités à Gygès; Gygès en évitant de dire «je le ferai», lui demande de quelle manière cela doit être fait¹⁸; la réplique de la reine suit immédiatement la sienne:

Ἡ δὲ ὑπολαβοῦσα ἔφη· «Ἐκ τοῦ αὐτοῦ μὲν χωρίου ἡ ὀρμὴ ἔσται ὅθεν περ καὶ ἐκεῖνος ἐμὲ ἐπεδέξατο γυμνήν, ὑπνωμένῳ δὲ ἡ ἐπιχείρησις ἔσται».

L'introduction de sa réplique montre que c'est elle qui gère désormais, après le consentement éluif de Gygès, le déroulement des événements.

Très peu de temps après on retrouve ὑπολαβῶν ἔφη dans le récit portant sur un des sept sages (Pittacos ou Bias) qui conseille à Crésus de renoncer à bâtir des navires pour vaincre les insulaires (I, 27). Leur dialogue consiste, comme dans le cas précédent, en trois répliques: le sage dit que les insulaires ont commencé à acheter des chevaux pour vaincre les Lydiens sur le continent (ce qui n'est pas vrai, bien sûr); Crésus, trompé par ce stratagème discursif, exprime l'espoir que les dieux mettent vraiment ce dessein dans les têtes des insulaires; et le sage s'en sert pour lui montrer la témérité de son propre dessein:

Τὸν δὲ ὑπολαβόντα φάναι· «ᾧ βασιλεῦ, προθύμως μοι φαίνεαι εὐξασθαι νησιώτας ἵππευομένους λαβεῖν ἐν ἡπείρῳ, οἰκότα ἐλπίζων· νησιώτας δὲ τί δοκέεις εὐχεσθαι ἄλλο ἢ, ἐπεῖτε τάχιστα ἐπύθοντό σε μέλλοντα ἐπὶ σφίσι ναυπηγέεσθαι νέας, λαβεῖν ἀρώμενοι Λυδοῦς ἐν θαλάσσει, ἵνα ὑπὲρ τῶν ἐν τῇ

¹⁶ «Ἐκ τοῦ αὐτοῦ μὲν χωρίου ἡ ὀρμὴ ἔσται ὅθεν περ καὶ ἐκεῖνος ἐμὲ ἐπεδέξατο γυμνήν...» (I, 11).

¹⁷ cf. Immerwahr [1954: 136]: «The wording of the passage suggests that Herodotus is thinking of a choice between life and death as hardly a choice at all, but as a forced decision; yet after the deed is done Gyges is held responsible for it by the Delphic oracle».

¹⁸ Ἐπειρώτα δὴ λέγων τάδε· «Ἐπεὶ με ἀναγκάζεις δεσπότην τὸν ἐμὸν κτείνειν οὐκ ἐθέλοντα, φέρε ἀκούσω, τέφω καὶ τρόφῳ ἐπιχειρήσομεν αὐτῷ» (I, 11). Notons qu'il évite d'utiliser la première personne singulier même en parlant de meurtre projeté, en la substituant par le pluriel (ἐπιχειρήσομεν).

ἡπεῖρω οἰκημένων Ἑλλήνων τείσωνταί σε, τοὺς σὺ
δουλώσας ἔχεις;»

Hérodote raconte cette histoire qui, elle aussi, porte plusieurs marques d'appartenance à la tradition populaire¹⁹, en discours indirect (peut-être, parce qu'il n'est pas sûr de quel sage il s'agit, mais aussi parce qu'il doutait de sa véracité²⁰), et donc l'expression qui nous intéresse est mise à l'accusatif et à l'infinitif. Même si, comme le montre Dovatour, cette épisode est insérée dans le récit pour expliquer le fait que Crésus n'ait pas essayé de subjuguier les îles grecques (Dovatour 1957: 106–107), l'impression que ce passage en question rejoint le domaine de conte populaire est renforcée par la réplique qu'Hérodote met dans la bouche de Crésus, et qui est pleine d'éléments homériques:

«Αἶ γὰρ τοῦτο θεοὶ ποιήσειαν ἐπὶ νόον νησιώτησι,
ἐλθεῖν ἐπὶ Λυδῶν παῖδας σὺν ἵπποισι.»²¹

---

¹⁹ Il y a un décalage entre les dates de la vie de Crésus et des deux sages qui rend ce récit de leur rencontre historiquement improbable. Cf. le commentaire de How et Wells (*ad loc.*), en particulier: «Herodotus' story here is unhistorical; it is a piece of Greek proverbial philosophy which was fathered on any sage <...> Croesus had a good reason for inaction in the west, when affairs on his east frontier were so threatening». La tradition sur les sages était une des sources d'Hérodote (How et Wells, *ad I*, 27).

²⁰ Il raconte ainsi les histoires d'Arion et du dauphin (I, 24) de la même manière (une page entière au discours indirect), et notamment des enlèvements réciproques des femmes entre Grecs et Barbares tout au début du premier livre (I, 1–4, deux pages, à peu près, au discours indirect). L'effet stylistique obtenu par ce moyen est bien expliqué par Gould: «This fact <...> marks the story of Arion both as a subordinate insertion into the main narrative and as a story told entirely on the authority of others than the storyteller. The technique of narrative in indirect speech is one that Herodotus uses on a number of occasions to distance himself as a storyteller from a particular section of his narrative» (Gould 1989: 50). Hérodote, même s'il a des doutes sur la vérité de l'histoire du roi lydien et le sage, l'insère pour souligner le fait que Crésus n'a pas agi sur l'est de la Lydie, et pour introduire en quelque sorte les récits sur l'activité maritime des barbares (dont le premier sera celui de Cyrus et sa fable des poissons dansants, et qui continueront jusqu'à la fin des Histoires, par exemple, le conseil que donne Artimisia à Xerxes en VIII, 68 – voir l'analyse de ces passages chez Hirsch 1986).

²¹ «Αἶ γὰρ» est complètement homérique (voir, par exemple, II., II, 237; IV, 189; IV, 288, etc.) et ne se trouve nulle part ailleurs chez Hérodote (cf. le commentaire de How et Wells, et celui de Stein, *ad locum*); la dénomination périphrastique du peuple comme «les fils de...» (Λυδῶν παῖδες) a une teinte archaïque et poétique (voir également les commentaires de How et Wells, et de Stein); l'expression «ποιήσειαν ἐπὶ νόον» trouve des parallèles chez Homère sous la forme de «ἐπὶ φρεσὶ θεῖναι» qui est une formule bien attestée (6 exemples), ou «ἐνὶ φρεσὶ ποιεῖν» qui est plus rare (2 fois chez Homère – II.,

Le sage qui avait «préparé» cette réaction du roi, emmène (ὑπολαβόντα φάναι) la discussion dans une direction que le roi n'a pas du tout pu prévoir. Comme dans le passage précédent la reine avait maîtrisé la situation, ici le sage est le maître du dialogue et, même si sa réplique finale est formulée comme une question, c'est lui qui décide pour le roi qu'il faut renoncer à l'idée de conquérir les îles grecques.

Après ces deux exemples, durant quatre livres Hérodote n'utilise pas l'expression qui nous intéresse, et c'est seulement dans l'histoire de la danse d'Hippocleidès dans le sixième livre que le participe ὑπολαβῶν réapparaît dans l'introduction du discours direct d'un personnage. Kleisthénès voulait marier sa fille au meilleur homme de Grèce qu'il puisse trouver, et lança une compétition pour mettre les prétendants aux épreuves différentes pendant une année. Hippocleidès, fils de Tisandre, sembla être le favori du concours jusqu'au dernier soir où Kleisthénès allait annoncer sa décision: sous l'influence du vin et de l'orgueil de la victoire si probable, il commença à danser – au début, sur le sol, puis sur une table, et finalement en dessinant des figures en l'air avec ses jambes, la tête en bas. Bien sûr, Kleisthénès regardait sa danse avec beaucoup de mécontentement:

Κλεισθένης δὲ τὰ μὲν πρῶτα καὶ τὰ δεύτερα ὄρχεομένου ἀποστυγέων γαμβρὸν ἄν οἱ ἔτι γενέσθαι Ἴπποκλείδην διὰ τὴν τε ὄρχησιν καὶ τὴν ἀναιδείην κατεῖχε ἑωυτόν, οὐ βουλόμενος ἐκραγῆναι ἐς αὐτόν· ὡς δὲ εἶδε τοῖσι σκέλεσι χειρονομήσαντα, οὐκέτι κατέχειν δυνάμενος εἶπε· «ὦ παῖ Τεισάνδρου, ἀπορχήσαό γε μὲν τὸν γάμον.» Ὁ δὲ Ἴπποκλείδης ὑπολαβῶν εἶπε· «Οὐ φροντίς Ἴπποκλείδην» (VI, 129).

Cette nouvelle, comme les histoires examinées ci-dessus, circulait selon toute vraisemblance sous la forme d'un conte populaire (Macan le montre bien dans son commentaire²²). Mais le ton sur lequel elle est

---

13, 55 et *Od.*, 14, 273), mais qui présente des contextes très proches de celui d'Hérodote: e.g., σφοῖν δ' ᾧδε θεῶν τις ἐνὶ φρεσὶ ποιήσσειεν. Sans parler du fait que les premiers quatre mots de la phrase forment un hémistiche hexamétrique parfait.

²² Macan 1894: II, 304–310. Cette histoire de prétendant refusé à cause d'une danse indécente trouve un parallèle frappant dans les contes du recueil bouddhique des *Jātakas*: le développement du sujet reste essentiellement le même, mais les personnages figurent sous la forme d'oiseaux. En général la découverte de ce parallèle est attribuée à Macan, mais un an avant lui Warren l'avait déjà signalé dans un court article dans le *Hermes* (Warren 1894). Macan pense que c'était la fable indienne qui a été «historicisée» en Grèce avant Hérodote plutôt que l'histoire hérodotéenne répandue en Inde (Macan 1895: II, 308, et Halliday est également de cet avis (Halliday 1923: 137); Warren est

racontée est très différent par rapport à celui des deux contes précédents: c'est une histoire comique, et Hérodote la raconte comme telle²³. L'utilisation du participe ὑπολαβών pour introduire la fameuse réponse d'Hippocleidès (qui est devenu proverbiale – comme le dit Hérodote: Ἄπο τοῦτου μὲν τοῦτο ὀνομάζεται – VI, 130²⁴), est assez étonnante et ne correspond pas à ce qu'on a vu auparavant. Le dialogue qui le précède n'est pas développé; il consiste seulement en deux répliques qui ont toute l'apparence d'être complètement disjointes. Le trait le plus important pour notre expression est que le verbe principal change de ἔφη à εἶπε, ce qui est logique au vu de ce qui a été dit sur les valeurs aspectuelles des deux verbes: la réponse d'Hippocleidès est en opposition totale à la phrase de Kleithènes, et le fait qu'elle soit si courte et décisive met en valeur la ponctualité de cette réplique, son attachement à ce moment concret. D'autant plus que le εἶπε qui introduit cette réponse fait écho au εἶπε qui introduit les mots de Kleisthènes. Et l'utilisation du participe ὑπολαβών, même si elle n'est pas conforme aux

---

réticent à trancher sur cette question (Warren 1894: 477). L'existence de ce parallèle ne veut pas dire, cependant, que la narration sur Kleisthènes et Hippocleidès n'ait pas des fondations historiques: "The recognition of a fabulous element in the wedding-tale leaves the historic substance unaffected. There is no substantial to doubt that Hippokleides and Megakles were the chief, and perhaps the only, suitors for the hand of Agariste" (Macan 1895: II, 310). Cela d'autant plus que le sujet est étroitement lié à l'établissement des jeux panhelléniques (voir McGregor 1941). La tonalité folklorique qui caractérise cette narration était bien expliquée par Macan: «the memory of the wedding of Agariste was obscured or glorified, by adventitious influences from various quarters, among which may be detected not merely the obvious matter derived from native epic sources, but the workings of oriental fable...» (*ibidem*).

²³ Il y a, par exemple, un humour évident dans le choix des mots «τοῖσι σκέλεσι χειρονομήσαντα», même si ce dernier était un mot commun pour désigner les gestes interprétatifs des danseurs (voir Lawler 1954: 155–156)]. Après cette épisode, le ton change sensiblement, et dans la suite de l'histoire, surtout dans les paroles de Kleisthènes, on a trouvé des éléments épiques (voir Aly [1921: 160]).

²⁴ Et en fait, on la retrouve chez les auteurs tardifs, par exemple, chez Lucien (Luc., Her., 8; Apol., 15, 22); comme la phrase avait une structure anapestique, elle est employée par Hermippos dans une de ses comédies (fr. 17). Intéressante est la manière dont l'austère Plutarque dans son traité *De Herodoti malignitate* tourne la phrase contre Hérodote lui-même: ὁ δὲ τὴν μὲν εἰς Λεωνίδα ὠμότητα δῆλωμα ποιούμενος, ὅτι μάλιστα δὴ ἀνδρῶν ὁ βάρβαρος ἐθυμώθη ζῶντι Λεωνίδῃ, Θηβαίους δὲ καὶ μηδίζοντας λέγων ἐν Θερμοπύλαις στιχθῆναι καὶ στιχθέντας αὐθις ἐν Πλαταιαῖς μηδίζειν προθύμως δοκεῖ μοι, καθάπερ Ἴπποκλειδῆς ὁ τοῖς σκέλεσι χειρονομῶν ἐπὶ τῆς τραπέζης, εἰπεῖν ἂν ἐξορχούμενος τὴν ἀλήθειαν· "οὐ φροντίς Ἡροδότου" (867b).

usages précédents, doit également être expliquée par le déroulement de la scène. Hippocleidès, emporté par sa danse frénétique et ne respectant plus aucune règle de comportement, prend les dessus dans cette échange des répliques: sa réponse bouleverse l'idée de la réaction adéquate que Kleisthénès a pu attendre à ses paroles. Or, il n'est pas du tout humilié, et dans ce court dialogue c'est lui qui a le dernier mot. Et c'est le décalage entre cette «victoire» dans le dialogue et la défaite évidente dans la compétition qui rend ce personnage si ridicule et si fort en même temps²⁵.

On retrouve la même expression introduisant une réplique, dans le même livre, dix chapitres plus tard (VI, 139), quand Hérodote (et son lecteur) tiennent, bien entendu, encore en mémoire le contexte de ce passage antérieur. Punis pour le massacre de leurs femmes athéniennes, les Pélasges doivent, selon l'oracle, expier leur crime envers les Athéniens en accomplissant leur désir, quel qu'il soit.

Ἄθηναῖοι δὲ ἐν τῷ πρυτανίῳ κλίνην στρώσαντες ὡς εἶχον κάλλιστα καὶ τράπεζαν ἐπιπλήν ἀγαθῶν πάντων παραθέντες ἐκέλευον τοὺς Πελασγοὺς τὴν χώραν σφίσι παραδίδοναι οὕτω ἔχουσαν. Οἱ δὲ Πελασγοὶ ὑπολαβόντες εἶπαν· «Ἐπεὰν βορρὴ ἀνέμῳ αὐτήμερον ἔξανύσῃ νηῦς ἐκ τῆς ὑμετέρης ἐς τὴν ἡμετέραν, τότε παραδώσομεν», ἐπιστάμενοι τοῦτο εἶναι ἀδύνατον γενέσθαι· ἢ γὰρ Ἀττικὴ πρὸς νότον κεῖται πολλὸν τῆς Λήμνου.

L'exigence des Athéniens²⁶, bien qu'elle soit aussi légitime que la phrase de Kleisthénès, est aussi décisive et indiscutable que cette

²⁵ Il faut noter que dans la fable indienne la décision de l'Oie d'or de donner sa fille à son neveu et son indignation à propos de la conduite peu respectable du paon sont unis dans la même réplique; le paon ne répond rien à la décision du roi et est véritablement humilié: «... and the peacock was covered with shame at not getting the fair gosling, and rose straight up from the place and flew away» (traduction anglaise citée de Macan 1894: II, 306). L'histoire, comme la raconte la fable (où les personnages sont convertis en oiseaux, et donc dépourvus dans une grande mesure de psychologie humaine, et où le développement du sujet est très extériorisé), est beaucoup plus simple du point de vue psychologique que la version «humaine» racontée par Hérodote qui, apparemment, était la version répandue en Grèce (cf. ὀνομάζεται, «circule en tant que proverbe», à propos de la réponse d' Hippocleidès).

²⁶ Pour la première fois, la réplique à laquelle répond, ὑπολαβῶν, le deuxième participant du dialogue est donnée en discours indirect, ce qui est facile à comprendre, car elle est directement liée à la description de la table que les Athéniens ont dressée pour les pélasgiens. Bien sûr, Hérodote a pu citer les mots des Athéniens au discours direct, mais le discours indirect qu'il préfère, sert à garder l'unité de la partie visuelle et la partie verbale de la demande.

dernière; de même, la réponse des Pélasges est aussi forte que celle d'Hippocleidès: en fait, la réponse est «jamais» (ἐπιστάμενοι τοῦτο εἶναι ἀδύνατον γενέσθαι), mais formulée comme une promesse conditionnée, ce qui leur permet de se réconcilier avec les dieux. Après beaucoup de temps, à l'époque de Miltiade, un navire a, cependant, fait ce trajet en un seul jour, et les Lemniens étaient forcés de céder leur île.

Il faut noter en particulier qu'ici, pour la première fois dans l'utilisation du verbe ὑπολαβεῖν dans les dialogues d'Hérodote, c'est l'ensemble du peuple qui donne la réponse. Les statistiques des réponses que donne Lang montrent que le pourcentage des groupes parlants est beaucoup moins élevé que celui des individus (25% et 75% respectivement); elle montre également que les réponses des groupes prennent pour modèle celles des individus²⁷. Dans ce cas, la situation entre les Athéniens et les Pélasges est mise en parallèle avec celle de Kleisthènes et d'Hippocleidès, le participe ὑπολαβών en constituant un écho explicite²⁸.

Dans le septième livre nous trouvons encore deux exemples de l'utilisation de la formule ὑπολαβών ἔφη. En I, 101 Xerxès pose la question à Démarate sur la probabilité que les Grecs, évidemment cédant en nombre à l'armée perse, se confrontent à elle en bataille:

μετεπέμψατο Δημάρητον τὸν Ἀρίστωνος συστρατευόμενον αὐτῷ ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα, καλέσας δ' αὐτὸν εἶρετο τάδε· «Δημάρητε, νῦν μοι σὲ ἡδὺ τι ἐστὶ εἰρέσθαι τὰ θέλω. Σὺ εἰς Ἑλλήν τε καὶ, ὡς ἐγὼ πυνθάνομαι σέο τε καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων τῶν ἐμοὶ ἐς λόγους ἀπικνεύμενων, πόλιος οὐτ' ἐλαχίστης οὐτ' ἀσθενεστάτης. Νῦν ὦν μοι τόδε φράσον, εἰ Ἑλληνες ὑπομενεύουσι χεῖρας ἐμοὶ ἀνταειρόμενοι. Οὐ γάρ, ὡς ἐγὼ δοκέω, οὐδ' εἰ πάντες Ἑλληνες καὶ οἱ λοιποὶ οἱ πρὸς ἐσπέρης οἰκέοντες ἄνθρωποι συλληχθείησαν, οὐκ ἀξιομαχοὶ εἶσι ἐμὲ ἐπιόντα ὑπομεῖναι, μὴ ἔοντες ἄρθμοι. Θέλω μέντοι καὶ τὸ ἀπὸ σέο, ὁκοῖόν τι περὶ αὐτῶν λέγεις, πυθέσθαι.» Ὁ μὲν ταῦτα εἰρώτα, ὁ δὲ ὑπολαβών ἔφη· «Βασιλεῦ, κότερα ἀληθείη χρήσωμαι πρὸς σὲ ἢ

²⁷

«the majority of pair's second speeches either provide amended motivation, rejection of action, explanation, or justification, all of which are more likely to be made by single individuals, or are motivating oracles that are to be regarded as the god speaking as a single individual» (Lang 1984: 135).

²⁸ La réplique des Athéniens est d'autant plus «laconique» qu'elle est en essence non-verbale; la réponse des Pélasges, comme le note Aly 1921: 161 est hexamétrique, ce qui trahit ses origines poétiques et populaires.

ἡδονῆ;» Ὁ δέ μιν ἀληθείη χρήσασθαι ἐκέλευε, φὰς οὐδέν οἱ ἀηδέστερον ἔσεσθαι ἢ πρότερον ἦν.

L'utilisation de la formule ὑπολαβῶν ἔφη ici est étonnante, et contredit, en apparence, ce qu'on a vu auparavant. Elle n'introduit pas une véritable réponse à ce que dit Xerxès; elle n'est pas la réplique finale de ce dialogue (en outre, même si l'on prend la première partie du dialogue, I, 101, séparément, la réplique est insérée entre deux répliques de Xerxès, une au discours direct et l'autre indirect); le dialogue lui-même est loin d'être tripartite (comme c'est le cas dans I, 11 et I, 27). En fait, ce cas présente la contamination des deux formules: ὑπολαβῶν ἔφη, en gardant plusieurs traits qui lui sont propres, se rapproche dans son usage de ὑπολαβῶν εἶπε. En particulier, c'est de ὑπολαβῶν εἶπε comme nous l'avons vu en VI, 129 et VI, 139, que vient l'apparent décalage entre les logiques des deux répliques et son utilisation dans un dialogue essentiellement «bipartite»²⁹ (si l'on parle de la première partie du dialogue). Cependant, malgré ces innovations d'emploi, dans ce passage Hérodote utilise le verbe ἔφη et non εἶπε, parce que la formule introduit une réplique qui sera décisive pour le développement suivant de dialogue (en fait, par sa question Démarate définit les conditions de sa réponse³⁰), et qui n'est pas en opposition à la réplique précédente; en

²⁹ En fait, la réponse de Xerxès est donnée au discours indirect, ce qui montre qu'elle est d'importance secondaire dans ce dialogue, et ainsi est en quelque sorte pareille à la réaction de Crésus en I, 127: Κάρτα τε ἡσθῆναι Κροῖσον τῷ ἐπιλόγῳ καὶ οἱ, προσφυέως γὰρ δόξαι λέγειν, πειθόμενον παύσασθαι τῆς ναυπηγίης.

³⁰ Il ne faut surtout pas voir dans cette question de Démarate quelque opposition à Xerxès que ce soit, comme le fait, par exemple Legrand. Il dit à propos de la réplique de Démarate: «Ce préambule, où Démarate *reproche ironiquement* (italiques sont les miennes – M. K.) à Xerxès de ne guère demander aux autres leur avis que pour les entendre approuver son opinion personnelle, ne dépasse-t-il pas en fait ce que Démarate, quel qu'eût été son crédit à la cour de Suse, pouvait se permettre à l'égard du Roi ?» (Legrand: VII, 111). Cette réplique de Démarate n'a pas du tout une intonation ironique (il faut prendre en compte que l'ironie et le rire est réservé chez Hérodote aux personnages peu raisonnables qui vont mal finir – voir Lateiner 1977, *passim*, et Démarate, tel que le dépeint Hérodote, dans son comportement se montre essentiellement bon et sage – Gould [1989: 22] (en même temps, comme personnage dans les *Histoires* Démarate est, comme le montre Boedeker, assez ambivalent: «In the Histories then Demaratus reverberates with potential for disaster which is not fully realized» – Boedeker 1987: 193); et le «reproche» n'apparaît que plus tard dans ses mots: Ὁ βασιλεῦ, ἀρχῆθεν ἠπιστάμην ὅτι ἀληθείη χρεώμενος οὐ φίλα τοι ἐρέω· σὺ δὲ ἐπεὶ ἠνάγκασας λέγειν τῶν λόγων τοὺς ἀλθεσετάτους, ἔλεγον τὰ κατήκοντα Σπαρτιήτησι (VII, 104). Certes, dans cette scène en général il y a une opposition très forte des Perses et des Grecs, et la réplique de

outre, dans ce dialogue le Laconien apparaît comme le locuteur le plus fort, avec une position et une opinion bien précises à la différence de Xerxès, dont la manière même de poser la «question» montre que, malgré sa fierté de son armée énorme, il éprouve le besoin d'être assuré que la supériorité du nombre va lui garantir la victoire (de ce point de vue, il ne veut pas tellement avoir une vraie réponse à sa question). Ce que dit Démarate trompe l'attente du roi, et même si à la fin du dialogue Xerxès rit, ne prenant pas ses paroles au sérieux, il est le vrai maître du dialogue, surtout en tant qu'il formule les principes de la démocratie grecque qui sont très importants pour Hérodote, et en tant que l'histoire va apporter la preuve que c'est lui qui a raison³¹.

Du point de vue de la composition de cette scène, pour Hérodote l'insertion de cette réplique de Démarate est également un moyen d'insister sur l'objectivité du discours qui suit et qui est un des plus importants discours programmatiques dans son œuvre. Il faut se rappeler que Xerxès fait l'inspection de son armée à Doriskos, et Hérodote utilise l'occasion pour donner la description – sur 40 chapitres ! – des forces barbares (VII, 60–100). Ensuite le roi pose la question citée ci-dessus à Démarate qui est un de ses généraux. Le discours de Démarate sert à contrebalancer le catalogue de l'armée perse³², et Hérodote insiste à plusieurs reprises sur son objectivité qui doit à son tour contrebalancer l'objectivité des chiffres donnés dans les chapitres précédents: cf. Démarate qui dit lui-même qu'il n'a pas d'amour particulier pour les Laconiens qui l'ont exilé:

Καίτοι ὡς ἐγὼ τυγχάνω τὰ νῦν τάδε ἐστοργῶς
ἐκείνους, αὐτὸς μάλιστα ἐξεπίστεται, οἱ με τιμὴν τε
καὶ γέρεα ἀπελόμενοι πατρώια ἄπολιν τε καὶ φυγάδα
πεποιήκασι.

(VII, 104).

Démarate en I, 101 doit être comprise dans ce sens-ci: dans sa réponse il va se montrer aussi libre que les Laconiens qu'il loue (Ἐλεύθεροί γάρ ἐόντες οὐ πάντα ἐλεύθεροί εἰσι· ἔπεστι γάρ σφι δεσπότης νόμος, τὸν ὑποδειμαίνουσι πολλῶ ἔτι μᾶλλον ἢ οἱ σοὶ σέ – VII, 104); et sa question au début du dialogue, sur la manière dont il doit parler, est plutôt une façon de demander permission de parler comme un Laconien, et pas comme un Perse.

³¹ En général, seul le déroulement du dialogue détermine celui qui maîtrise la conversation; mais dans ce cas, comme c'est une confrontation d'idées qui dépasse largement un dialogue proprement dit entre deux personnages historiques, les événements qui suivent doivent également être pris en compte.

³² Forsdyke montre bien que cette scène est bâtie sur des principes dramatiques, et donne un beau parallèle – le début des «Perses» d'Eschyle qui commence par un catalogue de l'armée perse, suivi d'un dialogue entre le chœur et Atossa pour laquelle, comme pour son fils chez Hérodote, la supériorité du nombre semble garantir la victoire (Forsdyke 2001: 342–343).

Dans l'exemple suivant, qui contient le bref dialogue de Xerxès avec ses conseillers en VII, 147, Hérodote va revenir à l'utilisation habituelle de la formule ὑπολαβὼν ἔφη. Les conseillers exhortent Xerxès à attaquer les navires grecs chargés de blé:

Ὁ δὲ Ξέρξης εἶρετο αὐτοὺς ὅκῃ πλείειν· οἱ δὲ εἶπαν·
 «Ἐς τοὺς σοὺς πολεμίους, ᾧ δέσποτα, σίτον ἄγοντες.»
 Ὁ δὲ ὑπολαβὼν ἔφη· «Οὐκ ᾧν καὶ ἡμεῖς ἐκεῖ πλέομεν
 ἔνθα περ <καὶ> οὔτοι, τοῖσί τε ἄλλοισι ἐξηρτυμένοι
 καὶ σίτω; Τί δῆτα ἀδικέουσι οὔτοι ἡμῖν σιτία
 παρακομίζοντες;» (VII, 147).

Cet exemple est évidemment bâti sur le modèle de dialogue entre Crésus et le sage en I, 27³³, avec l'inversion des rôles: ici le roi prend au piège ses conseillers en leur montrant le point faible de leur raisonnement³⁴.

Le dernier exemple de l'expression que nous allons examiner se trouve dans le neuvième livre d'Hérodote quand les Apolloniates cherchent à expier leur faute devant Euhénios, qu'ils avaient aveuglé: après cet acte ils avaient été accablés par la stérilité de la terre et des

³³ Xerxès comme le sage en I, 27 prévoit la réponse des conseillers dans sa première question; et, comme Bias ou Pittacos dans le premier livre, il utilise une série de questions dans sa réplique finale pour démontrer l'incohérence logique de leur conseil. Dans les deux cas le discours introduit par ὑπολαβὼν ἔφη sert à prévenir une action téméraire et inutile. Notons également que dans les deux cas la réplique finale s'appuie dans une très grande mesure sur les mots de la réplique précédente. Aussi, la première phrase du sage fait plusieurs allusions à l'invocation des dieux presque homérique de Crésus: «ᾠ βασιλεῦ, προθύμως μοι φαίναι εὐχασθαι νησιώτας ἰππευομένους λαβεῖν ἐν ἡπείρῳ» (I, 27: le verbe εὐχομαι désigne l'intonation générale de ce qu'avait dit Crésus; l'expression νησιώτας ἰππευομένους reprend les mots de Crésus; sa deuxième phrase qui renverse la situation pour montrer le point de vue des insulaires est strictement bâti sur cette première). Cela est encore plus évident dans le deuxième cas: dans sa courte réplique Xerxès fait allusion deux fois à «σίτον ἄγοντες» de ses conseillers (σίτω, σιτία) avec le jeu évident sur le sens que les conseillers donnaient à ce fait: à leur avis, il fallait attaquer les navires, car ils transportaient les vivres aux ennemis; Xerxès renverse la situation en leur montrant que les navires transportent le blé plutôt pour les Perses.

³⁴ On peut remarquer également que le sage dans le premier livre est un Grec qui arrête le roi barbare dans son projet peu réfléchi; ici, ce sont des gens de l'entourage perse qui donnent ce conseil imprévoyant, tandis que Xerxès montre un bon sens et absence d'étroitesse de vues presque grecs (rappelons-nous qu'il le fait devant les espions grecs qu'il avait découvert et, au lieu de les tuer, leur a permis de mesurer l'ensemble de son pouvoir, aussi bien que sa magnanimité, pour les laisser rentrer en Grèce ensuite: Οἱ μὲν νυν κατάσκοποι οὕτω θεησάμενοί τε καὶ ἀποπεμφθέντες ἐνόστησαν ἐς τὴν Εὐρώπην – VII, 147; cette phrase suit directement l'histoire qu'on a examiné ci-dessus).

animaux, et l'oracle de Dodone leur ordonna de donner à Euhénios quoi qu'il demande. Certains Apolloniates ont, donc, interrogé le berger pour savoir quelle récompense le satisferait, sans lui rien dire de l'oracle:

Ὁ δέ, οὐκ ἀκηκοῦς τὸ θεοπρόπιον, εἴλετο εἶπας εἴ τις οἱ δοίη ἀγρούς, τῶν ἀστῶν ὀνομάσας τοῖσι ἡπίστατο εἶναι καλλί-στους δύο κλήρους τῶν ἐν τῇ Ἀπολλωνίῃ, καὶ οἴκησιν πρὸς τούτοισι τὴν ἦδεε καλλίστην ἐοῦσαν τῶν ἐν πόλι· τούτων δὲ ἔφη ἐπήβολος γενόμενος τοῦ λοιποῦ <ἀν> ἀμήνιτος εἶναι, καὶ δίκην οἱ ταύτην ἀποχρᾶν γενομένην. Καὶ ὁ μὲν ταῦτα ἔλεγε, οἱ δὲ πάρεδροι εἶπαν ὑπολαβόντες· «Εὐήνιε, ταύτην δίκην Ἀπολλωνιῆται τῆς ἐκτυφλώσιος ἐκτίνουσί τοι κατὰ θεοπρόπια τὰ γενόμενα.» Ὁ μὲν δὴ πρὸς ταῦτα δεινὰ ἐποιέετο ἐνθεῦτεν πυθόμενος τὸν πάντα λόγον, ὡς ἐξαπατη-θεῖς... (IX, 94).

Comme dans le cas précédent, ce récit est complètement bâti, jusqu'aux plus petits détails, sur l'histoire des Athéniens et des Pélasges (VI, 139)³⁵; et comme dans le cas précédent, il y a un renversement de la situation (Euhénios est fâché en se sentant trompé, mais en outre de ce qu'il avait demandé, il obtient de la part des dieux le don de providence pour lui et pour ses descendants³⁶). L'utilisation de la formule

---

³⁵ La demande d' Euhénios est donnée au discours indirect, bien qu'ici elle puisse apparaître comme une véritable réplique, mais Hérodote préfère garder le parallèle avec la demande des Athéniens en VI, 139 qui, étant à moitié visuelle, à moitié verbale, était pour des raisons évidentes mise en discours indirect; le fait que les deux demandes contiennent le mot καλλίστος (κλίην στρώσαντες ὡς εἶχον κάλλιστα - VI, 139; καλλίστους δύο κλήρους et καλλίστην οἴκησιν - IX, 94); la reprise par la partie coupable des mots de la partie offensée (παραδιδόναι ... τότε παραδώσομεν - VI, 139; δίκην οἱ ταύτην ἀποχρᾶν ... ταύτην δίκην Ἀπολλωνιῆται ἐκτίνουσί τοι - IX, 94). Si l'on regarde les deux histoires en entier, les échos sont encore plus nombreux (e.g., οὔτε γῆ καρπὸν ἔφερε οὔτε γυναῖκές τε καὶ ποῖμναι ὁμοίως ἔτικτον - VI, 139, et οὔτε πρόβατά σφι ἔτικτε οὔτε γῆ ἔφερε ὁμοίως καρπὸν - IX, 94, etc.). Les commentaires ne notent pas ces parallèles assez évidents, peut être parce que l'histoire du berger aveuglé est beaucoup moins importante que celle de la mainmise des Athéniens sur Lemnos.

³⁶ Cf. la remarque pertinente de Macan dans son commentaire (*ad locum*): "The trick is indicative of a relatively low standard of morality, which keeps pledge in the letter, and breaks it in the spirit, and is characteristic of a certain type of culture, or education, which unites a scrupulous conscience with a good deal of essential dishonesty <...> In this case, however, there was a difficulty: had Euenios been told the whole story, he might have been sorely tempted into extravagant demands. The gods plainly condoned the trick and consoled the

ὕπολαβόντες εἶπαν dans ce cas s'explique par ce parallélisme entre les deux récits (il n'y pas de véritable opposition dans la réplique des Apolloniates, au contraire, ils accordent à Euhénios ce qu'il a demandé, mais l'aspect de ruse et de fraude y reste, aussi bien que l'irrévocabilité de la décision prise).

On a vu, donc, l'usage subtil que Hérodote fait de la formule d'introduction de discours direct ὕπολαβὼν ἔφη / ὕπολαβὼν εἶπε. Il semble que ὕπολαβὼν ἔφη soit l'expression originale, et que c'est à partir d'elle que ὕπολαβὼν εἶπε a été créé. On rencontre les deux presque uniquement dans des contextes de conduite indue, quand il s'agit de résoudre la situation créée par cette violation des règles établies ou implicites³⁷. Tandis que dans les deux cas le participe ὕπολαβὼν sert à montrer la personne qu'il désigne comme la partie forte de la conversation (souvent avec la notion d'une ruse ou d'un piège intellectuel qu'elle dresse pour son interlocuteur), la différence d'aspect des deux verbes explique les nuances du sens entre les deux expressions: ὕπολαβὼν ἔφη est utilisé sans référence au moment concret et introduit une réplique qui sera décisive pour le déroulement des événements dans l'avenir; ὕπολαβὼν εἶπε est directement attaché au moment de la prise de parole et introduit une réplique décisive pour le déroulement du dialogue, celle qui le conclut (et, en revanche, les événements suivants la dévalorisent dans une grande mesure). Cette différence est étroitement liée au fait que la première expression est utilisée dans les dialogues tripartites, et la deuxième – dans les dialogues bipartites. L'exemple le plus intéressant se trouve dans la conversation de Xerxès et Démarate (VII, 101), où l'on voit ces deux variants se rapprocher jusqu'au point de se confondre presque, malgré toutes leurs différences. Comme on a essayé de montrer, l'expression ὕπολαβὼν ἔφη (εἶπε), telle qu'on la voit chez Hérodote, introduit des détails psychologiques très particuliers et très fins qu'il semble dommage d'omettre, en le traduisant tout simplement comme «répondre».

Finissons par une brève esquisse de l'usage de ὕπολαβὼν ἔφη (εἶπε) après Hérodote. On a continué d'utiliser cette expression jusqu'à

---

diviner with a gift which brought him honour, and doubtless proved extremely profitable to him and his descendants”.

³⁷ La femme de Candaule cherche à se venger du manque de respect que les deux hommes ont montré envers elle et son αἰδώς; le sage dissuade Crésus d'enfreindre la règle implicite que les Lydiens doivent rester sur le continent avec leur cavalerie, et laisser la mer aux insulaires; la conduite incorrecte d'Hippocleidès est évidente, et Hérodote renforce l'impression de sa perversité par l'oxymoron τοῖσι σκέλεσι χειρονομήσαντα; etc.

l'antiquité tardive, mais, bien entendu, son sens a évolué par rapport à ce qu'on a vu chez notre historien: l'usage fréquent a effacé la plupart des nuances stylistiques et psychologiques, l'expression elle-même est devenue beaucoup moins riche et remarquable. Le dictionnaire de Liddell – Scott – Jones attribue deux sens au verbe ὑπολαμβάνειν dans le contexte d'un dialogue: «*rejoin, retort*» et «*take up, interrupt*»³⁸, mais surtout vers la fin de l'antiquité l'expression perd peu à peu son sens original et ne désigne que l'alternance des répliques dans un dialogue.

Tout d'abord, le participe aoriste ὑπολαβών perd complètement la valeur d'antériorité au verbe ἔφη (εἶπε) qui était faible déjà chez Hérodote, et n'exprime la simultanéité dans le passé³⁹. De même, notre formule ne dénote plus ni la distribution des forces dans le dialogue, ni la nuance de ruse ou de piège dans la réplique qu'elle introduit, et sa signification rapproche effectivement le latin *suscipere*, ou «prendre la parole» dans les langues modernes.

Déjà chez Platon on trouve ὑπολαβών ἔφη dans les phrases qui introduisent une réplique, utilisé d'une manière neutre⁴⁰; en outre, la position de l'expression change par rapport à la réplique du personnage, comme il y a assez beaucoup d'exemples où le participe et le verbe sont séparés: ce premier précède le discours direct, tandis que ce dernier l'entame:

Πάνυ μὲν οὖν, ἔφη, ᾧ Σώκρατες, ὑπολαβών ὁ
Πολέμαρχος, εἶπερ γέ τι χρῆ Σιμωνίδη πείθεσθαι.
(Plat., *Resp.*, 331 d 4).

---

³⁸ De même, Passow: «in die Rede eingreifen um sie zu unterbrechen oder weiter zu führen; das Wort nehmen und antworten, erwiedern, entgegennen» (Passow 1857: II, 2, 2137). On ne trouve ces significations que chez des auteurs postérieurs à Hérodote. L'autre sens dans lequel notre verbe apparaît souvent, par exemple, chez Platon, celui de «comprendre» et «concevoir», a déjà été brièvement ébauché dans la note 16.

³⁹ Gildersleeve formule la règle ainsi: «The action of the aoristic participle is ordinarily prior, but it may be coincident, so especially when the leading verb is aorist or future» (Gildersleeve 1980: 140, § 339); de même, Humbert qui explique ce phénomène par «le jeu des aspects» (Humbert 1954: 128, § 217). Ce fait est noté à propos de ὑπολαβών ἔφη par Burnet dans son commentaire (1911: 15).

⁴⁰ Même si on trouve ὑπολαβών ἔφη parfois dans le contexte d'un «piège» au cours du dialogue: Ὑμεῖς δέ, ἔφη, βούλεσθε γενέσθαι αὐτὸν σοφόν, ἀμαθῆ δὲ μὴ εἶναι; – Ὁμολογοῦμεν. – Οὐκοῦν ὃς μὲν οὐκ ἔστιν, βούλεσθε αὐτὸν γενέσθαι, ὃς δ' ἔστι νῦν, μηκέτι εἶναι. – Καὶ ἐγὼ ἀκούσας ἐθουρβήθην· ὁ δὲ μου θουρβουμένου ὑπολαβών, Ἄλλο τι οὖν, ἔφη, ἐπεὶ βούλεσθε αὐτὸν ὃς νῦν ἔστιν μηκέτι εἶναι, βούλεσθε αὐτὸν, ὡς ἔοικεν, ἀπολωλέναι; (Euthyd. 283 d 4).

La possibilité de séparer le participe du verbe montre bien que l'expression était à ce moment perçue comme unité phraséologique tellement stable, que même la séparation de ses éléments ne pouvait pas lui nuire. Pour certains passages on a voulu préciser la nuance de sens de ὑπολαμβάνειν (e.g., pour *Phédon*, 60 c 8⁴¹), mais Verdenius note à juste titre: «the dilemma “to rejoin” – “to interrupt” is not a real one: the real meaning is to take up something that has been said, and it depends on the context whether this will be an answer or an interruption, or neither of these, as in the present case, where Cebes simply takes up the mention of Aesop» (Verdenius 1958: 195; de même, Loriaux dans son commentaire – Loriaux 1969: I, 33). Ce nivelage du sens est rendu encore plus évident quand ὑπολαβῶν ἔφη est accompagné d'un adverbe: on le trouve, par exemple, à maintes reprises dans l'*Euthydème* quand l'un des deux sophistes se hâte à intervenir et prendre la parole, en voyant l'autre en danger:

Ἄλλὰ σύ, ἦν δ' ἐγώ, πῶς λέγεις, ὦ Εὐθύδημε; οὐ δοκεῖ σοι ὀρθῶς ἀδελφὸς λέγειν ὁ πάντ' εἰδώς; – Ἀδελφὸς γάρ, ἔφη, ἐγώ εἰμι Εὐθυδήμου, ταχὺ ὑπολαβῶν ὁ Διονυσόδωρος;

(Plat., *Euthyd.*, 297 a 9)

Καὶ αὐθις ταχὺ ὑπολαβῶν ὁ Διονυσόδωρος, ἵνα μὴ πρότερόν τι εἴποι ὁ Κτήσιππος, Καὶ ἔτι γέ μοι μικρόν, ἔφη, ἀπόκριναι· τύπτεις τὸν κῦνα τοῦτον;

(Plat., *Euthyd.*, 298 e 6).

Vers la fin de l'antiquité ὑπολαβῶν ἔφη (εἶπε) devient une expression de plus en plus figée; apparemment, elle était beaucoup utilisée dans la langue parlée, sans différer beaucoup d'un simple «répondre» ou «prendre la parole». Ainsi, dans la traduction du livre de Job (Septante), le livre dont la plus grande partie consiste en discours de Job et ses amis, on la trouve 24 fois, marquant à chaque fois d'une manière tout à fait formulaire, le changement de la personne qui parle. De même, ὑπολαβῶν ἔφη (εἶπε) apparaît régulièrement dans les fables d'Esopé⁴², dont une, notamment, la fable № 251 (I), nous montre par ses *variae lectiones* qu'à cette époque ὑπολαβῶν ἔφη était tout à fait interchangeable avec une autre expression semblable, ὑποτυχὼν ἔφη

⁴¹ Dans ce passage la réplique de Cébès est introduite de la manière suivante: Ὁ οὖν Κέβης ὑπολαβῶν, Νῆ τὸν Δία, ὦ Σώκρατες, ἔφη, εἶ γ' ἐποίησας ἀναμνήσας με... Burnet attribue le sens de «répliquer» au verbe ὑπολαμβάνειν: et le compare au latin *suscipere* (Burnet 1911: 15), tandis que Hackforth propose le sens d' «interrompre» (Hackforth 1952: 33, note 3).

⁴² Notre expression est utilisée dans 22 fables, parfois dans plusieurs versions à la fois.

ὅς καὶ κύων περὶ εὐτοκίας ἤριζον. τῆς δὲ κυνὸς εἰπούσης, ὅτι μόνη τῶν τετραπόδων ταχέως ἀποκύει, ἢ ὅς ὑποτυχοῦσα (ὕπολαβοῦσα CF) ἔφη· ἀλλ' ὅταν τοῦτο λέγῃς, γίνωσκε, ὅτι τυφλὰ τίκτεϊς.” – ὁ λόγος δηλοῖ, ὅτι οὐκ ἐν τῷ τάχει τὰ πράγματα, ἀλλ' ἐν τῇ τελειότητι κρίνεται.

Cet exemple témoigne du fait que la forme interne du verbe ὑπολαμβάνειν ne jouait plus aucun rôle, et ne contribuait aucune nuance spécifique. Aussi, n'est-il pas étonnant, en vue de ce nivelage du sens, que le lexique de Suda substitue ὑποτυχῶν à ὑπολαβῶν Hérodoteén, quand il raconte de la danse malencontreuse d'Hippocleidès:

Οὐ φροντὶς Ἴπποκλείδῃ· παροιμία, ἧς μέμνηται Ἑρμιππος ἐν Δημόταις. Ἴπποκλείδης ὁ Τισάνδρου μέλλων γαμεῖν Ἀγαρίστην τὴν Κλεισθένους τοῦ Σικυωνίου θυγατέρα τοῦ τυράννου ἐν αὐτῇ τῇ τῶν γάμων ἡμέρᾳ ἐπωρχήσατο περιττῶς, μεταβουλευσαμένου δὲ τοῦ Κλεισθένους καὶ Μεγακλεῖ τῷ Ἀλκμαίωνος τὴν θυγατέρα δόντος, πρὸς δὲ τὸν Ἴπποκλείδην φανερώς εἰπόντος, ὅτι ἀπώρχεται τὸν γάμον τὸν Ἀγαρίστης, ὑποτυχῶν ἔφη· οὐ φροντὶς Ἴπποκλείδῃ. (Suda, ο 978).

Bibliographie

Commentaires.

How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Oxford, 1928.

Stein H. *Herodoti Historiae*. Vol. I–II, Berlin, 1869–1871.

Hérodote, *Histoires* / texte ét. et trad. par Ph.-E. Legrand. Vol. I–IX. Paris, 1936–1970.

Herodotos, erklärt von D. B. Lhardy. Leipzig, 1850.

Abicht Karl. Herodotos für den Schulgebrauch erklärt. Leipzig, 1869.

Macan R. W. Herodotus, the Fourth, Fifth and Sixth Books. Vol. I–II. London; New York, 1895.

Macan R. W. Herodotus, the Seventh, Eighth and Ninth Books. Vol. I–II. London, 1908.

Plato's *Phaedo* (ed. With introduction and notes by J. Burnet). Oxford, 1911.

Plato's *Phaedo*. Translated with introduction and commentary by R. Hackforth. NY, 1952.

Le Phédon de Platon, Commentaire et Traduction par R. Loriaux. Namur – Gembloux, 1969.

Sources secondaires.

Aly W. *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*.

Eine Untersuchung über die volkstümlichen Elemente des altgriechischen Prosaerzählung. Göttingen, 1921.

- Boedeker D. The Two Faces of Demaratus // *Arethusa* 21 (1987). P. 185–202. [Dovatour, A.] Доватур, А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Forsdyke S. Athenian Democratic Ideology and Herodotus' "Histories" // *American Journal of Philology* 122 (2001). P. 329–358.
- Fournier H. Formules homériques de référence avec le verbe «dire» // *Revue de Philologie*, 1946. P. 29–70.
- Fournier H. Les verbes «dire» en grec ancien. Exemple de conjugaison supplétive. Paris, 1946.
- Gildersleeve B. L. *Syntax of Classical Greek from Homer to Demosthenes*. Groningen, 1980.
- Gould J. *Herodotus*. London, 1989.
- Halliday W. R. Notes upon Indo-European Folk Tales and the Problem of Their Diffusion // *Folklore* 34 (1923). P. 117–140.
- Hirsch S. W. Cyrus' Parable of the Dancing Fish: Sea Power in the Early Relations of Greece and Persia // *Classical Journal* 81 (1986). P. 222–229.
- Humbert J. *Syntaxe grecque*. Paris, 1954.
- Immerwahr H. R. Historical Action in Herodotus // *Transactions and Proceedings of the American Philological Society* 85 (1954). P. 16–45.
- Jacoby F. *Herodotus* // *RE*, Suppl. II, 1913. Sp. 205–520.
- Lang M. L. *Herodotean Narrative and Discourse*. Cambridge, Mass.; London, 1984.
- Lateiner D. No Laughing Matter: A Literary Tactic in Herodotus // *Transactions and Proceedings of the American Philological Society* 107 (1977). P. 173–182.
- Lawler L. B. *Phora, Schêma, Deixis* in the Greek Dance // *Transactions and Proceedings of the American Philological Society* 85 (1954). P. 148–158.
- Liddell H. G., Scott R., Jones, H. S., McKenzie, R. *Greek-English Lexicon*. Oxford, 1968.
- McGregor, M. F. Cleisthenes of Sicyon and the Panhellenic Festivals // *Transactions and Proceedings of the American Philological Society* 72 (1941). P. 266–287.
- Passow F. *Handwörterbuch der griechischen Sprache, neubearbeitet und Zeitmäss umgestaltet* von V. C. F. Rost, F. Palm, O. Kreussler, K. Keil, F. Peter und G. E. Benseler. Leipzig, 1857.
- Powell J. E. *A Lexicon to Herodotus*. Cambridge, 1938.
- Ruipérez M. S. Structure du système des aspects et des temps du verbe en grec ancien. Analyse fonctionnelle synchronique (traduit par M. Plénal et P. Serça). Paris, 1982.
- Schwyzler E. Debrunner, A. *Griechische Grammatik, Zweiter Band: Syntax und Syntaktische Stilistik*. München, 1950.
- Smith K. F. The Literary Tradition of Gyges and Candaules // *American Journal of Philology* 41 (1920). P. 1–37.
- Verdenius W. J. Notes on Plato's *Phaedo* // *Mnemosyne* 11 (1958). P. 193–243.
- Warren S. J. Herodot VI, 126 // *Hermes* 29 (1894). S. 476–478.

ЯЗЫК ПИНДАРА (ИТОГОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ)

Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант сборника публикаций 1957–1990 годов под общим заглавием: «Пиндар: Проблема языка» (СПб.: Нестор-История, 2007)¹. В нем подводятся итоги проводившегося на протяжении нескольких десятилетий исследования языка Пиндара, виднейшего представителя древнегреческой хоровой лирики (518–446 гг. до н. э.)². Речь идет об определении характера самого языка и его истоков, выяснении диалектно-территориальной базы, а также о фонетико-морфологических особенностях и лексическом составе, отношении поэта к устоявшейся традиции и его новаторстве. Вступая в полемику с моими многочисленными предшественниками, я высказываю ряд собственных суждений о происхождении и характере языка древнегреческой хоровой лирики, подкрепляя свои предположения широким привлечением эпиграфических материалов, новых папирологических находок и ранее неизвестных науке крито-микенских текстов XIV–XII вв. до н. э.

Работа состоит из вступления и пяти разделов. В первом рассматривается история пиндаровского текста с древних времен до наших дней и определяется степень его достоверности. Во втором разделе анализируются надписи ряда областей Древней Греции с целью выявления в них общих с Пиндаром языковых элементов. Третий раздел посвящен анализу поэтической лексики поэта, четвертый – выборочному лексическому материалу. Пятый раздел отведен проблеме диалектно-территориальной базы языка хоровой лирики, изучению мнений многочисленных исследователей, отстаиванию точки зрения и доказательствам автора.

---

¹ Сборник посвящен памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского.

² См.: Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара (фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы. Докторская диссертация. Т. I–III. М., 1969. 1220 с. (машинопись. Ленинская библиотека). Его же: Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973; Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. К 2500-летию со дня рождения поэта. М., 1990.

Вступление

Творчество Пиндара представляет собой яркое явление в истории греческой литературы. Уроженец Беотии, одной из наиболее отсталых областей Греции того времени, Пиндар благодаря силе своего таланта вырос до общепризнанного классика торжественной хоровой лирики. В его песнях, исполнявшихся в честь победителей олимпийских, пифийских, истмийских и немейских состязаний, на всю Грецию прозвучала хвала человеческой силе, ловкости и красоте. И хотя Пиндар выступил как защитник гибнущего мира аристократии, добродетели, им воспетые, стали дорогими не только сердцу греческого народа, но со временем, получили признание всего человечества.

* * *

К числу проблем, связанных с жизнью и творчеством Пиндара, не решенных до сих пор в научной литературе, относится и вопрос о пиндаровском языке.

Высказывания древних и позднейших грамматиков позволяют сделать выводы, что уже в античности не было ясности в отношении оценки языка Пиндара. Поскольку он не совпадал ни с одним живым, известным грамматикам, греческим диалектом, отдельно взятым и не содержал в себе явно эпических черт.

Дискуссия вокруг вопроса о характере языка Пиндара разгорелась в начале XIX века, когда стала складываться современная классическая филология. Одни ученые считают, что в основе пиндаровского языка лежит эпический диалект, т. е. язык Гомера (Hermannus 1827: 217; Voeskus 1811: 289; Peter 1866: 4; Lind 1893: 1–2). Другие утверждают, что Пиндар пользуется, прежде всего, дорийским диалектом (Ahrens 1843: 410; Thumb 1932: 217; Hoffmann, Debrunner 1953: 105). Третьи убеждены, что базой языка Пиндара является его родной диалект – беотийский или язык города Фив (Führer 1885: 49–60). Четвертая группа ученых полагает, что пиндаровский язык и не ионийский и не дорийский (Zarneke 1890: 8; Buck 1910: 13). И наконец, еще одна группа склонна видеть в языке поэта некое литературное койне (Wilamowitz-Moellendorff 1922: 98–101; Sinko 1931: 343). Однако, несмотря на имеющиеся различия, большинство исследователей согласно с тем, что язык Пиндара неоднороден, что в той или иной степени в нем имеются элементы трех основных греческих диалектов: ионийского (эпического), дорийского и эолийского. Согласно исследователи и в том, что Пиндар пользуется лишь главными чертами этих диалектов и старательно избегает местных особенностей. Общим является также мнение, что обращение к Гомеру, выбор Пиндаром той или иной диалектной

формы определяется литературной традицией, с одной стороны, и художественным вкусом поэта, с другой. И, наконец, большинство ученых считает язык Пиндара искусственным образованием, а не живым диалектом современных поэту греческих племен.

Возникает вопрос, можно ли соглашаться с высказанными выше положениями. Бесспорно, что язык Пиндара неоднороден и состоит из различных диалектных элементов. Привлекает однако внимание, что до сих пор не удалось доказать, какой из диалектов лежит в его основе. Бесспорно, что ряд элементов гомеровского языка встречается и у Пиндара. Однако отсюда еще не следует, что базой пиндаровского языка является гомеровский. Неубедительным представляется и положение о том, что отсутствие местных особенностей в языке Пиндара следует объяснять блестящим умением поэта отбирать наиболее общие диалектные черты разных диалектов и отбрасывать менее характерные. Возникает вопрос, уместно ли приписывать поэту V века до н. э. сознательное стремление к отбору наиболее общих диалектных черт. Не следует ли искать здесь объективные, а не субъективные причины этого явления.

Некоторые ученые (Виламовиц) видят в пиндаровском языке материковое койне. Гипотеза, сама по себе, весьма интересная, но она не подкреплена им конкретными доказательствами ни в пространстве, ни во времени.

Таким образом, перед исследователем возникает ряд задач: выяснить соотношение пиндаровского языка с языком остальных хоровых лириков; определить диалектно-территориальную основу самого языка и с этой целью обратиться к не учтенному и не учитываемому учеными эпиграфическому материалу; при этом имеются в виду языковые следы в надписях ряда областей Греции. В этой работе может оказать большую помощь и привлечение дешифрованных в 1953 году М. Вентрисом крито-микенских текстов – на греческом языке, на 500–600 лет старше гомеровских поэм. Следует, наконец, не ограничиваясь фонетическими, как это зачастую практиковалось до сих пор, проанализировать морфологические и лексические особенности пиндаровского языка с целью определения его места в истории греческого поэтического и – шире – литературного языка.

I. История текста

а) Эллинистическая (с III в. до н. э.) и средневековая (с XII в. н. э.) традиции (опыт сличения).

Вплоть до конца XIX столетия единственным источником текстовой традиции Пиндара были средневековые рукописи. Изучение в начале XX века папирусного материала, который более чем на тысячу лет древнее рукописного, позволило впервые поставить вопрос о достоверности византийской традиции. Благодаря папирусным данным многое удалось уточнить или исправить. Однако все еще остается нерешенной задача широкого сопоставления эллинистического и средневекового рукописного предания, определения схождения и расхождения языковых норм, содержащихся в источнике. А между тем значительно увеличившийся и постоянно растущий объем исследованного папирусного материала (Р. Оху) дает возможность в настоящее время наряду с изучением степени сохранности античного текста и выявлением лучших рукописей выявить языковые особенности отдельных видов произведений Пиндара.

Сличение совпадающих в папирусах и средневековых рукописях фрагментов пиндаровских эпиникиев дает возможность сделать некоторые наблюдения. Рукописная средневековая традиция сохранила в основном с большой точностью текст эпиникиев, представленный в папирусных отрывках (Тугун 1932: 69–70). Выявлены вместе с теми определенные расхождения между обеими традициями. Характер этих расхождений неодинаков. В ряде случаев папирусные чтения явно ошибочны, в то время как рукописные варианты правильны. Случается и обратное.

За исключением небольших отрывков, поэтический текст Пиндара, сохранившийся в папирусах, не совпадает со средневековыми рукописями. В рукописном виде до нас дошли в основном эпиникии, папирусы же содержат фрагменты других произведений поэта. Поэтому сличение традиций пиндаровского текста преследует две цели: во-первых, определить степень достоверности рукописного предания для эпиникиев в целом, во-вторых, выяснить степень близости их языка к языку остальных произведений. Рассматриваются некоторые общие дублеты, т. е. имеющиеся в папирусах и средневековых рукописях; рукописные дублеты, один элемент которых встречается в папирусном предании; папирусные дублеты, один элемент которых засвидетельствован в рукописной традиции; другие явления, совпадающие и несовпадающие в обоих преданиях.

Рукописное средневековое предание эпиникиев с большой степенью точности воспроизводит общий характер и основные

языковые особенности поэтического текста, дошедшего до нас в папирусах, и, главным образом, текста пеанов.

Определенный круг явлений, встречающихся в средневековых рукописях, не найден тем не менее в папирусах, и наоборот.

Сличение средневековой традиции с эллинистической привело к выявлению некоторых языковых различий в тексте эпиникиев, с одной стороны, и остальных произведений, с другой. Заслуживают, в частности, внимания отдельные фонетико-морфологические (Irigoin 1952).

Встречаются только в средневековых рукописях:

а) род. п. ед. ч. на -αο, дат. п. мн. ч. на -εσσι от существительных φρήν, ἀνήρ, χεῖρ;

б) третье лицо мн. ч. глаголов на -οισι;

в) местоимения: ἄμμε, ὑμμε, ἄμός, ὑμός;

г) формы: υἱέες, Ποσειδάων и др.

В свою очередь, только в папирусах употребляются:

а) род. п. ед. ч.: Λατόνος;

б) вин. п. ед. ч.: πολέα, νᾶα, ἀχιλλῆα;

в) дат. п. мн. ч.: γυνεῦσιν (τοκεῦσιν);

г) формы: ἰαρός, πτόλις, μέζον, παιήων;

Сопоставление перечисленных различий показывает, во-первых, что папирусный материал в фонетико-морфологическом отношении мало отличается от рукописного и лишь в незначительной степени обогатил наши данные о морфологической структуре пиндаровского языка. Во-вторых, сопоставление показывает, что рукописный средневековый материал содержит и определенные чуждые папирусу явления.

Очевидно, эпиникии несколько отличались в языковом плане от других произведений Пиндара. Не исключено в частности, что одна из особенностей их языка заключалась в более широком использовании в них автором эолийских элементов.

б) Печатные издания пиндаровского текста

На смену почти двухтысячелетней рукописной традиции текста Пиндара приходит в начале XVI века печатная. В течение почти 500 лет произведения поэта издаются и переиздаются учеными многих стран. Попытаюсь проследить процесс восхождения от первых скромных изданий эпиникиев начала XVI века до последних первоклассных научных изданий всего творчества Пиндара в середине XX столетия, выделяя из громадного числа издателей тех, которые внесли в этот процесс наиболее значительный вклад.

Первое печатное издание Пиндара (editio princeps) было подготовлено Альдом Мануцием и вышло в свет в г. Венеции в 1513 году

(Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia. Callimachi hymni qui inveniuntur. Dionysii de situ orbis. Lycophronis Alexandra, obscurum poemae. Aldus Manutius: Venice, 1513). Оно охватывало наряду с произведениями других авторов четыре книги эпиникиев Пиндара без схолий и критического аппарата с краткой биографией поэта. Однако базой позднейших изданий послужило не венецианское, а римское издание 1515 года, подготовленное Захарией Каллерги и содержащее, кроме текста эпиникиев, метрические схолии, старые текстовые схолии ко всем одам и новые (триклинианские) к олимпийским (Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia...Impressi Romae par Zachariam Callergi Cretensem [Romae, 1515]).

Новым шагом вперед по сравнению с editio princeps явилось издание 1616 года (Pindari periodos...Olympionikai, Pythionikai, Nemeonikai, Isthmionikai...Erasmi Schmidii Delitiani [Vitebergae], 1616). Э. Шмид выявил и исправил в тексте победных песен большое количество разнообразных ошибок, использовал при подготовке издания дополнительные рукописи, снабдил оды метрическими схемами и подробным комментарием, дополнил эпиникии фрагментами.

В 1798–99 годах вышло в свет второе издание произведений Пиндара, подготовленное Х. Гейне (Heune 1798–1799). Оно состояло из трех томов: один с критическим аппаратом и примечаниями (т. I), латинский перевод и схолии (т. II), фрагменты и словарь (т. III). Гейне исправил явно ошибочные чтения, восстановил некоторые особенности пиндаровского языка, поместил в III-ем томе комментарий Г. Германна, посвященный метрике пиндаровских од (Heune 1798–1799, III: 179–351). Труд Х. Гейне, превосходящий как по объему собранного материала, так и по своей научной ценности прочие издания, сконцентрировал в себе успехи филологической мысли и издательского дела за период с XVI по XVIII век.

Начало XIX века знаменуется выходом в свет двухтомного издания произведений Пиндара, подготовленного А. Бекком (Voeskius 1811; Voeskius 1821). Считая основным недостатком своих предшественников недостаточное внимание к показаниям рукописей, он привлекает много новых (37 из ста учтенных к тому времени). Различия между рукописями приводят его к выводу о первоначальном существовании нескольких рецензий пиндаровского текста. Бек отвергает александрийское деление текста на строфы и колоны, предлагая принять стих за основную метрическую единицу (Voeskius 1811, P. II: 308–332).

Среди прочих заслуживает внимания издание од Пиндара Т. Моммзенем (Mommesen 1864). Разыскивая в течение ряда лет рукописи Пиндара, он добился выдающихся успехов: в 1847 году в

Риме натолкнулся на знаменитую рукопись В, в 1860 году – на паринскую С и лейденскую О и, наконец, в 1861 открыл один из лучших – кодекс А. Моммзену принадлежит заслуга первой классификации пиндаровских рукописей (им учтено их 154). Моммзен различает четыре группы кодексов: старые (*vetusti*), фоманские, мосхопуловы и триклинианские, и обозначает их соответственными заглавными латинскими, заглавными греческими, прописными латинскими и прописными греческими буквами.

В конце столетия появляется второе издание наследия Пиндара, подготовленное В. Христом (*Christ 1896*). Текст эпиникиев и фрагментов (их число составляет уже 328) сопровождается критическим аппаратом и комментарием; за его основу приняты четыре лучших рукописи: А В С D. И. Румпель издает в 1883 году словарь к Пиндару (*Rumpel 1883*). Он охватывает основную лексику пиндаровских од и фрагментов. Слова приводятся в контексте, учитываются разночтения кодексов.

Накопление нового фактического материала в связи с дальнейшим изучением рукописей, опубликование папирусных отрывков, переиздание схолий вызывают появление в XX столетии изданий Пиндара, оставивших по своему научному уровню далеко позади аналогичные труды предыдущего времени.

В 1900 году вышло в свет расширенное издание Пиндара (*editio maior*) под редакцией О. Шредера (*Schroeder 1900*). Издатель вновь сличил (после Т. Моммзена) лучшие кодексы (А В С D и другие), приложил много усилий для их систематизации (количество известных рукописей возросло уже до 186). Шредер признает существование двух рукописных традиций Пиндара: амброзианской (кодексы А С М N O V) и ватиканской (B S G E D J P Q U), восходящих к общему источнику – архетипу Π в н. э. Составленный им критический аппарат к одам отличается аккуратностью и полнотой. Большую ценность представляют грамматические заметки. Старые схолии издаются А. Драхманном в трех томах (*Drachmann*). Первый том содержит схолии к олимпийским одам (А В С D E F G), второй – к пифийским (B D E G Q), третий – к немейским и истмийским. Почти одновременно А. Пюэш издает Пиндара в Париже (*Puesch 1923*). Его четырехтомник составлен таким образом, что каждой книге од отводится особый том, содержащий греческий текст и его параллельный французский перевод с небольшим комментарием. Текст базируется на 14 рукописях: кроме А В С D учитывается чтения E G I M N O. Рукописям Пиндара и их классификации посвящена работа А. Турына (*Turyn 1932*). Автор выделяет две рецензии: амброзианская представлена рукописью Ф, ватиканская содержит ватикано-лавернцианский (B E) и геттингенский (G H) классы.

Турын доказал, что кодекс К является копией F. Копиями других рукописей он считает также I, частично O R M (см. «Gnomon», Vol. 9, 1933, p. 166–168).

В 1935 году К. Боура публикует свое издание Пиндара (Bowra 1935). В предисловии (p. III–X) он подвергает критике шредеровскую классификационную схему, а также новую оценку рукописей, данную Турином. В частности, он считает не вполне удачным деление старых рукописей на две группы (ватиканскую и амброзианскую), называет неавторитетными кодексы N O (вопреки Шредеру) и подчеркивает ценность рукописи C (вопреки Турыну). Боура базирует свой текст эпиникиев на семи старых кодексах A B C D E G V – основных по его мнению. В издании включены новые отрывки папирусов (P. Оху. 2092 и P. Berol. 13411).

Истории пиндаровского текста посвящено исследование Ж. Иригуэна (Irigoin 1952). Автор подробно изучил и сопоставил известные науке рукописи (их число достигло 200), определил их отношение к древней традиции, установил взаимные связи и зависимость одних от других. Выяснилось, в частности, что к ватиканскому архетипу восходят две рецензии: полная и сокращенная, каждая из которых развивалась самостоятельно. Ж. Иригуэн является также автором книги о метрических схолиях Пиндара (Irigoin 1958).

Новый период в издании произведений Пиндара открывает Бруно Снелль. Под его редакцией выходят в свет несколько изданий (Snell 1953, 1955, 1959–1964), а после его смерти очередные издания выпускает в свет Г. Мейлер (Maehler 1975, 1989). Третье и последующие издания Бр. Снелля состоят из двух частей: собственно эпиникиев и фрагментов. Свой текст он базирует на 14 лучших кодексах. Пользуется критическим аппаратом Т. Моммзена О. Шредера и А. Турына. По количеству (359) и объему привлекаемых фрагментов издание Снелля превосходит все предыдущие. Впервые в него включены более крупные отрывки опубликованных Э. Любелем в XXVI томе оксиринкских папирусов (P. Оху). Критический аппарат составлен с большой тщательностью. Перечень метрических размеров (p. 191–215) и список источников даны автором в конце второй части его труда.

Заметным вкладом в изучение Пиндара следует признать и словарь, изданный В. Слейтером (Slater 1969). Он призван заменить устарелый словарь Румпеля 1883 года. Базируясь на изданиях Снелля, Слейтер охватил весь лексический состав пиндаровских произведений, включая собственные имена. Каждое слово сопровождается английским переводом и приводится в контексте. Охвачен весь папирусный материал. По своей полноте (563 стр.)

словарь Слейтера превосходит все, что было создано до него и представляет неоценимый инструмент в работе над Пиндаром.

* * *

Обзор печатных изданий Пиндара показывает, какого большого успеха добились издатели за период с XVI по XX век. Значительно увеличился объем пиндаровского текста (папирусные отрывки составляют сейчас 1/3 его часть). Резко возросло количество изученных рукописей Пиндара: от нескольких в XVI веке до двухсот в настоящее время. Благодаря работам А. Бека, Т. Моммзена, О. Шредера, А. Турына, И. Иригуэна, Бр. Снелля рукописная традиция была подвергнута тщательному изучению. Были исследованы отдельные рукописи, сличены их тексты. Созданы классификационные схемы. Опубликование папирусных фрагментов дало возможность убедиться в достоверности средневековой традиции. Был создан и усовершенствован критический аппарат. Изданы схолии, изучена метрическая система од. На базе папирусов и лучших кодексов с учетом схолий и метрических данных текст произведений Пиндара был в основном восстановлен. У нас есть основание в настоящее время полагать, что перед нами текст поэта максимально приближенный к авторскому оригиналу. Появилась реальная возможность для всестороннего лингво-диалектного анализа его наследия.

II. Язык Пиндара и эпиграфический материал древней Греции

Вопреки утверждениям о том, что язык Пиндара создан искусственно самим поэтом и не связан с греческой реальностью, я решил обратиться ко второму письменному источнику наряду с литературой – древнегреческим надписям и попытаться найти объективные следы существования языковой среды, напоминающей пиндаровскую.

Сличение обоих источников проводилось мною по областям. Были охвачены, в частности, четыре области греческого материка: Фессалия, Аттика, Аркадия и Арголида. В их надписях удалось выделить значительное число общих с Пиндаром языковых элементов.

В Фессалии³ обращают на себя внимание с фонетической точки зрения прежде всего такие слова, как: ττολίαρχοι (IG IX, 2, 1233; ср.

---

³ Ссылки на фессалийские надписи даются по: *Inscriptiones Graecae*. V. IX, 2. Berolum, 1908 (=IG IX, 2); E. Schwyzer. *Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora*. Lipsiae, 1923 (далее – Schwyzer).

Pi. O. 8. 35, πτολι⁴); ἱερός (IG IX, 2, 1229; ср. Pi. O. 3. 30) и ἕτερος (IG IX, 2, 1109; ср. Pi. P. 4. 248); μουσικά (IG IX, 2, 913; ср. Pi. O. 1. 15); Φερσεφόνα (IG IX, 2, 429, ср. Pi. O. 14. 21); ряд дублетов: γᾶ – γαῖα (IG IX, 2, 270, ср. Pi. P. 11. 10, IG IX, 2, 641, ср. Pi. N. 10. 8); κόρα – κοῖρα (IG IX, 2, 638, ср. Pi. N. 7. 96; IG IX, 2, 638, ср. Pi. P. 9. 106); μόνος – μοῦνος (IG IX, 2, 521.15; ср. Pi. O. 9. 72; IG IX, 2, 641; ср. Pi. I. 5. 12); καρτερός – κρατερός (IG IX, 2, 1191, ср. Pi. O. 13. 84; IG IX, 2, 1228, ср. Pi. P. 4. 71); τέταρτος – τέτρατος (IG IX, 2, 544. 8, ср. Pi. O. 1. 60; IG IX, 2, 315, ср. Pi. P. 4. 47).

Среди общих морфологических особенностей выделяются: род. п. ед. ч. α-основ на: -α, -αο (IG IX, 2, 505, ср. Pi. P. 4. 263; IG IX, 2, 511. 11, ср. Pi. P. 4. 12); о-снов на: -ου, -οιο (IG IX, 2, 512. 26, ср. Pi. Pae. 9. 16; IG IX, 2, 511. 5, ср. Pi. Pae. 13a. 4); вин. п. мн. ч. на: -ους, -ς (IG IX, 2, 1135, ср. Pi. O. 1. 60; IG IX, 2, 517. 11, ср. Pi. O. 1. 53, codd.); дат. п. мн. ч. согласных основ на: -σι, -εσσι (IG IX, 2, 257, ср. Pi. N. 19. 30; IG IX, 2, 513. 6, ср. Pi. P. 8. 82); род. п. Διός – Ζηνός (IG IX, 2, 528. 3, ср. Pi. O. 2. 88; IG IX, 2, 528, ср. Pi. N. 11. 2); инфинитивы на: -ειν (IG IX, 2, 234. 4, ср. Pi. O. 6. 66; -μεν (IG IX, 2, 517.14, ср. Pi. P. 4. 166); -μεν (IG IX, 2, 458. 9, ср. Pi. O. 3. 38); окончания 3 л. мн. ч. -(ο)ντι (IG IX, 2, 461. 26, ср. Pi. P. 7. 13); местоименные формы: σύ – τύ (IG IX, 2, 1135. 3, ср. Pi. N. 7. 98; IG IX, 2, 637, ср. Pi. P. 2. 57); νιν (IG IX, 2, 294, ср. Pi. O. 1. 64); ἄμμε (IG IX, 2, 517.13, ср. Pi. N. 6); σός – τεός (IG IX, 2, 249. 7, ср. Pi. Pae. 6. 133; IG IX, 2, 265, ср. Pi. O. 9. 112); числительные: δολοί (IG IX, 2, 970, ср. Pi. N. 1. 44); τέσσαρες (IG IX, 2, 276. 8, ср. Pi. N. 3. 74); πέντε (IG IX, 2, 261. 6, ср. Pi. P. 7.13); εἴκοσι (IG IX, 2, 367. 5, ср. Pi. N. 6. 58); δισσός (IG IX, 2, 660. 2, ср. Pi. N. 1. 44); τρισσός (IG IX, 2, 656. 6, ср. Pi. P. 8. 80); частицы: ἄν (IG IX, 2, 517. 37, ср. Pi. Parth. 1. 11); κε (IG IX, 2, 515. 12, ср. Pi. I. 8. 45).

По линии композитов можно указать на ряд редких композитов (нарицательных у Пиндара, собственных имен в надписях: δικαιοπόλις (Pi. P. 8. 22; IG IX, 2, 94); ὀρθόπολις (Pi. O. 2. 7; ср. IG IX, 2, 1040. 6. 12); κρατήσιππος (Pi. N. 9. 4; ср. IG IX, 2, 532. 22); λυσίππος (Pi. P. 4. 41; ср. IG IX, 2, 703). Некоторые общие композиты нигде, кроме Фессалии, обнаружить не удалось: λεοντοσάμας (Pi. Fr. 74; ср. IG IX, 2, 558. 7); τηλέφαντος (Pi. Fr. 5. 2.; ср. CGC, Thessaly, 43. 6); ἀριστογόνος (Pi. P. 11. 3; ср. IG IX, 2, 1282. 126). Заслуживают также внимание слова: тараχά (Pi. O. 7. 30; ср.

⁴ Pindari Carmina cum fragmentis. P. I–II, ed. Br. Snell. Lipsiae. 1959–1964 (далее – Pi.). Сокращения: O. (олимпийские оды), P. (пифийские), N (немейские), I. (истмийские), Pae. (пэаны). Последнее издание, подготовленное Г. Мейлером, вышло в 1989–1997 гг.

IG IX, 2, 1230. 2); ἀστός (Pi. P. 3. 71; ср. IG IX, 2, 1226); ἄνταλος (Pi. O. 7. 61; ср. IG IX, 2, 205. 15) и женский род существительного κίων (Pi. P. 1. 19; ср. IG IX, 2, 258. 12).

Рассматривая расположение общих Пиндару и надписям Фессалии языковых явлений, выясняем, что они сосредоточены главным образом в ее северо-восточной части: Пеласгиотиде (Ларисса, Краннон, Феры), Ахае Фтиотидской (Фарсал, Фивы), Перребии (Фаланна, Питий, Азорос) и Магнесии. Наибольшее число общих языковых элементов обнаружено в надписях центра Пеласгиотиды – города Лариссы. В этом плане выделяются надписи: IG IX, 2, 517 (III век до н. э.), содержащая письмо жителей города Филиппу Македонскому; IG IX, 2, 461 (II век до н. э.) из г. Краннона, представляющая собой декрет в честь Леона из Магрополя⁵.

В надписях А т т и к и⁶ привлекают внимание с фонетической точки зрения такие слова, как: ἀνορέα (IG I², 1021.2, ср. Pi. O. 8. 67); μαστός (IG III, 238 б. 10, ср. Pi. P. 4. 8); εὐθύς (IG I², 57. 54, ср. Pi. O. 6. 103); ἀκερεκόμας (IG III, 171; III, 8; ср. Pi. P. 3. 14); Φερσεφόνα (IG II², 1774; ср. Pi. P. 12. 2), встречающиеся в основном в надгробиях и посвящениях. В морфологическом плане представляют интерес: форма двойственного числа: χε(ι)ροῖν (IG II², 1498.76; ср. Pi. O. 13. 95), дат. п. мн. ч. о-основ на -οισι (IG I², 6. 77; ср. Pi. Fr. 42. 5); местоимение σφεῖς (IG I², 39. 67; ср. Pi. Paе. 8.11), дат. п. мн. ч. φρασίν (IG I², 971; ср. Pi. P. Оху. 1792. fr. 11). Однако наиболее многочисленными оказались у Пиндара и в аттических надписях лексические совпадения: мною обнаружено свыше 300 общих слов поэтического обихода (т. е. отсутствующих в прозе); около половины из них (43%) не представлены в гомеровских поэмах. Эта лексика оказалась сконцентрированной главным образом в двух группах надписей. В первую входят надписи, связанные с Элевсином (IG I², 7, 76, 313; II², 1672) и афинским храмом Эрехтея (IG I², 372, 373, 374). Вторую группу составляют надписи, определяющие союзнические отношения Афин с другими городами (IG I², 10, 39, 57, 86). В надписях Элевсина мною обнаружены такие слова, как: ὀρόγυ(ι)α (IG II², 1693; ср. Pi. P. 4. 228); ἡγητήρ (IG III, 70.1; ср. Pi. P. 1. 69); ὄλος (IG II², 1666.17; ср. Pi. O. 3. 19); σμικρός (IG I², 313.111; ср. Pi. P. 3. 107). Формула ἐστία πατρῶα (IG II, 628. 22) встречается в литературе кроме Пиндара (Pi. 11. 13/14) только у Еврипида (Е. Нес. 22). У Гомера засвидетельствована: ἰστία (Od. 14. 159) и πατρῶι-

⁵ См. более подробно об этом: Гринбаум 1959: 93–102.

⁶ Аттические надписи цитируются главным образом по: Inscriptiones Graecae, I², F. Hiller von Gaertringer, Berolini, 1924; II–III², ed. J. Kirchner, Berolini, 1913–1935 (далее – IG I², II²).

ος (II. 2. 46). Элевсинские надписи сохранили также ряд общих с Пиндаром редких композитов: *παλιναίρετος⁷ (IG I², 313.131; ср. Pi. Fr. 84), *χρυσόκερως (IG I², 76.37; ср. Pi. O. 3. 29).

В списках должностных лиц, выходцев из двух афинских фил – Эрехтеиды и Гиппотонтиды (в состав последней входил Элевсин) – многие имена совпадают со сложными нарицательными пиндаровскими прилагательными, крайне редко или совсем не встречающимися у греческих авторов (ни одного из них нет Гомера): *Αδείμαντος (IG I², 325. 28 [Гипп.]; ср. Pi. N. 10.17), Εὐαίρετος (IG I², 373.193 [Гипп., Эрех.]; ср. Pi. P. 4. 177), Εὐθύμαχος (IG I², 929. 64 [Эрех.]; ср. Pi. O. 7. 15), Θεόφρων (IG II², 439.7 [Эрех.]; ср. Pi. O. 6. 41), *Αρχέπολις (IG I², 929.143 [Эрех.]; ср. Pi. P. 9. 54), Δικαίπολις (IG II, 803 e.126 [Эрех.]; ср. Pi. P. 8. 22).

Одной из особенностей пиндаровской лексики является отсутствие в ней глагола ποιέω. Для обозначения понятия «делать» Пиндар пользуется глаголами πράσσω (Pi. P. 4. 243) и ἐργάζομαι (Pi. N. 5. 1). Показательно, что глагол ἐργάζομαι засвидетельствован в ранних аттических надписях лишь в нескольких случаях: в элевсинской надписи (IG I², 313) и надписях из Эрехтейона (IG I², 372–4); в последних встречается и существительное ἐργασία (IG I², 6. 30; ср. Pi. O. 8. 42). Глагол πράσσω представлен в Аттике впервые в ранней элевсинской надписи (IG I², 6), встречается несколько раз в афинских декретах (IG I², 7.11; 40. 22; 116.16 (-ττ-)).

В эпиграфическом материале А р к а д и и⁸ обращают на себя внимание в фонетическом плане такие общие с Пиндаром слова, как: ἀεθλος (IG V, 2, 183; ср. Pi. O. 9. 108); ἀέλιος – ἄλιος (IG V, 2, 4.12; ср. Pi. I. 5. 1, 5. 2. 82; ср. Pae. 6.149); ἐστία (IG V, 2, 432. 45; ср. Pi. Parth. 2.106); ἕτερος (IG V, 2, 357.4; ср. Pi. N. 6.25); ὄνυμα (IG V, 2, 41.11; ср. Pi. Dith. 1.6); γίνομαι (IG V, 2, 6.10; ср. Pi. N. 7. 31); ἔκρινναν (IG V, 2, 343; ср. φαεινόν Pi. O. 7. 67); αὔθις – αὐτις (IG V, 2, 343.10; ср. Pi. N. 3.56, codd.; IG V, 2, 343. 50; ср. Pi. N. 4. 70). Особый интерес представляют: θεθμός (IG V, 2, 159; ср. Pi. O. 6. 69: τ-); Φερσεφόνα (SEG XI, 1139.4; ср. Pi. O. 14.21); κοινάν (IG V, 2, 6. 22; ср. Pi. P. 3. 28).

В морфологическом аспекте заслуживают упоминания: род. п. ед. ч. α-основ на: -αυ, -αο (IG V, 2, 3.16; ср. Pi. P. 4.171); вин. п. мн. ч. на -ους, -ος (IG V, 2, 20.18; ср. Pi. O. 6.26; IG V, 2, 343; ср. Pi. N. 3.24, codd.); им. п. мн. ч. ι-основ на -ιες (IG V, 2, 357.17; ср. Pi. O.

⁷ Слова, обозначенные звездочкой, отсутствуют у Гомера.

⁸ Надписи Аркадии цитируются по: Inscriptiones Graecae, V, 2, Berolini, 1913 (далее – IG V, 2); Supplementum epigraphicum Graecum, ed. J. J. Hondius, Leiden, 1923 (далее – SEG).

8.2); двойственное число (IG V, 2, 357. 95; ср. Pi. O. 13. 95); дат. п. мн. ч. на -εσσι, -σι (IG V, 2, 357. 37; ср. Pi. P. 5. 64; IG V, 2, 3; ср. Pi. O. 6. 10); вин. п. мн. ч. на -ις, -ιας (IG V, 2, 357. 21; ср. Pi. O. 1. 286; IG V, 2, 357.19; ср. Pi. P. 9.19); формы собственных имен: Ἀρτέμιδι (IG V, 2, 84.5; ср. Pi. P. 2.7); Ἄρτεμιν (IG V, 2, 81.50; ср. Pi. Pae. 4. 1); Ποσειδάωνος (IG V, 2, 95; ср. Pi. P. 4.138); Ποσειδάωνι (IG V, 2, 97. 3; ср. Pi. O. 6. 58, -α); местоимения: ἄμμε (IG V, 2, 25. 71; ср. Pi. N. 6. 66), σφιν (SEG 11, 1084. 12, ср. Pi. O. 8. 83); глагольные окончания 3 л. ед. ч.: -τι (IG V, 2, 345. 6; ср. Pi. I. 2. 9), -ντι (IG V, 2, 159; ср. Pi. O.1. 29); инфинитивы на: -εν (IG V, 2, 3.5; ср. Pi. P. 4.115), -μεν (IG V, 2, 357. 177; ср. Pi. O. 6. 63), -ναι (IG V, 2, 16. 9; ср. Pi. Pae. 78. 47), -σαι (IG V, 2, 6; ср. Pi. N. 5. 26); аористы на: -σα (IG V, 2, 262.18; ср. Pi. N. 3. 26), -σσα (IG V, 2, 262; ср. Pi. P. 8. 80), -ξα (IG V, 2, 261. 14; ср. Pi. O. 8. 59).

Общим для аркадских надписей и Пиндара является и значительный слой поэтической лексики: ἀπύω (IG V, 2, 6. 3; ср. Pi. O. 5.19), ἔρω (IG V, 2, 514. 2; ср. Pi. O. 7. 52), λεύσσω (IG V, 2, 16. 9; ср. Pi. P. 4.145), αἶσα (IG V, 2, 40. ε 43; ср. Pi. O. 9. ε 42), *φραδά (IG V, 2, 261.15; ср. Pi. O. 12. 9), *ρῆσις (IG V, 2, 343. 19; ср. Pi. O. 7. 55), *ἔνδικος (ἴν-, IG V, 2, 6. 33; ср. Pi. P. 5. 103), τέσσαρες (IG V, 2, 274. 6; ср. Pi. N. 3. 74), δωδέκα (IG V, 2, 3. 8; ср. Pi. N. 4. 28). Следует также отметить одинаковые имена и эпитеты богов: Ἀθάνα Ἰππία (IG V, 2, 85.11; ср. Pi. O. 13.82), Ἀθαναία (IG V, 2, 280; ср. Pi. N. 10. 84), Ἀθάνα Πολιάς (IG V, 2, 110. 45; ср. Pi. Pae. 6. 89), Ἐστία (IG V, 2, 46.10; ср. Pi. N. 11. 1), Ἥρα Παρθενία (IG V, 2, 74. 34; ср. Pi. O. 6. 88).

Наибольшее количество общих языковых элементов мною обнаружено в таких центрах Аркадии, как Тегея, Мантинейя, Орхомен, Стимфал, Мегалополь. Однако и в названных городах лишь определенная группа надписей содержит языковые черты, характерные для Пиндара (см. подробнее об этом: Гринбаум 1972: 22–27).

Значительное число общих особенностей удалось мне обнаружить у Пиндара и в надписях А р г о л и д ы⁹. К фонетическим можно отнести: огласовку α в τάμνω (IG IV, 1, 102.41; ср. Pi. P. 3. 68); неслитное αε в ἄεθλον (SEG 11, 328.2; ср. Pi. O. 9.108); дублиеты ἔνεκα – ἔνεκεν (IG IV, 1, 27. 5, 84. 38; ср. Pi. O. 1. 65; Parth. 2. 62); ὄσος – ὄσσος (IG IV, 1, 76. 33; 121.17; ср. Pi. Pae. 6. 89, 6. 87); усеченный префикс в ἐπάμερος (IG IV, 800; ср. Pi. P. 8. 95). По линии морфологии заслуживают внимания: двойственное число ἀμφοῖν

⁹ Надписи Арголиды цитируются по: Inscriptiones Graecae. IV, ed. M. Fraenkel, Berolini, 1902 (далее – IG IV; IG IV, ed. Minor, fasc. I, ed. F. Hiller von Gaertringer, Berolini, 1929 (далее – IG IV, I).

(IG IV, 1, 121.78; ср. Pi. I. 5.18); род. п. ед. ч. о-основ на: -ου, -οιο (Schulze¹⁰, 211, SEG 11. 305. 2; ср. Peter¹¹ 34); дат. п. мн. ч. на: -οις, -οιοις (SEG 11, 314. 5; ср. Peter, 33); окончание им. п. мн. ч. -εες (Thumb¹², 1, 212; ср. Peter, 39); дат. п. мн. ч. на: -σι, -εσσι (Schulze, 211–212; Peter, 36–37); местоименные формы: τοι (IG IV, 1, 121.12; ср. Pi. Fr. 140a. 62), μιν (IG IV, 1, 121. 7; ср. Pi. Pae. 2. 73), υιν (IG IV, 1, 121.12; ср. Pi. P. 6.19), σφιν (Schwyzer, 83.28; ср. Pi. N. 6. 50), σφε (IG IV, 499; Schulze, 211; ср. Pi. Pae. 6. 89); род. п. Ποσειδᾶνος (IG IV, 499; Schulze, 211; ср. Pi. P. 4. 138); 3 л. ед. ч. на -σι (Schulze, 213; ср. Pi. P. 2.10), мн. ч. на -ντι (Schulze, 212; ср. Pi. N. 1.124); инфинитивы на -ειν, -ειν, -μεν, -σαι, -ναι (Schulze, 212–213; Schwyzer, 103; ср. Pi. O. 1. 3, 6. 66, 9. 37, Pae, 7 b. 47); перфектный инфинитив на -ειν (Schulze, 213; ср. Pi. O. 6.49); аористы на -σα (SEG 11, 379; ср. Pi. I. 2. 46); -σσα (SEG 17, 146. 5; ср. Pi. P. 8.80); -ξα (Schulze, 212; ср. Pi. P. 2.44, codd.); глагольные формы: εἶπας (Schulze, 213; ср. Pi. O. 8.46); ἰᾶσθαι (Schulze, 213; ср. Pi. P. 3.46); ἔμολον (IG IV 952.14; ср. Pi.O. 14.18); ἔγεντο (IG IV 492; ср. Pi. P. 6.28).

Общий лексический слой включает много слов поэтического обихода, в том числе и ряд редко встречающихся: γεννάω (IG IV, 1, 687.14; ср. Pi. P. 5.74); ἐρευνάω (IG IV, 1, 123.19; ср. Pi. N. 3. 24); *τηρέω (IG IV, 1, 65.12; ср. Pi. P. 2. 88); ἴσχω (IG IV, 1, 122. 40; ср. Pi. P. 11. 29); πέλω (IG IV, 1, 130. 23; ср. Pi. O. 6.100); *δαπάνα (IG IV, 1, 65. 105; ср. Pi. J. 5. 57); *ἐμπολά (IG IV, 1, 123. 33; ср. Pi. P. 2.67); *ἐργασία (IG IV, 1, 102. 23; ср. Pi. O. 8.42); *έλλανοδίκας (IG IV, 1, 66. 59; ср. Pi. O. 3.12); *μαστός (IG IV, 1, 126. 24; ср. Pi. P. 4. 8); κλιμαξ (IG IV, 1, 122. 89; ср. Pi. Fr. 30. 3); *χοιράς (IG IV, 1, 127. 8; ср. Pi. P.10. 52); δύνασις (BCH, 33, 451. 22; ср. Pi. P. 4.238); ἀμαξιτός (IG IV, 1, 71.17; ср. Pi.N. 6. 54); ὀδοπόρος (IG IV, 1, 121. 83; ср. Pi. Fr. 340); *πέδοικος (IG IV, 1, 552, πεδάω-; ср. Pi. Fr. 25); ἐνερθεν (IG IV, 1, 103.57; ср. Pi. P. 9. 81); *μάταν (IG IV, 1, 121.84; ср. Pi. O. 1.83); ὑπένερθεν (IG IV, 1, 102.51; ср. Pi. N.10.87); ὄταν (IG IV, 1, 68.72; ср. Pi. O. 2.21); δωδέκα (IG IV, 1, 287; ср. Pi. N. 4.28); δεύτατος (Schwyzer, 90. 3; ср. Pi. O.1.50).

Общие Пиндару и надписям Арголиды языковые элементы встречаются наиболее полно и отчетливо в эпиграфических памятниках городов Аргоса и Эпидарва (см. подробнее об этом: Гринбаум 1972₂: 57–66).

¹⁰ W. Schulze. *Dialectus Epidauria*. IG IV, 1, p. 211–213 (далее – Schulze).

¹¹ Peter 1866 (далее – Peter).

¹² A. Thumb, E. Kieckers. *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 1². Heidelberg, 1932 (далее – Thumb).

Сличение пиндаровского языка с языком надписей Фессалии, Аттики, Аркадии и Арголиты позволило выявить широкий круг общих явлений. Последние оказались засвидетельствованными в наибольшей степени в определенных центрах названных областей, из которых можно выделить Ларису (Фессалия), Элевсин и Афины (Аттика), Тегею и Мантинейю (Аркадия), Аргос и Эпидавр (Арголиты). Однако и в указанных городах общие языковые элементы сосредоточены в определенной группе надписей. В Фессалии привлекает внимание надпись IG IX, 2, 517 (III в. до н. э.), содержащая письмо жителей Ларисы Филиппу Македонскому. Среди надписей Аттики это элевсинские (IG I², 6, 76, 313) V в. до н.э. и надписи афинского Эрехтейона (IG I², 372–374). В Аркадии выделяются тегейские (IG V, 2, 3, 4, 6; IV в. до н. э.) и мантинейские (IG V, 2, 262; V в. до н. э.). Из аргосских надписей Арголиты обращают внимание: священный закон (SEG 11. 314; VI в. до н. э.) и надгробная надпись (SEG 11.305; V в. до н. э.). В Эпидавре выделяются надписи IV в. до н. э., связанные со святилищем Аполлона и Асклепия (IG IV, 1,121–123).

Следует отметить несколько моментов. Во-первых, значительная часть надписей имеет отношение к древнейшим культовым центрам Древней Греции. Остальные отражают акты межгосударственных отношений. Во-вторых, все упомянутые выше надписи – *прозаические*, непосредственно не связанные с поэтическим языком. В-третьих, обнаруженные мною общие с Пиндаром элементы принадлежат древнейшему языковому слою и в более поздних надписях, как правило, не встречаются.

Как показал анализ, архаическая языковая среда, о которой идет речь, объективно существовала на греческом материке и лишь впоследствии сохранилась в поэтическом языке хоровой лирики и ее виднейшего представителя – Пиндара (Итоги исследования подведены мною в статье: Гринбаум 1974: 24–43).

III. Поэтическая лексика Пиндара

Здесь рассматриваются выборочно различные аспекты поэтического мира поэта, его отношение к окружающей среде, восприятие разнообразных явлений природы и общества (Slater 1969).

1. Неорганический мир

В состав анализируемой группы входят 178 слов – нарицательных имен существительных. Они относятся к пяти подгруппам: «Атмосфера», «Земля», «Вода», «Время и движение» и «Прочие».

а) *Атмосфера*. Подгруппа включает 53 слова, они встречаются 303 раза. Над миром Пиндара доминирует небосвод (οὐρανός, 15 случаев), он заполнен эфиром (αἰθήρ, 9). На их фоне выделяются:

солнце (ἄελιος, 18), луна (σελάνα, 2; μήνα, 1) и звезды (ἄστρον, 6; ἄστῆρ, 2). День (ἡμέρα, 18; ἡμᾶρ, 8) сменяется ночью (νύξ, 15; εὐφρόνα, 1), свет (φάος, 19; φέγγος, 9) – темнотой (σκοτός, 5; ὄρφνα, 3; ζόφος, 2). Внимание поэта привлекают: огонь (πῦρ, 22), пламя (φλόξ, 6), луч (ἄκτις, 8; αὐγά, 3), сияние (αἴγλα, 4), вспышка (σέλας, 5), молния (στεροπά, 3; ἀστεροπά, 1), заря (ἄως, 4). Остаются в стороне: вечер (ἑσπέρα, 4), закат (δυθμά, 1) и тень (σκιά, 1). Среди других явлений атмосферы поэт часто называет ветер (ἄνεμος, 16) различной силы – от дуновения (πνοά, 7) до порывистого (ρίπά, 10), пасмурную погоду (туча – νεφέλα, 8; νέφος, 5) с ливнями (ὄμβρος, 4) и громом (κεραυνός, 13; βροιτά, 4), иногда со снегом (χιών, 1) и снежной бурей (ιψάς, 3) вплоть до замерзания (παγετός, 1). Иногда упоминается тишина (ἀγρυξία, 1; σιγά, 6; σιωπά, 2).

б) *Земля*. Подгруппа включает 58 слов, они употреблены 338 раз. В описании земного ландшафта наиболее часто встречаются слова: земля (γαῖα, 38 случаев) и материк (χέρσος, 7; ἄπειρος, 3). Внимание поэта привлекают горные вершины (κορυφαία, 19), горы (ὄρος, 10; δειράς, 2), скалы (πέτρα, 12; πέτρος, 3; σκόπελος, 3; ἐρίπνα, 1), равно как и пересеченная местность: холмы (λόφος, 4; ὄχθος, 2; ἀκρωτήριον, 1; γουνός, 1) и возвышенности (πάγος, 2; κολώνα, 2). Определенное место занимают равнины (πεδῖον, 15; πέδον, 3), берег моря и рек (ἄκτά, 7; αἰών, 2; κρημνός, 4; ἄκρα, 1), луга (λειμών, 1). Упомянуты долины (νάπα, 2; νάπος, 2; πτυχά, 4; πτύξ, 1), лощины (βάσσα, 4; κεῦθος, 2), ложбины (μυχός, 13; γύαλον, 5; δειρά, 2; θέναρ, 2) и пещеры (ἄντρον, 5). Немаловажную роль играют пути-дороги (ὁδός, 32; κέλευθος, 15; οἶμος, 5; πρόσοδος, 1). О недрах земли говорится относительно мало. Больше всего ценится золото (18), упоминаются: медь (χαλκός, 7), железо (σίδαρος, 2), уголь (ἀνθρακία, 1) и сплав металлов (ἀδάμας, 2). Отсутствует упоминание о серебре.

в) *Вода*. Подгруппа включает 31 слово, они употреблены 185 раз. Водная стихия у Пиндара (ῥῦδωρ, 23 случая), в первую очередь, морская. Образ моря содержится в ряде слов: πόντος (31), ἄλς (10), θάλασσα (9), πέλαγος (8), ἄλμα (4). Поэта привлекает его бурная поверхность (κῦμα, 9), отливы (ἀνάπτωτις, 1) и приливы (ἄντλος, 2), морская зыбь (οἶδμα, 1; πλάξ, 1) и бездна (πυθμήν, 1), а также морской берег (ῥημίιν, 1), прибрежная полоса (πρών, 1) и утесы (ὄχθα, 6). Нередко упоминаются острова (νᾶσος, 20) и дважды островитяне (νασιώτας).

Второй компонент водной стихии – источники на суше. К ним относятся, в первую очередь, реки (ποταμός, 8) и чаще потоки (ροά, 9; ῥέεθρον, 5; ῥόος, 1; ῥόθια, 1) с их бродами (πόρος, 8) и устьем (προχοά, 1), течениями (χεῦμα, 2) и каналами (ὄχετός, 2); во-вторых,

источники и родники (κράνα, 8; κραλίον, 1; κρουνός, 2); в-третьих, озера (λίμνα, 3) и болота (τέναγος, 1).

г) *Движение и время.* Подгруппа включает 18 слов, они применены 134 раза. Наибольший интерес проявляет Пиндар к категории времени: время (χρόνος, 48 случаев, ώρα, 13); подходящее время (καιρός, 21), период жизни (αἰών, 18; περίοδος, 1); год (ἐνιαυτός, 4; ἔτος, 4) и месяц (μείς, 5); времена года – весна (ἔαρ, 2), лето (θέρος, 1), осень (ὀπώρα, 3) и зима (χειμών, 4). В то же время редко упоминаются: движение (κινηθμός, 1; κινητήρ, 1) и скорость (τάχος, 4), еще реже такие слова, как длина (μᾶκος, 2), глубина (βένθος, 1), толщина (πάχος, 1) и тяжесть (ἴπος, 1).

д) *Прочие.* Следует также упомянуть о таких общих терминах, как природа (φύα, 10 случаев) и действительность (ὑπαρ, 1), внешность (εἶδος, 4; ἰδέα, 1) и отображение (εἶδωλον, 1), знак (σύμβολον, 1; ὄμμα, 2), связь (δεσμός, 4) и след (ἵχνος, 2). Из области математики встречаются: число (ἀριθμός, 4) и множество (πλήθος, 1), мера (μέτρον, 11) и доля (μέρος, 8), половина (ἥμισυς, 2) и мера длины (ὀρόγυια, 1).

Картина мироздания, увиденная Пиндаром, поражает широтой охвата и глубиной изображения явлений окружающей поэта природы, масштабам художественного видения общности и деталей представшей перед его взором действительности. Наибольший его интерес привлекают слова, относящиеся к описанию земной (58 слов) и небесной (53) сфер, в несколько меньшей – водной (31). В плане употребительности следует также отметить слова земной (338 раз) и небесной сферы (303), значительно превосходящие водную (185). Земля и небо – центральные области мироздания, к которым приковано поэтическое воображение великого художника античности.

2. Общество

В состав анализируемой группы входят 77 слов нарицательных существительных. Они относятся к четырем подгруппам: «Общности и сборы», «Руководители», «Жители» и «Состояния».

а) *Общности и сборы.* Подгруппа включает 17 слов, они встречаются 129 раз. Преимущественное внимание Пиндара привлекают: γένος (29 случаев), γενεά (22), λαός (18), πάτρα (17) и ἔθνος (12) т. е. слова, относящиеся к кругу генеалогических понятий и родовых отношений.

б) *Руководители.* Подгруппа включает 18 слов, они употреблены 109 раз. Предпочтение отдается словам: βασιλεύς (33 случая), ἀναξ (20) и δεσπότης (10). Поскольку ἀναξ применяется Пиндаром лишь

к богам, а δεσπότης – преимущественно к богам, βασιλεύς является обозначением смертного руководителя греческого общества (20).

в) *Жители*. Подгруппа состоит из 21 слов, они встречаются 57 раз. Заслуживают внимания: ἑταῖρος (8), ταμίης (8), θεράπων (5).

г) *Состояния*. Подгруппа включает 21 слово, они использованы 115 раз. Наиболее употребительными являются: ὄλβος (33 случая) и πόλεμος (28), обозначающие типичные для греческой действительности состояния общественного благополучия, постоянно чередующиеся с конкретными ситуациями.

Из 77 рассматриваемых слов половину можно отнести к «гомеровской» традиции, она представлена около 350 раз, в то время как все слова употреблены 410 раз. Вторая половина слов засвидетельствована впервые в гомеровских гимнах (εὐδαμνοῖα, h. Hom. 11.5; ὀπαδός, h. Merc. 450) и у других лириков: ὄχλος (у Сапфо, 44.14 L.), τύραννος (у Алкея, Z 24. 3 L.), στάσις (у Солона, 3. 19. D), ἐλευθερία (у Симонида, 94.2 D.).

Ряд слов встречается впервые в поэтическом словаре самого Пиндара. Сюда относятся: κοιναῖα (1 случай) ‘сообщество мальчиков’, позднее употребляется Еврипидом, Фукидидом, Платоном и Аристотелем; εὐανορία (1) ‘сборы знатных мужей’, позднее у Еврипида; ἴλα ‘толпа, сборище’, позднее у Софокла, Еврипида, в прозе у Геродота. В подгруппе «Руководители» впервые обнаружены: ἀγῆτήρ (1) ‘владыка’, также у Эсхила (ἡγήτης), Софокла и в надписи IG 3. 947 (ἡγήτήρ); ἀρχεδίκας (1) ‘законный правитель’, гапакс; λαγέτας (4) ‘предводитель народа’, имеется еще только у Софокла. В подгруппе «Жители» впервые у Пиндара находим δραπέτας (1) ‘беглец’, имеется также у Софокла, Еврипида, в прозе – у Геродота; ἐπέτας (1) ‘спутник’, гапакс; ἔποικος (1) ‘колонист’, представлено также у Эсхила (прилаг.), Софокла, а также в прозе (Фукидид, Платон); ἐπόπτας (1) ‘покровитель’ (о богам), также у Эсхила и Эпихарма; ἐχέτας (1) ‘богач’, гапакс; πέδοικος (1) ‘пришелец’ (?), также у Эсхила (прилаг.). В подгруппе «Состояния» впервые у Пиндара встречаются: εὐαμερία (1) ‘благосостояние’, также у Еврипида и в прозе (Ксенофонт, Аристотель), εὐδία (5) ‘спокойствие’, имеется у Эсхила, Софокла и в прозе (Ксенофонт, Платон); εὐζοία (1) ‘благополучие’, также у Аристотеля; εὐπραγία (2) ‘успех’, встречается также в прозе (Фукидид, Платон); ἔχθρα (1) ‘вражда’, также у Эсхила, Еврипида и в прозе (Геродот, Фукид), προξενία (3) ‘покровительство иностранцам’, представлено еще у Еврипида и в прозе (Фукидид, Аристотель); σύνθεσις (2) ‘соглашение’, также у Эсхила и в прозе (Платон, Аристотель).

Итак, 19 из 77 т. е. почти 25 % слов группы «Общество» встречаются впервые в поэтическом языке Пиндара. Характерная их особенность состоит в весьма ограниченной распространенности. Пользуясь ими, автор подчеркивает изысканность своей лексики, ее необычный и нестандартный характер.

Некоторые слова поэтической лексики Пиндара засвидетельствованы в греческих прозаических надписях. Сюда можно отнести: ἀγῆτήρ (Аттика), ἐπέτας (Египет, пап.), ἐποπταος (Аттика), ἀναξ (Кипр), κοίρανος (Локрида). В надписях обнаружены и другие слова, впервые встречающиеся у Пиндара: δραπέτας (Египет, п.), ἔποκος (Локрида), εὐαμερία (Крит), προξεία (Аттика, Фокида), σύνθεσις (Аркадия, Арголида) и другие.

Если пополнение пиндаровского языка за счет ранней лирики характеризуется использованием слов, отражающих бурное развитие греческого общества в VII–VI вв. до н. э. (δουλία, δουλοσύνα ‘порабощение’, στάσις ‘восстание’, ἐλευθερία ‘свобода’, τύρανος ‘тиран’, μόναρχος ‘единовластелин’ и т. д.), то собственные нововведения Пиндара следует отнести скорее к внутриколлективным связям людей (ἐπόπτας ‘покровитель’, ἐπέτας ‘спутник’), к устройству их жизни и взаимоотношениям (εὐζοία, εὐπραγία ‘благополучие’, εὐδία ‘спокойствие’, εὐαμερία ‘благосостояние’, προξεία ‘благожелательность к иностранцам’, ἔχθρα ‘вражда’, ср. также εὐνομία ‘правопорядок’, ἡσυχία ‘спокойствие’).

Из всех поэтических и прозаических жанров греческой литературы наиболее близкой к Пиндару в лексическом плане оказалась трагедия: в ней представлены 65 из 77 рассмотренных выше слов, причем большинство из них встречаются в ее хоровых партиях. Для сравнения можно указать, что в ранней лирике их оказалось 54, в исторической прозе (главным образом, у Геродота) – 53, в философской (главным образом, у Платона) – 41.

Заканчивая рассмотрение лексической группы «Общество», я должен констатировать, что наибольший интерес Пиндара привлекают вопросы, связанные с родословной мифологических и полумифических героев, с ведущей ролью руководителей в жизни общества, с чередованием событий военного и мирного времени. Вместе с тем он проявляет ограниченное внимание к политической структуре ранней Греции; не представлено еще у него рабство как социальное явление, лишь эпизодически упоминаются представители низших слоев общества².

3. Мир животных

В состав анализируемой группы входят 60 слов-имен существительных. Они относятся к трем подгруппам: «Звери», «Птицы, рыбы, насекомые» и «Прочие».

а) *Звери*. Подгруппа включает 25 слов, они упоминаются 180 раз. Обращает на себя внимание слово θήρ ‘зверь’ (Р. 5. 61), употребляемое в основном во множественном числе. В одном случае поэт подчеркивает, что имеет в виду ἄγριοι θήρες ‘дикие звери’ (Р. 9, 22), в остальных это подразумевается. Общее понятие «зверь» заменяется также словами κνώδαλον ‘животное’, по отношению к ослам (Р. 10. 36) и змеям (N. 1.50), а также πέλωρ ‘чудовище’ (Δ. 4. b.8). Среди диких зверей выделяется λέων ‘лев’ (O. 11. 20), упоминаются его: νάπα ‘логово’, χόρτοι ‘владения’, φύλον ‘род’, ἀγέλαι ‘стада’, ρινόс ‘шкура’, ὄνυχες ‘когти’, а также отмечается его рыжий цвет (ξανθός) и широкая грудь (βαθύστερνος). Слово «львы» чаще всего сопровождается эпитетами. Второе животное «змея» представлено двумя словами – δράκων и ὄφις. в одном случае поэт изображает их с ненасытными челюстями и громадным туловищем (Р. 4. 244). Спорадически встречаются и другие животные: ἀλώπηξ ‘лиса’ – дерзкая (θρασεῖα); ἔλαφος ‘олень’ – золоторогий (χρυσόκερωс); у волка (λυκός) можно поучиться хитрости (Р. 2. 84); πίθηκω – «обезьяна» кажется всегда детям красивой – καλός (Р. 2. 72). Кони (ἵπποι) – гордость богов и героев, уход за ними доставляет радость (O. 4. 14), обладание ими – заслуженное уважение (Р. 2. 2). Победа в конных состязаниях приносит славу и почет как их владельцу, так и наезднику (O. 3. 4). Из эпитетов наиболее распространенным является ‘золотая’ (χρυσέα) – (женский род, преобладает лошадь), из сложных можно отметить: σιδάρο χάρμας ‘радующаяся железу’, ἀελλόπους ‘бурей одета’, ὠκύπους ‘быстроногая’ и πελεκυφόρας ‘несущая топор’. Слова ‘корова, бык’ – βοῦς, ταῦρος. Упоминаются желтые стада коров (Р. 4. 149), быки Гериона (Fr. 169. 6), дышавшие огнем (Р. 4. 225), белый бык (O. 13. 69), медный бык (Р. 1. 95) и бык, запряженный в плуг (Fr. 234. 2). Собака (κύων) охраняет стада (I. 1. 13), используется для охоты (N. 3. 51). Свинья (ῦς) – горная (ὄρεϊκτίτος), коза (αἴξ) – сиросская, дающая лучшее молоко (Fr. 106. 4), мул (ἡμίονος), запряженный в повозку (O. 6. 22), горный козел (τράγος, Fr. 201. 3) и козленок (ἔριφος, Fr. 47), жертвенный осел (ὄνος, Р. 10. 3), жеребята (πῶλοι, Р. 2. 8) и баран (κρίός, Р. 4. 68).

Дикие звери изображены ярче и рельефнее, чем домашние. Особенно четко выписан лев, который характеризуется рядом редких эпитетов, и змея – ее красочный (для поэта) внешностью.

Среди домашних животных первое место занимает конь, однако основное внимание привлечено не столько к нему самому и его внешнему виду, сколько к таким его качествам, как неутомимость, стремительность и быстрота. Нигде не акцентируется внимание на масти коней и на цвете их глаз, как это было, например, со змеями. Отсутствует и единый термин для определения понятия «зверь»: диких животных поэт называет θήρ, домашних – ἔρπετόν.

б) *Меньше интереса проявляется к птицам.* Понятие «птица» отображают три слова: ὄρις, οἰωνός, и ποτανός. ὄρις чаще всего обозначает орла (О. 2. 88, Р. 5. 112). Οἰωνός относится к хищным птицам, ποτανός – ко всем крылатым. Орел (αἰετός) является признанным царем (βασιλεύς, О.13. 21) и вожаком (ἀρχός, Р. 1. 7) птиц. Его называют быстрой (ώκός, Ν. 3. 80), большой (μέγας, I. 6. 50), длиннокрылый (τανύπτερος, Р. 5. 112) и золотой (χρύσεος, Р. 4. 4) птицей Зевса. Спорадически упоминаются и другие птицы: зимородок (ἀλκυών) и его благозвучный голос (Fr. 62), вертишейка (ἴνυξ), пестрая (ποικίλα) помощница Афродиты (Р. 4. 214), крикливые галки (κραγέται κολοιοί, Ν. 3. 82) и болтливые вороны (λάβροι παγγλωσσία κόρακες, О. 2. 87).

Обитатели водной стихии представлены в поэзии Пиндара крайне скупо. Слово рыба (ἰχθύς) встречается дважды (Пеан 4. 20 и Fr. 306, о ките). Единственный упоминаемый житель моря – дельфин (δελφίς), он – морской (θαλασσαίος, Р.2. 51) с короткими плавниками (ἐλαχυπτέρυξ, Р. 4. 17), быстро движется по воде (Ν. 6. 64), пристрастен к звуку флейты (Fr. 104. b. 15).

Следует упомянуть и насекомых. Наиболее заметной является пчела (μέλισσα); она – трудолюбивая (Р. 6. 54) и священна (ιέρα, Fr. 158). Встречается также паук (ἀράχνας, Fr. 296), жучок (κίς), моль (σής, Fr. 222. 2) и слепень (οἶστρος, Fr. 51, f. b). Несколько неожиданным оказывается явно выраженное невнимание поэта к обитателям рек и морей. Не исключено, что рыбы и насекомые не привлекали его художественного воображения из-за их неприметных внешних признаков и скрытых внутренних качеств.

в) *в число «Прочих»* мною включены слова, связанные с животным миром. Сюда относятся, прежде всего, обозначения стада: ἀγέλα желтые стада коров (Р. 4. 149), красное стадо быков (Р. 4. 205), стаи львов (Fr. 239), также о стайке девушек (Fr. 112); μῆλον – дымящееся стадами торжество (О. 7. 80), пастух стад (Р. 9. 64); ποίμνια – стаи львов и кабанов (Fr. 238); πρόβατον ‘рогатое стадо’ (Fr. 104. b. 1), стол для стада (о лошадях, Fr. 169. 28).

Рассмотрим еще слова, обозначающие части тела животных. Δέρμα ‘шкура’, θηρός ‘звериная шкура’ (I. 6. 47); руно барана – βαθύμαλλον ‘длинношерстное’ (Р. 4. 161), λαμπρόν ‘блестящее’ (Р. 4.

241). Κῶας ‘шерсть’ – αἰγλάειν ‘сияющая’ (P. 4. 231). Νάκος ‘руно’ – πάγχρυσον ‘золотое’ (P. 4. 68). Ρινός ‘шкура (льва, I. 6. 37); ὄπλά ‘копыто’ (медное; о быке, P. 4. 226). Крылья у птиц характеризуются словами: πτέρυξ (P. 1. 6) и πτερόν (O. 1. 87). Слово ἔλεφας ‘слон’ использовано Пиндаром только в значении ‘слоновая кость’ (O. 1. 27). Κηρός ‘воск’ (Fr. 123. 10), ἰός ‘яд’ (здесь: ‘мед’; O. 6. 47), δάκος ‘укус’ (здесь: ‘злослычие’; P. 2. 53), ἄγρα ‘добыча’, ‘охота’ (N. 3. 81, Fr. 357).

Значительную часть слов (46), характеризующих «Мир животных» можно отнести к «гомеровской» традиции. Они чаще других встречаются у Пиндара – 201 раз, в то время как все 60 слов – 219.

Впервые у Пиндара засвидетельствованы 8 слов. Слова καρταίπους ‘бык’ (O. 13. 810) и πίθων ‘обезьяна’ (P. 2. 72) являются гапаксами. Сюда же относится слово κίς ‘жучок’ (Fr. 222). Остальные: ἵυγξ ‘вертишейка’ (P. 4. 214), ποτανός ‘птица’ (N. 3. 80), σής ‘моль’ (Fr. 222. 2), δάκος ‘укус’ (P. 2. 53) и ἰος ‘яд’ (O. 6. 47) представлены в позднейшей поэзии.

По-видимому, собственный вклад Пиндара в обогащение «звериной» лексики, является весьма скромным.

Наиболее употребительными в подгруппе «Звери» являются слова: ἵππος (43 случая), λέων (14) и θήρ (11). В подгруппе «Птицы...» чаще других встречаются слова: αἰετός (10), ὄρνις (8), δελφίς (7) и μέλισσα (16). В то же время половина рассматриваемых слов (29 из 60) употреблена поэтом лишь однажды.

Итак, мир животных представляется Пиндару неотделимой частью окружающей человека природы. Он связан с ней, существует вместе с ней. Чаще всего, животные привлекают внимание поэта своей полезностью человеку: диких зверей он укрощает, домашний скот приносит ему выгоду. Однако больше всего Пиндара интересует сравнение достоинств прославляемых героев с качествами диких зверей. Упоминание о птицах в одних случаях связано с божествами, образ которых они отождествляют: орел – птица Зевса, вертишейка – Афродиты, в других – с характерными для птиц чертами: болтливостью (вороны), крикливостью (галки) и благозвучием (зимородки). Иногда Пиндар акцентирует внимание на повадках представителей животного мира: морской зверь обходится без законов (N. 1. 63), волк скрытно нападает на врага (P. 2. 84), лисица умело защищается от орла (I. 4. 47), дельфины весьма чувствительны к музыке (Fr. 140. b. 15), жучкам и молям не под силу прогрызть золото (Fr. 222. 2).

4. Искусство

В состав анализируемой группы входят 86 слов. Они относятся к пяти подгруппам: «Звук и песня», «Слово и речь», «Музыка и пляски», «Инструменты» и «Прочие».

а) *Звук и песня.* Подгруппа включает 29 слов, они встречаются 187 раз. Выделяются слова, обозначающие песню: ὕμνος (похвальная, О. 8. 54) – в честь олимпийских (О. 7. 88), немейских (N. 4. 11) и истмийских (I. 4.3) игр; (погребальная, I. 8. 60), (свадебная, Th. 3. 9); αἰοῖδά – дитя Орфея (P. 4. 176), очаровывает Зевса (О. 2. 13), прославляет Феба (P. 5. 103), посвящается Посейдону (I. 1. 32); μέλος – направляется через море (P. 2. 68), впрягается в победоносные деяния (N. 1.7); звучание флейт (P. 12. 19, Fr. 140. b. 17); также «член (тела)» – разрезали его на части (О. 1. 49). К рассмотренным выше примыкают: αὐδᾶ (песня, N. 9. 4; голос, Пеан 2. 101); μοῦσα (песнь) – отличная песнь отзовется на звук тростника (О. 10. 84). Отдельные виды песен представлены словами: ἰάλεμος (Th. 5 а, 2); θρήνος (P. 12. 8); αἴλιμος (погребальная Th. 3. 6); σκόλιον (застольная, Fr. 122. 14); διθύραμβος (дифирамб, O.13. 19); ἐπαιοῖδά (заклинение, P. 3. 51); παιάν (пеан, Рае, 2. 4). Ряд слов обозначает звуки: αὐτά (музыкальный звук форминги, Fr. 140 а. 60); ἐνοπά (переносно «звук», Fr. 168. 5); ἰαχά (звук свадебных песен, P. 3. 17); канаχά (звук флейты, P. 10. 39); κέλαδος (звучание, Fr. 35 с); βοά (возглас, О. 7. 37); βρόμος (грохот, о громае; О. 2. 25); δοῦπος (треск, о костях; Fr. 169. 25); κλαγγά (шипение, о змеях; Dith. 2. 18); κτύπος (грохот, Рае. 13 а. 15); πάταγος (треск, P. 1. 24); ῥοῖζος (шум; Bith. 4а. 7); ψαλμός (перебирание струн; Fr. 125. 3). Сюда же относятся слова: αἰοῖδος и μελικτάς (певец; P. 1. 94, Fr. 340).

Значительную часть слов (21) подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Впервые у Пиндара встречаются: αἴλιμος, ἰάλεμος, λυθίραμμος, σκόλιον, μελικτάς и ψαλμός. Последнее слово получило в позднейшей литературе более широкое распространение со значением «псалм», которого еще нет у Пиндара. Наиболее употребительными среди слов подгруппы являются: ὕμνος (51 раз), αἰοῖδά (48) и μέλος (25), половина слов представлена однажды.

б) *Слово и речь.* В состав подгруппы входят 24 слова, они встречаются 183 раза. Выделяются слова λόγος и ἔπος. Λόγος (речь, рассказ, молва; О. 1. 28, О. 7. 87, P. 1. 68); хвала, слава (N. 3. 686 N. 7. 32); высказывание (О. 2. 22); пророчество (О. 8. 4); разговор, беседа (О. 3. 16, Fr. 180. 3); приговор (О. 2. 60); вопрос (P. 9. 43); мн. ч. – слова (О. 6. 90); похвальные слова (О. 1. 110). Ἔπος (слово, О. 3. 8); песня (О. 9. 47); речь (похвальная, О. 6. 16); молитва (I. 6.6 42); прорицание (P. 4. 9); изречение (Fr. 35. b). К рассмотренным выше примыкают слова: ἀγγελία (известие; О. 3. 28, 4. 5), персони-

фицированно Весть, дочь Гермеса (О. 8. 82); μακραγορία (пространная речь; Р. 8. 3); μῦθος (рассказ, вымышленный; О. 129); ὄρος (голос, песня; Р. 1. 98, N. 3. 11); ὄμφά (голос, N. 10. 34); παγγλωσσία (болтовня, О. 2. 87); ῥῆμα (слово, N. 4. 6; изречение, Р. 4. 278); ῥῆσις (молва, сообщение; О. 7. 55; N. 1. 59); ῥόθος (возглас, Рае. 12.16); φάμα (молва, весть; О. 7. 10, О. 6. 63); φάτις (разговор, Р. 1. 96); φθέγμα (голос, Р. 8. 31); φωνά (голос, не знающий лжи, О. 6. 66; нежный, Р. 4. 137; посеребренный, Р. 11. 41; сладостный, N. 2. 25).

Из остальных можно упомянуть: αἶνιγμα (загадка, Fr. 177a); θέσις (расположение слов, О. 3. 8); θόρυβος (одобрение, О. 10. 72); στίχες (ряды слов, Р. 4. 57); ὑπόκρισις (ответ, Fr. 140b. 15); λόχιος (сказитель, Р. 1. 94).

Половину слов (12) подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Ряд слов представлен впервые у Пиндара: αἶνιγμα, ὑπόκρισις, φθέγμα, μακραγορία, παγγλωσσία. Нововведения относятся в основном к отдельным разновидностям прозаической речи. Наиболее употребительными среди слов подгруппы являются: λόγος (63 раза) и ἔπος (40), т.е. общие обозначения прозаического высказывания. Реже использованы слова: φωνά (12) и ἀγγελία (11), треть слов представлена однажды.

в) *Музыка и пляска.* В состав подгруппы входят 15 слов, они встречаются 55 раз. Выделяются слова: χορός (хор, N. 5. 23; пляска. О. 14. 9; стайка, Р. 9. 114); ἀρμοῖα (лад, Fr. 140 b. 2; персонафицированно, Гармония – дочь Ареса и Афродиты, Р. 3. 910); τρόπος (лад, лидийский, О. 14. 17; критский, Fr. 107 b. 2; способ, N. 7. 14; нарв, N. 1. 29). К рассмотренным примыкают слова: ἀμβολά (прелюдия, Р. 1. 4); βάσις (поступь, Р. 1. 2); μουσικά (музыка, Fr. 32); ὀμοκλά (звучание флейт, I. 5. 27); ὄρχημα (пляска, Fr. 107 b. 1); προκώμιον (вступление к песне, N. 4. 11); проοίμιον (зачин, Р. 7.2); ῥόμβος (кружение, О. 13. 93); χόρευσις (пляска, Рае. 6.9). Из прочих слов подгруппы следует назвать: σᾶμα (знак, Р. 1.3; надгробие, О. 10. 24); ὀρχηστᾶς (плясун, Fr. 148); χορευτᾶς (танцор, Р. 12. 27). Лишь одну треть (5) слов подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Ряд слов представлен впервые у Пиндара: ἀμβολά, βάσις, μουσικά, ὄρχημα, προκώμιον, ῥόμβος, χόρευσις, χορευτᾶς. Как видно собственный вклад поэта в обогащение рассматриваемой лексической подгруппы весьма ощутим. Нововведения относятся к музыкально-танцевальной тематике и ряд из них получил дальнейшее широкое применение. Относительно более употребительными среди слов подгруппы являются: χορός (12 раз) и τρόπος (11). Половина слов представлена однажды.

г) *Инструменты.* В состав подгруппы входят 12 слов, они встречаются 50 раз. Выделяются слова: φόρμυγξ (форминга, О. 1.17);

αὐλός (флейта, О. 5. 19); λύρα (лира, Р. 8. 31). К рассмотренным выше примыкают слова: αὐλίσκος (свирель, Parth. 2. 14); κίθαρις (кифара, Р. 5. 65); κρόταλον (кастаньеты, Dith. 2. 10); ὄργανον (вид флейты, Fr. 107 b. 2); πακτίς (лидийская лира, Fr. 125. 3); σύριγξ (свирель, Fr. 6a. a); τύπανον (барабан, Dith. 2. 9). Сюда относятся также: χορδά (струна, Р. 2. 69) и πλάκτρον (плектр, N. 5. 24). Ряд слов подгруппы сопровождается эпитетами: φόρμιγξ – золотая, славная, сладкая, искусная; разноголосая, сладкозвучная, пронзительная, семязычная, семизвучная; λύρα – сладкоголосая, сладкоговорящая, хорошо настроенная. Менее половины (5) слов подгруппы можно отнести к «гомеровской» традиции. Впервые встречается у Пиндара слово ὄργανον. Относительно более употребительными являются слова: φόρμιγξ (16 раз), αὐλός (14) и λύρα (9); остальные использованы поэтом 1–2 раза.

δ) *Прочие.* В состав подгруппы включены 6 слов, они встречаются 19 раз. Выделяются слова: κόσμος (украшение; краса, Р. 2. 10; О. 8. 83); ἄγαλμα (статуя, N. 5. 1; памятник, N. 10. 67). К названным выше примыкают слова: ἄβροτας (великолепие, нега; Р. 8. 89, 11. 340); ἀνδριάς (статуя, Р. 5. 40); δαίδαλμα (художественное изделие, Рае. 8. 81); δαίδαλον (искусное изделие, Р. 5. 36); ср. также: ἀνδριαντοποιός (ваятель, N. 5. 1). Впервые у Пиндара встречаются слова: ἄβροτας, ἀνδριάς и δαίδαλμα. Относительно более употребительными оказались: κόσμος (8 раз) и ἄγαλμα (5).

В центре поэтического искусства Пиндара находится песня. Среди ее обозначений предпочтение отдается слову ἀοιδά, оно сопровождается чаще других эпитетами, обозначая «песню вообще». Слово ἕμνος обычно употребляется со значением «похвальная песня» в честь победителей атлетических состязаний, но встречается и как «погребальная» и «любовная» песня. Что касается слова μέλος, то оно сочетается и со звучанием флейты, в то время как упомянутые выше слова связаны со струнными инструментами.

Наряду с песней Пиндар уделяет значительное внимание прозаической речи. Особо выделяются слова λόγος и ἔπος: первое обозначает – рассказ, молву, высказывание, сообщение, беседу, вопрос; второе – слово, речь, сказ, изречение, прорицание.

С песней неразрывно связаны музыка и пляска. Упоминаются лидийский, дорийский и критский лады. Особое внимание привлекают начала песенного торжества и их зачин. Они служат сигналом для хора и плясунов. Возникает удивительное единение песни, музыки и танца.

Среди музыкальных инструментов особо привлекательны: форминга, флейта и лира. Ряд наименований связан с культом богов: кифара – Аполлона, кастаньеты – Диониса, барабан – Кибелы. Фор-

минга однажды названа поэтом «дорийской», флейта – «эолийской» и «лидийской».

Одна пятая (19 из 86) слов подгруппы представлена впервые у Пиндара, в том числе пять гапаксов: *λυθίραμμος*, *παγγλωσσία*, *μακραυορία*, *προκόμιον* и *χόρευσις*. Нововведения относятся к различным видам песен (напр., погребальных); к устным разновидностям изложения (загадка, болтовня); к музыкальной тематике (музыка, танец). Почти нет новых слов в сфере музыкальных инструментов и, особенно, изобразительного искусства.

Примечательно, что Пиндар почти совершенно безразличен к изобразительному искусству; скульптура и художественные произведения древних мастеров весьма слабо отражены в лексике поэта. Его интерес привлекают, прежде всего, песня и речь, звук и слово (53 слова, употреблены 370 раз). На втором плане: их музыкальный и танцевальный фон (27 слов, употреблены 105 раз). Характерно в этом плане признание поэта: «Я не ваятель, чтобы создавать прикованные к пьедесталу статуи» (N. 5.1) (Гринбаум 1989: 14–24).

IV. Лексический анализ

В этом разделе производится выборочный анализ ряда лексических категорий пиндаровского языка с целью определения в нем доли традиции и новаторства.

1. Имена на -τήρ, -τωρ, -τας.

а) Имена на -τήρ. Существительных на -τήρ у Пиндара всего 15. в основном это простые имена, сложным является лишь одно: *συνοικιστήρ* (со-заселитель земли). Обращает на себя внимание, что у Пиндара, как впрочем и у Гомера, не представлены собственные имена этого типа. Общими для Пиндара и Гомера являются несколько имен, образованных от простых глаголов на -άω (*ἰατήρ* ‘целиТЕЛЬ’, *ἐλατήρ* ‘метатель’ и т. д.), а также: *ἀκτήρ* ‘защитник’, *δοτήρ* ‘даритель’, *μναστήρ* ‘поклонник’, *ζωστήρ* ‘пояс’. Из послегомеровских следует упомянуть: *ἀγητήρ* ‘предводитель’, *κινητήρ* ‘колебатель’, *οἰκιστήρ* ‘заселитель’, *σωτήρ* ‘спаситель’, *καυτήρ* ‘сжигатель’, *ὀρθωτήρ* ‘исцелитель’. Два последних, а также упомянутый *συνοικιστήρ* представлены впервые и только у Пиндара. Более употребительным является существительное *σωτήρ*.

б) Имена на -τωρ. Всего их у Пиндара – 11. В основном это простые имена, сложным является лишь одно – *μεγαλήτωρ* (мужественный). Почти половину составляют собственные имена, встречающиеся уже у Гомера: “*Ἄκτωρ*, “*Ἐκτωρ*, “*Κάστωρ*, “*Νέστωρ*. Не пред-

ставлены у Гомера: Κλείτωρ и Φράστωρ. Встречаются у Пиндара: κοσμήτωρ (предводитель), σαμάντωρ (руководитель), ἀλέκτωρ (петух), впервые он употребляет слово κτίστωρ (основатель).

в) *Имена на -τας*. Эта подгруппа насчитывает у Пиндара 68 имен, из них простых нарицательных – 32, сложных – 24 и собственных – 12.

Простые нарицательные имена. Одна треть из них встречается у Гомера: αἰχματᾶς ‘копьеносец’, μαχατᾶς ‘воин’ и другие. Не представленные у Гомера (20) можно разделить на четыре группы. К первой относятся: κραγέτας ‘крикун’, γαμέτας ‘супруг’, ἐπέτας ‘спутник’; первое и последнее имеются только у Пиндара. Ко второй подгруппе относятся: ὀπλίτας ‘боевой’ (δρόμος) и σιδαρίτας ‘железный’ (πόλεμος). Третья подгруппа включает имена: ἵππευτᾶς ‘конный’ и χορευτᾶς ‘танцор’. В четвертую подгруппу входят: πύκτας ‘кулачный боец’, μελικτᾶς ‘певец’ и формуγτᾶς ‘играющий на форминге’. Не обнаружены у Гомера и другие имена на -τας: βιατᾶς ‘могучий’, δαμότας ‘земляк’, δεσπότας ‘владыка’, ἀεθλητᾶς ‘борец’ и др. Все они, кроме βιατᾶς, представлены и у ряда других авторов.

Сложные нарицательные имена. Лишь два из этой подгруппы (24) представлены у Гомера: κυναγέτας ‘охотник’ и ἐριβρεμέτας ‘рычащий’. Только у Пиндара встречается: ξεναγέτας ‘гостеприимный’, ἐρικλάγκτας ‘громкозвучащий’, βαρυθθέγκτας ‘низкогололый’, ἀργιβρόντας ‘грохочущий’ и αἰολοβρέντας ‘громовержец’. Негомеровские имена можно разделить на три подгруппы. К первой относятся: αἰγιβάτας ‘покрывающий коз’, βοηλάτας ‘гоняющий быков’, διφρηλάτας ‘возница’, профάτας ‘пророк’ и др. Вторая подгруппа охватывает имена: μοισαγέτας ‘предводитель муз’, λαγέτας ‘предводитель народа’, ἀρχαγέτας ‘основатель колонии’, εὐεργέτας (благодетель). В третью подгруппу входят: βουβότας (волопас), συμπότας ‘вместе выпивающий’, μηλοβότας ‘овчар’ и продότας ‘изменник’.

Собственные имена. Из 12 имен этой подгруппы половина представлена у Гомера: Ἀλάτας, Βελλεροφόντας, Ὀρέστας и др. Не встречаются в гомеровских поэмах пиндаровские: Ζήτας, Ἀμύντας, Εὐρώτας, Μελικέρτας, Πισάτας и Πολυδέκτας.

Часть имен, встречающихся у Пиндара, на -τήρ, -τωρ, -τας мною обнаружены в греческих надписях ряда областей Древней Греции, прежде всего в Аттике (13 имен), Египте (9) и Италии (8). Некоторые из них представлены уже в крито-микенских надписях XIV–

ХII вв. до н. э. (Ventris, Chadwick 1973): i-ja-te (ἰατήρ, PУ Eq 02)¹³; ka-ra-te (κράτηρ, MУ Oe 611); на -τωρ – A-ko-to (Ἄκτωρ, KN So 239); E-ko-to (Ἐκτωρ, PУ Eb 913); Ka-to (Κάστωρ, KN Dg 1169) (Ср.: Landau 1958: 173); на -τας – do-po-ta (δεσπότης, PУ Tn 316.5), e-qe-ta (ἐπέτας, PУ An 519.15), ku-na-ke-ta (κυναγέτας, PУ Na 248), qo-u-qo-ta (βουβότας, KN X 480), ra-wa-ke-ta (λαγέτας, PУ Un 718), A-ra-ta (Ἄράτας, Kn Uf 1011), I-ke-ta (Ἰκέτας, KN B 799.8), ср. ἰκέτας у Пиндара (O. 5.19); Ma-ka-ta (Μαχατάς, PУ Jn 725), ср. μαχατάς у Пиндара (N. 2. 13); O-re-ta (Ὀρέστας, PУ An 657.3), To-ko-so-ta (Τοξότας, KN X 7624), ср. τοξότας у Пиндара (P. 1. 53). Не встречаются у Гомера, но представлены у Пиндара крито-микенские: δεσπότης, ἐπέτας, βουβότας, λαγέτας.

Из рассмотренных трех групп имен на -τηρ, -τωρ, -τας последняя является наиболее показательной. Лишь часть нарицательных имен этой группы встречается у Гомера (13 из 56). Сложные пиндаровские имена на -τας почти не представлены в гомеровских поэмах (2 из 23).

Итак, в языковой традиции Пиндара удастся обнаружить не только «гомеровское», но и более древнее наследие, истоки которого восходят, как я стремился показать, к архаической микенской эпохе. Утверждения о том, что Пиндар заимствовал эти слова у Гомера не убедительны. Вместе с тем наличие ряда гапаксов (напр. καυτήρ, краγέτας) могло бы говорить в пользу предположения о личном вкладе поэта в обогащение поэтической лексики (см. подробнее об этом: Гринбаум 1982: 68–78).

2. Глаголы на -αω, -εω, -οω

По моим подсчетам, встречаются у Пиндара всего 1186 глаголов, из них 502 с гласной и 684 с согласной основой. Среди первых наиболее многочисленными являются глаголы на -αω, -εω, -οω.

а) Глаголы на -αω. Из 92 глаголов этой подгруппы 61 являются простыми, 31 сложными. Наиболее употребительные из них: σιγάω (O. 9. 103), αἰδάω (O. 1.7), πεδάω (O. 1. 76) и другие, всего 12. Большинство глаголов (56 из 92) представлены у Пиндара однажды: простые – βιβάω (O. 14. 17), βιάω (N. 8. 34), χλιδάω (O. 10. 84), всего 31 и сложные – ἐξαυδάω (N. 10. 80), катаκλάω (P. 5. 34), ἀποσυλάω (P. 4. 110), всего 25. Только половина сложных глаголов на -αω встречается у Гомера. К собственно пиндаровским (гапаксы) относятся παρακοινάομαι (P. 4. 133) и παραπειράομαι (O. 8. 3). Многие глаголы на -αω представлены у современных Пиндару и поздней-

¹³ Микенские имена на на -τηρ рассматриваются подробно в статье: Lejeune 1960: 9–30.

ших писателей, часть обнаружена мною в греческих надписях Аттики (10), Арголиды (7), Малой Азии (10) и Египта (58, в папирусах).

б) *Глаголы на -εω*. Эта подгруппа охватывает 161 глагол, из них 90 простых и 71 сложных. Наиболее употребительные из них: κελιδέω (О. 1. 9), ἀνθέω (О. 11. 10), οἰκέω (О. 6. 34) и другие, всего 28. Большинство глаголов на -εω (90 из 161) представлено у Пиндара однажды: простые – ἀραβέω (Fr. 169. 24), θαμβέω (N. 3. 50), тарβέω (Fr. 110. 2), всего 38, и сложные – ὑποθέω, μετοικέω, διαρκέω (P. 2. 84; 9. 83; Fr. 311), всего 52. Из 161 глагола на -εω встречаем у Гомера 106, из них из 71 сложных – 32. Собственно пиндаризмы: ἐπαβολέω (Pae. 6. 182), ἀντιξοέω (О. 13. 34); катафуλλорέω (О. 12. 15) и т. д., всего 6. Многие глаголы на -εω представлены в аттической драме, исторической и философской прозе. Часть обнаружена мною в греческих надписях Аттики (22), Арголиды (5), Малой Азии (20) и Египта (96, в папирусах).

в) *Глаголы на -οω*. Эта подгруппа состоит из 35 глаголов, 33 простых и 2 сложных. Чаще других употреблены ὀρθόω (О. 3. 3) и στεφανόω (О. 4. 11), большинство встречаются однажды (26 из 35). Сюда относятся простые глаголы ἀμερόω (I. 4. 57), ἀξιόω (N. 10. 26), γεφυρόω (I. 8. 51) и т. д., сложные – διορθόω (О. 7. 21) и ἐπιστεφανόω (О. 9. 112). Большинство представлено у других греческих авторов: Геродота (18), Еврипида (15), Эсхила (14), Платона (13) и Гомера (10). К собственно пиндаризмам относятся: ταξιόω (О. 9. 78), χαλκόω (О. 13. 86) и δαιδαλόω (О. 1. 108). В эпиграфическом материале глаголы на -οω представлены редко: в Аттике (5), Беотии (3) и Египте (17, в папирусах).

Итак, Пиндар использует всего 288 глаголов с гласной основой на -αω, -εω, -οω, что составляет 60% от всей группы. Простые глаголы на -αω встречаются чаще всего у: Гомера (48 из 61), Еврипида (44), Софокла (40), Эсхила, Геродота и Платона (по 38). Простые глаголы на -εω представлены чаще всего у Гомера (74 из 90), Еврипида (72), Софокла (59), Геродота (59), Эсхила и Платона (по 57). Простые глаголы на -οω засвидетельствованы преимущественно у Геродота (18 из 33), Еврипида (15), Эсхила (14), реже – у Гомера (10) и Гесиода (7). Несколько иная картина со сложными глаголами. Глаголы на -αω представлены чаще всего у Гомера (17 из 31), Софокла и Еврипида (по 16), Геродота (14); глаголы на -εω: у Геродота (40 из 71), Еврипида (34), Гомера (32; для сравнения: у Гесиода только 9).

Итак, пиндаровские глаголы на -αω, -εω, -οω встречаются в целом наиболее часто у Гомера и Еврипида (по 181 из 288), Геродота (168), Софокла и Платона (по 153), Эсхила (144). В эпиграфическом

материале мною обнаружены простые глаголы: в Египте (116 из 184), в Аттике (27) и Малой Азии (19). Вместе со сложными глаголы на -αω, -εω, -οω представлены: в Египте (171 из 288), в Аттике (37), Арголиде (12) и Малой Азии (33).

Заметная особенность: Пиндар употребляет глаголы с гласной основой относительно редко: лишь однажды встречаются 56 из 92 глаголов на -αω, 90 из 161 на -εω и 26 из 75 на -οω.

Рассматриваемый материал позволяет сделать ряд заключений. Наиболее употребительные пиндаровские глаголы на -αω, -εω, -οω встречаются также в гомеровских поэмах, аттической драме и художественной прозе. Нет оснований говорить о каком-то особом влиянии Гомера на Пиндара, речь скорее может идти о наличии общего архаического словаря, восходящего к микенскому времени, из которого черпали свои языковые средства различные древнегреческие авторы. О наличии такого словаря говорят и греческие прозаические надписи, сохранившие значительное число, в том числе и редких глаголов на -αω, -εω, -οω (см. подробнее об этом: Grinbaum 1981: 68–80).

3. Сложные прилагательные

Сложные прилагательные составляют весьма существенный элемент пиндаровского языка. Глязер отмечает, что у Гомера встречается лишь одна пятая всех имеющихся у Пиндара сложных слов (Glaser 1898: 11). Всего сложных пиндаровских прилагательных, не засвидетельствованных у Гомера, насчитывается приблизительно 450, из них половина относится к т. н. пиндаризмам, т. е. не представлены ни у одного греческого автора. Изучая сложные слова у Пиндара, исследователи, как правило, сосредотачивали свое внимание на их классификации и определении связей с другими греческими писателями (Tessing 1884). При этом, если сложные имена встречались у Гомера, они объявлялись заимствованными, если они являлись гапаксами, Пиндар объявлялся их создателем.

Настоящая статья представляет собой попытку привлечь к изучению пиндаровских сложных слов наряду с чисто литературным также и греческий эпиграфический материал.

Встречающиеся в надписях, но не представленные у Гомера сложные пиндаровские прилагательные делим на три группы: а) нарицательные прилагательные (имеются у греческих авторов); б) прилагательные-имена собственные (имеются у греческих авторов); в) прилагательные – собственные имена (не представлены у греческих авторов).

Группа. Представлены в надписях с V–I в. до н. э., в частности, в Аттике: παλιναίρετος (IG 1². 313, 131; Элевсин), χρυσόκερος (IG 1².

76.377; Элевсин), ὑπάργυρος (IG 1². 280, 76, Афины); в Лаконии: πολιάοχος (IG 5(1). 213, 3; Спарта), σύνδικος (IG 5(1). 65, 20; Спарта); в Малой Азии: καρποφόρος (SIG 820, 5; Эфес), πενθήμερος (SIG 364, 9, Эфес), ικαφόρος (SIG 629, 6; Пергам).

Все эти надписи – прозаические. Ряд сложных нарицательных прилагательных встречается в метрических (преимущественно, надгробных) надписях на окраине греческого мира: в Малой Азии – δυσπενθής (Epigr. Gr., 431; Антиохия), ἀβόητος (Epigr. Gr. 240. 1; Стирна); в Италии – πολυκτέανος (IG 14. 809; Неаполь), ταχύποτος (IG 14. 2005; Рим); в Галии – νεόδαμος (IG 14. 2508; Немаус).

II группа. Известно, что многие вышедшие из употребления в поэтической сфере сложные прилагательные продолжают в течение столетий жить в языке в качестве собственных имен (Schwyzer 1939: 427). Среди выявленных у Пиндара слов также представлен целый ряд сложных прилагательных, которые встречаются в греческих надписях в виде собственных имен. Они сохранились в определенных областях Греции: Аттике, Фокиде, Фессалии, Беотии, Арголиде и на острове Эвбея.

III группа. Сложные прилагательные – собственные имена, не представленные (кроме Пиндара) в литературных произведениях, засвидетельствованы, как и предыдущая группа, в различных областях Греции: Фессалии, Аттике, Беотии, на острове Эвбея. Кроме того, они встречаются в Арголиде, Фокиде и Малой Азии. Всего в надписях мною обнаружено 120 сложных пиндаровских прилагательных (из 450) и 40 пиндаризмов (из 250).

Среди рассматриваемых греческих областей наибольшее внимание привлекает Фессалия. Дело не только в общем количестве сложных пиндаровских прилагательных, выявленных на ее территории (ок. 30%), но прежде всего о встречающихся в Фессалии пиндаризмах. Здесь сосредоточена половина их общего количества: Κρατήσιππος (IG 9 (2). 532. 22; Ларисса), Κρατησίμαχος (IG 9 (2). 517. 50; Ларисса), Λυδίπονος (IG 9 (2). 703; Фарсал), Ὀρθόπολις (IG 9 (2). 1040. 12; Гоннос) и другие. Сложные прилагательные – собственные имена: Λεοντοδάμας (IG 9 (2). 558, 7; Ларисса), Τηλέφαντος (Becht., 425; Фарсал), Ἀριστογόνοσ (IG 9 (2). 1282, 16; Питий) нигде в надписях Греции, кроме Фессалии, не найдены.

Рассматривая расположение сложных пиндаровских прилагательных на территории самой Фессалии, выясняем, что они сосредоточены, главным образом, в ее северо-восточной части: Пеласгиотиде (города Ларисса, Гоннос, Феры), Ахае Фтиотидской (Города Фарсал, Фивы) и в северной части – Перребии (города Фаланна, Питиум, Азорос). Заслуживает внимания, что их половина, как и

половина всех пиндаризмов обнаружена мной в надписях города Лариссы – центра Пеласгиотиды.

Все вышесказанное дает основание не только не переоценивать зависимость Пиндара от Гомера, но и искать для большинства пиндаровских сложных прилагательных более древний источник греческого поэтического языка, отложившийся как в хоровой лирике, так и в гомеровском эпосе. Учитывая древность хоровых песен и их связь с культовыми празднествами, а также наличие у Пиндара более 4/5 сложных прилагательных, отсутствующих у Гомера, можно предположить и существование собственной догомеровской традиции хоровой лирики. По-видимому, некоторые ее следы удастся обнаружить в надписях ряда областей Греции.

В свое время в статье «Язык Пиндара и надписи Фессалии» мною обращалось внимание на ряд общих фонетических и морфологических особенностей в языке Пиндара и надписей Фессалии и отмечалось, что такая совокупность общих явлений нигде в Греции больше не представлена (Гринбаум 1959: 93–102).

Есть основание сделать вывод, что древнейшая языковая традиция, которой следовал Пиндар, оставила свои наиболее осязаемые следы не столько в Беотии – на родине поэта, и не столько на Пелопоннесе (Hoffmann 1916: 65), сколько в Фессалии, а точнее в Пеласгиотиде (с центром в Лариссе) и прилегающих к ней районах.

Вопрос о том, почему совокупность характерных для языка Пиндара фонетических, морфологических и отчасти лексических особенностей выступает наиболее ярко именно в Фессалии, и связана ли она лишь с пришедшей извне поэтической традицией или отражает в какой-то мере и древнейшую локальную диалектную базу, требует дополнительного изучения и остается пока открытым (см. подробнее об этом: Гринбаум 1966: 64–71).

Литература

- Гринбаум 1959 – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Фессалии // Классическая филология. Л.
- Гринбаум 1966 – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара (сложные прилагательные) // Язык и стиль античных писателей. Л. С. 64–71
- Гринбаум 1972₁ – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Аркадии // Питання класичної філології. № 10, Львов. С. 22–27.
- Гринбаум 1972₂ – Н. С. Гринбаум. Язык Пиндара и надписи Арголиды // Античность и современность. М. С. 57–66.
- Гринбаум 1974 – Н. С. Гринбаум. Язык древнегреческой хоровой лирики как исторический источник // ВДИ, № 4. М. С. 24–43.
- Гринбаум 1982 – Н. С. Гринбаум. Традиция и новаторство в языке Пиндара (имена на -τηρ, -τωρ, -τας) // Традиция и новаторство в античной литературе. Л. С. 68–78.

- Гринбаум 1989 – Н. С. Гринбаум. Поэтическая лексика Пиндара: искусство // *Philologus*. Bd. 133, 1. Berlin. S. 14–24.
- Ahrens 1843 – H. L. Ahrens. *De Graecae linguae dialectis*. V. II. Gottingae.
- Boeckius 1811 – *Pindari Opera quae supersunt. Textum restituit...Augustus Boeckius*. V. I. Lipsiae.
- Boeckius 1821 – *Pindari Opera quae supersunt. Textum restituit...Augustus Boeckius*. V. II. Lipsiae.
- Bowra 1935 – *Pindari Carmina cum fragmentis recognovit...C. M. Bowra*. Oxonii.
- Buck 1910 – C. D. Buck. *Introduction to the study of the Greek Dialects*. Boston.
- Christ 1896 – *Pindari Carmina prolegomenis et commentaries instructa* / Ed. W. Christ. Lipsiae.
- Drachmann – *Scholia vetera in Pindari Carmina, recensuit A. B. Drachmann*. V. I–III. Lipsiae, 1903, 1910, 1927. *Führer* 1885 – A. *Führer*. *Der böotische Dialekt Pindars* // *Philologus*. V. 44. S. 49–60.
- Glaser 1898 – M. Glaser. *Die zusammengesetzte Nonima bei Pindar*. Amberg.
- Grinbaum 1981 – N. S. Grinbaum. *Pindars Lexik. Die -αω, -εω, -οω-Verben* // *Aischylos und Pindar*. Berlin. S. 68–80.
- Hermannus 1827 – G. Hermannus. *Opuscula*. V. I. Lipsiae. P. 217.
- Heyne 1798–1799 – *Pindari Carmina et fragmenta*. V. I–III, ed. Ch. G. Heyne. Gottingae.
- Hoffmann 1916 – O. Hoffmann. *Geschichte der griechischen Sprache*. Bd. 1. Berlin.
- Hoffmann, Debrunner 1953 – O. Hoffmann, A. Debrunner. *Geschichte der griechischen Sprache*. Bd. I, Berlin.
- IG IV – *Inscriptiones Graecae*. IV, ed. M. Fraenkel. Berolini, 1902
- IG V. IX, 2 – *Inscriptiones Graecae*. V. IX, 2. Berolum, 1908
- IG V, 2 – *Inscriptiones graecae*, V, 2, Berolini, 1913.
- Irigoin 1952 – J. Irigoin. *Histoire du texte de Pindare*. Paris.
- Irigoin 1958 – J. Irigoin. *Les scholies métriques de Pindare*. Paris.
- Landau 1958 – O. Landau. *Mykenisch-griechische Personennamen*. Söteborg.
- Lejeune 1960 – M. Lejeune. *Essais de philologie mycénienne*. VI // *Revue de Philologie de literature et d'histoire anciennes*. T. 34. P. 9–30.
- Lind 1893 – J. Lind. *De dialecto Pindarica*. Lundae. P. 1–2.
- Maehler 1975, 1989 – *Pindari Carmina cum fragmentis. Pars II*. Ed. H. Maehler. Lipsiae.
- Mommsen 1864 – *Pindari Carmina ad fidem optimorum codicum recensuit...C. J. Tycho Mommsen*. Berolini.
- P. Oxy – *The Oxyrhynchus Papyri*. Part XXVI, by E. Lobel. London, 1961.
- Peter 1866 – G. A. Peter. *De dialecto Pindari, Halis Saxonum*.
- Puech 1923 – *Pindare, par A. Puech*, T. I–IV. Paris (см. также издание 1949–1952 гг.)
- Rumpel 1883 – J. Rumpel. *Lexicon Pindaricum*. Lipsiae.
- Schroeder 1900 – *Pindari Carmina recensuit O. Schroeder*. Lipsiae (edd. min.: 1908, 1914, 1930).
- Schulze – W. Schulze. *Dialectus Epidauria*. IG IV, 1.

- Schwyzler 1939 – E. Schwyzler. Griechische Grammatik. T. 1. Bd. 1. München.
Scwyzler – E. Scwyzler. Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora.
Lipsiae, 1923.
SEG – Supplementum Epigraphicum Gracum, ed. J. J. Hondius, Leyden, 1923.
Sinko 1931 – T. Sinko. Literatura grecka. T. I, 1.
Slater 1969 – Lexicon to Pindar / Ed. By W. J. Slater. Berlin.
Snell 1953, 1955, 1959–1964 – Pindari Carmina cum fragmentis / Ed. B. Snell.
Lipsiae.
Tessing 1884 – S. Tessing. De composites nominibus Aeschyleis et Pindaricis.
Lundae.
Thumb 1932 – A. Thumb. Handbuch der griechischen dialekte. Bd. I, 2.
Heidelberg.
Turyn 1932 – A. Turyn. De codicibus Pindaricis. Cracoviae.
Venris, Chadwick 1973 – M. Venris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean
Greek. Second edition by J. Chadwick. Cambridge.
Wilamowitz-Moellendorff 1922 – U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Pindaros.
Berlin.
Zarneke 1890 – E. Zarneke. Die Entstehung der griechischen Literatursprachen.
Leipzig.

ЭРИХТОНИЙ: МИФ В СТРУКТУРЕ ПАНАФИНЕЙ

Учреждение Великих Панафинея – одно из центральных событий религиозной жизни Афин VI в. до н. э. Этот главный афинский полисный праздник имеет обширную ритуальную программу – а, между тем, его культовый миф, *aition*, едва намечен в фигуре Эрихтония – мифического основателя Панафинея. Мифологическая биография Эрихтония состоит из следующих элементов: чудесное рождение; воспитание Афиной, при роковом участии дочерей Кекропа; изобретение колесницы и учреждение Панафинея; превращение в «змея Афины»; могила на священном участке Афины (источники: Apollod. III, 14, 6–7; Eratosth. Catast. 13; Eur. Ion 266–275, 1427–1430; Hyg. Fab. 166; Paus. I, 24, 7 etc.). Анализ этих элементов позволяет, на наш взгляд, судить о том, как возникает, развивается и функционирует миф – и, тем самым, о том, что вообще он собою представляет.

Согласно упомянутым источникам, Эрихтоний был «автохтоном», т.е. был рожден самою Землей – но при следующих обстоятельствах: Гефест, воспылав страстью к Афине, попытался овладеть ею, но богиня оттолкнула его, и семя Гефеста пролилось на землю. Из этого семени и родился Эрихтоний. Аполлодор добавляет к этому рассказу примечательную подробность: семя Гефеста попало на ногу Афины, богиня вытерла его шерстью, бросила на землю шерсть – и родился Эрихтоний. Отвергнув Гефеста, Афина, тем не менее, приняла новорожденного Эрихтония под свое покровительство и передала его на воспитание дочерям первого царя Аттики, Кекропа – также автохтона. Эрихтоний находился в закрытом ларце (или корзине), и Афина строго запретила Кекропидам открывать его. Девушки нарушили запрет – и их поразил священный ужас: то ли младенец был змееногим, то ли его охраняла змея, – и в смятении бросились со скалы Акрополя и разбились насмерть. Эрихтония же Афина воспитала в своем храме. Выросши, он посвятил Афине первую деревянную статую, избрал колесницу и учредил Панафинея. Он женился на Праксигее и имел от нее сына Пандиона. После смерти Эрихтоний был погребен на священном участке храма Афины.

Миф об Эрихтонии разделяется, как мы видим, на две неравные по объему информации части: подробную, развернутую историю его рождения и воспитания – и чрезвычайно лаконичные сообщения о его деяниях и смерти. Обстоятельства рождения Эрихтония рас-

цветчиваются самыми невероятными подробностями, в которых ясно просматривается стремление объяснить необыкновенное зачатие героя этимологией (верно или неверно понятой) его имени. Так, у Псевдо-Эратосфена (Catast. 13), со ссылкой на Еврипида [fr. 925 N.], рассказывается о нападении вожделящего Гефеста на Афину, о том, как богиня, защищаясь, ранила его копьем, после чего Гефест «унял вожделение, пустив семя в Землю. От Земли произошло дитя, по сему поводу получившее имя Эрихтоний» (Перевод. А. А. Россиуса). Заодно этимологизируется и Парфенон – как место, где укрылась богиня, желавшая сохранить девственность. Аполлодор сообщает упомянутую выше версию с шерстью, которой Афина вытерла семя Гефеста, – имя Эрихтония, таким образом, этимологизируется от слов ἔριον ‘шерсть’ и χθών ‘земля’. Вторую часть имени, указывающую на связь с землей, «слышали» все поздние мифографы, – а вот первую, усилительную частицу egi- (т.е. «поистине-земной»), толковали не только через «шерсть», но и через напрашивающуюся (хотя и ложную) аналогию с ἔρις ‘раздор’: такую версию находим у Гигина (Fab. 166), у которого история Эрихтония соединена (довольно механически) с историей пленения Юноны (Геры) «узами Вулкана», т.е. Гефеста. Согласившись освободить мать, Гефест получает право просить у богов любого дара. Он просит в жены Минерву, и далее разыгрывается сцена, подобная описанной Псевдо-Эратосфеном, – только не на просторах Аттики, а в «спальне Минервы». Ту же версию повторяет (опуская пленение Геры) Первый Ватиканский мифограф (II, 26, 2–3). Все эти этиологические мифы достаточно поздние: как замечает, к примеру, авторитетнейший знаток ранней афинской религии, Роберт Паркер, произведение имени Эрихтония от «шерсти» и «земли» не засвидетельствовано ранее III в. до н.э. (Parker 1987: 209). Отчего же понадобились эти этиологии и этимологии? Ведь автохтоны, рожденные Землей предки, издавна почитались афинянами (гордившимися, что они в своей земле – тоже «автохтоны», исконные жители, а не переселенцы): автохтоном был древний Кекроп, первый царь Аттики (Apollod. III, 14, 1), автохтоном был и наследовавший ему Кранай (Apollod. III, 14, 5), и даже, как сообщает Аполлодор, о следующем правителе Аттики, Амфиктионе, говорили не только то, что он был сыном Девкалиона, но то, что он был автохтоном (Apollod. III, 14, 6). При этом ни о Кекропе, ни о Кранае не потребовалось сочинять мифы, обосновывающие их рождение от Земли. Почему же это оказалось необходимо в случае Эрихтония? – Вероятно, потому, что фигура Эрихтония – инновация в аттической мифологии: это особенно наглядно показывают генеалогии афинских царей: у того же Апол-

лодора имена Кекропа, Эрихтония, Пандиона, царицы Пракситеи и Эрехтея настойчиво повторяются и комбинируются (Эрихтоний и Пракситея породили Пандиона, сыном которого был Эрехтей, женившийся на Праксидее, сыном их был Кекроп, породивший Пандиона, будущего отца Эгея – Apollod. III, 14, 15, 1–5). Пара Эрихтоний-Пракситея, родители Пандиона дублирует пару Эрехтей-Пракситея, предки Пандиона, от которого идет уже «без сбоев» генеалогическая линия афинских царей вплоть до Тесея и его потомков. Это дублирование указывает на способ, каким история Эрихтония «монтировалась» в аттическую мифологию¹. Ибо древнейшая мифология знает не Эрихтония, но только Эрехтея, древнейшего царя и родоначальника афинян («Эрехтиды» или «чада Эрехтея» – традиционного описательное именование афинян).

Вопрос об отношении Эрихтония и Эрехтея как мифологических и культовых фигур не раз привлекал внимание исследователей. Довольно радикальную точку зрения высказывает Н. Робертсон, утверждая, что представление о тождественности этих персонажей свойственно не античности, но создано исключительно трудами современных ученых². Р. Паркер высказывается более сдержанно: истинное положение дел не сводится просто к двум альтернативным формам одного и того же имени и к разделению единого персонажа на две фигуры. Эрихтоний, отмечает Паркер, не имеет своей собственной мифологической сущности, а заимствует и узурпирует ее из мифа об Эрехтее (Parker 1987: 201). Наше дальнейшее исследование проливает некоторый свет на механизмы этого «заимствования» и «узурпации».

Мифологическая биография Эрехтея несколько (хотя и не намного) богаче истории Эрихтония, но она, во всяком случае, засвидетельствована в наиболее ранних доступных нам источниках, а именно в обеих гомеровских поэмах. Так, в «Илиаде» (II II 546–553) Эрехтей упоминается фактически как эпоним афинян – и в связи с жертвоприношениями конца годового цикла:

---

¹ О том, что это именно дублирование, а не просто «передача по наследству» имени предка потомку, говорит, во-первых, повторение имени Пракситеи, – жена Эрихтония и жена Эрехтея не состоят в кровном родстве и младшая – не внучка старшей, а, во-вторых, то, что Пандион, сын Эрихтония, называет сына не Эрихтонием, а **Эрехтеем**.

Из всего этого следует, что первоначально генеалогия афинских царей выглядела так: Эрехтей (супруг Пракситеи) – Пандион – Эгей – Тесей, и в эту цепочку был добавлен Эрихтоний.

² Robertson 1985: 231–295. Специально об Эрихтонии и Эрехтее S. 233–237, 254–258. См. тж. приводимую там обширную библиографию по этой проблеме.

Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных, –
Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве искусный
(Перевод Н. И. Гнедича).

Литература

- Parker 1987 – Parker Robert. Myths of Early Athens // Interpretations of Greek Mythology / ed. by Jan Bremmer. N. 31. London: Routledge.
Robertson 1985 – Robertson N. The Origin of the Panathenaea // Rheinisches Museum. S. 231–295.

ΕΝΑ ΕΛΛΗΝΙΚΟ ΙΔΙΩΜΑ ΣΤΗΝ ΑΝΑΤΟΛΙΚΗ ΟΥΚΡΑΝΙΑ (ΠΕΡΙΟΧΗ ΜΑΡΙΟΥΠΟΛΗΣ)*

Οι Έλληνες που μένουν στην περιοχή Μαριούπολης χρησιμοποιούν την αυτονομασία *ρουμαίος* η οποία προέρχεται από *Ρώμαιος*, δηλαδή πολίτης της Ρωμαϊκής και Βυζαντινής αυτοκρατορίας και το ιδίωμά τους ονομάζεται *Ρουμαίικα*. Την ορολογία αυτή θα χρησιμοποιήσω κι εγώ στην ομιλία μου.

Οι Ρουμαίοι και Ρουμαίικα δεν είναι εντελώς άγνωστο και καινούριο θέμα στην ελληνική διαλεκτολογία¹. Στο άρθρο αυτό θα ήθελα να παρουσιάσω κάποια στοιχεία από την συντακτική δομή του ιδιώματος και προφορική παράδοση των Ρουμαίων. Το υλικό αυτό έχω συμμαζέψει μαζί με τους συναδέλφους μου από την Αγία Πετρούπολη στα Ρουμαίικα χωριά που έχω πάει 4 φορές τα τελευταία τέσσερα χρόνια. Θα ξεκινήσω από κάποιες γενικές πληροφορίες.

Οι Ρωμαίοι μετακινήθηκαν στην περιοχή της Αζοφικής θάλασσας από την Κριμαία στα τέλη του 18^{ου} αι. Ο ιδεολόγος και αρχηγός της μεταναστασής αυτής ήταν ο μητροπολίτης Ιγνάτιος και υπεύθυνος εκ μέρους της ρωσικής κυβέρνησης ήταν ο στρατηγός Αλεξάνδρ Σουβόροβ. Η μετανάσταση ήταν πάρα πολύ δύσκολη και πολλοί μεταναστές πέθαιναν στο δρόμο. Όταν έφτασαν στον τόπο δεν υπήρχε τίποτα εκεί, ούτε δεν μπορούσαν να καλλιεργούν την γη επειδή το χώμα στη στέπα ήταν όλο πέτρες. Έτσι η γενική αποσχόληση των Ρουμαίων έγινε κτηνοτροφία. Μαζί με τους Ρουμαίους από την Κριμαία έφυγαν και η ταταρόφωνοι Έλληνες *Ugumlar* ή Ουρούμοι, που είναι στην ουσία η ταταρική προφορά του *Ρουμαίος*. Οι Ουρούμοι είναι ορθόδοξοι όμως μιλούν μια διάλεκτο Ταταρικής. Οι Ουρούμοι ήταν οι πρώτοι κάτοικοι της Μαριούπολης (έτσι εξηγείται και η άλλη ονομασία τους – *Bazariotes*, δηλαδή οι κάτοικοι της πόλης), ενώ οι Ρουμαίοι έμειναν περισσότερο στα χωριά. Οι ταταρόφωνοι Ουρούμοι ήταν πιο μορφομένοι και η γλώσσα τους είχε πρωτεριότητα στην περιοχή. Οι περισσότεροι Ρουμαίοι μιλούσαν Ταταρικά, ενώ οι Ουρούμοι σχεδόν ποτέ δεν μιλούσαν Ρουμαίικα. Σαν αποτέλεσμα αυτής της διγλωσσίας

---

* Η έρευνα πραγματοποιήθηκε με την υποστήριξη της υποτροφίας του Προέδρου της Ρωσίας Ν МК-268.2007.6.

¹ Βλ.: Kretschmer 1905; Παππού-Ζουραβλιόβα 1995; Συμεωνίδης, Τομπαΐδης 1999; Κοντοσόπουλος 2001: 142f; Joseph 2003; Χρήστου 2006; Соколов 1932; Сергиевский 1934; Чернышева 1958; Кисилиер, в печати.

Ρουμαίικα περιέχουν πολλές λέξεις από τη γλώσσα των Ουρούμων (δηλαδή τις ταταρικές λέξεις). Π. χ.: *ajrán* ‘γιαούρτι’, *burán* ή *bran* ‘καταιγίδα’, *vaxt* ‘ευτυχία’, *garíp* ‘φτωχός’, *dugús* ‘πόλεμος’, *jardím* ‘βοήθεια’, *kinát* ή *κινάτ* ή *κvat* ‘δύναμη’, *xísmét* ‘μοίρα, τύχη, ευτύχια’, *džananár* ‘λύκος’ (υπάρχει και λέξη *líkus*). Είναι σημαντικό να υπογραμμίσω ότι η επίδραση Ταταρικής δεν εμφανίζεται ούτε στην φωνετική, ούτε στην μορφολογία, ούτε στη σύνταξη.

Ταταρικά ίχνη βρίσκονται συχνά και στο πολιτισμό των Ρουμαίων: π. χ. η πάλη κουρές, ο νικητής κερδίζει το αρνί, και ένα άλλο είδος αθλητισμού όπου οι δύο ομάδες τραβούν το σκοινί μεταξύ τους, και κρεατόπιτες τσεμπουρέκι, που, φυσικά προέρχονται από ταταρικό φαγητό.

Οι μεταναστές από την Κριμαία ίδρυσαν στην Αζοφική στέπα περίπου 19 χωριά και τώρα Ρουμαίικα μιλούν περίπου στα 17 χωριά. Τα σημαντικότερα είναι Σαρτανά, Μαλογιανισόλ και Τσερδακλί.

Διακρίνονται συνήθως 5 ιδιώματα. Η διαφορά μεταξύ τους αφοράει το λεξιλόγιο π. χ.: *du* (Σαρτανά) vs. *δranú* (Μαλογιανισόλ) ‘βλέπω’, *den* (Σαρτανά) vs. *čí* < *δχι* (Μαλογιανισόλ) ‘δεν’, *iraníd*’ (Σαρτανά) vs. *xaz* (Τσερδακλί) ‘χήνα’. Για αυτό οι κατοικοί του χωριού Σαρτανά κοροϊδευτικά ονομάζουν τους κατοίκους του χωριού Τσερδακλί *xáza* ‘χήνες’ χλευάζοντας το ιδιώμά τους, Η διαφορά αφοράει και φωνητική: π. χ., *šumkézu* (Μαλογιανισόλ) vs. *šumukézu* (Σαρτανά) ‘χειμωνιάτικος’ (με και χωρίς πτώση άτονου φωνήεντος), *tkan* (Μαλογιανισόλ και Σαρτανά) vs. *čan* < **tčan* (Τσερδακλί) ‘κατάστημα’ (με και χωρίς ουρανοποίηση). Υπάρχει διαφορά και στην μορφολογία. Σαν παράδειγμα θα σας δείξω κάποιες μορφές ρημάτων : *lustún* (Σαρτανά) vs. *lúškni* (Μαλογιανισόλ) ‘κάνουν μπάνιο’. Όλα τα ιδιώματα δεν διαφέρουν στη σύνταξη. Τα βασικά μορφολογικά μοντέλα είναι περίπου τα ίδια παντού: υπάρχουν μόνο δύο πτώσεις – άμεση και έμμεση (Ονομαστική και Αιτιατική):

ΑΡΣ

ONOM *t átherpus*
ΑΙΤ *tun átherpu* ‘άνθρωπος’

ΘΗΛ

ONOM *t arníθ*
ΑΙΤ *t arníθ* ‘κότα’

Τα Ρουμαίικα έχασαν την Γενική πτώση εκτός από ορισμένες φράσεις δήθεν attributive constructions όπου ένα ουσιαστικό προσδιορίζεται με το άλλο: *átherpu laxardí* ‘ομιλία **ανθρώπου**’ (*átherpus* ‘άνθρωπος’), *kl’éft’a spit* ‘το σπίτι του κλέφτη’ (*kl’éft’as* ‘κλέφτης’).

Το ρηματικό σύστημα δεν έχει ούτε παρακείμενο, ούτε υπερσυντέλικο:

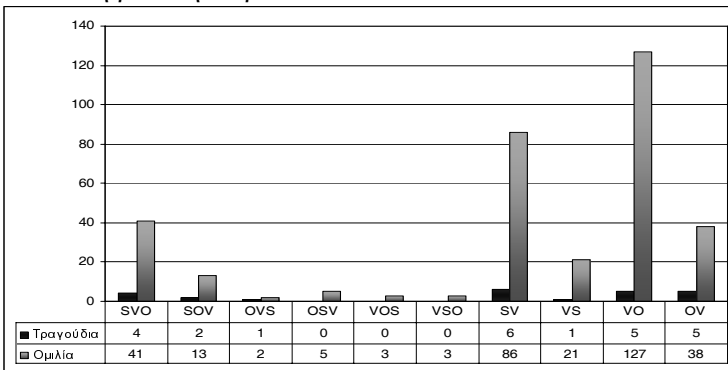
ΕΝΕΣΤ	<i>γράφ(t)u</i> ‘γράφω’
ΠΑΡΑΤ	<i>έγραφα/γράφτιška</i>
ΑΟΡ	<i>έγραψα</i>
ΜΕΛ	<i>na (θαλδα) γράφ(t)u ή na (θαλδα) γράψu</i>

Μέχρι τα τέλη του 19^{ου} αι. σχεδόν δεν υπήρχε επίδραση από τη Ρωσική γλώσσα. Τα Ρώσικα τα μιλούσαν λίγοι διανοούμενοι και οι Ρουμαίοι που έχουν πάει στο Ρωσικό στρατό. Τώρα η κατάσταση είναι εντελώς διαφορετική. Ήμουν τυχερός να βρω στο χωριό Μαλογιανισόλ μια γριά 96 χρονών η οποία δε μιλούσε Ρώσικα καθόλου και δεν έχει φύγει ποτέ από το χωριό της. Αυτό είναι μοναδικό φαινόμενο. Ολοί μιλουν Ρωσικά και υπάρχουν χωριά όπου οι κάτοικοι ξέρουν μόνο λίγες ρουμαϊκές λέξεις. Στο χωριό Μαλογιανισόλ Ρωμαίικα είναι ακόμα ζωντανή γλώσσα που μιλιέται όχι μόνο από τους ηλικιωμένους όμως και από τους νέους άνδρες για τους οποίους Ρουμαίικα παίζουν ρόλο μίας κρυφής ανδρικής γλώσσας: στην οικογένεια ο άνδρας μιλάει συνήθως ρώσικα με τη γυναίκα του. Έτυχα να ακούσω πως οι άνδρες συζητούσαν κάποια οικονομικά προβλήματα του χωριού τους και οικονομικά σχέδια. Ολή η συζήτηση αυτή έγινε στα Ρουμαίικα εκτός από τις βρισιές που ήταν στα Ρώσικα.

Τα σημερινά Ρουμαίικα έχουν πολλά Ρωσικά στοιχεία στην μορφολογία και σύνταξη για να μην αναφέρομε το λεξιλόγιο. Στην μορφολογία είναι, π. χ., το εξής μοντέλο: ρήμα *kámu* ‘κάνω’ μαζί με το ρωσικό απαρέμφατο (Ρουμαίικα δεν έχουν απαρέμφατο): *kámu zárit’*. Ρωσικό *zárit’* σημαίνει ‘τηγανίζω, ψήνω’ και η φράση *kámu zárit’* σημαίνει ‘εγώ τηγανίζω, ψήνω’. Το μοντέλο αυτό χρησιμοποιείται πάρα πολύ συχνά επειδή βοηθάει, όπως πιστεύω, να μιλάει κανείς Ρουμαίικα χωρίς να ξέρει πολλά ρήματα στα Ρουμαίικα.

Μερικά ρωσικά στοιχεία βρίσκονται και στη συντακτική δομή:

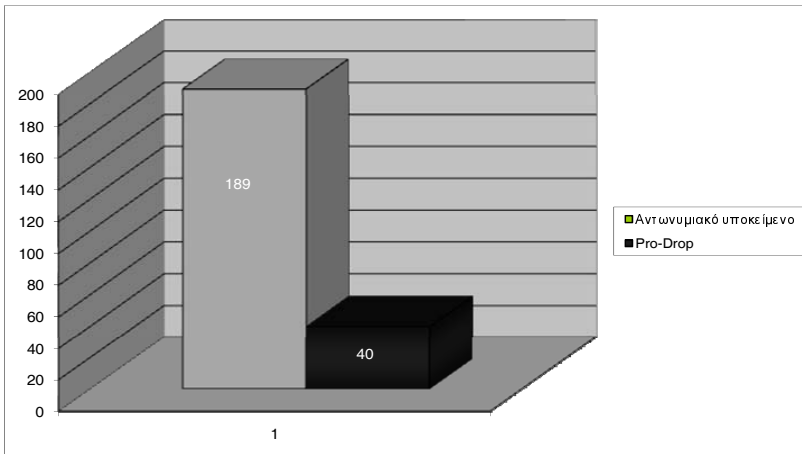
1. Σειρά λέξεων SVO, δηλαδή υποκείμενο, ρήμα, αντικείμενο η οποία είναι η βασική σειρά:

- (1) *tu kó-m máma íxin íkus balájða*
‘η μάνα μου είχε 20 παιδιά’
- (2) *γο δύλεψα saránda xρόn’ja*
‘δούλεψα 40 χρόνια’

Η έρευνα της γλώσσας των τραγουδιών, την οποία (δηλαδή την γλώσσα) θα αναφέρω λίγο αργότερα, δείχνει ότι η Ρουμαϊκή σύνταξη π. χ. του 19^{ου} αιώνα πιθανόν ήταν διαφορετική από αυτή που βλέπουμε σήμερα. Από την άλλη πλευρά, η γλώσσα μίας προφορικής παράδοσης είναι πάντα κάτι πάρα πολύ περίπλοκο και δεν μπορεί να γίνει η ασφαλής βάση για την έρευνα ιστορίας της γλώσσας.

2. Δεύτερο στοιχείο είναι η χρήση αντωνυμιακού υποκειμένου η οποία στα Ρουμαϊκά αντίθετα με την Νεοελληνική κοινή δεν έχει σχέση με την εστίαση: η απουσία αντωνυμιακού αντικειμένου ή Pro-Drop, όπως το λένε το φαινόμενο αυτό στα αγγλικά, γίνεται πάρα πολύ σπάνια.

Κατά τον Brian Joseph, αν μπορεί κανείς να μη χρησιμοποιεί αντωνυμιακό υποκείμενο σε κάποια γλώσσα, αυτό σημαίνει ότι η γλώσσα αυτή ανήκει στις δήθεν *Pro-Drop Languages*. Για εμάς όμως τώρα δεν είναι τόσο σημαντικό αν είναι Ρουμαϊκά μια από τις *Pro-Drop Languages* ή όχι. Το πιο ενδιαφέρον είναι πότε δεν χρησιμοποιείται προσωπική αντωνυμία σαν υποκείμενο. Υπάρχουν δύο φράσεις:

- (3) *atós íðin’ tun aplógu-t*
‘είδε τον εαυτό του’
- (4) *Ø íðam tun aplógu-mas*
‘είδαμε τους εαυτούς μας’

Φαίνεται ότι δεν υπάρχει καθόλου διαφορά μεταξύ δύο φράσεων. Έτσι και είναι, αλλά θα ήθελα να κοιτάξουμε ακόμα σ’ ένα παράδειγμα:

- (5) *mís agórasam miskár' ki na tu ráγum as spit' . na tu ráγamits as spit'*
'αγοράσαμε ένα μοσχάρι και θα το φέρουμε σπίτι. Θα το φέρουμε σπίτι'.

Στη φράση υπάρχουν δύο μορφές του ίδιου ρήματος, ενεργητική *ráγum* και παθητική *ráγamits*. Και οι δύο είναι πρώτο πλυθνητικού. Όμως αν θέλουμε να φτιάξουμε πρώτο ενικού παθητικής φωνής θα έχουμε πάλι *ráγum*, όπως, π. χ., *érku-m* 'έρχομαι' και *érku-mits* 'ερχόμαστε'. Δηλαδή, γίνεται μπέρδεμα. Για αυτούς τους λόγους η απουσία αντωνυμιακού υποκειμένου γίνεται σχεδόν μόνο στις 2 εξής περιπτώσεις:

1. Καπού κοντά στο ρήμα υπάρχει κάποιο στοιχείο που δείχνει τον δράστη, σαν *mis* στην αρχή τις φράσης ή αντωνυμία *mas* στο

- (6) *ídam tun aplóγu-mas*

ή *mas* στο

- (7) *ρύčan Ø δάνam-ra κρωγóm-ra p'íran-mas kalá*
'οπουδήποτε που πηγαίναμε παντού μας φέρονταν καλά'

ή *mána* στο

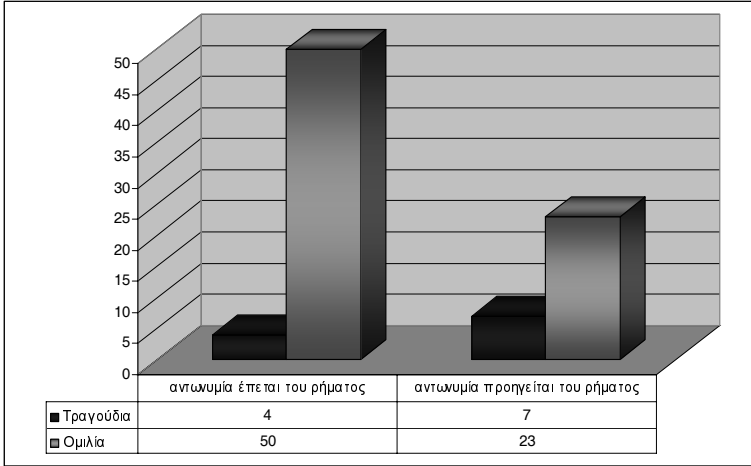
- (8) *Ø či fuvísis, mána, sa pon'á*
'δεν φοβήθηκες, μάνα, στους πόνους'

2. Το ρήμα προηγείται του μορίου *na* ή *dalθα*:

- (9) *sejčás Ø na sas l'égυ éna vahthítsku τραγóθ po ruméika*
'θα σας τραγουδήσω τώρα ένα μελαγχολικό τραγούδι στα Ρουμαίικα'.

Θα ήθελα να αναφέρω ακόμα δύο συντακτικά στοιχεία: η θέση των κλιτικών αντωνυμίων και φραστικό εγκλιτικό (*Sentential enclitic*) *pa*. Διαφορετικά από την Νεοελληνική κοινή, η κλιτική αντωνυμία σχεδόν πάντα έπεται του ρήματος:

- (10) *fer-mi psumé*
 ‘φέρε μου ψωμί’ (με προστακτική)
 (11) *γο ίρα-tun ta úla-pa*
 ‘του είπα τα όλα’

Η κλιτική αντωνυμία προηγείται του ρήματος αν το ρήμα έπεται των μορίων *na* και *θα/δα*:

- (12) *na tu rágamits as spit’*
 ‘θα το φέρουμε σπίτι’
 (13) *δα ta fág[u] án’ir’*
 ‘θα το φάω αύριο’

Έτσι δεν κόβεται το σύμπλεγμα των κλιτικών, δηλαδή του μορίου και αντωνυμίας.

Η κλιτική αντωνυμία συχνά βάζεται μπρόστα από το ρήμα μέσα στο φραστικό κλίση:

- (14) *sas tu légu ruméika*
 ‘σας το λέω Ρουμαίικα’

Ενώ Νεοελληνική κοινή έχασε όλα τα φραστικά εγκλιτικά (μόρια), που υπήρχαν στα Αρχαία Ελληνικά, και έχει μόνο ρηματικά κλιτικά (*Verb clitics*) *na*, *θα* και κλιτικές αντωνυμίες, τα οποία πάντα είναι μαζί με το ρήμα, τα Ρουμαίικα έχουν ένα φραστικό εγκλιτικό *pa*:

- (15) *atós dján’ árta makrá, γο-pa na rágu*
 ‘έφυγε αρκετά μακριά, να πάω κι εγώ’

Αυτό το *pa* δε βρίσκεται ποτέ στη πρώτη θέση στην πρόταση και σχεδόν πάντα σημειώνει εστίαση, δηλαδή είναι σαν σημάδι έμφασης όπως ήταν φραστικά εγκλιτικά στα Αρχαία Ελληνικά. Στο παράδειγμα αυτό η έμφαση δίνεται στο υποκείμενο *yo* το οποίο χρησιμοποιείται παρ' όλα που υπάρχει *na* μπροστά από το ρήμα.

Πολύ συχνά το *pa* ακολουθεί ονομαστικές φράσεις (NP) που έχουν μέσα λέξεις *ul* 'όλος', *pánda* 'πάντα', *kamía* 'ποτέ', *kátha ís* 'καθένας', *adó* 'εδώ', *bdíh'a* 'πουθενά'. Να δώσω και λίγα παραδείγματα:

- (16) *tu kó-m [tu?] tajfá úla-pa en' ta mtíja éna*
 'στην οικογένειά μου όλοι έχουν την ίδια μύτη' (εδώ μεπερδεύουν ρήματα έχω και είμαι)
- (17) *yo kamía-pa éi dájna su skól'a*
 'δεν έχω πάει ποτέ στο σχολείο'.

Τα επιρρήματα αυτά και οι αντωνυμίες πάντα (και όχι μόνο στα Ρουμαίικα, βεβαίως) γίνονται πληροφοριακό επίκεντρο (focus) της πρότασης και το μόριο *pa* σημειώνει την εστία.

Η Ρουμαίοι δεν είχαν αλφάβητο μέχρι στη Σοβιετική επανάσταση του 1917. Τότε άρχισε μια πολιτική που είχε σύνθημα «σε κάθε μικρό λαό ένα δικό του αλφάβητο». Οι γλωσσολόγοι από το Λένινγκραντ έφτιαξαν ελληνικό αλφάβητο για τους Ρουμαίους:

A α	I ι	P ρ
B β	K κ	Σ σ, ς
Γ γ	Λ λ	T τ
Δ δ	M μ	Y υ (= u)
E ε	N ν	Φ φ
Z ζ	O ο	X χ
Θ θ	Π π	
Δεν υπάρχουν	σσ = š	τсс = č
αι και οι	ζ = z και ž	τσ = ts

Τήν ίδια εποχή στην Μαριούπολη ίδρυσαν Ελληνικό θέατρο και Ελληνικό περιοδικό και από τότε ξεκίνησε η Ρουμαίικη λογοτεχνία όταν ο καλύτερος Ρουμαίος ποιητής Γεώργιος Κοστοπράβ δημιούργησε τη Ρουμαίικη ποιητική γλώσσα η οποία είχε σαν βάση τις διαλέκτους των χωριών Σαρτανά και Μαλογιανισόλ. Στα σχολεία μάθαιναν Δημοτική και πότε πότε Ρουμαίικα. Όλο τελείωσε το 1937, όταν εκτελέστηκε ο Κοστοπράβ και οι Ρουμαίοι ήταν υποχρεωμένοι να γράφουν στα Ρώσικα αποκλειστικά. Μόνο 30 χρόνια αργότερα έκαναν τις πρώτες προσπάθειες να γράφουν στα Ρουμαίικα ξανά. Και γύρω στο 1980 το καινούργιο σλαβικό αλφάβητο επεξεργάστηκε από τον Α. Μπελέτσκι:

Α α	Дж дж (= dž)	Ο ο	Ц ц
Β β	З з	Π π	Ч ч
В в	Дз дз (= dz)	Ρ ρ	Ш ш
Γ γ (= γ)	Й й	С с	Ы ы
Γκ Γκ (= g)	Ї ї	Τ τ	Э э
Δ δ (= d)	К κ	Τβ τβ	Ю ю
Дβ δβ (= δ)	Л л	Υ υ	Я я
Ε ε	М м	Φ φ	
Ζ ζ	Н н	Χ χ	

Προς το παρόν με το αλφάβητο αυτό γραφούν μόνο οι λίγες ποιητές τους οποίους κανείς δεν διαβάσει εκτός από τους ίδιους και τους διαλεκτολόγους, βεβαίως.

Όπως έχω αναφέρει νωρίτερα, οι Ρουμαίοι πριν από το 1917 δεν μπορούσαν ούτε να γράφουν ούτε να διαβάζουν. Οι τότε ποιητές υποχρεωτικά έβάζαν την ποίησή τους στην προφορική παράδοση. Π. χ. η πρώτη ερευνήτρια της Ρουμαϊκής λαογραφίας η Κασάνδρα Κόσταν βρήκε το 1926 τα χειρόγραφα διάσημου τραγουδιστή και ποιητή Λεόντη Χοναχμπέι, τα τραγούδια του οποίου ακόμα και τώρα κυκλοφορούν στα Ρουμαίικα χωριά. Αυτός ο Χοναχμπέι είναι μια μυστική και πολύ ρομαντική προσωπικότητα. Στα τραγούδια του περιγράφει τον εαυτό του σαν ένα πολύ φτωχό, καημένο άνθρωπο. Έτσι και παρουσιάζεται στο αριστούργημα ρουμαϊκής λογοτεχνίας στο ποίημα «Λεόντη Χοναχμπέι» του Κοστοπράβ. Όμως κάποιοι Ρουμαίοι λένε ότι ο Χοναχμπέι ήταν πάρα πολύ πλούσιος και είχε το δικό αρτοποιείο.

Θα ήθελα να αναφέρω ακόμα έναν ποιητή, Ντεμιάν Μπγκάντιτσα ο οποίος το 1902 μεταμόρφωσε τη «Θυσία του Αβραάμ» στο τραγούδι «γνεf Ανράμ» 'σήκω, Αβραάμ' στα Ρουμαίικα, και αυτό το τραγούδι τραγουδιέται ακόμα και τώρα σε μερικά χωριά.

Οι Ρουμαίοι έχουν και παλιά τραγούδια, π. χ., τα ακριτικά άσματα. Είναι ενδιαφέρον ότι τον πρωταγωνιστή πάντα τον λένε Γιάννη, παρ' όλα που οι Ρωμέιοι ποτέ δε χρησιμοποιούν τέτοιο όνομα. Ένα από τα πιο δημοφιλή ακριτικά άσματα είναι το τραγούδι για τον Γιάννη και τον δράκοντα. Το ίδιο θέμα υπάρχει και στο έπος για τον Διγενή Ακρίτη, όμως, όπως γίνεται σχεδόν πάντα, το περιεχόμενο των ακριτικών ασμάτων είναι μακριά από το έπος. Τώρα θα σας δείξω τις δύο παραλλαγές του άσματος αυτού στα Ρουμαίικα, γραμμένες με σύγχρονη ορθογραφία. Τις πήρα από ημιτελή διατριβή του Εντουάρντ Χατζίνοφ αφιερωμένη στη Ρουμαϊκή λαϊκή παράδοση και λαϊκά τραγούδια:

*Яνάкус дъявин сту нирó, стун пизáдòε екатéвин,
 Не úβερ ки тон дъράкунда сту пизáдòε та шúли.
 «Не, калимéра, дъράкунда!» «Καλό стун Яνάку!
 Ακόнепса та дъóндя-му, ирэву на се фáεу».*

- 5 «*На ми му тройсь-ме, дѣраконда, на ми мен катеваси, Пѣло-м ас пѣго с маниџа-му, стын кардѣаки-м тын мана-му*». «*Дѣ се пистѣву, Янаку, дѣ се катѣпистеву*». «*Тун ѝлю ване мѣртира, ту фѣнгу я пистѣя*». «*Не ѡса ѡстра ст[у] уранѡ, вану та я та смѣдѣя*».
- 10 «*Пѣре стрѣты – стрѣтыџа-су, тон мѣга-т мунунѣти*». *Пель тун паѣнь с маниџа-ту кл[е]юмѣнус, дѣакрумѣнус*. «*Ты ѣшишь, ѣе-му, клейсь си, варьѡн анастенѣзис?*» «*Ти ѣху го на ми му клапсь, ти на ми настынѣксу*. *Не ѡверь ме тун дѣракундась, ирѣви на ми фѣи...*
- 15 *На дѡѡку т[у?] адѣрифѣџа-му – авр адѣрифѣ дѣ каму*. *На дѡѡку тын маниџа-му – авр маниџа дѣ каму*. *На дѡѡку тын калиџа-му – пѣли калиџа каму*».

---

1. дѣвин *Хатџ3*; пѣгадѣѣ *Хатџ3*; катѣвин *Хатџ3* 2. пѣгадѣѣ *Хатџ3* 3. дѣракунде *Хатџ3*; *Калѡс Хатџ3*; тун *Хатџ3* 5. мун *Хатџ16*; катѣваси *Хатџ3* 6. Пѣло-м н ас *Хатџ3*; *паг го Хатџ3*; стын *Хатџ3*, *Хатџ16*; кардѣаки *Хатџ16*; тын *Хатџ3* тин *Хатџ16*; 8. ѝлу *Хатџ3*; мѣртира *Хатџ3*; 9. симѣдѣѣ *Хатџ3* 10. мунунѣты *Хатџ3* 11. пельс *Хатџ3* 12. ѣѣ *Хатџ3*; варьѡн *Хатџ3*; анастенѣзис *Хатџ16* 13. тя *Хатџ3*, *Хатџ16*; анастынѣксу *Хатџ3* 16. тин *Хатџ16* 17. тын *Хатџ3* тин *Хатџ16*

Τα μαύρα γράμματα αποδείχνουν παραλλαγές. Τις σημείωσε ο Εντουάρντ Χατζίνοφ από δύο λαϊκούς τραγουδιστές από τα χωριά Χερσονές (γενν. το 1904 = *Хатџ3*, γραμμένο το 1970) και Γιάλτα (γενν. το 1887 = *Хатџ16*, γραμμένο το 1971). Μερικές παραλλαγές προέρχονται από την απουσία της ορθογραφικής νόρμας. Πρέπει να υπογραμμίσω ότι στο ίδιο κείμενο οι ίδιες λέξεις γράφονται τότε τότε με διαφορετικό τρόπο: *дѣракунда* στη γραμμή 2 και *дѣраконда* στην 5, δηλαδή με στένωση και χωρίς στένωση.

Κάποιες παραλλαγές επιδεικνύουν την διαφορά στην κλίση: *дѣракунда* και *дѣракунде* στη γραμμή 3. Η τελευταία μορφή πρέπει να είναι πιο αρχαϊκή ή μάλλον αρχαιοποιημένη.

Να σημειώσω ακόμα κάποια γλωσσικά στοιχεία: στένωση του άτονου *e* σε *i* π. χ., *дѣвин* και *ниро* στη γραμμή 1, λοιπόν, στένωση του άτονου *o* σε *u* λ. χ., *дѣракунда* στις γραμμές 2 και 3 και *ирѣву* και *фѣгу* στην 4, μετά η πτώση του άτονου τελικού *-i*- π. χ., *ригѣд'* στην 1. Στην γραμμή 5 έχουμε προληπτική και επαναληπτική αντωνυμία: *му тройсь-ме*. Η μορφή *му* είναι λίγο παράξενη. Και το τελευταίο: αντί την κτητική αντωνυμία *м* με την πτώση του τελικού *-и*- παντού έχουμε *му*. Αυτό σημαίνει ότι το τραγούδι είναι είτε αρχαϊκή είτε αρχαιοποιημένη.

Η άλλη παραλλαγή του άσματος είναι γραμμένη με την ορθογραφία την οποία επεξεργάστηκαν λίγο μετά από την Οκτωβριανή επανάσταση:

- Γιανάκις δάιν σ το νερό,
Γιανάκις σ το πιγάδι,
Ίβρεν τον δράκο καίνιτν
πα σ πιγαίδον το σσίλι,
5 Ίβρεν τον δράκο κάινιτν
πα σ πιγαίδον το σσίλι.
“Καλί σι μέρα δράκοντα.”
“Καλός ίρτες Πανάκι.”
“Καλί σι μέρα δράκοντα.”*
- 10 Καλός ίρτες Γιάνακι
“Αφσί με δράκυ, αφσί με
Σ γιομόνο κι ας ιρίσο.
Αφσί με δράκυ, αφσί με
Σ γιομόνο κι ας ιρίσο.”*
- 15 Δεν σι πιστέβο Πανάκι
δεν σι καταπιστέβο.
Δεν σι πιστέβο Πανάκι
δεν σι καταπιστέβο.
Τον ίλιο βάλον μάρτυρα,
20 τον φέγγο δι απιστία.*

Το κείμενο είναι από <http://www.mak-mak.com/gendb/index.asp?page=rus/songfolk.htm>

Υπάρχουν και δύο λάθη εδώ: στην γραμμή 6 *πα σ* είναι μία λέξη – η πρόθεση η οποία προέρχεται, πιστεύω, από *πάνω σε* και σημαίνει ‘σε’, και στην γραμμή 20 *δι απιστία* αντί *δια πιστία*.

Φαίνεται ότι δεν είναι ένα ολόκληρο έργο και είναι είτε απόσπασμα του ίδιου μοτίβου (ο Γιάννης παρακαλεί τον δράκοντα να τον αφήσει να γυρίσει σπίτι και υπόσχεται να στείλει στον δράκοντα κάποιο από την οικογενιά του) είτε μια συνέχειά του (ο Γιάννης δεν πραγματοποίησε την υπόσχεσή του, αλλά ξαναγύρισε στο πιγάδι και τώρα κάνει προσπάθειες να εξαπατήσει τον δράκοντα πάλι).

Τα δύο άσματα που σας έδειξα, έχουν μερικά κοινά στοιχεία τα οποία μπορούν να τοποθετούν σχετικά με την ποιητική φόρμουλα στην προφορική απόδοση (όταν λέω φόρμουλα εννοώ απόσπασμα ποιητικής φράσης με την συνεχή συντακτική σημασία και το συνεχές μετρικό σχήμα), π. χ. *δγάβιν στυ νιρό* και *δάιν σ το νερό, νιγάδγε τυ υίλι* και *πιγαίδον το σσίλι, δγε σε νιστέβυ... δγε σε καταπιστέβυ* και *Δεν σι πιστέβο ... δεν σι καταπιστέβο*.

Είναι γνωστό ότι στην προφορική απόδοση σχεδόν ποτέ δεν τραγουδιέται ολόκληρο το θέμα. Συνήθως επιλέγεται όμως κάποιο

μοτίβο και μόνο η σύγκριση διάφορων παραλλαγών μας επιτρέπει να φτιάχνουμε την ολόκληρη εικόνα.

Η γλώσσα των Ρουμαίων κινδυνεύει σήμερα και από τα Ρώσικα και από τα Νέα Ελληνικά, τα οποία τα παιδιά μαθαίνουν τώρα στα σχολεία όμως υπάρχει ελπίδα ότι τα Ρουμαίικα δεν θα πεθαινούν τώρα και θα τα μιλήσουν ακόμα και οι επόμενες γενιές των Ελλήνων Αζοφικής.

Βιβλιογραφία

- Joseph B. D. 2003. Some Reflections on Greek in a Slavic Context, in *Both Academia and the Real World, with an Overview of Greek in the Former Soviet Union // Balkan and Slavic Linguistics in Honor of the 40th Anniversary of the Department of Slavic and East European Languages and Literatures (Ohio State Working papers in Slavic Studies 2)*. Ohio. P. 93–101.
- Κοντοσόπουλος Ν. Γ. *Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής*. Αθήνα, 2001.
- Kretschmer P. *Der heutige lesbische Dialekt*. Wien, 1905.
- Παππού-Ζουραβλιόβα Αι. Η ταυρορουμαϊκή διάλεκτος των ελλήνων της Αζοφικής στη Νοτιοανατολική Ουκρανία (Περιοχή της Μαριούπολης). *Αρχαίον Πόντου*. Περιοδικόν σύγγραμμα 406. Αθήναι, 1995.
- Συμεωνίδης Χ., Τομπαϊδής Δ. Η σημερινή Ελληνική διάλεκτος της Ουκρανίας (περιοχής Μαριούπολης). *Παράρτημα 20 του περιοδικού «Αρχαίον Πόντου»*. Αθήνα, 1999.
- Χρήστου Χ. Γλωσσική συρρίκνωση στην Κρημαιοαζοφική διάλεκτο. Μαριούπολης, 2006.
- Кисилиер М. Л. (отв. ред.). *Язык и культура мариупольских греков*. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 г. В печати.
- Сергиевский М. В. Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики // *Известия АН СССР*. Т. 7. 1934. С. 533-587.
- Соколов И. И. Мариупольские греки // *Труды Института Славяноведения АН СССР*. Т. 1. 1932. С. 287-317.
- Чернышева Т. Н. *Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района, Сталинской области (Исторический очерк и морфология глагола)*. Киев, 1958.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
ЛАТИНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ГРАММАТИКИ

ЛАТИНСКИЙ ТРИЛИСТНИК:

1. ПРИЧИНА И ЧУДО: ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СВЯЗИ ЛАТ. *CAUSA*.
2. ФОРМА И ДХАРМА. 3. ДЕЛО О ПРЕНЕСТИНСКОЙ ФИБУЛЕ.

1. «Причина» и «чудо»: индоевропейские связи лат. *causa*

Предмет этой статьи – замечательный этимологический параллелизм, обнаруживаемый между словом для «причины» в латыни и обозначениями «чуда» в двух других индоевропейских языках – греческом и общеславянском.

Слово *causa*, обычно выражающее в латыни понятие «причины» – неотъемлемый элемент философского, юридического, исторического дискурсов римской классики, – принадлежит к этимологически неразъясненным элементам латинского словаря. Старое его звучание *caussa* известно по некоторым надписям, спискам Плавта, а также по сообщениям грамматиков Квинтиллиана (I, 7, 20) и Мария Викторина (VI, 8, 5) (ThLL 1906–1912: 659). Оно обнаруживает основу с *-s-* или *-t-* в суффиксе и с предшествующим этому суффиксу дентальным в исходе – по-видимому, расширенного – корня, так что праформа условно выглядит как: **cauT-s-a* или **cauT-t-a*, где *T* – любой дентальный. В остальном слово непрозрачно. Произвольными выглядят и странное сближение его в словаре Вальде-Гофманна с *culo* ‘бью’ (“Schlag als Ursache”) (Walde-Hofmann 1938: 190) и попытка еще в XIX в. А. Ваничека, сопоставляя *cau(s)sa* с *caveo* ‘остерегаюсь чего-либо, беспокоюсь о чем-либо’, приписать нашему слову исходный смысл «нечто защищаемое, пребывающее под охраной» (Vaniček 1874: 187). (В XX в. Ж. Дюмезиль семантически «колдовал» над созвучием *causa* ‘судебное дело’ с *cautus* ‘осторожный’ и формулой приговора *male caverunt* (Dumézil 1987: 56–57)). В полной безнадежности словарь Эрну-Мейе нас уверяет, что у *cau(s)sa* не только «этимология неизвестна», но даже и «первичный смысл не поддается определению» – и полагает в этом слове «прелатинский термин» без каких-либо соображений насчет возможностей его генезиса (Ernout-Meillet 1979:108).

В этой заметке я попытаюсь показать, что, сближая *causa* и *caveo*, Ваничек, пожалуй, вступил на верный путь Другое дело, что его гипотезу дискредитировала недостоверность предполагавшейся им внутренней формы *causa*, не подтвержденной латинским словоупотреблением, да к тому же не считающейся и с этимологическим

смыслом *saveo*, – каким этот смысл предстает из индоевропейских параллелей.

Известно, что *saveo* фонетически так же соотносится с греч. κοέω ‘внимаю’, как *paveo* ‘дрожу от страха’ с πτοέω ‘пугаю’, как *lavo, -ere* (вариант *lavare*) ‘мою’ с λούω то же, или как лат. *cavus* ‘пустой’ – с коот’ τὰ χάσματα τῆς γῆς καὶ τὰ κοιλώματα (Hes.); можно сравнить, наконец, лат. *faveo* ‘проявляю благосклонность’ с арм. *govem* ‘хваляю’, слав. *gověti ‘почитать, поститься, проявлять милость’ < **g^whoweye-*. На протяжении XX в. этот латинский переход -*ōv-* > -*av-* перед гласными объяснялся преимущественно при помощи гипотезы П. Кречмера и Ф. Зольмсена, предполагавших, что возник он сперва в безударных формах типа *cavēre, pavēre, lavāre, favēre* или *cavérna* ‘впадина, пустота’, а позднее по аналогии распространился и на подударные позиции в словах от тех же латинских основ (Kretschmer 1904; Solmsen 1904). При подобном объяснении, основывающемся на ударении классической латыни, в этом переходе оказывалось слишком много иррегулярных, толкуемых *ad hoc* моментов: взять такие формы, как *November* ‘ноябрь’ от *novem* ‘девять’, *noverca* ‘мачеха’ при *novus* ‘новый’ или глаголы *moveo* ‘двигаю’, *voveo* ‘клянусь’, *foveo* ‘согреваю’ – все эти случаи Кречмер и Солмсен объясняли с большой натугой. В 1990-х на смену их версии была выдвинута П. Схрейвером (в книге о латинских рефлексах индоевропейских ларингалов) иная, обладающая значительно большей объяснительной силой. Она предполагает, что этимологическое -*ōv-* перед гласным уже в пралатинском всегда давало -*av-*, за исключением позиции после *H₃* (*ovis* ‘овца’ < **H₃ewi-*)¹. Все случаи, когда в латыни перед гласным налицо сочетание -*ov-* с этимологическим лабиальным Схрейвер рассматривает как рефлекс древнего -*ǝv-*: таковы *novus* < *newos, греч. νε(F)ός, *novem* < **H₁newm̥*, греч. ἔννε(F)α, *ovo, -are* ‘восхваляю’ < **H₁eu-*, греч. εὐάζω, сюда же *moveo* довольно редкий тип каузатива с *e*-огласовкой, известный, однако же, по таким латинским формам, как *terreo* ‘пугаю’, *augeo* < **H₂eug^weye-* ‘взрачиваю, умножаю’ и т. д. (Schrijver 1991: 436–454). Концепция Схрейвера успешно справилась со множеством фактов, каковые, по сути, оставляла необъясненными гипотеза Кречмера-

¹ Лат. *avillus* ‘новорожденный ягненок’ Схрейвер решительно отделяет от *ovis*, возводя через синкопированную форму **ag^wŋlo-* к пралат. **H₂eg^wn-elo-* – уменьшительному от **H₂eg^wno-*, лат. *agnus* ‘ягненок’ (Schrijver 1991: 438–439), что представляло бы точную параллель к паре *tignum* ‘брус, балка’: *tigillum* ‘то же’ < **tigŋlo-* < **tignelo-* (Нидерман 1949: 43). Лат. *bos, bovis* ‘бык, корова’ он, вместе со многими авторами, трактует на правах позднейшего италийского заимствования в латинском.

Зольмсена. Сейчас дискуссионными, пожалуй, остаются лишь пра-латинские отражения индоевропейских *o, *e перед этимологическими лабиовелярными *g^w, *g^wh: с одной стороны, видим лат. *nūdus* ‘нагой’, явно из **nog^wodhos* или **nog^wedhos*, без перехода корневого *o > a (см. германские параллели с тем же значением – гот. *naqaþs* < *naqad-*, др.-в.-нем. *nackot*, но др.-исл. *nökkvidr*), а с другой – неясное соотношение между вокализмом лат. *foveo* ‘согреваю’, родственного др.-инд. *dāhayati* ‘жжет’, лит. *dėgti* < **dheg^wh-* ‘жечь, гореть’, и лат. *favilla* ‘горячий пепел’ (Schrijver 1991: 274–275, 442–443, 448). Для случаев же с исконным губным сонантом объяснение Схрейвера едва ли не оптимально и, в частности, благодаря ему отпадают последние неясности в сопоставлении *saveo* с родственными индоевропейскими формами.

Этот глагол входит в одно этимологическое гнездо с др.-инд. *ākuvate* ‘он намеревается’, *ākuti*, *ākūtam* ‘замысел’, *kavī* ‘провидец, поэт’, *kavāri* ‘алчный’; с греч. κοῦῶν и ἀκούῶν ‘слушаю’, < *ḱ-kousuō см. также ἄκευετῖ τῆρεῖ ‘следит’ (Hes.); с гот. *hausjan*, др.-в.-нем. *horren* ‘слушать’ при др.-англ. *hāwian* ‘смотреть’. с лтш. *kavēt* ‘медлить’, со слав. *čuti ‘чуть’, также *čeviti в др.-чешск. *uščeviti* ‘посещать’, блр. *човиць* ‘бдеть’. А еще далее – с греч. θυό-σκοοῦς ‘наблюдающий за жертвами’, др.-англ. *scēawian*, др.-в.-нем. *scuwōn* ‘смотреть’, гот. *skauns*, др.-в.-нем. *scōni* ‘привлекающий внимание, красивый’, гот. *us-skaws* ‘медлительный, осторожный’, собственно ‘оглядчивый’ (ср. лат. *cautus* с тем же значением и лтш. *kavēt*), арм. *սլսանեմ* ‘показываю’ < **skeu-sk-*-, *coyc* ‘зрелище, демонстрация, показ’ (Pokorny 1959: 587–588; ЭССЯ 1977: 99–100). Итак, смысл ‘озабоченности, предосторожности’, характерный для *saveo* в письменную эпоху, представляет лишь малую часть широкого поля употреблений и.-е. *(s)keu- с его семантикой «фокусировки чувства, интеллекта или воли на некоем объекте», а также «способности объекта привлекать их к себе». Очень похоже на то, что многообразие употреблений слова *caus(s)a*, далеко не исчерпывающихся понятием «причины», вполне способно соотноситься с тем же самым смысловым полем.

Так, «Тезаурус латинского языка» одним из основных значений *causa* называет «разыскание, рассмотрение», «предмет, трактуемый при помощи слов» – *quaestio*, «*res, quae verbis tractatur*» (ThLL 1906–1912: 685). В частности, излюбленное Цицероном и обычно не находящее адекватного отражения в переводах соединение *res* ‘вещь, дело, положение вещей’ и *causa* в пары соположенных понятий – *res causaque*, *res ipsa causaque*, *res et causa*, *res ipsa atque causa* (например, в Cluent. 139, 141; Catil. 4, 10; Scaur. 16; nat. deor. 1, 2; de orat. 1, 259 и во многих других случаях, указываемых

«Тезаурусом») – хорошо разъясняется из такого контекста, как *fat. 9 qua de re agatur et in quo causa consistat* ‘о каком предмете пошла бы речь, и в чем состояла бы проблема’. Похоже, что *res*, поскольку оно дифференцируется от *causa*², относится к предмету или ситуации как таковым, внешним относительно их рассмотрения и обсуждения, а *causa* берет их же как уже преобразованные в тему речи, дискурса. Понятно, что отсюда происходит и юридическое применение *causa*, чуть ли не с эпохи законов XII таблиц, к слушанию-рассмотрению дела судьями и, соответственно, к его двусторонней презентации перед судом усилиями тяжущихся: см. пересказ одного из этих древних законов в *Aul. Gell. XVII, 12, 10 ante meridiem causam coniciunt, cum perorant ambo praesentes* ‘пусть ставят дело (тяжбу) на рассмотрение до полудня, когда лично произносят свои заключительные слова обе стороны’³.

Пониманию *causa* в смысле «сосредоточения интереса и заботы на ком-либо или на чем-либо» не противоречат и общеизвестные обороты, где это существительное по сути низводится до роли служебного слова вроде *eius causā* ‘ради него’, *tua causā* ‘ради тебя’, *populi Romani causā* ‘ради римского народа’ – ср. русск. *имея в виду одного себя* или *действуя в видах государства*. Если в

---

² Во множестве случаев *res* и *causa* могут просто заменять друг друга, в том числе в обороте *quam ob rem = quam ob causam* ‘из-за этого дела’, ‘по этой причине’. В романских языках рефлекс *causa* (итал. *cosa*, франц. *chōse*) нормально употребляются в значении латинского *res*.

³ Вполне наглядно с юридической жизнью слова соотносится *causa* у Плавта в специальном смысле «возражения», «выдвигаемого препятствия»: *Mil. 1427 causam non dico* ‘не возражаю’; *Capr. 353 num quae causa est quin...viginti minas mihi des* ‘разве какое-нибудь может быть возражение против того, чтобы ты ... дал мне двадцать мин’; *Cas. 1003 nulla causa est quin pendentem me ...virgis verberes* ‘никакого возражения против того, чтобы ты, меня подвесив, выпорол розгами’; *Rud. 1070 nulla causa est quin me condones cruci* ‘никакого возражения против того, чтобы ты отправил меня на крест’. Эти плавтовские *causam non dico* и *nulla causa est* ‘не буду возражать, принимать мер предосторожности против чего-либо в том числе против наказания, которое считаю заслуженным’, несомненно, обыгрывают формулу *causam dicere* ‘вести дело в суде’, – из которой порождены слова *causidicus* ‘судебный защитник’, *causidicatus* ‘адвокатура’, *causidicalis* ‘адвокатский’. Похоже, что плавтовская *causa* ‘возражение’, составляющая особый словарный пункт в перечне смыслов этого слова, – как ни заманчиво было бы сблизить такое словоупотребление с использованием *caveo* в смысле ‘опасаюсь чего-либо, стараюсь что-либо предотвратить’ – на самом деле возникает из игры с языком права, как следствие комического вклинивания процессуальных формул в необычные для них речевые ситуации.

предыдущих случаях *causa* нас отсылала к дописьменной семантике *caveo* < *koweyō, восстанавливаемой по данным внешнего сравнения, то обретая целевой характер – например, в долженствовательных герундивных и герундийных оборотах (типа *rei gerendae causā* ‘для совершения дела’), наше слово прямо смысле как с употреблением *caveo* в исторической латыни – в смысле «предусмотрительного, озабоченного старания о некоем результате»: см., например, у Энния Ann. 319 *rastros...capsit causa poliendi agri* ‘мотыги... взял в заботе о возделывании поля’, ср. др.-инд. *ākūti* ‘замысел, намерение, желание’.

И в то же время, отталкиваясь от исходного смысла *causa* как «рассмотрения» нетрудно понять его употребление в смыслах «*conditio, forma, status*» (ThLL 1906–1912: 617) (ср. гот. *ibna-skauns* ‘тождественный обликом, подобный’, полисемичное др.-исл. *skyn*, значащее ‘просмотр’ и ‘приговор’, но также ‘порядок’, арм. *coyc* ‘зрелище, показ’). Особенно понятно такое развитие бывает, когда эти «положение, форма, статус» выступают предметами словесного раскрытия и обсуждения, как бы демонстрирования: Cic. Att. 8, 11, 3 *nostra gravior est causa qui domi sumus* ‘тяжелее наш удел – которые пребываем дома...’; 11, 13, 1 *in eam causam venisse me videre ut...* ‘я вижу, что уже дошел до такого состояния, когда...’ и т. п.), или умозрительного конструирования – например, в ценном контексте Paul. Dig., 4, 5, 3, 1 *cum emancipari nemo posit nisi in imaginariam servilem causam deductus* ‘поскольку никто не может быть отпущен на свободу, если не был приведен (прежде) в воображаемое рабское состояние’.

Этот обзор нам позволяет, наконец, подойти к тому, как, собственно, *causa* оказывается обозначением для «причины». При этом само понятие «причины» должно претерпеть деконструкцию, его можно разложить на несколько различающихся частных смыслов. Очевидно, что применительно к человеческим деяниям и намерениям *causa* как «причина» или «предлог» – это слово для восприимчивых обстоятельств, из которых возникает то или иное волевое усмотрение, как у Плавта, Merc. 822 *uxor virum si clam domo egressa est foras, viro fit causa, exigitur matrimonium* ‘если жена втайне от мужа ушла из дома, есть у мужа (усматривается) причина, расторгается брак’. Точно так же, когда речь идет о претерпевании и эмоциях, *causa* – это внешний, чувственно воспринимаемый коррелят («источник») переживания: Ovid. Trist. I, 2, 17–18 *Ergo idem venti ne causa laedar in una // Velaque nescio quo votaue nostra ferunt* ‘и вот те же самые ветры, чтобы мне терзаться не по одной причине (собственно, не из-за одного зримого аспекта беды – В. Ц.) несут невесть куда и наши корабли, и наши обеты’: Arn. VII, 34 *quia*

gaudere laeta re maestosos fieri tristioribus conspiciunt causas ‘ибо замечают, что радуются люди при счастливых делах, грустны же делаются, когда (зримые) обстоятельства ухудшаются (= при печалющих причинах)’. И, наконец, понимаемая нами как «причина» *causa*, может относиться к событию, которое с достаточной индуктивной достоверностью предшествует другому событию. Так что в подобных случаях род гендиадиса – единой идеи из двух соположенных словопонятий – образуют уже не *res* и *causa*, но *causa* и *nota* ‘примета, признак’. Например, у Цицерона *De div.* 2, 17 *qui potest providere quicquam futurum esse, quod neque causam habet ullam neque notam* ‘кто может провидеть что-нибудь из будущего, не имеющее ни причины никакой, ни приметы’, ср. I, 126 *ut... observatione notari possit quae res quamque causam plerumque consequatur etiamsi non semper... easdemque causas veri simile est rerum futurarum cerni ab iis qui aut per furorem eas aut in quiete videant* ‘так как... из наблюдений возможно приметить (*notari*), какое событие обычно следует за какой причиной, хотя бы и не всегда..., то правдоподобно что те же самые причины будущего распознаются теми, кто видит их в экстазе или в спокойном состоянии души’. Показательно, что в этом смысле *causa*, согласно ThLL 1906–1912: 667, часто выступает объектом при глаголах чувственного и интеллектуального восприятия – (*causam, -as*) *videre, providere, despicere, perspicere, conspiciere, intueri*. Все говорит за то, что в качестве термина для «объективной», в том числе «природной» причины *causa* могла представлять собою ни что иное, как указание на усматриваемую примету, способную предвещать некое будущее явление (как собирающиеся в небе тучи – «причина» последующей бури).

Я думаю, что теперь мы не только можем отнести лат. *causa* во множестве его значений – «рассмотрение некоего вопроса» (в том числе «презентация и рассмотрение дела в суде»), «предмет обсуждения», «внимание к чему-либо, попечение о чем-либо», «состояние, форма, статус», «условия определенного решения и действия», «внешние обстоятельства, специфически воздействующие на душевное расположение человека», наконец, в реконструируемом смысле, «более или менее регулярная примета, предшествующая событиям некоего типа и воспринимаемая как их причина» – к рефлексам и.-е. **(s)keu-* ‘сосредотачиваться на каком-либо объекте’. Мы в состоянии теперь указать также ближайшие формальные параллели к *causa* в иных индоевропейских языках. Восстанавливаемая по старинному варианту *caussa* формантная последовательность «дентальное расширение корня плюс суффиксальное *-s-*» позволяет опознать такие параллели в слав. **čudo*, род. падеж **čudese* ‘чудо, знамение’ и в греч. *κῦδος*, -εος, известном гомеровском атрибуте

героев и богов. В свое время Э. Бенвенист доказательно отверг прежнее расхожее понимание $\kappa\upsilon\delta\omicron\varsigma$ как ‘слава’, показав, что в «Илиаде» так именуется харизматическая отмеченность воина богами, выражающаяся в особой ауре вокруг него и служащая знаменем его победы. По выводу прославленного лингвиста, $\kappa\upsilon\delta\omicron\varsigma$ – ‘магический атрибут, окруженный пророчествами и сам пророчество’ (Бенвенист 1995: 277–283, особ. 282–283).

Думается, с формальной стороны *caussa* следует рассматривать как результат «тематизации» древней основы на *-s*, аналогичной основам $\check{c}udo$ и $\kappa\upsilon\delta\omicron\varsigma$. Порождение тематических основ на *-so/-sā-* (< *-seH₂*) от *s*-основ достаточно хорошо представлено в индоевропейских языках. Оно выступает как словообразовательный прием в древнеиндийском (*rócas* ‘свет’: *rukṣà* ‘сияющий’, *sahas* ‘мощь’: *sakṣà* ‘мощный»; *pañjas* ‘бок’: *paṅkṣà* ‘сторона’, ‘половина’, ‘крыло’ и т. д.), в единичных случаях проявляется в греческом ($\kappa\upsilon\tau\omicron\varsigma$ ‘выпуклость’: $\kappa\upsilon\tau\omicron\varsigma$ < * $\kappa\upsilon\tau\omicron\varsigma$ ‘ягодицы’)⁴, а также наглядно прослеживается по межъязыковым корреляциям: греч. $\epsilon\tau\omicron\varsigma$, $-\epsilon\omicron\varsigma$ ‘год’: *vatsà* ‘теленочек-первогодок’, греч. $\upsilon\delta\omicron\varsigma$ ‘вода’, дат. падеж. $\upsilon\delta\epsilon\iota$: др.-инд. *útsa* ‘ручей’; др.-инд. *tamas* ‘тьма’: лит. *tamsà* то же; др.-инд. *çiras* ‘голова’, вар. *çirṣam*: греч. $\kappa\omicron\rho\sigma\eta$ ‘висок, щека’, ‘голова’, лат. *nīdor* ‘дым, чад’ < (и.-е. *kniHdōs): греч. $\kappa\upsilon\iota\sigma\eta$, $\kappa\upsilon\iota\sigma\sigma\alpha$ (< и.-е. *kniHdseH₂, *-yH₂*) ‘дым от жертвоприношений, тук’ (Barroу 1976: 154; Brugmann 1889: 387; Schwyzer 1939: 321; Pokorny 1959: 562).

Однако реконструкция для *caussa* праформы вроде *koudsā < *koudseH₂ неизбежно наталкивается на проблему, проистекающую из необходимости объяснять аномальное развитие **-ou-* > *-au-* перед согласным, да еще в закрытом слоге. По счастью, нам здесь спешит на помощь ларингальная теория, предлагая красивый выход из этого затруднения. Долгота корневого гласного в греч. $\kappa\upsilon\delta\omicron\varsigma$, др.-инд. *ākūtam*, *ākūti*, а также акцентуация серб.-хорв. *čūti*, *čūjet*, словен. *čūti*, *čūjet* указывают на ларингальное расширение этого корня – или на его ларингализованный характер в глазах сторонников трактовки индоевропейских ларингалов как суперсегментных величин (Дыбо 1981: 199, 204; Kortlandt 1975: 69; Schrijver 1991: 439–440). Таким образом, корень должен бы восстанавливаться в виде **keuH-/skeuH-*, причем, по замечанию Схрейвера, метатети-

⁴ Форма $\beta\upsilon\theta\omicron\varsigma$ ‘глубокое место’ может объясняться из * $\beta\upsilon\theta\omicron\varsigma$ (Schwyzer 1939: 321; Гиндин 1981: 98), если предполагать для тематического имени $\beta\upsilon\theta\omicron\varsigma$ ‘глубина’ древний вариант с основой на *-s* * $\beta\upsilon\theta\omicron\varsigma$, $-\epsilon\omicron\varsigma$, как у родственного $\beta\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$, $-\epsilon\omicron\varsigma$ с тем же значением. К сожалению, формы $\beta\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$ ‘долина, расщелина’ < * $\beta\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$, приводимой в словаре Покорного (Pokorny 1959: 465), на самом деле, по-видимому, не существует.

ческий вариант **keH₁u-*, отразившийся в др.-англ. *hâwian* ‘смотреть’ позволяет уточнить качество ларингала: это должен бы быть *H₁* – ларингал, отвечающий за *e*-огласовку. Следовательно, для *caussa*, если выводить это слово из того же корня, надо восстанавливать в качестве праформы не **koudseH₁*, но **kouH₁dseH₂*.

Возникает вопрос: что же происходило в пралатинском с древним ларингалом (если его считать за фонему) в подобной позиции – между этимологическим **-ou-* и последующим согласным? Материал на этот счет крайне скуден. Однако Схрейвер, ссылаясь на лат. *caudex* ‘чурбан, колода’, ‘дощечка для письма’ как на имя, родственное глаголу *cudo* ‘бью’, выводит эти формы, с допущением ранней синкопы, соответственно из **kavad-* < **kouHd-* и **kovad-* < **keuHd-*. Как видим, он постулирует здесь обычное для пралатинского развитие **-ev-* и **-ov-* перед гласным – а именно, перед тем гласным, который должен был возникнуть из вокализованного ларингала (Schrijver 1991: 285–287)⁵.

Схрейвер полагает, что между дифтонгом и согласным ларингал в пралатинском изменялся так же, как обычно между согласными – то ест давал *a* (ср. лат. *satus* ‘посеянный’ < **sH₁to-* при перфекте *sēvi*, *status* ‘поставленный’ < **stH₂to-*, др.-инд. *sthítá* то же; греч. *στατός* ‘стоячий’; *datus* ‘данный’ < **dH₃to-*, др.-инд. *ditá* то же, греч. *θεόδοτος* ‘данный богами’), которое в середине слова могло редуцироваться в *i* (лат. *genitor* ‘родитель’ < **g'enH₁tor*, греч. *γενέτωρ*, *animus* ‘дух’ < **H₂enH₁mo-*, оск. *anamum* то же, греч. *ἄνεμος* ‘ветер’) или подвергаться синкопе. В таком случае, и *caudex*, и *cau(s)sa* (возникшее в результате последовательности трансформаций **kouH₁dseH₂* > **kovassā* > **kavassā* > *caussa*) могут быть отнесены к

⁵ Ссылаясь на тохарские факты (тох. А *kot-*, В *kaut-* ‘раскалывать’ при тох. А *ko-*, В *kau-* ‘убивать’, тох. В *kāwālñe* ‘убиение’), этот ученый восстанавливает по ним корень **keH₂u-* с метатезой по отношению к обычному **keuH₂-*, стоящему за лат. *cudo* и иными индоевропейскими родственными формами, включая слав. **kovati* (Schrijver 1991: 286). К тохарской реконструкции см.: Van Windekens 1976: 231–232; Бурлак 2000: 243. Ценность этого результата в том, что индоевропейские формы со значениями «фокусироваться на чем-либо» и «бить, ковать», выступающие как полные омонимы, если их расценивать как двухконсонантные структуры (**keu-* в обоих случаях), различаются в качестве структур исконо трехконсонантных (**keuH₁-* и **keuH₂-*). (Я оставляю в стороне еще одну теоретическую возможность: именно, что «метатетические» варианты Схрейвера, **keH₁u-* ‘смотреть’ и **keH₂u-* ‘бить’, выявленные им по показаниям древнеанглийского и тохарского языков, являются на деле старейшими по сравнению с нормальным обликом тех же трехконсонантных корней и сами в свою очередь представляют *u-* расширения первичных корней **keH₁-* и **keH₂-*, см.: LIV 2001: 345–346; Bourns 2005: 37).

ряду латинских слов, обязанных синкопе тем дифтонгом *-au-*, который в них появляется на месте древнего **-ou-* перед согласным. Таковы, несомненно, *fautor* (с вариантом *favior*) ‘благодетель’, и *faustus* ‘счастливейший’ (вместо **favestus* как *honestus* – Нидерман 1949: 41) от *faveo* и *cautus* ‘осторожный’ (вместо **cavitus*) от *caveo*. Возможно, сюда же относятся такие слова, как *fraus*, *-dis* ‘обман’ < **dhrou-Vd-*, ср. др.-инд. *dhruti* то же, и *laus*, *-dis* ‘хвала’ < **lou-Vd-* при гот. *liuþon* ‘пою, хвалю’, др.-в.-нем. *liod* ‘песнь’ < **leu-t* (Schrijver 1991: 439, 444).

Итак, ларингальная теория позволяет мотивировать возникновение *-au-* в *cau(s)sa* чисто фонетически, без обращения к аналогическим домыслам, которых ранее и сам я не чуждался – вроде того, что, якобы, эта «огласовка... наиболее естественно объясняется прямым влиянием вокализма *caveo*» (Цымбурский 1999: 101). Сейчас я не вижу в них никакой надобности.

Интересно отметить, что восстанавливаемый древний прообраз *cau(s)sa* < **kouH₁dseH₂* оказывается наиболее близок даже не к прообразам греч. κῦδος < **kuH₁dos* и собственно слав. **čudo* < **keuH₁dos*. Но сразу же вспоминается предполагаемый вариант последнего слова – именно **kudo*, *-ese*, представленный в др.-русск. *кудесъ-ы* ‘чары, колдовство’, русск. диал. *кудеса*, *кудесы* ‘чудеса посредством нечистой силы’, ‘святочные гуляния’, *кудесъ* ‘колдовство, ворожба’, сербохорв. диал. *кӯдош* ‘виновник, нарушитель’, польск. диал. *kudyś* ‘злой дух’, с родственными образованиями в др.-русск. *кудь* ‘воля, желание, изволение’, русск. диал. *куд* ‘злой дух’, *кудь* ‘волхование’, откуда и общеславянский глагол **kuditi* ‘хулить, порицать’ (ЭССЯ 1987: 82–84). Если впрямь видеть в **kudo* дублет к **čudo*, хотя бы испытавший в семантике «косвенное влияние гнезда **kovati*, относящегося не только к кузнечному мастерству, но и к колдовству» (ЭССЯ 1987: 83), то пришлось бы заключить, что праформа *cau(s)sa* обнаруживает наибольшее морфологическое схождение именно с этим славянским раритетом (< **kouH₁dos*)⁶.

⁶ Соображения О. Н. Трубачева о том, что слова с корнем **čud-*, при всей своей принадлежности к сфере чудесного, наделены определенной нейтральностью значения, тогда как корень **kud-* отличается негативностью семантики из-за влияния корня-паронима **ku-/*kov-*, значащего «ковать, колдовать» (ЭССЯ 1987: 83) заставляют, кстати, вспомнить, латинское использование *causa* (*causa morbi*) в смысле «недуг, болезнь», ср. такие обороты, как *insanabilis atque irrevocabilis causa*, *causae graviore (leviore)* (ThLL 1906–1912: 680–681). Едва ли это словоупотребление *causa* (< пралат. **kavassa*) с коннотацией «опасного случая, беды», возможно – «беды, вызванной злыми силами», надо вслед за Эрну и Мейе, расценивать как кальку с греч. αἰτία (Ernout-Meillet 1979: 108). С другой стороны, спе-

В заключение, краткого комментария достоин контраст семантики *causa* 'причина' и κῆδος 'магическая харизма', *čudo 'чудо, знамение'. Во всех этих случаях родственными словами характеризуются явления, привлекающие внимание очевидцев и тем самым способные возбуждать определенные людские ожидания. Но греческое и славянское слова относятся к феноменам, выпадающим из обычного порядка вещей и могущим обрести роль примет-знамений в силу своего общего аффектоносного воздействия. А вот лат. *causa* как 'причина' – это лишь один из видов «рассмотрений» и «усмотрений», одно из многих применений слова, выражающего нацеленность сознания на артикуляцию жизненного опыта людей – артикуляцию речевую, дискурсивную (*causa* – тема обсуждения), мотивационную (*causa* – зримые обстоятельства, мотивирующие эмоцию или изволение), сигнификативную (*causa* – примета будущего события). Это тот случай, когда впрямую было бы по-русски судить о «духе языка» и «духе народа».

Но не менее интересна и типология «внутренних форм», вкладываемых языками в понятие «причины». Славянская *причина* нечто творит и «учиняет», устраивает. Греческая αἰτία, родственная «року, судьбе» (αἶσα 'рок' < * αἶτυα) 'требуется' (αἰτέω) чего-то ей причитающегося, смыкаясь с идеей «преследующей вины» (αἰτία как 'вина' и 'обвинение в суде', αἰτιός 'виновник'). В конце концов – она восходит к образу «полагающейся кому-либо доли или штрафа, уплачиваемого за что-либо», ср. авест. *aeta* 'полагающаяся часть, долг, штраф', оск. *aeteis* 'partis 'части'. (впрочем, понимание причины как «вины» известно и славянам – вспомним, хотя бы русское ироническое «виновник торжества»). Пралатинская же причина применительно к миру, к природе вещей озабоченно *усматривалась* или *высматривалась*, а в жизни человека сама во многом проявлялась как его *усмотрение*. Через «усмотрение» и «усматриваемое», «притягивающее внимание» этимологически рождаются «причина» и «чудо».

циально выделяемое этими авторами будто бы вторично конвергировавшее с идеей болезни *causa* «увольнение из армии в военном языке», откуда *causarius* «отставник» – не могло ли первоначально нести идею «смотреть – и отбраковки негодных к службе»?

2. Форма и дхарма (введение в тему)

Я определяю данный этюд как «введение в тему», раскрытие которой потребовало бы привлечения и проработки источников в количестве, пока что для меня неподъемном.

Забвение старых этимологий иногда оказывает плохую услугу компаративистике. Есть ряд случаев, когда сближения, популярные в XIX веке, оказались произвольно отброшены индоевропейцами первой половины XX в., так что к его концу некогда вполне прозрачные в глазах ученых лексемы индоевропейских языков начинают походя трактоваться как «неэтимологизируемые», давая поводы для «субстратных» или «адстратных» гаданий. А между тем перепроверка материала зачастую побуждает реабилитировать старые объяснения, хотя иногда на совершенно новом уровне семантической проработки.

Именно такой случай – лат *fōrma*, с долготой корневого гласного, восстанавливаемой по ряду надписей и по некоторым романским отражениям, вроде ст.-франц. *fourme*. В XIX в. Л. Мейер, В. Корсен, А. Ваничек, и Г. Курциус без колебаний видели в этом слове корень **dher-* ‘держат, крепить, нести’, предполагая точной параллелью к *fōrma* некое редкое образование из трудов санскритских грамматиков *dhariman* ‘образ’⁷ (Corssen 1863: 169–170; Vaniček 1874: 77; Curtius 1879: 257, со ссылкой на оставшуюся мне недоступной статью Л. Мейера от 1850 г.). Более известные древнеиндийские производные от того же корня *dharma*, вар. *dharman*, учитывались исключительно в значениях «долг, обряд, закон» и рассматривались как продукты иного смыслового развития, чем у *forma* – развития, якобы, общего с греч. θρησκευία ‘религиозное почитание’ (сходно со *dharma* – Voisacq 1923: 349–350)⁸. Но в XX столетии это толкование лат. *forma* было радикально отвергнуто этимологами. А. Вальде и

⁷ Böhrling, Roth 1861: 880; в «Законах Ману» (8, 321) то же слово употребляется со значением «веса» (украденного золота или серебра). Его не надо смешивать с *dharman* ‘поддержание’, известным по RV I, 128, 1; IX, 86, 4.

⁸ Впрочем, стоит припомнить размышления Курциуса о том, что “*forma* bezeichnet also die Gestalt als die “feste” in Gegensatz zu der zerfließenden, verschwimmenden und unbegrenzten Materie” и что эта идея «прочности, твердости, определенности» роднит также с латинской *формой* и древнеиндийскую *дхарму* (Curtius 1879: 168–170). Среди лингвистов XIX в. наособицу мыслил Г. Остгоф, сближавший лат. *forma* и *formula* с др.-инд. *brahman* ‘молитва’, ‘благоговение’, ‘священное знание’, др.-исл. *bricht* ‘колдовство’, др.-исл. *bragr* ‘поэтическое искусство’ (Osthoff 1899: 131–132).

переиздавший его словарь Й. Хофман сочли эту идею ложной на странном основании семантической отдаленности лат. *forma* от таких рефлексов **dher-* в латыни как *firmus* ‘прочный’ и *frētus* ‘уверенный’ (Walde-Hofman 1938: 531). Об руку с ними А. Эрну и А. Мейе полагают «наиболее соблазнительным» видеть в *firmus* точное соответствие к др.-инд. *dharma* (аномальный корневой вокализм *firmus*, где по латинским надписям к тому же окказионально прослеживается долгота, однако без романских подтверждений, они оправдывают ссылками на итальяйские диалектизмы вроде *stircus* или *Mircurios*) (Ernout-Meillet 1979: 237)⁹. Для *fōrma* же они не видят твердой этимологии, однако, как и Вальде-Хофман, уделяют много внимания его созвучию с греч. μορφή. При этом возникают существенные трудности в плане консонантизма. Ибо в латыни при сопоставлении *fōrma* с μορφή приходится предполагать не обычную диссимиляцию *m-m > f-m*, как в соответствиях греч. μόρμηξ : лат. *formica* или греч. μόρμοι ‘пустые страхи’ (Hes.): лат. *formido*, а какую-то беспрецедентную метатезу. Поэтому Э. Бенвенист, на которого ссылаются Эрну и Мейе, предложил им для *fōrma* ничем не подтверждаемый промежуточный прототип вроде *mōrma. Естественно, что при этом французскими авторами на сцену вызываются в качестве посредников между греческим и латынью «загадочные этруски», как бывает почти всегда, когда этимологам надо на кого-то списать неясные для них элементы в латинском (Ernout-Meillet 1979: 247). В результате, слово *forma* не учитывается вообще в крупнейших индоевропейских этимологических словарях прошлого века – в доработанном и переизданном Ю. Покорным словаре Вальде, и далее, в словаре самого Покорного.

На этом фоне очевидна смелость В. Н. Топорова, который – в комментариях к труду Ф. И. Щербатского о слове *dhárma* – в числе иных индоевропейских продолжений основы **dher-m-* помянул, наряду с лат. *firmus* и *firmare*, лит. *dermė* ‘гармония, согласие, союз’, также и лат. *fōrma* – последнее, правда, под вопросом («может быть») и без разъяснений семантического аспекта (Топоров 1988: 367).

На деле же лат. *fōrma* и др.-инд. *dharma* представляют соответствие поразительное, если принимать в расчет все семантическое

⁹ Впрочем, другие ученые видят в этих случаях лишь оригинальное диалектное развитие гласного перед *-rc-*, как в оск. *amiricatud* ‘посредством торгов’ (= лат. *immercato) (Тронский 2001: 83). В таком случае вокализма лат. *firmus* эти факты объяснять никак не могут. Он также остается загадкой и при попытках возвести *firmus* к **dhrg’h-mo-* как будто бы точное соответствие лит. *diržmas* ‘крепкий’ (Walde-Pokorny 1930: 859).

поле латинского слова в целом (как это поле описано и документировано в «Тезаурусе латинского языка» (ThLL 1912–1926: 1065–1087), а не ограничиваться тривиальными значениями «внешнего облика», «красоты» и т. п. Впрочем, даже в это употребление слова комментариий грамматиков вносят важные утизирующие нюансы, – вспомним различение *fōrma* и *vultus* ‘обличье’ у Доната (Ter. Andr. 119: *forma immobilis est et naturalis, vultus et movetur et fingitur* ‘образ (*forma*) неизменен и дан от природы, обличье изменчиво и может измышляться’), и особенно определение Нония – *formam integritatem speciei esse* т. е. ‘форма есть целостность образа’ или ‘форма есть образ как целостность’ – как бы возрождающее этимологический смысл ‘держания – сведения воедино материи, признаков или элементов’ (цит. по: ThLL 1912–1926: 1065). Он же, этот базисный смысл «держания», более чем нагляден в таких конкретных употреблениях слова как «рама для картины» (см. Vitruv. 28, 9 *e...parietibus...picturae excisae...inclusae sunt in ligneis formis* ‘на стенах...вырезанные картины...заключены в деревянные рамы’) или ‘водопровод’, ‘искусственное русло’ (Ulp. dig. 30, 39, 5 *aquae forma* ‘форма воды’, то есть ‘водопровод’; CIL VI, 1258 *aquas...nova forma reducendas* ‘проведение заново воды посредством нового водопровода’; Frontin. aq. 75 *formas rivorum perforant* ‘пролагают русла каналов’; Pallad. 9, 11,1 *aqua ducitur aut forma structili aut plumbeis fistulis* ‘вода подводится либо при помощи сложенного из кирпичей водопровода или посредством свинцовых труб’; CIL VI, 31564 *formam aqu(ae) Virginis vetustate co(n)lapsam* ‘водопровод Девы, из-за древности разрушившийся’). Прослеживая по страницам «Тезауруса» приложение слова в сходном смысле к разнообразнейшим живым и неживым объектам вплоть до мироустройства в целом (Cic. nat. deor. II, 48: *innumerabilesque mundos alios aliarum esse formarum* ‘несчетны суть иные миры иных форм’), в том числе к рукотворным изделиям – произведениям искусства и т. п. – и к развертыванию различных дискурсов (*forma disciplinae, formae et genera dicendi* – ср. Cic. De orat. III, 141; Tac. Dial. 18 и др.), мы, в конце концов, выходим на те значения, которые имеют первостепенную важность для внешнего этимологического сравнения.

Это, во-первых, семантика «способа, коим совершается некое дело или осуществляется какое-то явление» (ThLL 1912–1926: 1076: *modus et ratio qua res aliqua agitur* – Cic. Mil. 1 *haec novi iudicii nova forma* ‘этот новый способ нового судопроизводства’), в том числе применительно к строю государства, к статусу и укладу отдельных его частей: провинций, префектур, городских общин и т. д. – см. столь частые у Цицерона сочетания *forma rei publicae, formae rerum*

publicarum (Rep. 1, 53; Tusc. II, 36; Ad Brut. I, 15 и др.) или конструкции у других авторов типа Tac. Hist. IV, 39: *rediit urbi sua forma legesque* ‘возвращены городу уклад (форма) его и законы’; Vel. II, 44: *Capua in formam praefecturae redacta* ‘Капуя, низведенная до статуса префектуры’; Liv. Perioch. 45: *Macedonia in provinciae formam redacta* ‘Македония низведена до статуса провинции’. Понятно, как у такого слова развиваются производные значения «правило», «норма, закон», «предписание» (ThLL 1912–1926: 1085), ср. Sen. epist. 8, 5: *hanc sanam ac salubrem formam vitae tenete* ‘следуйте этому...здоровому и спасительному укладу жизни’; Quint. Decl. 264: *certa forma ad quam viveremus instituta* ‘установлен определенный закон, чтобы мы жили соответственно с ним’; Colum. II, 2, 21: *formam hujus operis comscribere, quam velut sectam legemque...sequantur agricolae* ‘описать правила этого дела [вспашки земли], чтобы им как закону и указанию следовали земледельцы’. Эти смыслы еще более конкретизируются и «опредмечиваются» в поздней латыни, где слово *fōrma* может обозначать указ императора, магистратов и т. д., каковым устанавливается определенный правопорядок (см.: Fronto I, 6, 3: *si hoc decretum...tibi placuerit, formam dederis...magistratibus, quid in eiusmodi causis decernant* ‘если это постановление ...тебе понравится, дай указание (=образец) магистратам, что постановлять в подобных случаях’).

Во-вторых, и это не менее важно, *формой* может именоваться «представление о некоем предмете, охватывающее все то, что оному свойственно» (ThLL 1912–1926: 1077: *notitia alicuius rei qua omnia quae eius propria sunt, comprehenditur*) – скажем, когда Цицерон говорит *ut ad officii formam revertamur* ‘если мы обратимся к представлению о долге (= к идее долга)’ (De off. 1, 103); или указывает на то, как *in omni re difficillimum est formam...exponere optimi* ‘во всяком деле труднее всего – выразить представление о наилучшем’ (Orat. 36); или, вспоминая о Катоне Старшем, характеризует его речи как несущие *formam quondam ingenii sed admodum inpolitam et plane rudem* ‘некий образ дарования, но весьма необработанный и поистине грубый’ (Brut. 294). При этом в переложениях Платона *forma* естественно применяется как эквивалент платоновской «идеи» (Cic. orat. 10 *has rerum formas appellat* ἰδέας ‘нарекает эти образы вещей *идеями*’). Данный участок смыслового поля прямо стыкуется с предыдущим, отмеченным семантикой «нормы, закона и т. д.», когда слово обретает смысл «образца, по которому строится некий объект или деятельность», «объекта подражания», см. Val. Max. 8, 15, 6 *magistratibus exemplum atque formam officii Scaevolam* ‘Сцеволу как пример магистратам и образец исполнения долга’; Cic. Att. 1, 19: *nostrae quidem rationis et vitae quasi quondam*

formam...vides ‘ты видишь как бы некий образец нашего строя мыслей и нашей жизни’. Такое употребление оказалось подхвачено также и христианской латынью (Vulg. II Thess. 3, 9 *ut nosmet ipsos formam [= τύπον] vobis daremus ad imitandum* ‘чтобы себя самих дать вам в образец для подражания’).

Реализуя семантику словопонятия *forma* как «программируемого действия», христианские авторы не устают повторять, что Христос «поставив самого себя в образец деяния и суждения» (Hil., in Math. 12, 24 – *formam se ipsum agendi sentiendique constituens*), «сотворил образ уничтожения» (Optat. 5, 3 – *fecerat formam humilitatis*), «обещая в будущем явить образец правосудия» (Zacch. I, 21, – *formam iustitiae praebiturus*), – и вообще, «дал своим образец» (Tert. *Idol.* 18 – *dedit formam suis*) (обзор см.: ThLL 1912–1926: 1085).

Вот эти значения «образа действия», «образа жизни», «нормы, долга, закона», «совокупности сущностно значимых атрибутов», «образца», отмечаемые у лат. *forma*, как раз и открывают путь к его прямому сопоставлению с др.-инд. *dharman*, *dharma* в тех же или близких смыслах «долга», «закона», «обряда», «атрибута», «качества, раскрывающего сущность». Семантика как латинского, так и древнеиндийского терминов, похоже, опирается на одну и ту же внутреннюю форму, каковой выступает «устойчивая конфигурация элементов, признаков либо актов, создающих интегративный образ предмета или явления, обнаруживающих его природу и его назначение». Отсюда то развитие, при котором и *forma*, и *dharma* могут выражать идею «надлежащего качества и строя жизни», «истинного существования» (см. в «Брихадараньяке Упанишаде», разделе «Мадху» 1, 4, 14 о тождестве *дхармы* и *истины*, *satya*). Древняя внутренняя форма, похоже, проступает уже в ряде ведийских контекстов. Например, когда в «Ригведе» (II, 13, 7) Индра «цветущие и плодоносящие (деревья) и реки распределил (*vy... adharayaḥ*) согласно с *дхармой* (*dhármaṇādhī*)», то в этом пассаже (обыгрывающем связь *dharman* и *dhar-* ‘держат’, здесь – ‘держат врозь, распределять’, *vidhar-*) речь идет либо о должном строе миропорядка, его идеальной *форме* либо об идеях-формах самих явлений, о комплексах их качеств, определяющих их распределение богом. Когда же (IV, 53, 3) бог солнца испускает на всю вселенную крик *svayā dhármane* ‘ради своей *дхармы*’, последняя есть не что иное, как те свойства сущности бога, которые определяют его мировое проявление – его *форму* в широком смысле слова. В гимне V, 81, 4, где тот же бог «по (своим) *дхармам* выступает Митрой» (*mitró bhavasi deva dhármabhiḥ*), в виду имеется способность божества в частных своих проявлениях-качествах совпадать с иным божеством, для природы которого они наиболее обычны, так что

оно, это божество, оказывается как бы *формой* репрезентации восхваляемого бога.

Между латынью и санскритом в употреблении данных слов немало перекличек, частично отражающих общее наследие, частично же – гомотопию развития. Индийская мировая *дхарма* перекликается с латинской *формой* миропорядка (см. выше у Цицерона). Латинское понятие о *форме* государства, города, провинции и т.д. вызывает в памяти слова Артхашастры (III,7) о *дхарме* областей, каст, объединений и деревень, выражающейся в присущем им порядке наследования (*deçasya jātvyāḥ samghasya dharmo grāmasya vāpiyaḥ ucitas tasya tenaiva dāyadharmam prakalpayet*), а заодно и указание «Законов Ману» (I, 118) на «вечную дхарму страны, дхармы каст, сект и профессиональных сообществ» (*deçadharmāñ jātīdharmāñ kuladharmāmṛṣṣa çāçvatān pāṣaṇḍaganadharmāmṛṣṣa*). В латыни *форма*, а в древнеиндийском *дхарма* каждого сообщества раскрывается через его нормативный порядок жизни. И даже *форма* в смысле «творящего правопорядок указа правителя» находит параллель в индийском представлении о царе-насадителе и владыке *дхармы* (законного порядка, благочестия и благонравия), выразившемся, пожалуй, наиболее рельефно в надписях Ашоки – этих манифестациях и декларациях государственной *дхармы*.

В некоторых случаях дискурсы с участием др.-инд. *dharma(n)* и лат. *forma* обнаруживают тяготение к цельноформульному параллелизму. Любопытны случаи сочетания лат. *forma* с глаголом *videre* в смысле морально обязующего познания человеческих качеств и норм (Cic. off. III, 81: *excute intelligentiam tuam ut videas quae sit in ea species, forma et notio viri boni* ‘поройся в разуме своем, чтобы увидать, каковы в нем образ, *форма* и идея доблестного мужа’), напоминающие о таком древнеиндийском композите как *dharma-vid* ‘знающий закон’, ‘ведающий обязанность’. Ведийский оборот *divó dhárman* ‘дхарма (= держание) неба’, относимый в RV V, 15,2 к мифическим «пребывающим в основании (неба) мужам, нерожденным вместе с рожденными» (*dharúṇe sedúṣo nṛñ jātair ajātām*), приводит на память латинское словосочетание *caeli forma* (ср. Cic. Tusc. I, 68 *nocturnam...caeli formam undique sideribus ornatam* ‘ночной образ неба, отовсюду украшенный звездами’) и далее употребление *caeli forma* или просто *forma* в астрологических текстах со значением «сочетание светил в тот или иной судьбоносный момент» (Manil. I, 60; 3, 178 и др.; см. цитаты в ThLL 1912–1926: 1071). Не исключено, что др.-инд. *divo dharmān* и лат. *caeli forma* могли бы восходить к общему прототипу в индоевропейском поэтическом языке, обозначающему совокупность астральных «обитателей» и «держателей» неба.

Конечно, *доминанты* семантических полей лат. *forma* и др.-инд. *dharma* существенно различны. В латинском поле исключительно сильна семема «зрительного восприятия, созерцания» внешних образов и конфигураций. В древнеиндийском же – преобладает мотив «программности», «санкционированности» неких действий, подсказываемых дхармой. Эта доминанта, кстати, по-разному проявляется в употреблении термина *дхарма* религиозными учениями и философскими школами Индии: будь то учение мимансы о дхарме как призыве к должному (ритуальному) действию, понимание дхармы в джайнизме как условия всякого действия и адхармы как условия покоя, или буддистская доктрина дхарм – «тонких, конечных, далее недоступных анализу элементов материи, духа и сил» (Щербатской, 1988: 165), которые способны, возбудившись, воспроизводиться в жизненном потоке в порядке проявления закона кармы. Семема «программируемого действия», центральная в поле *дхармы*, занимает в поле латинской *формы* ограниченное место, хотя, как видно, отнюдь ему не чужда и, более того, по показаниям ThLL, особенно активизируется в латыни поздней, включая христианскую¹⁰.

В фонологическом плане не видно препятствий к предлагаемому сближению. Во всяком случае, таким препятствием не может быть долгота корневого гласного в лат. *fōrma*, противоречащая – как и спорадическое удлинение в *firmus* – т. н. «закону Остгофа» (о сокращении долгих гласных перед сочетанием «плавный + любой согласный») и потому иногда трактуемая в качестве вторичного, позднейшего явления (Тронский 2001: 191–192). Но небольшого комментария она, однако же, заслуживает. Несомненно, что некоторым древнеиндийским производным от **dher-* соответствуют в италийских языках сходные образования от того же корня, но с ларингальным расширением. Ср. др.-инд. *dhṛti-* ‘стойкость’: умбр. *frite* (абл.) ‘верностью’ (обозначение некоего атрибута, которым заклинаются разнообразные божества в молениях Игувинских таблиц) < **dhr-eH₁-ti-*; др.-инд. *dhṛta-* ‘верный’ в композитах вроде *dhṛta-vrata-* ‘верный обету’: лат. *frētus* ‘уверенный’ < **dhr-eH₁-to-* (в италийском известны, хотя и редки случаи полной ступени основы, кончающейся на ларингал, перед суффиксами *-to-*, *-no-*, как например, в лат. *fātum* ‘предсказание, судьба’ при греч. θεῶν-фатов

¹⁰ Если бы какой-нибудь знаток санскрита возжелал переложить на него рассуждения раннехристианских латинских писателей о Христе, который являет и дает своим последователям *formam* (= *formam agendi sentiendique*), возможно, такой переводчик не подыскал бы лучшего эквивалента для этого латинского словопонятия, чем *dharma*.

‘оракул’, или в лат. *plēnus* ‘полный’, при др.-инд. *pūrṇah* то же). Между тем, странный вокализм лат. *firmus* едва ли не лучше всего объясняется на правах «италицизма» из **fērmos*, с таким же развитием *ē > ī*, как во *frite*, и с тенденцией к сокращению долгого гласного по «закону Остгофа». Хочется спросить: не может ли эта долгота корневых гласных в **fērmos*, *fōrma* представлять след того же старого ларингального расширения (**dher-H-(C)-l *dhor-H-(C)-*), что налицо во *frētus* и умбр. *frite*, которые соотносятся огласовкой с первыми двумя формами, как Бенвенистовы «основы 2» с «основами 1»? В любом случае лат. *forma*, будь оно продолжением **dhor-H₁-meH₂* или **dhor-meH₂*, вправе рассматриваться в качестве образования, вполне параллельного к **dhor-meni*/**dhor-mole-*, отразившемся в др.-инд. *dharmant/dharma*.

Но важно не только само по себе соответствие терминов с ценностно нагруженной мировоззренческой семантикой на западной и восточной периферии индоевропейского ареала, поддерживаемое также и лит. *dermė* ‘гармония, согласие’ (<**dherm-yeH₂*), *dermūs* ‘гармоничный’, ‘согласованный’, *dėramas* ‘подходящий, годный’ с тем же базисным призначением ‘устойчивой конфигурации, согласованного сочетания элементов’ (ср. примечательную смысловую конверсию в лит. *derėti* ‘подходить, быть годным’ <**dher-* ‘держат, крепить’)¹¹. Не менее, если не более важно то, что в случаях с *дхармой* и *формой* мы касаемся терминов, обретших исключительное значение в интеллектуальном аппарате двух великих индоевропейских цивилизаций, поднявшихся в противоположащих концах Евразии. Это тот случай, когда этимологическое родство заключает в себе перспективу обширного сравнительно-культурологического исследования. С учетом др.-инд. *dharma* несколько иначе воспринимаются слова Цицерона о *форме* государства, *форме*

¹¹ Этимологическая структура лат. *forma* и др.-инд. *dharma* заставляет вспомнить давнее, предложенное еще А. Фиком и детально разработанное Г. Остгофом объяснение греч. *μορφή* через глагол *μάρπτω* ‘схватывать’ с толкованием *μορφή* как аналога к нем. *Fassung* (Fick 1872: 171–173; Osthoff 1899: 137–139). При этом позднелатинские (гесиодовские) формы вроде *μεμάρτεν*, *μεμάρτεως* (Hes.Sc. 245; Op. 204) Остгоф склонен был расценивать как результат скрещения основ *μάρπτω* < **μάρφω* и темного по происхождению, но близкого по смыслу глагола *μάπλω* (см. Hes. Sc. 231, 252 – *μαπέειν*, *μεμάλοειν*). Но в XX в. *μορφή* обычно включали в одно гнездо с греч. *μόρφος* ‘темный, темноперый (о птицах)’, *ἄμορφός* ‘темный’, лит. *mārgas* ‘пестрый, рябой’ – то есть, связывая этимологический смысл *μορφή* исключительно со зрительным (изначально контрастивно-цветовым) восприятием (Boisacq 1923: 645; Pokorny 1959: 733–734; Frisk 1970: 258).

всего наилучшего, *форме* доблестного мужа и т. д. – или мысль Квинтилиана о некой «*форме*, установленной, чтобы жить сообразно с нею». Но, с другой стороны, учет лат. *forma* вносит важные нюансы в понимание многих древнеиндийских контекстов, в частности таких, где *дхарма* мыслится как проявление некой сущности. Знаменитое место из «Веданта-сутры» (1, 1, 20–21) о соотношении между трансцендентным Брахманом и Внутренним Правителем, живущим в Солнце и в зрачке человека *antastad-dharmopadeṣāt bhedavyaparadeṣāccānyaḥ* ‘Внутренний (Правитель), согласно учению, – его (Брахмана) дхарма, но, по указанию на различие, есть и иной (Брахман)’ – может быть осмыслено в духе трактовки Внутреннего Правителя как космической формы-проявления Брахмана-Абсолюта¹².

Везде, где индийская *дхарма* сохраняет смысл «образа», «строю», «порядка-конфигурации», «сущностно значимого качества», «свойства» и т. п., европейская *форма* оказывается законным комментарием к «дхарме». Но везде, где европейская *форма* несет в культурной истории Запада коннотации долженствования, обязательности, – индийская *дхарма* предстает комментарием к «форме».

3. Дело о Пренестинской фибуле: к оценке аргументов

Данный этюд я представил в первом варианте на чтениях памяти И. М. Тронского в 2003 г. – видя в них достойный повод обсудить проблематику Пренестинской фибулы. В своих трудах по истории латыни Тронский постоянно обращался к надписи на фибуле *Manios: med: fhe :fhaked: (= vhe :vhaked): Numasioi* ‘Маний меня сделал для Нумасия’ (или ‘Маний меня посвятил Нумасию’ (Colonna 1979: 163–164)), как к древнейшему памятнику этого языка

¹² Ф. И. Щербатской, характеризую буддистские дхармы как «элементы бытия... моментальные проявления, моментальные вспышки в феноменальном мире из неведомого источника», вслед за тем отмечал, что «единица изменения именуется термином *dharmā*, как в йоге, так и в буддизме». Он добавляет, что и в учении санхьи «также изменение проявления называлось изменением *dharmā*; но в брахманской системе совершенно естественно употреблять этот термин, ибо старое и обычное его значение – «качество» и, с точки зрения санхьи, изменяющиеся проявления – это принадлежность некоторого всепроникающего вещества». Причем, по словам этого авторитета, «проявление (*dharmā*) и проявляемое (*dharmīn*) совершенно одно и то же; проявление представляет лишь путь, на котором проявляется проявляемое» (Щербатской 1988: 141, 147). Но суммарное качество, в котором и через которое проявляется некая сущность, – не предельно ли это близко к тому, что в Европе с античности привычно понимать под «формой»?

(VII в. до н. э.), иллюстрировал динамику латинской фонетики и морфологии сопоставлением форм из «надписи Манья» с позднейшими. Можно было лишь пожалеть, что ученый не дожил до начала 1980-х гг., когда статус самой фибулы и текста на ней стал предметом бурного спора среди антиковедов и лингвистов после выхода работ А. Гордона и особенно М. Гвардуччи (Gordon 1975; Guarducci 1980; Guarducci 1984; Guarducci 1987; Guarducci 1991). Я обсуждал в докладе скандальную ситуацию, которая создавалась вокруг Пренестинской фибулы в академическом сообществе на рубеже XX–XXI вв. Однако в 2004 г. в итальянском журнале «Дайдалос» появилась очень важная статья М. Манчини, постаравшегося суммировать те имманентные языковые и эпиграфические особенности, которые будто бы сами по себе, независимо от ситуации исторического скандала, дискредитируют надпись на фибуле в качестве подлинно древнелатинского текста (сердечно благодарю коллегу А. Кейдана, ознакомившего меня с текстом Манчини). Эта статья побудила меня дополнить доклад при подготовке его к печати второй – так сказать, «манчиниевской» (или «антиманчиниевской») – частью.

I

Труды Гордона и Гвардуччи дотошно воссоздают перед нами судьбу фибулы в XIX – начале XX вв.:

- ее первую презентацию в январе 1887 г. видным археологом В. Гельбигом, вторым секретарем Немецкого археологического института в Риме, на заседаниях сперва этого Института (7.1), а затем Академии Деи Линчеи (16.1) в качестве изделия, будто бы найденного в 1871 г. в некоем пренестинском погребении по соседству с гробницей Бернардини;
- посвященные фибуле сообщения в том же 1887 г. Гельбига и видного филолога-классика Ф. Дюммлера в «Wochenschrift für klassische Philologie», также в «Mitteilungen» Немецкого археологического института в Риме и в «Rendiconti» Академии Деи Линчеи;
- передачу ее 30 июня 1889 г. в Музей Вилла Джулия как дара от близкого знакомого Гельбига – коллекционера и торговца антиквариатом Ф. Мартинетти;
- ее присоединение в 1901 г. к экспозиции находок из гробницы Бернардини в Музее доистории и этнографии (совр. Музей Пигорини); поводом для этого перемещения фибулы послужило адресованное основателю Музея доистории и этнографии Л. Пигорини письмо от сотрудника Гельбига Дж. Каро, где, со слов уже умершего в 1895 г. Мартинетти; сообщалось, что прослав-

- ленный артефакт на деле происходил из самой гробницы Бернардини и был оттуда украден во время проводившихся с 1876 г. раскопок;
- кривотолки и легенды, окружавшие фибулу в итальянской научной среде на протяжении XX в.;
  - ряд выступлений антиковеда Дж. Пинцы, начавшего с простых сомнений в подлинности вещи (1900-е гг.) и кончившего заявлениями в 1920–30-х гг. , со ссылками на покойного к тому времени ювелира А.Кастеллани, якобы фибула была изготовлена неким золотых дел мастером по образцам из гробницы Бернардини, а надпись процарапана под диктовку каких-то «ученых иностранцев» (*dotti strangieri*);
  - колебания прославленного лингвиста В. Пизани, в 1920-х общавшегося с Пинцей, а затем в разные годы высказывавшего о самой фибуле и о надписи взаимоисключающие суждения (отсюда видно, что Пинца не сообщил своему собеседнику ничего конкретного, однако сумел взбудоражить душу молодого лингвиста);
  - наконец, отделение фибулы в 1960 г. от вещей из гробницы Бернардини, когда они перешли в Музей Вилла Джулия, а фибула была оставлена в Музее Пигорини

Включившись в эту историю, Гвардуччи придала дотоле сугубо академической проблеме Пренестинской застёжки ярко детективную окраску. Она указала на ряд фальшивых антиков, поступивших в конце XIX в. в европейские собрания из магазина Мартинетти при экспертной поддержке Гельбига (цисты с поддельными изображениями, проданные в копенгагенскую глиптотеку псевдоантичные статуи «Диадумена» и «Атлета»); на участие Гельбига и Мартинетти в реализации знаменитой подделки – т. н. «Бостонского трона» и т. д. Надо сказать, после фактов, подобранных итальянской исследовательницей (так бы и хотелось написать «расследовательницей»), спорить, защищая доброе имя Гельбига, непросто, да и неохота: кажется, его человеческую репутацию можно было бы восстановить лишь сугубо неприемлемой ценою – научно дисквалифицировав как одураченного простака блистательного автора «Гомеровского эпоса в свете памятников» и «Путеводителя по публичным собраниям классических древностей в Риме». С другой стороны, следует постоянно помнить, что к делу о фибуле все это имеет лишь косвенное касательство, как и нагнетаемые Гвардуччи рассказы об алчности Мартинетти, о найденных в его доме в 1930-х, через 40 лет после его смерти, тайниках, хранивших, помимо больших денежных сумм, массу античных изделий – гемм и т. д.

Главное – при всем этом остается абсолютно непонятно, какие мотивы для изготовления из золота фальшивой фибулы ради ее щедрой передачи в дар музею могли быть даже не у Гельбига (ему-то Гвардуччи приписывает намерение свысока подшутить над обманутым научным сообществом), а у выставляемого его поделщиком «жадины» Мартинетти.

«Ударный» раздел первой, самой обширной и нашумевшей публикации Гвардуччи, содержал результаты многообразных экспертиз, проделанных по инициативе автора в конце 1970-х, из которых по-настоящему значимой для обсуждаемого вопроса оказалась лишь одна: скрупулезный микроструктурный анализ фибулы, выполненный геологом Г. Девото, обнаружил полное отсутствие у ее золота тех изменений, которые неизбежно возникают при длительном пребывании в земле – зернистости, ломкости, минеральных вкраплений. Вместо этого выявились следы обработки явно недревнего изделия каким-то наводящим патину коррозийным веществом, причем обработки, проводившейся, по Девото, в два захода – сперва до, а затем после процарапывания надписи (Guarducci 1980: 546–554)¹³. На фоне этих наблюдений, производящих сильное впечатление, несколько легковесными выглядели попытки Гвардуччи методами графологической экспертизы прямиком обосновать тождество некоторых начертаний на фибуле с немецким курсивом XIX в., а особенно с прорисовками античных надписей рукой Гельбига (Guarducci 1980: 534–535). Эти попытки, к которым я еще вернусь, получили поддержку эксперта-графолога Н. Палаферри (Guarducci 1984: 128–130), однако кое-кто из рецензентов отмечал, что буквы с фибулы в книге Гвардуччи приводятся нарочито стилизованными под немецкий курсив, существенно отличаясь от оригинала (Krummrey 1982: 585). Казалось бы, данная идея шла вразрез с муссируемым Гвардуччи пресловутым «свидетельством» Кастеллани, который вменял «ученым иностранцам» лишь надиктовку текста процарапанному его резчику. Однако эта Эвменида Гельбига и его приятеля-антиквара нашла выход из положения, заявив, что сам Гельбиг мог начертать

---

¹³ Что касается художественной стилистики фибулы, вывод привлеченных в эксперты специалистов по подобным изделиям Ф. Ла Скиава и Л. Каррачини, гласил: «фибула Мартинетти» не является копией ни с одной из известных античных застёжек, однако же практически все особенности ее оформления находят параллели и аналоги в декоре иных фибул эпохи этрусско-италийской архаики. Для Гвардуччи, понятное дело, такое суждение – лишний повод высказаться о злосчастном изделии как о результате компоновки из деталей, надерганных оттуда и отсюда (Guarducci 1980: 469, 558–561).

для Мартинетти прообраз надписи, а тот – перерисовать ее на фибулу (Guarducci 1980: 534).

Публикации Гвардуччи заразили массу лингвистов и антиковедов (среди них и А. Гордона, чей голос звучал до того более сдержано (но ср. Gordon 1982), негативно-ироническим отношением к «оскандалившейся» фибуле. Это отношение очень хлестко выразил А. Просдочими в заглавии своего выступления “*Helbig med fefaked?*” (см. ссылку Mancini 2004: 3–4), обыграв переключку экзотической для латыни формы из «надписи Мания» с англ. *fake* ‘подделка’. Среди хора, ставившего в 1980-х крест на фибуле и на «надписи Мания» как на латинских памятниках (см. подборку аннотаций (Guarducci 1984: 170–174)), контрастно выделились позиции Дж. Колонны, оставшегося при своем старом мнении о подлинности надписи (Guarducci 1984: 172), а также немцев Г. Радке и Ф. Виакера, которые в чаянии будущей повторной экспертизы **изделия**, сосредоточились на **тексте**. Точнее – на его особенностях, необъяснимых, по мнению этих ученых, в случае признания фальсификации 1887 г. или более ранней, – особенностей, вовсе не предусматривавшихся компетенцией тогдашней науки, но явившихся для нее с обнаружением фибулы подлинными открытиями – и в двух-трех случаях, открытиями довольно существенными (Radke 1984; Wieacker 1984).

До появления разоблачений Гвардуччи текст на фибуле использовался историками латыни как совокупность свидетельств эпиграфических (диграф <vh> для передачи звука [f]); интерпункция, отделяющая перфектное удвоение от корня; сочетание разных знаков – троеточия и двоеточия – для выделения различных языковых единиц); фонетических (отсутствие ротаизма и редукции гласных); морфологических (номинатив и датив тематических основ ед. числа на *-os, -oi*); латино-фалисский аккузатив местоимения 1-го лица ед. числа *med*; глагольное окончание 3-го лица ед. числа *-d* < и.-е. **-t*, перфектная редупликация основы *fac-* < и.-е. **dheH₁-*, как в оск. *fefacid, fefacust* из *Tabula Vantina* (Ve 2, стк. 10, 11, 17) при лат. *feci*, арх. *feced*, арх. пренест. *fecid* (в надписи Ve 367a конца IV в. до н. э. – Wachter 1987: 124). Гвардуччи была безоговорочно убеждена, что эти характеристики надписи в основном извлечены фальсификатором из найденной в 1880 г. «надписи Дуэноса» и из известной с конца XVIII в. *Tabula Vantina* при небольших почерпаниях в иных источниках (трудах грамматиков и т. д.). Фантазия ее простиралась до утверждения, якобы имя *Manios* с «фибулы Мартинетти», родственное лат. *mane* ‘доброе (утро)’, представляет попросту перевод *duenos* (> *bonus*) ‘благой’ (Guarducci 1980: 452–453).

В своей попытке отпovedи Радке и Виакер выделяли, как минимум, четыре детали, которые не могли быть перенесены в надпись из известных к 1886 г. источников: это 1) написание [f] через <vh>: оно встречается у этрусков и венетов, но значение его было впервые установлено В. Дееке после находки Пренестинской фибулы в его книге 1888 г. «Фалиски», а затем подкреплено Э. Латтесом и К. Паули, причем всеми тремя – со ссылкой на глагольную форму из «надписи Мания» как на важнейшее и неожиданное показание, раскрывшее чтение дотоле загадочного диграфа (Deecke 1888: 276; Pauli 1891: 99)¹⁴; 2) сама по себе совершенная форма *fefaced* как явление латинского языка; 3) отделение слога-редупликанта троеточием, переключаящееся с фалиским написанием *pe:para[i...]* ‘я родила’ (?) в надписи из Чивита Кастеллана (Ve241) (об этом аргументе подробнее см. ниже); 4) форма имени *Numasioi*, якобы, прообраз лат. *Numerios*, выделяющаяся среди иных, этрусских и италийских, образований от того же корня: этр. *Numesie* (Тарквинии, ок. 700 г. до н. э.), *Numisie* (Капуя, конец VI в. до н. э.), новоэтр. *Numsie*, *Numesi*, итал. *Numesios*, *Numisius*, *Nium(p)sis* и т. д. – см. детальный их очерк и анализ (De Simone 1991). Однако провозглашая все эти явления приметам подлинности надписи, Радке и Виакер почему-то вовсе не обсуждали шансов на *изобретение* каких-то из них фальсификатором-виртуозом, чуть-чуть игриво перешагивающим современные ему пределы научных знаний. А ведь следовало признать, что такая возможность сохраняется для всех случаев, где оригинальные показания фибулы не были поддержаны последующими – так сказать, «контрольными» – открытиями в италистике. Для скептиков, огульно видящих в фибуле и ее тексте сплошную опозоренную подделку, все моменты в надписи, откуда-нибудь известные до 1887 г., – скорее всего, оттуда же в нее и перенесены, ну а те, которые и после того года не подтвердились, – представляют просто выдумки поддельщика. И спорить с такой позицией, что называется, «в лоб» – очень трудно. Бессмысленно ссылаться на заведомо подлинные старые надписи, которые не устояли бы против таких атак: к начертаниям на заподозренной вещи – отношение, по праву, особенное, исходящее из презумции виновности.

Это в полной мере относится к упомянутому совершенному удвоению, не нашедшему до наших дней новых подтверждений для Лация. Что мешает, впрямь, видеть в нем изобретение, отпавляю-

---

¹⁴ Обзор истории этого маленького открытия со ссылками на недоступные нам статьи Латтеса см.: Gordon 1975: 52–53; там же – об установленном в 1930-х Е. Физель способе передачи фонемы [f] у этрусков «инвертированным» диграфом <hv>.

шееся от оскских прецедентов и эффектно вживленное в ряд других форм, сфабрикованных по античным показаниям? Сходный случай являет и форма *Numasioi*, тоже не подкрепленная ни одной другой находкой текстов с этим именем. Почему не счастье ее изобретением, опиравшимся на соотнесение *Numerius* с основной лат.-этр. *Numa*? Когда убежденный в аутентичности надписи К. де Симоне приводит имя пренестинского героя, установителя гаданий по священным жребиям и, может быть, изначально местного “Gentilgott” *Numerius Suffustus* или *Suffucius* (Cic. De div. II, 41) как свидетельство укорененности *Numasioi* в пренестинском контексте (de Simone 1991: 199)¹⁵ – для Гвардуччи здесь не более, чем невольная подсказка традиции, вероятно, ученная поддельщиком с классическим образованием (Guarducci 1980: 451, 461).

А вот с диграфом <vh> ситуация на порядок сложнее. Напрасно Гвардуччи пыталась отмахнуться от этой сложности, ссылаясь на изданную в начале 1880-х беотийскую надпись из Танагры с формой Ϝεκαδαϝε (Guarducci 1980: 457). Для этой последней позиции фонетический смысл Ϝ - написания вообще неясен – [wh-] или [hw-], в любом случае не [f]. Более тонкое допущение Р. Пфистера, якобы фальсификатор ориентировался на этрусскую капуанскую надпись *mi numisiies vhelmus (= Fhelmus)*, в которой *vhelmus* передает гентилиций *felmu* (Pfister 1983: 112) (эта надпись, впервые опубликованная в 1879 г., была затем в 1880 г. включена Дж. Гамуррини в приложение к «Корпусу италийских надписей» А. Фабретти – ThLE 1978: 260), споткнулось о все тот же факт, по праву акцентированный еще в 1975 г. Гордоном: до 1888 г. реальное значение *vh-* в этрусских надписях было неясно. Более того, конкретные написания *vhelmu* и *felmu*, как отмечает Виакер, отождествил лишь в начале 1890-х Паули, ориентируясь на использование <vh> в «надписи Мания» (Wiacker 1984: 382). А потому, если М. Лежен в конце 80-х уверенно заявлял насчет последней: “J’у crois a cause de *vh*” (Lejeune 1987: 286), то убежденному в подделке Э. Хэмпу ничего не оставалось, кроме как гадать, не мог ли Дееке поделиться с кем-нибудь своим открытием не меньше, чем за два года или больше до публикации «Фалисков» (Hampr 1981: 152–153). Есть еще вариант – предположить, что фальсификатор совершил этот интеллектуальный прорыв самостоятельно. В любом случае мы бы имели здесь фабрикацию, основанную на еще неопубликованном открытии, опередившую его появление в печати и потому ставшую в глазах

¹⁵ Ср. *Numisius Martius* в римской надписи как прозвище демона из Марсова круга (CIL I², 32), а также соображения Радке насчет возможности видеть в «надписи Мания» посвящение божеству (Radke 1981: 96).

современников его важнейшим обоснованием. С другой стороны, Радке и Виакер ссылаются на передачу латинского [v] через <F> в очень ранней пренестинской надписи на серебряном кубке VII в. до н. э., найденном в 1949 г. в той же гробнице Бернардینی (форма женского имени *Fetusia* = *Vetusia*, позд. *Veturia*) как на возможную структурную предпосылку для записи в тех же местах и в ту же эпоху латинского [f], глухого коррелята к [v] в виде <Fn>. Это очень интересный косвенный довод (Radke 1984: 60; Wieacker 1984: 387) Но окончательного вердикта и он предпринять не в силах.

Наконец, совершенно уникально значение интерпункции, используемой в надписи на фибуле. Гвардуччи пробовала объяснить внутрисловесное троеточие имитацией этрусских графических приемов (Guarducci 1980: 456–457). Но здесь совершенно необходимо учесть одно фундаментальное обстоятельство, которое, как ни странно, до сих пор не всплыло в перипетиях дела о Пренестинской фибуле – думается, исключительно потому, что *Rossica non leguntur*. Как этруски (с примыкающими к ним в этом отношении венетами), так и итальянцы спорадически применяют внутрисловесную интерпункцию при записи слов – но те и другие применяют ее для совершенно разных целей. У этрусков (и венетов) это средство обозначить отклонение слогов от стандартной структуры СГ – например, когда слог закрытый, или содержит дифтонг, вторая часть которого трактовалась этрусками как консонант, или если он состоит из одного гласного. Отсюда этрусские написания типа *i·tan·*, *athenei·*, *lav·tunui·* (Pfiffig 1969: 23 со ссылками на более ранние работы Э. Феттера и Ф. Слотти); о подобном же узусе у венетов см.: Pellegrini, Prosdocimi 1967, II: 23–27; Тронский 1953: 53–55. У итальянцев же, включая латинян, как ярко показала тридцать лет назад замечательный российский специалист по языкам этой семьи Б. Б. Ходорковская, интерпункция внутри слова при редких случаях «этрusco-венетского» употребления, чаще основывается на критерии совсем ином – морфологическом, а не фонетическом: она выделяет служебные морфемы, противопоставляя их корням: оск. *ana.faket* ‘он(а) посвятил(а)’ (Ve 190), *anter.statai* ‘стоящей посередине’ (Ve 147), *am.atens* ‘полюбовно решили’ (Ve 218), умбр. *anter.menzaru* ‘intercalarium’ (Tig IIa 16), *fer.tu* ‘ferro’ (Tig IIb 12), *purtu.vetu* ‘porricito’ (Tig IIb 17) и т. д. вплоть до позднейших написаний вроде *inter.essent*, *per.feci* в Monumentum Ancyratum (III, 3: IV, 14) (Ходорковская 1978: 361–366, там же о «комбинированном» использовании итальянцами и римлянами разных видов интерпункции для вычленения разных типов языковых единиц – что видим уже и в «надписи Манья»). По всем критериям написание *ϕhe:ϕhaked* с внутрисловесным троеточием после **откры-**

того слога-морфемы радикально противоречит этрусским нормам, но четко отвечает **нормам итальяским**, в конце XIX в. еще не осознанным лингвистической наукой. Неужели мы должны думать, что фальсификатор открыл и эти принципы, как и значение диграфа <vh>, и использовал свои открытия лишь для того, чтобы запустить начертание *vhe:vhaked* в научный обиход – или что он конструировал наобум и случайно «попал в яблочко» правил итальянского письма?

Но еще поразительнее было бы точное предвосхищение фальсификатором конкретного приложения в итальяском мире тех же принципов к перфектной редупликации. Я говорю об уже упоминавшейся старофалисской надписи на вазе, осколки которой были найдены в 1889 г. в Чивита Кастеллана. Начертания на этих осколках стали предметом лингвистического изучения с 1900-х (Thulin 1908; Vetter 1925), но лишь в 1936 г. ваза и надпись были вполне восстановлены в Музее Вилла Джулия. На этой вазе, поднесенной неким Правием своей подруге (*praviosurnam:sociaipordedkarai*), заключительная часть надписи, «говоря» от лица сосуда, гласит: *eqournela..telafitaidupes:arcentelomhuti[c]ilom:pe:para[i..]douiad*. В зависимости от понимания выражения *arcentelom huticilom* разные авторы тут видят сообщение либо о «литом (fusile) серебре», коим полна как бы «рожающая» его ваза (Knobloch 1958: 136; Pisani 1964: 348–349), либо о «серебряном сосуде» (*futis*), который должен быть приложен к глиняной вазе, «родиться» от нее – к чему и призывается в конце Правий (*douiad* ‘пусть даст!’) (Giacomelli 1963: 43; Giacomelli 1978: 526). У Хэмпа эта, казалось бы, точная графическая параллель между <pe:para[i]> и <vhe:vhaked> возбудила диковатую мысль, якобы осколки из Чивита Кастеллана могли быть открыты на деле не в 1889г., а еще до 1887 г. и как-то таинственно стали известны изготовителю фибулы Мартинетти, послужив одним из возбудителей его лингвистической фантазии (Hamp 1981: 153). Гвардуччи по этому поводу не нашла ничего лучше, чем сослаться на старые конъектуры Э. Перуцци, отвергавшего в *pe:para[i]* редупликацию и предлагавшего читать то ли **arcentelomhuti[c]ilom:pe:para[cce]douiad* ‘серебро вдвойне (якобы **pe* < *per*, а **par* в смысле “соррiа”) пусть придет (**accedouiad* от *accedo*)!’, либо даже...**pe:para[tece]douiad* ‘пусть быстро (**parate*) придет (**pe[r]...cedouiad*)! (Guarducci 1980: 454; Peruzzi 1964: 164–167). Однако построения Перуцци по отношению к надписи из Чивита Кастеллана откровенно провальны: для образований от и.-е. **doH₃*-варианты с w-расширением корня обычны (ср. лит. *dāvė* ‘он(а) дал(а), они дали’, лтш. *devu* ‘я дал’, лит. *dovanà* ‘дар’, лтш. *davana* ‘то же’, слав. **davati*, лат. *duim*, *duint* (архаический оптатив), умбр.

purdouito “porricito” (Тг VIa 56), хетт. *dumēni* ‘мы берем’ (Иванов 1981: 138), также греч. кипр. инфинитив *δοFέναι* (*to-we-na-i*), опта-тив *δουFάνοι* (*tu-wa-no-i*) (Masson 1961: 236–237, 420), но для конъюнктива основы, соответствующей лат. *cedo*, такое расширение непонятно и неправдоподобно¹⁶. Таким образом, отвести соответствие в передачах перфектных удвоений на фибуле и на фалисской вазе гвардуччианцам до начала XXI в. не удавалось без впадения в абсурд, при том, что не было никаких оснований думать, будто форма *pe:para[i]* могла чудесно открыться фальсификатору при изготовлении «надписи Манья». Оказывалось не так-то просто поверить в фальшивку, не только учитывающую еще не опубликованные открытия, но предваряющую будущие археологические находки!

II

Как уже сказано, начало нового века в деле о Пренестинской фибуле пока что отметилась большой статьей М. Манчини, который, в отличие от иных гвардуччианцев, попытался сойти с почвы азартного расписывания гельбиговских гешефтов и обосновать постулат фальсификации исключительно особенностями текста и дуктуса «надписи Манья».

Я привожу по порядку доводы Манчини и встречные соображения, вызываемые у меня этими доводами:

1. Сама по себе словоформа [fefaked] как явление италийское, – пишет Манчини, – была бы «вне дискуссий». Сегодня в параллель к ней можно поставить не только оскский конъюнктив перфекта *fefacid* и будущее II *fefacust* из Бантинской таблицы, но и оскское же будущее II *fifikus* (где *fifik-* < **fefēk-*) с полной ступенью корня из капуанской надписи Ve 6 рубежа IV–III вв. до н. э. в контексте...*svai tiium:idik fifikus*... ‘если ты это сделаешь’, а также «энотрскую» форму V в. до н. э. *fefiked*¹⁷. При всем том форма [fefaked], уверяет

¹⁶ Если уж дерзать на конъектуры, то, поскольку пробел между *pe:para[i]* и *douiad*, по оценкам Феттера и Джакомелли, охватывает один или, самое большее, два знака, здесь, здесь, на мой взгляд, допустимо предположить предлог *ad* – **[ad]douiad* ‘пусть прибавит!’, что отвечало бы гипотезе о серебряном сосуде, который следует за глиняным, или в нем заключен.

¹⁷ В статье Манчини не обошлось без библиографических курьезов: так, он приписывает А. Просдочими и А. Маринетти заслугу включения оск. *fifikus* в гнездо италийских рефлексов и.-е. **dheH₁-* (Prosdocimi – Marinetti 1994) и тут же упрекает М. Лежена за то, что тот в своей статье 1955 г. (Lejeune 1955) якобы зачислил в тот же ряд фалисскую основу *fifik-* (*fifiked*, *fifiqod*) на самом деле родственную лат. *fungo* < и.-е. **dheig’h-* (Mancini 2004: 7–8). Однако, именно Лежен в указанной статье 40-летней

он, мало вероятно именно как форма латинская, которая бы сосуществовала в архаическую эпоху с корневым аористом *feced* (пренест. *fecid*), точно соответствующим по образованию греч. $\xi\theta\eta\kappa\epsilon$. Как заявляет Манчини, ссылаясь на мнение Просдочими, в латыни [fefaked] не является индоевропейским наследием (это – так: др.-инд. *dadhau*, гот. *dedun*, др.-в.-нем. *tatum* образованы независимо и иначе, без *k*-расширения, а греч. $\tau\acute{\epsilon}\theta\eta\kappa\alpha$, новоаттич. $\tau\acute{\epsilon}\theta\epsilon\iota\kappa\alpha$ появляется как новообразование с IV в. до н. э. (Liddell-Scott 1940: 1790). Но [fefaked] вряд ли может быть и собственно латинской инновацией, поскольку перфект с удвоением – в латыни тип перфекта реликтовый, малопродуктивный и не способный к экспансии, в отличие от типа с долгим корневым [ē], распространяющегося на все новые виды основ (*capio: cēpi, ago: ēgi, venio: vēni*, см.: Бенвенист 1974: 141–144). Образование [fefaked] можно было бы объяснить как «осцизм» – то есть, как инновацию адстратного свойства, вызванную оскским присутствием в районе Пренесте. Но, – утверждает Манчини, цитируя М. Паллоттино, – оскско-сабельские элементы отмечаются археологами в этих краях с конца VI в. до н. э., а для культурного слоя, к которому принадлежит гробница Бернаддини с ее окружением (начало VII в.), при сильнейшем этрусском влиянии италийские мотивы практически незаметны. Выходит, что глагольная форма из «надписи Мания» необъяснима ни как индоевропейский архаизм, ни как местное латинское новшество, ни через влияние на латинян со стороны соседей-италийцев. Остается признать ее изобретением ученого фальшивщика (Mancini 2004: 5–11).

ОТВЕТ: Конечно же, перфект с удвоением и с нулевой ступенью корня [fefaked] не выглядит у данной основы таким же древним, как старый корневой аорист *fēced* (= греч. $\xi\theta\eta\kappa\epsilon$). Но ведь для массы языковых явлений характеристика их как архаизмов или новообразований всецело зависит от хронологической глубины реконструкции. На взгляд, скажем, Вяч. Вс. Иванова, соотносящего оба эти класса форм с хеттским вторым спряжением (спряжением на

давности впервые объединил *fifikus* с *fecid* и *fecacust* и там же твердо отделил фалисскую основу со значением «лепить» от этого гнезда продолжений **dheH₁-k-*. Кстати, там же Лежен свел в очень наглядную таблицу италийские варианты перфектной основы от корня **dheH₁-k-*:

Тип *faked:	умбр. будущее II	fakust, fakurent
Тип *fked:	лат. архаич. перфект	feced, пренест. fecid
Тип *fefaked:	оск. будущее II	fecacust,
	перфект конъюнктива	fecacid, пренест. перфект fefaced
Тип *fefked:	оск.	fifikus

-hi) как с древнейшей нашупываемой точкой отсчета (Иванов 1981: 139, 153) и лат. *feced*, и оск. *fefacid* равно инновационны.

Манчини не вдается в проблематику соотношения перфектов с удвоением и перфектов корневых от основы *fak-* на итальянской почве. А между тем ясно, что оск. *fifikus* обязано своей корневой долготью некоему незасвидетельствованному оскскому аналогу к лат. *feci* и что *fifikus* возникло на основе этого исконного корневого аориста с полной огласовкой точно так же, как греч. τέθηκα – на базе (ἐ)θηκα. Аналогичным образом параллелизм оск. *fefacust* и умбр. *fakust* побуждает думать, что леженовский тип **fefaked* возник из типа **faked*, который должен был быть известен не только умбрскому, но и оскскому. Иными словами, оскские перфекты с удвоением от *fak-* и *fēk-* возникали инновационно из перфектов корневых, сохраненных для нас умбрским языком и латынью. Если в оскско-умбрской ветви типы **fefaked* и **fefēked* сосуществовали по диалектам, да еще предполагая за собой более простые типы **faked* и **fēked*, – то непонятно, почему в латино-фалисской ветви дело не могло обстоять точно также и почему здесь появление в одном диалекте формы *feced* должно, по мнению Просдочими и Манчини, начисто исключать возможность в другом формы *fefaked*?

Далее. Манчини проходит мимо приводимой антигвардуччианцами (Radke 1984: 63; Wieacker 1984: 384) сикульской формы с сосуда из Террамара Граммикеле. В этой надписи значение одной буквы для согласного или сочетания согласных остается спорным. Так что У. Шмоль и А. Замбони читают указанную форму как δεδαξεδ и видят в ней своего рода скрещение типа оск. *fefacid*, лат.-пренест. [fefaked] и типа латинского будущего II *faxo*, конъюнктива перфекта *faxim* (Schmoll 1958: 37, 73; Zamboni 1978: 958, 987), а Радке транслитерирует ту же форму прямо как δεδακεδ, полагая в ней точный эквивалент к [fefaked] (Радке 1981: 94–95)¹⁸. Независимо от нашего отношения к глагольной редупликации в «надписи Мания», уже оскско-сикульского параллелизма было бы достаточно, чтобы расценить этот перфект от и.-е. **dheH₁-*, с удвоением, нулевой степенью корня и к-расширением, как «старую» общеталлийскую инновацию – инновацию на общеиндоевропейском фоне,

¹⁸ Варианты чтения этой надписи:

Шмоль: λτεςεο.ξυδαι δεδαξεδ αποτερομ

Замбони: Φολτεςεροξ ζυδαι δεδαξεδ αποτερομ

Радке: voltes [ ]kudai dedaked apot. erom>.

При всех разночтениях, смысл надписи прозрачен: «Некто Вольтес или Вольтескос, изготовил или посвятил сосуд Ксуде или [...]куде (человеку или божеству)». Общей италийской чертой выглядит отражение индоевропейского глагольного окончания **-t* как *-d*.

которая, однако же, предстает архаизмом и рудиментом для эпохи письменных памятников. Сохранение этого реликта в Пренесте лишь позволило бы достроить пралатинскую картину до общеиталийской, воссоздаваемой независимо от «надписи Мания» по осакским и сиккульскому показаниям. Используя форму [fefaked] как довод против аутентичности надписи на фибуле, Манчини исходит из такой схемы языковой эволюции, где понятию «общеиталийской инновации» попросту нет места, а существуют лишь праиндоевропейские архаизмы и новшества отдельных индоевропейских языков.

Лингвистическая схема, включающая общеиталийские инновации, обуславливает совершенно иной взгляд на глагольную форму из «надписи Мания», взгляд, для которого такая форма вовсе не должна быть непременно подлогом.

2. Опираясь на материалы корпуса А. Деграсси “*Inscriptiones Latinae liberae rei publicae*”, Манчини пишет о чрезвычайной редкости в эпиграфике республиканской латыни того синтаксического типа предложений, что представлен в «надписи Мания», – с постановкой косвенного объекта в дативе после глагола: на 119 пассажей с дативом, приведенных у Деграсси, таких случаев всего 8, то есть, по Манчини, 7,5%. Если сюда прибавить почему-то неучтенные им «надпись Мания» и «надпись Дуэноса», то будет 8,3%. Эта статистика заставляет Манчини с подозрением отнестись к начертанию <Manios: med: vhe: vhaked: Numasioi> и укрепляет его в мысли, идущей от Гвардуччи, что составитель «надписи Мания» ориентировался на пассаж из «надписи Дуэноса» *duenos med feced en manomeinom duenoi* (Mancini 2004: 12–14).

ОТВЕТ. Надпись на фибуле с этой ее синтаксической схемой – хотя и редкой, но дозволяемой латинским узусом на правах варианта – для VII в. до н. э. должна была бы географически относиться к южной окраине этрусского ареала, отметившего и Рим, и Пренесте своим, признаваемым Манчини, могучим культурным воздействием. Если допустить достоверность надписи, это влияние можно бы распознать как в применении диграфа <vh> для фонемы [f], так и в самом появлении на земле Лация популярнейшего в Этрурии типа «говорящей надписи», утверждающей от «лица» вещи: «Такой-то меня сделал или посвятил». Надо оговорить, что в своде этрусских «говорящих надписей» архаической эпохи, составленном Л. Агостиньяни (Agostiniani 1982), подтип с указанием, помимо субъекта и прямого объекта, также и косвенного объекта – бенефициента действия – довольно редок. Тем не менее, случаи постановки такого косвенного объекта после глагола заметно чаще, чем его препозиция к глаголу; ср. TLE 941 *mini spuriaza*

[...] *rnas mulvanice alsaianasi* ‘Меня Спуриаца (...) рна подарил Алсайане’; TLE 917 *mini mulvanik[e] venel rapales laivena[...]* ‘меня подарил Венел Рапале – Лайвене’; TLE 34 *mini mulvanice tamarse arunie venala* ‘меня подарил Мамарк Апуни Вене (женскому божеству)’. Единственный контрпример – TLE 868 *mi aranθ ramithasi vestricinala mulvanice* – на деле оказывается спорным. Агостиньяни рассматривает *mi* в этом случае как немаркированную форму аккузатива местоимения 1-го лица ед. ч., совпадающую с номинативом, при маркированной форме аккузатива *mini*. Но само существование у данного местоимения такой формы, не различающей объектной и субъектной функций, гипотетично. Не может ли, скорее, эта надпись быть составлена не от лица вещи, подаренной неким Арантом Рамуте Вестрикина, а от лица самого Аранта, утверждающего: «Я, Арант, Рамуте Вестрикина подарил»? Выбор невозможен, пока не прояснится вопрос о выраженности или невыраженности лица в этрусском глаголе. Но если «говорящим» в надписи выступает даритель, а не подарок, значит, в этом предложении лишь один, именно косвенный объект, – а в этрусском предложении с единственным объектом, все равно, прямым или косвенным, как показала Б. Шульце-Тулин, тяготеют к схеме SOV (Schulze-Thulin 1993: 180). Выходит, для «говорящих надписей» с двумя объектами – «Меня такой-то сделал такому-то» – единственно засвидетельствованной в этрусском позиции косвенного объекта оказывается позиция *после* глагола.

Учтя также и другие разновидности этрусских надписей, кроме архаических «говорящих», Б. Шульце-Тулин формулирует общее правило: «Если из двух объектов один – местоимение, то это местоимение прочно стоит на первой позиции, а именной объект ставится в конце предложения, субъект же и глагол могут меняться местами» (Schulze-Thulin 1993: 181). Поскольку выраженный местоимением объект в известных этрусских памятниках всегда стоит в аккузативе, правило это легко конкретизируется в смысле нормального для подобных (двуобъектных) конструкций выноса имен в дативе (или в генетиве как падеже бенефицианта, что для этрусского возможно, например, при глаголе *tur-* ‘посвящать’) в постпозицию к глаголу.

Очень интересно дело обстоит с текстами венетов, примыкавших к этрусскому пространству с севера и воспринявших у этрусов жанр «говорящих надписей» (Agostiniani 1982: 270). Вообще-то, для венетского языка, по данным корпуса (Pellegrini-Prosdociami 1967), характерно достаточно свободное размещение косвенного объекта в дативе относительно глагола: Es 47 *udan Fugia Urkleina Reitiai donasto* ‘*udan* Фугия Урклеина Рейтии подарила»; Ca 15 *Futtos*

Alisikos Trikikos toler [Tru]musijatei donom ‘Футт Алисик Трикик преподнес (Тру)мусияту дар»; Са 17 *Butijakos [...]kos donom Trumusijatei toler* ‘Бутияк ...дар Трумусияту преподнес’; Са 65 *Trumusijatei toler Futtos Voltolarikos u donom* ‘Трумусияту принес Футт Волтарик в дар’. Но в случае «говорящих надписей» мы сталкиваемся со схематичностью гораздо более жесткой, возможно обусловленной влиянием Этрурии.

Местоимение *meo* ‘меня’, указывая на объект дарения, стандартно ставится, как и этрусское *mini*, в начале предложения. Однако же, в редких случаях, оно может перемещаться в самый конец (Es 72 *Malo M[...]nos donasto Reitiai meo* ‘Мало М...нос подарил Рейтии меня’), что для этрусского *mini* невозможно. Зато уж датив бенефицианта всегда, прямо по правилу Шульце-Тулин, располагается после глагола *doto*, *vhagsto* или *donasto* – непосредственно за ним или за субъектом, если тот с глаголом поменялся местами. Из приводимых Агостиньяни в его корпусе 18 почитительных «говорящих надписей» в честь венетской богини Рейтии, содержащих датив бенефицианта, во всех случаях выдерживается этот, как бы скопированный с этрусского порядок (Agostiniani 1982: 233–236). Некоторой оговорки требуют лишь случаи, когда в предложении оказываются налицо два датива бенефицианта – в одном стоит имя одаряемого божества, а в другом – имя человека, за которого приносится дар (конструкция, совершенно чуждая этрусскому). Тогда один датив может стоять в препозиции, другой – в постпозиции к глаголу (Es 57 *meo Reitiai donasto Fugiai Vantikenifa* ‘Меня Рейтии подарила за Фугию Вантикения’). Но и это не обязательно: ср. Es 46 *meo doto Reitiai Bukka Koiliai* ‘Меня подарила Рейтии Букка за Койлию’, где оба датива ставятся после глагола (будучи разделены субъектом).

Итак, в свете сказанного синтаксические характеристики «надписи Мания» представляют интерес исключительный. В отношении ядровой части предложения, состоящей из субъекта, глагола и прямого объекта, надпись строго следует обычному латинскому порядку SOV, игнорируя (как в редчайших случаях и венетские надписи) этрусское правило выдвигания местоименного объекта на первую позицию в предложении. Зато периферийная часть синтаксической структуры, включающая выражение бенефицианта в дативе, выглядит так, как если бы она, подобно «говорящим надписям» венетов испытала прямое воздействие этрусского формуляра (позднейшую реминисценцию которого можно бы предположить даже и для синтаксиса «надписи Дуэноса»).

3. Манчини снова повторяет тривиальный тезис о том, что лат. (< этр.) *Numerius* можно спокойно объяснить через этр. *Numesie*, *Numisi* (*Numisiie*), *Numisia*, с их латинскими рефлексам в *Numesius*, *Numisius* (сюда же фалиск. *Nomesina* < этр. *Numsina*) – объяснить, совсем не обращаясь к *Numasioi* из «надписи Мания». Это правда. Но Манчини идет дальше, стараясь доказать, что такая передача этрусской основы *Num-*, как в *Numasioi*, для архаической латыни вообще была невозможна. При этом ученый ссылается на написание лат. *Nomesi* как эквивалент к умбр. *Numesier* (род. падеж) в одной архаической умбро-латинской билингве (Pocetti 1979: № 9). Он уверяет, будто в ту эпоху латынь должна была передавать этр. *Num-* только через *Nom-* и что лат. *Numerius* возникло из **Nomesios* в результате такого же развития, как в лат. *umerus* ‘плечо’ < **omesos*, др.-инд. *amsa*, греч. ὄμος то же. Формы же без ротацизма *Numesius*, *Numisius* пришли к римлянам в некую позднюю эпоху, когда в латыни якобы был возможен в начальной позиции лишь слог *num-*, а не *nom-* (вспоминается лат. *Numidae* ‘нумидийцы’ < греч. νομάδες ‘кочевники’).

Наконец, наш автор просто отмахивается от размышлений К. де Симоне насчет судеб этрусского суффикса *-si(e)*: извлеченный этрусками из итал. *-asuo-*, он обрел в ономастике Этрурии новую продуктивность, сочетаясь с именными основами, кончающимися на разные гласные, которые способны чередоваться в оформлении одних и тех же корней. Так, по де Симоне, если мы при архаич. *Helve* в Цере V в. до н. э. имеем новоэтр. *Helvasi* (Клузий), *Helvasia* (Перузия), то отсюда выводится существование наряду с *Helve* старого, пусть незасвидетельствованного, варианта **Helva*, которое так же соотносится с реальным *Helvasi*, как *Helve* соотносилось бы с ожидаемым на его базе. **Helvesi(e)*. Аналогичным образом архаическая этруская пара *Nume* (в Кампании): *Numesie* (в Тарквиниях) позволяет по такой же пропорции из архаич. *Numusia* (в Арреции) восстановить альтернативную к *Nume* основу **Numu* – и вполне подтвердить эту реконструкцию латинизированным родовым именем *Numonius* из Цере. А по этр. *Numa* (в Перузии) – можно дополнить *Numisie* и *Numusie* также и ожидаемым **Numasie*, которое и находим в этрускизированном Лации VII в. до н. э. – в «надписи Мания» на Пренестинской фибуле (de Simone 1991). Манчини полностью игнорирует всю эту сеть пропорций как дурную спекуляцию. Для него главное, что этр. **Numasie* как таковое нигде не засвидетельствовано. Имя же *Numa* в новоэтр. Перузии вообще мог носить даже не этрус, а какой-нибудь италиец (Mancini 2004: 14–18).

ОТВЕТ. Доказать, что этрусской основе *Num-* с единственной в этрусском огубленной гласной фонемой заднего ряда в Лации VII в. до н. э. должно было соответствовать исключительно *Nom-*, а не *Num-* у Манчини не очень-то получается. Единственный его реальный довод – лат. архаич. *Nomesi* из латино-умбрской билингвы. Но еще за 13 лет до статьи Манчини К. де Симоне справедливо заметил, что эта форма, скорее всего, передает звучание умбр. *Numesier* с открытым огубленным гласным – и за прототип позднейшего лат. *Numerius* считается вряд ли в праве (de Simone 1991: 211–212). Все остальные рассуждения Манчини на этот предмет сугубо предположительны. А имеет ли доказательную силу тот факт, что в тестируемой на подлинность надписи с этрусской периферии вдруг появляется форма, которую по *системным соображениям* следовало бы ожидать для этрусского ономастикона, или данный факт никакой доказательной силы не имеет – это, думается, представляет вопрос методологической веры исследователя. Спорщикам, расходящимся в подобном вопросе, не остается ничего, кроме как «договориться о несогласии»¹⁹.

4. Переходя к графике «надписи Мания», Манчини вынужден заняться диграфом <vh> – этим крестом гвардуччианцев. Он сопоставляет отражения гласного [u] и лабиальных спирантов, с одной стороны, – в этой надписи, а с другой – в ряде латинских (понимая этот термин как в языковом, так и в ареальном смысле) архаических текстов VII–V вв. до н. э. В конце концов, перед фактами передачи

¹⁹ Я не разбираю здесь подробно идеи В. Беларди и Г. Рикса насчет того, что этр. *Numesie*, как лат. *Numerius*, *Numesius*, умбр. *Numesier*, оск. *Nium(p)sis* якобы независимо друг от друга входят к «старосабельской» форме **Nomes-yos* от основы на *-s* **nomes* ‘надел’ представленной в лат. *numerus* < **nomeso-* ‘соразмерность, число, счет’, ср. греч. νέμω ‘распределять’ и т. д. При этом итал. *Numa*, этр. *Nume*, *Numa* рассматриваются как Kurzformen от того же **Nomesjos*, а в этр. *Numusie*, *Numisiie* Рикс предлагает видеть редукцию этрусских гласных в срединном слое и нейтрализацию вокальных различий (что кажется явлением слишком ранним для архаической эпохи, к которой относятся эти формы, в частности *Numusiie* конца VI в. до н.э.) (Belardi 1980: 343–351; Rix 1995: 275–276). Повидимому, имена этой группы, действительно, содержат индоевропейскую основу **nom-*, представленную, в частности, и в таких неэтрусских италийских формах, как *Numicius* или *Numitor*. Тем не менее, трудно отрицать, что в некую эпоху Этрурия становится важнейшим ареалом распространения имен от этой основы с расширением на *-si(e)* < итал. *-syo-*. И в этом ареале, и в соседних областях, подверженных этрусскому влиянию, основы вида **NumV-*: **NumVsie*/**NumVsio-* вполне выстраиваются по сетке новообразовательных моделей-пропорций, выписываемой де Симоне.

[f] через <vh> (конкретно – через <Fh>) в латинской надписи на пифосе из Цере и через <hv> на «герникском» сосуде из Анагни, он скороговоркой признает: да, дескать, использование диграфа в «надписи Мания» «конгруэнтно» приемам алфавитного письма, бытовавшим в преисторическом Лации и в архаической Этрурии (Mancini, 2004: 20).

ОТВЕТ. Мы решительно не в состоянии мельком пройти мимо этого признания Манчини – как бы нашему автору того ни хотелось. Ведь диграф <vh> в исходе латинской надписи из Цере, опубликованной М. Паллоттино еще в начале 1950-х, впервые выделил в 1963 г. Э. Перуцци, воссоздав в этой испорченной части текста весьма правдоподобный ряд словоформ *tamar[cos.....m]ed vhe[ked]* (Peruzzi 1963: 89–92). В отличие от авантюрных предложений того же ученого относительно фалисской надписи из Чивита Каstellана, его чтение текста из Цере выглядело весьма надежно, войдя, например, в латинский раздел корпуса «говорящих надписей» Агостиньяни (Agostiniani 1982: 149). Что касается «герникской» вазы из Анагни с ее буквицей [...] *matas udmom ni hvidas ni kait[...]* (где *ni hvidas*, возможно, равно латинскому *nē findās* ‘не расколи’, ‘не разбей’), то первые посвященные ей публикации появились в начале 1990-х, см. Gatti-Colonna 1993: 320–325. Получается, «гельбиговская фальшивка» 1887 г. оказалась «конгруэнтна» своими эпиграфическими приемами текстам, найденным и прочитанным во второй половине и в конце XX в.! При этом «надпись Дуэноса», под репертуар которой гвардуччианцы стараются подверстать текст, язык и письмо «надписи Мания», оказывается совершенно в стороне от этой «конгруэнтности» со своим отражением [f] через <F> и отсутствием каких-либо намеков на внутрисловесную интерпункцию.

После такого признания Манчини немногого стоят его размышления о природе колебаний и исправлений резчика-фальшивщика при процарапывании сегмента <Fhaked>, мол, не хотел ли он сперва написать <Feked> или даже <Faked> (Mancini 2004: 22). Помнится, Хэмп, фантазируя насчет влияния на автора нашей надписи со стороны еще не найденного фалисского текста из Чивита Каstellана, где встречается словоформа *ffifliqod* ‘вылепили’, готов был увидеть в том же <Fhaked> даже переделку из <Fiked> (Hamp 1981: 152). Ясно одно: Манчини не только не опроверг «аргумента от диграфа», но, сам того не желая, этот аргумент усилил – и усилил очень значительно, укоренив «надпись Мания» в контексте латинских памятников VII–VI вв. до н. э. Прямо по-библейски у него вышло: желая проклясть – благословил!

5. Зато, обратясь к упомянутой фалисской надписи с ее разбиением *pe:para[i]*, Манчини, казалось бы, сумел убрать с поприща гвардуччианцев мешавший им камень. Не пытаясь ни передатировать находку фалисского сосуда, как Хэмп, ни пересмотреть словесное разбиение текста, подобно Перуцци, он всего лишь силится разрезать чары Пренестинской фибулы и «надписи Мания», якобы внушившие ученым ложное представление о *pe:para[i]* как о непременно глагольной форме. Он предлагает конструкцию *arcentelomhuti cilom:pe:para[i].]douiad* трактовать как изоморфную к *praviosurnam:sociaipordedkarai* с тем же самым субъектом – Правием, а *parai* как датив от *para* ‘пара, спутница, подруга’, синонима к *socia*, родственного лат. *par, paris*. В целом у него выходит что-то вроде: «Правий урну подруге подал дорогой. Я – урночка, вылепленная... (*fita* <*ficta*)... Пусть сосуд серебряный даст для подруги» (Mancini 2004: 21).

ОТВЕТ. Манчини предложил такое понимание надписи из Чивита Кастеллана, которому, по-видимому, суждена успешная конкуренция с версией сейчас нам привычной. Оспорить ни ту, ни другую пока невозможно. В частности, возведение фалиск. *pe* к предлогу или наречной частице *per* поддерживается известными фалисскими написаниями *mate* < *mater и *ixo* вместо *ixor* и наряду с последней формой (Giacomelli 1963: 251, 259). Обсуждая сегмент <vhe:vhaked>, сторонникам подлинности «надписи Мания» следовало бы оставить возможный параллелизм с фалисским <re:para[i]> в боевом резерве, пока же сделать основной упор на причастность написания с Пренестинской фибулы многовековой италийской традиции письма с внутрисловесной «грамматической» интерпункцией.

6. В заключение Манчини фронтально сопоставляет 12 графем надписи на фибуле с их же реализацией по 35 архаическим латинским, италийским и этрусским памятникам. Его выводы: среди этих памятников «надпись Мания» якобы беспрецедентна своей *альфой* со строго горизонтальной поперечной чертой и своей *хет*, где горизонтальная черта пересекает обе вертикальные. *Мю* и *ипсилон* напоминают графемы «надписи Дуэноса» (что на прорисовке Манчини не очень-то заметно), *каппа* своими косыми чертами, сходящимися в одной точке, будто бы тоже уникальна, и вообще перед <e> должно бы стоять по нормам архаического письма не <k>, а <s>.

ОТВЕТ. Что касается последнего соображения, замечу, что в этрусских надписях VII в. до н. э. свободно чередуются написания *muluvanice* – *muluvanike* – *muluvaneke* (ThLE 1978: 251–252). Сама Гвардуччи, с ее неутомимым пафосом заподозривания и

изобличения всего, что можно заподозрить и изобличить в «надписи Мания», тем не менее решилась указать на аналоги к *альфе* и *каппе* из этой надписи в архаических этрусских алфавитах VIII в. до н. э. из Марсилианы и Формелло, что, впрочем, не мешало ей сравнивать *каппу* на фибуле, также и с <k> немецкого курсива времен жизни Гельбига. *Ипсилон* «надписи Мания» ей также казался сомнительным, причем она сближала его сразу и с <V> в рукописях Гельбига и с той же буквой в «надписи Дуэноса». Но последней надписи уж Гельбигу нипочем не приписать! Зато *мю* с фибулы несколько ее не насторожило, не в пример Манчини (Guarducci 1980: 446–447, 535). Здесь слишком много произвола в предположениях, чтобы вдаваться в серьезный спор. А главное, если мы склоняемся к тому, чтобы принять результаты микроструктурного анализа Г. Девото, то вопросы о грубости или неуверенности резчика при процарапывании тех или иных букв, о колебаниях и поправках, о *хет* с перечеркнутыми вертикальными линиями (этом «маленьком чудовище», говоря словами Гвардуччи) утрачивают для нас большую часть своей значимости. Если материя изделия подложна, особенности дуктуса также неспоримо принадлежат к сфере подделки, в лучшем случае – имитации. Но такая обесценка вовсе не обязана коснуться воплощенного в дуктуса текста как последовательности образующих сообщение языковых единиц. Того текста, который диграфом <vh> и словопорядком «говорящей надписи» оказывается «конгруэнтен» миру этрускизированного Лация начала VII в. до н. э.; который перфектной редупликацией корня [fak-] включает латинскую ветвь италийских языков в проходящую по иным ветвям этой семьи общую инновацию; который троеточием между этим удвоением и корнем вписывается в италийскую практику грамматического членения слов на письме – так сказать, практику «артикулированной» записи. Текста, который во времени становится все «конгруэнтнее» новым, прибывающим фактам и складывающейся из них картине.

III

Вслед за Гордоном и Просдочими Манчини повторяет призыв Шерлока Холмса: «отсечь все невозможное и принять то, что осталось за правду, каким бы оно невероятным ни показалось» (Mancini 2004: 3). Беда, однако, в том, что гвардуччианцы не решаются в своем анализе отсечь все действительно невозможное – или даже задуматься об отсечении практически невозможного, как в случае с образом фальсификатора, открывающего истинную значимость этрусского диграфа.

Если слухи о подделке фибулы как артефакта вполне подтвердились ее обследованием под микроскопом Г. Девото, то надпись на этом артефакте содержит моменты убедительной подлинности – и этими моментами поднимаются до ранга открытий 1887 года и иные детали, которые иначе можно было бы спокойно отнести к изобретениям поддельщика. Возникает вопрос: преодолимо ли это зияющее противоречие? Гвардуччи твердо умозаключала от подделки вещи к сфабрикованности надписи, Радке и Виакер – от аутентичности надписи к недостоверности микроструктурного анализа. Обе стороны с недоумением отвергали высказанную еще в 1974 г. Крумреем в письме к Гордону мысль о возможности воспроизведения подлинного текста на фальшивой вещи²⁰ – мысль, однако, принятую всерьез такими авторами как Дж. Колонна, К. Трюмпи, Р. Вахтер (Trümpy 1983; Wachter 1987: 56); (мнение Дж. Колонны см.: Guarducci 1984: 172). А я бы не решился исключить даже и то, что разрыв между характеристиками вещи и надписи может корениться в другом, временном разрыве – между январем 1887 г., когда некую фибулу впервые представили научному миру, и июнем 1889 г., когда наличная (поддельная) фибула была помещена на хранение в Музей Вилла Джулия. В обоих случаях надпись на фибуле была одна и та же. Но было ли во втором случае тем же самым изделие? Ни Гвардуччи со сторонниками, ни их оппоненты даже не обсуждали той версии, что изготовление фибулы-подделки могло состояться именно в указанном временном интервале, а вовсе не перед первой презентацией. А ведь допустив эту возможность, пришлось бы полностью пересмотреть все высказывавшиеся соображения о мотивах фальсификаторов, коль скоро Гельбиг в 1887 г. мог демонстрировать коллегам подлинную вещь с древней надписью, а в 1889 г. музей получил копию изделия, оригинал которого либо скрылся в тайнике Маринетти, либо был продан кому-то на теневом рынке антикварных редкостей. Тогда к тексту на фибуле Мартинетти пришлось бы относиться примерно так же, как к известной этеокипрско-греческой билингве из Амавонта, пропавшей во время Первой мировой войны и изучаемой по предвоенной публикации Э. Зиттига и по его позднейшим воспоминаниям (Masson 1961: 206–209). Если Девото не ошибся, мысль о наличной фибуле как о копии пропавшего оригинала оказывалась бы чуть ли не единственной гипотезой, согласующейся со **всеми** рассмотренными фактами, без натяжек и изъятий.

²⁰ Гордон цитировал слова Крумрея: «Eine andere Möglichkeit waere dass der Wortlaut der Inschrift echt ist, jedoch das Original verloren ging und das uns verhaltene Exemplar eine Nachahmung darstellt» (Gordon 1975: 161).

В «деле о Пренестинской фибуле» «путь Шерлока Холмса», на который нас зовут гвардуччианцы, будучи пройден до конца, способен привести к принципиальному дуализму, различающему истину текста от фальши его имитационного воплощения.

Дополнение

МЕССАПСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К СИТУАЦИИ ПРЕНЕСТИНСКОЙ ФИБУЛЫ (НА ФОНЕ МЕССАПО-ТОХАРСКОЙ ИЗОГЛОССЫ)

Р. Вахтер в своем труде об архаических латинских надписях, касаясь предположения насчет «надписи Мания» как копии с утаенного оригинала, привел ряд случаев из практики европейских музеев, когда явно одни и те же надписи объявляются в разных местах в результате чьих-либо имитаторских перерисовок на поддельных антиках – или даже на настоящих древних предметах из раскопок (Wachter 1987: 56). А я бы хотел здесь напомнить еще один случай такого же рода, только еще более яркий, чем перечисляемые Вахтером, – так как он имеет касательство к одному значительному открытию в италистике конца XX в.

Я имею в виду мессапскую надпись *Ψaroas* по (IM 16.18 в корпусе О. Парланджели) на ручке амфоры из музея г. Лечче (фотографии сосуда в различных ракурсах см.: Bernardini 1959: 293–294). Предположительно происходящая из античных Рудий (Rudiae, итал. Ruggè), амфора поступила в музей в начале 1879 г., а надпись была опубликована в 1881 г. (Bernardini 1959: 296, 299; Parlangeli 1960: 158–159).

Нагляднейшая примета мессапского алфавита, присутствующая в этой надписи – конечно же, графема <Ψ>, спорадически используемая – практически всегда в начале слова – вместо <τ> и <θ>, ср. написания вроде *Ψaotoras*, *Ψaotori* вместо *θaotoras*, *-i* или *Ψabara*, *Ψabaroas* взамен *tabara*, *-(v)as* (Krahe 1956: 16, 22; Parlangeli 1960: 361, 371; Parlangeli-Santoro 1978: 928; Santoro 1986: 343, 349, 361, 363; Santoro 1991: 408, 413). Форма *Ψaroas* однозначно истолковывается как родительный падеж *Taroas* (**Taru(v)as*) женского имени *Taroa*, варианта к *Tara, в мужском роде *Taras, откуда мессапский патроним *Tarides* и латинское женское имя *Taridia* из мессапского Брундизия (de Simone 1963: 104; de Simone 1987: 137). Исход на *-oa* < **-u(v)a*, в том числе как расширительный вариант основ на *-a*, *-(i)a* встречается во множестве мессапских форм – среди них видим топонимы (*Ardannoa*, *Reššorišoa*, *Trigonošoa* и т. д.), женские личные имена (*Dalmaθoa*, *Kebeirišoa*, *Etθetoa*), теонимы (род. падеж *Divanovas* при *Divana* = лат. *Diana*), теофорные эпитеты (*Damatri(o)vas* ‘Деметриной’ от *Damatria* ‘Деметрина’,

Aproditiovas ‘Афродитиной’), апеллативы (*bilia*, вар. *biliva* ‘дочь’, род. падеж *bili(o)vas*, *tabara* ‘жрица’: род. падеж *tabaras* или *tabaro(v)as* (Rix 1966: 239–252; de Simone 1978: 233, 234; de Simone 1992: 18–19).

Самое же интересное в надписи на амфоре из Лечче – это, несомненно, конечный элемент *no*, ставший в 1980-х предметом увлекательных разработок К. де Симоне, а также спора между этим ученым и А. Просдочими (de Simone 1987; Prosdocimi 1988). К середине указанного десятилетия, после выхода дополнений Дж. Санторо к корпусу О. Парланджели (Santoro 1982; Santoro 1983; Santoro 1984), серия известных мессапских надписей с данным элементом уже насчитывала до 10 текстов. По спискам, приводимым в статьях де Симоне и Просдочими, в нее неоспоримо входили: 1) *Balašihī no* (надпись на столбе из Каваллы – конец VI – первая половина V в. до н. э.); 2) *Baolihi no Libataos* (стела из Нардо, конец VI – начало V в. до н. э.); 3) *Vastihonanno* < *Vastihonas no (Ория, сосуд-килик V, или, по Просдочими, IV в. до н. э.); 4) *Sailonna Lomiaihi no* (Алецио, надгробье второй половины V в. до н. э.); 5) *Damikihi no naimo* (либо *Naimo*, в зависимости от того, видеть ли здесь апеллатив или личное имя; сосуд-скифос из Челье, второй половины V в. до н. э.); 6) *Baoštas Stinkaletos biliovas no* (Алецио, надгробье первой половины IV в. до н. э.); 7) наша надпись из Рудий (Рудие) *Ψaroas no*, судя по характеру письма – первая половина IV в. до н. э.); 8) *Laparedonas no* (надгробье из Алеции, III в. до н. э.); 9) *Θeotoras Artahiaihi Benarrihi no* (надгробье из Остуньи, III–II вв. до н. э.). Проблематично было и остается членение могильной надписи III в. до н. э. из Ории *tabar[o(v)a] no la[...]* (или *nola[...]*). И, наконец, Просдочими относил к той же серии надпись из Челье *Spiloonno*, якобы отражающую (с ассимиляцией) генетив основы на дифтонг *Spiloos no < *Spiloaos no, тогда как де Симоне видел в этой буквице просто номинатив основы на *-n* (*Spilonno, *-onas*) (de Simone 1987: 137; Prosdocimi 1988: 198).

Надо сказать, что и до 1980-х мессапские памятники с элементом *no* были предметом различных догадок и истолкований. Еще в начале 60-х гг., когда их было известно всего лишь пять (надписи 4, 6, 7, 9 из приведенного списка и сомнительная *Spiloonno*) могло возникать впечатление, будто с предшествующим генетивом личного имени *no* способно образовывать законченное высказывание в виде надписи на сосуде, то есть потенциально надписи изготовителя или дарителя. Между тем, эпитафии 4, 6 и 9 могли быть истолкованы таким образом, как если бы в них за начальным именем усопшего в именительном или родительном падеже (*Sailonna*, *Baoštas Stinkaletos*, *Θeotoras Artahiaihi*) следовала

дополнительно конструкция «имя в генетиве + *no*» (*Lomiaihī no*, *biliovas no*, *Benarrihi no*). Такая картина, извлеченная из крайне ограниченного материала, дала основание В. Шмиду в 1960 г. истолковать *no* как послелог с отложительной семантикой и соотносить этот элемент с литовским и латышским предлогом *nuo* ‘от’, в том числе в конструкциях вроде латышской *davana nuo...* ‘подарок от такого-то’. В надгробных же мессапских текстах оборот с *no*, по Шмиду, якобы указывал на строителя гробницы или памятника (Schmid 1960: 26–30). Первоначальный успех этой интерпретации был велик: Парланджели писал о «geniale proposta dello Schmid» (Parlangeli 1960: 341), а де Симоне в 1962 г. причислял мессапское *no* ‘от’ к немногочисленным словам этого языка с достоверно установленным значением (de Simone 1962: 124).

Но эта, блистательная на первый взгляд, версия утратила свою убедительность после новых находок, показавших, в частности, что конструкция «имя в генетиве + *no*» может составлять законченную эпитафию (*Laparedonas no*). А ведь совершенно невероятно, чтобы в текстах такого рода могло указываться имя воздвигаемого гробницу – однако начисто отсутствовать имя самого погребенного! Отмечая, что в эпитафиях из Алецио свободно чередуются простейшая конструкция *Laparedonas* ‘Лапаредона (могила)’ и *Laparedonas no*, а значит, зависимость генетива *no* в таких случаях, вопреки Шмиду, необязательна, де Симоне идет дальше. Он предполагает, по праву, что в синтагме *ailonna Lomiaihī no* последнее слово – такой же факультативный элемент, вовсе не управляющий предыдущим именем, а в целом это словосочетание несет ту же информацию, что обычные для мессапских надгробий ономастические двучлены вроде *Dalmaθoa Dalmaihī* ‘Далматоа (дочь) Далмаса’. Иначе говоря, в *no* распознается элемент с предикативной функцией, способный выражать как идентичность (то, что здесь пребывающая – Шайлонна, дочь Ломия), так и принадлежность (то, что могила – Лапаредона, или Баошты, дочери Стинкалета, или Теотора, сына Артая Бенария; то, что сосуд – собственность Таровы) (de Simone 1987: 138–139).

Таким образом, де Симоне возвращается к высказанной еще в 1930-х А. фон Блументалем, а позднее развитой М. Дуранте мысли о мессапском *no* как об элементе, способном играть такую же роль, что лат. *sunt* ‘я есмь’, в оформлении так называемых «говорящих надписей» (Durante 1954).

Как известно, по преобладающему синтаксическому типу таких надписей, способных изъясняться от имени не только человека – дарителя, изготовителя артефакта или усопшего, – но и от лица предмета (подарка, погребения и т. п.), древняя Италия разделяется

на две большие подобласти, в зависимости от того влияния, этрусского или непосредственно греческого, которое было господствующим в том или ином этно-языковом регионе. На севере, под воздействием этрусского типа «говорящей надписи» с местоимением *mi* ‘я’ и без глагола-связки (ср., например, CIE 4921 *mi tamarces tarxvelnas* ‘я – Мамарка Тархвелны’) возникают венецкие структуры вроде Es 4 *ego voltiomnoi iuvantioi* ‘я – (для) Волтиомна Ювантия’. А на юге конструкция греческой «говорящей надписи» с глаголом-связкой εἶμι (ἐμί) ‘я есмь’²¹ находит преломление в оскском формуляре (Ve 117 *lucies cnaivies sum* ‘есмь Лукия Гнайвия’; Ve 63 *sepieis heleviieis sum* ‘есмь Сепия Хелевия’; Ve 127 *vipieis venleis culchna sim* ‘Вибия Венле килик есмь’) и элимском (надпись на монетах элимского города Сегесты σεγεσταζιβ εμι ‘(для) сегестанцев есмь’). Латино-фалисская коренная область обретается на стыке этих двух эпиграфических пространств, демонстрируя в веках переход от типа *eko kaisiosio* и *eco urna tita vendias* (конца VII–VI вв. до н. э.) к позднейшим формулам вида *speri sum* или *sum valeri* в начертаниях III–II вв. до н. э. из Эсквилинского некрополя (богатейший обзор материала с тщательным комментарием см. Agostiniani 1982).

Мессапский край в этом раскладе представлял определенную проблему: территориально он должен бы принадлежать к подобласти «говорящих надписей» с глаголом-связкой, но единственная долгое время известная «говорящая надпись» этого края – Δαστας ημι на сосуде из Рутильяно – всегда внушала сомнения в отношении своей языковой атрибуции – мессапской, греческой или некой гибридной (Krahe 1956: 36–37; Agostiniani 1982: 164). Де Симоне решительно считает ее за греческую или грецизированную, полагая в ней эквивалент конструкции, которая по мессапски имела бы вид *Daštas no* ‘есмь Дазета’ или ‘есмь Дашты’ (муж. род *Dazet*, жен. род *Dašta*). Таким образом, *no* расценивается им, как некогда у Дуранте, на правах формы предикативной связки 1-го лица единственного числа в мессапском.

Разъясняя подобную форму этимологически, де Симоне обращается к тохарским языкам, где в тохарском А глагол «быть» в настоящем времени получал следующий ряд форм – 1-е ед. числа *nasam*, 2-е л. *našt*, 3-е л. *naš* (может заменяться частицей *na*), 1-е л.

²¹ См. приводимые де Симоне надписи конца VIII–VI вв. до н. э. *Tataiες εμι ληρϋθος* ‘есмь лекиф Татаи’ (Кимы Халкидские), *Αμῆς εμι* ‘есмь Амы’ (Исихя), *Αγασια εμι το σαα το Καρια* ‘Агасия есмь погребение (сына) Кария’ (Силинунт) (de Simone 1957, 139–140). Здесь можно вспомнить еще знаменитый «кубок Нестора» из Питекус с его начальным пассажем *Νέστορος; ε[μ]: εϋπλοτ[ov]: ποτέριον* (Зайцев 1987; Heubeck 1979: 113–115).

множ. числа *nasamäs*, 3-е л. *nenc*, а в тохарском В – соответственно в единственном числе *nesau*, *nest*, *nesäm*, во множественном *nesem*, *nescer*, *nesäm* (Krause 1952: 255; Krause-Thomas 1960: 198). В XX в. были попытки связать тох. А *nas*- и тох. В *nes*- с индоевропейской основой, представленной в др.-инд. *nasate* ‘присоединяться к кому-либо’, др.-инд., авест. *asta* < *nsto- ‘родина, местожительство’, греч. *véoμαι* ‘возвращаюсь’, *vóbtos* ‘возвращение’, гот. *ganisan* ‘спасаться’, *nasjan* ‘спасать’, др.-в.-нем. *ginesan* ‘пребывать в живых’, др.-исл. *nest* ‘пропитание в дороге’, тох. А *nau* ‘друг’ – по-видимому, обозначавшей «совместность», «совместное с кем-либо пребывание», а заодно «восстановление такой совместности» (Рокотну 1959: 766–767). Однако форма 3-го лица плюралиса в тохарском А, где не видно следа *-s* – *nenc* < *ne-nti, а кроме того заменяющая *nas* в сингулярисе частица *na* с таким же оформлением, как в номинативе местоимений *säm*, *säm*, *täm*, придают большую убедительность догадке о возникновении глагола бытия *nös- в языке-предке тохарских языков из соединения местоименного элемента *no с и.-е. *es- (*H₁es*-) ‘быть’. Эта версия хорошо объясняет образование 3-го лица связки в тохарском А при помощи того же местоимения в чистом виде, к тому же способного к себе присоединять глагольное личное окончание, то есть выступать спрягаемой предикативной частицей (Bader 1976: 31)²².

По мысли де Симоне, мессапский предикативный элемент *no* ‘есмь’ также не обнаруживает в своей основе и.-е. *(*H*)*es*- / *(*H*)*s*- и должен рассматриваться по примеру тох. А *näm* как местоимение в функции связки. К сожалению, здесь у де Симоне начинаются затруднения и неясности. Ведь вообще-то <*o*> в мессапском должно бы отражать этимологическую долгую гласную [ō], поскольку индоевропейское *ō в этом языке дает [a], как показывает мессапское тематическое склонение. Де Симоне не верит, будто в мессапском *no* могло бы прямо втянуться в глагольное спряжение, получив

²² Де Симоне, несомненно, заблуждался, полагая, будто огласовка тох. А *nas*- и тох. В *nes*- может восходить также и к долготу [ō]. Достоверный рефлекс этого звука представляют тох. А *sam* ‘тот же самый’, тох. В *säm* то же из и.-е. *sōmo-, слав. *samъ и тох. А *āknaṣ* ‘невежда’, тох. Б *aknāṣa* то же при греч. *ἄγνωτος*, -ῶτος ‘неведомый’, ‘незнающий’, лат. *ignōtus* ‘неизвестный’, редко ‘несведущий’ (Указано мне И. Б. Иткиным и С. А. Бурлак). В тохарском *no-s- не обнаруживается рефлекса того ларингала, след которого виден в хетт. *ašanzi* ‘они суть’ из и.-е. *H₃sonṭi, др.-инд. *santi*. Тем самым подтверждается мнение о том, что этот ларингал как фонема был уже устранен «в период, непосредственно предшествующий распаду праязыка на древнейшие исторически известные диалектные группы» (Иванов 1981: 94).

окончание 1-го лица единственного числа *n*. Проигнорировав пример *toх. A nenc < *nenti*, он то ищет особых причин сохранения тембра [ǫ] – моносиллабизм, соседство с назальным, то ссылается на продленную аблаутную ступень и т. д., а в плане семантики, апеллирует к тохарскому местоимению 1-го лица единственного числа – *toх. A ñas*, *toх. B ñäs* – структура и генезис которого довольно-таки непрозрачны (de Simone 1987: 144). Тем самым ученый значительно ослабляет свои выводы, а ведь *nenc* ‘вот (они) суть’, как пример спрягаемой частицы был бы весьма заманчив для объяснения *nō* ‘вот (я) емь’.

Возможно ли другое решение? Как известно, в ряде случаев мессапский, подобно греческому, обнаруживает переход анлаутного и интервокального [s] в [h], – ср., мес. *hadive* ‘установил’ при гот. *satjan* ‘усаживать’, др.-прусс. *saddinna* ‘ставить’; месс. *hipades* ‘он поставил’ < и.-е. **supo-dheH₁s-(t)*, ср. греч. ὑποτίθημι ‘подставлять’, ‘давать в залог’; месс. *klaohi, klohi* ‘внемли’ или ‘пусть внемлет’ в официальных текстах в сочетании с именами Зевса и Венеры, – словоформа, сопоставляема либо с ведийским императивом *çrosī* ‘слушай’, либо с оптативом *toх. B klyausi* ‘пусть слушает’ (Milewski 1965: 209, 214)²³. Такой же переход в мессапском показывают и некоторые древнебалканские ономастические основы, например, иллир. *Trosius, Trosia*, далее Τρωσαντιος на монете из апулийской Салапии, мессап. *Trohanthes*, род. падеж *Traohanthihi* (Mayer 1957: 345; Parlangei 1960: 367; Гиндин 1981: 152–153). Ф. Бадер пыталась возвести 1-го лицо ед. числа глагола «быть» в тохарском *В pesau* к **no-(H)s-oH₂o*, выводя из **-oH₂o* также общеиндо-европейский показатель того же лица и числа –*ǫ*, а из варианта той же флексии такие формы со значением «я был», как лув. *ašha*, греч. ἦα (Bader 1976: 27, 94, 102, 111). Точное мессапское соответствие к восстанавливаемой Бадер праформе для *pesau* должно было бы

²³ Я здесь не касаюсь известного спора насчет возможности видеть за окончанием генетива мессапских тематических имен *-aihil-aihe* праформу **-oiso*, метатетический вариант к и.-е. **-o₁yo*, известный по лепонтийскому (*Xosioiso*) и венетскому (*Kaialoiso*) языкам (Gusmani 1976; Prosdocimi 1989; Prosdocimi 1990; de Simone 1992). На сегодня едва ли не единственный факт, способный противоречить правилу перехода *-s- > -h-* в мессапском – это глагольная форма 3-го лица единственного числа *kroseti*, обозначающая в надписи IM 7. 26 из Челье некий ущерб, который кто-либо способен причинить гробнице (...*ai min kos kroseti*...). Проблема возникает, если сблизать эту форму, как в 1950-х предлагал О. Хаас, с гнездом греч. κρούω ‘ударяю’, аор. пасс. ἐκρούσθην, лит. *krūšti*, слав. **krъšiti* и *krušiti* (Parlangei 1960: 91, 327). Однако этимология и, главное, морфологическая структура месс. *kroseti* небесспорны.

иметь вид *naho. И хотя мессапский знает как выпадение интервокального [h] (*Trohanthes* ~ *Troanthes*), так и стяжение *-ao-* > *-o-* (*klaohi* > *klohi*, *Θaotor* > *Θotor*), однако у нас нет никаких доказательств того, чтобы связка *no* могла восходить к *naho. Версия со связкой, втянутой в спряжение, как в тохарском А, выглядит гораздо более правдоподобной²⁴.

С этой оговоркой исследование де Симоне, посвященное мессапским конструкциям с *no*, должно быть причислено, как я уже говорил, к крупнейшим достижениям италийского языкознания наших дней. Гораздо менее убедительной представляется альтернативная гипотеза Просдочими, признавшего за *no* функцию предикатива, но сомневавшегося в трактовке данного типа памятников как «говорящих надписей» и предпочитавшего усматривать в *no* функциональный аналог греч. τόδε ‘вот это’, а этимологически – продолжение вводной и контрастивной индоевропейской частицы *nī. Во всяком случае, он не смог привести ни одного достоверного примера из других языков, когда бы эта частица брала на себя такую роль как *no* в мессапском.

А вот теперь мы достигли момента самого важного с точки зрения сюжета этой заметки. Уже говорилось, что в середине XX в. лингвисты располагали лишь пятью мессапскими надписями с *no*-предикативом, а к концу его эта серия увеличилась примерно вдвое. Еще показательнее, что за столетие она выросла более чем в три раза, потому что на конец XIX в. таких надписей было известно лишь три: это были памятники 6 и 9 из приведенного выше перечня, которые учел еще Т. Моммзен, готовя в 1848 г. первое издание мессапских текстов (см. Parlangei 1960: 56, 207), и затем надпись *Ψaroas no* на амфоре из музея г. Лечче, открытая, как уже говорилось, на рубеже 1870-х и 80-х. Так вот, в 1959 г. искусствовед

---

²⁴ Благодаря известной глоссе Гесихия τὶ δόστωρε: τὶ ποιεῖτε. Ταραντίνου. «что делаете? (по-тарантински)», где *досторе* представляет некую туземную негреческую – скорее всего, мессапскую – форму, можно было бы предложить еще одно интересное морфологическое сравнение между этими отдаленнейшими в историческое время языками. «Тарантинское» -*торε* как исход глагола во 2-м лице множественного числа (~греч. ποιεῖτε) перекликается с тох. В -*cer* в той же самой функции (*nescer* ‘вы есть’, *klyaušcer* ‘вы слышите’ и т. д.) при -*c* < *-*te* в тох. А (ср. тох. А *käršnāc* ‘вы знаете’: тох. В *käršnacer* то же). По мнению С. А. Бурлак (высказанному в беседе со мной), тох. В -*cer* с его палатализацией могло бы объясняться взаимодействием между двумя вариантами окончаний 2-го лица плюралиса – между -*ter* < *-*tor* (V) и отразившимся в тох. А -*c* < *-*te*. Таким образом «тарантинское» окончание обнаруживает едва ли не эксклюзивное соответствие к одному из этих окончаний – причем к характерному именно тохарского, выделяющему тохарский среди индоевропейских языков.

М. Бернардини поместил на страницах “Studi Sallentini” статью, где документально доказал, опираясь на архивные документы юриста XIX в. Л. де Симоне (однофамилец лингвиста – нашего современника), состоявшего в 1880-х членом местной Комиссии по сохранению памятников в Рудже и Лечче: слова на амфоре были перед продажей сосуда в 1879 г. в музей прорисованы ремесленником по имени Санто Перроне, который в те годы активно занимался подобным промыслом и, в частности, сфальсифицировал еще некоторые изделия для того же музея (Bernardini 1959: 296). По замечанию Бернардини, «этот вид подделок, пожалуй, брал начало в копировании надписей, легко разрушающихся ... или по другим причинам не поддающихся транспортировке».

Для меня здесь существенно одно. Совершенно независимо от того, чья рука чертила в 1878 или 1879 гг. буквы на ручке амфоры, морфология и синтаксис читаемого на ней законченного микро-текста, осмысленные лингвистикой лишь спустя многие десятилетия и вписавшиеся во все растущую серию находок, которые выявили одну из оригинальных черт мессапского языка, – делают надпись настоящим мессапским памятником, предвосхитившим открывшиеся во множестве во второй половине XX в. микроконтексты с семантикой принадлежности типа «одночленное имя в генетиве + no» (*Balašihī no*, *Laparedonas no*, *Vastihonanno*). Он по праву включен в каталоги Парланджели и де Симоне на правах копии с неизвестного и нам недоступного подлинника, перенесенной на амфору, вероятно, для придания ей дополнительной ценности при продаже (Parlangeli 1960: 158; de Simone 1963: 67). Выходит, чего поддельщик добивался – того он и впрямь добился!

Замечательно сходство этого эпизода с восстанавливаемой историей «надписи Мания» на Пренестинской фибуле, даже в такой детали, как присутствие на сосуде ономастической формы (*Ψaroas* от *Tara, *-uva*), не зафиксированной в иных источниках, но подсказываемой косвенными указаниями (мессап. *Tarides*, лат. *Taridia*) и системными соображениями. Надо сделать лишь одну оговорку: в отличие от амфоры из музея в Лечче, наивно «изукрашенной» корыстолюбивым Санто Перроне, прорись на фибуле, похоже, делалась под присмотром, или даже при участии, одного из крупнейших профессионалов-антиковедов той эпохи. Не отсюда ли, помимо прочего, разница в судьбах этих начертаний?²⁵

²⁵ Различие еще и в том, что для надписи из Лечче (или Рудже) связь с образом несущего ее предмета не так обязательна. Принцип методологического дуализма здесь может быть проведен гораздо радикальнее, чем в случае фибулы: Санто Перроне вполне был способен перерисовать на продаваемый в музей сосуд буквы с какого-либо мессапского надгробия.

Литература

- Барроу 1976 = Барроу Т. Санскрит. М.
Бенвенист 1974 = Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.
Бенвенист 1995 = Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.
Бурлак 2000 = Бурлак С. А. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
Гиндин 1981 = Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София.
Дыбо 1981 = Дыбо В. А. Славянская акцентология. М.
Зайцев 1987 = Зайцев А. И. Лексико-стилистические особенности надписи на «кубке Нестора» из Питикус // *Philologia classica*. Вып. 3. Язык и стиль памятников античной литературы. Л.
Иванов 1981 = Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: индоевропейские истоки. М.
Нидерман 1949 = Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М.
Топоров 1988 = Топоров В. Н. Комментарий к буддолгическим исследованиям Ф. И. Щербатского // см. Щербатский 1988.
Тронский 1953 = Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.-Л.
Тронский 2001 = Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М.
Ходорковская 1978 = Ходорковская Б. Б. Система интерпункции в древнеиталийской письменности и связь ее с геминацией согласных // *Acta antiqua*, 26.
Цымбурский 1999 = Цымбурский В. Л. «Причина» и «чудо» (лат. *causa* и его индоевропейское родство) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология—III: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М.Тронского*. СПб.
Щербатской 1988 = Щербатской Ф. И. Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» // *Избранные труды по буддизму*. М.
ЭССЯ 1977 = *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О. Н.Трубачева. Т.4. М.
ЭССЯ 1987 = *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О. Н. Трубачева. Т.13. М., 1987.
Agostiniani 1982 = Agostiniani L. *Le iscrizioni parlanti dell' Italia antica*. Firenze 1982.
Bader 1976 = Bader F. *Le présent du verbe "être" en indo-européenne* // *BSL*, 71.
Belardi 1980 = Belardi W. *Numerius nella latinità delle origini* // *Accad. Nazionale dei Lincei. Rendiconti. Ser. 8*, 35.
Bernardini 1959 = Bernardini M. *Un cratere e due iscrizioni vascolari false nella raccolta del Museo di Lecce* // *Studi Sallentini*, 8.

- Böhlingk, Roth 1961 = Böhlingk O., Roth von R. Sanskrit-Wörterbuch. Bd. 3. St-Petersbourg, 1861.
- Boisacq 1923 = Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg; Paris.
- Bourns 2005 = Bourns J. Englisch fogg "aftergrass" // Die Sprache, 45, 2005.
- Brugmann 1889 = Brugmann K. Grundriss der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Strassburg.
- Chantraine 1974 = Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. 3. P.
- Colonna 1979 = Colonna G. Duenos // Studi Etruschi, 47, 199.
- Corssen 1863 = Corssen W. Kritische Beiträge zur lateinischen Formenlehre. Leipzig.
- Curtius 1879 = Curtius G. Grundzüge der griechischen Etymologie. 5-te Auf. Leipzig.
- Deecke 1888 = Deecke W. Die Falisker. Strassburg.
- De Simone 1962 = de Simone C. Die messapische Sprache (seit 1939) // Kratylos, 7.
- De Simone 1963 = de Simone C. Die messapische Inschriften // Krahe H. Die Sprache der Illyrier. Th. 2. Wiesbaden.
- De Simone 1978 = de Simone C. Contributi per lo studio della flessione nominale messapica // Studi Etruschi, 46.
- De Simone 1987 = de Simone C. Messapisch *no* "sum" // KZ, 100.
- De Simone 1991 = de Simone C. *Numasie/*Numasio-: le formazioni etrusche e latino-italiche in -sie/-sio- // Studi Etruschi, 56.
- De Simone 1992 = de Simone C. Sul genitivo messapico in *-ihi* // Annali della Scuola normale e superiori in Pisa, 22.
- Dumézil 1987 = Dumézil G. La religion romaine archaïque. P.
- Durante 1954 = Durante M. Saggi di ermeneutica messapica // Ricerche linguistiche, 3.
- Ernout-Meillet 1979 = Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P.
- Fick 1872 = Frisk A. Etymologische Beiträge // KZ, 20, 1872.
- Frisk 1971 = Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1971.
- Gatti-Colonna 1993 = Gatti S., Colonna G. Anagni: iscrizioni in dialetto ernico // Studi Etruschi, 58.
- Giacomelli 1963 = Giacomelli G. La lingua falisca. Firenze.
- Giacomelli 1978 = Giacomelli G. Il falisco // Popoli e civiltà dell' Italia antica. Vol. VI. Lingue e dialetti. Roma.
- Gordon 1975 = Gordon A. E. The Inscribed Fibula Praenestina: Problems of Authenticity. Berkeley; Los Angeles; London.
- Gordon 1982 = Gordon A. E. Рецензия на: [Guarducci 1980] // Classical Journal, 78, 1982.
- Guarducci 1980 = Guarducci M. La cosiddetta fibula Praenestina: antiquari, eruditi e falsari nella Roma del Ottocento // Accad. nazionale dei Lincei. Memorie. Ser. 8, 24, 4.
- Guarducci 1984 = Guarducci M. La cosiddetta fibula Praenestina: elementi nuovi // Accad. nazionale dei Lincei. Memorie. Ser. 8, 28, 2.

- Guarducci 1987 = Guarducci M. Una falsa ermetta di marmore rosso antico (Appendice alla storia della “fibula Praenestina”) // *Accad. nazionale dei Lincei. Rendiconti. Ser. 8*, 42.
- Guarducci 1991 = Guarducci M. Nuova appendice alla storia della “Fibula Praenestina” // *Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti. Ser. 9*, 2.
- Gusmani 1976 = Gusmani R. Messapisches // *IF*.
- Hamp 1981 = Hamp E. P. Is the Fibula a Fake? // *American Journal of Philology*, 102.
- Heubeck 1979 = Heubeck A. Schrift // *Archaeologia Homerica. Bd. 3. Kap. 10. Göttingen*.
- Knobloch 1958 = Knobloch J. Zur faliskischen Ceres-Inschrift // *Rheinisches Museum* 101.
- Kortlandt 1975 = Kortlandt F. H. H. Slavic accentuation. Lisse.
- Krahe 1956 = Krahe H. Die Sprache der Illyrier. Th. I. Wiesbaden.
- Krause 1952 = Krause W. Westtocharische Grammatik. Bd. I. Heidelberg.
- Krause, Thomas 1960 = Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Heidelberg.
- Kretschmer 1904 = Kretschmer P. Zum lateinischen Wandel vom *ov* in *av* // *KZ*, 37.
- Krummrey 1982 = Krummrey H. Ist die Fibula Praenestina als Fälschung erwiesen? // *Klio* 64.
- Lejeune 1955 = Lejeune M. Les correspondants italiques de lat. *finxit* et de lat. *fecit* // *Corolla linguistica: Festschrift F. Sommer. Wiesbaden*.
- Lejeune 1987 = Lejeune M. Рецензия на: [Wachter 1987] // *Revue des études latines*, 85.
- Liddell-Scott 1940 = Liddell H., Scott R. Greek-English Dictionary. Vol. 1–2. Oxford.
- LIV 2001 = *Lexicon der indogermanischen Verben unter Leitung von H. Rix*. 2. Aufl. Wiesbaden.
- Mancini 2004 = Mancini M. Latina antiquissima I: exercizi sulla fibula Praenestina // *Daidalos*, 6.
- Masson 1961 = Masson O. Les inscriptions chypriotes syllabiques. P.
- Milewski 1965 = Milewski T. The Relations of Messapic within the Indo-European Family // *Symbolae linguisticae in honorem J. Kurilowicz. Wrocław; Warszawa; Kraków*.
- Osthoff 1899 = Osthoff H. Allerhand Zauber etymologisch beleuchtet // *BB*, 24.
- Parlangeli 1960 = Parlangeli O. Studi messapici. Milano.
- Parlangeli, Santoro 1978 = Parlangeli O., Santoro G. Il messapico // *Popoli e civiltà della Italia antica. Vol. VI. Lingue e dialetti. Roma*.
- Pauly 1891 = Pauly C. Die Veneter und ihre Sprachdenkmäler. Lpz.
- Pellegrini, Prodocimi 1967 = Pellegrini G. B., Prodocimi A. La lingua venetica. Vol. 1–2. Padova.
- Peruzzi 1963 = Peruzzi E. L'iscrizione di Vendia // *Maia*, 15.
- Peruzzi 1964 = Peruzzi E. Inscrizioni false // *Maia*, 16.
- Pfiffig 1969 = Pfiffig A.-J. Die etruskische Sprache. Graz.
- Pfister 1983 = Pfister R. Zur gefälschter Manios-Inschrift // *Glotta*, 61.
- Pisani 1964 = Pisani V. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. Torino.
- Pocetti 1979 = Pocetti P. Nuovi documenti italici. Pisa.

- Pokorny 1959 = Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern; München.
- Prodocimi 1988 = Prodocimi A. Messapico *no* 'sum'? // Studi Etruschi, 54.
- Prodocimi 1989 = Prodocimi A. Sulla flessione nominale messapica. I. // Archivio glottologico italiano, 74.
- Prodocimi 1990 = Prodocimi A. Sulla flessione nominale messapica. II. // Archivio glottologico italiano, 75.
- Prodocimi-Marinetti 1994 = Prodocimi A., Marinetti A. Appunti sul verbo latino (e) italo. La vocale del radoppiamento nel perfetto // Miscellanea di studi linguistici in onore di W. Belardi. Roma.
- Radke 1981 = Radke G. Archaisches Latein. Darmstadt.
- Radke 1984 = Radke G. Zur Echtheit der Inschrift auf Fibula Praenestina // Archäologisches Korrespondenzblatt, 14.
- Rix 1966 = Rix H. Die messapischen Wortformen auf *-oa*, *-oas* // IF, 71.
- Rix 1995 = Rix H. Capua // Studi Etruschi, 60.
- Santoro 1982 = Santoro G. Nuovi studi messapici. I. Le epigrafi. Galatina.
- Santoro 1983 = Santoro G. Nuovi studi messapici. II. Il lessico. Galatina.
- Santoro 1984 = Santoro G. Nuovi studi messapici. Primo supplemento. Galatina.
- Santoro 1986 = Santoro G. Messapico // Studi Etruschi, 52.
- Santoro 1991 = Santoro G. Nuovi studi messapici // Studi Etruschi, 56.
- Schmid 1960 = Schmid W. Messapisch-baltische Kleinigkeiten // IF, 65.
- Schmoll 1958 = Schmoll U. Die vorgriechischen Sprachen Siziliens. Wiesbaden.
- Schrijver 1991 = Schrijver P. The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin. Amsterdam; Atlanta.
- Schulze-Thulin 1993 = Schulze-Thulin B. Zur Wortstellung im Etruskischen // Studi Etruschi, 58.
- Schwyzler 1939 = Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. I. München.
- Solmsen 1904 = Solmsen F. Beiträge zur Geschichte der lateinischen Sprache. 4. Der Wandel von *ov* in *av* // KZ, 37.
- ThLE 1978 = Thesaurus Linguae Etruscae. I. Indice lessicale. Publ. M. Pallottino a cura di M. Pandolfini Angeletti. Roma.
- ThLL 1906–1912 = Thesaurus Linguae Latinae. V. 3. Lipsiae.
- ThLL 1912–1926 = Thesaurus Linguae Latinae. V. 6, 1. Lipsiae.
- Thulin 1908 = Thulin C. Eine altfalkische Vaseninschrift // Rheinisches Museum, 61.
- Trümpy 1983 = Trümpy C. La fibula de Preneste: document inestimable ou falsification? // Museum Helveticum, 40, 2.
- Vaniček 1874 = Vaniček A. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache. Leipzig.
- Van Windekens 1976 = Van Windekens A. J. Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. La phonétique et vocabulaire. Louvain.
- Vetter 1925 = Vetter E. Zur altfalkischen Gefäßinschrift CIE 8079 // Glotta, 14.
- Wachter 1987 = Wachter R. Altlateinische Inschriften. Bern u.a.

- Walde-Hofmann 1938 = Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl., bearb. von J. B. Hofmann. Bd. I. Heidelberg.
- Walde-Pokorny 1930 = Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Hrsg. und bearb. von J. Pokorny. Bd. I. Berlin; Leipzig.
- Wieacker 1984 = Wieacker F. Die Manios-Inschrift von Praeneste: zu einer exemplatorischen Kontroverse // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl., N 9.
- Zamboni 1978 = Zamboni A. Il siculo // Popoli e civiltà dell' Italia antica. Vol. VI. Lingue e dialetti. Roma.

**ЛАТ. *VISCUM* ‘ОМЕЛА’
(К ПРОБЛЕМЕ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ)**

Попытки объяснить происхождение многих индоевропейских наименований растений (деревьев, кустарников, трав, цветов и пр.) сопряжены, как известно, с серьезными трудностями. Однако данное обстоятельство не останавливает лингвистов в исследовании этого раздела лексики с целью найти наиболее убедительное решение того или иного спорного вопроса, предложив очередную версию объяснения «темного» ботанического названия. К числу таких неясных по своему происхождению слов несомненно относится латинское *viscum, i n* ‘омела’.

Поскольку для многих жителей северного полушария *омела* – малознакомое экзотическое растение, следует прежде всего сказать о том, что она собой представляет. В «Энциклопедическом словаре лекарственных растений» дано очень краткое описание омелы (по классификации Линнея *Viscum album* ‘омела белая’): вечнозеленый полупаразитный кустарничек, растущий на ветвях многих лиственных и хвойных деревьев (груша, яблоня, береза и др.) (Яковлев, Блинова 1999: 199). Дополнительные сведения об омеле можно получить из других источников о жизни растений: она прикрепляется к ветвям дерева-хозяина особыми, подобными корням образованиями – *хаусториями*¹ и разветвляется еще от основания главного стебля. Листья лопатовидные, яркозеленые, не опадающие зимой. Плод омелы – белая ягода с несколькими черными семенами, плотно схваченными клейкой массой. Распространение омелы совершается исключительно птицами, преимущественно *дроздами*, которые поедают ее ягоды и оставляют на дереве-хозяине экскременты с неперевавшими семенами; эти семена при благоприятных условиях прорастают. Зеленые стебли омелы, вильчато-ветвистые, образуют шарообразное скопление веток до 120 см в диаметре. Растет омела (около 70 видов) главным образом в тропиках и субтропиках Евразии, Африки и Сев. Австралии; что касается СНГ – в западных и южных районах и на Кавказе (2 вида). Можно сказать и о применении омелы в медицине в новое время: для приготовления лекарственных средств используются листья и молодые облиственные побеги. Прежде отвар из молодых побегов или экстракты применя-

---

¹ Термин *хаустории* явно происходит от лат. *haurio* ‘черпать; брать, заимствовать’.

лись как сосудорасширяющее средство при гипертонии. В народной медицине омела белая используется при эпилепсии, судорогах и кровотечениях. Но не следует употреблять омелу белую часто и долго, так как она ядовита.

Если обратиться к античным источникам, то Плиний Старший, например, имея в виду Италию, перечисляет такие деревья, где может расти (точнее ‘прирастать’ – *adgnasci*) омела: на обычном дубе (*in quercu*)² и его разновидностях – скальном (*robog*), вечнозеленом, или каменном, дубе (*ilex*), дикой груше, терпентинном дереве (это разновидность фисташки)³ и на других (*in aliis*) – Plin. N.H 16. 245. О ягодах лавра (*Ibid.* 23. 153) и омелы (*Ibid.* 24. 11) Плиний сообщает только, что они с кожицей более тонкой, чем кора деревьев. Вергилий в «Энеиде» также говорит о том, что само дерево, на котором растет омела, ее не возвращает, и отмечает ее особенность как вечнозеленого растения: «обычно в лесах, на зимнем холоде зеленеет омела свежей листвой» (*Verg. Aen.* 6. 205 *Quale solet silvis brumali frigore viscum / Fronde verere nova, quod non sua seminat arbos*). Есть сведения и о медицинском применении омелы в античности; например, при лечении животных рекомендуется вливать им в ноздри растертые в вине листья омелы (Корнелий Цельс в передаче Колумеллы – *Col. R. R.* 6. 5. 5). В одной из глав 23-й книги Плиния Старшего, где речь идет о лечебных свойствах не смешанного с водой вина, перечислены ядовитые вещества и растения, в ряду которых находится и омела: Plin. N. H. 23. 43 *Merum quidem remedio est contra cicutas, coriandrum, aconita, viscum, meconium, argentum vivum...* «Чистое вино служит лекарством (= противоядием) против цикуты, кориандра, волчьего корня, омелы, макового сока, ртути...»⁴. В Сокращении «Естественной истории», известном под названием «*Medicina Plinii*»⁵, цветок омелы, замешанный с

---

² Андре утверждает, что омела на дубе – это особый вид омелы (*Loranthus Europaeus* Joch. – Plin. N.H. 16. 31 etc.), который во Франции не встречается (André 1956: 332).

³ Фисташка – бот. *Pistacia terebinthus*. Разводят в Греции. Получают масло, а также терпентинное масло для кондитерского производства. Плоды съедобны.

⁴ В тексте не уточняется, о каких частях омелы идет речь, возможно, о ягодах. Ту же рекомендацию с незначительными вариациями дает Диоскорид (5. 6. 10): «Выпитое в значительном количестве вино полезно тем, кто поел цикуты, кориандра, омелы, опия <...> или грибов». Нет ничего удивительного в том, что одно и то же растение может быть ядовитым и также служить лекарственным средством: все дело в дозировке получаемого продукта, длительности применения, способах приготовления и т. д.

⁵ Составление этой компиляции обычно относят к 300–350 гг.

известью, рекомендуется как хорошее средство против лишая (Med. Plin. 1. 18).

Однако чаще встречается *viscum* во втором значении этого слова – ‘птичий клей’⁶, получаемый из ягод омелы’. Это значение отмечено уже в комедиях Плавта: в «Вакханках» есть такое образное сравнение: «ваша ласка – просто птичий клей» (Plaut. Bac. 50 *viscus merus vostra* (e)st blanditia; Плавт употребил форму муж. р. *viscus* вместо обычной формы ср. р.)⁷. Встречается *viscum* в этом втором значении и у Катона (Cato Agr. 95. 2), также в сравнении: смесь от виноградных гусениц при варке будет готова, когда она станет густой, как птичий клей (*viscum*). Вергилий рассказывает о ловле птиц с помощью птичьего клея как об одном из первых изобретений человека, наряду с ловлей зверей и дичи силками (Verg. G. 1. 139 *tum laqueis captare feras et fallere*⁸ *visco inventum*)⁹. Очевидно, силки и клей для ловли птиц применялись вместе, как об этом можно судить по стиху одного поэта (G. Valerius Flaccus, I в. н. э.): 6. 263 *illa* (sc. avis) *dolis viscoque super correpta sequaci* «она /птица/, схваченная силками и вдобавок послушным клеєм»¹⁰. Затем *viscum* стали употреблять для обозначения клея, получаемого не только из ягод омелы, но также клейких веществ из других растений, например, из *чертополоха*, название которого *chamaeleon, ontis*, m и f, было заимствовано из греческого¹¹. Этим термином обозначались

⁶ Точнее было бы переводить не притяжательным прилагательным ‘птичий’, а ‘птицеловный’, т. е. клей, предназначенный для птиц (таков, например, перевод И. Х. Дворецкого в «Латинско-русском словаре»).

⁷ Таким сравнением Плавт при изображении сильных чувств пользуется неоднократно (может быть, оно не индивидуальное, авторское, а стереотипное); ср. в той же комедии: Plaut. Bac. 1158 *tactus sum vehementer visco, cor stimulo foditur* «крепко схвачен я *птичьим клеєм*, жало пронзает сердце».

⁸ Обращаем специальное внимание на употребление глагола *fallere* ‘обманывать’ в сочетании с *viscum*.

⁹ Известно, что охота с помощью ловчих птиц (например, соколиная) возникла довольно поздно по сравнению с луками, силками, копьями и пр. В скандинавском эпосе *рука птицелова* метафорически (так называемый *кеннинг*) обозначалась как *земля сокола*. Лат. *falco, onis* ‘сокол’ засвидетельствовано поздно – в Итала и у Сервия, комментатора Вергилия (IV в. н. э.).

¹⁰ Еще ранее в сатуре Варрона «Парменон» (Var. Men. 385–387) говорится о том, что Диана дала все необходимое для ловли боязливого зайчонка: плетеную четырехугольную сеть (*rete*), клей (*viscum*) и веревку (*linteam compedam*).

¹¹ Греч. χαμαιλέων; чертополох – род колючих растений семейства сложноцветных. Около 120 видов, в Евразии и Сев. Америке. Многие виды – сорные растения, некоторые – медоносы.

различные растения за то, что их листья имели меняющуюся окраску (André 1956: 84): различались, например, *ch. albus* ‘белый’ и *ch. niger* ‘черный’. Первый из них, хамелеон белый (или блестящий – *candidus*) выделял под паузами листьев (*sub alis*¹² *foliorum*) белое липкое вещество (Plin. N. H. 22. 45).

Довольно древним является отыменное прил. *viscātus, a, um* ‘смазанный птичьим клеем’. Третья книга Варрона о сельском хозяйстве посвящена разведению птиц; в одной из глав (Var. R. R. 3. 7. 7) дается совет, как защитить голубей от хищных птиц – ястреба или коршуна: голубятники обычно убивают этих стервятников с помощью двух веток, смазанных птичьим клеем (*duabus virgīs viscātis*) и воткнутых в землю; под эти ветки для приманки сажали голубя. У поэта Силия Италика (автор *Punica*, I в. н. э.) говорится о птицелове, который (буквально) «опустошает рощи тростником¹³, смазанным птичьим клеем» (*Sil. 7. 674 qui viscāta populatur harundine lucos*). Очень рано прил. *viscātus* приобретает переносное значение с негативным оттенком, образуя различные словосочетания: *viscātae manus* ‘вороватые руки’, т. е. руки, к которым все прилипает (Lucilius Maior, II в. до н. э.); в письмах Плиния Младшего – *viscāta munera*¹⁴ ‘корыстные подарки, рассчитанные на получение выгод’ (Pl. Ep. 9. 30. 2); у Сенеки – *ista viscāta beneficia* ‘эти благодеяния, заманивающие в ловушку’ (Sen. Ep. 8. 3). У Овидия появляется глагол *viscāre* ‘ловить или прочно закреплять с помощью птичьего клея, склеивать’: *Ars Amat.*¹⁵ 1. 391 *non avis utiliter viscātis effugit alis*: в стихотворном переводе М. Л. Гаспарова «птица не пустится в лет, когда крылья схвачены клеем». Здесь *viscātus* – перфектное причастие пассивного залога в составе *ablativus absolutus* с временным значением ‘после того как’ или условным ‘если’.

Производным от *viscum* в его втором значении ‘птичий клей’ является *viscarāgo, inis f* – другое название того же чертополоха, греческое название которого *chamaeleon*, как выше сказано, было заимствовано латинянами. Как объясняет Исидор Севильский (энциклопедист раннего средневековья, ум. в 636 г.), растение (*sc. herba*) названо по-латыни *viscarāgo*, так как оно выделяет (*gignat*) *viscum*, т. е. ‘клейкое вещество’. И других позднелатинских производных от *viscum* было немало; например новообразования *viscinus, viscineus, viscillārius*, зафиксированные в глоссах, означали

---

¹² Здесь *ala* ‘пазуха’ (ботанический термин).

¹³ Обозначено конкретное растение, которым пользовались при ловле птиц. Лат. *harundo, inis f* ‘тростник’ не имеет надежной этимологии.

¹⁴ Полное словосочетание – *viscātis hamātisque muneribus; hamātus* ‘снабженный крючком’ (от *hamus, i m* ‘крючок’).

¹⁵ Поэма Овидия *Arg amatōgia* ‘Искусство любви’.

'птицелов', т. е. то же, что старый латинский композит *aucers* 'птицелов' или 'продавец птиц'¹⁶, встречающийся уже в комедиях Плавта: Plaut. As. 215 *aucers* quando concinnavit aream, offundit cibum «когда птицелов подготовил ток, он сыплет корм для птиц». Хороший пример имеем у Петрония (I в. н. э.): Petr. Met. 40. b parati aucupes cum harundinibus fuerunt «были готовы птицеловы с тростниками», еще раз свидетельствующий, что в Италии для ловли птиц очевидно использовали смазанный птичьим клеем тростник¹⁷. Вяжущее на вкус, терпкое вино имело определение *viscidum* (греч. στύφος οἶνος). Можно упомянуть прил. *viscosus* 'клейкий, липкий'¹⁸.

Остается ознакомиться с мнениями лингвистов относительно происхождения лат. *viscum*. «Этимологический словарь латинского языка» Эрну и Мейе ограничивается одной полувопросительной фразой: «здесь должна быть связь с греч. ἰξός; но какая?»¹⁹. И это всё. Греч. ἰξός, сущ. муж. р. в отличие от лат. *viscum*, которое обычно является существительным ср. р.²⁰, имеет те же самые значения – 'омела' и 'птичий клей, получаемый из омелы'. В своей статье «Латинский ботанический словарь» Эрну (Ernout 1965: 133) относит *viscum* к большой группе терминов, не имеющих надежного объяснения, и указывает на предполагаемое заимствование, вместе с греч. ἰξός, из неиндоевропейского языка²¹. Таким образом, Эрну и

¹⁶ Композит *aucers* состоит из двух корней: *avis* 'птица' и *capio* 'брать, хватать'.

¹⁷ В стихотворении Ибсена «Птица и птицелов» есть такие строки: «В детстве сделал я ловушку / Из еловых веток гнутых, / Подождал две-три минуты / И поймал в нее пичужку» (Г. Ибсен. Собр. соч. т. 4, М., 1958. С. 515. Пер. Т. Г. Гнедич). В разных климатических зонах Европы орудием для ловли птиц служили ветви разных деревьев; еловые ветви могли быть клейкими от смолы.

¹⁸ Прил. *viscōsus* послужило основой для создания многих современных специальных технических терминов – вискоза, вискозное полотно, вискозиметр – прибор для измерения вязкости жидкостей и газов.

¹⁹ В монографии А. Эрну «Аспекты латинского словаря» *viscum* рассматривается в ряду средиземноморских заимствований со следующим комментарием: «Часто предполагают неопределенную связь между *viscum*, латинским названием омелы, и греч. ἰξός, с которыми сближают также др.-в.-нем. *wihselfa* 'сорт вишни' и русск. *višnja*; однако нет никакого следа присутствия нач. F в ἰξός» (Ernout 1954: 43).

²⁰ Возможно, Плавт употребил форму муж. р. *viscus* по греческому образцу (Plaut. Vas. 50). Латинские названия деревьев, как правило, существительные жен. р., хотя наблюдаются и колебания в роде, а названия плодов – ср. р. (*mālus*, i f 'яблоня' – *mālum*, i n 'яблоко'). Оба названия – омелы и птичьего клея из ее ягод – сущ. ср. р.

²¹ Впервые лат. *viscum* сопоставил с греч. ἰξός Ваничек (Vaniček 1881).

Мейе отмечают для названия *омелы* наличие итало-греческой изоглоссы, а когда этимологи сталкиваются с эксклюзивной изоглоссой, для которой, как они полагают, нет соответствий в других индоевропейских языках, всегда можно думать об общем заимствовании из третьего источника.

Следует заметить, что, помимо общих значений, в системе производных лат. *viscum* и греч. ἰξός есть и сходства, и различия. Существительным жен. р. ἰξία греки могли обозначать и омелу, и чертополох белый, χαμαίλέων λευκός, выделявший клейкое вещество (напомним, его лат. название *viscarāgo* образовано с помощью специфически латинского суффикса -āgo-)²²; ἰξίας m ‘чертополох черный’ (у Аристотеля). Был в греческом и деноминативный глагол ἰξεύω (= лат. *viscāre*) ‘ловить с помощью птичьего клея’; с одним из самых распространенных суффиксов деятеля образовано ἰξευτής ‘птицелов’ (как было отмечено, латинское образование от *viscum* для имени деятеля находим только в глоссах). У Аристотеля встречается название одного вида дроздов, любителей ягод омелы – ἰξοβόρος²³. Среди многочисленных эпитетов Τύχη, греческой богини удачи, случая, судьбы, счастья был и эпитет ἰξευ(η)ρία ‘липкая, клейкая’, т.е. завлекающая, улавливающая людей (латинский аналог – *Fortuna viscāta*) (Frisk: 728).

«Этимологический словарь латинского языка» Вальде и Хофмана в качестве соответствий лат. *viscum*, помимо греч. ἰξός, приводит, однако, следующие германские формы: др.-в.-нем. *wihselā*, совр. *Weichselkirsche* – этот ботанический термин в Немецко-русском словаре (под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой) переводится как ‘черемуха-антипка, магалебка, кучина’, нижненем. *wihсила (напр. в геттингенском *wisselbeere* ‘*Zwisselbeere, Holzkirsche*’ (= ‘черешня, птичья вишня’, по Линнею это *prunus avium* ‘птичья слива’) и, с метатезой, нижнем. *wispel* ‘мушмула’ (с -sp- по *Mispel* ‘мушмула’) – это все названия деревьев, также дающих клей (Schröder H. IF. 17. 317 f.); кроме того, слав. *višnja* (откуда заимствования – литов. *vyszne*, латыш. *viksna*, др.-прус. *wisnaytos* ‘вишни’) (Schröder H. IF. 22. 194). Попутно следует заметить, во-первых, что никаких соответствий из скандинавских языков латинскому *viscum* не приводится и, во-вторых, что в приведенных германских и славянском соответствиях, фонетически весьма сходных с *viscum*, налицо семантический перенос: *омела* → *вишня*, откуда можно

²² В некоторых случаях латинские авторы (напр. Plin. N. H. 22. 45 и др.) для обозначения обеих разновидностей чертополоха использовали также формы, транскрибированные с греч.: *ixia*, *ae f* и *ixion* (-um), *i n*.

²³ Во втором элементе композита ἰξοβόρος тот же корень, что в глаголе βιβρώσκω ‘поедать, сжирать’, лат. *vogo* ‘пожирать’.

сделать вывод о переименовании омелы в германских языках²⁴. И заканчивается статья об этимологии *viscum* так: «Дальнейшее родство латинских *viscum* 'омела' и *virus* 'яд' доказывается значением прил. *viscidus* 'вязкий, горький', которое в поздней латыни большей частью означает именно 'горький, резкий' и очень редко 'липкий'» (WH 2: 802). В известном труде Гамкрелидзе и Иванова рассматриваются те же самые итало-греческо-германо-славянские соответствия, но под другим углом зрения: речь идет о происхождении славянского названия *вишни*²⁵, для которого реконструируется и.-е. *uik^[h]s- (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 644 прим. 2). Та же картина в Словаре Фасмера в статье *вишня*, где объясняется семантическая связь указанных соответствий: «вишневый клей²⁶ и ягоды омелы применяются как птичий клей» (Фасмер 1986. Т. 1: 325).

Первое, что важно подчеркнуть в изложенных этимологических версиях, – это допущение метатезы в лат. названии омелы: *viscum* < *vic-som*, ср. греч. (F)*iksos*; метатеза согласных -cs- > -sc- считается вполне допустимой²⁷ и могла быть вызвана наличием в латинском языке многочисленных именных образований на -*cus*, -*ca*, -*cum*²⁸

---

²⁴ Перенос названия одного растения на другое, иногда совершенно не похожее, – не столь уж редкое явление. Доказано, что лат. *farnus* и *fraxinus* 'ясень' восходят к и.-е. названию березы. Впервые римляне увидели березу, которая в Италии не растет, должно быть, в Галлии и заимствовали ее кельтское название *betul(l)a*.

²⁵ Др.-в.-нем. *wihсила* этими авторами переводится как 'черная вишня'. Разнобой в переводе ботанических названий – весьма характерное явление в исследованиях, посвященных арбореальной этимологии.

²⁶ В стихотворении Саши Черного о четырех временах года (написано в 1920) есть такие строки: «А летом всего веселей /Вишневый обкусывать клей» (Собр. соч. Т. 5 «Детский остров», М.; 1996. С. 24). По-видимому, вишневый клей и липкий, и сладкий на вкус.

²⁷ Именно этот пример метатезы согласных (*viscum* < *uicsom*) приводится в «Исторической грамматике латинского языка» И. М.Тронского (Тронский 2001: 136), из чего следует, что И. М., как Эрну и Мейе, признает правомерность сближения латинского и греческого слов. Однако, «в истории латинского языка метатезы согласных происходили лишь спорадически» (там же).

²⁸ Ф. де Соссюр в статье «Индоевропейские прилагательные типа *caecus* 'слепой'» иллюстрировал свою концепцию аналогии как движущей силы создания новых лексем на материале латинских прилагательных, обозначающих *физические недостатки* (Saussure 1912). В действительности -*cus*, -*ca*, -*cum* – чрезвычайно полифункциональный суффикс, самостоятельно и с различными наращениями служивший для образования

(например, прил. *vescus*²⁹, сущ. *viscus, eris* п 'внутренности'), особенно в сфере ботаники: *vica* (или *vinca*) *pervica* (*pervinca*) 'барвинок', 'вьюнок'. Объяснение формы *viscum* без метатезы сталкивается с значительными трудностями. Так, в монографии М. Фрюй о деривации латинских имен с суффиксом *-cus* (Fruyt 1986), *viscum* вместе с рядом других ботанических названий включено в группу неясных, немотивированных слов как заимствование из неиндоевропейского языка, не позволяющее определить структуру этого слова. Тем не менее, в этой книге есть раздел о прилагательных, обозначающих некое качество предмета, таких, как его состав, густота, плотность, цвет, форма, образованных с помощью комплекса **is-ko-* (суффикс сравнения **-ye/os-* в нулевой ступени и **-ko-* – суффикс аугментативный). Например, прил. *mariscus* – название низшего сорта крупных фиг – М. Фрюй объясняет как 'отличающийся (своей) величиной'³⁰. Автор полагает, что это объяснение вполне может быть распространено на некоторые слова на ... *scus* из ботанического словаря, обычно рассматриваемые как неясные, средиземноморские, лигурийские или кельтские; и применяя этот метод к названиям плодов по их цвету, объясняет *asin-usca* 'сорт винограда' из *asinus* 'осел', благодаря серому цвету, *ceru-isca* 'груша' из *cervus* 'олень', за ее коричневый цвет и др. Таким образом, констатирует М. Фрюй, в семантическом поле названий винограда и плодов получил развитие суффикс *-uscus* или *-iscus*, перенесенный затем на субстантивные основы, обозначающие животное или растение по характерной окраске, цвету. М. Фрюй в качестве примеров привела слова производные, с довольно прозрачной – в ее интерпретации – этимологией; что касается *viscum* 'омела', никакого нового объяснения ею не предложено, да и трудно было бы его ожидать, когда, при отделении суффиксов, от корня остается только нач. *v-*. Этому слову в ряду десятка других ботанических названий (список на сс. 247–248 монографии) вынесен окончательный приговор: термины диахронически неясные и никакому синхроническому сближению не поддаются (С. 262).

имен в нескольких лексико-семантических классах, среди которых и ботанические названия.

²⁹ Это прилагательное заключало в себе несколько противоположных смыслов: 1. прожорливый, обжора 2. истощенный, худой, тощий 3. разборчивый в еде, привередливый, пресыщенный.

³⁰ Ср. мнение Вальде и Хофмана: *mariscus, a, um* и *marisca, ae f.*: неизвестного происхождения, вероятно заимствование; *-is-co-* не подлинно латинское, см. *lentiscus* (WH 2: 40). Однако, на наш взгляд, названный суффикс, являясь составной частью заимствованных слов, вполне мог адаптироваться в системе латинского словообразования.

Отсюда с неизбежностью встает вопрос о выборе: или рассматривать *viscum* как форму без метатезы и оставить слово фактически без этимологии, сославшись на неи.-е. происхождение и считая его заимствованием из неизвестного источника, или признать наличие метатезы: *viscum* < *viscom и попытаться объяснить происхождение фитонима.

Ранее мы установили, что общим семантическим признаком, который очевидно заложен в фонетически сходных словах родственных и.-е. языков, хотя и обозначающих столь различные даже внешне деревья, как *омела* и *вишня*, могло быть только значение '(птичий) клей'. Значит ли это, что лат. *viscum* в собственном языке служило лишь производящей основой и его предполагаемый корень **vic-* (-*s-* именной суффикс, как, например, в *ter-s-a > *terra*; о причинах метатезы -*ks-* > -*sk-* см. выше) был изолированным и не встречался нигде за пределами собственного словообразовательного ряда? Следует рассматривать *омелу* как амбивалентное растение и не упускать из виду, что она обладала способностью не только прикреплять, привязывать к себе с помощью клея³¹, но как паразитирующее растение и сама прикреплялась к другим деревьям, поэтому можно предположить включение *viscum* в семантическое поле группы *vincio* (где -*n-* глагольный инфикс) 'вязать', 'привязывать', 'связывать' и т.п. и родственного фитонима *vicia*, *ae f* 'вика', 'кормовая трава'³². Лат. *vicia*, как и *viscum*, Андре и Эрну-Мейе относят к словам неизвестного происхождения, отмечая притом древность этого названия, что имеет немаловажное значение (*vicia*, как и *viscum*, есть уже в «Земледелии» Катона). Однако Вальде и

³¹ См. о названии *омелы*, представленном во всех славянских языках, в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера; в частности, есть версия о родстве фитонима *омела* со слав. *jeti, *jimo (см. *возьму*), где -*ela* аналогично *пчела*; в таком случае первоначальное значение слав. *омела* (*viscum* < *uiscum*) – «хватающая», потому что из ягод и коры *омелы* готовили клей для птиц (Фасмер 1986. Т. 3: 139). Интересен факт совпадения финали -*ela* в слав. *омела* и в др.-в.- нем. *wihselā*. Ср. также еще одну точку зрения относительно происхождения слав. *омела*, представленную в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС 1990: 596; автор статьи Ж. Ж. Варбот): «Названия растения *омелы* (*Viscum album* L.) в славянских языках позволяют предполагать исходную праславянскую лексему *emela (с вариантами), образованную от глагольной основы **em-* 'брать, хватать' (отсюда рус. «вз-ять». «возьму»), но первичная мотивация толкуется *двойко*: растение было названо как 'берущая, хватающая, цепляющаяся', поскольку из него добывали птичий клей, или название определялось паразитическим образом жизни растения».

³² Описание *vicia*, данное Варроном, см. ниже.

Хофман рассуждают иначе: для *vincio* и *vicia*, рассматриваемых в их Этимологическом словаре в пределах одной словарной статьи, приводятся соответствия из латышского – *wikne* ‘усик растения’ и глагольная форма *wikt* ‘становиться гибким, мягким, сгибаться’ и, что самое интересное, из древнеиндийского – *vīciḥ*, что собственно значит ‘сгибание, склонение’, но фактически за этим словом закрепились переносные значения, очень важные для сравнения с *viscum* и его производными, а именно ‘обман, обольщение, соблазн’ (вспомните лат. *beneficia viscāta* ‘об-ман-ные благодеяния’, ‘благодеяния, которыми за-ман-ивают’). О родстве *vicia* и *vincio* свидетельствует уже Варрон (*Res Rusticae* 1. 31. 5: *vicia dicta a vinciendo* «*vicia* получила свое имя от *vincio*») и приводит обоснование: потому что *vicia*, как и виноградная лоза (*vitis*), имеет усики (*carpelli*), которыми она цепляется за стебли других растений, чтобы на них повиснуть, т. е. обвивает, обхватывает. Как нам представляется, это одна из тех этимологий Варрона, которые внушают доверие. Перссон (Persson 1891: 175) производит *vicia* от основы *uei-q³³ ‘гнуть, поворачивать’, содержащей тот же корень, что и *vitis*³³ ‘виноградная лоза’, *vieo*, его ‘связывать, плести’ и прочие производные, с разного рода детерминантами-расширителями, в основном – названия растений, в том числе *ива*.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этим исследованием о лат. *viscum* ‘омела’ я в определенной мере обязана проф. А. С. Либерману. В сентябре 2003 г., когда в Санкт-Петербурге проходила конференция «100 лет со дня рождения проф. М. И. Стеблин-Каменского», А. С. выступил с заключительным докладом «Бальдр и омела» (Lieberman 2003: 330–336), в котором речь шла о главном эпизоде исландского мифологического цикла – смерти Бальдра, сына верховного бога Одина, убитого слепым богом Хёдом; в «Эдде» орудием убийства явилась *омела*, единственная из всех субстанций – огня, воды, железа, всех предметов, животных и птиц, которая по своей молодости была обойдена и не дала клятвы, что не нанесет вреда Бальдру. Многочисленные исследователи исландского эпоса отмечали, что *омела* – мало подходящее растение в качестве смертельного оружия³⁴. А. С. ставил себе задачей именно «понять роль *омелы* в

---

³³ *vitis* < *u(e)i-ti- (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 650).

³⁴ По версии Е. М. Мелетинского, Бальдр был убит *стрелой из омелы*, единственного незаговоренного растения (ИВЛ. Т. 2: 471). В таком случае следует, по-видимому, допустить в подлиннике метонимическое употребление фитонима вместо названия материала, из которого было

этом мифе» (С. 331) и предложил свою версию решения проблемы. С помощью целой серии доказательств – текстологических, этимологических, ботанических и этнокультурных А. С. приходит к выводу о том, что перед нами – более поздний вариант мифа, где *омела* как орудие убийства заменила собой *чертополох* или, что более вероятно, *тростник*,³⁵ представленный в ранней версии. Такая замена в мифе могла произойти в период особо интенсивных скандинаво-британских контактов, во времена викингов, когда английские легенды и поверья стали популярными в Норвегии и Исландии. Ботанические характеристики омелы, полагает А. С., не имеют никакого отношения к делу (С. 336). В Англии омела растет в изобилии, а в Исландии она вообще не растет, и исландцы, в отличие от англичан, не имели правильного представления об этом растении и его свойствах, что явствует из текста мифа. Поэтому А. С. склоняется к мнению группы ученых, считающих исландское название омелы *mistilteinn* заимствованием из др.-англ. *mistel(tan)* (к сожалению, оно само плохо объясняется). Но на скандинавской почве англ. *mistil* 'омела' семантически (– вероятно, и по созвучию) сближалось с чрезвычайно важным для исландцев словом *mistr* 'туман', который у них ассоциировался со смертью. Таким образом, А. С. пришел к полному отрицанию роли омелы в исландском мифе о смерти Бальдра.

Оставляя за скандинавистами право и далее ломать копыта относительно происхождения др.-исл. *mistilteinn*, ограничимся некоторыми соображениями общего характера. Известно, что в народной ботанике особое обозначение получают только те растения, которые важны как полезные или вредные для данного сообщества, а если растение значимо в нескольких отношениях, то язык может располагать несколькими его названиями. Эту картину мы наблюдаем в языках тех скандинавских стран, где *омела* растет: ее название в Норвегии³⁶ – *ledved* ('ветка' + 'дерево', т. е. 'ветви на чужом дереве'), в Швеции – *fogellim* 'птичий клей', *marettulle* (?), *flygron* 'летучая зелень (?)' и т. п., в Дании – *fuglelim* 'птичий клей', *flyveron* (?), т. е. *омела* имеет этимологически вполне прозрачные

сделано орудие убийства. Аналогичным образом в латинских текстах названия деревьев с крепкой древесиной нередко служили обозначениями *копья*, *стрелы* или *дротика* (*cornus* 'кизил', *ornus* 'ясень', *pinus* 'сосна', *quercus* 'дуб', но только не *viscum* 'омела'!).

³⁵ Об употреблении в древней Италии тростника, смазанного птичьим клеем, для ловли хищных птиц, см. выше.

³⁶ Омела растет лишь в очень ограниченной части Норвегии, в южной и центральной Швеции.

«народные» названия³⁷. Разнообразие «народных» названий объясняется тем, что они могли даваться одному и тому же растению в соответствии с его разными характерными признаками, иногда довольно случайно выбранными (по форме и цвету листьев, цвету коры или древесины, по запаху, вкусу плодов и пр.), а также в зависимости от использования – в быту, сельском хозяйстве, в медицине, в военном деле и пр. В момент возникновения названия тот или иной признак мог получить временное преобладание в сознании над другими, и наименование закрепляется за растением, несмотря на то, что актуальность признака может исчезнуть и не ощущаться больше (Кацнельсон 1986: 97). Кроме того, с течением времени фитоним мог подвергаться различным фонетическим изменениям, его внутренняя форма переставала быть прозрачной, забывалась и делалась просто «маркой» определенного растения. Вполне возможно, что именно это случилось с названиями *омелы* в английском (mistletoe) и немецком (Mistil) языках³⁸, как, впрочем, и в латинском (если только не считать *viscum* заимствованием). Прежде чем пытаться объяснить происхождение названия какого-либо фитонима, необходимо получить представление о внешнем виде того растения, которое им обозначается, изучить его свойства и использование; именно этими установками мы руководствовались, изучая лат. *viscum*. Что касается роли омелы в мифе о смерти Бальдра, выскажем следующую точку зрения: конечно, исландцы могли заблуждаться относительно облика омелы, которая у них не растет, но получить из английских легенд некоторые сведения о свойствах этого растения (например, о том, что оно может быть ядовитым) и его применении (в частности, о клее из ягод омелы, который использовали для ловли птиц) они все-таки могли.

Остается добавить, что в некоторых странах Западной Европы (Англии, Франции) омела – рождественское растение: под ее ветками целуются, желая друг другу счастливого Нового года³⁹.

---

³⁷ Ср. поздно возникшее (Plin. Val., IV в. н. э.), явно «народное» латинское наименование осины *tremulus* ‘дрожащая’, от глагольного образования от *tremo* ‘дрожать’, данное ей за трепещущие листья; отсюда франц. *tremble* ‘осина’.

³⁸ Нельзя упускать из виду и факт переноса в германских языках первоначального (или одного из нескольких) названия *омелы* на вишню (см. выше): этот перенос мог способствовать возникновению (или заимствованию?) для омелы нового обозначения.

³⁹ См., например: Ч. Диккенс. Рождественский обед // Сб. «Святочные рассказы». СПб.; 1992. С. 6.

Литература

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси.
- ИВЛ – История всемирной литературы. Т. 2. М.: «Наука», 1984.
- Кацнельсон 1986 – С. Д. Кацнельсон. Язык поэзии и первобытно-образная речь // С. Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука. С. 86–106.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Тронский 2001–Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. 2 изд. М.
- Фасмер 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.
- Яковлев, Блинова 1999 – Энциклопедический словарь лекарственных растений и продуктов животного происхождения / Под ред. Г. П. Яковлева и К. Ф. Блиновой. СПб., 1999.
- André 1956 – André J. Lexique des termes de botanique en latin // Etudes et commentaires 23. Paris.
- EM – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire tyologique de la langue latine. Vol. 1–2. Paris, 1959.
- Ernout 1954 – Ernout A. Aspects du vocabulaire latin. Paris.
- Ernout 1965 – Ernout A. Le vocabulaire botanique latin. Philologica III. Etudes et commentaries, v. 59. Paris.
- Frisk – Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bde. 1–2. Heidelberg, 1954–1970.
- Fruyt 1986 – Fruyt M. Problèmes methodologiques de dérivation à propos des suffixes latins en ... *cus* // Etudes et commentaires 99. Paris.
- Liberman 2003 – Liberman A. S. Baldr and the Mistletoe // Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. М. И. Стеблин-Каменского. СПб. С. 330–336.
- Persson 1891 – Persson P. Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation. Uppsala.
- Saussure 1912 – F. de Saussure. Adjectifs i.-e. du type *caecus* «aveugle» // Festschrift für W. Thomsen. Leipzig. S. 202 sq.
- Vaniček 1881 – Vanicek A. V. Etymologisches Wörterbuch der lat. Sprache. 2 A. Leipzig.
- WH – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3-te Aufl., bearb. von J. B. Hofmann. Bde. 1–2. Heidelberg. 1938–1954.

СУДЬБЫ ЛАТИНСКИХ ФИТОНИМОВ НА БАЛКАНАХ

Исследуемый данный небольшой «букет» латинской фитонимической лексики был выбран по следующим соображениям. Пять из анализируемых ниже латинских лексем – *fraxinus* ‘ясень’, *phaseolus* ‘фасоль’, (*quercus*) *robur* ‘дуб черешчатый’, *ruta* ‘рута’ и *vicia* ‘вика’ – осели в албанском языке и прочно закрепились именно за соответствующими растениями (См. Miklosich 1871: 28; Meyer 1891: 111, Pușcariu 1905: 642; Çabej 1996: 214; Çabej 2002: 307, 332; Çabej 2006: 254; Naarmann 1972: 42, 127, 142, 146, 157; Mihăescu 1993: 48; Orel 1998: 102, 376, 388, 508; и мн. др.). В этой связи интересно выяснить, проникли ли данные латинские фитонимы в другие балканские языки, представлены ли они на уровне общенародного употребления или узко локально? Какова степень сохранности данных исходных латинских лексем? Какие семантические сдвиги и дифференциации могли произойти при распространении описываемых латинских фитонимов по Балканскому полуострову? Шестая латинская лексема *plantāgo* ‘подорожник’ попала в сферу наших интересов особо, а именно по причине своей внутренней формы, традиционно приписываемой данному слову – от *planta, ae* ‘стопа, подошва’ якобы по признаку сходства листьев подорожника со ступней человека (Ernout, Meillet 1939: 512; Borza 1968: 132). Для проверки такого предположения можно попытаться не только обнаружить рефлексy данного латинизма на Балканах, но и провести сопоставление с иными балканскими мотивационными моделями.

Максимальную сохранность латинской фитонимической лексики на Балканах следует предполагать прежде всего в восточно-романских языках как прямых потомках «балканской латыни», а также в албанском как продолжателе древнеалбанского языка, впитавшего в свой лексический состав целые пласты разговорной латыни. По определению А. В. Десницкой, латинская лексика в албанском это «не отдельные заимствования, но мощный субстратный компонент, участвовавший в формировании нового языка новой народности» (Десницкая 1987: 27). Для остальных балканских языков латинские элементы следует считать заимствованиями. Это относится и к греческому, и к южнославянским языкам. Ход политической истории способствовал тому, что примерно с IV в. н. э. длительное *взаимодействие* греческой и римской *высокораз-*

витых культур постепенно затормаживается. В ранневизантийский период начинается более сильное влияние латинского языка на греческий. Однако в повседневной жизни в восточной части Римской империи могли возникать ситуации двуязычия, специализация обоих языков по областям применения. Не вдаваясь в глубину сложнейшей проблемы отношений между латинским и греческим языками в разные периоды их истории, отметим только, что большая часть латинских фитонимов была воспринята греческим, по всей видимости, именно в период IV–VI вв. н.э. Славяне, пришедшие на полуостров в VI веке, уже не застали того мощного римского влияния, им довелось общаться «с многочисленным романизованным населением, говорившим на начинавших слагаться романских языках» (Десницкая 1987: 30). На долю славян достались лишь немногочисленные заимствования в виде отдельных вкраплений в основном в сербский, хорватский и словенский из восточно-романского языка Далмации. Что касается болгарского и македонского, то латинские слова проникали сюда в основном книжным путем, но можно предполагать, что в древнеболгарском они могли заимствоваться непосредственно и из разговорной латыни (Милев 1957: 55). В этой связи интересно проверить, в какой мере присутствуют древние фитонимы-латинизмы в балканославянских языках.

Речь в работе пойдет о наименованиях шести важных для народного быта и культуры растений: это два ландшафтообразующих дерева – ясень и дуб обыкновенный, фасоль как один из главных компонентов балканской кухни, распространенное кормовое растение вика кормовая, важные лекарственные травянистые растения подорожник и цветок рута душистая.

1. FRAXINUS ясень известен на Балканах в основном в двух его видах: *Fraxinus ornus* ясень белый (манный, цветистый) и *Fraxinus excelsior* ясень обыкновенный (высокий, черный). Ясень белый распространен в регионе очень широко. Он образует красиво цветущие заросли по открытым пространствам, сухим солнечным склонам, светлым лесным опушкам, в поймах рек, часто растет в смешанных и лиственных лесах в смеси с дубом и каштаном, заходит в буковые и пихтовые леса. Собранные в пышные густые метелки белые и желтые цветки довольно сильно пахнут и привлекают многочисленных нектарососущих насекомых. Древесина у него светлая, слегка желтоватая. Ствол и листья белого (манного) ясеня выделяют застывающий на воздухе сок, называемой «манной». Черный или обыкновенный ясень отличается довольно невзрачными цветками, произрастает лишь в горных влажных лесах до высоты 1600–1700 м над уровнем моря. Свое название получил по окраске листьев, довольно темной по сравнению с листьями других видов

ясеня. Древесина крепкая, также темная – коричневая (<http://www.rook.org/earl>).

2. PHASEOLUS (VULGARIS) фасоль обыкновенная (совр.), а скорее PHASEOLUS ‘фасоль’. До появления в Европе южноамериканской и центральнойамериканской фасоли, появившейся после плаваний Колумба, под этим фитонимом в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке значилось, скорее всего, совершенно иное бобовое древнее одомашненное растение типа маша (маш восточный) – *Vigna radiata*, *Vigna sinensis* или *Phaseolus aureus* фасоль золотистая (Жизнь растений 1981: 197). На самом деле эта зернобобовая культура, внешне напоминающая фасоль (тонкие длинные плоды заполнены маленькими зелеными овальной формы бобами) не относится к данному роду, а является очень сходной с ней зернобобовой культурой (БСЭ 1974, 530). С приходом через Испанию в Европу *американской фасоли* в XVI веке сама культура была быстро ассимилирована, в особенности в странах Подунавья, а слово *phasēlus* стало обозначать иной ботанический и кулинарный объект.

3. QUERCUS ROBUR дуб черешчатый, обыкновенный или летний. Это одно из самых мощных растений Балкан, достигающее возраста 1200 лет (Новак 1985: 185; Жизнь растений 1980: 21, 308).

4. RUTA (GRAVEOLENS) рута (душистая/пахучая). Сильно ароматическая трава, растущая по сухим, обычно каменистым и щебнистым склонам и скалам по всему Средиземноморью. Произрастает она не только спонтанно, но культивируется также в крестьянских садах по всей Южной Европе. Рута душистая содержит остро-горькое эфирное масло, которое со времен римлян используется как пряность и медицинское средство, однако в малых количествах, поскольку в противном случае может вызвать отравление, а свежая трава может стать причиной воспаления и даже ожогов кожи. Однако, несмотря на это рута издавна находит широчайшее применение в народной медицине (Жизнь растений 1981: 249; Butura 1979: 204).

5. VICIA (SATIVA) вика или горошек посевной, кормовой, вика посевная. Относится к семейству бобовых и является одной из самых старых кормовых культур, скорее всего родом из Малой Азии и Ближнего Востока (Новак 1985: 239)

6. PLANTAGO подорожник – широко распространенное травянистое многолетнее растение, во многих своих видах используемое в народной и официальной медицине, в производстве шелковых и хлопчатобумажных тканей, а также в пищу (Жизнь растений 1981: 440).

FRAXINUS

ЛАТ. *fraxinus*, -ī ‘ясень’ относится А. Эрну к 20 несомненным исконно латинским названиям растений индоевропейского происхождения (Ernout 1965: 130). Сюда же примыкает, возможно, иное по происхождению, но сблизившееся в процессе адаптации лат. *farnus* ‘ясень’. Интересны другие индоевропейские фитонимические соответствия, несколько удаленные семантически, а именно – наименование березы: санскр. *bhūrja*, рус. *берѣза*, литов. *bėržas*, др.-в.-нем. *birihha*. Изменение значения *fraxinus* и *farnus* от ‘береза’ к ‘ясень’ могло произойти потому, что на Апеннинах италики берез не встретили, и значение древнего индоевропейского корня было приспособлено под название внешне сходной древесной породы (Ernout/Meillet 1939: 252; Грошева 2005: 256).

Реальным основанием для уподобления двух данных пород деревьев могло быть, по мнению исследователей (см., в частности, Грошева 2005: 271), общее внешнее сходство *коры* дерева – ‘белый, блестящий’, поскольку, как отмечалось выше, изначально данная лексема предназначалась для обозначения березы (Грошева 2005: 271). Однако, как нам кажется, внешнее сближение с березой могло возникнуть не только по одному, а по целому комплексу характерных для белого ясеня и березы общих признаков, создающих в целом некий светлый, светящийся образ дерева: прежде всего это светлая кора; заостренные листья сидят на ветках довольно редко, крона сильно просвечивается, лучи легко проникают и вся листва кажется наполненной светом, сиянием; надрезы на коре выделяют сладкий съедобный сок¹. К этому следует добавить, что хотя ясень манный и не обладает столь ослепительной белизной ствола, как береза, однако во время цветения эффект необыкновенной белизны и чистоты достигается массой желтовато-белых пышных метелкоцветий (Симкин 1982: 45).

В **АЛБ.** FRAXINUS представлен в двух основных фонетических формах: *frashën* (гер.) и более поздней ротацированной *frashër* (тоск.), которые служат для обозначения как родового понятия, так и обеих разновидностей дерева – белого и черного ясеня. По поводу алб. *frashën* первым высказался Г. Майер с точки зрения его итальянского происхождения < *frassino* ‘ясень’ (Meyer 1891: 111). Однако латинское происхождение алб. *frashën* / *frashër* из лат. *fraxinus* бесспорно доказали все занимавшиеся им этимологи:

---

¹ То, что сок березы не затвердевает, а сок ясеня образует на воздухе массу упругих желтоватых комков – вполне съедобную «ясеневую манну», является второстепенным.

Miklosich 1871: 28; Puşcariu 1905: 642; Çabej 1996: 214; Naarmann 1972: 127; Orel 1998: 102.

Помимо родового наименования встречаются видовые. Для Fraxinus ornus ясеня белого это односоставные (не родовые !) с исконной албанской суффиксацией: *frashnje* (Дибра), *frashnjë* (Пермет), *frashtën* (Эльбасан), *frasht* (говор Селит-э-Вогэль у Тираны), а также *fillirë* (Калабрия) и двусоставные: *frashër i bardhë* букв. ‘белый яшень’ (говор Тираны), *f. i egër* букв. ‘дикий яшень’, *f. mali* букв. ‘горный яшень’ (FEB 2003: 123; Mitrushî 1955: 379). Для Fraxinus excelsior яшень черный или обыкновенный также характерны как односоставные номинации: *frash*, *frashë*, *frashnje*, *frashnjë*, *frashtën* (в гегских говорах), *frasht* (Косова), так и двусоставные: *frashër i lartë* букв. ‘высокий яшень, т.е. растущий высоко’, *f. i bardhë* букв. ‘белый яшень’, *f. i butë* букв. ‘мягкий яшень’², *f. i egër* букв. ‘дикий яшень’, *f. i rrezes* букв. ‘ясень луча, лучистый’, *f. i zi* букв. ‘ясень черный’, *f. mali* букв. ‘ясень горный’, *f. uje* букв. ‘ясень водяной’ в Большой Мальсии, *f.* букв. ‘ясень обыкновенный’ (FEB 2003: 122–123; Mitrushî 1955: 380). Следует обратить внимание на казалось бы ничем не обоснованное употребление одного и того же видового эпитета в составных народных фитонимах как для обозначения белого, так и для черного ясеня: ‘белый’, ‘дикий’, ‘горный’. Собранный материал не позволяет судить о том, происходит ли смешение этих фитонимов внутри одного говора³. Единственным неясным расширением албанского диалектного родового наименования ясеня осталось *f. uje* ‘ясень водяной’.

В современном ГРЕЧ. для наименования ясеня наряду с исконными *μελία*, *μελίό*, *μελίός*, *μέλεγος*, восходящим к др.-греч. *μελία*, ион. *μελίη* (Ανδριώτη 1967: 201)⁴, используется и другой фитоним *φράξος* как несомненно латинское заимствование (Ανδριώτη 1967: 411), никаких следов которого в древнегреческом не обнаруживается.

Лат. FRAXINUS хорошо сохранилось и восточнороманских языках Балкан. См. РУМ. литер. родовое *frasîn*. При этом Fraxinus

² Ср. ниже рум. диал. *galeş* Fraxinus ornus < макед. *галележ* ‘ласковый, нежный’.

³ Интересно, что аналогичное явление встретилось и в болгарских говорах, например, *бел ясен* ‘белый яшень’, ‘черный яшень’, *чер(ен) ясен* ‘белый яшень’, ‘черный яшень’, *муждрян* ‘белый яшень’, ‘черный яшень’ могут обозначать в разных говорах как Fraxinus ornus, так и Fraxinus excelsior (Давидов, Явашев 1939: 168).

⁴ Происхождение морфологически и этимологически изолированного др.-греч. *μελία* остается неясным (Chantraine 1974: 683; Frisk 1970: 202).

excelsior представлен лишь одной латинской лексемой в румынском: *frasin*⁵, а также двумя славянскими заимствованиями в истрорумынском *oesic*, *iasig* (Bozga 1968: 71). Чаше встречающийся в Восточной Рومании *Fraxinus ornus* отражен бóльшим набором междиалектных синонимов (*frasin*, *frasîn*, *fräsiniță*, *urm*, *urn*, *mojdrean*, *moşdrean*, *galeş*), включая народные терминологические словосочетания-фитонимы: *frasin de munte* букв. ‘горный ясень’, *f. negru* букв. ‘черный ясень’ и даже *f. urm* ‘вязовый ясень’. При этом *urm/urn* < лат. *ulmus* ‘вяз’, *mojdrean*, *moşdrean* и *galeş* – славизмы (ср. болг. диал. *муждран*, *муждрян*, *муждрен* ‘ясень’, макед. *галез* ‘ласковый, нежный’, ср. выше по метафоре алб. *frashën i butë* ‘мягкий ясень’)⁶.

МЕГЛ. *frasin* и **АРУМ.** *frapsin* < лат. *fraxinus* (Скурт дикционар 1978: 461; Papanagi 1963: 468). Другая арумунская форма *θrapsi* ‘ясень’ возводится Т. Папахаджи к некоему не обнаруженному мной греч. θράψος (Papanagi 1963: 1063), что, как нам кажется, можно каким-то образом связать с θραψερός ‘упитанный, сочный’ < θρέφω ‘кормить’. Называние растения могло осуществиться по его характерному признаку – выделяемому сладковатому затвердевшему соку (‘ясеновой манне’, камеди), вполне съедобной и употребляемой в пищу. Не исключю предположить также, что это попытка «народного» переосмысления на греческой почве латинского заимствования *fraxinus*.

Не выявлено ни одного рефлекса данного латинизма ни в одном из славянских балканских языков, более того, вся лексика здесь за крайним исключением – исконно славянская⁷.

⁵ См. также диалектные дакорумынские формы: *fracşîn*, *frapsin*, *frapşin*, *frapşin*, *frasen*, *frasin*, *frăşinel*.

⁶ Ср. также румынское название растения *Dictamnus albus* ясенец беловатый *frăşinel* уменьш. ‘ясень’ = *floarea focului* букв. ‘цветок огня’ (Vutură 1979: 102), одиночно произрастающее в степных сухих местах на солнечных участках по Южной Европе. Интересна внутренняя форма ‘ясень’, каким-то образом метафорически соединяющая эти два растения, причем ср. даже в русском языке – ‘ясенец беловатый’, т.е. растение, ассоциирующееся со светом, ясностью.

⁷ **БОЛГ.** *Fraxinus excelsior*: *ясен*, *осеново*, *осен*, *беля я.*, *черен я.*, *чер я.*, *църн я.*, *муждран*, *муждрян*, *женски я.*, *планински я.*, *диспудак* (тур., см. ниже); *Fraxinus ornus*: *бел ясен*, *виско я.*, *кличат я.*, *кличат я.*, *ясен*, *мана я.*, *манов я.*, *муждрен*, *мужски я.*, *маждрянка*, *черен я.*, *чер я.*, *чер осен* (Давидов, Явашев 1939: 168). **МАКЕД.** *ясен*. **СЕРБ/ХОРВ.** *F. excelsior*: *бијели јасен*, *велики ја.*, *женсојасен*, *лучкојасен*, *лушки ја.*, *польски ја.*, *јесеновец*; *F. ornus*: *јасен*, *црни ја.*, *брдски ја.*, *горски ја.*, *дивљи ја.*, *мушки ја.*, *мушкојасен*, *босија*, *вели трн*, *велики трн*, *замор* (Симоновић 1959: 201–202).

Несомненными параллелями-балканизмами при наименовании ясеня, независимо от того, представлено ли родовое слово-понятие латинизмом *FRAXINUS* или славизмом, можно считать следующие эпитеты в терминологических словосочетаниях:

1. 'белый': алб. *frashër i bardhë*, болг. *бел ясен*, серб./хорв. *бијели јасен*;
2. 'черный': алб. *frashër i zi*, рум. *frasin negru*, болг. *черен ясен* и под., серб./хорв. *црни јасен* и под.;
3. 'дикий': алб. *frashër i egër*, серб./хорв. *дивљи јасен*;
4. 'горный': алб. *frashër mali*, рум. *frasin de munte*, болг. *планински ясен*, серб./хорв. *брдски јасен*, *горски јасен*;
5. 'высокий': алб. *frashër i lartë*, болг. *виско ясен*, серб./хорв. *велики јасен*, *вели трн*, *велики трн*.

Ни одна из мотивационных моделей не отражена в турецком названии ясеня – *dişbudak*, где *diş* 'зуб, зубец' + *budak* 'ветка; сук'.

Итак, в балканском ареале лат. *fraxinus* особенно прочно закрепился в албанском языке, являясь по сути единственной лексемой для обозначения как рода ясеня, так и отдельных его видов. В албанском ее характеризует обилие фонетических и словообразовательных вариантов, появившихся собственно на албанской почве. Наличие двусоставных номинаций (терминологических словосочетаний) свидетельствует о различии в народной фитонимии видового разнообразия. Несмотря на наличие в дакорумынских диалектах ряда славянских по происхождению «заместителей», проникших значительно позже, лат. *fraxinus* можно считать унаследованной лексемой по всей Восточной Рومании (за исключением истрорумынского). В отличие от албанского, где в лат. *fraxinus* не произошло ни одного семантического отклонения, в румынском материале в ряде случаев наблюдается смешение (или сближение) лат. *fraxinus* 'яшень' и лат. *ulmus* 'вяз'. Что касается новогреческого, то лат. *fraxinus* конкурирует с древними исконными *μελία*, *μελιό*, *μελιός*, *μέλεγος*. В балканославянских языках следов данного латинизма не наблюдается вообще.

PHASEOLUS (VULGARIS) = PHASĒLUS

ЛАТ. *phaseolus*, *-ī < phasēlus*, *ī* 'фасоль, длинный турецкий боб (т. е. маш)' – общепризнанное заимствование из др.-греч. *φάσηλος* 'фасоль' (Ernout, Meillet 1939: 505).

В АЛБ. именуются следующие лексемы для наименования данного растения: *frashuall/frashuell*, *fasule*, *pasulë*, *groshe*, *groshë* (FEB 2003: 216; Naarmann 1972: 41, 142). Их можно подразделить на три группы: непосредственный латинизм *frashuall/frashuell*, латинизм,

опосредованный новогреческим – *fasule*, *pasulë* и славизм – *groshe*, *groshë*.

Не сохранившееся в современном нормативном албанском *frashuall/frashuell* восходит непосредственно к лат. *phaseolus*, имеет тяготение к гегскому ареалу языка и отличается вторичным эпентетичным *-r-* (Orel 1998: 102). Наиболее распространенные тосканские формы типа *fasule* – результат адаптации нгр. φασόύλι. Старый славизм *groshe*, *groshë* – метафорическое (по внешнему уподоблению) наименование съедобных плодов-бобов (а отсюда и всего растения), что в конечном счете опять-таки восходит к латыни < ю.-слав. *grosъ* ‘старое название монеты’ < нем. *Groschen* или чеш. *groš* < лат. *grossus* (*denarius*) (БЕР 1965: 286). Ср. распространение этого славизма в его прямом значении (наименование монеты) вплоть до рум. *groș*, нгр. γρόσι, тур. *kuruş*.

НГР. φασόλι, φασόύλι, φασιόλος – естественное продолжение др.-греч. *φάσηλος*.

Восточнороманские языки на Балканах в этом случае не донесли до наших дней латинское наследие: все дакорумынские и арумынские рефлексы данной лексемы свидетельствуют о довольно позднем новогреческом происхождении (*fasule* и под.⁸ < φασόλι, φασόύλι). При этом трансильванские диалектизмы типа *pasole*⁹ вероятнее всего проникли из венг. *pszuly*. В истрорум. *fajolă* заметно влияние итал. *fasiol*, *fagiolo*. В **АРУМ.** южные формы типа *fäsule* и северные типа *fasul’iu*, а также редко встречающееся *păscul’iu* – все непосредственно из нгр. φασόύλι (Parahagi 1963: 454). Возвращаясь к дакороманским говорам, важно подчеркнуть, что в них довольно обильно представлены не только рефлексы данного позднего грецизма, но и иные исторические пласты лексики: 1. балканский автохтонный элемент субстратного характера *mazăre*, *mazere*, *mazine* *Pisum sativum* ‘горох’ (переход фитонима с другого культурного растения, видимо, более древнего в данных районах), 2. славизм *bob*, *bob turcesc* ‘турецкий боб’ (также приспособление иногo фитонима, что опять же связано с усвоением новой сельскохозяйственной культуры, доселе неизвестной), 3. турцизмы *baclău* (< тур. *bakla* ‘бобы’) в Македонии и *baghi* (< тур. *bağ* ‘связка, пучок’) в Тульче (ср. аналог. серб. диал. *плетенац*)¹⁰.

⁸ См. рум. диал. и арум. *fasoale*, *fasolă*, *făsui*, *fasolie*, *fasolică*, *făsuliță*, *făsulă*, *făsule*, *fusuli*, *fasuliu*, *fisaică*, *fuso* (Borza 1968: 127–128).

⁹ Речь идет также о *păsulă*, *pisulă*, *pîsolă*.

¹⁰ Здесь все дакорумынские материалы по: Borza 1968: 127–128. См. также другие румынские диалектные наименования *Phaseolus vulgaris* либо экспрессивного характера, либо неясного происхождения: *broancă*, *postae*, *tea*, *tecă*, *țirțărică*, *iucăvă*.

БОЛГ. также демонстрирует явный широко распространенный грецизм *фасул*, диал. *васуль, пасуль* (Давидов, Явашев 1939: 232; Младенов 1941: 660). Однако изредка в диалектах встречаются и славянские названия: *боб, сочиво, сочио* (Давидов, Явашев 1939: 232). То же можно сказать и о **СЕРБ/ХОРВ** *пасуль*¹¹. Как и в дакорумынском, в ряде сербских говоров обнаруживаем фитозамену – перенос с наименования гороха (см. славизмы: *грах* и под., *бели грах, грах-тачкаш, грах-рогачић, грах-голубњак*) и боба (см. славизмы: *боб, машки боб*), а также массу иных наименований, обычно экспрессивно окрашенных и явно мотивированных¹².

ТУР. *fasulye* также вне всяких сомнений заимствовано из нгр. *fasóvli*.

Таким образом, албанский – единственный язык на Балканах, унаследовавший латинское PHASEOLUS, которое в свою очередь само является рефлексом древнегреческого *φάσηλος* ‘фасоль’¹³. Однако албанский латинизм *frashuell* не является общенародным, а ограничен гегским ареалом. В этом смысле североалбанский сблизится с западнороманскими языками, где итал. *fasiol, fagiolo*, сардин. *fasolu*, испан. *faychiela*, португ. *feijão*, каталан. *fesol, fesoler* (Meuser-Lübke 1968). Все прочие языки (даже балканороманские!) оказались вне сферы влияния данного латинизма и заимствовали наименование данной культуры из ново- и среднегреческого. Как следствие довольно позднего вхождения в обиход фасоли для ее наименования носители балканских языков и диалектов приспособлялись названия иных, в чем-то близких растений, осуществляя фитозамены, а также зачастую прибегая к иноязычным заимствованиям.

ROBUR

Речь пойдет второй (видовой) части латинского фитонима *Quercus robur* дуб обыкновенный, черешчатый или летний. Согласно Эрну-Мейе, существительное *rōbur, oris* обозначало

---

¹¹ См. обилие диалектных вариантов: *бели пасуль, жути пасуль, фасул, фижол, бажуль, фаћуо, фажол, фажоли, фазоли, фасол, фасул, фасуль, фашон, пашон, пашуљак, фежол, фижол, фришон, фржоль, пажуль, пасуль пузавац, пасуль тачкаш* (Симоновић 1959: 347–348).

¹² См. боранија, буранија, попушка, почань, притичњак, приткаш, причинац, причаник, пузавац, пушит, роговилиц, роговилчек, тачкаш, трљанац, тркљаш (Симоновић 1959: 347–348).

¹³ Опять же подчеркнем, что данный фитоним обозначал скорее всего бобовое растение *Vigna radiata* маш восточный, ибо с самим растением *Phaseolus vulgaris* Европе пришлось познакомиться значительно позднее.

‘красный дуб, каменный дуб’¹⁴, а затем уже ‘любой предмет, сходный по цвету с древесиной этого дуба’, ‘любой предмет из данной древесины’, в частности ‘ошейник для преступника’, а затем ‘тюрьма’ (Ernout, Meillet 1939: 575). Данный субстантив имел древнюю форму *rōbus* (у Катона и Колумеллы) и восходит, с точки зрения Эрну и Мейе, к **rōbos* также в значении ‘красный дуб’ (там же). Созвучный лат. адъектив *rōbus*, *-a*, *-um* ‘красный’ представляет собой рефлекс древнего существительного ср. рода **reudh-os* (как и все наименования материалов и веществ) < корень **reudh-/rudh*, который встречается в различных обозначениях красного (*rūfus* ‘ярко-красный, рыжий’, *ruber* ‘красный’, *rūsus* ‘красный’ и др.) (там же).

Родство лат. прилагательного *rōbus*, *-a*, *-um* ‘красный’ и существительного *rōbur*, *oris* ‘древесина дуба; изделие из дуба; твердая древесная порода; дуб; ствол; крепость; сила’ не делает, однако, до конца ясной понятийную и семантическую связь между латинским обозначением красного цвета и наименованием некоторых видов дуба. Можно конечно предположить, что первичным у корня *rōb-* было цветовое значение (см. *robeus*, *robius*, *a*, *um* ‘красный’, *rōbīgo*, *inis* ‘ржавчина’), по каким-то причинам использованное для наименования дуба. При этом признаки номинации не совсем ясны, как призрачно вообще существование в Средиземноморье некоего мистического ‘красного дуба’, ибо, как известно, истинно красные дубы (*Quercus rubra* дуб красный, *Q. coccinea* дуб шарлаховый, *Q. palustris* дуб болотный и др., действительно отличающиеся красной осенней листвой, красноватой, но *очень мягкой древесиной*) не только в районе Средиземноморья, но и вообще в Европе не произрастают (Жизнь растений 1980: 310–312). Возможно, привлекла внимание окраска летнезеленых листьев, осенью приобретающих буровато-коричневый оттенок (правда, весьма далекий от красного)? Затем закрепленное за дубом *rōbur* перешло на название его крепкой древесины, затем любой крепкой древесины, любого изделия из крепкой древесины. По признаку крепости древесины, по долготелию, внешней мощи название дуба постепенно становится семантическим ядром для отражения таких понятий как ‘сила, крепость, мощь’: *rōbustus*, *a*, *um* ‘дубовый; твердый, крепкий;

¹⁴ Следует обратить внимание на существенное ботаническое различие видов дубов *Quercus robur* дуб обыкновенный (летний, черешчатый), *Quercus ilex* каменный дуб как типичное *вечнозеленое дерево* Средиземноморья с гладкой корой, эллиптическими листьями и *очень твердой древесиной* с коричневым ядром (БСЭ т. 11 1973: 266) и *Quercus petraea* дуб скальный *листопадное* дерево с пластинчатой корой, с остающимися на всю зиму засохшими до весны листьями и *очень мягкой древесиной* (Жизнь растений 1980: 308, 311).

сильный, могучий', *rōborō*, *-āre* 'делать крепким, сильным, укреплять', *rōborārium* 'загон для диких животных, обнесенный крепким деревянным забором, охотничий парк' и др.

Латинское *rōbur* в АЛБ. прекрасно сохранилось, причем в виде двух разновременных заимствований: древнейшего *rre* в значении *Quercus robur* дуб обыкновенный, летний (Haarmann 1972: 42; Русаков 1987: 135; Mihăescu 1993: 48) и более позднего *rrobull* в значении *Pinus leucodermis* сосна белокорая (боснийская или Гельдрейха) (Haarmann 1972: 146; Orel 1998: 388).

В период активных латинских заимствований в албанском сильно действовала тенденция к редукции конечных и начальных безударных слогов, которая перекрещивалась с параллельной тенденцией к выпадению интервокальных звонких спирантов β , γ , δ (Русаков 1987: 135). На стыке этих процессов и возник в албанском такой фитоним как *rrë-*, *rro-*, *rra-* для обозначения *Quercus robur*. В современном албанском *Quercus robur* – *rrënjë*, а в албанских говорах – *rrojzë* (северногег. Велипоья), *rrajë* (среднегег. Мамурас) (Mitrushi 1955: 355). Все они – несомненные суффиксальные производные.

Что касается алб. *rrobull* *Pinus leucodermis* сосна белокорая (с. Гельдрейха, или с. боснийская), восходящего к тому же лат. *rōbur*, то А. Ю. Русаков предполагает его более позднее проникновение в албанскую лексику, а «сохранение интервокального звонкого в данном случае объясняется спецификой данного слова как ботанического термина» (Русаков 1987: 136)¹⁵. При позднем заимствовании *rōbur* > *rrobull* произошел семантический перенос, «столь характерный для арборальной системы отдельных и. е. языков» (Грошева 2005: 271). Слово стало обозначать совершенно другое древесное растение *Pinus leucodermis* сосна белокорая, ничем (ни по внешнему виду, ни по характеру древесины) не схожее с дубом обыкновенным летним, или черешчатым. Это невысокая сосна, произрастающая в Западной части Балканского полуострова и в Южной Италии, не шире 2 м в диаметре с пирамидальной кроной и горизонтальными ветвями. Кора у нее блестящая, пепельно-серая (отсюда эпитет «белокорая»), пластинчатая. На молодых ветвях после отпадения хвои остаются крупные ромбовидные подушечки в виде панциря, за что ее часто называют «панцирной». Хвоя у нее светлая, желто-зеленая (<http://www.greengo.ru/>; <http://www.zelensad.com.ua/>; <http://astrasad.ru>). Дерево содержит много влаги, долго сохнет, тем не менее в Албании оно больше всего ценится из всех хвойных пород, широко используется для изготовления оконных и

---

¹⁵ О латинском происхождении *rrobull* из *rōbur* с диссимиляцией сонорных см. также: Orel 1998: 388; Haarmann 1972: 146.

дверных рам, в бочарном деле (Mitrushî 1955: 51–52). Ни цветом, ни твердостью древесины белокорой или боснийской сосны не может сравниться с древесиной дуба, особенно каменного.

Как это ни покажется удивительным, но в албанских диалектных наименованиях сосны белокорой *Pinus leucodermis* опять приходится столкнуться с использованием эпитета ‘красный’ (*kuq*): *rrobull i kuq* (Жорча), *arnen i kuq* ‘красная сосна’ (Мати), *artin i kuq* ‘то же’ (Шпат), *artir i kuq* ‘то же’ (Бэрзэштэ) [где *ar(n)* ‘сосна’ – искон. алб.], *pishë e kuqe* ‘то же’ [где *pishë* ‘сосна’ – искон. алб. родств. лат. *pînus*] (Mitrushî 1955: 51; ФЕВ 2003: 221). Во-первых, в основе такого наименования может лежать тот факт, что побеги молодого прироста – ржаво-красного цвета. Во-вторых, здесь находит свое отражение традиционное албанское внутрисистемное членение микрополя «Сосна» на три знаковые группы: сосны ‘черные’ – *Pinus nigra*, сосны ‘белые’ – *Pinus sylvestris*, *Pinus peuce* и сосны ‘красные’ – *Pinus leucodermis* (heldreichii).

В НГР. исконные названия для дуба обыкновенного *βαλανιδιά*, *βελανιδιά*, *др̆в̆* и *др̆в̆с̆* (Ανδριώτη 1967: 46, 85). Единственным соответствием лат. *robur* в нгр. можно считать некую диалектную форму *ρόμπολο* (*τὸ*) ‘дикая сосна’, обнаруженную Т. Папахаджи (Papaĥagi 1963: 149), которая могла возникнуть под влиянием албанского или арумьнского.

АРУМ. *arobul*, *robul* ‘вид хвойного дерева, ели’ > *aroabă* ‘еловая шишка’, *aroabulă* ‘сосновая шишка’, несомненно, из алб. *rrobull* (Papaĥagi 1963: 148–149, 908; Çabej 2002: 332)

В РУМ. никаких рефлексов лат. *rōbur* не находим, имеется лишь прилагательное *robust* ‘крепкий, здоровый, сильный’ (ср. франц. *robuste*, итал. *robusto*) от лат. *robustus* ‘дубовый; твердый, крепкий; сильный, мощный, могучий’. Для обозначения *Quercus robur* в дакорумынском используются практически исключительно одни славизмы¹⁶.

Все южнославянские языки и диалекты, по нашим данным, называют *Quercus robur* только исконными славянскими лексемами¹⁷.

¹⁶ Совр. стандартн. *stejar* + диал. *stojar*, *stăjer*, *stejer*, *trăjer* и др. (< слав. *стежерь* ‘опора, подпорка’) – *gorun*, *gărin*, *goron*, *goronaș* (< ю. слав., ср. серб., болг. *горун* ‘дуб обыкновенный’) – *sledun*, *slodun*, *șledun* (< ю. слав., ср. болг, макед. *сладун* ‘дуб’, по названию «сладких» = съедобных желудей) (Vorza 1968: 143).

¹⁷ БОЛГ. *даб*, *дубика*, *дуб*, *летен дуб*, *бел дуб*, *бела граница*, *горняк*, *горун*, *граница*, *груница*, *горняк*, *сладун*, *белика*, *беликапр*, *лъжник*, (Давидов, Явашев 1939: 256). Единственным предположительным исключением может быть *кърньк* < дакорум. *ċîrnaț* < *carne* ‘мясо’. СЕРБ. *даб*, *доб*, *дуб*, *дубица*, *дубовина*, *дробљак*, *белџич*, *белџик*, *гнелц*, *гнелец*, *гњелец*, *гњилец*,

ТУР. *meşe* – иранизм (Севортян 2003: 59).

Лат. *rōbur* отразилось в многочисленных рефлексах лишь в албанском языке, причем как следствие двух одновременных заимствований. Данный латинизм прочно вошел как в албанский общенародный язык, так и в гегские (в основном) и в тоскские диалекты, «оброс» албанскими суффиксами, претерпел семантический перенос (фитозамену). В новогреческом лат. *rōbur* обнаруживается только как опосредованное диалектное заимствование из албанского или арумьнского, в арумьнском, в свою очередь, как опосредованное заимствование из албанского. Ни в обширном дакорумьнском массиве, ни в балканославянских языках и диалектах следов данного латинизма нет.

RU^{TA} GRAVEOLENS

ЛАТ. *rūta*, *-ae* ‘рута; перен. горечь, неприятность’, по мнению Эрну-Мейе (Ernout, Meillet 1939: 583) – общероманское слово (за исключением румынского), см. итал. *ruta*, фр. *rue*, испан. *ruda*, каталон. *ruda*, сардин. *ruda*, *arruda*, португ. *arruda*. Происхождение в лат. из др.-греч. *ῥυτή* Эрну и Мейе оставляют под вопросом.

В АЛБ. современной стандартной формой считается *ryzë* (FGSS 1981), однако специальный словарь предоставляет и локальные формы: *rutë*, *ruzë*, *rucë* (FEB 2003: 251). Рассуждая об этимологии алб. *ryzë*, Э. Чабей упоминает о возможности происхождения непосредственно из др.-греч. *ῥυτή*, поскольку, как известно, албанский воспринял массу слов, касающихся названий растений, именно из древнегреческого (Çabej 2002: 307). Однако, с его точки зрения, именно ударное корневое *y* свидетельствует о латинских истоках данного фитонима, причем в качестве переходных ступеней следует считать **rytzë* < **rytë* (Orel 1998: 376). При этом *-zë* является частотным суффиксом при образовании фитонимов, ср. *trumzë* ‘тимьян’, *vigjëz* ‘вика’ (см. ниже). Алб. формы *ruzë*, *rucë* можно полагать вторичными от *ryzë*, а *rutë* скорее всего, как и румынское слово (см. ниже), книжного происхождения.

Лишь одна диалектная НГР. форма *ῥυτή* ‘рута’ продолжает др.-греч. *ῥυτή* (Sejdiu 1989: 51–52). Для современного литературного греческого языка характерно следующее также исконное название

горун, горун-мазник, грм, китъак, кончар, кочур, лужни хрост, лужник, лужняк, лужняка, љутик, нитнек, полетьни хрост, рани хрост, рањ, растежево, стежеј, стежов, храс, хрост, хрост лужник, хростовина, шушьави медунац, рошьак (Симоновић 1959: 389).

растения *Ruta graveolens* – ἀλήγανος < др.-греч. πήγανον¹⁸ ‘рута’ (Ανδριώτη 1967: 28).

РУМ. *rută* С. Пушкириу возводит непосредственно к лат. (Pușcariu 1905, 1489). Однако уже у Мейер-Любке (Meyer-Lübke 1932: 617 № 7470) в статье, посвященной лат. *rūta*, среди романских языков румынский даже не упомянут. В ряде современных работ рум. *rută* названо «книжным словом» и считается взятым не из народно-разговорной, а из письменной средневековой латыни (DLRM 1958: 730; Çabej 2002: 307)¹⁹.

В **АРУМ.** рефлекса лат. *rūta* обнаружено не было. То же касается и **БОЛГ.** материала, представленного турцизмами и грецизмом²⁰.

В современных литературных **СЕРБ.** и **ХОРВ.** языках рута пахучая имеет два синонимичных обозначения – *sedef* (< тур.) и *ruta* (СПР 1970: 171). Однако материал диалектов обнаруживает большое лексическое разнообразие у данного фитонима (Симоновић 1959: 411), которое по этимологическому признаку можно расчленить на несколько групп: славизмы, унгаризмы, турцизмы²¹. Что касается главной интересующей нас лексемы *ruta*, то *рута*, *руда*, *рунда*, *рутва*, *рутвица*, *рутица*, *ситна рута*, *питома руда*, *винска рутвица* (ср. кальку с нем. *Wein-Raute*) – это скорее всего относительно позднее европейское (немецкое) влияние. В словенском *ruta*, *vinska ruta*, *vinska rutica* – исключительно книжное слово (Slovar slovenskega 1985: 559). Объясняется это тем, что пришедшая с востока и распространившаяся в Средиземноморье рута путе-

¹⁸ Др.-греч. πήγανον обладает типичным для фитонимов суффиксом, ср. λάχανον ‘огородное растение, овощ, зелень’, πλάτανος ‘платан’ и др. и тем самым может быть с формальной точки зрения идентично лат. *pāgina*, однако никак не связано с ним семантически (Chantraine 1974: 893; Frisk 1970: 524).

¹⁹ Прочие диалектные наименования руты душистой в румынском – унгаризмы: *virnaņ*, *virnaņ*, *viņa*, *vîrnaņ* (Borza 1968: 152), см. венг. *virnan*, *kerti ruta* букв. ‘садовая рута’.

²⁰ См. *седэфче*, *садефче*, *седефче*, *садеф*, *сидефче*, *сидефчи*, *садеф-оту*, *седеф-оту*, *атиган* (Давидов, Явашев 1939: 267–268) [< тур. *sedef* ‘перламутр’ (арабизм), *sedef otu* ‘рута, букв. перламутровая трава’ и нгр. ἀλήγανος ‘рута’]. Причину мотивированности «перламутр» в турецком следует скорее всего искать в окраске самого растения – стебель и листья руты серовато-зеленые, сизые.

²¹ См. славизмы *петопрсница*, *петопрстница*, грецизм *пигањ* (< нгр. ἀλήγανος), унгаризмы *веранд*, *вирента*, а также в адъективном словосочетании *вртна рутвица*, *вртна рутца* (< венг. *virnan*), турцизмы *седев*, *седеф*, *седефче*, *седефчић*, а также, вероятно, *меньик* как предполагаемое турецкое заимствование (ср. тур. *menetmek* ‘запрещать’, *menedilmek* ‘быть запрещенным’, т. е. мотивировка названия ядовитого, ‘запрещенного’, растения).

шествовала все дальше на север Европы вместе с монастырской фармакопеей (Цивьян 1989: 69), а следовательно, и с монастырской книжностью.

Итак, по нашим сведениям, рефлексы лат. *rūta* полностью отсутствуют на юге и востоке Балканского полуострова – у арумын, болгар и греков (обнаружены лишь грецизмы и турцизмы). Как собственно латинское заимствование укоренилось в албанском, причем как в общенародном узусе, так и в местных вариантах. На севере и северо-западе ареала у румын, хорватов, сербов, словенцев *ruta* представляет собой «отголосок» средневековой латыни или заимствование из немецкого.

VICIA (SATIVA)

ЛАТ. *vicia*, *-ae* ‘вика’ впервые встречается у Катона. Эрну-Мейе (Ernout, Meillet 1939: 732) сопоставляют с кельт. (галл.) *gwug*; герман. (др.-в.нем.) *wicka* (см. нем. *Wicke*). Правдоподобно связать с глаголом *vincīre* ‘обвязывать, обвивать’, поскольку кончиками стеблей, усиками вика хватается за другие растения и обвивает их.

В **АЛБ.** рефлексом лат. *vicia* можно считать северногегский (Мирдита) диалектизм *vigjēz* (Haarmann 1972: 157; Çabej 2006: 254). Первичным развитием лат. *vicia* было **viqë*, где латинскому *k* соответствовал регулярный алб. палатальный²². В северногегском **viqë* (благодаря регулярному озвончению согласного в конечном слоге + добавлению суффикса *-zë*) дало *vigjēz* (Çabej 2006: 254). Вл. Орел считает алб. *vigjēz* собирательной формой от **vigjë*, в свою очередь гиперкорректной формы от **viqë* < лат. *vicia* (Orel 1998: 508)²³. В албанских говорах Греции *vik*, *viki* *égjërë* – уже заимствование из **НГР.** βίκια, βίκος, куда в свою очередь вошло из латинского (Çabej 2006: 254).

Другим предположительным латинизмом среди региональных албанских обозначений вики можно считать *mollërë* (FEB 2003: 306) букв. ‘яблочки’ (по всей вероятности, уподобление по сходству круглых семян внутри стручков) (< *mollë* ‘яблоко’ < лат. *mālum* (Meyer 1891: 285; Orel 1998: 272). Однако был высказан ряд пред-

---

²² Ср. *qepë* ‘лук’ < лат. *cēpa* ‘лук’, *faqe* ‘щека’ < лат. *facies* ‘внешний образ, наружность’, *qiqër* ‘горох, горошина’ < лат. *cicer* ‘турецкий горох’ и др.

²³ Можно обратить внимание на ряд фитонимических диалектных композитов по всей видимости с тем же компонентом *vigj-*, с постоянством встречающимся в номинации ‘рябина’ (?!): *mollëvîçezë*, *vodhëvîçe*, *vollëvîçe*, *vadhëçe*, *vodhëvêç* *Sorbus aria* рябина белая (Mitruhi 1955: 107), *vimollëvîçe*, *vodhëvîçe* (центральная Албания) разновидность рябины *Sorbus torminalis* (Mitruhi 1955: 106).

положений о том, чтобы считать *mollë* ‘яблоко’ исконным албанским образованием или «средиземноморским» реликтом, родственным лат. *mālum* и др.-греч. μῆλον (см. по: Orel 1998: 272).

В современном албанском языке в качестве общепародного фитонима VICIA выступает *buxhak*, *buxhak (i zi)* (FGSS 1981; FEB 2003: 306). Этимология слова не совсем ясна. Алб. *buxhak* может быть турецким заимствованием < тур. *burçak* ‘вика’, а также тур. диал. ‘горох и различные растения семейства бобовых; чечевица; перен. град’ (Севортян 1978: 275). Слово родственно тур. *burç* ‘черный перец; омела’ и восходит к тюрк. корню *bur* ‘вить, обвинять’ (Севортян 1978: 276), что мотивационно параллельно лат. *vicia* < *vincĭre*. Как нам кажется, при этом нельзя отбрасывать возможность влияния и болг. диал. *бучак* ‘растрепанный, взломаченный’, а также, вероятно, макед. *бујак* ‘чаща, заросли’ – здесь имеет место уподобление по внешнему виду зеленой массы с перепутанными и сцепленными друг с другом тонкими стеблями.

Прочие исторические пласты албанской лексики представлены в виде следующих диалектных обозначений данного растения: исконные элементы *modhull* – в арберешских говорах Калабрии (Scutari 2005: 69), славизмы *grashinë*, *groshëz*, *groshilë*, *koçkullë* и слово неясного происхождения *mozgë* (FEB 2003: 306).

Исконным для НГР. словом, синонимичным вышеуказанным βικία, βίκος, выступает ὄροβος ‘вика’, ср. также ἐρέβινθος ‘Cicer arietinum турецкий горошек’ (др.-греч. ὄροβος ‘вика; турецкий горох’, ср. нем. *Erbse* ‘горох’, среднеирл. *orbaind* ‘зерна’) (Младенов 1941: 386)²⁴.

В РУМ. литературном языке для обозначения *Vicia* используются два синонима *măzărîche* и *borceag* (СПР 1970: 199). Первое из балкан. субстратн. *măzăre* ‘горох’ с уменьшит. суффиксом *-iche*, ср. алб. *modhull(ë)* ‘*Lathyrus tuberosus* чина, выющийся горошек’; второе южнослав. происхождения, ср. болг. диал. *бурчак* < тур. *burçak* ‘вика’. В первом слове используется механизм уподобления по внешнему облику другому растению – похожесть плода и семян (ср. рус. аналог ‘луговой горох’). Следов лат. *vicia*, сохранившегося во многих западнороманских языках – итал. *vecci*, франц. *vesce*, прованс. *vesa*, катал. *vessa* > испан. *veza* и др. (Meyer-Lübke 1933: 777 № 9308), в румынском нет.

Единственным унаследованным словом латинского происхождения для обозначения вики можно считать рум. диал. *lințe sălbatică*

²⁴ В нгр. диалектах имеются и славянские заимствования для обозначения данного растения: γάρφος, γυράχους, γράχος, ср. болг. *грах* (Budziszewska 1991: 14).

букв. 'дикая чечевица' < лат. *lēns, lentis* 'чечевица' + нар. лат. *salvāticus* < класс.лат. *silvāticus* 'лесной'.

Среди диалектных наименований растения в дакорумынском (помимо фонетических вариантов вышеописанных лексем – *mazāre, mǎzārică, mǎzāriche de câmp, mǎzeriche*) также много унгаризмов и несколько славизмов²⁵.

АРУМ. *vic* м.р. 'вика' < нгр. *βίκος* (Parahagi 1963: 1108).

В БОЛГ. никаких следов латинского *vicia* не обнаруживается. Однако само богатство и разнообразие диалектного материала в данном случае останавливает внимание²⁶.

В отличие от словенского, где *vika* относится к современному литературному языку (СПР 1970: 199), в **ХОРВ.** *vika* – редкое областное слово. Обычно в современном **СЕРБ.** и **ХОРВ.** языках – *грахорица, graorica (sijata)* уменьшит. от *грах* 'горох' (Речник српскохорватског 1962: 616)²⁷.

О ТУР. *burçak* 'вика', послужившем источником для соответствующих албанских и болгарских слов, см. выше. Что касается его синонима *fiğ*, то внешнее сходство и семантическое совпадение с лат. *vicia*, нем. *Wicke* (др.в-нем. *wiccka*), нгр. *βίκος* и тур. *fiğ* 'вика' привело Младенова к выводу о существовании здесь некоего «арийско-алтайского» корня (Младенов 1941: 661).

²⁵ См. *bechen, bicăn, bicantău de primăvară, bichen, bichină* (Borza 1968: 180) < венг. *bükkönyu* 'вика'; *bobişor* (слав. *боб* + уменьш. рум. суффикс. *-uşor*), с прозрачной мотивировкой, связанной опять же с уподоблением плода, и *cosiţă*, по своей мотивировке близкое к лат. *vicia* из *vincĭre* 'обвязывать, обвивать', где подразумевается переплетение тонких стеблей растения.

²⁶ Это исконные славизмы (*посевна*) *глушина, глушина, глушинец* (болг. *глушина* 'плевел, сорняк'), производные от *грах* 'горох' – *граор, граориче, грахориче, грахорица, грахор, греор*, а также *сухородица* и *чърнеж* (ср. алб. *bixhak i zi* букв. 'черный горох'); грецизмы *калафария* (< ?), *ров, урон, уров* (< нгр. *ὄρωος* 'вика'); турцизмы *фий* (< тур. *fiğ* 'вика'), *бурчак* (< тур. *burçak* 'вика') (материал по: Давидов/Явашев 1939: 309, 343).

²⁷ Ср. также прочие диалектные варианты: *голубињи грах, граверка, гракор, граовица, граор, граорица, грах-голубьяк, граховина, граховица, грахор, грахора, грахорица, грахорка, грашак, грашица, грашица, дивји грашак* (Симоновић 1959: 497). Иные сербские наименования данного растения (см. там же) также исконно славянские и представляют собой либо уподобления иным растениям, либо лексические неразличения внутри одного семантического микрополя смежных фитонимов: *ланик* (уменьшит. от *лан* 'лен' = 'дикий лен'), *куколь* ('куколь', сорное полевое растение), *дренчек* (связ. с корнем *дрен* 'кизил', отсюда производные *дреник* 'заросли кизила', *дреча* 'чаща', т. е. уподобление по признаку переплетения, запутанности стеблей) и др.

Лат. *vicia* сохранилось на диаметрально противоположных концах Балкан: на севере в албанских гегских и хорватских говорах и на юге – в новогреческом языке. При этом в новогреческом – это один из членов синонимического ряда, представленного исконными греческими словами. В арумынский лексема проникла опосредованно через новогреческий.

PLANTĀGO

Латинское название подорожника *plantāgo, inis*, возможно, образовано от *planta, ae* ‘стопа, подошва’ якобы по признаку сходства листьев со ступней человека (Ernout, Meillet 1939: 512). Вошло во все романские языки: итал. *piantaggine*, испан. *llanten*, франц. *plantain* и др. (Meyer-Lübke 1932: 546 №6577). Хорошо сохранилось и в дакорумынском: литер. *pătlăgină*, диал. *patlaginău* и мн. др.²⁸ Кроме того в румынском наблюдается большое разнообразие поздних народных метафорических названий подорожника, использующих ключевые понятия: а. «язык (быка, овцы, жеребенка)» по внешнему подобию листьев с языком животного, б. «мать (дождя, леса)», в. «трава (дорожная, большая)», г. «семечки, семена» и др.²⁹

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дали лексических сведений по данному фитониму в других балканороманских языках.

В АЛБ. данного латинизма вообще нет. Все виды *Plantāgo* в алб. – это *gjethedell* букв. ‘листья жилы, жилистые листья, листья с жилами’, а также диал. *fletë delli* ‘жилистый лист’, *bar delli* ‘жилистая трава’, *lap'delli* ‘жилистый лопух’, *dejç, dejza* – суф. произв. от ‘жила’, букв. ‘жилышник’ (FEB 2003: 222–223; Dictionary of weeds 1987: 181). Все наименования растения основаны на ярком признаке – крепких, легко отделяемых прожилках листа.

В НГР. также не обнаруживаем следов лат. *plantāgo*. Имеются соответствующие исконные греческие фитонимы ἀρνόγλωσσον и πέντανευρο (Dictionary of weeds 1987: 180; Carnoy 1959: 38, 207). Первый очень древний фитоним, восходящий еще к Теофрасту, имеет сходную с дакорумынской внутреннюю форму ‘овечий язык’ (ἀρνό- ‘овечий’) (Carnoy 1959: 38). Второй фитоним по образности и мотивировке близок албанскому, где πέντά – ‘пяти-’, а νεῦρον ‘волокно, жилка’, т. е. ‘пятижилый’. ‘многожилый’. Обнаруженный фитоним μεῖζον (?) (Иоаннидис 1966: 488) остается неясным по происхождению.

²⁸ См. рум. диал. *plătăgină, palăgină, parăgină, patlagea, patlagine, pârălaghie, batăgină* (Borza 1968: 132).

²⁹ Подробнее материал изложен: Домосилецкая 2008: 141.

Ни один из **БОЛГ.** диалектов также не обнаруживает даже следов рефлекса лат. *plantāgo*. Не вдаваясь в перечисление всего многообразия диалектного болгарского и македонского материала, остановимся только на важной для балканского ареала параллели – мотивировке ‘жила’ (ср. алб. *gjetthedell* и под.): *жиловлек* и под.³⁰, а также *петрожилка* и даже *пятижили* (ср. нгр. *πευτάνευρο!*) (Давидов, Явашев 1939: 239). То же относится и к **СЕРБ./ХОРВ.** многочисленным наименованиям подорожника. См. литер. *боква*, *боквица*³¹ (< бок (дороги), *trputac*. Опять-таки отметим лишь те наименования данной травы, которые важны для описания единой балканской «картины мира»: *жилник*, *жилњак*, *жилњак*, *жиловлак* (все связаны с корнем *жил-*, ср. алб., нгр., болг.), *jañeħu jezik*, *jañeħev jezik* ‘ягнчий язык’ (ср. рум., нгр.) (Симоновић 1959: 361–362).

В **ТУР.** *sinir otu*, где *sinir* ‘граница’, а *otu* ‘трава’, т. е. ‘пограничная трава, трава, растущая по границам, по бокам (дороги)’, что может вполне соответствовать по внутренней форме серб. *боква*, *боквица*.

Несомненными балканизмами при назывании подорожника можно считать:

1. мотивировку «язык (какого-либо домашнего животного)» – румынский, новогреческий, сербский, хорватский;

2. мотивировку «жила» – албанский, новогреческий, болгарский, сербский, хорватский.

Таким образом, сама лат. лексема *plantāgo*, *inis* сохранилась только в одном языке Балкан – дако-румынском, а ее внутренняя форма, якобы основанная на уподоблении листьев со стопой, не нашла отражения ни в одном из балканских языков и диалектов. Все разнообразие балканских мотивировок, причем вполне логичных и оправданных («жила», «язык», «дорога, путь», «бок», «граница» и др.), наводит на мысль о неправомерности сближения лат. *plantāgo* с лат. *planta*, *ae* ‘стопа, подошва’, тем более что реального внешнего уподобления по форме здесь никак нельзя усмотреть. Можно скорее предположить мотивационную связь с другим существительным-омонимом *planta*, *ae* ‘саженец, привой, рассада, растение’. См. сюда же *plantāria* ‘побеги, отростки, черенки’, *plantiger* ‘проросший молодыми побегами’, *planto*, *-āre* ‘разводить черенками, рассаживать’ (OLD 1983: 1387).³²

³⁰ См. также *жиловлак*, *жилавец*, *жиловец*, *жиловник*, *жиловрат*, *жилоглав*.

³¹ а также диал. *бокавац*, *буквица*, *буковац*.

³² Прим. члена редколлегии А. В. Грошевой. Автор статьи подвергает критике точку зрения Эрну и Мейе (Эрну-Мейе 1939: 512) об образовании фитонима *plantago*, *inis* f. ‘подорожник’ от *planta*, *ae* f. ‘стопа, подошва’

Естественно, столь небольшой объем проанализированных фитонимов латинского происхождения не может подвести к исчерпывающим выводам о степени включенности латинской лексики в народную ботаническую терминологию народов Балканского полуострова. Однако *предварительные* выводы очевидны.

В своей фундаментальной работе «Лексика албанского языка латинского происхождения в сопоставлении с румынской» К. Вэтэшеску (Vătăşescu 1997) на стр. 152–188 «Растительный мир» публикует исчерпывающий список в 184 латинизма с параллельным кратким анализом их дальнейшей судьбы в восточнороманских языках и албанском. Оказалось, что только 50 латинизмов представлены как в албанском, так и восточнороманском (например, *salix, salicis* ‘ива, верба’ – алб. *shelk, shelg* – рум. *salce, salcă*). В нашей работе к такой группе латинских фитонимов относится только FRAXINUS ясень. По Вэтэшеску, немного больше случаев, когда латинизм прочно осел в албанском, при полном отсутствии его следов в восточнороманских языках – 58 (например, **medicaster*

(по признаку сходства листьев этого растения со стопой ноги) на том основании, что, во-первых, «реального внешнего уподобления по форме здесь никак нельзя усмотреть» (с. 213), а, во-вторых, что предложенная Эрну и Мейе мотивировка названия подорожника «не нашла отражения ни в одном из балканских языков и диалектов» (там же). Предлагаемая же автором статьи мотивационная связь *plantago* с омонимом *planta*² в значении ‘саженец, привой, рассада, растение’ не может быть принята по нескольким соображениям: 1. *planta*² является отглагольным субстантивом от *planto* ‘уминать землю ногами’ > ‘вдавливать побеги, сажать’, 2. *planta*² не указывает на какую-либо характерную черту (или признак) подорожника; это общее, широкое название, подходящее для любого вида растения, в отличие от тех «народных» названий подорожника, возникших в балканских языках и отличающих одну из характерных особенностей этого растения – либо по его внешнему виду или по месту произрастания.

Именно ознакомление со всем разнообразием названий подорожника в балканских языках, с мотивировкой этих названий, навело на мысль, что сближение фитонима *plantago* с *planta*¹ ‘стопа, подошва’ не следует отвергать как неправомерное. Надо только попытаться дать ему правильное истолкование. Возможно, дело не в форме листьев отдельных видов подорожника, напоминающих подошву ноги, а в том, что подорожник растет *по границам, по бокам дороги* (ср. серб.-хорв. и тур. наименования, а также рус. *подорожник*), где его *топчут прохожие*, он растет *под ногами*. Именно место произрастания этой травы как один из ее характерных признаков могло быть использовано для ее названия. Покрепление этой мотивировки заключается в том, что и обозначение ‘саженца’ – *planta*² обусловлено способом посадки – землю вокруг него *утаптывали ногами*. Лат. *pes* ‘нога’ в метафорическом значении также употреблялось в значении ‘саженец’, ‘рассада’. Подробно о *planta* см. Грошева 2002.

‘шалфей’ < *medicus* – алб. *mëgashtër* ‘шалфей’ – в востром. нет). В нашей работе четыре фитонима подобного типа. Это PHASEOLUS фасоль, (QUERCUS) ROBUR дуб обыкновенный или летний, RUTA рута и VICIA вика, горошек посевной, т. е. если данные лексемы и представлены в восточнороманском, то только как поздние заимствования из новогреческого или книжная лексика, «культурное заимствование». И наконец, ббльшим числом, по свидетельству Вэтэшеску, представлены латинизмы, полностью отсутствующие в албанском, но осевшие в восточнороманских языках – 76 (например, *ulmus* ‘вяз’ – рум. *ulm* ‘вяз’ – алб. нет). В нашей работе это только один латинизм PLANTĀGO.

Что касается греческого, то из нашего фитонимического набора два латинизма прочно закрепились в нем – это φράζος (< FRAXINUS) и βικία, βίκος (< VICIA). Прочие наименования растений – исконные грецизмы. Лишь в одном из периферийных диалектных наименований сосны ρόμτολο можно усмотреть заимствование из албанского или арумьнского, восходящее в конечном итоге к лат. ROBUR.

Балканославянский материал в нашем исследовании предоставил единственное подтверждение позднелатинско-раннеславянских языковых контактов – это хорват. диал. и словен. литер. *vika*. Встречающиеся в славянских языках рефлексy лат. RUTA – это позднее книжное европейское (немецкое) влияние (словенский, хорватский, сербский).

Из всех шести описанных латинизмов-фитонимов лишь один – ROBUR – можно считать балканизмом, не представленным в западнороманских языках.

Литература

- Большая советская энциклопедия. Т. 11. М., 1973; Т. 15. М., 1974 (= БСЭ).
Български етимологичен речник. Сост. Вл. Георгиев. И. Дуриданов.
Свезка IV. София, 1965. (Сокращ. БЕР)
Грошева А. В. Индоевропейское наследие в латинских названиях деревьев
// Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г.
Герценберга. СПб.: Наука, 2005. С. 252–272.
Грошева А. В. Роль метафоры в латинской ботанической терминологии и
номенклатуре // *Colloquia classica et indogermanica*. III. Классическая
филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 253–282.
Давидовъ Б., Явашевъ А. Материали за български ботаниченъ речникъ.
София, 1939.
Десницкая А. В. К изучению латинских элементов в лексике балканских
языков // *Romano-Balkanica* (Вопросы адаптации латинского языкового
элемента в балканском ареале). Л.: Наука, 1987. С. 3–36.

- Домосилецкая М. В. Латинская фитонимия в балканских языках и диалектах // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 23–25 июня 2008 г. СПб., 2008. С. 139–146.
- Жизнь растений. Т. 5 (1). М., 1980; Т. 5 (2). М., 1981; Т. 6. М., 1982.
- Иоаннидис А. А. Русско-новогреческий словарь. М., 1966.
- Милев А. Латинските имена в българския език // Български език. 1957. Т. 7. Кн. 1. С. 54–66.
- Младенов Ст. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Новак Ф. Иллюстрированная энциклопедия растений. Прага, 1985.
- Речник на българския език. София, 1977–2000.
- Речник српскохорватског книжевног и народног језика. Т. 2. Београд, 1962.
- Русаков А. Ю. К вопросу о фонетической адаптации латинской лексики в албанском языке // *Romano-Balkanica* (Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале). Л.: Наука, 1987. С. 127–144.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 2. (В). М., 1978; Т. 7. (М-Н П-С). М., 2003.
- Симкин В. Ясень // *Химия и жизнь*. 1982. № 7. С. 44–46.
- Симоновић Др. Ботанички речник. Имена биљака. Београд, 1959
- Словарь полезных растений на двадцати европейских языках. М., 1970. (Сокращ. СПР)
- Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978.
- Цивьян Т. В. Заметки по балто-балканскому мифологическому гербарии: РУТА // *Балто-славянские исследования* – 1987. М., 1989. С. 69–72.
- Borza Al. Dicționar etnobotanic. București, 1968.
- Budziszewska W. Zapozyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa, 1991.
- Butura V. Enciclopedie de etnobotanică românească. București, 1979.
- Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipës. Bleu IV. DH-J. Tiranë, 1996; Bleu VI. N-RR. Tiranë, 2002; Bleu VII. S-ZH. Tiranë, 2006.
- Çabej E. Studime gjuhësore. II. Studime etimologjike në fushë të shqipës. P-ZH. Prishtinë, 1976.
- Carnoy A. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain, 1959.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Т. III. Paris, 1974.
- Dicționarul limbii romîne moderne. Bururești, 1958. (сокращ DLRM)
- Dictionary of weeds of Eastern Europe: Their common names and importance. Amsterdam etc., 1987.
- Ernout A. Le vocabulaire botanique latin // *Philologica* III. Études et commentaries 59. Paris, 1965. P. 125–150.
- Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1939.
- Fjalor i emrave të bimëve: Dictionary of plant names. Tiranë; Prishtinë, 2003. (Сокращ. FEB)

- Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. V. I–II. Prishtinë, 1981. (Сокращ. FGSS)
- Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. II. Heidelberg, 1970.
- Haarmann H. Der lateinische Lehnwortschatz im Albanischen. Hamburg, 1972.
- Holoičev Ch. Sprachgeographische Betrachtungen über die Terminologie der Kulturpflanzen in der Balkansprachen // Zeitschrift für Balkanologie. Jg. XV. 1979. S. 40–50.
- Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
- Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Lfr. 9, 10. Heidelberg, 1932; Lfr. 13. 1933.
- Mihăescu H. La langue latine dans le Sud-Est de l'Europe. Bucarest; Paris, 1978.
- Mihăescu H. La romanité dans le sud-est de l'Europe. București, 1993.
- Miklosich Fr. Albanische Forschungen. II. Die romanischen Elemente im Albanischen // Denkschriften der Wiener Akademie. Phil.-hist. Cl. XX. Wien, 1871.
- Mitrushi I. Drurët e shkurret e Shqipërisë. Tiranë, 1955.
- Orel VI. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.
- Oxford Latin Dictionary. Ed. By P. G. W. Glare. Oxford, 1983 (сокращ. OLD).
- Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- Puşcariu S. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. Bd. I. Lateinisches Element. Heidelberg, 1905.
- Scutari P. I nomi delle piante nella comunità albanese del Pollino lucano. Università della Calabria, 2005.
- Sejdiu Sh. Çështje të onomasiologjisë fitonimike romane dhe ballkanike. Prishtinë, 1989.
- Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I, III. Zagreb, 1971, 1974.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika. T. IV. Ljubljana, 1985.
- Vătăşescu C. Vocabularul de origine latină din limba albaneză în comparație cu română. Burureşti, 1997.
- Ἄνδριώτη Ν. Ἐτυμολογικὸ λεξικὸ τῆς κοινῆς νεοελληνικῆς. Θεσσαλονίκη, 1967.

**ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИЗОГЛОСС
ИТАЛИЙСКОГО ДИАЛЕКТАЛЬНОГО КОНТИНУУМА
И ПРОБЛЕМЫ ИТАЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА
КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ
МОСКОВСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

В истории языкознания само понятие языкового союза, выделяемого по различным критериям, имело неоднозначное толкование. Так, Р. О. Якобсон определял языковой союз как факт широкой диффузии двух фонологических признаков. Для Н. С. Трубецкого, предвосхитившего развитие ностратического языкознания (ему принадлежит метафора «радужных звеньев», обозначавшая непрерывность: язык рассматривался как непрерывная сеть говоров, постепенно переходящих друг в друга), понятие языкового союза имело иной смысл.

Это несоответствие отметил Г. Бирнбаум, указав, что у Р. О. Якобсона сформулирована скорее теория языковых ареалов, чем языковых союзов, и попытался устранить известное противоречие введением понятия «интенсивности языкового союза».

Типологическая интерпретация языковой реконструкции может быть создана с опорой на живые языки с целью выявления пространственных отношений между языками родственными и неродственными, образующими в процессе конвергенции языковые союзы, а также при исследовании сохранившихся текстов на древних языках.

Важно соблюдать при этом традиционный принцип подхода к исследованию языка, последовательность которого строго соблюдал Н. С. Трубецкой. Согласно этой традиции, при изучении различных уровней языка необходима последовательность их соположения: сравнительная фонетика > сравнительная морфология > сравнительный синтаксис.

Этот принцип, заложенный фортунаатовской традицией сравнительно-исторического языкознания, был унаследован Н. С. Трубецким от его учителей и предшественников школы Ф. Ф. Фортунатова. Он был продолжен В. М. Иллич-Свитычем в «сравнительном словаре ностратических языков».

Последовательное изучение пространственных языковых изоглосс согласно учению Н. С. Трубецкого, который полагал, что языковое семейство может быть результатом чисто конвергентного

либо чисто дивергентного развития, а также может сочетать оба типа развития в разных пропорциях, может позволить определить характер и темпы языкового развития при сопоставлении фактов как неродственных, так и близкородственных языков.

Метод типологического анализа, применяемый к близкородственным языкам и диалектам, позволяет подтвердить мысль Н. С. Трубецкого о том, что основные процессы и изменения в истории языка могут быть выявлены на любом отрезке времени, и уточнить, что же характеризовало раннюю лингвистическую историю юго-западного индоевропейского диалектального континуума – генетические расхождения италийских диалектов или же языковые процессы конвергентного характера.

Согласно точке зрения итальянской неолингвистической школы, латинский и оскско-умбрские языки не восходили в древности к италийскому праязыку, а входили в италийский языковой союз.

Представители итальянской неолингвистической школы возводили оскско-умбрские диалекты к древнему языковому союзу, существовавшему некогда на территории Македонии и Фракии и объединявшему предков осков, умбров, а также армян, фригийцев и в известной степени кельтов, и в качестве одного из доказательств приводили фонетические, морфологические, синтаксические и лексические изоглоссы, общие для оскско-умбрских диалектов и эолийского диалекта греческого языка, но эти наблюдения носят в целом атомарный характер.

Известно положение Дж. Девото о том, что древним является не сходство, а различие латинского и оскско-умбрских языков. Эту же идею подчеркивает В. Пизани, отмечающий проникновение ряда черт классического латинского языка в оскско-умбрский и влияние диалектных особенностей других италийских языков на латинский язык (переход $d > r$, $d > l$).

Г. Р. Зольта использует в своих исследованиях результаты работы ученых – последователей воззрений Дж. Девото на древность различий италийских языков и на их позднейшее сходство; в частности. Дж. Девото полагал, что оскский язык в целом более консервативен, чем умбрский.

Такая позиция Дж. Девото совпадает с заключениями А. Мейе и И. М. Тронского, который при исследовании фонетического строя латинского и других италийских языков отмечал, что «... в оскском, умбрском и латинском зачастую происходит развитие фонетической системы в одном направлении (хотя и не всегда в одинаковой форме), но в разных темпах, причем с точки зрения темпа развития латинский язык занимает промежуточное место между консервативным оскским и быстрее меняющимся умбрским» (Тронский

1953: 73). При этом оскский язык, не представлявший полного единства, объединял в себе ряд племенных говоров, каждый из которых являлся средоточием диалектных особенностей: к центральной группе относились кампанцы, самниты, гирпины и френтаны, к северной – маррукины, пелигны и вестины, к южной – носители древних италийских диалектов на территории Апулии, Лукании и Сицилии. Вольскский язык являлся переходным по отношению к умбрскому.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношениях внутри традиционно выделяемой латино-фалисской группы: если фалисский язык изучен сравнительно полно (сохранившиеся надписи опубликованы и представлены в виде их системного описания в фонетическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом аспектах, а также последовательного описания лексики), то сикульский и венетский языки исследованы в гораздо меньшей степени.

Это дает основание полагать, что сикульский язык занимал промежуточное положение между италийскими диалектами и иллирийским языком. Согласно данным сикульской эпиграфики, несомненным – на что указывал И. М. Тронский – можно считать наличие в сикульском неиталийского влияния, особенно проявившегося в этнопонимике.

Проблема соотношения развития италийских диалектов и венетского языка внутри индоевропейской языковой семьи также заслуживает особого изучения.

Таким образом, уже в древнюю эпоху различия италийских диалектов, зафиксированные в памятниках письменности, были свидетельством отсутствия гомогенности внутри италийского диалектального континуума и о существовании целого ряда оппозиций, выявляемых на различных языковых уровнях.

Выявление этих оппозиций определяется общей идеей, заключающейся в традиционно сложившемся внутри Московской лингвистической школы представлении о языке как о иерархически организованной системе, в которой высшие единицы низшего яруса одновременно являются низшими единицами для более высокого яруса.

Таким образом, в приложении к типологическому исследованию италийских диалектов следует считать, что основанием для построения фонологической парадигмы и для выявления фонологических оппозиций служит морфологический критерий: выбор фонологической теории определяет дальнейшее изучение морфологии в целом: как форм словообразования, так и словоизменительных парадигм.

Приложение метода исследования Московской лингвистической (филологической) школы, основанного на морфологическом критерии в фонологии, к выявленному корпусу фонетических и морфологических диалектных особенностей италийских, а также венецкого и иллирийского языков дает возможность осуществить лингвистическую реконструкцию, предполагающую в дальнейшем возможное восстановление общейталийского языкового состояния.

Литература

- Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М., 1963.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Из лекций по латинской фонетике. Воронеж, 1980–1983 г.
- Булатова Л. Н. О московской фонологической теории // Фортунатовский сборник. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1987 гг. М., 2000.
- Герценберг Л. Г., Казанский Н. Н. Праязыковая реконструкция: общие проблемы // Вестник Российской Академии наук. Т. 75, № 12. 2005.
- Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1991.
- Журавлев В. К. Диахроническая морфология. М., 1991.
- Кузнецов П. С. О последовательности построения системы языка // Тезисы конференции по машинному переводу. М., 1958.
- Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953.
- Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
- Широков О. С. Типы чередований // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1987, № 6
- Широков О. С. Принципы и методы МФШ в применении к разным ярусам различных языков // Фортунатовский сборник. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1987 гг. М., 2000.
- Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.
- Якобсон Р. О. Дихотомическая фонология // Новое в лингвистике. II. М., 1962.
- Beeler M. S. Ancient Indo-European Dialects. 1966.
- Beeler M. S. The Relation of Latin and Osco-Umbrian // Language (28, 1952)
- Conway R. S. The Prae-Italic Dialects of Ancient Italy. 1939.
- Devoto G. Geschichte der Sprache Roms. Heidelberg, 1968.
- Devoto G. Gli antichi Italici. Roma, 1966.
- Devoto G. Storia de la lingua di Roma. Firenze, 1944.
- Fetter E. Handbuch der italischen Dialekte. Heidelberg, 1953.
- Lejeune M. Manuel de la langue venete. Heidelberg, 1974.
- Pisani V. Le lingue dell' Italia antica oltre il latino. Torino, 1964.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ЛАТИНСКОГО ГЛАГОЛА И МОДАЛЬНОСТЬ

Функционально-семантическая категория языковой модальности представляет собой сложную и многоплановую систему отношений между говорящим, слушателем, пропозициональным содержанием высказывания и объективной действительностью. Исследователи включают в понятие модальности широкий спектр значений, которые разделяются, в зависимости от параметров их выделения, на автономные группы: утверждение-вопрос-побуждение; утверждение-отрицание; реальность-гипотетичность-ирреальность; достоверность-недостоверность; желание-возможность-долженствование и т. д. (ЛЭС: 303).

Выделение в лингвистическом описании автономных групп модальных значений, отмечая разные ракурсы проявления модальности и разные средства ее выражения, не должно заменять главного: модальность высказывания следует рассматривать как сложное функционально-семантическое единство. Образующие это единство модальные оценки выстраиваются в иерархию значений. Обязательной для любого высказывания является характеристика говорящим пропозиционального содержания по параметрам «объективная действительность, реальность» / «возможный мир, ирреальность» (в последнем определении мы объединяем традиционно выделяемые смыслы «потенциальность, гипотетичность» и «ирреальность»). Мы называем эту характеристику экзистенциальной оценкой, в ее положительном и отрицательном (отрицание при предикате) проявлениях. К ней часто добавляется характеристика по качественным параметрам, качественная оценка, которая в случае характеристики пропозиционального содержания как реального проявляется в значениях «хорошо» / «плохо», как ирреального – в значении «желательно», а при включении в модальную семантику высказывания отношения к предмету речи слушателя – в параметрах «возможность» и «долженствование». В зависимости от владения информацией говорящим и слушателем данные модальные смыслы получают воплощение в предложениях разных коммуникативных типов (утверждение-вопрос-побуждение), а отношение говорящего к истинности сообщения – в характеристике последнего как достоверного и недостоверного. Модальность высказывания получает системное языковое воплощение, что было выявлено нами, в частности, при изучении лексико-грамматической семан-

тики латинских предложений разной степени сложности¹.

Главным грамматическим средством передачи модальных значений в латинском языке (как и в других индоевропейских языках) являются наклонения глагола-сказуемого. С помощью глагольных наклонений передается не только характеристика по параметрам «реальность»/ «ирреальность» (индикатив/конъюнктив), но и оценка по качественным параметрам, а также все привходящие модальные смыслы (императив, конъюнктив в значениях побуждения, повеления, желания, сомнения, допущения и др.).

Неотъемлемым элементом синтаксической структуры литературных индоевропейских языков являются конструкции с неличными формами глагола – единицами незавершенной, или вторичной предикации. В латинском языке корпус неличных форм глагола весьма обширен: это – причастия, инфинитивы, супин, герундий и герундив. Участвуя наряду с предикатом-сказуемым в акте создания пропозиции и, следовательно, в формировании предикативности высказывания, неличные формы глагола передают видовременные и залоговые характеристики описываемого соответствующими лексемами положения дел. Поскольку предикативность высказывания тесно связана с его модальностью, представляется правомерным рассмотреть семантику неличных форм латинского глагола и в ракурсе их модального потенциала.

В ходе работы в соответствии с избранным критерием исследования неличные формы были разделены нами на три группы.

Первую группу составили *participium praesentis activi* и *participium perfecti passivi*. Несмотря на противоположность передаваемых видовременных и залоговых значений данные причастия сближает сходство в отображении модальности высказывания. Обе формы характеризуются в этом отношении транспарентностью, «прозрачностью». Описанное при их посредстве положение дел, будучи соотнесено с основной пропозицией во временном срезе «картины мира» (одновременность или предшествование), оказывается включенным в событийную ситуацию, на которую распространяется модальная оценка говорящего по параметрам «реальность» / «ирреальность»:

Qui ex hostibus manibus elapsi erant, inermes ad mare fugientes, quidam aquam etiam ingressi manus ad eos, qui in classe erant, tendentes suppliciter vitam orabant (Liv. 44, 42, 4) 'Те, кто выскользнули из рук врагов, убежав без оружия к морю, некоторые даже войдя в воду, умоляюще протягивая руки к тем, кто находились на кораблях,

---

¹ Данная концепция модальной структуры высказывания в латинском языке подробно разработана в: М. А. Таривердиева. Функциональная семантика модальных структур в латинском языке. Докт. дисс. М., 1989.

просили спасти их' (перевод здесь и далее наш – М. Т.); Segesta est oppidum pervetus in Sicilia, quod ab Aenea *fugiente* a Troia atque in haec loca *veniente* conditum esse demonstrant (Cic. Verr. 4, 72) 'Сегеста – очень старый сицилийский город, который, как говорят, был основан Энеем, *бежавшим* из Трои и *прибывшим* в эти места'; Servum sub furca *caesum* medio egerat circo (Liv. 2, 36, 1) 'Раба, *битого* в колодке (вилах), он гонял посреди цирка'; Arruns prior quam pater moritur uxore gravida *relicta* (Liv. 1, 34, 2) 'Аррунт умер раньше отца, *оставив* (вдовой) беременную жену'; Diviciacus Caesarem *complexus* obsecrare coepit, ne quid gravius in fratrem statueret (Caes. B. G. 1, 20, 1) 'Дивитиак, *обхватив* руками Цезаря, стал умолять его не принимать слишком суровых мер против брата'.

Синтаксические обороты с *participium praesentis activi* и *participium perfecti passivi*, как правило, входят в пропозицию, получающую модальную характеристику «реальность». Эта характеристика переносится и на содержание причастного оборота.

Вторую группу неличных форм глагола, отличающуюся наибольшей модальной нагруженностью, составляют *participium futuri activi* и герундив. Наличие в семантике этих форм в классической латыни модального компонента отмечается во всех грамматиках – намерение субъекта потенциального действия, проявление его воли в семантике *participium futuri activi*, долженствование действия применительно к пассивному объекту в семантике герундива:

Egreditur castris Romanus vallum *invasurus* (Liv. 3, 60, 8) 'Римляне выступили из лагеря, *намереваясь устремиться* на вал'; Librum misi exigenti tibi *missurus*, etsi non exegisses (Plin. Ep. 3, 13, 1) 'Я послал тебе книгу по твоей просьбе, *собираясь сделать* это, даже если бы ты не просил'; Dedit mihi quantum maxime potuit, *daturus* amplius, si potuisset (Plin. Ep. 3, 21, 6) 'Он дал мне так много, как только было возможно, *готовый дать* еще больше, если бы мог'. Antigonus Eumenem mortuum propinquis eius *sepeliendum* tradidit (Nep. 18, 13, 4) 'Антигон передал мертвого Эвмена его близким для *погребения*'; Ad quem (*sc. agrum*) *fruendum* etiam invitat atque allectat senectus (Cic. Cat. m. 57) 'Зрелость побуждает и даже притягивает к тому, *чтобы* оно (поле) *давало плоды*'; Oculus conturbatus non est probe affectus ad suum munus *fungendum* (Cic. Tusc. 3, 15) 'Расстроенное зрение не очень способно *выполнять* свое назначение'.

Названные модальные значения, однако, реализуются не во всех употреблениях рассматриваемых форм. Так, в семантике *participium futuri activi* в ряде случаев усматривают просто предположение о будущем:

Si una est *interiturus* animus cum corpore, vos tamen memoriam nostri pie servabitis (Cic. Cat. m. 81) 'Если душа *погибнет* вместе с

телом, вы, однако, будете хранить благую память о нас'; *Urbem venalem et mature perituram* (Sall. J. 35, 10) 'Город продажный и обреченный на скорую гибель'; *Quoquo modo nos gesserimus, fiet tamen illud, quod futurum est* (Cic. Div. 2, 21) 'Как бы мы ни поступали, случится, однако, то, чему суждено случиться'.

Как видно из примеров, да и позволено заключить логически, значение намерения реализуется у *participium futuri activi* при передаче глагольной лексемой осознанного действия (*invasurus, missurus, daturus*); в случае же указания на состояние субъекта (*interiturus, perituram, futurum*) можно говорить лишь о предположении. Однако и в том, и в другом случае мы имеем дело с модальным значением (в принятой нами трактовке модальности как оценки содержания высказывания говорящим): сообщение о намерении субъекта базируется на пресуппозиции, что планируемое действие в данный момент не соответствует объективной действительности, то есть ирреально; то же можно сказать и о предполагаемом применительно к будущему состоянию.

Типичной формой реализации *participium futuri activi* является его употребление в конструкции *conjugatio periphrastica activa*. Исследователи отмечают такое употребление уже в древней латыни, в то время как начало использования данной формы в чисто причастном значении датируется концом II в. до н. э. (Тронский 2001: 312).

Participium futuri activi наряду с другими причастиями употреблялось в синтаксическом обороте *ablativus absolutus*:

Carthaginienses prima luce oppugnaturis hostibus castra saxis undique congestis augent vallum (Liv. 28, 15, 13) 'Карфагеняне на рассвете, ожидая нападения врагов на лагерь, собрав отовсюду камни, наращивают вал'; *Rex apum non nisi migraturo examine foras procedit* (Plin. 11, 54) 'Царь пчел выбирается наружу только накануне миграции роя'; *Ex tam propinquis stativis parum tuta frumentatio erat dispersos milites per agros equitibus extemplo invasuris* (Liv. 31, 36, 5) 'Из-за очень близкого расстояния между военными лагерями поиски продовольствия были небезопасны, так как враги тут же могли напасть на воинов, рассеявшихся по полям'; *Victores circumsidunt urbem, haud dubie postero die aut metu dedituris se hostibus aut vi expugnaturi* (Liv. 41, 19, 10) 'Победители окружают город, не сомневаясь, что на следующий день или враги от страха сдадутся, или они силой (его) захватят'.

Функция оборота *ablativus absolutus* – обозначение обстоятельств развития основного события. Но событие не может опережать обстоятельств его возникновения и протекания, из чего следует невозможность обозначения оборотом *ablativus absolutus* последующего за основным действия. Следовательно, содержание оборота в

данном случае представляет не реальное событие, а лишь предполагаемое автором или протагонистом положение дел, реализация которого связывается с будущим, но ожидание влияет на события уже происходящие. В этом отличие оборота *ablativus absolutus* с участием *participium futuri activi* от оборота, включающего *participium praesentis activi*: в последнем случае речь идет о реальном действии, а не о воображаемом.

Употребление в составе оборота *ablativus absolutus* позволяет считать, что основополагающим элементом в семантике *participium futuri activi*, отличающим его от других причастий, является не временной, а модальный компонент. Присутствующий же в названии причастия временной термин (*futurum*) надо соотносить с передаваемым при посредстве данного причастия пропозициональным содержанием, без учета модального компонента.

Данный вывод подтверждается и характером употребления в составе *conjugatio periphrastica activa* глагола-связки *esse* – в формах различных времен не только инфекта, но и перфекта:

Bellum scripturus sum, quod populus Romanus cum Iugurtha gessit (Sall. J. 5, 1) ‘Я *намереваюсь описать* войну, которую римский народ вел с Югуртой’; *Primo vere moturus exercitum in Graeciam erat* (Liv. 26, 25, 2) ‘Прежде всего он *намеревался повести* войско в Грецию’; *Si natura confirmatura ius non erit, virtutes omnes tollentur* (Cic. Leg. 1, 43) ‘Если природа *не будет готова подтвердить* законы, все добродетели будут упразднены’; *E quo intellegi potest, quam acuti natura sint, quoniam haec sine doctrina credituri fuerunt* (Cic. Tusc. 1, 48) ‘Из этого можно понять, насколько они *проницательны* по природе, поскольку они *были склонны полагать* так без специальных знаний’; *Senatus hodie fuerat futurus* (Cic. Att. 4, 17, 4) ‘Заседание Сената *должно было состояться* сегодня’; *Incohatas in vestibulo columnas, quibus imposituri statuas regis Persei fuerant, suis statuis victor destinavit* (Liv. 45, 27, 7) ‘Колонны, *воздвигнутые* у входа, на которых *должны были поставить* статуи царя Персея, победитель предназначил для своих статуй’.

В классической латыни перфектные формы глагола *esse* не входили в качестве составных элементов в систему аналитических временных форм. Поэтому сочетания этих форм с *participium futuri activi* вряд ли можно рассматривать как аналитическое будущее.

И здесь *participium futuri activi* оказывается сопоставимым с *participium praesentis activi*, при употреблении которого в сочетании с *esse* функция обозначения временного параметра протекания действия лежит на глаголе-связке:

Mollis ac minime resistens... mens eorum est (Caes. B. G. 3, 19, 6) ‘Характер их... некрепок и очень *нестоек*’; *Currens erat ad dextrum*

(В. Hisp. 29, 2) ‘Он бежал вправо’; Iugurtha profecto iussis vestris oboediens erit (Sall. J. 31, 19) ‘Югурта, конечно, *подчинится* вашим приказаниям’; Nemo unquam tam sui *despiciens fuit* (Cic. De or. 2, 364) ‘Никто никогда не *относился* с таким *презрением* к своему’; Quispiam Samium athleta, cum antea *non loquens fuisset*, dicitur loqui coepisse (Gell. 5, 95) ‘Говорят, что некий самосец, атлет, хотя прежде *не умел говорить*, начал разговаривать’.

Семантика герундива возводится историками языка к отглагольному прилагательному со значением медиопассивного причастия инфекта. В классической латыни сохранение древнего значения усматривается, в частности, в словах *morundus* ‘умирающий’, *origundus* ‘происходящий’, *labundus* ‘скользящий’, *secundus* ‘следующий’ и некоторых других (Тронский 2001: 263). Возможно, что данное значение сохранялось у герундива в тех случаях, когда этому соответствовала семантика исходного глагола – обозначение состояния:

Puppis pereundast probe (Pl. Epid. 74) ‘Корма (зд. спина) сильно *пострадает*’; *Idus tum Maiae sollemnes ineundis magistratibus erant* (Liv. 3, 36, 3) ‘Тогда были майские Иды, установленный день *вступления в должность* магистратов’; *Ludibrium vix feminis puerisque morandis satis validum* (Liv. 25, 36, 9) ‘Насмешка, годная лишь для *заставляющих себя ждать* женщин и детей’.

Развитие у герундива значения долженствования авторы исторических грамматик связывают с его употреблением в отрицательном контексте: *non ferendum* ‘невыносимое’ > ‘то, что нельзя вынести’ (Leumann, Hofmann, Szantyr 1963: 370; Тронский 2001: 263). Особенно отчетливо модальная функция герундива проявляется при его употреблении в конструкции *conjugatio periphrastica passiva*:

Praeponenda est divitiis gloria (Cic. Top. 84) ‘Слава *должна быть предпочтена* богатству’.

В роли предиката долженствования возможно употребление герундива, образованного не только от глаголов действия, но и от глаголов состояния – преимущественно в безличной конструкции:

Inambulandumst (Pl. Asin. 682) ‘*Нужно прогуляться*’; *Minus mirandumst* (Pl. Bacch. 409) ‘*Нечего удивляться*’; *Imprimis videndum erit ei, qui rem publicam administrabit, ut suum quisque teneat* (Cic. Off. 2, 73) ‘Тому, кто будет управлять государством, прежде всего *нужно следить*, чтобы каждый владел своим’; *Iuveni parandum, seni utendum est* (Sen. Ep. 36, 4) ‘Юноше *нужно накапливать*, старику – пользоваться’; *Potius sero quam nunquam obviam eundum (est) audaciae temeritatique* (Liv. 4, 2, 1) ‘Лучше поздно, чем никогда *случается оказывать* противодействие дерзости и безрассудству’.

Возможно употребление герундива глаголов состояния в значе-

нии долженствования и в личной конструкции:

Si illa tibi placet, *placenda dos* quoque est, quam dat tibi (Pl. Trin. 1159) ‘Если она тебе нравится, то должно также нравиться и приданое, которое она дает тебе’;

Присутствие оттенка долженствования возможно и при употреблении герундива в роли атрибута:

Gaium Gracchum mors fraterna *ad expetendas* domestici sanguinis *poenas* excitavit (Cic. Har. 20, 43) ‘Смерть брата побудила Гая Гракха добиваться отмщения за кровь дома’; Quid nostri philosophi? Nonne in his libris ipsis, quos scribunt *de contemnenda gloria*, sua nomina inscribunt? (Cic. Tusc. 1, 15, 34) ‘Что наши философы? Разве на тех самых книгах, в которых они пишут *о необходимости презирать славу*, они не ставят своих имен?’; Omnia iudicia aut *distrahendarum controversiarum*, aut *puniendorum maleficiorum causa* reperta sunt (Cic., Caecin. 2, 6) ‘Все суды придуманы для того, чтобы или разрешались споры, или наказывались злодеяния’.

В лингвистической литературе нередко проводится сопоставление герундива в роли атрибута с *participium perfecti passivi*. Отмечается видовременное различие сравниваемых конструкций: *participium perfecti passivi* обозначает предшествующее и законченное действие, герундив – будущее по отношению к основному действию или одновременное с ним и еще не оконченное (Kühner, Stegmann 1988: 755). Ср. у Тита Ливия *Ab urbe condita* ‘От основания города’ (букв.: от основанного города) и *Ab urbe oppugnanda* Poenum absterruere conspecta moenia, haudquaquam prompta oppugnanti (Liv. 23, 1, 10) ‘От осады города (букв.: от того, чтобы город был осаждаем) карфагенянина (=Ганнибала) отпугнул вид стен совсем нелегких (=не легкодоступных) для осаждающего’.

Мы бы хотели уточнить, что разница между сравниваемыми конструкциями носит не только видовременной, но и модальный характер: в первом примере речь идет о реальном событии, во втором – о действии, которое в описываемый момент ирреально. Добавим, что не только в первой, но и во второй конструкции сохранены черты архаического синтаксиса, когда семантика синтаксических построений отличалась большей конкретностью (в приведенных примерах – предметные существительные с признаковым определением, а не абстрактное обозначение действия с указанием на сферу его применения, как в конструкции с герундием: *ad exercendum verba* (Sen. N.Q.2, 21, 4) ‘Чтобы упражняться в словах’; *ad ducendum eam uxorem* (Suet. Claud. 26, 3) ‘Чтобы взять ее в жены’).

Синтаксическое сходство конструкции с герундивом-атрибутом и архаичных построений типа *ab urbe condita* можно считать аргументом в пользу герундива в остающемся и по сей день открытым

вопросе, какая из двух форм – герундив или герундий – является первичной².

Особо следует отметить использование герундива в роли атрибута при обозначении цели – в форме датива или аккузатива, беспредложного или с предлогом *ad*. Герундив выступает здесь как модальный оператор; описываемое с его помощью положение дел имплицитно характеризуется как ирреальное на момент протекания основного события и желательное:

Is opportunus visus locus communiendo praesidio (Liv. 2, 49, 8) ‘Это место показалось подходящим для возведения защитного укрепления’; *Reliqua tempora demetendis fructibus ac percipiendis accomodata sunt* (Cic. Cat. m. 70) ‘Остальное время отведено для снятия и уборки плодов’; *Aedem Castoris P. Iunius habuit tuendam* (Cic. Verr. 1, 130) ‘П. Юний должен был охранять храм Кастора’; *Caesar pontem in Arare faciendum curat* (Caes. B. G. 1, 13, 1) ‘Цезарь заботится о постройке моста через (реку) Апар’; *Difficultatem ad consilium capiendum afferebat* (Caes. B. G. 7, 10, 1) ‘Это порождало трудность в принятии решения’; *Magnum utrisque impedimentum ad rem gerendam fuit* (Liv. 33, 6, 7) ‘Это служило обоим большим препятствием для совершения дела’.

Интересно сопоставить модальную семантику герундива и отглагольного прилагательного на *-bilis*, обозначающего возможность действия или отношения в соотнесении с его объектом (*credibilis*, *amabilis*, *laudabilis*) или с орудием (*utilis* < **utibilis*). Герундив мог выступать не только как грамматический антипод прилагательного на *-bilis*, передавая пассивное долженствование, но и как его грамматический аналог, обозначая возможность. Исследователи отмечают, что значение возможности у герундива реализуется в отрицательных, условных и вопросительных предложениях:

Iam illa quae natura non litteris (Romani) assecuti sunt, neque cum Graecia, neque ulla cum gente sunt conferenda (Cic. Tusc. 1, 2) ‘То, чего (римляне) достигли благодаря своей природе, а не науке, невозможно сравнить ни с Грецией, ни с каким (другим) народом’; *Quae quidem si potentia est appellanda, appelletur ita sane* (Cic. Mil. 12) ‘Если это может быть названо мощью, пусть будет так названо’; *Potentia vix ferenda* (Cic. Planc. 24) ‘Мощь, едва выдерживаемая’.

Начиная с эпохи Августа герундив использовался в значении возможности и в положительных контекстах: *amandus* (= *amabilis*), *horrendus* (= *horribilis*), *tremendus*, *metuendus* (Leumann, Hofmann,

---

² Сторонники гипотезы первичности герундива по отношению к герундию выдвигают различные толкования. Так, например, предлагается трактовать герундий как склонение безлично употребленного герундива (Kühner, Stegmann 1988: 728).

Szantyr 1963: 371; Kühner, Stegmann 1988: 733).

Герундив, образованный от переходных глаголов, выступает как модально-залоговый антипод *participium futuri activi*: *participium futuri activi* включает в свою грамматическую семантику указание на субъект планируемого действия, а герундив обозначает необходимость действия в согласовании с его объектом. Эта оппозиция, очевидно, и явилась стимулом к нередкому именованию герундива *participium futuri passivi* (Kühner, Stegmann 1988: 728) – тем более, что в поздней латыни герундив регулярно выступает в этой роли:

Scio litteras meas tibi sero reddendas (Symm. Ep. 1, 39) ‘Я знаю, что мое письмо будет передано тебе поздно’; *Deum Belenum per haruspices respondisse Maximum esse vincendum* (Maxim. 22, 1) ‘Бог Белен через прорицателей ответил, что Максим будет побежден’.

Утрату герундивом модальной функции можно попытаться объяснить развитием в разговорной латыни позднего периода эксплицитных лексических средств выражения модальных значений – в частности, формированием значения возможности (допущения, разрешения) у глагола *posse* и значения деонтической необходимости (долженствования) у глагола *debere*. Однако герундив не сразу утрачивает свою модальную функцию – ср. перевод Присцианом (V–нач. VI в.) латинского *amandus* на греческий язык двумя способами: *φιληθησόμενος* (причастием пассивного будущего: ‘который будет любим’) и *φιλητέος* (отглагольным прилагательным со значением долженствования: ‘который должен быть любим’) (Prisc. Gramm. II, 567, 7) (Leumann, Hofmann, Szantyr 1963: 369; Тронский 2001: 264). Можно предположить, что возникновение у герундива значения пассивного будущего было стимулировано именно модальными значениями долженствования и возможности: «который должен/может быть любим» > «который будет любим».

Доминирование модального компонента в семантике *participium futuri activi* и герундива и слабая выраженность глагольных признаков при их реализации в тексте позволяют, на наш взгляд, сближать эти формы скорее с отглагольными прилагательными, нежели с причастиями.

В третью группу мы включили герундий, супин и инфинитив (здесь мы рассматриваем только *infinitivus praesentis*; *infinitivus perfecti* и *infinitivus futuri*, используемые в инфинитивных оборотах, служат для передачи относительной видовременной характеристики описываемого с их помощью положения дел, оставляя модальную функцию за эксплицитными модальными операторами – предикатами рациональной или эмоциональной оценки, при которых употребляются данные обороты). Герундий, супин и инфинитив объединяет их формальная принадлежность к разряду отглагольных

имен существительных. Анализ употребления этих форм выявил параллелизм и их модальных функций.

Герундий в форме аккумулятива с предлогом *ad*, постепенно вытесняющий конструкцию с герундивом-атрибутом, супин I (на *-tum, -sum*) и инфинитив обозначают цель³, желаемое положение дел, то есть его модальную оценку. Однако эти формы не являются грамматическими аналогами. Выбор той или иной формы обусловлен лингвистическим контекстом – семантикой управляющего предиката. Герундий употребляется при глаголах конкретного действия или каузативах:

Nulla res tantum ad dicendum proficit, quantum scriptio (Cic. Br. 42) ‘Ничто так *не件* полезно для красноречия, как письменное изложение’; *Palus Romanos ad insequendum tardabat* (Caes. V. G. 7, 26, 2) ‘Болото замедляло римлянам преследование’; *Neque morat ullam ad insequendum intulit* (Caes. V. C. 3, 75, 3) ‘И не задержался с преследованием’.

Супин сочетается с глаголами движения или побуждения к нему: *Galli gallinaei cum sole eunt cubitum* (Plin. 10, 46) ‘Петухи идут спать вместе с солнцем’; *Sequani legatos ad Caesarem miserunt oratum, ne se in hostium numero duceret* (Caes. V. G. 6, 32, 1) ‘Секваны послали к Цезарю послов с просьбой, чтобы он не считал их в числе врагов’.

Наиболее широкая сочетаемость обнаруживается у инфинитива. Он употребляется при многочисленных предикатах модальной и фазовой семантики – возможности и долженствования, желания, мышления (мнения), обозначения начала, продолжения и конца действия и т.п., а также с глаголами движения⁴:

Nihil habeo ad te scribere (Cic.Att. 2, 22, 6) ‘Мне нечего тебе написать (букв.: ничего не имею тебе написать)’; *Volo esse et haberi gratus* (Cic. Fin. 2, 72) ‘Хочу быть и чувствовать себя приятным’; *Gestio scire ista omnia* (Cic. Att. 4, 11, 1) ‘Страстно стремлюсь знать все это’; (Caesar) *maturat ab urbe proficisci* (Caes. V. G.1, 7, 1) ‘(Цезарь) спешит выступить от Города’; (Caesar) *locum duabus ex partibus oppugnare contendit* (Caes. V. G. 5, 21, 4) ‘(Цезарь) спешит атаковать место с двух сторон’; *Summa vi Cirtam irrupere nititur* (Sall. J. 25, 9) ‘Он изо всех сил стремится захватить Кирту’; *Si qui sunt, qui desertum illum curent defendere* (Cic. Tusc. 5, 87) ‘Если есть

---

³ В грамматиках указывается на употребление (очень редкое) в этой функции и герундия в форме датива, но приводятся только примеры герундивных конструкций (которые обычно рассматриваются параллельно с герундием во всех случаях одинакового употребления).

⁴ Обширный перечень глаголов, присоединяющих инфинитив, приводится, в частности, в работе: Kühner, Stegmann 1988: 667–676.

те, кто заботится о том, чтобы защитит эту пустыню»; *Pescus egit altos visere montes* (Hor. С. 1, 2, 7) 'Он узнал скот в высокие горы (букв. узнал смотреть на высокие горы)'; *Non... Libycos populare penatis venimus* (Verg. А. 1, 527) 'Мы не пришли уничтожать ливийские пенаты'.

Употребление герундия, супина I и инфинитива в общей функции – обозначение цели – несмотря на разный лингвистический контекст могло явиться одной из причин постепенного вытеснения первых двух форм инфинитивом, чему способствовала, по всей вероятности, нейтральная грамматическая семантика последнего.

Герундий в форме аблатива и супин II (на -tu, -su и -tui, -sui) использовались для обозначения области (рамок) реализации содержания основного предиката. Герундий указывает на сопутствующее действие субъекта, поясняющее действие основное:

Bellum ambulando confecerunt (Cic. Fam. 8, 15, 1) 'Они осуществили войну гуляючи'; *Ita erumpendo navis... incendunt* (В. Hisp. 36, 2) 'Так, прорвавшись, они поджигают корабли'; *Quis talia fando... temperet a lacrimis!* (Verg. А. 2, 6) 'Кто, говоря о таком, удержится от слез!'; *Iniurias ferendo maiorem laudem quam ulciscendo mereri* (Cic. Div. 60) 'Снося обиду, заслужить большую похвалу, нежели мстят'.

Супин II называет действие, характеризуемое оценочным предикатом-прилагательным:

Omnia praeteribo, quae mihi turpia dictu videbuntur (Cic. Verr. 1, 32) 'Я не буду упоминать все то, о чем говорить мне покажется постыдным'; *O rem cum auditu crudelem, tum visu nefariam* (Cic. Planc. 99) 'О дело, как жестокое для слуха, так и нечестивое для зрения'; *Nefas est dictu* (Cic. Cat. m. 13) 'Грешно говорить'; *Incredibile memoratu est* (Sall. С. 6, 2) 'Это звучит неправдоподобно'. *Istaec lepida sunt memoratui* (Pl. Vacch. 62) 'Это хорошо на словах'; *Aqua potui iucunda* (Plin. 6, 203) 'Вода, приятная на вкус (букв.: для питья)'; *Divisui facilis* (Liv. 45, 30, 2) 'Легко делимый'.

Обозначение цели при предикатах конкретного действия или приготовления к нему – намерения и т. п. – предполагает ирреальность описываемого положения дел (формы выражения – герундий в дативе и аккузативе, супин I, инфинитив). Обозначение обстоятельств совершения действия (герундий в аблативе) подразумевает их реальность. Оценка действия по параметру «хорошо»/«плохо» с помощью оценочных прилагательных также подразумевает, что оцениваемое действие реально. Использование при оценочных прилагательных супина II не только на -tu, -su (ablativus limitationis), но и на -tui, -sui (dativus finalis) (см. об этом: Тронский 2001: 309–310) не означает, однако, во втором случае ирреальности оцени-

ваемого действия; на это указывает присутствие оценки по параметру «хорошо»/«плохо», применимой по отношению к фактам (Вольф 1985: 14). Оцениваемое действие нужно рассматривать в данном случае как фактивное, но не как единичное и конкретное, а как обычно случающееся. Так модальность высказывания и его лексико-грамматическое оформление оказываются взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Следующие примеры демонстрируют вариативность неличных форм глагола при обозначении одних и тех же модальных смыслов в зависимости от содержательного и грамматического контекста высказывания-предложения. Так, цель (желаемое действие) могла передаваться с помощью *participium praesentis activi*:

Legati veniunt auxilium implorantes (Liv. 4, 9, 1) ‘Приходят послы молить о помощи’; *Legati Romam missi (sunt) auxilium ... orantes* (Liv. 21, 6, 2) ‘В Рим были посланы послы просить о помощи’.

Participium perfecti passivi в аблативе обозначало желательное действие при *opus est*:

Opus est facto (Caes. B. G. 1, 42, 5) ‘Нужно делать’; *Opus est properato* (Cic. Mil. 49) ‘Нужно спешить’; *Opus est quaesito* (Cic. Parad. 6, 46) ‘Нужно искать’.

В качественнo-оценочном контексте могли использоваться:

а) активный инфинитив – при выражениях *facile* (*difficile*, *utile*) *est*:

Audire utile est (Cic. Off. 3, 52) ‘Слушать полезно’; *Non facile est invenire, qui, quod sciat, non tradat ipse alteri* (Cic. Fin. 3, 66) ‘Нелегко найти, если тот, кто знает, не передаст сам другому’;

б) пассивный инфинитив – при оценочных прилагательных:

Horridus cerni (Lucan. 3, 347) ‘Страшный на вид’; *Lubricus aspici* (Hor. C. 1, 19, 8) ‘Соблазнительный на взгляд’.

Participium praesentis activi в форме датива при оценочных прилагательных указывало и на оцениваемое действие, и на его субъект:

Facilis quaerentibus herba (Verg. G. 4, 272) ‘Трава, легкодоступная для тех, кто ищет’; *Acies facilis partienti, ... facilis iungenti* (Liv. 9, 19, 8) ‘Строй, легкий для делящегоо, легкий для соединяющего’; *Resina difficilis coquenti* (Plin. 14, 122) ‘Тугоплавкая смола (букв.: трудная для плавящегоо)’; *Mare pigrum et grave remigantibus* (Tac. Agr. 10) ‘Море медленно текущее и трудное для гребцов’; *Facilis occipantibus* (Tac. H. 2, 17) ‘Легкодоступный (букв.: легкий для захватывающих)’; *Indecora dicentibus* (Quint. 11, 1, 60) ‘Непристойный для произнесения (букв.: для говорящих)’.

Действие-объект оценки при оценочных прилагательных могло обозначаться и герундием в аккузативе:

Utebatur eo cibo, qui esset facillimus ad concoquendum (Cic. Fin. 2,

64) 'Он использовал ту пищу, которая была бы *самой легкой в приготовлении*'; *Oratorem puto esse eum, qui et verbis ad audiendum iucundis et sententiis ad probandum accommodatis uti possit* (Cic. De or. 1, 213) 'Я считаю оратором того, кто может пользоваться словами, приятными для слуха, и суждениями, пригодными для доказательства'.

В скобках заметим, что оцениваемое действие или состояние при оценочных прилагательных могло быть выражено и отглагольными существительными:

Cognitione dignus (Cic. Or. 70; Off. 1, 19) 'Достойный познания'; *aestumatione dignus* (Cic. Fin. 3, 20) 'Достойный уважения'; *ad usum utilis* (Varr. R. R. 2, 8, 2) 'Полезный для употребления'; *fulgentes in adspectu imagines* (Vitruv. 7. 3. 9) 'Блестящие по внешнему виду изображения' (см.: Kühner, Stegmann 1988: 726).

Уже на завершающем этапе классической латыни герундий в аблативе в роли предикативного атрибута являлся грамматическим аналогом *participium praesentis activi*.

Libero commeautes mari saepiusque adeundo ceteris incognitas terras (Curt. 4, 4, 20) 'Плывя в открытом море и часто приближаясь к неизвестным для других землям'; *Socors ingenium eius in contrarium trahens callidumque et simulatorem interpretando* (Tac. A. 13, 47) 'Его беспечный характер, влекущий к противоположному и лукавому и выдающий притворщика'; *In edita assurgens et rursus inferiora populando* (Tac. A. 15, 38) 'Устремляясь к возвышенному и в то же время разрушая низшее'.

В поздней латыни при регулярном употреблении, в процессе распада падежной парадигмы, формы аккузатива/аблатива вместо номинатива и интервокальном озвончении $t > d$ произошло фонетическое сближение этих форм, что привело к постепенному вытеснению *participium praesentis activi* в этой функции герундием.

Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить следующее.

Неличные формы латинского глагола, участвуя в формировании предикативности высказывания, наряду с передачей видовременных и залоговых характеристик описываемого с их помощью действия, отображали и модальное содержание высказывания.

Неоднородные по своему модальному потенциалу, неличные формы выражали по-разному и разные модальные смыслы: отражение экзистенциальной оценки основного действия или состояния, выраженного предикатом-сказуемым (*participium praesentis activi* и *participium perfecti passivi*); опосредованная передача экзистенциальной оценки через качественную оценку действия, принадлежащую персонажу (*participium futuri activi*) или автору высказывания

(герундив); опосредованное выражение экзистенциальной и качественной оценок – указание на цель, ergo желательность действия (герундий в дативе или аккузативе, супин I, инфинитив, иногда *participium praesentis activi* и *participium perfecti passivi*); имплицитно передаваемая характеристика основного действия как реального (герундий в аблативе); указание на реальность действия эксплицитно выраженной его качественной оценкой «хорошо» / «плохо» (супин II, *participium praesentis activi*, инфинитив, герундий в аккузативе при оценочных прилагательных, а также не рассматриваемые в настоящей статье инфинитивные обороты при эксплицитных предикатах рациональной и эмоциональной оценки).

Как видно из приведенного перечня, в употреблении неличных форм обнаруживается их модальная полисемия, результатом которой явилось пересечение разных неличных форм в одних и тех же модальных функциях. Функциональный параллелизм неличных форм органично вписывался в литературный язык классического периода, характеризующийся разнообразием лексических и грамматических средств и разработанностью стилистических вариантов. Однако в поздней латыни, при доминировании в языке разговорных элементов (неличные формы глагола как единицы вторичной предикации таковыми не являются) и развивающейся тенденции к предпочтению линейной зависимости «форма – содержание» большинство неличных форм оказалось невостребованным, что в конечном итоге, по-видимому, способствовало выходу их из употребления и исчезновению из грамматической системы латинского языка.

Литература

- Вольф 1985 – Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Тронский 2001 – И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. 2-е доп. изд. М.
- Kühner, Stegmann 1988 – R. Kühner, C. Stegmann. Ausführliche Grammatik der Lateinischen Sprache. Bd.1, Teil II Satzlehre. Hannover.
- Leumann, Hofmann, Szantyr 1963 – M. Leumann, J. B. Hofmann, A. Szantyr. Lateinische Grammatik. Bd. 2. Syntax und Stilistik. I Lieferung. München.

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ

МУДРЕЦ-СКАЗИТЕЛЬ В МАХАБХАРАТЕ (К ПРОБЛЕМЕ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТОСЛОЖЕНИЯ)

В последние десятилетия на основе историко-типологического изучения древнеиндийского эпоса исследователями установлены устно-фольклорный характер его происхождения, а также основные вехи эволюции к эпосу философско-дидактическому (Махабхарата) и лирико-эпическому (Рамаяна). Подтверждена *типологическая* общность эпоса древней Индии с другими эпосами Древности и выявлена его содержательная, стилистическая и композиционная специфика. Однако целый ряд существенных проблем, связанных со сложением Махабхараты в том виде, в каком она нам известна, остается недостаточно изученным. К их числу относится, в частности, проблема так называемого *брахманского редактирования* эпоса и, соответственно, постепенного изменения *типа* эпического сказителя.

В содержании и мировосприятии Махабхараты обнаруживаются три *типологически* разнородных слоя: архаический, классико-героический и поздний, религиозно-дидактический (Васильков 2003). Эта разнослойность эпического содержания является результатом огромной длительности существования Махабхараты в устной традиции – примерно с V века до н. э. и до III–IV веков н. э., т. е. немногим менее тысячелетия. Необходимо иметь в виду при этом, что слои эпического содержания располагаются отнюдь не последовательно, один над другим, а по принципу «смешанного культурного слоя», известному археологам (Васильков 1982: 52).

При работе над проблемой сложения текста древнеиндийского эпоса обращает на себя внимание *уникальность* Махабхараты в целом ряде отношений. Окончательно сложившаяся как религиозно-философский эпос к первым векам н. э., она отличается открытостью связей своего содержания с мифоритуальным комплексом (по терминологии В. Я. Проппа – с «этнографическим субстратом»), определявшим жизнь древнего социума на протяжении почти тысячелетия формирования эпической традиции. В силу особенностей текстосложения этого эпического памятника его центральный сюжет осложнен огромным массивом *композиционной инкорпорации*. При исследовании длительного процесса сложения эпического текста целесообразно, по-видимому, обратить особое внимание на образы тех персонажей, которые ответственны за «вводную» сюжеттику, прояснить развиваемые в ней идеи и очертить тенденцию к

возникновению новых особенностей эпического стиля и композиции, напрямую связанных с вводом инкорпорированных сюжетов.

Что касается *композиции* текста, то Махабхарата уникальна также и в этом отношении, следуя в целом выработанной в Древней Индии особой форме организации содержания: это так называемая *беседа*, представляющая собой по сути диалог, однако, с точки зрения ролевого распределения участников, резко «сдвинутый» в сторону одного из них. Именно через речь персонажей входит в эпос инкорпорированная сюжетика, которая выделяет своим обилием Махабхарату среди других эпосов мира, делая ее, по словам М. Винтерница, «целой литературой»¹.

В Махабхарате имеются свидетельства того, каким образом традиция представляет себе историю сложения эпического текста. Создание эпоса приписывается брахману-риши Вьясе, родственнику эпических героев, действующему лицу Махабхараты. Однако Вьясу называют в эпосе создателем «Бхараты», свода героических песен, который, как говорится в эпосе, по своему объему в четыре раза меньше «Великой Бхараты», т. е. Махабхараты в современном ее виде (24 тысячи стихов против 100 тысяч). Памятуя о несовместимости понятия «авторство» с устно-фольклорным в своем генезисе эпосом Древности, из этого свидетельства Махабхараты можно извлечь самый общий вывод о том, что традиция сохраняет представление о *стадиальности* формирования эпического содержания, типологически первичным слоем которого является несомненно героический слой.

Согласно Махабхарате, царский колесничий-*сута* принимает от повествователя-брахмана роль сказителя и описывает происходящие во время битвы события. По этому свидетельству, первыми исполнителями эпоса были брахманы, однако, на основании современных исследований в области исторической типологии можно считать доказанным, что первоначальными носителями эпической традиции были именно *суты* – свидетели героических подвигов своих властителей, их и воспевавшие. Иными словами, процесс формирования Махабхараты, каким он представлен в эпосе, прямо противоречит данным современных историко-типологических исследований². Установлению особенностей этого процесса

---

¹ Характеризуя таким образом Махабхарату, М. Винтерниц имел в виду не только ее значительный объем, но и удивительное богатство содержания, разнообразие жанровых видов, охваченных эпосом (см.: Winternitz 1959: 316, 326).

² В нашей стране решению проблем генезиса и типологии древнеиндийского эпоса способствовали исследования П. А. Гринцера и

способствует заключению о том, что к процессу преобразования Махабхараты из эпоса героического в эпос религиозно-философский были причастны брахманы из ригведийского рода Бхригу (см.: Sukthankar 1944; Goldman 1977). Особое значение имеют доказательства того, что этот сложный процесс *редактирования* эпоса протекал на путях паломничества к религиозным святыням (Vassilkov 2002: 133–158).

В Махабхарате одним из основных ее повествователей выступает *брахман* Вайшампаяна, тогда как непосредственно о событиях великой битвы рассказывает *сута*-колесничий по имени Санджая. При этом в обоих случаях тот, кому адресовано повествование, является *царем*. Общая для древнеиндийской словесности в целом форма коммуникации выглядит как «мудрец – царь», и эта форма прослеживается в таких разнородных памятниках, как, например, санскритские сборники «обрамленной повести», с одной стороны, и «Вопросы Милинды», неканоническое буддийское сочинение, – с другой.

Вышедшая в 1993 году книга Т. Я. Елизаренковой «Язык и стиль ведийских риши» (Елизаренкова 1993) надолго определила пути развития не только отечественной и мировой ведологии, но и направление работы с древнеиндийским текстом в целом. Далее представлены некоторые итоги наблюдений автора этой статьи над текстом *эпическим*, которые основаны на ряде плодотворных идей, получивших отражение в работе Т. Я. Елизаренковой. Эти наблюдения основываются на материале третьей книги Махабхараты – «Араньякапарвы» («Лесной») (Махабхарата-Араньякапарва), книги уникальной как по своей структуре, так и по содержанию. Недаром в XIX веке пристальный интерес Европы, включая Россию, вызвали вошедшие в состав этой книги Повести о Нале и Дамаянти (гл. 50–79), о Раме (гл. 258–276) и о Савитри (гл. 277–283) (подробно см.: Невелева 2007: 91–105).

Эпическое действие в «Араньякапарве» приостановлено, герои находятся в 12-летнем изгнании, проводят время в странствиях по *тиртам*, святым местам, где и происходят их встречи с мудрецами-*риши*, выливающиеся в обстоятельные *беседы*, которые служат передаче знаний и являются в целом важнейшим способом трансляции культуры³. Обозначение словесного контакта Пандавов со святыми мудрецами словом «беседа» весьма условно (вся «Маха-

---

Я. В. Василькова – см.: Гринцер 1974; Васильков 2003 (здесь представлена библиография основных работ автора).

³ В. Пизани отметил тот факт, что отсутствие движения основного эпического сюжета позволяет создателям Махабхараты заполнить «хиатус» обширным иллюстративно-дидактическим материалом (см.: Pisani 1934).

бхарата» в целом представляет собой подобного рода «беседу»). На долю одного из собеседников – царя – приходится исключительно роль вопрошателя, лишь стимулирующего развитие повествования, тогда как другой – в «Араньякапарве» это святой мудрец-риши – развертывает идеи, содержащиеся в вопросах собеседника или вырастающие из ситуации, в целостный законченный рассказ, опирающийся в определенной мере на заданную «программу». Имея в виду типологическую *разнослойность* эпического содержания, в котором соединены «героика» и «дидактика», существует возможность увязать беседы риши и героев с вопросами текстосложения Махабхараты.

Пространственные перемещения героев в книге «Лесной» двойственны: они осуществляются, во-первых, по замкнутому кругу лесного пространства в поисках удобного пристанища (малая *прадакшина*) и, во-вторых, как паломничество к святыням вокруг всего Индийского субконтинента. Место эпического действия в этой книге – земля с ее конкретными географическими точками, которые с большой определенностью локализуют то или иное событие; для книги «Лесной» это, главным образом, далекие окрестности столицы Пандавов – Хастинапуры, лесное пространство с точками маршрута, связывающего тиртхи.

Не слишком большая удаленность леса от поселения служит, вероятно, одной из причин того, почему понятие «лес» в древнеиндийской культуре отличается, например, от европейского и связано с двумя совершенно разными (если не противоположными) представлениями. С одной стороны (и это объединяет эпическое восприятие леса с общекультурным), это дикое, опасное место, а с другой – такое пространство за пределами социально упорядоченной жизни, куда добровольно удалялись подвижники. Герои Пандавы, принявшие обет двенадцатилетнего изгнания (таково было условие для проигравших царскую игру в кости), оказываются в среде по существу асоциальной: лесные отшельники, как известно, долгое время стояли вне системы четырех варн. Однако отторгнутость от привычной культуры, как можно видеть, полностью возмещается для Пандавов их постоянными контактами с мудрецами-провидцами риши, носителями высшего духовного начала, и дополняется «культурными впечатлениями», связанными с постоянной сменой мест пребывания – посещением отшельнических обителей и мест паломничества. В паломничество по священным тиртхам героев ведет их родовой жрец – *пурохита Дхаумья*, лицо сакральное, а дает объяснения, рассказывая о тиртхах, святой мудрец-риши **Ломаша**. Получение Пандавами сакральной информации распределяется, в сущности, на весь период их лесного изгнания:

здесь и паломничество по тиртхам, во время которого герои приобщаются к знанию о святынях, и «Беседы Маркандеи», когда святой мудрец, оперируя столь же традиционными сюжетами, излагает Пандавам сведения о происхождении мира, социальных институтах и нормативно-этических установлениях.

Целенаправленное и мотивированное обхождение эпическими героями мест паломничества, их странствия по тиртхам – весь пронизанный перемещениями действующих лиц сюжет книги «Лесной» – включают серию бесед, которые ведут риши **Брихадашва** («Повесть о Нале», 28 глав), **Ломаша** («Сказание о паломничестве по тиртхам», 47 глав) и **Маркандея** («Сказание о беседах Маркандеи», 42 главы; «Повесть о Раме», 17 глав, и «Повесть о Савитри», 6 глав; всего 65 глав). Можно сказать, что события сюжета «Араньякапарвы» сосредоточены вокруг двух центральных ее эпизодов – странствия героев по тиртхам и их бесед с риши Маркандеей. Объединяющим началом различных по динамическим характеристикам эпизодов, связанных с эпическими беседами, является полное отклонение повествования от основного сюжета в сторону композиционно инкорпорированных.

Имена эпических риши отличны от тех имен, которые встречаются в Ригведе. Выделяется своей родословной среди мудрецов Махабхараты **Маркандея** – он происходит из рода Бхригу, хорошо известного в Ведах. Маркандея – bhārgavasattama (192.5⁴) «лучший из Бхаргавов», bhṛgukulaśreṣṭha (196.13) «лучший в роду Бхригу», bhārgavanandana (207.5) «радость (или: потомок) Бхаргавов». Подобно ригведийским риши, это *визионер*: как «очевидец» он повествует о мировой катастрофе-*пралае*, и его способности визионера, как и родословная, связывают этот образ с Ригведой. Тот же Маркандея рассказывает Повесть об Ангирасах (гл. 207–221), ригведийском жреческом роде, связанном, как и Бхаргавы, с почитанием жертвенного огня. Это риши, «живущий на свете многие годы», «многие тысячелетия» (bahuvatsarajīvin 180.5, bahuvaṛṣasahasrīn 180.40), удел его – вечность (он – sanātana 181.2). Таковы черты мудреца, которые уводят корни его образа в далекое, неэпическое прошлое.

Риши **Пуластья** и **Ломаша**, а также родовой жрец-*пурохита* **Дхаумья** прямо причастны к сакральным маршрутам Пандавов. Пуластья и Дхаумья раскрывают тему *обхождения святынь* (Пуластья – герою Бхишме, гл. 80–83, Дхаумья – братьям Пандавам, гл. 85–88), а Ломаша сам ведет героев в паломничество по тиртхам

⁴ Цитируется критическое издание текста – The Mahābhārata. The Āraṇyaka-parvan. Crit. ed. by V. S. Sukthankar. Vols. III–VI. Poona, 1942.

Индийского субконтинента и по ходу рассказывает их мифологическую историю (гл. 83–153).

Кришна Двайпаяна Вьяса отличается от других мудрецов-риши тем, что имеет эпическую биографию: он участвует в сюжете Махабхараты, это предок героев; традиция приписывает ему создание Вед и эпоса.

Важно отметить, что по своему социальному статусу эпические риши являются *брахманами*, прошедшими обряд посвящения, «второе рождение»: в частности, Маркандея, определяется как *dvijasattama* (181.7), *dvijaśreṣṭha* (189.28), *dvijottama* (192.2) – «лучший из дваждырожденных». Исключение составляет **Нарада**: это *божественный* риши, *devaṛṣi*, который связывает миры богов и людей как медиатор, посланец небес. В книге «Лесной» он ни разу не выступает повествователем.

Среди определений риши **Брихадашвы** (он рассказывает Пандавам знаменитую Повесть о Нале и Дамаянти) в связи с пониманием функции риши как *эпического сказителя* можно выделить фомульный эпитет в вокативе *vadatām śreṣṭha* (49.43) «о лучший из говорящих», т. е. «владеющих Словом»; Ломаша характеризуется в том же ключе: *kuśalo hy asi bhāṣitum* (126.3) «искусен ты в рассказывании».

Общими для рисунка образа эпического риши являются такие черты, которые никак не могут быть свойственны риши в Ригведе, – это верность *дхарме* и суровое *подвижничество*; наряду с паломничеством они составляют основу основ жизни праведного индустра, стремящегося освобождению от уз *сансары*. Так, **Маркандея** – *sarvadharmabhṛtām vara* (206.33) «лучший из вершителей всех дхарм» и он же – *mahātapāḥ* (180.5, 39, 48; 182.2) «великий подвижник», *tapovṛddha* (180.38, 192.1) «состарившийся в подвижничестве»; **Брихадашва** – *dharmacārin* (49.30) «вершающий дхарму», **Ломаша** – *tapobalasanvita* (45.37) «наделенный силой *тапасы*», **Пуластья** – *ugratapasāḥ* (80.16) «суровый подвижник». К эпическим риши, брахманам-подвижникам, относится в Махабхарате эпитет *taprodhadna* «владеющий сокровищем *тапасы*» (80.28 – о Пуластье, 90.2 – о Ломаше).

Такие характеристики риши, как *bhagavān* (букв. «обладающий долей» – о Маркандее 182.2, о Ломаше 110.10, 121.23 и о Вьясе 247.47), а также *mahābhāga* («наделенный великой долей» – о Брихадашве 49.29, о Ломаше 89.2, о Вьясе 91.17) – *исключительно*, и это следует подчеркнуть, в контексте описания *эпических* риши – могут быть истолкованы в связи с ритуальной деятельностью

жрецов-брахманов, которая предполагает получение достойной доли за отправление ритуала⁵.

Непрерывным качеством риши в «Араньякапарве» является *мудрость*, понятие, которое выражается в эпосе разными способами: *mañṣin*, *mañmāti* – «мудрый», «многомудрый» 180.45; *brahmavidām vara* – «лучший из познавших Брахман» 181.6; *sarvaśastraviśārada* – «искушенный во всех *шастрах*» 182.2; *praśnavidām vara* – «лучший из знатоков (всех) вопросов» 196.11. Среди относящихся к эпическим мудрецам определений с такой семантикой следует выделить эпитет *dhīmān* (276.13, 247.47), содержащий понятие *dhī*, в Ригведе – способность риши проникать в суть вещей, видеть статические картины, быстро, как кинокадры (идея Вяч. Вс. Иванова), сменяющие друг друга. Нечто подобное происходит и в видении **Маркандеи**. Всеобъемлющую мудрость этого риши отражают такие слова: *na te 'sty aviditam kiñcid sarvalokeṣu* (186.12) «Нет ничего во всех мирах, что было бы неизвестно тебе»; ср. ту же формулу, но с другим завершением – *...asminn loke* (192.2) «...в этом мире». Мудрость, всеведение выдвигаются в Махабхарате в качестве требования к риши как рассказчику и одновременно обуславливают его право на повествование сюжетов с особо значимым идейно-содержательным наполнением.

Отдельно стоит отметить такое, тоже выраженное формульно, требование к повествованию риши, как *истинность*: им надлежит рассказывать «точно», «как было» (*tattvena*, *yathāthyam*). Т. Я. Елизаренкова, говоря о реконструкции функций индоевропейского поэта, приводит мнение В. Мейда: «...Брахман периода Ригведы понимается как лицо, передающее знание (*veda*) и формулирующее «истину» на языке своего времени» (Елизаренкова 1993: 5).

Беседы мудрецов и героев композиционно вписаны в *рамочную* структуру, обязанную своим происхождением индийской литературе. Начальная часть рамки в «Араньякапарве» содержит *формулу обряда*, связанного с приемом почетного гостя-брахмана (см. 49. 30, 31; 80.16–26; 89. 2, 3; 180. 40, 41, 49; 245. 9, 10; 246.13,14 – подробно см.: Невелева 1999: 157–182). Эта универсальная формула состоит из трех частей: первая часть – *динамическая* («хозяин» выходит навстречу «гостю», усаживает его, садится рядом и т. д.), вторая – *вещная* («гостю» подносят почетное питье *аргья*, воду для омовения ног *падья*, воду для прихлебывания *ачамания* и т. д.) и третья – *вербальная* (обмен репликами о здоровье и благополучии, выказывание радости и т. п.). Таким образом, сразу же, в самом

⁵ В таком толковании понятие *bhaga* (*bhāga*) «доля» сближается, как можно предположить, с понятием *дакшина* – вознаграждение брахманам-жрецам за совершение обряда.

начале беседы мудрецов и героев указанием на соблюдение этого обряда подтверждается *брахманский статус* риши.

Внутренняя структура эпических бесед часто выстраивается на основе формы, общей для композиции Махабхараты, когда за кратким упоминанием некоего события, как ответ на *формульно* поставленный вопрос – поведать подробно и истинно о только что упомянутом, следует расширенное изложение этого сюжета. Так, во время паломничества Пандавов по тиртхам вокруг Индийского субконтинента под водительством риши **Ломаши**, тот, после краткого упоминания о какой-либо мифологической истории, связанной с той или иной святыней, развертывает далее пространное повествование о ней. В статике бесед **Маркандей** используется, однако, иной способ коммуникации: тему очередного рассказа нередко упоминает в своем вопросе царь Юдхиштхира. Вариантом композиционного ввода такого сюжета, который перекликается непосредственно с обстоятельствами жизни эпических героев, является ответ риши на *конкретно* поставленный Юдхиштхирой вопрос. Сетую на беды, постигшие его, царь вопрошает Брихадашву: «Есть ли на земле (такой) царь, участь которого была бы горше моей?» (49.34). И далее следует рассказ мудреца о Нале и Дамаянти. Аналогичный вопрос задает Юдхиштхира Маркандее (257.10), и ответом ему служит Повесть о Раме, сыне Дашаратхи, герое Рамаяны. Печалась о страданиях, выпавших на долю супруги героев Драупади, царь спрашивает Маркандею, есть ли на свете столь же верная, достойная женщина, как она (277.3), и риши рассказывает Повесть о Савитри.

Таким образом, риши-повествователи используют для введения нового сюжета такую конструкцию, которая является традиционной для организации устно-фольклорного в своем генезисе эпического текста, когда за кратким упоминанием темы следует ее развернутое изложение.

Рассказы эпических риши содержат указания на используемый ими *жанровый* вид. Прежде всего это *махатмья* (от mahātman «великий духом»), «величальная» (о царе Сагаре – 104.5, о брахманах – 182.1, 183.1, о верных женах – 196.2, 206.31) и *махабхагья* (от mahābhāga), «песнь о великой участи» (например, благочестивого брахмана – 190.1, мудрой Савитри – 277.4). Содержательные различия между терминами *махатмья* и *махабхагья*, по-видимому, минимальны, сближает их возвеличивание того, кому они посвящены. Термин *итихаса* означает «быль»; формула: «Здесь рассказывают такую *итихасу*...» является общей для древнеиндийской словесности. *Чарита* приблизительно соответствует понятию «жизнеописание»: так определяются Повесть о Нале (49.43), рассказ об

Агастье (104.4), истории Маркандеи о богах, мудрецах-риши и демонах (181.2), сюжет о прародителе Ману (185.1). Термины *акхьяна* (10.4, 192.6, 206.33) и *катха* (39.8, 180.43), производные от глаголов «говорения» *ākhyā* и *kath*, соответствуя понятию «повествование», более или менее нейтральны в плане содержания определяемых ими историй. Жанровым обозначением можно считать также термин *saṁāsūyā* – букв. «совместное сидение», «беседа», определяющий встречу риши Маркандеи с героями. По своему содержанию этот термин *перекликается* со столь же образным термином *ura-ni-ṣad*, который толкуется как «сидение подле (наставника)». Эпические мудрецы как наставники передают героям знание традиционных *индуистских* добродетелей, среди которых на первом месте – верность *дхарме* во всех ее проявлениях.

Следовательно, можно с уверенностью сказать, что в книге «Лесной» присутствует тенденция к жанровому обособлению рассказов, излагаемых от лица мудрецов-риши.

Особенность конкретной ситуации, в которой оказываются Пандавы во время пребывания в лесах, состоит в том, что изгнание сопряжено для них с суровыми испытаниями. *Завершающая* часть обрамления эпических бесед позволяет установить, что риши наделены функцией совершенно особой, которая сопряжена с их способностью к устранению двух тяжких зол в мироощущении и эмоциональном состоянии царя-слушателя – *duḥkha* и *śoka*. «Горем томимы» (*duḥkhārtāḥ* 49.3) Пандавы после ухода Арджуны на небеса за волшебным оружием, «в печаль и тоску погружены» (*duḥkhaśokaparāyaṇāḥ* 79.4), «пребывают в тревоге» (*utsukāḥ* 80.1); риши **Нарада** приносит им *утешение* (*āśvāsayat* 80.5) рассказом о беседе мудреца **Пуластыи** с Бхишмой насчет тех благ, которые дает посещение святых мест. **Дхаумья**, также в *утешение* (*āśvāsayan* 85.1) им, повествует о паломнических святынях (гл. 85–88). *Утешительная* миссия святых мудрецов, связанная с темой паломничества, по отношению к героям, испытывающим душевное смятение, выражена однотипно – формульными образованиями от глагола *āśvās* в *caus.* «успокаивать», «утешать».

Маркандея действует иначе: он старается укрепить дух героев, апеллируя к традиционным образцам стойкости, и *предсказывает* Пандавам благополучный исход испытаний: «Благодаря своим деяниям ... обретете вы небеса, высочайший приют праведников!» (181.39). И черная утешение в рассказе Маркандеи о Раме, герое Рамаяны, Пандава, «отринув тоску» (*tyaktvā duḥkham*), становится «беспечален душою» (*adīnātmā* 276.13). **Вьяса** взывает к Юдхиштхире: *na śokam kartum arhasi* – «Ты не должен печалиться!» и далее *предрекает*: «Изгнанный из своего царства ты вновь обретешь

его!». **Дхаумья**, ссылаясь на прецеденты из жизни богов, *провидит* победу героев, и тем «удовлетворен» (sampratoṣitaḥ) Юджиштхира (299.11–20).

На выходе из рамочного сюжета к основному – о пребывании Пандавов в лесах – помещается отнюдь не *общая* моральная сентенция. Здесь в высказываниях риши содержится, наряду с предсказанием будущего героев, конкретный совет, своего рода «руководство к действию», позволяющее им преодолеть душевные невзгоды. Исполненная высокого смысла, *речь* мудрецов, которые своим Словом оказывают на эпических героев мощное, условно говоря, *психотерапевтическое* воздействие, позволяет увидеть в них повествователей-гуру, рассказы которых способствуют *катарсису*, разрешению кризиса в мировосприятии тех, кто эти рассказы слушает.

Показательно, что мудрец-риши в «Араньякапарве» нередко ссылается на существование предшествующей *устной* традиции, представляя себя тем самым в качестве *традиционного сказителя*: «все это было мною услышано...» (80.11), «как я слышал об этом прежде ...» (109.6), «так мы слыхали...» (183.1). В рассказах риши упоминаются древние пураны – Матсьяка (185.53), и Ваю (189.14), да и само выражение: «Здесь рассказывают такую древнюю *итихасу* ...» говорит о предшествующей традиции повествования.

Иными словами, сказитель-риши, наделенный даром провидеть будущее героев, располагает собственным, отличным от героического сказа, набором *жанровых видов*, и следует вполне определенной цели в их использовании. Три Повести – о Нале и Дамаянти, о Раме и о Савитри – можно рассматривать в качестве своего рода «контрапунктов» вводных сюжетов книги «Лесной», раскрывающей с разных сторон важнейшую для древнеиндийского эпоса «женскую тему». Эти сюжеты в *эмоциональном* плане, по главной, повидимому, для них *расе*, т. е. доминирующему настроению (kaṅga – «горестное») – тоска любящих в разлуке, резко отличаются от эпической героики, которая также пробуждает в слушателях сопереживание, однако совершенно иного рода (vīra – «героическое», bhairava – «грозное»).

Еще в самом конце XIX-го века Й. Дальманн в своих трудах отметил единство композиции и стиля Махабхараты (Dahlmann 1899). И, тем не менее, рассказы святых мудрецов в «Араньякапарве» отмечены известной спецификой в нескольких отношениях. Каждый из их сюжетов, включенных в эпическое повествование по законам *рамочного* построения текста, отличается, как композиционная инкорпорация, от центрального эпического сюжета такими параметрами, как состав персонажей, время и место действия.

Рассказ мудреца, заключенный в определенную *рамку*, содержит линейное развитие событий, он сюжетно закончен, соответствуя повествовательной схеме: завязка – развитие действия – кульминация – развязка – эпилог. Своего рода недосказанность имеет место разве что в аллюзиях, связанных с именами-эпитетами персонажей, или в мифологических сравнениях, представляющих собой некий свернутый сюжет, но их смысл, очевидно, был ясен эпической аудитории, включавшей самые широкие слои населения.

Очевидно, что при организации эпического материала сказители-риши опираются на сложившуюся традицию древнеиндийской словесности, которая сформировала и широко использовала жанр *беседы* царя с мудрецом и сам прием композиционного обрамления. Данные Махабхараты свидетельствуют о том, что два типа эпических сказителей (брахманы, принадлежащие к самому высокому слою древнеиндийского общества, и колесничие-суты, входящие в состав воинского сословия, кшатриев) различаются, помимо социального статуса, также своим репертуаром и набором средств для его воплощения.

Обращают на себя внимание *характеристики* повествований эпических риши: «великое», «высочайшее» (*mahat, uttamam* 4.6), «дивное», «чуду подобное» (*divyam, adbhutopamam* 39.8), «чудное», «сверхчеловеческое» (*adbhutam, atimānuṣīm* 98.2), «безмерно удивительное», «не знающее себе равных» (*atyadbhutam, anuttamam* 206.33), «пречистое» (*śubham* 207.1), «исполненное великого смысла» (*mahārtham* 299.8); ср.: «священные», «вечные предания» (*kathāḥ puṇyāḥ sanātānāḥ* 180.43) – о повествовании Маркандеи.

Восприятию речи мудреца как *сакральной* способствует, наряду с такими эпитетами, *пхалашрути* – «дар за слушание» (и рецитацию текста). История Наля, тиртхаятра Пуластья, повесть о Ману, рассказ об Ангирасах – все они завершаются указанием на возможность обретения теми, кто слушает эти сюжеты, таких благ, как очищение от греха, спасение от бед и болезни, благосостояние, рождение сыновей, долголетие и, наконец, достижение небес. Это жизненно важные ценности и в силу своей универсальности они сближают эпический мир с миром ригведийского ария. *Пхалашрути* представляет собой, по всей видимости, особый способ *сакрализации текста*, который широко используется древней и средневековой индийской словесностью. Применительно к рассказам риши-брахманов *пхалашрути* дополнительно свидетельствует о том, что эпическая традиция хранит память о креативной силе священной Речи.

Язык «вводной» сюжетики Махабхараты – тот же эпический санскрит, однако в том, что касается *стиля* эпических бесед, он отмечен рядом особенностей. Язык мудрецов-риши, как язык дидактического слоя содержания эпоса, в значительно меньшей степени насыщен формулами (в понимании Пэрри-Лорда), чем эпическая героика (см., в частности: Гринцер 1974: 89). Определенные формулы, как известно, привязаны к определенным темам, так что формульный стиль анализируемых фрагментов Махабхараты, естественно, передает содержание, отличное от того, которое несут в себе формулы батальных контекстов эпоса. Причины этого, как и причины несходства лексического состава контекстов обоих типов в целом, кроются в очевидных тематических расхождениях между *типологически* различными слоями эпического текста, т. е. между «героикой» и так называемой «дидактикой».

Если совокупным героем батальных книг является битва, в изображение которой включены фигуры воинов, их действия, оружие, общая картина ратного поля и т. п., то тематика сюжетов эпических риши совершенно иная: это образцы *дхармической* праведности, воплощенные в святых мудрецах, героях, брахманах и женщинах внеэпического прошлого – безусловная для эпического мира парадигма нравственного поведения. Центральная мысль в видении **Маркандеи** еще шире: здесь подчеркивается значение дхармы как универсального Закона, определяющего существование всей Вселенной.

Относительно высокой степени развития лексической *синонимии* в древнеиндийском языке Т. Я. Елизаренкова делает обоснованный вывод: «Обычно в качестве синонимов в языке Ригvedы выступают те лексические группы, которые связаны с концептуально важными понятиями...» (Елизаренкова 1993: 69). Для того, чтобы убедиться в абсолютной применимости этого вывода к языку эпоса, достаточно привести хотя бы список слов со значением «царь», которые используют риши в своих рассказах, адресуя эти слова как обращения к царю. Только в в одной главе из Бесед Маркандеи (186), в которой риши в ответ на вопрос Юдхистхиры о будущем мира повествует о наступлении Калиюги, последнего из мировых периодов, на протяжении всего 119-ти шлок встречаются следующие синонимы понятия «царь», стоящие в указанной позиции: *gājan* (36, 50, 99⁶) «царь», *mahārāja* (54, 56, 68, 70, 83, 103) «великий царь», *narādhipa* (80, 82, 85, 100, 108), *janādhipa* (37), «владыка людей», *manujādhipa* (29, 92, 103), «владыка порожденных Ману» (т. е. людей), *viśān pati*

---

⁶ В скобках даются номера шлок главы 186 из книги «Лесной».

(34) «владыка народов», pṛthivīpati (57), mahīpati (108), mahīpāla (78,102) «владыка (защитник) земли».

Продолжая высказанную Т. Я. Елизаренковой мысль о том, что в особенностях употребления синонимической лексики «отражается весьма непосредственно модель мира ария Ригведы» (Елизаренкова 1993: 69), можно предположить, что в подобных перечнях Махабхараты получает столь же непосредственное отражение древнеиндийская *этическая* модель мира, в центре которой – фигура царя. Ввиду того, что идеализация, наряду с художественным обобщением и типизацией, составляют суть творческого метода создателей эпоса, абсолютное большинство «царских вокативов», т. е. синонимов, передающих понятие «царь», носят в Махабхарате отчетливо *возвеличивающий* характер.

Каждый из двух типов сказителей в Махабхарате – сути и риши – имеет собственную тематику повествования: сути – батальную, связанную с основным звеном эпического сюжета, брахманы-мудрецы – небатальную и, соответственно, различный набор образительных приемов. Для древнеиндийского эпоса главными являются два средства создания образа – традиционные (постоянные) эпитеты и сравнения (см. подробно: Невелева 1978). Как показывают наблюдения, в повествовании, не связанном с изображением воинских поединков, сравнения используются крайне редко, тогда как в описании эпической битвы чрезвычайно широкое употребление получают формульные сравнения, причем с вполне определенным мифологическим содержанием.

Эпические средства создания образа, к числу которых принадлежит, наряду с эпитетом и сравнением, метафора, также имеют в устах риши некоторую *специфику*, обусловленную, главным образом, тематикой их речей, но иногда и особенностями той ситуации, в которой находятся герои Махабхараты в «Араньякапарве»: они изгнаны из царства и бедствуют в лесах. Используя материал той же самой главы 186, обратимся теперь к эпитетам, относящимся к царю Юдхиштхире и стоящим так же, как и рассмотренные выше синонимы понятия «царь», в вокативе: gājasattama (17) «лучший из царей», narottama (30, 96) «высочайший из людей», pāṛthivottama (79) «высочайший из царей», jagatīpati (106) «властитель мира», amītraghna, arindama (97, 127) «сокрушитель недругов». Эти характеристики вписываются, дополняя его, в рассмотренный выше ряд синонимов-вокативов, каждый из которых призван подчеркнуть величие царя. Однако в условиях лесного изгнания, адресуемые поверженному царю, эти эпитеты приобретают дополнительный *психотерапевтический* оттенок: с помощью таких постоянных

эпитетов утверждается *извечный* характер его мощи, лишь на время утраченной⁷.

Таково, очевидно, назначение и «животной» метафоры, также формульно используемой как вокатив при обращении к царю Юдаштитре. В том же контексте, в главе 186, встречаются такие метафоры этого типа: *naravyāghra* (46.107), *puruṣavyāghra* (95) «муж-тигр», *manujavyāghra* (17, 23, 34, 43, 103) «тигр среди порожденных Ману» (т.е. людей), *bharatarṣabha* (59) «бык-бхарата», *puruṣarṣabha* (71) «муж-бык».

Использование в звательном падеже традиционных приемов эпической стилистики, а именно – синонимов, постоянных эпитетов и «животной» метафоры, которые имеют возвеличивающий героя, теряющего невзгоды, смысл, в контексте событий, описываемых в «Араньякапарве», выглядит так же, как и беседы риши в целом, особым средством, которое способствует *преобразению* личности, подъему духа в том, кто испытывает душевный кризис.

В некоторой степени аналогичное употребление стилистических приемов имеется и в образцах «начала начал» санскритской словесности – в гимнах Ригведы. С помощью разного рода «наводящих» характеристик (например, эпитета «щедрый» по отношению к богу, от которого ожидается дар) ригведийские риши стараются вызвать в адресате гимна проявление желаемого качества (щедрости в одаривании тех, кто его воспевает), «наталкивая» на совершение соответствующего действия⁸. В контексте книги «Лесной» такое «желаемое качество» для утративших царство героев – это возрождение в них мужества, осознания собственной силы.

Судя по устойчивости такого использования лексики, выполняющей *контекстную* задачу – возвеличивания определяемого объекта в негативных для него обстоятельствах, является, по-видимому, осознанным приемом в речах утешителей-риши.

Если попытаться в самом общем плане сопоставить семантику сравнения и метафоры, которые соответствуют различным слоям эпического содержания – типологически исходному, героическому слою и более позднему слою религиозно-философской дидактики, то вырисовывается следующая картина.

В батальных контекстах Махабхараты, в тех книгах, где говорится о всеиндийской битве на поле Куру, отчетливо доминируют *мифологические* сравнения и в первую очередь – на тему *основного* индоевропейского *мифа*, для Индии – мифа о борьбе Индры и Вритры (включая аналоги этого сюжета – например, мифы

---

⁷ Об употреблении подобных эпитетов вне логики контекста см.: Невелева 1974.

⁸ См.: Ригведа I–IV: 511.

о сокрушении Индрой Валу и других противников); в то же время противостояние войск Пандавов и Кауравов приравнивается к борьбе богов и демонов. Тезис о том, что тематический состав сравнений определяется особенностями содержания текста, наглядно подтверждается сопоставлением «Араньякапарвы» с одной из батальных книг – «Карнапарвой», посвященной битве одного из Пандавов – героя Арджуны с Карной, старшим братом, о родстве с которым ему до поры неизвестно. Содержание этой книги почти целиком составляет описание воинских поединков⁹.

Множественный, разветвленный характер привлекаемых для сравнения объектов в «Араньякапарве», представляющей основную часть своего содержания эпическую дидактику, объясняется, прежде всего, разнообразием затронутых в ней тем¹⁰. Сравнения, в состав которых включены не столько мифологические сюжеты, сколько различные реалии человеческой жизни, обихода, занятий, развлечений, позволяют получить достаточно емкое представление об эпическом мире. Некоторые примеры: «Жди, когда наступит твой черед, как земледелец (ждет) всходов» (245. 15¹¹); «Лекари травами преграждают путь болезням, как охотники – зверям (200. 15); «Ты проглотил наживку, прикрепленную к леске-судьбе» (154. 35); «стройная в талии, точно жертвенный алтарь» (261. 19); «Ты – словно жертвенная пища, которую лизнула собака» (275.13 – о Сите, супруге Рамы, после осквернившего ее пребывания в плену у Раваны); «вращается, многострадальный, в *сансаре*, как колесо (200. 37); «...видно отчетливо, как краска на белой ткани» (198.68); «Румянец ... исчез, как (след) дыхания на зеркале» (275.15); «Слава для мертвого – что гирлянда для тела, лишённого жизни» (285. 6); «видом – словно браслет из плавленого золота» (80. 101); «...метался, точно качели» (59. 23); «...развлекал, как ребенка – игрушками» (215. 23).

Упоминаемые в сравнениях «Араньякапарвы» наблюдения человека над собой, своим поведением, физическим и психическим состоянием (с противопоставлением нормы и аномалии), социальные, политические, этические и эстетические воззрения помогают выявить некоторые стороны мировосприятия эпической личности. Например, супруга героев Драупади – «как жизнь, самое дорогое» для них (253.13); праведная Савитри «словно мертва без своего супруга» (281. 51); «...страдает, как больной, поевший вредной

⁹ См.: Махабхарата-Карнапарва. О сравнениях Карнапарвы см.: Васильков, Невелева 1988: 152–175.

¹⁰ О семантике сравнений «Араньякапарвы» см.: Невелева 1978: 37–131.

¹¹ Цифры в скобках означают: первая – номер главы, после точки – номера шлок.

пищи» (200. 36); «Лодку швыряло, точно шатающуюся пьяную женщину» (185. 40); «Что ты сидишь, как увечный, когда надо действовать?» (36. 21); «Подобен евнуху (в надежности) царь нишадов» (о Нале, 71. 14); «Лес Камьяка напоминает государство, утратившее благополучие, лишившись царя (253. 5); «Возликовал царь, будто обрел всю землю» (124. 2); «Такой отторгается от мира юности и бессмертия, как (низкий) шудра от Вед» (32.7); «... почтительно относится к ним, как к (своему) гуру» (38. 6); «... явится, точно слуга, склонившись (в ожидании) приказа» (298. 18); «привел (Драупади) в Собрание точно прислужницу» (296. 2); «Ману любил (рыбу) крепко, как сына» (185. 12); «царь, ревностно оберегающий подданных, будто детей своих» (189. 21); «... брахманов, принятых гостеприимно, точно родные» (155. 21); «Эти слова (пришлись) не по сердцу (царю), как не мил юной деве шестидесятилетний муж» (6. 15); «... колеблешься словно невежда» (247. 1); Дамаанти, супруга Наля, которую он покинул, «спит на земле, словно нет у нее защитника» (59.19); «Возрадовался царь, получив (деву) в жены, словно обрел власть над тремя мирами» (190.41); «... вновь обрел супругу, точно утраченное откровение Вед» (147. 36). В сравнениях книги «Лесной» широко представлены также и *бытовые* объекты – из сферы земледелия, охоты, рыболовства, ритуала, пищи, предметов обихода (пила, кувшин, краска, светильник, зеркало, четки) и т. д.

На примере иносказательных выражений, которые передают понятие смерти¹², чрезвычайно важное для эпоса с его батальностью, можно видеть расслоение содержания эпической *метафоры*. Мифология Ямы – он же выступает как Мритью (Смерть), Кала (Время), Калантака (Губитель-Время) – тяготеет к *героическому* слою содержания, для которого характерны метафоры типа «отправить» или «отправиться в обиталище Ямы», «угодить в пасть Смерти-Мритью». С другой стороны, именно в эпической дидактике «Лесной» книги используется *религиозно-философская* метафора с той же семантикой – завершения земного пути: «покинуть мир *джива*» (т. е. живых), «отторгнуть (оставить) тело», «соединиться с Атманом», «предать плоть закону круговращения Времени», «расстаться с пранами», «распасться на пять элементов».

Понять истоки образа эпического риши, этой «литературной маски», помогает установление его функций. Сказители-риши пребывают в постоянном движении: они появляются в начале беседы с героями и удаляются по ее окончании. Передавая героям *знание*, просвещая их и приобщая к культурным ценностям эпичес-

---

¹² О метафоре смерти, понятии, выражаемом в древнеиндийском эпосе преимущественно в иносказательной форме, см.: Невелева 1991: 135–137.

кого мира, они способствуют тем самым разрешению их душевного кризиса.

В рамках подхода к одной из далеких от своего решения проблем, связанных с текстосложением Махабхараты, – к проблеме ее так называемого *брахманского редактирования*, т. е. идейно-содержательного преобразования, – можно предположить, что риши-брахманы «Араньякапарвы» представляют собой обобщенный и сознательно возвеличенный образ *эпического сказителя нового типа*, который отличен от сказителя-суты. Такому сказителю свойственны *особые* функции, он владеет *особым* набором тем, *особым* реестром жанровых видов, а также имеющим свои особенности художественным языком. Эти наблюдения согласуются с выводом Я. В. Василькова о том, что постепенно появляется «...переходный тип эпических исполнителей ... брахманская *готра*, стоящая особенно близко к воинам и царям (как специалисты... в черной магии, в *дхарме* и *нити*, как наставники в искусстве боя и т. д. ...)» и самым тесным образом связаная с некоторыми важными *тиртвами*. <...> Эта социальная эволюция эпических исполнителей, возможно, шла параллельно ... с трансформацией эпического стиля и изменениями в способе трансмиссии текста»¹³.

Литература

- Васильков 1982 – Я. В. Васильков. Махабхарата как исторический источник (к характеристике эпического историзма) // Народы Азии и Африки. №5.
- Васильков 2003 – Я. В. Васильков. Древнеиндийский эпос Махабхарата: историко-типологическое исследование // Дисс. докт. филол. наук. СПб.
- Васильков, Невелева 1988 – Я. В. Васильков, С. Л. Невелева. Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги Махабхараты) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М.
- Гринцер 1974 – П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.
- Елизаренкова 1993 – Т. Я. Елизаренкова. Язык и стиль ведийских риши. М.

¹³ См.: Vassilkov 2002: 145: «...transitory type of epic performers... a Brahman *gotra* standing particularly close to warriors and kings (as specialists... in black magic, in *dharm*a and *nīti*, as teachers of the art of war etc. ...and...having a strong connection with some important *tīrthas*...». См. там же: «This social evolution of epic performers could run parallel...with a transformation of the epic style and with changes in the mode of text-transmission

- Махабхарата-Араньякапарва – Махабхарата. Книга третья, Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., Наука, 1987.
- Махабхарата-Карнапарва – Махабхарата. Книга о Карне (Карнапарва). Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1990.
- Невелева 1978 – С. Л. Невелева. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М.
- Невелева 1991 – С. Л. Невелева. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М.
- Невелева 1999 – С. Л. Невелева. Правила общения в Махабхарате // Этикет у народов Южной Азии. СПб.
- Невелева 2007 – С. Л. Невелева. Изучение индийского эпоса: Махабхарата в Петербурге // Россия и Индия: взаимовлияние культур. СПб.
- Ригведа I–IV – Ригведа. Мандалы I–IV. Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1989.
- Dahlmann 1899 – J. Dahlmann. Genesis des Mahābhārata. Berlin,
- Goldman 1977 – R. P. Goldman. Gods, Priests and Warriors. The Bhṛgu of the Mahābhārata. N.Y.,
- The Mahābhārata. The Āraṇyakaparvan. Crit. ed. by V. S. Sukthankar. Vols. III–VI. Poona, 1942.
- Pisani 1934 – Pisani V. The Rise of the Mahābhārata // A Volume of Eastern and Indian Studies. Present to prof. E.W.Thomas. L.
- Sukthankar 1944 – V. S. Sukthankar. Critical Studies in the Mahābhārata // Sukthankar Memorial Edition. Vol. I. Poona.
- Vassilkov 2002 – Ya. V. Vassilkov. Indian practice of pilgrimage and the growth of the Mahbhārata in the light of new epigraphical sources // Stages and Traditions: temporal and historical frameworks in epic and purāṇic literature. Zagreb.
- Winternitz 1959 – M. Winternitz. A History of Indian Literature. Vol. I. Calcutta.

ЗНАЧЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАЛОГА В ЭПИЧЕСКОМ САНСКРИТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ «МАХАБХАРАТЫ»)

Целью данной статьи является изучение закономерностей употребления среднего залога в эпическом санскрите традиционным путем выделения в тексте форм, соотносимых с данной категорией, и анализа их употреблений, т. е. по принципу «от формы к семантике».

В понятие залога разными исследователями вкладывается достаточно разнообразное и противоречивое содержание. Традиционно залог определяется как грамматическая категория глагола, выражающая субъектно-объектные отношения, при этом данные отношения рассматриваются как отношения между: а) субъектом действия и самим действием; б) субъектом и объектом действия; в) субъектом, объектом и действием (см., напр., Лингвистический энциклопедический словарь).

С точки зрения логики субъектно-объектные отношения лишены вариативности, и от замены залоговой формы сказуемого характер отношений между субъектом действия и его объектом не изменяется. Так, если рассмотреть предложения *Иван открыл дверь* и *Дверь была открыта Иваном*, то видно, что оба констатируют в действительности один и тот же факт: через какие бы залоговые формы мы не описывали данный факт, Иван в любом случае будет являться субъектом действия, а дверь – объектом. С этой точки зрения, варианты в распределении функций в принципе невозможны. В этом заключается базовое противоречие между логической и синтаксической направленностью действия, которое составляет основание категории залога. Другими словами, грамматическое подлежащее и логический субъект действия тождественны лишь в активной конструкции, где логический вектор действия (субъект → предикат → объект) и синтаксический вектор действия (подлежащее → сказуемое → дополнение) выступают как сонаправленные. Следовательно, выделение залога как грамматической категории глагола и раскрытие ее сущности возможно лишь в ходе сопоставления семантики субъектно-объектных отношений со средствами их выражения в языке.

Семантическая неоднородность и разнообразие залоговых форм в различных языках вызывает немалые затруднения в ходе типологического сопоставления и анализа этих форм, которые призвана

снимать выдвинутая в 1970-х гг. универсальная теория залога (А. А. Холодович и др.). В рамках этой теории наряду с понятием залога используется введенное А. А. Холодовичем понятие диатезы. Диатеза – соответствие между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня, т.е. между ролями глагольной лексемы (субъектом, объектом, адресатом и т. п.) и выражающими их членами предложения (подлежащим и дополнениями). Так, предложения *Иван открыл дверь* и *Дверь была открыта Иваном* различаются именно диатезами. Разные диатезы могут выражаться не только различными залоговыми формами, но и одинаковой глагольной словоформой, ср., напр., англ. *Jack opened the door* и *The door opened*. Понятие диатезы универсально: с его помощью фиксируются любые соответствия между ролями глагольной лексемы и выражающими их членами предложения; диатеза учитывает одновременно семантические, синтаксические и морфологические качества компонентов глагольной лексемы.

Собственно залог является грамматической категорией глагола, выражающей диатезу, и определяется как «грамматически маркированная в глаголе диатеза» (Холодович 1979: 284). Залог как категория выделяется тогда, когда в языке имеются глагольные лексемы, различные словоформы которых соотносятся с разными диатезами. В отличие от диатезы – универсальной семантико-синтаксической категории – залог считается морфологической и тем самым неуниверсальной категорией. Как указывает С. Е. Яхонтов, залог вполне может отсутствовать в языке, как и любое формальное средство, однако, из этого не следует, что в языке отсутствуют или не имеют грамматического характера диатезы, т. к. они могут находить выражение и в не залоговых формах (ТПК: 46–53). Таким образом, противопоставление залоговых форм следует отличать от противопоставления залоговых значений, принимая во внимание, что асимметрия между системой залоговых форм и системой залоговых значений во многих языках весьма высока.

Центральной *залоговой оппозицией* является противопоставление прямого, т.е. немаркированного, залога, выражающего прямую диатезу, косвенным залогом, обозначающим косвенную диатезу. И прямой, и косвенные залогом описывают одну и ту же ситуацию (*Иван открыл дверь* и *Дверь была открыта Иваном*), а основной их функцией является перераспределение внимания, фокусирование на одном из участников ситуации в ущерб другому, в зависимости от того, какими актантами они выражены.

В языках номинативного, или аккузативного, строя, к которым в том числе относится санскрит, прямым залогом является актив, или действительный залог, указывающий действие, производимое субъек-

ектом и направленное вовне (*Иван открыл дверь*). Важнейшим косвенным залогом является пассив, или страдательный залог, которому традиционно приписывалось значение «претерпевания», вызванного воздействием извне, т. е. значение действия, происшедшего с объектом (*Дверь была открыта Иваном*), или наступившего в результате состояния (*Дверь открыта Иваном*). В некоторых языках пассивизации может быть подвергнут не только прямой объект, но и другие именные члены предложения, такие как адресат, инструмент, обстоятельство места (ср., напр., два типа управления у ряда английских глаголов в пассиве: *The invitation was sent to me* и *I was sent an invitation*). Анализируя значение пассива, современные лингвисты закономерно приходят к выводу о том, что пассиву не присуще особое значение «претерпевания», а его специфика лишь в том, что субъект не занимает позиции первого актанта – подлежащего (Храковский 1974: 88). Внимание сфокусировано на объекте (адресате, инструменте и т. д.) действия; обозначение субъекта вытеснено на периферию высказывания – в трехчленном пассиве он выражен агентивным дополнением. Более того, в пассиве обозначение агенса становится факультативным и может быть опущено (*Дверь была открыта*). Интересно также, что двучленные конструкции используются достаточно часто в различных стилях речи, в то время как употребление трехчленных конструкций стилистически весьма ограничено, а в некоторых языках они не представлены вообще. Однако утверждение, что главная функция пассива – понижение статуса агенса, оказывается верным не всегда: В. Б. Касевич, в частности, обращает внимание на несоответствие некоторых фактов залоговых языков обязательному вытеснению агенса на периферию: «например, в высказывании наподобие *Сразу видно, что эта вещь сделана настоящим мастером* именно информация об агенте выступает как наиболее существенная, несмотря на пассив» (Касевич 1988: 211). Таким образом, «тематическая» трактовка пассива не является универсальной.

Функции залога могут рассматриваться и шире, когда в их число включается передача значений **актантной деривации** (Плунгян 2003: 191–224). Под актантной деривацией понимается такое преобразование актантной структуры глагола, которое, в отличие от залога, затрагивает не только коммуникативную составляющую ситуации, но и ее семантику. В число значений актантной деривации входят прежде всего: выражение отношения тождества между участниками ситуации и совместности выполняемых действий, неопределенность участников, введение в поле зрения лишних или фиктивных участников, устранение со сцены несущественных

участников. Залог, в таком случае, является частным случаем актантной деривации.

Различается три главных разновидности актантной деривации: повышающая, понижающая и интерпретирующая. При повышающей деривации происходит увеличение числа обязательных актантов исходной ситуации, при понижающей деривации – соот, уменьшение, а при интерпретирующей деривации происходит изменение референциальных характеристик, или типа актанта, тогда как количество актантов остается неизменным.

Один из самых распространенных случаев повышающей актантной деривации – это добавление участника с ролью агенса и/или причины. В этом случае говорят о каузативе, означающем, что в позиции подлежащего стоит обозначение каузатора, позицию прямого дополнения занимает субъект действия, а в глаголе при этом формально выражена соответствующая семантика.

Понижающая деривация связана с исключением из ситуации одного из актантов. Самый распространенный ее тип – декаузатив, при котором происходит процесс, обратный каузации. Имперсонал означает, что позиция подлежащего не занята либо занята лишь пустым служебным местоимением, а сама конструкция вообще не допускает выражения агенса, и субъект действия, соответственно, не может занимать позицию подлежащего.

При интерпретирующей актантной деривации количество участников может не меняться, но на их референциальную природу накладываются ограничения. Так, кореферентность участников передается рефлексивом, выражающим отношение тождества между субъектом и объектом. Различают прямообъектный и косвеннообъектный рефлексивы, в зависимости от того, какому дополнению кореферентно подлежащее. Если рефлексив требует «раздвоения» единственного участника, то в случае с реципроком, напротив, количество участников не может быть меньше двух, и они оба одновременно выступают в роли и субъекта и объекта действия, т.е. имеются одновременно два агенса и два пациенса.

Средний залог (или медиальный, медий), занимающий периферийное положение по сравнению с явно господствующей оппозицией актив ↔ пассив и имеющийся, например, в древнегреческом языке и в санскрите, описывается как категория, включающая себя ряд значений, которые объединяет общая семантика действия, сосредоточенного в субъекте, тогда как объект действия оказывается в принципе несущественным. Сам термин – медий, средний залог – восходит к грамматике древнегреческого языка, где этот залог рассматривался как промежуточный между активным и пассивным. Индоевропейцами, однако, был установлен тот факт,

что пассив исторически развился из среднего залога и изначально существовала оппозиция актив ↔ медий. Это явление четко прослеживается в санскрите, где категория залога складывается именно из такого противопоставления. Вся система личных форм глагола характеризуется двумя парадигмами окончаний – активных и медиальных. Что касается пассива, то ряд форм образуется от особой основы при помощи медиальных флексий, остальные же формы омонимичны формам среднего залога.

Интерпретируя значение среднего залога лингвисты исходят из различия, установленного Панини: *parasmaipada* (актив) представляет собой «слово для другого», а *ātmanepada* (медий) – «слово для себя». Классический пример, иллюстрирующий это различие, – *yajati* «жертвует для другого» (т.е. совершает жертвоприношение для кого-либо в качестве жреца, исполняющего обряд) и *yajate* «жертвует для себя» (т.е. заказывает обряд в качестве жертвователя). Э. Бенвенист, сопоставляя греческие и санскритские глаголы, уточняет определение Панини, приходя к заключению о том, что «в активном залоге глаголы означают процесс, который исходит из субъекта и развивается вовне. В среднем залоге ... глагол указывает процесс, который развивается в субъекте» (Бенвенист 1974: 188). Таким образом, средний залог характеризуется так называемой «внутренней диатезой». Определения Панини и Э. Бенвениста носят все же весьма общий характер и не позволяют дать медию более точную характеристику. Основная масса санскритских глаголов может употребляться как с активными, так и с медиальными окончаниями, но кроме того есть целые классы глаголов, спрягающихся только в активе или только в меди. Выбор флексии у этих классов, *activa tantum* и *media tantum*, «определяется, по-видимому, прежде всего лексическим значением корня, хотя далеко не всегда характер этой связи ясен» (Елизаренкова 1982: 275).

Поскольку данное исследование строится на материале памятника древнеиндийского эпоса, следует сказать несколько слов о специфических особенностях эпического санскрита. «Махабхарата» формировалась на протяжении столетий и это не могло не отразиться на особенностях эпического языка. Огромную роль здесь сыграло устное происхождение и устная традиция исполнения «Махабхараты», адресовавшейся широкой аудитории. В эпическом языке засвидетельствованы многочисленные отклонения от грамматической теории и норм грамматики. По словам Т. Барроу, язык «Махабхараты» – «это определенно санскрит, но санскрит постоянно нарушающий правила, установленные Панини и соблюдаемые более ортодоксальными литературными кругами» (Барроу 1976: 52). Выбор форм объясняется зачастую требованиями метрики, которые

рассматривались сказителями как первостепенные, тогда как нарушение правил классической грамматики считалось в ряде случаев допустимым, т.е. в эпическом санскрите имеет место утрата ряда грамматических оппозиций в ходе языковой эволюции.

В качестве материала исследования было отобрано двести примеров употребления среднего залога как в личных формах глагола, так и в причастиях. Предложения отбирались методом сплошной выборки с первой по двадцать первую главу «Книги Лесной». Объем обработанного текста составил 740 двустийши, в составе которых использована 871 личная глагольная форма (из них 161 среднего залога, что составляет 18,5%), кроме этого выделено и проанализировано 39 медиальных причастий. Классификация отобранных форм строится на основании структурного и семантического признаков. Под структурным параметром понимается актантная структура глагола, употребленного в форме среднего залога. В результате этого встретившиеся в тексте глаголы были разбиты на одно-, двух- и трехактантные. Важно, что полнота или эллиптичность глагольной конструкции не учитывались, в то время как внимание обращалось на реальное заполнение валентностей, поскольку данный фактор играет роль при выражении диатез. Таким образом, один и тот же глагол может оказаться в разных рубриках, если встречается с разным количеством актантов в разных контекстах. Семантический параметр заключается в отождествлении конкретной глагольной формы медиа со значением синтаксической конструкции. Здесь выделяются в первую очередь такие значения как декаузатив, рефлексив, реципрок, ассоциатив, хотя, как показал материал, могут также быть и другие значения. В результате получается весьма разветвленная классификация, которая призвана отобразить и до некоторой степени объяснить употребление и значение медиального залога. Самым обширным разделом оказалась группа двухактантных глаголов – в нее вошло подавляющее большинство примеров. Корпуса примеров одно- и трехактантных глагольных конструкций с медием в целом сопоставимы по объему. Такое численное соотношение между лексическими единицами в плане актантной структуры вполне согласуется с данными большинства индоевропейских языков, где преобладают двухактантные глаголы.

В рассматриваемом корпусе примеров насчитывается в целом 81 корень без приставок, с учетом же разнообразных приставок их число возрастает до 118. Далее мы будем отталкиваться не от «чистых» корней, а от их сочетаний с приставками, поскольку в исследуемом тексте некоторые из них без приставок нам не встретились, а также потому, что появление приставки нередко

сказывается на модели управления. Примерно треть (48 единиц) составляют глагольные корни, принадлежащие *media tantum*. Среди них встречаются те, которые согласно словарю Моньер-Вильямса допускают и актив. Глаголы, которые требуют исключительно активного залога, но употреблены в меди, дали нам группу в 12 единиц. Часть из них представляет собой пассив, который кроме презенса и аориста не имеет особой основы и выражается формами меди, а часть выглядит как «нарушение» грамматических правил. Кроме того, есть 18 корней, которые, вообще говоря, относятся к *activa tantum*, но судя по словарным пометам могут в эпическом языке принимать и окончания *атманепада*. Строго говоря, в словаре зафиксированы наиболее регулярные и характерные для эпоса отклонения от правил классической грамматики. Оставшиеся 40 корней составляют группу, которая может использоваться и в активном, и в медиальном залоге.

Одноактантные глагольные конструкции проиллюстрированы 31 примером. В них подавляющее большинство корней способны принимать только форму среднего залога, таковы, например, *srand дрожать, ās сидеть, пребывать в покое, vart существовать, случаться, uidd сражаться, vardh расти, увеличиваться, jan рождаться, появляться, pad идти, достигать, kāś казаться, выглядеть*, которые в сочетании с различными приставками составили 19 примеров. К встретившимся глаголам *парасмайпада*, допускающим в эпическом стиле также и *атманепада*, относятся *ṣat успокаивать, успокаиваться* и *tap быть горячим, страдать*, тогда как корни, которые регулярно принимают окончания и активного, и медиального залога, представлены следующими: *yāc просить* и *bhrāj сиять* (без приставок) и *udvij дрожать* и *āśvas успокаиваться, воодушевляться* (с приставками). По семантическому признаку у среднего залога выделяются следующие значения: декаузатив, ассоциатив, рефлексив, аппликатив.

Значение **декаузатива** является самым распространенным в формах *атманепада* с одной заполненной валентностью. Типичными примерами являются:

- (1) ...*saṃjalpaḥ samajāyata* – ...*завязалась* беседа. (1.42)
- (2) ...*yajñiyārthāḥ pravartante*... – ...*утварь для жертвоприношения появляется*... (4.9)
- (3) ...*tasya .... pravṛttis copajāyate* – ...*и у него ... возникает* склонность [к действиям]. (2.64)

Здесь глагол в форме среднего залога передает значение действия, обратного акту, каузируемому волей некоторого лица или активной силой, т. е. данная ситуация не имеет внешнего агенса и происходит без какого-либо участия извне, так что пациенс и агенс

сливаются в одном участника и разделить их не представляется возможным. Таким образом, это типичная ситуация декаузатива.

Примеров со значением **ассоциатива** всего лишь два:

(4) ...*anuyāsyāmahe* vaṃam – ...мы *последуем* за вами. (2.10)

(5) jāyatānasya uac chīlam *anujāyate*... – ...то душевное качество, которое *рождается вместе* с рождающимся [человеком]... (т. е. то качество, которое дано человеку при рождении). (9.11)

В данных случаях усматривается значение ассоциатива, поскольку в глагольных формах выражено совместное действие, а именно наличествует еще один участник, но не с новой ролью, а с той же самой, и для него не нужна дополнительная валентность. В санскрите это передается, в частности, приставкой *anu*, означающей направленность действия «вслед за чем-либо» в плане связи данного действия с предыдущим и совместность действия. Оба примера отражают эти оттенки: (4) – направленность действия вслед, когда брахманы хотят идти в леса вместе с героями, а (5) – совместность в смысле одновременности появления на свет человека и его характера. Очевидно, основную роль при выражении ассоциатива берет на себя именно приставка: так, мы сталкиваемся со множеством глаголов в активе, в том числе с глаголами движения, с приставкой *anu*, передающими это значение. Многочисленные подобные примеры свидетельствуют в пользу того, что ассоциатив выражается прежде всего аффиксально, а не при помощи особой залоговой формы.

Рефлексив среди одноактантных конструкций, так же как ассоциатив, представлен лишь двумя примерами.

(6) ātmā hi *jāyate* tasyām... – Ведь [супруг] *возрождает* в жене *себя самого*... (13.62)

(7) *āśvasadhvam* – *Ободритесь!* (17.32)

В обоих случаях представляется возможным говорить о прямо-объектном рефлексиве, т. к. во-первых, действие имеет направленность от агенса к пациенсу, а во-вторых, оба эти участника соотносятся с одним референтом. В первом случае это отношение кореферентности находит выражение при помощи возвратного местоимения *ātman*, во втором же случае кореферентность не выражена никаким показателем, и вне контекста с точки зрения семантики для глагола *āśvas* *утешаться, ободряться, воодушевляться* более вероятно декаузативная интерпретация (*прийти в состояние воодушевления*), нежели рефлексивная (*привести себя в состояние воодушевления*). Однако в пользу последней говорит форма повелительного наклонения в рассматриваемом примере: воинов призывают совершить сознательные усилия над собой, и следовательно, это рефлексив.

Говоря об **апликативе**, или о действии «для себя», мы исходим из отмеченной Панини категории, являющейся членом оппозиции «для другого» – «для себя», и имеем в виду действие, совершаемое в собственных интересах. Среди одноактантных глаголов встречается ряд примеров, которые можно трактовать в духе этой диатезы:

(8) tvām ... āgamya ṛṣayaḥ ... *ayācanta* – ...к тебе приходя, святые мудрецы *просили*. (13.33)

В данном случае форма *атманепада*, очевидно, обусловлена тем, что данное действие выполняется в интересах агенса, т.е., как известно из контекста, просители просят за себя или для себя. Можно предположить, что если бы они просили ради кого-то другого, то глагольная форма была бы иной (*парасмайпада*).

Среди личных форм *атманепада* одноактантных глаголов **реципрок** в исследуемом тексте не был засвидетельствован ни разу. Это значение в анализируемом корпусе примеров представлено формами *парасмайпада* в сочетании с местоимениями *ануопуат* или *параспарат* – «друг друга», что полностью соответствует правилам грамматики Панини.

Как показывают примеры, значение декаузатива передается корнями самых разных типов, при этом чаще всего – за счет их количественного преобладания в анализируемом тексте – в корнях, принимающих только окончания медиального залога, хотя такое же значение передают корни, встречающиеся и в активном, и в медиальном залоге, и не составляют исключения и корни, которые, как правило, принимают окончания актива.

Значения ассоциатива и рефлексива представлены каждое двумя корнями, один из которых относится к способным образовывать только форму среднего залога, тогда как другой должен принимать лишь окончания активного залога. Сказанное, по-видимому, означает, что усмотреть сколько-нибудь жесткую связь между типом корня и значением среднего залога для одноактантных глагольных конструкций не представляется возможным. В некоторых случаях этот выбор исследуемой формы определяется метрическими свойствами текста (форма среднего залога лучше «укладывается» в эпический размер), хотя встречаются случаи, когда и этими соображениями выбор формы объяснить нельзя.

Таким образом, с одноактантными глаголами сложилось весьма ясная картина – у них залоговые значения выделяются достаточно легко и спорных или труднообъяснимых случаев встретилось немного. Что касается глагольных конструкций с двумя и тремя заполненными валентностями, то, к сожалению, рамки статьи не позволяют подробно на них остановиться. Отметим лишь, что они в основном повторяют картину, полученную для одноактантных гла-

голов, хотя и представляют значительные трудности при трактовке значения по сравнению с одноактантными.

В результате проведенного анализа удалось выделить достаточно большое количество значений, выражаемых формами медиального залога, основными из которых оказались декаузатив, реципрок, рефлексив, ассоциатив, аппликатив. Самую крупную группу глаголов составляют те, которые передают в среднем залоге значение декаузатива. По сравнению с ним иные значения представлены значительно более скромно.

Не менее важным представляется и то, что весьма обширную группу составили примеры использования флексий *атманепада*, которые можно объяснить требованиями размера эпического стиха. Это говорит в пользу того, что жесткая грань между активом и медиум начинала постепенно стираться (т. е. стиралось противопоставление актив ↔ медий), так как иначе вряд ли бы требования норм грамматики занимали подчиненное положение по отношению к требованиям стихотворного жанра.

Структурный подход и разделение глагольных конструкций на одно-, двух- и трехактантные в целом себя оправдывает, поскольку именно одноактантные структуры дают наиболее четкую картину и позволяют выделить основные типы значений, которые в той или иной мере и в большем или меньшем объеме удастся проследить и в группах двух- и трехактантных глаголов, что содержит интересные данные в отношении семантики анализируемых структур.

Задача выяснения закономерностей употребления среднего залога, как можно заметить, очень сложна, и несмотря на то, что значительную часть глаголов в среднем залоге удалось расклассифицировать по типам значений, все же встретились и далеко не однозначные случаи. Сопоставление в дальнейшем форм *парасмайпада* и *атманепада* одних и тех же корней в тестах эпического и классического санскрита дало бы возможность углубить выводы о типичных залоговых структурах эпического санскрита.

Литература

- Барроу 1976 – Барроу Т. Санскрит. М.
Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.
Елизаренкова 1982 – Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М.
Касевич 1988 – Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.
КГ – Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1983.
ТКК – Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1969.

- Плунгян 2003 – Плунгян В. А. Общая морфология. М.
ТПК – Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого / отв. ред.
А. А. Холодович Л., 1974.
Холодович 1979 – Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.
Храковский 1974 – Храковский В. С. Проблемы синонимии и конверсности пассивных и активных конструкций // Универсалии и типологические исследования. М.

Maria D. Andreeva

On the semantics of the Middle Voice in epic Sanskrit
Summary

The paper deals with the semantic principles of using the Middle Voice in “Aranyakaparva”, the third book of the great ancient Indian epic of “Mahabharata”. The author proposes a valence-based classification of the verb structures studied. The classification is further developed according to the grammatical meaning of verb forms in the Middle Voice. Such a classification reveals semantic content of the category in question as well as its particular characteristics in the Sanskrit of epics.

ЦЕЗИЙ БАСС: I. СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЕРСИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Сохранившиеся фрагменты лирики Цезия Басса (или то, что считается таковыми), происходят из двух неравных источников.

Присциан – единственный автор, который цитирует поэта, указывая и на автора, и на источник цитаты: Bassus in II Lyricōrum (II 527, 16 GLK = Fr 1¹).

Все остальные фрагменты (2–10) происходят из учебника метрики, который назывался «Liber de metris» и был известен под именем Цезия Басса, возможно, уже с конца II века. Этой книгой пользовался Теренциан Мавр, которого датируют от середины II до начала IV века (Signolo 2002, I: xxv). От нее до нас дошел объемный отрывок, содержащий в качестве иллюстраций стихи, некоторые из которых представляются придуманными автором учебника. Поскольку большая часть «Libri de metris» утрачена, то можно ожидать, что часть примеров из этой, очень авторитетной на закате античности, книги сохранилась у грамматиков. Действительно, у Диомеда находим пример молосса (metrum molossicum), который «дает Цезий Басс» (I 513, 15 GLK = Fr. 10, далее § 24).

Существующий текст «Libri de metris» не принадлежит Цезию Бассу: он представляет собой позднейшую переработку какого-то раннего первоисточника².

---

¹ Стандартный текст: FPL³ = Fragmenta Poetarum Latinorum Epicorum et Lyricorum praeter Ennium et Lucilium. Post W. Morel (ed. 1^a anni 1927) novis curis adhibitis edidit Carolus Buechner (ed. 2^a anni 1982). Ed. tertiam curavit Jürgen Blänsdorf. Stugdardiae et Lipsiae, 1995, p. 316; библиография (кроме FPL³): Cupaiuolo 1995: 77. Новое комментированное изд. E. Courtney. The Fragmentary Latin Poets. Oxford, 2003 (1993). P. 351 включает только fr. 1 FPL, остальные фрагменты Кёртзи не признает принадлежащими Цезию Бассу.

² Вот суждение Кейла по этому вопросу: ... ea quae nunc legimus a grammatico quodam inferioris aetatis e Caesii libro collecta, non ab ipso nobilissimo artis metricae auctore scripta esse credantur (Grammatici Latini, vol. VI p. 250). Текст, который принято цитировать под именем Pseudo-Bassus, имеет ложный рукописный титул ATILII FORTUNATIANI ARS, он был издан Кейлем под названием «Caesii Bassi fragmentum de metris» (GLK VI: 255–272). Pseudo-Bassus (Fortunatianus) включен и в собрание Маззарино (Grammaticae Romanae Fragmenta aetatis Caesariae: Caesius Bassus fr. 6) вместе с цитатами из 'Цезия Басса' у других грамматиков (Fr. 1–5).

Последняя из шести сатур Персия (Sat. VI) представляет собой стихотворное послание, адресованное Цезию Бассу. Эта поэма и схолии к ней – наш главный источник о личности лирического поэта. Персий известен как один из наиболее темных латинских авторов, и несколько строк обращения к адресату Sat. VI не составляют исключения: извлечь какой-либо положительный смысл из них очень трудно. Что касается схолиев к Персию, известных под названием «*Commentum Cornuti*», то они представляют собой компиляцию IX века³. Реальные сведения, сообщаемые в этих схолиях, ненадежны (Zetzel 2005: 2).

Мы узнаем из Sat. VI, что Цезий Басс был лирическим и, видимо, исключительно лирическим, поэтом. Персий называет его *стариком* (senex), что даже при буквальном понимании не может определить дату рождения. Из слов Персия понятно, что на рубеже 50/60-х годов, когда была написана Sat VI⁴, Цезий Басс занимался сочинением стихов, но ничто не говорит о том, что он достиг славы. О признании свидетельствует Квинтилиан (X 1, 96), который в перечне латинских лириков упоминает только два имени, Горация и Цезия Басса.

Жизнеописание Персия сообщает, что тот с ранней юности был другом Цезия Басса (Vita 16 Clausen)⁵. Именно он издал «Сатурь»

Автором прототипа «*Libri de metris*» принято отождествлять с поэтом нероновского времени (Skutsch 1897).

³ Вероятно, «*Commentum Cornuti*» был создан в каролингской школе в Осере (Auxerre) (Zetzel 2005: 136–143; Préaux 1976).

⁴ Персий скончался в конце 62 г. в возрасте 28 лет. Vita (42 Clausen) сообщает, что он писал ‘редко и медленно’ и не успел закончить ‘книгу’. Мы не знаем, была ли шестая сатура написана последней, — текст Vitae этого не предполагает недвусмысленным образом: *versus aliqui demti sunt ultimo libro, ut quasi finitus esset* (Vita 43), где *ultimo libro* может обозначать или *самый конец книги* (т.е. Sat. VI), или *книгу, которая была последней из написанного поэтом*. В пользу второго понимания говорит то, что автор Vitae давал полный перечень сочинений Персия, включая детские, — однако текст Vitae в этом месте испорчен. Таким образом, нельзя утверждать, что изъятие стихов коснулось только конца Sat. VI и что именно эта сатура создавалась последней и осталась незаконченной. Кроме того, сам факт удаления стихов первыми издателями сомнителен. Vita упоминает об этом в одном ряду с несомненно вымышленной историей о правке Корнутом стиха Sat. I 121 (об этом стихе: Zetzel 1981: 194).

⁵ В списке друзей Персия (Vita 16–32), составленном из самых значительных людей того времени, рядом с Цезием Бассом стоит иначе неизвестный Calpurnius Statura, – *qui vivo eo (Persio) iuvenis decessit*. Это не дает оснований считать Цезия Басса сверстником Персия (Jenkinson 1979; Позднев 1998), поскольку список не следует порядку поколений.

после смерти Персия (Vita 45), однако нет возможности связать появление этого издания с концом правления Нерона.

Схолии к Sat. VI (schol. 1) ссылаются на *слухи* (fama), по которым Цезий Басс погиб при извержении Везувия. Квинтилиан говорит, что поэт был жив *недавно*: Caesius Bassus quem *nuper* vidimus (X 1, 96), – но это совершенно бесполезно для точной хронологии.

Принятые на веру, наши источники дают даты жизни поэта ок. 10/15–79.

Задача настоящей работы – дать очерк творчества Цезия Басса, как лирического поэта и как гипотетического автора компендия по метрике (прототип «Libri de metris»).

В соответствии с характером источников наше исследование разделено на три части.

I. Sat. VI 1–11 Персия. Для удобства изложения эта часть написана в форме комментария, но комментарий наш выборочный, мы рассматриваем в тексте Персия только то, что могло бы охарактеризовать поэзию Цезия Басса⁶.

Эту первую часть мы предлагаем вниманию читателей, надеясь вскоре добавить:

II. Поэтические фрагменты.

III. «Liber de metris».

PERSIUS SAT. VI 1–11. ТЕКСТ

Admovit iam bruma foco te, Basse, Sabino?
iamne lyra et tetrico vivunt tibi pectine chordae?
mire opifex numeris veterum primordia vocum
atque marem strepitum fidis intendisse Latinae,
5 mox ivuenes agitare iocos et pollice honesto
egregius lusisse senex. mihi nunc Ligus ora
7 intepet hibernatque meum mare, qua latus ingens
dant scopuli et multa litus se valle receptat.
«Lunai portum, est operae, cognoscite, cives.»
10 cor iubet hoc Enni, postquam destertuit esse
Maeonides Quintus pavone ex Pythagoreo.

2 lyre et iricae vivunt P || rerum P : vel vocum P gloss. (in P *adscriptis manus eiusdem fere aetaris* Clausen) 4 adque mare V 5 mox) tum Serv. *ad Aen. I 306* 6 egregius VGL (aegregius V Kissel): aegregius α: aegrecius P : egregios Φ || senex PαVGL : senes Φ 9 Lunai α || portum) praetium Pa (текст и избранные разночтения по изд. Clausen 1956, сверенному с Kissel 2007).

P = Pithoeanus, cod. Montepessulanus Bibl. med. 125 s. IX.

---

⁶ Этой проблеме посвящена статья: Позднев 1998.

α = субархетип двух очень близких рукописей:

A = cod. Montepessulanus Bibl. med. 212 (s. IX/X);

B = cod. Vaticanus tabularii Basilicae N 36 (s. IX).

Датируется α не позднее VI в., непосредственным общим источником АВ был утраченный минускульный кодекс (IX в.?).

V = codex Vaticanus Regensis 1560, IX/X в.; рукопись, ныне сильно поврежденная, содержала Commentum Cornuti. По Клаузену кодекс V близок *in character* рукописи P.

G = codex Bernensis, X в., одна из 'менее хороших' рукописей (X-XI вв.), цитируемых в аппарате Клаузена.

L = codex Leidensis, X в., относится к тому же классу младших рукописей; содержит Commentum Cornuti.

Φ = согласие всех или большинства младших рукописей, учтенных в аппарате Клаузена.

§ 1. Важнейшие рукописи разделяются на две ветви: первая представлена кодексами P и Bobiensis (палимпсест V/VI в., он же fragmentum Bobiense); вторую составляет кодекс α ($\rightarrow$ A B).

Рукописи A и B имеют две субскрипции протектора Сабина (Flavius Iulius Tryphonianus Sabinus), датированные 402 г. Линдсей полагал, что, как в A, так и B, субскрипции вписаны корректорами, следовательно, только исправления в A и B могли быть связаны с текстом Сабина (Lindsay 1915). Клаузен показал, что это справедливо только для B, а в кодексе A одна из субскрипций переписана той же рукой, что и текст (Clausen 1956: ix; Kissel 2007: ix). Таким образом, кодекс α был в списке с рукописи, содержавшей субскрипцию Сабина. Однако A и B были очень отдаленными потомками эмендации Сабина. Если принять убедительную теорию Клаузена (Clausen 1963), то рукопись α была создана около середины VI в. и связана каким-то образом со школой Присциана, поскольку в α была добавлена приписываемая Присциану поэма «De est et non». Непосредственным источником АВ был утраченный кодекс γ , относимый Клаузенем к IX в.: $\alpha \rightarrow \gamma \rightarrow (AB)$. Таким образом, α и Bobiensis относятся приблизительно к одному времени, а именно к последним десятилетиям римской учености. Для понимания обсуждаемых нами стихов Персия важно то, что P и α содержат множество ошибок, среди которых обнаруживаются чтения, общие для этих двух рукописей. С большой вероятностью можно полагать, что эти общие искажения появились в период, разделяющий кодекс Сабина и кодексы α и Bobiensis. Младшие рукописи во многих местах дают лучший текст, но, как замечает

Клаузен, «Р и α содержат такие ошибки, которые мог бы исправить всякий, кто владеет элементарными познаниями латыни»⁷.

В интересующих нас стихах разночтения затрагивают три содержательно сложных и спорных места.

RERUM ~ VOCUM

§ 2. Расхождение между текстом Р и manus secunda той же рукописи не может быть объяснено графически или фонетически. Необходимо предположить, что предки Р содержали остатки древних схолиев, созданных до появления «Commentum Cornuti». Интерпретация ‘выражение vocum подразумевает смысл regum’ является вполне разумной и предполагает тонкое (не обязательно верное) понимание текста⁸. Однако невозможно принять regum в текст. См. далее § 14, 22.

SENEX ~ SENES

§ 3. Мы имеем четыре варианта текста:
aegregius senex – написание, восстанавливаемое как общее для Ра.
egregius senex – чтение VGL, восходящее к Ра, было принято Германном (1859), а позднее Клаузенем (1956) и последующими издателями и комментаторами.
egregius senes – Ф, *texus receptus* до середины XIX в. (Orelli 1822: 1833).
egregius senes – впервые предложено Бентли (1728) в комментарии к Горацию Carm. I 1, 5 ‘nobilis evehere’. Бентли ссылался на две рукописи, ‘Galeanus’ и ‘Coll. Trinitatis’, последняя отождествляется с Cantabrigiensis Coll. Trinitatis⁹. Чтение было принято

---

⁷ Clausen 1956, xxiii. На родстве Ра настаивает Киссель (Kissel 2007: xii). К обсуждаемым далее разночтениям полезно добавить знаменитое rogas (Sat. IV 134). Это метрически невозможный и, несомненно, ошибочный вариант РаVGL (т. е. лучших рукописей) породил дискуссии о возможности ямбического сокращения в послеклассической поэзии (Buecheler 1886: 456; Кузнецов 2006: 121). Некоторые младшие рукописи дают метрически корректное rogat, принятое Клаузенем (Clausen 1956: xx), но это чтение является тривиальной правкой, скорее, чем случайно сохранившимся осколком древней традиции, независимой от Ра.

⁸ Difficultatem, quae verba inest, iam veteres interpretes senserunt, ad quam quidem tollendam faciliorem invenerunt lectionem primordia rerum (Weber 1826). В рукописи Vaticanus Reg. Lat. 1562 vocum исправлено на regum *manu secunda* (Robathan 1931). – Существование древнего комментария к Персию подтверждается внешними источниками (Zetzel 2005: 8), а косвенно и самим ‘Корнутом’ (Zetzel 2005: 128).

⁹ Кодекс Т (Owen); список рукописей, в которых читается egregius senes см.: Jenkinson 1979.

Кенигом (1803) и утвердилось, благодаря авторитету Яна (1843).

Орфография aegregius Pa доказывает, что чтение egregius senex было древним (на уровне кодекса Сабина). Диграф ае на месте *краткого* е обычно для поздних римских документов, включая старейшие рукописи Вергилия. Это написание объясняется поздней латинской фонетикой, поэтому очень неожиданно появление в кодексах Mediceus (M) и Vaticanus (V) написаний aegregio Aen. IV 150 (M), aegregivm Aen VI 861 (V), Aen. VII 473 (M), причем в M буква A зачеркнута¹⁰. Было бы рискованно делать на этом основании вывод о позднем произношении /ægr-/ , но рукописи Вергилия подтверждают то, что aegregivs стояло в тексте Персия V/VI в. Важную поддержку это предположение находит в v. 9: praetium Pa происходит из глоссы к est operae¹¹, что дает реконструкцию текста LVNAI PORTVM EST PRAETIVM OPERAE. Написание ае = e /æ/ позволяют отнести эту реконструируемую глоссу к той же эпохе V/VI в. Текст, в котором глосса переместилась: PORTVM PRAETIVM, был непосредственным источником для Pa.

Из этого следует, что реконструкция egregius senes а архетипе предполагала бы два последующих *древних* варианта, которые независимо сохранялись вплоть до средневековой традиции:

- (1) egregius senes → egregios senes Ф;
- (2) egregius senes → egregius senex → aegregius senex Pa (→ egregius senex VGL).

При этом чтение Ф оказывается стадияльно более древним, чем Pa, что не выглядит правдоподобным.

Еще менее правдоподобным было бы предполагать, что чтение архетипа было egregios senes и что оно дошло от архетипа до младших рукописей класса Ф рядом с искаженным aegregius senex, – при том, что манускрипты группы Ф не образуют отдельной ветви рукописной традиции. Реконструкция egregios senes была бы удивительным примером совпадения случайной позднейшей ошибки¹² с архетипом.

¹⁰ Данные editionis maioris Риббека. Thesaurus Linguae Latinae (V. 2, p. 288, 30) цитирует aegregia uxor (Carm. Epigr. 1433, 4). Чтение Sat. I 38 aemanibus (e manibus) а также указывает на замещение древнего долгого E открытым, а не закрытым гласным.

¹¹ Clausen 1956, in apparatu; Beikircher 1969: 35, Anm. 4. Ср. комментарий Бонда (1614): est operae pretium et valde iucundum... В кодексе Vaticanus Reg. Lat. 1562 представлена контаминация portum est pretium opere (Robathan 1931).

¹² ... mistake made by scribes with a little Latin... (Jenkinson 1979: 146). Защиту этого безнадёжного чтения см. (Позднев 1998).

Издатели делали выбор, исходя из понимания этого, довольно трудного, места (о чем далее §§ 17, 25, 26), но – при всех возможных аргументах от смысла или к смыслу – необходимо не упускать из виду то, что все рукописные варианты, кроме *aegregius* (*egregius*) *senex*, являясь результатом относительно поздних (и очень обычных) ошибок в согласовании прилагательного.

МОХ ~ TUM

§ 4. Если чтение Сервия не есть результат ошибки внутри традиции самого Сервия, то оно сохранило древний вариант, однако Помпей (V 163, 2 GLK) цитирует это же место, иллюстрируя ту же форму (*iocos*), но с *tox*. Вариант Сервия можно рассматривать как упрощающую глоссу.

СТРУКТУРА И ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ

§ 5. Обращение к Цезию Бассу (v. 1–11) разделено на две равные части: *mihi nunc* после цезуры v. 6 создает отчетливый разлом.

Повторение *iam – te – iam – tibi*, связывающее первые два предложения (v. 1, 2), отражается в *mihi nunc – meum* (v. 6–7): на одной стороне ‘ты’ (адресат) и ‘твой’ сабинский очаг, на другой ‘я’ (автор) и ‘мое’ лигурийское побережье. Период vv. 3–6 делится на две части, каждая из которых также делится надвое: ((– *atque* –) *tox* (– *et* –)); *tox*, центр этой конструкции, повторяется в *postquam* (v. 10).

§ 6. *ADMOVIT IAM*) Весь период vv. 1–6 создает очень напряженное и динамичное движение во времени: *iam – iam – tox – nunc*, которое поддерживается противопоставлением глагольных форм: *admovit ~ vivunt, intendisse ~ agitare ~ lusisse*. Пара *intendisse ~ agitare* может быть легко истолкована в чисто временных категориях. Менее понятна форма *lusisse*. Внутри конструкции *egregius agitare = in agitando*, *egregius lusisse = in ludendo* различие времени инфинитивов не мотивировано. Поэтому *lusisse* следует рассматривать в отношении к глаголам, стоящим в начале периода: (*admovit ~ vivunt*) ~ *lusisse*. Перфект *lusisse* может быть сопоставлен с инфинитивными конструкциями типа *non potes probasse nugas* (Plaut. Aul. 828), *sunt qui nolint tetigisse* (Horat. Sat. I 2, 28), в которых перфект без отчетливого видového и временного значения используется для выражения запрещения или нежелания¹³. Таким образом, в *lusisse*

---

¹³ Ernout-Thomas § 274. Интерпретация перфектного инфинитива в каждом случае представляет очень трудную задачу, и нельзя присоединиться к Бейкирхеру (Beikircher 1969: 25), который проходит это место *sicco pede*, просто ссылаясь на возможность постановки перфекта вместо презенса. Примеры неожиданных перфектных инфинитивов у Персия собраны в

скрыто пожелание *не делать*. Персий надеется, что Цезий Басс или уже закончил, или собирается завершить сочинение легкомысленных стихов, что можно эксплицировать следующим образом: *неужели зимний уют сабинского имения еще не оживил твою строгую лиру?*

Относительно пары *admovit ~ vivunt* заметим, что *praesens* может указывать здесь не на актуальное настоящее, а на ожидаемое в будущем следствие¹⁴.

§ 7. *IAM – IAMNE*) В таком же порядке у Проперция (IV 7, 14–15):

in te iam vires somnus habere potest?
iamne tibi exciderunt vigilacis furta Suburae... ?

У Помпония (157 R³):

iamne abierunt? iam non tundunt? iamne ego in tuto satis?

У Цицерона: *iamne intellegitis ... ? iam videtis...?* (In Verr. II 3, 64)

Встречается также повторение *iamne*:

Iamne vides, belua, iamne sentis quae sit hominum querela frontis tuae? (Cicero. In Pisonem 1);

ei mihi, iamne domus Scythico Nasonis in orbe est?

iamque tuum mihi das pro Lare, Ponte, locum? (Ovid. Tristia, III 12, 51).

Эти и другие примеры показывают, что нанизывание вопросов, вводимых анафорическим *iam(ne)*, характерно для патетического стиля. У Персия иронический пафос, который сочетается с идеей ожидания желаемого, мы находим еще в одном периоде с повторением *iam*:

iam crescit ager, iam crescit ovile | iam dabitur. iam, iam! (Sat. II 49–50)

iam) *наконец*¹⁵ относится к переменам в творчестве Цезия Басса, а не к его переезду в сабинское имение.

(Merone 1954); *intendisse / luisse* в этой статье объясняется как выражение *вневременной глагольной идеи* (Merone 1954: 252), что предполагает *вневременное понимание* *тох*.

¹⁴ Turselinus-Handius III: 135 (§ 9): *In designanda re certo eventura iam exprimit eventum haud dubium, sed certum quasi ad perfectam rem provocet. Quare etiam praesens ponitur verbi.*

¹⁵ Turselinus-Handius III: 117 (§ 9). *Significatur enim per iam et id, quod expectatum adeoque sero evenit, et id, quod expectationem praecurrit et non expectatum, sed praemature vel ex improvise factum est. Illud dicimus endlich, erst ... hoc vero est schon.*

мох) лучше понимать как 'primum (olim) – mox'¹⁶. В близком контексте на это указывает постановка двух хвалебных дескрипций до и после *mox*: *он показал себя искусным творцом серьезной, а вскоре – выдающимся мастером шутливой поэзии.*

Как замечает Гарвей, «комментаторы склонны толковать *mox* как *and*»¹⁷, – замена *mox* на *tum* (Сервий) подстраивает текст под это упрощенное понимание. Между тем, корреляция *mox* – *postquam* не только подчеркивает временной динамизм текста, но и завершает его смысловую конструкцию, дополняя сопоставление и противопоставление двух поэтов (Персий и Цезий Басс) именем Квинта Энния..

§ 8. *POSTQUAM*) перемены в поэзии Цезия Басса (*mox*) поставлены рядом с переменам в поэзии Энния (*postquam*), который как будто отказался от деклараций, сделанных в знаменитом *sne*¹⁸: *после того, как Эннию перестали грезиться пифагорейские сны, он сказал «Lunai portum...»* Эпос Энния соответствует серьезной лирике, а *Lunai portum* (возможно, «Сатуры») – лирике легкой. С другой стороны, резкий перелом после цезуры v. 6, подчеркнутый *mihi nunc*, создает и другие измерения для сложной системы оппозиций, вложенной в начало *Sat. VI*, а именно, личное и топографическое: сабинское имение лирика Цезия Басса противопоставляется Лигурийскому побережью и Луне, где проводит зиму Персий. Воспетая Горацием земля Сабинов представляет идеальный лирический ландшафт¹⁹. Мы можем только догадываться о том, что эпизод

¹⁶ Turselinus-Handius III: 658 (§ 7): ... scriptores, qui post Livium vixerunt, usum immutarunt, et per *mox* quodcumque tempus posterius, non destincte definiendum, designarunt. Germani dicunt *späterlich*, in der Folge.

¹⁷ На вневременном значении 'с другой стороны' настаивают Бейкирхер (aneinanderreihende Bedeutung) и Киссель (Kissel 1990: 766, Anm. 15) (überleitende Funktion 'andererseits'); против: (White 1972; Hooley 1993: 142).

¹⁸ ... *postquam nimio poetico furore libertus est* (Jahn 1843). Хаузман, который первый дал правильное истолкование этого места, уточняет комментарий Яна: when he had left behind him his epic mood and his illusions, and no longer imagined that he was Homer come to life again (Housman 1934: 51), впрочем, так это место разъяснял уже Турнеб (Turnèbe 1599: 1092). Имея в виду реальную биографию Энния, мы не должны доверять этому *postquam*. Как 'трезвые' «Сатуры» (Skutsch 1985: 3), так и 'вдохновенные' «Анналы» Энний писал до конца жизни. Возможно, Персий воспроизводит мнение неизвестных нам комментаторов и писателей de vita poetarum. – Относительно атрибуции *Lunai portum* см. далее § 18.

¹⁹ «... Bassus is set firmly in a Horatian landscape» (Hooley 1993: 142).

Lunai portum у Энния мог иметь такое же символическое значение для жанра сатуры²⁰.

Эта структура, на которую, насколько мне известно, комментаторы не обращали должного внимания²¹, определяет идейный контекст начала Sat. VI. В холиямбическом прологе Персий использовал намеки на сон Энния для того, чтобы сформулировать свой поэтический манифест, – как до Персия делали Лукреций (I, 112) и Проперций (III 3, 1)²². В связи с жанровыми декларациями следует рассматривать и начало Sat. VI. Цитация из первого пролога к «Анналам» Энния, замыкающая обращение к Цезию Бассу, отсылает читателя, прежде всего, к прологу Персия, далее, к важнейшему

²⁰ Старые критики (Jahn 1843: 214; Schlüter 1857) находили в *luisse* намеки на то, что Цезий Басс писал сатуры, но это предположение неосновательно.

²¹ Исключение представляет работа (Hooley 1993): *as Bassus is to the lyric Horace, so Persius to the satiric Ennius* (Hooley 1993: 143). В статье исследуется этическое содержание Sat. VI, но, справедливо отметив важность мотива 'отрезвления' Энния, автор не рассматривает жанровые оппозиции.

²² Сон в прологе к «Анналам» был очень широко известен, поэтому Энний, несомненно, подразумевается в холиямбах Персия рядом с Гесиодом и Каллимахом. В силу этого тривиальное *memini* (ProI. 3) воспринимается как отсылка к *memini me fieri pavom* (Ann. 11 Skutsch) Энния (Conington-Nettleship 1893), и упоминаемые далее в холиямбах говорящие птицы-поэты ассоциируются с 'пифагорейским павлином'. Неясно, какое место в сценарии сна Энния занимали горы Геликон и Парнас (Skutsch 1985: 149; Flores 2002: 28). В прологе Персия (v. 2) упоминается сон на Парнасе, и 'Корнут' утверждает, что именно Энний там видел сон, но другие источники помещают этот эпизод на Геликоне. «*Commentum Cornuti*» – авторитет очень сомнительный, но это не снимает вопроса о появлении Парнаса в данном контексте. Посвящение Гесиода и Каллимаха происходит на Геликоне, а просто придумать сон на Парнасе Персий едва ли мог. Это лишает силы тот аргумент, что Персий не подразумевает собственно Энния, а высказывается о самой идее божественной санкции, которую получает *поэт вообще* (Skutsch 1985: 149; ранее Reitzenstein 1931); о прологе к VII кн. «Анналов» (Skutsch 1985: 376). Неприемлемо решение Кисселя: Персий имеет в виду не Энния, а некоего неизвестного подражателя (Kissel 1990: 80; ранее Korzeniewski 1978). Картина осложняется тем, что v. 1 холиямбического пролога (*fons caballinus* на Геликоне) также связан со сном Энния (Propert. III 3). О Геликоне в аналогичном контексте Персий вспоминает (без намеков на сны) в Sat. V 7: *grande locuturi nebulas Helicone legunto*. – К спискам литературы и мнений в комментариях Скучча и Кисселя следует добавить (Hardie 1986, 76 sqq.) о влиянии сна Энния на «Энеиду» Вергилия. – О топосе отказа поэта от божественного вдохновения (Miller 1986), эта статья включает анализ холиямбического пролога. Ср. также Lucan. I 63.

теоретическому тексту Горация Epist. II 1, 52 (*somnia Pythagorea*) Помимо возможных и вероятных личных намеков (которые не представляют для нас интереса), обращение к Цезию Бассу содержит скрытую критику его лирической поэзии. Непосредственная тема Горация в Epist. II 1, 52 – чрезмерное преклонение перед старой поэзией. Однако из этого не следует, что Цезий Басс был архаистом. Разумно предположить, что целью, в которую метил Персий, была неоправданно высокая самооценка лирического поэта: *leviter curare videtur, quo promissa cadant*.

Не вполне ясно, как связан с Цезием Бассом мотив божественных сил, поощряющих поэта (сон Энния). Гораций в «Одах» показывает себя поэтом вдохновения и теофании, что не может не быть значимым для наполненного аллюзиями к Горацию текста Sat. VI.

ТРУДНЫЕ МЕСТА

§ 9. *TETRICUS*) *gravis et severus* (*Commentum Cornuti*), *tetrica est severa* (Non. 181, 9 M 266 L = Varro Menipp. 554 B). Ни тексты, ни авторитетные словари не дают оснований находить в *tetricus* каких-либо пейоративных оттенков. Несмотря на возможное сабинское происхождение, *tetricus* не обнаруживает сколько-нибудь заметной привязанности к сабинскому контексту.

at nunc, exaequet tetricas licet illa Sabinas... (Ovid. Amores III 8, 61)
casta nec antiquis cedens Laevina Sabinis
et quamvis tetrico tristior ipsa viro (Mart. I 62, 1–2)

Эти места вовсе не свидетельствуют о том, что в центре семантики *tetricus* лежит понятие ‘сабинский’. В обоих отрывках речь идет о неуступчивости женщины, уподобляемой древним сабинянкам (в истории с похищением), – именно этот смысловой вектор ‘чистоты и скромности’ приводит в текст определение *tetricus*. Ассоциация с сексуальным воздержанием / воздержанностью отчетливо проявляется во многих употреблениях *tetricus*, начиная с Варрона²³. Отметим для примера: *tetricus domitor Chimaerae* (Ovid. Trist. II 1, 397) = *Belerophon aversus amoribus, pudicus* (Forcellini), *crimina tetrica | quaerunt* (Seneca Herc. Fur. 580–581) о жалобах сыновей Даная в Аиде.

---

²³ Sat. Menipp. 554 B (*Astbury*, текст испорчен): *mulierem [...] tetrice educatam † ad Appiam † (Apulam Buecheler) moribus bonis*. – (*Tetricus*) denotes Bassus’ lack of frivolity (Harvey 1981). Наиболее точным русским переводом было бы *постный*.

Можно, предположить, что эта коннотация препятствовала свободному вхождению *tetricus* в поэтический язык в роли синонима к *gravis / severus*²⁴.

§ 10. *TETRICO PECTINE*) id est gravi stilo et severo ac si diceret gravi carmine (Commentum Cornuti). В узком смысле *gravitas* характеризует стиль, в широком смысле – поэтические творения Цезия Басса в целом, то есть единый аристотелевский комплекс *предмет подражания – словесное выражение – эмоциональный и нравственный эффект*. У Персия *tetricus* противопоставляется слову *iocos* (имеет здесь эротический смысл и указывает на *carmina amatoria*), что точно соответствует фундаментальной оппозиции «Поэтики» τὸ οἰουδαῖον ~ τὸ φαῦλον – два абстрактных предмета подражания. В более отчетливой и развернутой форме противопоставление двух этических типов мы находим у Марциала (X 64), который, наряду с ожидаемыми, характеристиками серьезной поэзии Лукана (*vates, Heliconis, Pieria tuba, fera bella*)²⁵ и легковесной (*lascivus*), использует оппозицию *iocos ~ tetrica* (последнее иронически намекает на λάθος серьезной поэзии).

Contigeris regina meos si Polla libellos,
non *tetrica* nostros excipe fronte *iocos*.
ille tuus *vates, Heliconis* gloria nostri,
Pieria caneret cum *fera bella tuba*,
non tamen erubuit *lascivo* dicere versu
«Si nec pedicor, Cotta, quid hic facio?» (= Lucanus fr. 9 FPL³)

Более нигде противопоставление *tetricus ~ iocus* в связи с жанровой типологией не встречается. Примечательно, что слово, характеризующее строгость и серьезность лирики Цезия Басса, само принадлежит исключительно легкой поэзии: 16 употреблений

²⁴ Есть примеры, в которых *tetricus* не имеет прямых эротических коннотаций: *ravonum educatio magis urbani patrisfamiliae quam tetrici rustici curam poscit* (Columella VIII 11, 1), – однако и в этом месте разведение павлинов, от которого должен воздерживаться бережливый (*tetricus*) сельский хозяин, подано далее как *voluptas*. В топографическом контексте *tetricus* не связано непременно с Италией: Stat. Silv. V 3, 153: *Ibycus et tetricis Alcman cantatus Amyclis*.

²⁵ Примечательно, что Марциал описывает поэзию Лукана, используя узнаваемые выражения Овидия, которые не встречаются в «Фарсалии»: неразделенное словосочетание *fera bella* стоит в той же позиции в пентаметре в Ars I 592, Trist. II 1, 360; неоднократно оно встречается в гекзаметрах, например, Met. VII 213, – кроме Овидия, только у Силия Италика (VII 472; XV 131). Ср. также: *arma | canteturque fera nil nisi pompa tuba* (Fast. I 716); *Pieridum vates* (Amores I 1, 6).

tetricus у Марциала и 3 у Овидия (Amores, Ars amandi) противопоставляются единичным примерам, жанровый или содержательный контекст которых можно считать серьезным: включая Fasti и Tristia Овидия, число их не доходит до 5).

Персий ставит tetricus в нарочито парадоксальный контекст. В похожем положении находится egregius (v. 6).

РЕСТИНЕ) четыре стиха содержат шесть слов, относящихся к игре на струнном инструменте: lyra – pectine – chordae – fidis – pollice – intendisse (последнее в данном контексте означает в собственном смысле натягивание струны). Это скопление имеет стилистическое и содержательное назначение. Когда Персий называет своего друга *мастером играть на лире*, то он с определенностью намекает на Горация. Это скрытое сопоставление двух поэтов будет нами рассмотрено далее. Сперва следует обратиться к более общему, жанровому смыслу *лиры*.

Смена предмета (в категории τὸ πλοῦδαῖον ~ τὸ φαῦλον Аристотеля) может сопровождаться сменой жанра, как это, очевидно, имеет место в X 64 Марциала. В этой эпиграмме совокупность характеристик серьезной поэзии указывает на героический военный эпос, а цитируемый *игривый стих* сделан в пентаметре.

Однако Персий недвусмысленно показывает, что все движения поэзии Цезия Басса происходили внутри лирического жанра.

§ 11. ОРИФЕКС) artifex varietate numerorum (Commentum Cornuti). Выбор между orifex и artifex объясняется метрически: оба слова употребляются в поэзии без видимых смысловых или стилистических различий. Персий использует похожие инфинитивные конструкции в Sat. VI 3 (mirus) orifex intendisse и в Prol. 11 artifex sequi²⁶.

²⁶ Традиционное понимание синтаксиса этого места: mirus (orifex) intendisse – как далее egregius (senex) lusisse. Против этого Вильнёв (поддержанный Кисселем и Никитинским) предлагает понимать orifex в адъективном смысле: (Bassus) orifex intendisse – как в Prol. 10 (venter) artifex sequi, при этом mire следует понимать как наречие, усиливающее orifex (Villneuve 1918; Kissel 1990: 767, Anm. 18; Никитинский 2002). Это объяснение кажется очень убедительным. Бейкирхер указывал на редкость элизий долгих гласных краткими, но это возражение ошибочно. Персий не избегает таких элизий: memini ut (Prol. 2); asperxi ac (I 10); pulmo animae (I 14); belle hoc (I 50). – Средняя плотность элизий у Персия значительно выше, чем у современных ему поэтов и немного выше, чем в «Сатурах» Горация (Soubiran 1966, 608; Sturtevant, Kent 1915). Эту разницу можно объяснить сознательным неприятием господствующего стиля. Количество элизий в каждой сатуре различно, и Sat. VI оказывается одним из наиболее насыщенных элизиями произведений латинской гекзаметрической поэзии (Kent 1923).

Слова *opifex / artifex* отсылают к концепции поэтического мастерства в «Поэтике» Горация. Как и у Горация (*Epist.* II 1, 50), у Персия в *Sat.* VI и в *Prol. son Энния* демонстрирует противоположный принцип мистического вдохновения. К сожалению, Персий не общает ничего определенного о метрической технике Цезия Басса. Используя вполне банальные выражения, он восхваляет музыкальное искусство своего друга. Возможно, сатирик намекает на то, что, увлекаясь формалистическими экспериментами, Цезий Басс не заботился о согласовании метрики и содержания.

Тема мастерства излагается в *Sat.* VI и *Prol.* совершенно по-разному. Однако перекрестные ассоциации с Эннием и Горацием тесно связывают эти тексты: кроме *Sat.* VI 10, такая связь скрыто присутствует и в *Sat.* VI 4 (*fidis Latinae*).

§ 12. NUMERIS – INTENDISSE – FIDIS) комментаторы расходятся в понимании *intendere*, но эти расхождения не составляют самостоятельной проблемы, и смысл *intendere* целиком зависит от интерпретации двух дополнений к этому глаголу, *primordia vocum ~ marem strepitum*. Предварительно мы должны остановиться на синтаксисе ст. 3–4.

fidis Latinae может определять (вопреки большинству комментаторов²⁷) только *numeris*, а не *strepitum*. Синтагматика фразы прозрачным образом подчиняется основным законам латинского порядка слов, демонстрируя: *левостороннее ветвление и рамочное* (иначе *хордовое*) *расположение*²⁸. Словосочетание *numeris ← intendisse* образует рамочную синтагму, к которой подвешены остальные слова (стрелка показывает расположение зависящего слова *слева*). Заметим, что даже падеж *numeris* (дательный) не может быть определен, пока в конструкцию не становится глагол

²⁷ Синтагматику *numeris fidis Latinae* предлагал Раморино (Ramorino 1920); Немети (Némethy 1903, 313) связывает *vocum* и *fidis Latinae*, при том, что Немети отделяет *veterum* от *vocum* это лучше, чем традиционный анализ. Необычность, синтаксиса этого места заключается вовсе не в том, какое слово определяет родительный *fidis*. Второй колон *v.* 4 заполнен тремя словами $_1[\text{Nom.}^{\text{GEN}}] - _2[\text{x}] - _3[\text{Adj.}^{\text{GEN}}]$, позиция $_2[\text{x}]$ в подобных конструкциях всегда заполняется именем, непосредственно определяемым словосочетанием в *Gen.*: *sponsae praesepta furentis*). Это относится и к более употребительным конструкциям $_1[\text{Adj.}^{\text{GEN}}] _2[\text{x}] _3[\text{Nom.}^{\text{GEN}}]$: *divini gloria iuris*. В структурах с глаголом в центре глагол непосредственно связан с окружающим его словосочетанием: *vetitisque inponere flammis* (Lucan. II 170), *humili laeuisse veneno* (Stat. Theb. I 171). Нормальной, следовательно, была бы конструкция *fideque intendisse Latina*.

²⁸ Это явление, издавна известное в латинской стилистике, стало предметом лингвистического изучения (Белов 2007).

intendisse, – это движение дает крепкую, хотя и очень необычную, синтагму numeris ← (fidis {← intendisse} → Latinae).

Персий соблюдает принятые в латинской дактилической поэзии правила синтагматической архитектуры: каждое слово последовательно получает или согласованное, или несогласованное определение, что создают малые синтагматические хорды.

numeris ← (fidis → Latinae);
[numeris intendisse] primordia → (veterum ← vocum)
atque
[numeris intendisse] (marem ← strepitum).

Источник затруднений – обманчивое равновесие несогласованных определений, которое может быть понято как синтаксический параллелизм:

primordia – vocum
strepitum – fidis Latinae

Заметим, наконец, что необходимо учитывать синтаксическую иерархию дополнений при intendisse. Правильной конструкцией будет только (numeris intendisse) + *accusativus*²⁹, что означает *петь, говорить стихами о чем-либо* (*pro numeris condere* – Koenig 1803).

(VETERUM) неудачная синтагматика Немети (*numeris veterum*, scl. *poetarum Graecorum*) была принята почти всеми новейшими комментаторами (Бейкирхер, Киссель, Никитинский)³⁰. Единственный мотив такого понимания – удаление из текста действительно трудного словосочетания *veterum vocum*. При тщательном рассмотрении оказывается, что смещение синтаксических связей совершенно бесполезно: в результате мы не улучшаем понимание *primordia vocum*, но к этой старой проблеме добавляется новая: неудобопонятное *numeris veterum*.

§ 13. Обратимся теперь к содержательному истолкованию ст. 3–4. Очевидно, что в ст. 3–4 содержится описание серьезной лирики, причем рамочная оппозиция *tetricus* ~ *iocus* имплицитно как категорию предмета подражания (*iocus*), так и, скажем упрощенно, категорию стиля (*tetricus*), точнее, языковой ткани, то есть материала подражания, τὸ ἐν ἐτέροις μιμεῖσθαι. Из этого следует, что есть всего четыре возможных понимания структуры *primordia vocum* ~ *marem strepitum*:

²⁹ В этой структуре *numeris* может быть только дательным падежом, и убедительная на первый взгляд защита отложительного падежа (*numeris* = *numerosae*, ἐν ὀνόματι: Вильнёв) должна быть отвергнута.

³⁰ Кенни (Kenney 1970) справедливо приводил эту интерпретацию как пример насилия над латинским языком.

- (1) оба компонента характеризуют содержание серьезной лирики, вводя разные аспекты категории τὸ σπουδαῖον;
- (2) оба компонента характеризуют стиль серьезной лирики;
- (3–4) один компонент описывает содержание, а другой – стиль, но такое усложнение не представляется правдоподобным.

Удобнее будет начать с более простого v. 4.

MAREM STREPITUM) masculum et fortem sonum, non quo solent quidam velut muliebria molli voce cantare (Commentum Cornuti). Схолиаст с полной определенностью предлагает понимать *marem strepitum* в смысле материала, звуковой ткани стиха.

Кениг (1803), который осознавал нескладность синтагматики (*strepitum (fidis Latinae)*), предлагал хорошее лекарство от несуществующей болезни и разъяснял это место через смещение синтаксических связей (*инверсию*): ... *inversione Noster usus est ... sic quoque ... proprie dicendum fuisset: intendisse fidem Latinam ad marem strepitum* sc. edendum, seu ut *marem strepitum* ederet – то есть поэт настроил лиру так, чтобы она издавала мужские звуки.

Что же реально означает *mas strepitus*, издаваемый латинской лирой? Комментаторы здесь почти единодушны: *altior spiritus* (Кениг), *masculum et forte vereque Romanum ingenium* (Ян), *magnify (одно из возможных пониманий intendere – А. К.) the virile sound of Latin lyre* suggest a robust quality in Bassus's verse (Гарвей). Между тем, *strepitus* – самое неожиданное слово для обозначения музыкальных звуков (в прямом или переносном смысле), и переход к *altior spiritus, robust quality* и т. п. очень труден. Слово *strepitus* имеет в прозе и в поэзии простую и компактную семантику 'нечленораздельный, громкий, резкий, негармонический звук': шум ветра, хлопанье крыльев, скрежет дверной оси и т. п., – *ferè adhibetur de ingrato sonu* (Forcellini). Примеры, в которых денотатом *strepitus* были бы звуки музыки очень редки, – все же они встречаются. Происходит ли в этих случаях смещение собственного значения слова?

... *nec meretrix tibicina, cuius ad strepitum salias terrae gravis ...* (Horat. Epist. I 14, 25–26)

Очевидно, что здесь речь не идет о гармоничной и приятной музыке, – поэтому мы видим, что ошибочна рубрика, предусмотренная для подобных употреблений в словаре Форчеллини: *aliquando de grato sonu*. Более точен Оксфордский словарь: *of the sound made by musical instruments*. Внимательное рассмотрение этой немногочисленной группы примеров показывает, что *strepitus* в них

указывает на музыку, но неприятную, шумную – то есть слово вполне сохраняет свое лексическое значение (Curtius VIII 11, 20–21; 14, 10; Petron. Sat. 78). Это относится и к тем двум (кроме Персия) примерам, в которых *strepitus* издается струнным инструментом.

o testudinis aureae

dulcem quae strepitum, Pieri, temperas (Horat. Carm. IV 3, 17–18)

cui pulchrum fuit in medios dormire dies et

ad strepitum citharae cessatum ducere curam (Horat. Epist. I 2, 30–31)

В Carm. IV 3 Гораций прославляет Музу, которая настраивает лиру и негармоничный шум превращает в гармонию: если просто ударять по струнам, музыки не получится. В Epist. I 2 шум кифары отвлекает внимание праздного бездельника от жизненных забот. Едва ли эта музыка – негармоничная и неэстетичная, но поэт осуждает ее с моральной точки зрения (как, впрочем, и в Epist. I 14)³¹.

Возвращаясь к тексту Персия, мы должны заметить, что значение шум в слове *strepitus* подчеркнуто и тем, что оно противопоставлено слову *vox*: *marem strepitum ~ primordia vocum*.

Один из устойчивых денотатов *strepitus* – шум войны и войска. С другой стороны, и *mas*, как синоним к *vir*, вполне понятно в этом же воинском контексте. Гораций (Ars. 402–403) ставит *mas* как определение:

Tyrtaeusque maris animos ad Martia bella | versibus exacuit.

Таким образом, мы должны вернуться к несправедливо забытому толкованию Фоклена и Казобона: *numeris intendere marem strepitum* представляет собой довольно затейливое, но все же прозрачное

---

³¹ По всей видимости, Бейкирхер был первым, кто попытался согласовать общепринятое понимание этого места с семантикой *strepitus*. Предложенное им решение, несомненно, ошибочно: «в поэтическом языке (Бейкирхер ссылается на Carm. IV 3 и Epist. I 2) *strepitus* часто (?) обозначает гармоничное звучание (das geregelte Tönen) музыкального инструмента (Beikircher 1969, 25 Anm. 9)». Напротив, Киссель (Kissel 1990: 770) дал точное и корректное описание семантики *strepitus* (включая решающие места из Горация) и показал, что слово не может обозначать гармоничный музыкальный звук. Полагая, что, несмотря на это, *strepitus* у Персия означает именно гармоничный звук, Киссель нашел решение в нарочитой (провоцирующей) парадоксальности Персия. Киссель приводит большое и полезное собрание цитат из греческих и латинских источников, подтверждающих *mas* в смысле *особого рода музыкальное звучание*. Но это не относится к делу: *mas sonus* не вызвало бы никаких затруднений, но *mas strepitus* могло бы означать только брачное пение какого-нибудь насекомого.

описание предмета подражания: *canere arma virumque*. Цезий Басс воспевал шум сражений и военные подвиги героев³².

§ 14. PRIMORDIA VOCUM) Основное значение *primordium / primordia* – исходный момент, начальное состояние, начало (например, первые строки стихов: *Servius, De metris Horatianis*), применительно к истории – событие или состояние, с которого эта история начинается: *primordia gentis, primordia belli*. Например: *primordia populi Romani* – римский народ в начале своей истории (Tacit. Ann. II 88).

Родительный падеж, определяющий *primordia*, указывает на то, что началось. Очевидно, что *vocum* на этом месте совершенно непонятно.

Напротив, чтение *regum*, дает разумный и складный смысл. Казобон, это чтение принимавший, толковал *primordia regum* как мифологическую историю, теогонию и космогонию:

et citharae modulis primordia iungere mundi (Buc. Einsid. I 24)

Мы можем думать и о менее далекой древности, а именно об основании Римского государства³³. Понимание это, можно сказать, лежит на поверхности, и кажется очень вероятным, что само чтение *regum* попало в рукопись Р как остаток древнего комментария, в котором утверждалось, что *vocum* есть троп, замещающий *regum*. Вернемся к чтению *vocum*. Троп от *voces* к *res* возможен, но очень сложен. Точнее, этот троп двойной:

1. *veteres voces* → *veteres poetae*; 2. *primordia* → *de primordiis narratio*.

В сумме получаем тот смысл, который хотел увидеть Казобон и гипотетический древний комментатор: *veterum poetarum narationes de primordiis*.

³² Foquelinus 1555: *metonymia est ... ex adiuncto enim strepitu, virorum fortium certamina significantur, quae versibus descripta ad Lyram cantabat Bassus*, – комментатор имеет в виду подвиги на спортивных состязаниях. Это понимание было изложено уже Плавцием (Persius 1520: *xcii* г.) под рубрикой *Lyricorum materia*. У Казобона это место понято более широко: *славные деяния героев*. Casaubon 1605: *Bifariam haec possunt accipi: nam si iungas cum superiore versu, referendum ad *genus poëseos severae potius quam mollis... sed etiam seperatim possumus accipere, ut ad illud argumentum Basso tractatum referamus: heroum nempe et virorum fortium facta praeclara* (продолжение см. § 25). Приводим комментарий Казобона столь пространно по той причине, что Бейкирхер (Beikircher 1969: 24), к сожалению, процитировал только первое толкование из двух (отмечено у нас *), оценив его как ‘несколько насильственное’. Сам Казобон, несомненно, предпочитал второе, – именно к нему он дал развернутую аргументацию, заимствованную в целом у Фоклена.

³³ Сравним: *gentisque canam primordia dirae* (Stat. Theb. I 4).

Уязвимость этой интерпретации очевидна. Кроме громоздкой семантики, труден и субъективный родительный падеж *vosum*, единственное (и далекое) соответствие которому мы находим в *Musarum primordia* т.е. *Musae incipiunt* Цицерона (*De Legg.* II 7, 13 перевод $\epsilon\kappa$ $\Delta\iota\omicron\varsigma$ $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\omega}\mu\epsilon\theta\alpha$ Арата).

Однако обсуждаемое истолкование имеет и существенные преимущества.

Прежде всего, текст Персия ставится в понятный исторический и литературный контекст, на который указывали уже старые комментаторы. Далее, *primordia-первоначала* как тема поэзии находят отклик в *marem strepitum*, что позволяет подозревать в последнем обозначение тематики не только военной, но и современной, – в противоположность отдаленному прошлому.

Наконец, рассмотрим подразумевание *veteres voces* → *veteres poetae*. Поскольку речь идет о содержании, то нет необходимости искать этих *древних* только среди лириков, – Гесиод и Гомер, в особенности в философско-аллегорическом истолковании, вполне могут быть включены в число образцов, которым подражал Цезий Басс. Через несколько стихов Персий называет *древнего поэта* – Энния. Примечательно то, что *сон Энния* и *пифагоров навлин*, о которых вспоминает Персий, отсылают не только к «Анналам» в целом (*primordia Romae*), но и более точно к космологическому вступлению к этой поэме (*primordia mundi*).

Впрочем, мы должны отдавать себе отчет в том, что изложенное толкование не может быть доказано, – приходится признать, что доступные нам средства не позволяют надеяться на ясное и бесспорное понимание этого места.

Слово *primordia* занимает первое место в четырехчленной структуре ((*primordia* – *atque marem*) *mox (iuvenes* – *et senex)*). Не означает ли это, что *primordia* встраивается в семантический ряд – *mas* – *iuvenis* – *senex*? В нескольких текстах слово *primordia* ассоциируется с детским возрастом (Varro *Logistor.* Fr. 9 Riese = Non. 308, 35 M 481 L; Servius ad *Ecl.* IV (praef.); *Digest.* XXII 1, 14). К сожалению, эта структура, никак не проясняет переносного смысла *primordia*, даже если учесть, что мифологические рассказы часто мыслились как адресованные детям или по-детски простодушным людям. Непонятно, как эта идея могла быть связана с поэзией Цезия Басса.

Четыре возраста являются прямым заимствованием из *Ars Poetica* Горация (156–179)³⁴.

---

³⁴ Brink 1971: 228–229. Четыре возраста подразумеваются в *Pers. Sat.* V 63–64: *iuvenes* – *pueri* – *senes*. Зависимость Персия от «*Ars Poetica*» была установлена еще Фиске (Fiske 1913: 35).

Дополнительный комментарий см. далее § 17 под леммой EGREGIUS SENEX; о primordia vocum Лукреция (IV 531) § 24.

§ 15. FIDIS LATINAE) *латинская лира* – один из ключей ко всему тексту. Современного человека, привыкшего к национальным литературам, не могут удивить выражения *немецкая поэзия, русский роман* и т.п., но этническая характеристика греческой или римской литературы – вещь не столь обычная. Здесь необходимы важные идейные мотивы. В одах Горация такой мотив очевиден: в первом римском лирике утверждается личное достоинство поэта и национальное величие государства. У Горация мы находим не имеющее аналогий разнообразие выражений, которые имеют смысл *римская лирика*³⁵. У Персия прозрачная, если не навязчивая, отсылка к теме ‘Гораций – первый римский лирик’ ставит Цезия Басса в очень невыгодное положение. Рассмотрение текстов самого Горация подтверждает это предположение. Словосочетание *fidibus Latinis* использовано Горацием не в возвышенном и восторженном контексте, а, напротив, иронически (в Epist. II 2 это самоирония):

quid Titius, Romana brevi venturus in ora,
Pindarici fontis qui non expalluit haustus,
fastidire lacus et rivos ausus apertos?
ut valet? ut meminit nostri? fidibusne Latinis
Thebanos aptare modos studet auspice Musa,
an tragica desaevit et ampulatur in arte ... (Epist. I 3, 9–14)

nimirum saepe est abiectis utile nugis
et tempestivum pueris concedere ludum³⁶
ac non verba sequi fidibus modulanda Latinis,
sed verae numerosque modosque ediscere vitae (Epist. II 2, 139–144)

Связь этих двух отрывков с текстом Персия поддерживается не только *латинской лирой*: Pindarici fontis haustus находит отклик в fonte labra prolui caballino (Prol. 1); verba sequi fidibus повторяется в artifex sequi voces (Prol. 11). Кажется, что Персий поручает Горацию более отчетливо высказать те упреки, которые в Sat. VI представлены только намеками. Зная поэзию Цезия Басса по десятку строк, мы можем только гадать о смысле этих намеков, например: поэт ampulatur in arte, злоупотребляет героическим пафосом и эпи-

³⁵ Fraenkel 1957: 306 (Carm. III 30), 342 (Epist. I 19), 409 (Carm. IV 3). Выражения типа Romana Lyra следует отличать от топографических дескрипций, например, fidis Teia = Anacreon (Carm. I 17, 18), Calabria lyra = Horatius (Martial. V 30, 2).

³⁶ Эта строка Горация переключается с iuvenes iocos Персия (Hooley 1993: 141).

ческими темами, в лирике он пытается *подражать Пиндару*, чрезмерно увлекается сложными метрическими формами, но забывает о *ритме и мелодии истинной жизни*. Трудно определить, до какой степени точно Персий метил в действительные пороки (*vitia*), возможно, критика была мотивирована исключительно тем, что Персий считал лирику Горация единственным канонем жанра.

LATINAE) задача этого определения – создать узнаваемую аллюзию к *fidibus Latinis* Горация. Таким образом, нет необходимости привносить в текст подразумеваемую оппозицию *латинский ~ греческий*. Это противопоставление создает большие трудности. Можно придумать складный перевод, исходящий из того, что Цезий Басс делал нечто особенное, что отличало его как латинского лирика от греческих поэтов. Не столь легко связать с такой интерпретацией какой-либо реальный смысл. Исторические и героические темы обычны для греческого мелоса. Никак нельзя сказать, что греческая лирика не была мужественной. Сомнительно, что Цезий Басс изобрел особую латинскую музыку. Он был изобретателем метров, но плодами его творчества были, например, пеонический тетраметр (fr. 5, 6), тетраметр из молоссов (fr. 10), филикий (fr. 4) и т.п. Едва ли в этих размерах было что-то специфически латинское.

§ 16. POLLICE HONESTO) имеет такой же смысл, как и *tetrico pectine*: приемы риторического разнообразия доведены у римского поэта до автоматизма. Три смысла *honestus* актуализованы в данном месте: (1) *puḍicus, castus, verecundus*, TLL VI. 3, p. 2907, 26, – отсылает к *tetricus*; (2) *почтенный, достойный* – повторяется в следующем стихе в *egregius*; (3) *элегантный, изысканный*, TLL VI. 3, p. 2913, 7, – выражает стилистических характеристику, хорошо известную, например, из комментария Сервия к «Энеиде».

Это последнее значение и следует принять за основное. Выражение *pollice honesto* более сложно, чем *tetrico pectine*: чтобы снять конфликт сочетаемости, необходима цепочка тропов *pollice → plectro → elocutione honesta*.

Как и *tertricus*, определение *honestus* относится в собственном и строгом смысле к стилю, но может быть без противоречий перенесено и на общий характер теперь уже игривой поэзии Цезия Басса: лирик не только сохранял хороший вкус и достоинство выражений, но и предмет подражания в его эротической поэзии был далек от чего-либо постыдного. Заметим, что подозреваемое здесь

негативное определение *turpis скверный, грязный, развратный* является основным антонимом к *honestus*.

Прилагательное *honestus* и субстантивированное *honestum* в поэзии встречаются вообще редко, исключения (Гораций, Лукан) обходятся интересом к философскому *honestum = τὸ καλόν*). В отличие от *egregius*, эти слова не привязаны к высокому поэтическому стилю.

§ 17. *EGREGIUS SENEX* у Цезия Басса находим *egregia ingenia* (fr. 5). Словосочетание *egregius senex* очень необычно для поэтического языка. Рассмотрим *egregius*, определяющее или собственные имена людей, или нарицательные имена, обозначающие человека. В «Энеиде» такое *egregius* – одно из наиболее важных слов, описывающих героический этос³⁷. Мы находим его в согласовании с именами собственными:

- Silvius Aeneas, pariter pietate vel armis | *egregius* (VI 769–770)
- как часть определенных дескрипций:
  - egregium forma iuvenem...* (VI 861)
- наконец, как косвенный эпитет:
  - est et Volscorum egregia de gente Camilla* (XI 432)
  - stabat in egregiis Arcentis filius armis* (IX 581)

Число таких выражений в «Энеиде» в целом велико³⁸, и удивительным фактом является их исключительная редкость в других поэтических текстах. Кроме Силия Италика и Стация, эпос которых дает картину, близкую к «Энеиде», в период от Катуллы до эпохи Нерона мы не найдем и десяти примеров, – во всех, кроме иронического *egregium parentem Катуллы* (67, 29), отчетливо и подчеркнуто выражен героический пафос:

laudes egregii Caesaris (Horat. Carm. I 6, 11); [*decus*] *egregii Caesaris* (Horat. Carm. III 25, 4); [*Athis*] *egregium forma* (Ovid. Met. V 49); [*Cicero*] *egregium semper patriae caput* (Cornel. Sever. fr. 13, 13); [*Regulus*] *egregius exul* (Horat. Carm. III 5, 48); [*Antigone*] *specimen egregium* (Seneca Poen. 80); – *egregium narras mira pietate parentem* (Catull, 67, 29).

К этому списку не относится *egregium cum me vicinia dicat* Персия (Sat. IV 46: измененная цитата из Горация Sat. II 5, 105–106).

³⁷ Экспликацию семантики *egregius* можно найти и у самого Вергилия, и у Сервия: Aen. XI 705; Serv. ad Aen IV 150; XI 432. Сервий отмечает ироническое употребление в Aen. VI 523 и VII 556.

³⁸ Aen. IV 150; V 297; X 434–435; XI 355; XI–432 – V 361; VI 769–770; VI 523; VI 861; X 778; XI 416–417; XII 275; – VII 213; VII 257–258; VII 556.

Итак, *egregius senex* ‘выдающийся старик’ – очень неожиданное и стилистически маркированное словосочетание, парадоксальность которого не снимается иронической интерпретацией. В прозе оно не создало бы никаких проблем³⁹, но едва ли прозаизм сам по себе был целью Персия. Благодаря *fg. 5* Цезия Басса, в котором стоит *egregius*, мы можем предположить, – с большей уверенностью, чем в случае с *tetricus* – что Персий цитирует стилистически неудачное слово: или выше меры патетическое, или слишком прозаическое, однако ирония и пародия не дают исчерпывающего объяснения. Отчетливая эмфаза слова *senex* не имеет ясного содержательного обоснования, так как *бодрая старость* есть типичный мотив в образе поэта.

В структуре четырех (как, впрочем, и трех) возрастов *senex* противопоставляется как *maerem*, так *iuvenes*: *Цезий Басс, будучи стариком, искусно разрабатывал мужские (война), а потом и юношеские (любовь) темы.*

§ 18. *LUNAI PORTUM*⁴⁰ в трех стихах *Sat. VI 8–10* Персий дважды или даже трижды цитирует Энния.

Из всего хитросплетения намеков и цитат понятен только пифагорейский сон Энния в первом прологе к «Анналам».

Смысл других аллюзий остается для нас закрытым. Хаузман (Housman 1935) доказал, что цитации в *Sat. VI 8–9* не связаны с прологом к «Анналам». Из контекста Персия ясно, что *Lunai portum* происходит из текста *трезвого* и *шутливого*, и Хаузман правдоподобно связал этот стих с *Saturarum Libri* Энния. Доказательства Хаузмана, которые опирались на анализ текста схолиев, получили недавно подтверждение в новом издании *Commenti Cornuti* (Clausen-Zetzel 2004)⁴¹.

---

³⁹ Ср. *egregia iuxta* прим. 15. Значение *замечательный, хороший* (человек) описано Сервием: *dicimus raram hominem pro egregio et bono* (ad *Ecl. VII 46*).

⁴⁰ *Luna*, ныне местность *Luni* в коммуне *Ortonovo* недалеко о *Каррары*. *Portus Lunae* располагался или в заливе *Специя*, приблизительно в 10 км. от *Луны*, или в *Восса ди Магра*, устье реки *Магра* (лат. *Maera*), в 3 км. от города.

⁴¹ Гекзаметр в «Сатурах» Энния подтверждается двумя тождественными и трудными метрически фрагментами *v. 3–4; 10–11 Vahlen*. Другие гекзаметрические фрагменты (*Sat. v. 66–70*) отнесены к «Сатурам» гипотетически. «Сатуры» (название сборника, а не жанровый термин), судя по большинству фрагментов, были написаны преимущественно драматическими метрами. Есть свидетельство о поэме *Protrepcticus* Энния, которую *Вален* отождествлял с *Praecepta* (р. *CCXVII; Varia v. 30–32*), к этой поэме (*Protrepcticus sive Praecepta*) относил стих о *Луне Флорес* (*Flores 1974 p. 102*), но единственный связный фрагмент (*Praecepta*) написан *трохеическим септенарием*.

О смысле цитаты в контексте Sat. VI: § 8.

COR IUBET HOC ENNI) *трезвая и здравомыслящая* (shrewd and sensible) часть Энния (Хаузман). По мнению Скютча (Skutsch 1985, 750, п. 3) «эти слова, возможно, шутливо подражают стилю Энния» (так же Бейкирхер). Однако стилизация выглядела бы избыточно между точной цитатой v. 9 и прозрачной аллюзией к конкретному тексту в v. 11, поэтому cor iubet hoc лучше понимать как знак, отсылающий читателя к хорошо известному тексту из поэзии Энния⁴². Выражение cor iubet hoc должно быть достаточно точным, чтобы быть узнаваемым, но источник цитаты потерян бесследно. По всей видимости, этот текст не был связан ни с первым прологом к «Анналам», ни с «Сатурами» (или другим возможным источником Lunai portum). Ясно, что cor iubet не имеет отношения к tria corda Энния (Gell. XVII 17, 1 = Operis incerti fr. I Skutsch), с другой стороны, credidit meum cor (Ann. 372 Skutsch, 382 Vahlen) дает очень далекое соответствие.

«Commentum Cornuti» ставит COR IUBET HOC ENNI как лемму к схолию (schol. 10): hunc versum ad suum carmen de Ennii carminibus transtulit; merito ait 'cor iubet hoc Enni'. Ясно, что hunc versum... относится к предшествующему стиху v. 9. Наречие merito *правильно, обосновано, точно* – одно из самых употребительных технических выражений в комментариях Сервия. Сам по себе текст второй половины схолия (merito...) лишен смысла, поэтому в нем следует видеть остаток цитаты из древнего комментария к Персию, в котором объяснялось, почему выражение cor iubet hoc Enni сказано поэтом (Эннием? Персием?) 'merito'; сравним типичную формулировку Сервия: ... ergo 'libavit' merito, quia... (ad Aen. I 256).

Другим местом для Lunai portum могла бы быть поэма Hedyphagetica, — если предположить, что какие-нибудь замечательные рыбы были поводом *разведать залив Луны*, но эта наша гипотеза не имеет внешних доказательств (возможно, исследования на месте могли бы прояснить вопрос). — До Хаузмана и Скютча (Operis incerti fr. II) стих Lunai portum включали в «Анналы»: Mueller v. 483; Vahlen v. 16; Stuart fr. 2; Valmaggi (v. 9): ...est operae, cognoscite, cives (Lunai portum изъято). Пространное изложение старых теорий, связывающих Луну с «Анналами» можно найти у Кисселя (Kissel 1990, 777–781), который без достаточных оснований отвергает аргументы Хаузмана и Скютча и возвращает v. 9 в «Анналы». Проблема не была известна Бейкирхеру, который однако из стилистических соображений склонялся к тому, что стих не мог принадлежать эпосу (Beikircher 1969, 35, Anm. 4).

⁴² Ср. Ennium ... ita totum *illud* (!) audivisse *o pietas animi*... (Cicero Lucull. XXVII, 88), где pietas animi (v. 4 Skutsch, 8 Vahlen) следует понимать как *incipit* речи Гомера, услышанной Эннием во сне.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЦЕЗИЙ БАСС И КАНОН ЛАТИНСКИХ ПОЭТОВ

§ 19. *Лирика* – процветающий в эпоху Нерона жанр, поощряемый примером самого принцепса. Нерон сочинял и исполнял мелические композиции⁴³, этим же занимались и его приближенные. Не означает ли это, что раздутые похвалы Цезию Бассу в Sat. VI следует связать с критикой нероновской эстетики в Sat. I? Нерон сочинил и пропел под кифару поэму «Аттис, или Вакханствующие», которую Персий или цитировал, или пародировал (Sat. I 93–95 = fr. 4 spurium FPL³, 99–102 = fr. 3 spurium FPL³; Comment. Cornut. I 93; 99 (4, 8))⁴⁴. Стиль этих стихов очень близок двум вакхическим фрагментам Цезия Басса (2, 7).

Римские исторические сюжеты – их присутствие в лирике Цезия Басса подтверждается единственным фрагментом (10, молоссы):

Romani victores Germanis devictis

Можно предположить, что темой поэта середины I в. были победы над германцами правящего принцепса, а не Гая Мария или Юлия Цезаря. Наиболее вероятный повод – победоносное завершение в 41 г. войны против хаттов и хавков, давшее Клавдию второй императорский титул.

Lascivia – Нерон был poeta doctus (Martial. VIII 70, 8) и писал на исторические и мифологические темы⁴⁵, – он же сочинял игривые стихи, для которых творчество неотериков было ближайшим образцом. К собственно любовной поэзии относится поэма Нерона о волосах Поппеи⁴⁶.

⁴³ Свидетельства и фрагменты: FPL³. Сохранились только гекзаметрические стихи Нерона, но мелос подтверждается, прежде всего, в Philostr. Vita Apoll. IV 39: τὰ τοῦ Νέρωνος μέλη etc. На торжествах при начале работ по сооружению коринфского канала Нерон исполнил ‘гимн’ (ῥυμος) Артемиде и Посейдону, а также ‘песнь’ (ᾠσα) о Меликертe и Левкотее (Ps.-Lucianus/Philostratus. Nero 3). Впрочем, Нерон, как Apollo Citharoedus (Suet. Nero 25, 2) предпочитал кифаристику.

⁴⁴ Dio Cass. LXII 20, 1. Бленсдорф (FPL³), следуя Кисселю (Kissel 1990: 241), отказывается признать Sat. I 93–95, 99–102 цитатами из «Аттиса» Нерона. Вопрос обсуждался неоднократно решался по-разному (в пользу авторства Нерона (Bardon 1936: 340; Sullivan 1978). Дактилический гекзаметр использовался в кифаредической поэзии (Снелль 1999, 47), поэтому Персий мог цитировать «Аттиса», не искажая метр. Бардон (Bardon 1936) видел в «Аттисе» трагедию.

⁴⁵ Возможно, хотя и недоказуемо, что выражение primordia mundi в Bucolica Einsidlensia I 24 (§ 14) намекает на космологические темы в поэзии Нерона (Bardon 1936: 340).

⁴⁶ Plin. Nat. Hist. XXVII 50 (3, 12) = fr. 6 FPL³. В этой поэме можно предполагать подражание Каллимаху и Катуллу.

Личная инвектива была частью неотерического, а изначально александрийского, наследия, принятого нероновской поэзией. Марциал говорит об инвективных стихах Нерона, адресованных некоему Косму, используя выражения, которые удивительно напоминают характеристику Цезия Басса в Sat. VI:

(Nero) lascivum iuvenis cum tibi lusit opus (Martial. IX 26, 10).

Инвективы Нерона переходили границы шутки: он сочинил *carmen probrosum* против сенатора Афрания Квинциана (Tacit. Ann. XV 49, 4), и поэму *Luscio* против Клодия Поллиона (Suet. Dom. 1,1)⁴⁷. В этих поэмах можно увидеть представителей жанра сатуры, понятой в духе древней аттической комедии. Сюда же мы должны отнести поэму (*carmen*), в которой Нерон осуждал роскошь 'царя Митридата'⁴⁸. Очевидно, что сатура вовлечена в жанровую игру в начале Sat. VI, как актуальный современный жанр, однако намеки Персия слишком темны, чтобы строить предположения о том, как в шуточной лирике Цезия Басса могли сочетаться личная инвектива и любовная игра.

Стиль Цезия Басса не может быть понят из намеков Персия. В отличие от нероновских стихов в Sat. I, начало Sat. VI не имеет явных признаков пародии, а *gravitas* и *honestas* – слишком общие и растяжимые характеристики. Архаизм Цезия Басса есть плод ошибочного понимания выражения *primordia vocum*. Впрочем, трудно представить, как архаист мог бы преуспеть в эпоху Нерона.

§ 20. Персий подчеркивает те черты поэзии Цезия Басса, которые, про всей видимости, делали его представителем господствующего вкуса своего времени. Это обстоятельство позволяет более тесно связать Sat. VI с оценкой, данной Квинтилианом (X 1, 96): *At lyricorum idem Horatius fere solus legi dignus... si quem adicer velis, is erit Caesius Bassus, quem nuper vidimus, sed eum longe praecedunt ingenia viventium*. Квинтилиан ставит Цезия Басса рядом с Горацием, как делает это Персий (но Персий не называет Горация по имени). Однако это положение оказывается далеко не почетным: в списке Квинтилиана второй лирик занимает свое место лишь за

⁴⁷ *Luscio* Нерона подразумевается в Sat. I 138 Персия: *sordidus et lusco qui possit dicere 'lusce'* (Bardon 1936: 342; Sullivan 1978: 162). Скептицизм Кисселя в этом вопросе представляется чрезмерным, и нет оснований полагать, что *carmina probrosa* Нерона появились уже после смерти Персия (Kissel 1990: 280).

⁴⁸ Suet. Nero 24, 2. Речь идет о каком-то из восточных правителей, современнике Нерона, это или иберийский царевич (RE 33, 2214 No 33) (Bardon 1936: 340), или его племянник, бывший царем Иберии при Веспасиане (RE 33, 2215 No 34).

неимением лучшего, к тому же новейшие (совершенно безвестные) поэты уже превзошли его.

Расцвет лирики в эпоху Нерона оживил интерес к Горацию, который был заново открыт и впервые получил статус образцового поэта (Maueг 1982: 313). Квинтилиан свидетельствует о пресмотре нероновского эстетического наследия. Гораций как лирический поэт сохранил (уже навсегда) положение в литературном пантеоне, но собственно лирика 50–60 гг. I в. оценивается очень невысоко. Последующие поколения приняли эту оценку, и лирика эпохи Нерона была скоро забыта и почти бесследно исчезла.

ADENDA. ИЗ ИСТОРИИ КОММЕНТИРОВАНИЯ

§ 21. TETRICUS – SABINUS) Tetricus mons in Sabinis asperimus, unde tristes homines tetricos dicimus (Servius ad Aen. VII 713). Гуманистические комментарии толковали tetricus, исходя исключительно из Сервия. В XVI–XVII в.в. общим мнением было то, что tetricus = severus есть метонимия от Mons Tetricus (Foquelinus 1555; Casaubon 1605), и старые комментаторы, собравшие сабинские контексты tetricus, хотели этим подтвердить этимологию Сервия. При этом сабинские аллюзии для объяснения текста Персия во внимание обычно не принимались. Стандартный комментарий XVII–XVIII вв. дает вполне здравую экспликацию: Gravem et severum stylum, vel carmen denotat. Vani vero qui tetricum hic intelligunt de Sabini monte Tetrico (Persius 1648). В современной филологии поиски сабинского следа начались с комментария Яна (Jahn 1843, 212): Pecten vocet tetricum ad Bassi ingenium severum et grave significandum, neque sine peculiari ratione hoc verbo utitur, nam Tetricus mons in Sabinis erat ... indeque tetrici dicebantur tristes et severi prae ceteris autem de ipsis Sabinis usurpatur. Здесь точно повторена ошибочная аргументация комментаторов XV в., однако в комментарии Яна нужно заметить серьезную методологическую проблему. Ян утверждает, что Персий использовал слово tetricus, движимый *особыми мотивами*. В целом современный филолог уверен в том, что план содержания сложнее плана выражения, и если синтаксис или лексика кажутся необычными, то задача комментатора – отыскать peculiaris ratio вне текста. Например, сабинские коннотации tetricus могут указывать на сабинское происхождение Цезия Басса (Бейкирхер) – est modus in rebus sunt certi denique fines.

§ 22. VETERUM PRIMORDIA VOCUM) versus et carmina (Plautius – Persius 1520, xciii r.). Комментаторы XV/XVI в. (Плавций, Британик, Фоклен, ср.: commentarii variorum – Persius 1648) предложили очень изобретательное решение: *начало древних голосов* означает просто

стихи, по той причине, что поэзия появилась в древности раньше, чем проза (источники: Strab. I 2, 6; Plin. V 112), что получает хорошее подкрепление со стороны Тацита (Dial. 12, 2): haec eloquentiae *primordia*, haec penetralia; hoc primum... (цитирует уже Британик – Persius 1520, xciii v.). Современного исследователя это толкование может только удивить. Однако проблема здесь не в доказательствах, а в общей стратегии комментария.

Мы уже могли заметить, что комментатор нашего времени (научной эпохи) нацелен на дробление и усложнение плана содержания, что с утратой меры приводит к заблуждениям (*tetricus*). Эстетика Ренессанса и Барокко могла научить комментатора только противоположному ходу мысли: план выражения сложнее, чем план содержания. Поэтому нас не должно удивлять то, что конечным результатом часто очень тонких и сложных построений старых комментаторов оказываются банальности. Мы не готовы согласиться с тем, что дешифровка сложнейшего текста v. 3 приводит к тому незадействованному смыслу, что Цезий Басс писал стихи, а не прозу. Но если представить слова Персия *veterum primordia vocum* как надпись (*symbolon*) к аллегорической картине (*emblema*) «Древность изобретает Поэзию», то комментарий XV в. окажется вовсе не глупым. Оно соответствует эстетике своей эпохи.

Впрочем, объективно слабые места обсуждаемого толкования очевидны: не только *veterum* приходится понимать как избыточный эпитет рядом с *primordia*, но и *numeris* становится плеоназмом, если *primordia vocum* в целом означает ритмическую речь. Было предложено несколько способов обойти эти затруднения. Понятно, что общее понимание текста определялось истолкованием определения *veterum*.

Турнеб (Turnèbe 1599, 1091): His ego verbis significari puto, Bassum poetam esse lyricum. Lyrici autem primo divos et virtutem victorum sacris carminibus extolebant: atque ea sunt primordia veterum vocum. Postea melici etiam de iuvenum amoribus, et senum luxu iocisque carmina pangere coeperunt: qua argumentorum materia suum poema Basus distinxerat. Речь идет уже о собственном историческом развитии лирической поэзии. Комментатор исходит из того, что в стихах 2–6 описываются разные типы содержания лирики. Первоначально поэты воспевали богов и доблестных мужей-победителей (героический и трагический тип), затем обратились к темам любви и удовольствий (комический тип); *primordia* указывает на историческое первенство серьезной лирики, посвященной богами и героям (*primordia* = начальное состояние поэзии) а *veteres voces* – творения древнейших поэтов.

Мурмеллий (Murmellius 1531): malo antiquas Sabinorum eorumque qui Latium coluerunt, voces accipere, quae in hymnis et lyricis carminibus probantur. Комментарий Мурмеллия очень складно выстраивает близкий контекст: древние *сабинские* слова выведены из tetricus; далее, Sabinus-tetricus не без изящества связано с Latinus (v.4), – отсюда появились *диалекты Лация*. Наконец, комментатор ссылается на диалектизмы в лирике (надо думать, в греческой). Это толкование считалось одним из лучших и повторялось многочисленными компиляторами (Persius 1648). Видимо, Мурмеллий был единственным из старых комментаторов, кто против преобладавшего мнения объяснял v. 3 в категориях выражения, а не содержания.

Мурмеллия следует инициатором этимологического направления, поскольку сдвиг primordia vocum в к смыслу ‘начало слов = этимология’ вполне ожидаем в рамках комментария Мурмеллия. Собственно, этимологическое истолкование (надо сказать, самое слабое) было попыткой вернуть архаизмы в сферу содержания.

Сложнее установить, кто первый отчетливо сформулировал этимологическую версию.

Кроме семантики primordia, она поддерживается ошибочным сближением лирика Цезия Басса с грамматиком Гавием Бассом, писавшим de origine vocabulorum (Gell. II 4). В связи с поэтом Бассом грамматика упоминает уже Казобон primordia vocum (Casaubon 1605: 477), который в этом вопросе проявлял разумный скептицизм. Последующие комментаторы могли одобрять отождествление этих двух Бассов (Farnabius 1631). К этому ошибочному суждению присоединился Отто Ян (1843: 213). Неодобрительный интерес к этимологическому истолкованию оживляется в 1820–1830 гг.: Вебер (1826) и Перро (1830) энергично высказывались о его абсурдности. Эта критика была направлена против Орелли⁴⁹.

Наконец, Отто Ян (1843, 212) утвердил этимологическое толкование, как *простейшее* и наилучшее: Simplicius tamen videtur de libro cogitare, qui veterum vocum origines numeris versibus complexus sit. После Яна серьезная лирика Цезия Басса, упоминаемая Персием,

---

⁴⁹ Бейкирхер (Beikircher 1969: 23, Anm. 10) называет Орелли первым, кто высказал этимологическую версию. Бейкирхер ссылается на комментарий Плюма (1827), так как ему самому «не было доступно издание Орелли». Полный текст Персия был включен в *хрестоматию* Орелли и снабжен критическим аппаратом и небольшими комментариями, в которых интересное нас место разъясняется: Quidni vero Bassus carmine tractaverit res etymologicas, quibus fabulas antiquas quam plurimis ubique ad tetricum illud argumentum exhilarandum intertexere nihil sane vetabat? (Orelli 1822: 218). Из второго издания (1833) этот комментарий был изъят. Благодаря авторитету Орелли, его текст некоторое время считался стандартным.

обычно отождествлялась с ученой поэзией, в которой излагались этимологии латинских слов. Это мнение было справедливо отвергнуто новейшими комментаторами (Beikircher 1969; Kissel 1990, Nikiński 2002).

§ 23. NUMERIS VETERUM) синтагматика, предложенная Немети (1913)⁵⁰, решительно изменила смысл и структуру v. 3; теперь необходимо рассматривать два словосочетания (numeris veterum) и (primordia vocum). Смысл первого из них казался комментаторам, принявшим это новшество, простым и очевидным. Бейкирхер и Киссель приводят тривиальные примеры, в которых veteres обозначает древних поэтов, однако мы не можем указать примеров, в которых метр или ритм квалифицировались бы как древние. Действительно, такое определение было бы бессодержательным. Гораций, как все другие поэты всех жанров, использовал *метрику древних*. Цезий Басс мог изменять древние (то есть традиционные, общепринятые) размеры, делая на их основе новые, или использовать какие-то редкие метрические формы, – но на это в тексте Персия нет никаких намеков. Толкование Немети и Бейкирхера особенно странно, при том, что Персий говорит о каких-то особенных достоинствах своего адресата (вероятная ирония безразлична для данного вопроса). Между тем, numeri veterum могло бы обозначать только *стихи* как таковые: *Цезий Басс писал стихи как древние* (?). Таким образом, мы возвращаемся к старым толкованиям Плавция и Британика.

§ 24. PRIMORDIA VOCUM) идея Немети была в том, что primordia vocum обозначает элемент, атом (понятно, что veterum vocum очень мешает этому толкованию). Немети цитировал Лукреция IV 526–531; 533–534 (primordia vocum v. 531, о телесности голоса) и Вергилия (Aen. VI 646–647):

obloquitur numeris septem discrimina vocem
iamque eadem digitis, iam pextine pulsat eburno.

Опираясь, прежде всего, на текст Вергилия, Немети объяснил текст Персия следующим образом: primordia vocum означает *струны лиры*, что трудно согласуется с numeris и катастрофически не согласуется с marem strepitum.

Бейкирхер объяснял primordia vocum как отдельные элементарные звуки (Einzellaute) языка. Это вполне разумный перевод для

⁵⁰ Немети опирался на пересказ Перро (Perreau 1830: 267): qui cum antiquis Graecorum metris marem adjunxerit strepitum fidis Latinae, – что, в свою очередь, есть не совсем удачная переработка схолия из Commentum Cornuti (...varietate numerorum, quam de Graecis metris excerptis... etc.); ср. Heinrich 1844: numeris veterum... auf alterthümliche Weise.

изолированного словосочетания. Вопрос в том, что примечательно-го делали элементарные звуки в стихах Цезия Басса. Суммирующий пересказ, данный Бейкирхиром (Beikircher 1969: 24): «Басс приспособил звуки языка к схемам греческих метров ... то есть Басс сумел показать звуки языка и мужественный звон латинской лиры в облачении греческих метров». Бейкирхер смог убедить Кисселя и Никитинского в том, что это имеет смысл.

§ 25. EGREGIOS LUSISSE SENES) Вековые усилия комментаторов превратили бессмысленное *lectio obscurior* в почтенное *lectio difficilior*. Направление было задано комментаторами XV в.: *descripsisse mores et facta senum egregia* (Plautius), – то есть Персий описывает определенный тип содержания. Это толкование выводится не из собственного смысла словосочетания, а синтаксической и содержательной структурой. Привлекательной и по существу правильной была идея Фоклена и Турнеба связать каждый из четырех сегментов периода ((– atque –) *mox* (– et –)) с определенным типом лирической поэзии, определяемым по признаку содержания. В законченном и развернутом виде это разделение было изложено Казобоном

Четыре вида лирических предметов, установленные Казобоном, следующие: похвалы богов и похвалы героев (серьезный тип), любовь и пристойные застольные шутки (легкий тип). В отношении четвертого элемента Казобон исправил ошибку Плавция и других комментаторов, которые, опираясь на *egregios*, усматривали в *v. 6* намек на содержание, близкое героическому. Комментарий Казобона полезно привести полностью (следующий далее текст непосредственно продолжает цитированный выше в прим. 38):

Lyricae poëseos consuetae hypoteses sunt, deorum laudes, herorum, et hieroniarum ac caeterorum virorum fortium encomia. item iuvenum lascivia, id est ἔρωτιχὰ, et convivantium honexti ioci. Horatius (*Ars Poet.* 83–85):

*Musa dedit fidibus divos puerosque deorum
et pugilem victorem et equum certamine primum
et iuvenum curas et libera vina referre.*

Caesius Bassus, ut ex Persio cognoscimus de his omnibus aliquid scripserat. de laudatione deorum iam diximus (ad *v. 3 primordia*): *heic vero (v. 4 strepitum) tanguntur illius odae in laudes virorum fortium.* Ἐρωτιχὰ attingit Persius cum ait

Mox iuvenes agitare iocos. –

at quae vocantur Horatio libera vina, hoc est *συμποτιχὰ ἀστείσματα*, et laudes vitae senilis otio et quieti redditae pulcherrime exprimit illis verbis:

– et pollice honesto

Egregios lusisse senes.

Это толкование очень убедительно, пока мы находимся на уровне синтаксической структуры, привязанной к категориям поэтики. Все становится сложнее на уровне слов. Кроме понятного *iuvenes iocos*, связь между каждым видом лирики и соответствующими выражениями Персия трудна и спорна, – и как раз для *egregios lusisse senes* интерпретация Казобона наиболее натянута и сомнительна.

В эклектических комментариях XVII–XIX вв. логика Казобона была утрачена, а экзегетические трудности преодолены не были.

§ 26. *EGREGIUS SENES*) вариант, предложенный Бентли, долго не принимался в текст. Рукописи, его подтверждающие, по всей видимости, не были известны издателям, но скептицизм можно объяснить и другими причинами. Бентли не раскрыл своего понимания этого места, но Ян, предложил, видимо, единственно возможную синтагматику (*egregius lusisse (senes iocos)*), где адъективное *senes* находит внушительную поддержку в *iuvenes iocos* и *marem strepitum*⁵¹. Нетрудно заметить, что это дает тот же смысл, что и толкование Казобона, однако без каких-либо синтаксических и лексических затруднений. Издатели, могли видеть в чтении Бентли *lectio facilior*, – упрощение текста ради смысла.

Комментарий Яна в целом эклектичен: *egregius senes* понятно только в системе четырех лирических типов, но в объяснениях *primordia vocum* и *marem strepitum* Ян отказался от идеи Казобона.

Здесь мы вновь убеждаемся в том, что понимание первых стихов Sat. VI зависит от интерпретации структуры ((– atque –) тох (– et –)), которая в целом представляет единый содержательный класс. Проблема в том, насколько сильны внутренние оппозиции, представленные парами (– atque –) и (– et –). Казобон мыслил эти противопоставления максимально обостренными, в особенности *iuvenes – senes*. Теперь, когда текстологические разыскания последних десятилетий, заставляют принять чтение *senes*, становится ясным, что в этой части интерпретация Казобона была ошибочна. Однако это не означает, что необходимо отказаться от главного – от того, что ключом к тексту Персия является типология лирического содержания. При всех трудностях этот принцип дает наилучшее основание для понимания самой шестой сатуры Персия и делать, хотя и очень приблизительные, гипотезы о поэзии Цезия Басса.

⁵¹ Ср. комментарий Турнеба (Turnèbe 1599: 1091): *iocos autem iuvenes, iocos iuveniles intelligo: et iocos senes, seniles*. Это плохо согласуется с текстом *egregios senes*, который напечатан в *Adversaria*, и можно предположить, что Турнеб располагал рукописью с чтением *egregius senes*.

Библиография

Персий. Издания и комментарии

- Beikircher 1969 – Hugo Beikircher. Kommentar zur VI. Satire des A. Persius Flaccus. Wien.
- Bond 1614 – *Satyrae sex. Cum posthumis Commentariis Ioannis Bond.* Londini.
- Casaubon 1605 – *Satirarum liber.* Isaacus Casaubonus recensuit, et Commentario libro illustravit... Parisiis.
- Casaubon 1647 – *Satirarum liber. I.* Casaubonus recensuit, et Commentario libro illustravit. Tertia editio, auctior et emendatior ex ipsius Auctoris codice: Cura et opera Merici Casauboni Is. F. Londini.
- Clausen 1956 – *Saturarum Liber accedit Vita.* Edidit W. V. Clausen. Oxford.
- Clausen-Zetzel 2004 – *Commentum Cornuti in Persium.* Recognoverunt et adnotatione critica instruxerunt Wendel V. Clausen et James E. G. Zetzel. Monachii et Lipsiae.
- Conington-Nettleship 1893 – *The Satires of A. Persius Flaccus With a Translation and Commentary by John Conington...* Edited by Henry Nettleship. Oxford
- Farnabius 1631 – *D. Iunii Iuvenalis et Auli Persii Flacci Satyrae, Cum Annotationibus Thomae Farnabii.* Amsterdami.
- Foquelinus 1555 – *Antonii Foquelini Veromandui, in Auli Persii Flacci Satyras commentarius...* Parisiis.
- Harvey 1981 – *A Commentary on Persius by R. A. Harvey.* Leiden. (Mnemosyne. Suppl. 64).
- Heinrich 1844 – *Satiren Verfasserangabe berichtet und erkl. von Carl Friederich Heinrich.* Leipzig.
- Jahn 1843 – *Satirarum Liber.* Cum scholiis antiquis edidit Otto Jahn. Lipsiae.
- Jahn 1868 – *A. Persii Flacci, D. Iunii Iuvenalis, Sulpiciae Saturae.* Recognovit O. Iahn. Berolini.
- Jahn 1893 – *Recognovit O. Iahn. 3. curam egit Franciscus Buecheler.* Berolini.
- Jahn 1910 – *Recognovit O. Iahn post Fr. Buecheleri iteratas curas Editionem 4. curavit Fridericus Leo.* Berolini.
- Kissel 1990 – *Satiren. Herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Walter Kißel.* Heidelberg.
- Kissel 2007 – *Edidit W. Kissel.* Berolini et Novi Eboraci.
- Koenig 1803 – *Satirae VI. Ad Optimorum Exemplarium Fidem Recensitae Prooemio Et Indice Rerum Instructae a G. L. Koenig.* Gottingae.
- Murmellius 1531 – *Satyrae sex, Ioanne Murmellio Ruremundensi, Scholiaste ... Item Hermanni Buschii, docta et nova prologi ac primae Satyrae explicatrix Epistola, Auctoris vita ex Crinito ac pauculis quibusdam de Satyra et Satyrographis, annexis.* Parisiis.
- Murmellius 1538 – *Satyrae, obscurissimae alioqui, luculentissima ephrasi simul et scholiis doctissimi viri Ioannis Murmellii illustratae. Quibus accesserunt ... Erasmi Roterod. in easdem annotationes, partim a studioso quodam collectae. Item epistola Hermanni Buschii ad intelligentiam Persii multum conducens.* Coloniae.
- Nikitinski 2002 – *Saturae Commentario ... insruxit Helgus Nikitinski...* München.

- Orelli 1822 – *Eclogae Poëtarum Latinorum in usum gymnasiorum*. Edidit Io. Casparus Orellius. Insunt A. Persii Flacci Satirae sex integrae. Turici.
- Orelli 1833 – *Eclogae Poëtarum Latinorum ... Iterum edidit longe auctior et correctior Io. C. Orellius ... Turici*.
- Owen 1903 – A. Persii Flacci et D. Iunii Iuvenalis Saturae cum additamentis Bodleianis rec. brevique and. crit. instr. S. G. Owen. (21908).
- Perreau 1830 – A. Persius Flaccus cum interpretatione Latina ... item Lucilii Fragmenta, Satira Sulpiciae; cum notis, excursibus, et indicibus curante A. Perreau... Parisiis. (Satyricorum Latinorum cum Iuvenale; vol. 3).
- Persius 1520 – Auli Flacci Persii Satyrographi Clarissimi opus emendatum. Interpretantibus Joanne Baptista Plautio: Cornutoque Philosopho: eius Praeceptore: necnon Joanne Britanico: ac Bartholomeo Fontio: viris eruditissimis ... quae omnia scitu digna mirifice complectitur. Venetiis.
- Persius 1578 – In A. Persii Flacci Satyras sex, quatuor... Commentarij. Valentini. Volsci. Engentini. Labore et studio Ioan. Thomae Freigij nun primum coniuncte editi. Basileae, (1578).
- Persius 1648 – D. Junii Iuvenalis, et Auli Persii Flacci Satyrae: Cum veteris scholiastae, et variorum commentariis. Accurante Cornelio Schrevelio. Lugduni.
- Plum 1827 – Recensuit et Commentarium Criticum atque exegeticum addidit Dr. Friedericus Plum. Havniae.
- Prateus 1783 – D. Junii Iuvenalis et A. Persii Flacci Satirae. Interpretatione ac notis illustravit Ludovicus Prateus... in usum Serenissimi Delphini. Editio decima; prioribus moulto correctior. Londini. (1684).
- Ramorio 1920 – *Le satire*. Illustrate con note italiane da Felice Ramorino. - 2. ed. Torino.
- Villeneuve 1918 – *Les Satires de Perse*. Texte latin publie avec un commentaire critique et explicatif ... par François Villeneuve... Paris.
- Weber 1826 – *Satirae Sex recensuit et annotationem criticam et exegeticam addidit Ernestus Gulielmus Weber ... Lipsiae*.
- Никитинский см. Nikitinski

Исследования

- Bardon 1936 – H. Bardon. Les poésies de Néron // REL 14, 1936. 337–349.
- Brink 1971 – C. O. Brink. Horace on Poetry II: The Ars Poetica. Cambridge.
- Buecheler 1886 – *Der Text des Persius* // RhM 41. 454–459.
- Cignolo 2005 – Terentiani Mauri De Litteris, De Syllabis, De Metris a cura di Chiara Cignolo. Hildeseim.
- Clausen 1963 – W. V. Clausen. «Sabinus» MS of Persius // Hermes. 91. 252–6.
- Cohsbruch 1897 – M. Cohsbruch. Caesius Bassus (Caesius No 17) // Real-Encyclopädie 5, 1313–1317.
- Cupaiuolo 1995 – F. Cupaiuolo. Bibliografia della metrica Latina. Napoli.
- Fiske 1913 – G. C. Fiske. Lucilius, the Ars Poetica of Horace and Persius // HSCPh 24, 1913. 1–36.
- Flores 1974 – E. Flores. Letteratura latina e ideologia del. III–II a.C. Napoli.
- Flores 2002 – Quinto Ennio. Annali. Libri I–VIII. Vol. II: Commentari Napoli.
- Fraenkel 1957 – Ed. Fraenkel. Horace. Oxford.
- Hardie 1986 – Ph. Hardie. Virgil's Aeneid: Cosmos and Imperium. Oxford.

- Hooley 1993 – D. M. Hooley. Persius' Refractory Muse: Horatian Echoes in the Sixth Satire // *AJPh* 114, 1993. 137–154.
- Jenkinson 1979 – J. R. Jenkinson. Persius, Satires 6, 6 // *CQ* 29, 1979. 145–148.
- Kenney 1970 – Review: Beikircher. Kommentar zu VI. Satire des Persius // *CR* 20. 410
- Kent 1923 R. G. Kent. Likes and Dislikes in Elision, and the Vergilian Appendix // *TAPhA*, 54. 86–97
- Korfmacher 1932–1933 – W. C. Korfmacher. Persius as Literary Critic // *CJ* 28. 276–286.
- Korzeniewski – 1978 D. Korzeniewski. Der Satirenprolog des Persius // *RHM* 121. 329–349.
- Lindsay 1915 – W. M. Lindsay. Sabinus' Edition of Persius // *CR* 29. 112–113.
- Mayer 1982 – R. Meyer. Neronian Classicism // *AJPh* 103. 305–318
- Merone 1954 – E. Merone. L'infinitivo aoristo in Persio // *GIF* 7. 244–255.
- Miller 1986 – J. F. Miller. Disclaiming divine inspiration: a programmatic pattern // *Wiener Studien* 99. 151–164.
- Préaux 1976 – J. Préaux. Propositions sur l'histoire des textes des satires de Perse et du Commentum Cornuti // *Hommages à André Boutemy...* Bruxelles. (Collection Latomus; 145). 299–314.
- Reggiani 1974 – R. Reggiani. Una probabile eco enniana in Pers. Chol. 5–5 // *Maia*, 26. 29–32.
- Reitzenstein 1931 – E. Reitzenstein. Zur Stiltheorie des Kallimachos // *Festschrift Richard Reitzenstein zum 2. April 1931*. Leipzig, Berlin. 21–69.
- Robathan 1931 – Two Unreported Persius Manuscripts // *CPh*, 26.
- Robathan 1937 – Notes on the Apparatus of Leo's Edition of Persius // *TAPhA* 68
- Schlüter 1857 – *Quaestiones Persianae...* Monasterii.
- Skutsch 1897 – F. Skutsch. Caesius Bassus (Caesius No 16) // *Real-Encyclopädie* 5, 1313.
- Skutsch 1985 – *The Annals of Ennius*. Edited ... by Otto Skutsch. Oxford.
- Soubiran 1966 – J. Soubiran. *L'élision dans la poésie latine*. Paris.
- Sturtevant, Kent 1915 – E. H. Sturtevant, R. G. Kent. Elusion and Hiatus in Latin Prose and verse // *TAPhA*, 46, 129–155.
- Sullivan 1978 – Ass's Ears and Attises: Persius and Nero // *AJPh* 99. 159–170
- Turnèbe 1599 – *Adriani Turnebi Adversariorvm Tomi III*. Argentinae.
- White 1972 – Review: Beikircher. Kommentar zu VI. Satire des Persius // *CPh* 67. 59–61.
- Witke 1984 – E. C. Witke. Persius and the Neronian institution of Literature // *Latomus* 43. 802–812.
- Zetzel 1981 – J. E. G. Zetzel. *Latin Textual Criticism in Antiquity*. New York
- Кузнецов 2006 – А. Е. Кузнецов. *Ars brevis*. Латинская метрика. Тула.
- Позднев 1998 – М. М. Позднев. Цезий Басс в стихах Персия // *Hypoboreus* 4. 73–94.
- Снелль 1999 – Б. Снелль. *Греческая метрика*. М.

«ПУТЕШЕСТВИЕ ЭГЕРИИ К СВЯТЫМ МЕСТАМ» 4:

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЖАНРЕ ПАМЯТНИКА, А ТАКЖЕ ТЕКСТ И КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВАМ I–III*

Подготавливая второй раздел моего исследования к публикации¹, я по просьбе редактора написал довольно пространное французское резюме и с удивлением обнаружил, что я вовсе не уверен в своих собственных выводах: в тексте я относил язык «Паломничества» к латыни, а в резюме – к исидоровской миксте². К тому же и сам термин «микста» нуждается в дальнейших уточнениях и исследованиях.

Но надо учитывать тот факт, что наши возможности реконструировать языковую ситуацию в Римской империи конца IV в. н. э. довольно ограничены. Мы располагаем 1. ценной аналогией в виде языковой ситуации в современной Греции (наличие промежуточных «регистров» между кафареусой и димотики³) и 2. рядом «социолингвистических пассажей» у латинских авторов (см. Пут. 2) и 3. *praefationes*, предисловиями к сочинениям поздних авторов, где последние обычно используют «формулу скромности», представляя на суд публики свое сочинение⁴.

К сожалению, «Путешествие» не содержит никаких предисловий, так как начало первого письма безвозвратно утрачено: мы застаем нашу паломницу на Синае, и это уже третий год ее пребывания в Святой Земле (гл. XVII, 1). Оттуда она едет в Египет, но не дальше Дельты, так как Александрию и знаменитую Фиваиду она успела посетить раньше (IX, 1). Там она, доехав до государственной трассы / тракта (*iter publicum*) Фиваида – Пелусий, отпускает сопро-

---

* К сожалению, моя предыдущая публикация на эту тему (Черняк 2007₂) оказалась неудачной из-за моих собственных недоработок и произвольных редакторских вставок и купюр. Я повторяю ее с прибавкой еще одной главы «Паломничества».

¹ См. Черняк 2007₁ (далее Пут. 2).

² О миксте см. мою статью (Черняк 2006₁).

³ См. R. Browning. Greek diglossia yesterday and today // Intern. J. Soc. Lang. 35 (1982) 49–68; idem. The mediaeval and modern Greek. 2 ed. Cambridge 1983; A. Mirambel. Les „Etats de langue“ dans la Grèce actuelle // Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris. Vol. V (1937) 19–53.

⁴ Впервые их собрал Шарль Дюканж в своем собственном *praefatio*, см. подробнее мою статью (Черняк 2004₁).

вождавших ее солдат и по этому тракту, идущему вдоль берега Средиземного моря, возвращается в Палестину и далее в Иерусалим (IX,7). Затем через некоторое время она посещает гору Набау/Небо в нынешней западной Иордании, связанную с именем пророка Моисея; там тоже повсюду есть монастыри, где ее радушно принимают; прямо из дверей церкви видно вдали Мертвое море и те места, где некогда стояли города Содом и Гоморра (глл. X–XII). Далее описывается аналогичная экскурсия в Карнеас (где-то в Сирии), город библейского Иова, где сохранилась его могила (глл. XIII–XVI – большая часть рассказа паломницы погибла в лакуне).

По возвращении она принимает решение отправиться на родину, так как прошло уже полных три года со дня ее приезда в Иерусалим (XVII, 1). В XII в. паломники из Прованса нередко плыли морем в Святую Землю (трубадура Жофре Рюделя, как известно, сняли полумертвым с корабля в Триполи), но Эгерия предпочитала более безопасный способ передвижения – по суше, т. е. через Антиохию и Константинополь. По пути она посещает Эдессу, город апостола Фомы и благочестивого царя Аггара / Абгара (для этого ей приходится переправиться через Евфрат, который она сравнивает с Роданом / Роной, гл. XVIII, 2), а также Харру, где еще чтут память об Аврааме, его невестке Ревекке и внуке Иакове, пришедшем туда свататься к дочерям Лавана (гл. XX). Вернувшись в Антиохию, она продолжает свой прерванный путь в Константинополь через Киликию, но из Тарса она через Помпейополь и Корики едет в Селевкию Исаврийскую чтобы посетить гробницу св. Феклы, а также свою приятельницу, диакониссу Марфану. Вернувшись в Тарс, Эгерия пересекает горы Тавра и через Каппадокию, Галатию и Вифинию прибывает в Халкедон, а затем и в Константинополь. Там она ходит по церквам, благодаря Господа за исполнение ее желаний и пишет на родину своим сестрам монахиням (XXIII, 10). Речь почему-то идет не о скором отъезде, а об очередной экскурсии, на этот раз в Эфес к гробнице апостола Иоанна, а потом, возможно, куда-нибудь еще, о чем она обещает рассказать в следующем письме или лично.

Далее идет весьма подробное описание (глл. 24–49) литургии в Иерусалиме, предназначенное для ее монахинь; ни начало, ни конец этого письма не сохранились. Обе части «Путешествия» предлагают обозначать как *Itin. A* и *Itin. B* (Smiraglia 1990)⁵.

Как видно из этого резюме, писем, вероятно, было несколько. В них описывался и Константинополь, и Антиохия, и сам Иерусалим,

---

⁵ Я приношу искреннюю благодарность коллеге др. Ф. М. Шереру (Гейдельберг) за ксерокопию этой статьи, а также сотруднику РНБ Ю. Полуэктову, впоследствии выписавшему весь том «Актв», равно как и целый ряд важных изданий нашего памятника.

и Александрия, и Фиваида. Во всяком случае рассказ о путешествии в Иерусалим и о двух с половиной годах пребывания на христианском Востоке не сохранился.

Очень важно и то обстоятельство, что языковой узус обеих частей «Путешествия» обнаруживает некоторые отличия. В первой части обычно употребляется термин *monachi*, во второй – *monazontes*⁶; в первой слово *sanctus* используется применительно к людям (епископам, священникам и т. д.), во второй – к зданиям Иерусалима⁷; «артиклоид» *ipse* характерен преимущественно для первой части⁸; то же самое можно констатировать и для многих других «испанизмов» Эгерии: *mature*, *-ius* ‘рано утром’, ср. исп. *madrugar*, *madrugada*; (*se*) *plicare*, ср. исп. *llegar* ‘приходить, достигать’; *fui ad ecclesiam*, *superare* ‘быть в излишке’; *adhuc* ‘еще’⁹. Из этого следует, что вторая часть написана позже первой¹⁰: после нескольких лет путешествий по христианскому Востоку латынь Эгерии претерпела некоторые изменения. Впрочем, возможны и другие объяснения.

Помимо всего этого надо учитывать и тот факт, что Эгерия, помимо, писала не сама: у нее явно была секретарша, несомненно привезенная ею из Испании (Галисии?) монахиня. Именно на ее счет следует отнести многочисленные случаи замены окончаний *-it* на *-et* и *-unt* на *-ent*. Это столь характерное для испанского языка явление – ср. парадигму наст. индик. лат. *facio*, *facis*, *facit*, *facimus*, *facitis*, *faciunt* и исп. *hago*, *haces*, *hace*, *hacemos*, *hacéis*, *hacen* – встречается как в первой, так и во второй части: за время паломничества секретарша явно не стала намного грамотнее¹¹.

Таким образом, в результате всех предпринятых мною микроисследований (Пут. 1–3 + французская статья) мы должны получить

⁶ См.: Natalucci 1999: 34, nota 112.

⁷ Ibidem со ссылкой на Smiraglia 1990: 103–106.

⁸ N. Natalucci. Loc. cit.

⁹ См. мою статью: Sur l'*Itinerarium Egeriae* 25,5 *contra mature* // Romanica Petropolitana II (в печати), с. 14 рукописии.

¹⁰ Прямо противоположное мнение высказал П. Смиралья, см.: Smiraglia 1990: 107–108, nota 71 и его статью: Smiraglia 1991. Автор исследует в ней, «как Эгерия использует греческие слова и выражения, усвоенные ею во время ее путешествий по Востоку». Из приведенных автором материалов, как и из работ его предшественников, тем не менее следует, что во второй части грецизмов гораздо больше, чем в первой. В частности исследованный мною в неопубликованной французской статье оборот 25, 5 *contra mature* ‘под утро’, явная калька с греческого (см. также: Черняк 1976: 297–315, особенно 308–309, прим. 76), встречается именно во второй части.

¹¹ См. цит. в прим. 9 статью.

более точное (нюансированное) представление о языке Эгерии и о ней самой. Все это следовало бы воплотить в соответствующем комментированном издании текста, тем более что замечательный финский латинист В. Вянянен, оставивший нам очень важную монографию о языке «Паломничества», подобной попытки не предпринял. Впрочем, в его главном труде, «Введении в вульгарную латынь», в антологии текстов наш памятник неплохо представлен¹². Эти, увы! всего пять страниц, вероятно, в недалеком будущем станут стартовой площадкой для нашего собственного издания.

Введение к тексту

В критическом аппарате приводятся чтения рукописи **A** (=Aretinus). Большинство исправлений очевидны¹³. (...) означает устранение лишней буквы, <...> – добавление. Цифра в круглых скобках в аппарате и комментарии – это номер строчки в главе. Фамилии издателей и ученых тоже стоят в курсиве. Я пишу *u-* в начале слова, так как в Испании, откуда родом наша паломница, никогда не было губнозубного [v].

- I. 1.....ostendebantur iuxta scripturas. Interea ambulantes peruenimus ad quendam locum, ubi sex tamen montes illi, inter quos ibamus, aperiebant et faciebant uallem infinitam, (ingens) planissima<m> et ualde pulchram, et trans uallem apparebat mons Dei sanctus Syna.
- 5 Hic autem locus, ubi se montes aperiebant, iunctus est cum eo loco, qu<o> sunt Memoriae concupiscentiae. 2. In eo ergo loco cum uenitur, ut tamen commouerunt deductores sancti illi, qui nobiscum erant, dicentes: “Consuetudo est, ut fiat hic oratio ab his, qui ueniunt, quando de eo loco primitus uidetur mons Dei”: sicut et nos fecimus.
- 10 Habebat autem de eo loco ad montem Dei forsitan quattuor milia totum per ualle<m> illa<m>, quam dixi <infinitam> (ingens).

I,1(2) se(x) *Gam.* 1(3) et 2 (11) (ingens) *seclusi* 1(4) Dei sanctus *transpos. Chol., cf. III,2 et IX,6 sanctus Dei A* 1 (6) qui **A** *corr. Gam.*

---

¹² См.: Väänänen 1981 (далее Introd.). P. 189–192 (текст, гл.л. 1–3 и 36) и 213 (комментарий) и, как дополнение к этому, Piescu-Slusanski 1991: 132–138 (с. I–II, далее Piescu-Slusanski). В комментарии постоянно цитируется монография Вянянена о языке «Паломничества»: Väänänen 1987 (далее *Etude ling.*), а также: Löfstedt 1911 (далее *Komm.*); van Oorde 1930 (далее *Lex. Aeth.*); Hofmann, Szantyr 1965 (далее *Lat. Syntax*); переводы: Maraval 1982 (далее *Maraval*); Natalucci 1999 и Röwekamp, Tönnies 1995.

¹³ См. мою статью: Черняк 2006₂ (далее Пуг.1).

КОММЕНТАРИЙ

Посещение горы Синай и сегодня в моде: Михаил Задорнов описал это в одной из своих концертных программ; существует и печатная версия. Я включил эту передачу далеко не сразу и поэтому не знаю, откуда и как он добирался до Синая (есть автобусные экскурсии из Иерусалима). Эгерия почти наверняка ехала из Иерусалима, сначала по государственному тракту вдоль берега Средиземного моря до г. Пелузий в дельте Нила, отсюда по трассе будущего Суэцкого канала до Клизмы (Clysma = Суэц) на берегу Красного моря и далее вдоль по берегу моря к горе Синай. Как только она свернула с государственного тракта, ее сопровождал отряд солдат, которых она отпустила на обратном пути в городке Арабия в дельте Нила (IX, 3).

Описание приближения к Святой горе не очень вразумительно из-за эмоциональных повторов и ошибки (?) копииста (см. ниже). Но здесь нам приходит на помощь живший в начале XII в. монтекас-синский библиотекарь Петр Диакон, который в своем сочинении *De locis sanctis* использовал нашу рукопись (сам он ни в Святой земле, ни на Синае никогда не был; соответствующий текст его компиляции напечатан в приложении к последнему немецкому изданию: эта традиция идет от первого издания Гамуррини 1887 г.):

Petr. Diac. *De locis* Z I–2. *Antequam vero pervenias ad montem Syna, sunt sex montes qui faciunt vallem infinitam, planissimam et valde pulchram. Trans vallem vero apparet mons sanctus Dei Syna. Locus autem ubi se montes aperiant iunctus est cum eo loco ubi sunt sepulchra concupiscentiae. A loco autem unde videtur usque ad montem Syna sunt per vallem ipsam quadtuor milia passuum* (Röwekamp – Tönnies 118)

I,1(2). В пересказе Петра Диакона глагола *aperiebant* нет, а *sex* есть, поэтому конъектура Гамуррини *se(x)* мне кажется сомнительной. К тому же безударное (и даже ударное) *tamen* нигде не стоит после такого же *se*, см. *Lex. Aeth.* 201–202, s. v., где собрано 66 примеров. Или, если «Шестигорье» топографически не подтверждается (о топографии Синая и маршруте Эгерии см. J. Wilkinson. *Egeria's Travels. Newly translated etc.* London, 1971(1973) 213 ff. с картой на с. 92), лучше писать *ubi tamen se*; о позиции *tamen* см. J. Marouzeau. *L'ordre des mots dans la phrase latine.* Paris, 1949, 95–98 с массой примеров. Конъектура *ses<e> tamen* в антологии Piiescu-Slusanski (см. прим. 12) тоже не очень убедительна, так как редупликация (удвоение) *sese* у Эгерии отсутствует, см. *Lex. Aeth.* 186–187 s.v. *sibi*. Кроме того, вероятный источник конъектуры, *Liv. XXIII, 44, 6 eo die tenuerunt sese tamen munimentis*, приведенный у Марузо (J. Marouzeau. *Op. cit.* 97) не соответствует исследуемому

нами пассажу, так как речь там идет о явно обычном, противительном *tamen* (см. ниже).

Наречие (и частица) *tamen* открывает собой знаменитый «Комментарий» Эйнара Лефстеда. Он подробно говорит о ее значениях: адверсативном, рестриктивном (ограничительном) и ослабленном (соединительном = *autem*, δέ); последнее он относит к поздней латыни (Komm. 27 ff., ср. Lat. Syntax 496–497, § 267 Zusätze a). К сожалению он ничего не говорит о том, что это слово (частица) не сохранилось в романских языках и, следовательно, вряд ли принадлежало обыденной речи. Стало быть, это или факт письменного языка или грецизм, скорее всего и то, и другое.

I.1 (2) *montes illi* – Это еще не артикль, а так называемый «артиклоид», т. е. указательное местоимение на пути к артиклю, см. Etude ling. 51. Обратит внимание на чисто латинский порядок слов в этой конструкции, постпозицию определения, сохранившуюся только в румынском с его постпозитивным артиклем: рум. *muntele* < *monte(m) ille* – множ. ч. *munții* < *monti illi*, см. Istoria limbii române II. București 1969, 233–234 (I. Coteanu). Уже из этого примера видно, что Эгерия пишет по латыни, а не на латинизированном испанском, где артикль препозитивный, ср. исп. *el monte* – *los montes*.

I,1 (3) *faciebant uallem* – Вместо класс. *efficiebant* (Etude ling. 151; Piescu–Slusanski, 133. п. 3). На самом деле все это недоразумение: ThLL V s. v. *facio* 99, 16–30 содержит аналогичные примеры начиная со II в. до н. э.: Аккий, Варрон, Саллюстий и т. д. включая и данное место из «Паломничества», ср. Liv. XXVII, 11, 8 *promuntoria...quae portum faciunt*.

Несколько раньше, прежде чем я смог разобраться в огромной статье Тезауруса, я обнаружил два примера в SHA: Max. 30, 2 *lanceola sic fissas est fulmine, ut tota etiam per ferrum finderetur et duas partes faceret* (vol. II, 27, 2–4 Hohl) и A. 29, 3 *dicitur enim sandyx Indica talem purpuram facere, si curetur* (II 171,17–18 Hohl), см. C. Lessing. SHA Lexicon. Leipzig, 1901–1906, 195a s.v. *facere* 3.

Проблему *simplex pro composito* рассматривает E. Löfstedt, Komm. 58 на примере пары *pareo* 2 – *appareo* (у Эгерии почти всегда с дифференциацией значений *sichtbar sein* – *sichtbar werden*), ссылаясь на J. Rönsch. Itala und Vulgata. Marburg; Leipzig, 1869, 374 и M. Bonnet. Le latin de Grégoire de Tours. Paris, 1890, 234. В последней работе можно найти ряд любопытных примеров из Григория Турского и других поздних авторов типа *pactionem* (*pacem*) *firmare* вместо *confirmare*; patr. 19, 1 *quintus iam fluxerat dies* вместо *effluxerat*; h. Fr. 2, 7 *monet omnes prosterni* вместо *admonet*: несколько примеров на *manum ponere* вместо *imponere*. Сюда же, по-видимому, относится и (*se*) *plicare* ‘сгибать(ся)’, откуда исп. *llegar* и рум. *a*

pleca и (*se*) *applicare* ‘направляться, приближаться’, см. V. Väänänen. *Introd.* 97, § 208, наконец, фр. *voler* в значении ‘воровать’, появляющееся только в XVI в. и скорее всего из окс. *envolar*, ср. ст.-фр. *embler* < *involare* (Cat., Petr.); иначе E. Gamillscheg, FEW² 900 s. v. *vol*.

I,1 (3) *uallem...ingens*. – Есть еще два примера аналогичного отсутствия согласования, I, 2 (11) *per uallem illam, quam dixi ingens u XIX,6 ostendit michi archiothepam (= statuam, ср. р. архемун) ipsius, ingens, simillimam,... marmoream*. Считается, что с морфологией, т. е. в данном случае с третьим склонением, у Эгерии вроде бы все в порядке (см. *Etude ling.* 22 слл., 163); применительно к *ingens*, встречающемуся в «Путешествии» 20 раз, ср. V, 4 *petram ingentem*, VIII, 2 *statuae...ingentes*; XXIV, 7 *candelae...ingentes*. Часть издатель относит *ingens* к *infinitam*, другие к *planissimam*, третьи обособляют запятыми, см. *Etude ling.* 93–94. Сам Вянянен примыкает к последней группе и во всех трех случаях рассматривает наше слово как несклоняемое и как эмфазу (*attribut emphatique*), т. е. что-то вроде разговорного русского *супер*. Румыны (Iliescu–Slusanski: 132) тоже ставят в запятыx, но никак не объясняют: также поступает и Наталуччи, но последняя не только дает перевод: «...una valle sconfinata, immensa, completamente pianeggiante e molto bella», но и подробно освещает проблему (Natalucci 1991: 66–67; 234–235). Мне лично кажется, что в I,1 и I,2 *ingens* это глосса или редакторская правка к *infinitam* (*ingens*, добротное латинское слово, было надписано непосредственно над очевидно романским *infinitam* где-то в V–VI вв. и впоследствии, при копировании «глоссированной» рукописи, попало в текст). К стати в данном случае убрав глоссу мы получаем стандартную триаду (о триадах см. M. L. Angrisani Sanfilippo. *Nota a Aetheria* I,1 // *Rivista di cultura classica e medievale* 26 (1984) 143–146, цитированную в примечании Наталуччи), а в XIX, 6 следует писать ... *ingentem, marmoream et...simillimam*, опять-таки с весьма характерной для Эгерии триадой. И немного о транспозиции: *marmoream* могло быть пропущено каким-нибудь копиистом, добавлено корректором на полях или между строк и при очередном копировании рукописи поставлено не на свое место.

I,1 (4) *montem Dei sanctum Syna* – транспозиция (= перестановка) Холодняка (см. *Peregrinatio ad loca sancta saec. IV exeuntis edita, rossice versa, notis illustrata*. Издал И. Помяловский (р. 257–262: *adnotationes criticae, quas composuit I. I. Cholodnjak*) // Палестинский сборник. Т. 7, вып. 2. СПб., 1889) далеко не случайна: в III, 2 и IX, 6 мы находим именно такой порядок слов: еще чаще встречается просто *mons Dei* (см. ниже). Его никто не принимает (т. е. не ставят

в текст), но почти все упоминают в критическом аппарате. Русское издание появилось сразу же вслед за первой публикацией текста и европейские исследователи были вынуждены его учитывать, тем более что конъектуры Санкт-Петербургского приват-доцента были всегда оригинальны и обоснованы. Русский перевод, как правило, не принимался во внимание: русского, как и сегодня, и тогда не знали, хотя к русским филологам в целом относились лучше, чем сейчас.

I,1 (6) *Memoriae concupiscentiae* – в Числах XI, 31–35 есть рассказ о том, как Господь именно в этом месте, у подножья горы Синай, послал бежавшим из Египта евреям во главе с Моисеем целое стадо перепелов, но жестоко покарал многих из них за чрезмерное чревоугодие. Эгерия имела в виду *nawamis*, ‘комары’ (по местному преданию, в них спасались от комаров), невысокие круглые каменные сооружения с плоской крышей, диаметром в 3 м., видимо, что-то вроде геленджикских долменов (они датируются IV–III вв. до н. э.), существующие и поныне. Местные археологи их изучают; это во всяком случае не могилы. Отметим, что Эгерия переводит *μῆματα τῆς ἐπιθυμίας* Септуагинты (в Вульгате стоит *sepulchra* в соответствии с др.-евр. *Kibrot Taava*, ср. ц.-слав. «гробы похотения»). Возможно, она использовала *Vetus Latina* или же это влияние ее гидов, греческих (или говоривших по-гречески) монахов. Вообще расхождения с Вульгатой в «Паломничестве» очень часты.

I,2 (6–7) *In eo ergo loco cum uenitur* – Согласно словарю Ван Орде, *in + асс.* встречается в «Паломничестве» 41 раз, в том числе выражая направление движения 23 раза (*Lex. Aeth.* 98–99). Ни разу со словом *locus*, которое всегда стоит в *abl.* (это отмечено и в *Etude ling.* 26). Какую роль тут сыграли раннесредневековые копиисты (в VII–VIII вв. формы *locum* и *loco* были взаимозаменяемыми, см. V. Väänänen. *Introd.* 117, § 257; *Etude ling.* 25–26), я не знаю. Ср. I,1 (2) *peruenimus ad quendam locum*.

I,2 (8) *ab his* – Конкуренция демонстративов *hic* и *is* – факт не только поздней, но и ранней и даже серебряной латыни, см. V. Väänänen. *Introd.* 120, § 270; *Lat. Syntax* 181 *Zusätze a*). Но в романских языках обоих соперников вытеснили *iste* и *ille* (*Introd.* §274).

I,2 (9) *quando de eo loco primitus uidetur – primitus* (неклассич.) ‘в первый раз’, ‘прежде, раньше’ популярно в поздней латыни и у Эгерии (7 раз), но уступает *primum* (24 раза), см. *Lex. Aeth.* 157; исп. *primero*, ит. *prima*.

I,2 (10) *Habebat* – Один из первых по времени примеров безличного *habet*, ср. фр. *il y a*, исп. *hay* etc., см. *Introd.* 128, § 296. Другие

примеры: *Itin.* XXIII, 2 *habebat de civitate forsitan milia quingentos passus*; *SHA, Tac.* 8,1 *habet in bibliotheca Ulpia librum elephantinum.*

I,2 (10) *de eo loco ad montem Dei* – о конкуренции *de* и *abla* см. *Lat. Syntax* 263, § 146; *Etude ling.* 35–36. В «Паломничестве» статистика резко в пользу первого: 130/50 в местном значении, 28/13 во временном. Позиция *ex*, впрочем, гораздо хуже. Любопытно в этом плане ит. *da < de+ab: vengo da Roma* «я приехал из Рима»; не путать с более поздним *da < di + a: casa da affittare* «дом в наем (= сдается дом)».

I,2 (11) *totum* – в функции наречия, ср. фр. «*en tout*», ср. III,1 *totum ad directum* «*tout droit*»; XX, 8; XXXI, 4, *Etude limg.* 101; E. Löfstedt. *Komm.* 49; E. Wölfflin в *ALLG IV*, 144 ff.

I,2 (11) *quam dixi ingens* – согласно тому, что было сказано выше, я должен писать в критическом аппарате *q.d. [ingens] infinitam Chern.* Если бы я рискнул ввести свое чтение в текст, пришлось бы добавить *q.d. ingens A.* В любом случае понятно, что я считаю, что глосса «съела» стоявшее под ней слово.

II. 1. *Uallis autem ipsa ingens est ualde, iacens subter latus montis Dei, quae habet forsitan, quantum potuimus uidentes <a>estimare aut ipsi dicebant, in longo milia pass<u>s forsitan sedecim, in lato autem quattuor milia esse appellabant. Ipsam ergo uallem nos tra<ns>uersare habebamus, ut possimus montem ingredi.* 2. *Haec est autem uallis ingens et planissima, in qua filii Israhel commorati sunt his diebus, quod sanctus Moyses ascendit in montem D<ei> et fuit ibi quadraginta diebus et quadraginta noctibus. Haec est autem uallis, in qua factus est uitululus, qui locus usque in hodie ostenditur; nam lapis* 10 *grandis ibi fixus stat in ipso loco. Haec ergo uallis ipsa est, in cuius capite ille locus est, ubi sanctus Moyses, cum pasceret pecora soceri sui, iterum locutus est ei Deus de rubo in igne.* 3. *Et quoniam nobis ita erat iter, ut prius montem Dei ascenderemus, qui hinc paret, unde ueniebamus, <et> melior ascensus erat, et ill<in>c denuo ad illud* 15 *caput uallis descenderemus, id est ubi rubus erat, quia melior descensus montis Dei erat inde: itaque ergo hoc placuit, ut uisis omnibus, quae desiderabamus, descendentes a monte Dei, ubi est rubus, ueniremus, et inde totum per mediam uallem ipsam, qua iacet in longo, rediremus ad iter cum hominibus Dei, qui nobis singula* 20 *loca, quae scripta sunt, per ipsam uallem ostendebant, sicut et factum est.* 4. *Nobis ergo euntibus ab eo loco, ubi uenientes a Faran feceramus orationem, iter sic fuit, ut per medium transuersaremus caput ipsius uallis et sic plecaremus nos ad montem Dei.* 5. *Mons autem ipse per gir<um> quidem unus esse uidetur; intus autem quod* 25 *ingrederis, plures sunt, is sed totum mons Dei appellatur, specialis*

autem ille, in cuius summitate est hic locus, ubi descendit maiestas Dei, sicut scriptum est, in medio illorum omnium est. 6. Et cum hi omnes, qui per girum sunt, tam excelsi sint quam nunquam me puto uidisse, tamen ipse ille medianus, in quo descendit maiestas Dei, 30 tanto altior est omnibus illis, ut, cum subissemus in ill<um>, prorsus toti ilh montes, quos excelsos uideramus, ita infra nos essent, ac si colliculi permodici essent. 7. Illud sane satis admirabile est et sine Dei gratia puto illud non esse, ut, cum omnibus altior sit ille medianus, qui specialis Syna dicitur, id est in quo descendit maiestas 35 Domini, tamen uideri non possit, nisi ad propriam radicem illius ueneris, ante tamen quam eum subeas; nam posteaquam completo desiderio descenderis inde, et de contra illum uides, quod, antequam subeas, facere non potest. Hoc autem, ante]quam perueniremus ad montem Dei, iam referentibus fratribus cognoueram, et postquam ibi 40 perueni, ita esse manifeste cognoui.

II, I (3) passos A 2 (7) Dei *Geyer* (in nota) Domini (vel dni?) A 3 (9) quia hinc parte *Chol.* quia hac parte *Erkell, Prinz, Maraval, Iliescu-Slusanski* <quia> u.v. *Geyer* (10) <et> *scripsi* (10) illinc *Geyer* illuc A. 5(16) giro A 6(21) in illo A.

КОММЕНТАРИЙ

II, I (1) *uallis... ipsa* – большинство ученых видят здесь указательное местоимение на пути к артиклю: *cette vallée* (Lex. Aeth. s. v. p. 109, II 1); *Maraval, Piescu-Slusanski, V. Väänänen*. Introd. § 275, *Etude ling.* 49–50, ср. комм. к I, I (2) *montes... illi*; *Siniscalco-Scarampi* [Roma 1985], *Natalucci*), но другие не усматривают ничего особенного кроме обычного значения определительного местоимения: *das Tal selbst* (*Röwekamp-Tönnies*). Решить, кто в данном случае более прав, на мой взгляд, почти невозможно. Проблема возникновения романского артикля по-прежнему остается актуальной. Замечу попутно, что при анализе примеров лично я уделяю особое внимание существующим переводам на современные европейские языки: лингвистика должна не замыкаться в себе, а опираться на практику, т. е. на конкретные интерпретации.

II, I (1) *iacens subter latus montis* – предлог *subter* ‘под’ (ср. ит. *sotto*, фр. *sous*, рум. *dedesubt* < *subtus*; это наречие вытеснило предлог *subter* и отодвинуло *sub*, сохранившееся в рум. *sub* и в ст.-исп. *so*, см. REW 8344, 8397, 8402). *Subter* у Эгерии употребляется только с асс., см. Lex Aeth. 193 s.v.: IV, 8 s. *nos inde uidebamus*; X, 4 *campus... est...s. montes Arabiae* etc. (6 примеров). Впрочем, это почти норма: OLD p. 1852 s. v.: «usually with *acc.*». Важно то обстоятельство, что именно однопадежным предлогам *subter* и *infra* (2

примера) Эгерия отдает предпочтение перед «романским» (и испанским), но двухпадежным *sub* (2 примера, XXIII, 6 *sub monte Tauro*; XXV, 9 *sub presentia matris suae* «в лице своей матери», Etude ling. 43–44). Ср. *infra nos* II, 6 и III, 8.

II,1 (3) *passos* – о том, что четвертое склонение имен м. р. слилось с вторым, знает каждый студент (первые примеры уже в Помпеях: 1714 X *passi* nom. pl., Introd. 106, § 231). Тем не менее я затруднился бы приписать этот и XXI, 4 *ad quingentos passos* самой Эгерии, так как вин. мн. ч. *passus* встречается в рукописи «Паломничества» 9 раз: *plus quam quingentos passus de mari* VI,1 etc., см. Lex. Aeth.147 s.v.; Etude ling. 23.

II,1 (4) *Ipsam ergo uallem* – здесь уже анафорическое (= указательное) значение *ipse* бесспорно, ср. Dienes Tal ...also (Röwekamp-Tönnnes) и исп. *ese* ‘этот’ (Iliescu-Slusanski 135, n.16)..

II,1 (5) *tra<ns>uersare habebamus* – рук. *trauersare* соблазнительно сравнивать с исп. *atravesar* и *atrás* ‘назад, раньше’, фр. *traverser* и *très* ‘очень’ < *trans* и т. д., см. REW 8860, но в той же главе есть и II,4 (22) *ut per medium transversaremus*, и я не рискну приписывать романскую форму самой Эгерии.

Конструкция с *habere* вытеснила в романских язвах латинский оборот *esse* + ger.; *nobis tra<ns>uersandum erat* Iliescu-Slusanski 135, n. 17 (румынский сохранил обе конструкции). Латинисты рассматривают ее как кальку с греческого (ἐχω+ inf.); у Цицерона она встречается только с глаголами типа *dicere*; дальнейшее распространение происходит в христианской латыни (Itala, Tert.), см. Lat. Synt. §175 g), S. 314–5. О романском будущем см. Introd. 131, § 303.

II,2 (7) *his diebus, quod* – относительно *his* см. выше, комм. к I,1 (8). *Quod*, «универсальный союз», употребляется и во временных контекстах, ср. II, 5 *intus autem quod ingrederis*; XXVIII, 2 *quod manducauerint mane*, см. Etude ling. 119, Iliescu-Slusanski 135, n. 18.

II,2 (7) *montem Domini A* – Гейер не решился поставить свою конъектуру в текст, ограничившись примечанием и, на мой и Ван Оорде взгляд, напрасно, см. Lex. Aeth. 57 s. v. *Dominus* (11 примеров относительно Господа Ветхого Завета). Это слово, как и прочие *nomina sancta*, обычно писалось лигатурой, см. А. Д. Люблинская. Латинская палеография. М.1969, сс. 40–43 и *dei* легко спутать с *dni*. Что именно стоит в рукописи, я, естественно, не знаю.

II,2 (8) *quadraginta diebus et quadraginta noctibus* – ср. Вульгату: Exod. XXIV,18. Для вульгарной и вообще поздней латыни это довольно редкий случай: аблатив, вытесняющий аккумулятив, сугубо «романский» падеж! Тем не менее, в данной конструкции это

норма, ср. рус. *целый год* = лат. *toto anno* (13 примеров у Эгерии), см. *Introd.* 112, § 245; *Etude ling.* 30; *Introd.* (антология) 176, 207–208 (SICV 143: надпись из катакомб св. Агнесы в Риме – *que fecit teci ani<s> XVIII...qui bixit anis XLII*); *Iliescu–Slusanski* 135, n. 19; *Lat. Syntax* 41, § 46 b).

II,2 (9) *usque in hodie* – in «приблудное» (*adventice* – Vään.) т. е. по аналогии с оборотами *usque in lucem* etc. ‘вплоть до рассвета’; возможно также, Эгерия ощущала *hodie* как аблятивный оборот. Согласно словарю Менге, «(вплоть) до сегодняшнего дня» = *hucusque, adhuc, usque ad hunc diem, hodie etiam* (Menge). Оборот Эгерии ближе гр. ἄχρι (μέχρι) ὕψ.

II 2 (10) *ibi fixus stat* – очень напоминает исп. *está fijado allí*.

II 2 (10–11) *in cuius capite* – à l’extrémité de laquelle, ср. исп. *cabo, acabar*, фр. *achever*, рум. *capăt* и мою статью: Еще раз о кельтском субстрате в романских языках (контаминация *caput* х *quenno) // *Кельты и кельтские языки*. Вып. 1. М., 1974, 63–71. Рёвекамп (Röwekamp–Tönnies 121. Anm. 5) понимает это место как *caput vallis* ‘Anfang eines Wadis’, см. E. Mian. *Caput vallis* al Sinai in *Eteria* // *SBFLA* (*Studia Biblica Franciscana*) 20 (1970), p. 209–223.

II,2 (12) *iterum locutus est ei Deus de rubo in igne* – Исход 3, 1–4; 15; 4, 6; «снова» у Эгерии *denuo* (50 раз), см. *Lex. Aeth.* 50–51 s.v., что соответствует исп. *de nuevo* (= *otra vez*). фр. *à nouveau*, рум. *din nou*. Обычное в Вулгате *rursum* (*rursus*) вообще здесь отсутствует (кстати, его нет в REW, вероятно, оно совпало с *russus* ‘рыжий’, ср исп. *rojo* ‘красный’, ит. *rosso*, рум. *roși* и т. д.); *iterum* только здесь, но есть *iteratus* (3).

Rubus in igne ‘неопалимая купина’ (куст, кустарник, собственно ‘терновник’) > ит. *rovo* (*roveto*), *rogo*, рум. *rug* ‘ежевика’, см. REW 7414. Более детальное описание этой святыни см. в IV,7: там много монастырей и церковь, перед которой разбит сад и в нем находится купина.

II,3 (13) *qui hinc paret* – многие думали и думают, что текст здесь явно испорчен. Первым за него взялся И. И. Холодняк (см. критический аппарат). О. Принц и П. Мараваль принимают конъектуру Эркеля *quia* *hac parte*, но немцы (Рёвекамп и Тённес 1995, с. 120) предпочитают исправление Гейера, а Наталуччи склонна к компромиссу (Natalucci 1991, 70): *quia hinc, parte* (*unde ueniebamus* etc.). На мой взгляд конъектура Эркеля слишком радикальна, т. е. требует замены слишком многих букв (ср. мнение Вянянена в *Etude ling.* 158, который возвращается к конъектуре Холодняка) и к тому же упрощает текст, тем самым нарушая правило *praefertior est*

lectio difficilior (исправление должно быть сложнее рукописного чтения, т. е. современный ученый должен быть не глупее средневекового копииста). Надо ли особо подчеркивать, что *imp. coni. ascenderemus... et...descenderemus* зависит от *ut suppletivum* (*ut* дополнительное)?

II,3 (13) *qui...paret* – simplex pro composito, см. выше, комм. к I. 1 (3) *faciebant*

II,3 (16) *id est* ‘то есть’ – встречается у Эгерии 140 раз (!)

II,3 (18) *per mediam uallem* – ср. 22 *per medium transuersaremus* и фр. *parmi* ‘(по)среди’.

II, 3 (19) *rediremus ad iter* – т. е. *iter publicum* вдоль берега Красного моря. *Hominibus Dei* – монастырь св.Екатерины, судя по всему, еще не был построен, но монахи уже жили на Синае. (20) *loca, quae scripta sunt* – т. е. упомянуты в Св. Писании.

II,3 (20) *ostendebant* – этот отсутствующий в REW глагол встречается в «Паломничестве» 55 (!) раз, см. Lex. Aeth.145 s. v., а сугубо романское и нейтральное по тону *monstro* 1 – только 4: Эгерия старается писать по латыни.

II,4 (21) *uenientes a Faran* – совр. *Feirân*, городок (?) между Красным морем и Синаем. Об *ab/a* см. комм. к I,2(7) *de eo loco*.

II,4 (22–23) *ut...et sic plecarem nos ad montem Dei – et sic* «и затем», см. Etude ling. 116; о *sic* (*ac sic, et sic*) во временном значении, ср. ст.-фр. *si*, рум. *și* ‘и’, см. *ibid.* 115–6; Introd. 159, § 369. О *se plicare* ‘подойти’ см. выше и VI, 3 *plicauimus nos ad mare* и XIX, 9 *cum iam prope plicarent ciuitati*. Это тоже, вероятно, один из глаголов группы simplex pro composito (см. выше, комм. к I, 1 (3) *faciebant*), но из *se adplicare* трудно объяснить рум *a pleca* ‘уходить, уезжать’, см. Etude ling.154, п. 404; Iliescu–Slusanski 136, п.31. *Se plecare* с *-e-* явно более поздняя и более романская форма и очень вероятно, что она принадлежит не самой Эгерии, а ее секретарше (см. выше) или копиисту.

II,5 (23–24) *Mons...per gir<um>...unus esse uidetur* – ‘Гора снаружи (дословно ‘по окружности’, ср. III,1 (8)...per girum, ut dicimus in coslea) кажется единой’. Рукописное *per giro* не могло, разумеется, принадлежать самой Эгерии, хотя *per giro* встречается еще два раза: III,6 и XIX,10, см. Lex. Aeth. 85 s.v. *girus*; впрочем, *per* с асс. *giram* гораздо чаще: II,6 (28); III,1 (8); IV,4. VIII,1 etc. *Gyrus* (*gi-*) < = γῦρος присущает у Эгерии 15 раз: *in giro* (4); *per giro*; *in giro* (3) etc. Старая орфография с *-y-* в «Паломничестве» не представлена, как и в соответствующих глаголах V,5 *lapide girata* ‘окружены каменной оградой’(?) и XIX,8 *girant ciuitatem* и 9

pergirarent ...ciuitatem, см. Etude ling. 19. Впервые появляется уже у Цицерона (de or. III,19 [70] *oratorem ...in exiguum sane gyrum compellit*; off. I,90 – как цирковой термин, примерно как р. манеж). Глагол *gyrare* и предложенные наречия в ходу начиная с Италы. Вряд ли общероманское, скорее только ит. *giro, girare*; ст.-фр. и окс. *gir, girar* (с середины XIII в.) и рум. *jur*. REW 3937–8 дает не очень точные сведения. В испанском только с XV в., ср. *girasol* и фр. *tourne-sol* ‘подсолнух’ и т. д.

II,6 (30) *cum subissemus in ill<um>* – глагол *subeo* Lex. Aeth. 193 s. v. имеет то же управление, что и его синоним *ascendo* 3, т.е. он переходный, ср. (38) *ante...quam eum subeas*; III, 1 etc. или с *in*, но всего 3 примера из 11: XXIX, 5 *subit presbyter in altiori loco* и XXXI, 1 *subitur...in Inbomon* (храм в Иерусалиме). С *ascendo* ситуация определеннее: abl. однозначно присутствует только в обороте *ascendere in caelis*, см. Lex.Aeth. 30 s. v.: XVII, 1; XXXI, 1 etc. (6 примеров). Так что в обороте ‘подниматься на гору’ нормой для Эгрии будет винительный.

II,6 (31) *toti illi montes – totus* конкурирует с *omnis*, Etude ling. 57 с дополнительными примерами XXXVI, 3; XXXVII, 3. Это соперничество идет уже со времен Плавта, см. Introd.127, § 290. *Omnis* частично удержалось только в итальянском, и не очень понятно как.

II,6 (31–32) *ac si colliculi permodici essent – ac si* (7 раз) = *quasi* (1 раз, несмотря на исп. *casi* ‘почти’), см. Lat. Syntax 478, §255 с); Etude ling. 80; Introd. 159, § 369 (первый пример уже в Bell. Hisp.13,5, см. OLD 198 s.v. *atque* 14). Ср. дословный перевод ит. *come se* (Natalucci).

Colliculi – на самом деле гора Синай (Dschebel Musa, гора Моисея, 2292 м) на 300 м ниже соседней горы (Dschebel Qaterin, гора Катерины 2606 м), см.: Röwekamp – Tönnies 123, A.8.

II,7 (32) *sane satis* – в романских языках *satis* сохранился с усилением ad: ит. *assai*, фр. *assez*, но у Эгрии такие примеры очень редки, см. Lex. Aeth. 181 s.v. *satis*, Etude ling.130, 147.

II,7 (34) *ille medianus* – > фр. *moyen* ‘средний’, ит. *mezzano*, исп. *mediano* ‘посредственный’, REW 5452.

II,7 (37) *et de contra* – здесь ‘и издали’ (Erkell // Eranos 56 (1958) 41–58. Источник, однако, в Вульгате (или Итале): Ex. XXXIV, 3 *boves quoque et oves non pascantur e contra*.

II,7 (38) *facere non potest* – нормально *fieri non potest* или *facere non potes*, как предлагал П. Гейер.

7 (38) *Hoc autem, antequam perueniremus ... cognoueram* – в клас-

сической латыни здесь всюду индикатив, см. Etude ling. 81 и OLD 140 s. v. с примером: Cic. *ad Brut.* II,4 (=6,2), 5 *antequam tuas litteras acceperimus, audita res erat* – Вот перед нами чисто фольклорный мотив «волшебной горы» – в Св. Писании об этом ничего не говорится.

III. 1. Nos ergo sabbato sera ingressi sumus montem, et peruenientes ad monasteria quaedam susceperunt nos ibi satis humane monachi qui ibi commorabantur, praebentes nobis omnem humanitatem; nam et (a)ecclesia ibi est cum presbytero. Ibi ergo mansimus in ea nocte, 5 et inde maturius die dominica cum ipso presbytero et monachis, qui ibi commorabantur, cepimus ascendere montes singulos. Qui montes cum infinito labore ascenduntur, quoniam non eos subis lente et lente per girum, ut dicimus in coclea, sed totum ad directum subis ac si per parietem et ad directum descendi necesse est singulos 10 ipsos montes, donec peruenias ad radicem propriam illius mediani, qui est specialis Syna. 2. (H)ac sic ergo iubente Christo Deo nostro adiuta orationibus sanctorum, qui comitabantur, et sic cum grandi labore, quia pedibus me ascendere necesse erat, quia prorsus nec in sella ascendi poterat, tamen ipse labor non sentiebatur (ex ea parte 15 +autem+ non sentiebatur labor, quia desiderium, quod habebam, iubente Deo uidebam compleri): hora ergo quarta peruenimus in summitatem illam montis Dei sancti Syna, ubi data est lex, in eum id est locum, ubi descendit maiestas Domini in ea die, qua mons fumigabat. 3. In eo ergo loco est nunc ecclesia non grandis, quoniam 20 et ipse locus, id est summitas montis, non satis grandis est, quae (a)ecclesia habet de se gratiam grandem. 4. Cum ergo iubente Deo persubissemus in ipsa summitate et peruenissemus ad (h)ostium ipsius ecclesiae, ecce et occurrit presbyter ueniens de monasterio suo, qui ipsi ecclesiae deputabatur, senex integer et 25 monachus a prima uita et, ut hic dicunt, ascitis et (quid plura?) qualis dignus est esse in eo loco. Occurrerunt etiam et alii presbyteri nec non etiam et omnes monachi, qui ibi commorabantur iuxta montem illum, id est qui tamen aut etate aut inbecillitate non fuerunt impediti. 5. Uerum autem in ipsa summitate montis illius mediani 30 nullus commanet; nichil enim est ibi aliud nisi sola ecclesia et spelunca, ubi fuit sanctus Moyses. 6. Lecto ergo ipso loco omni(a) de libro Moysi et facta oblatione ordine suo, (h)ac sic communicantibus nobis, iam ut exiremus de (a)ecclesia, dederunt nobis presbyteri loci ipsius eulogias, id est de pomis, quae in ipso monte nascuntur. Nam cum ipse mons sanctus Syna totus petrinus sit, ita ut nec fruticem habeat, tamen deorsum prope radicem montium ipsorum, id est seu circa illius, qui medianus est, seu circa illorum, qui per giro sunt, modica terrola est; statim sancti monachi pro diligentia sua

arbusculas ponunt et pomariola instituunt uel <a>rationes, et iuxta
40 sibi monasteria, quasi ex ipsius montis terra aliquos fructus capiant,
quos tamen manibus suis elaborasse uideantur. 7. (H)ac sic ergo
posteaquam communicaueramus et dederat nobis eulogias sancti illi
et egressi sumus foras (h)ostium ecclesiae, tunc c<o>epi eos rogare,
ut ostenderent nobis singula loca. Tunc statim sancti illi dignati sunt
45 singula ostendere. Nam ostenderunt nobis speluncam illam, ubi fuit
sanctus Moyses, cum iterato ascendisset in montem Dei, ut acciperet
denuo tabulas, posteaquam priores illas fregerat peccante populo, et
cetera loca, quaecumque desiderabamus uel quae ipsi melius
nouerant, dignati sunt ostendere nobis. 8. Illud autem uos uolo scire,
50 dominae uenerabiles sorores, qui<a> de eo loco, ubi stabamus, id est
in giro parietes ecclesiae, id est in summitate montis ipsius mediani
ita infra nos uidebantur esse illi montes, quos primitus uix
ascenderamus, iuxta istum medianum, in quo stabamus, ac si essent
illi colliculi, cum tamen ita infiniti essent, ut non me putarem
55 aliquando altiores uidisse, nisi quod hic medianus eos nimum
praecebat. Egyptum autem et Palestinam et mare rubrum et mare
illu<d> Parthenicum, quod mittit Alexandriam, nec non et fines
Saracenorum infinitos ita subter nos inde uidebamus, ut credi uix
possit; quae tamen singula illi sancti demonstrabant.

III 1(6) coclea<m> *scripsi coclea(s) Löfstedt cocleas* sed A 2(11)
+autem+ *forsitan enim, 36,1?* (13) in eo id est loco/locum A.28 terrola
Chol. nerrola A.29 arationes Wölfflin orationes A. qui<a> Chol. illut A

КОММЕНТАРИЙ

III, 1(1) *sabbato sera* – любопытно, что исп. *tarde* у Эгерии отсутствует, как и класс. лат. *vesper* = рус. *вечер*, сохранившееся только в кат. *vespre* и исп. *en visperas de* ‘накануне’, см. REW 7844, 9273. Фр. *soir* и *soirée* восходят к лат. *serum*; *sera* абл.(sc. *hora* или *die* – иначе Gamillscheg, FEW² 812 s.v.) дало ит. *sera* и рум. (*de*) *seară*, а также *aseară* ‘вчера вечером’ Это, так сказать, дебют *sera* на романской сцене, см. Etude ling. 156, Komm.75.

1(1) *peruenientes* – В классической латыни частотность компози- тов с *ad-* и *per-* примерно одинакова, см. A. Gerber, A. Greef. Lexicon Taciteum. Leipzig, 1887 ff., 48–49 и 1113 соответственно; само *uenio* встречается существенно чаще, см. ibidem 1749–1751. У Эгерии это соотношение резко меняется в пользу *per-* 46, ср. *ad-* 2 при *uenio* 79 раз, см. Etude ling. 149. Среди форм с *per-* есть как малоупотребительные: *perdicere*, *peraccedere*, *perdiscoperire*, *perexire* IV, 5, так и гапаксы: *pergyrare*, *perintrare*, *periungere* IV, 1, *persubire* III, 4 и Komm. 92; см. Etude ling.150, ср. еще *perdescendere* IV,7. Все это

довольно странно, так как *per-* не входит в число самых популярных романских префиксов, таких как *ad-*, *de-*, *dis-*, *ex-*, *in-*, *con-*, *re-*, *Istoria limbii române*. Vol. I. Limba latină. București 1965, p. 106 (G. Creția); Lat. Syntax S. 164, § 97; Komm. 92. Напрашивается вывод, что это факт письменной, не устной речи, т. е. скорее всего гиперкоррекция.

1(2) *monasteria quaedam* – это кельи, *cellulae* (Lex. Aeth. 131 s. v.), cf. III, 4 *presbyter ueniens de monasterio suo* etc.; только в 3 случаях из 24 это действительно монастырь, а в VII, 2 *Sunt ergo a Clesma* (= Суэц) *usque ad Arabiam ciuitatem* (в дельте Нила) *mansiones quattuor per herem<um>, sic tamen per heremum, ut cata mansiones m<o>nasteria (ma-A) sint cum militibus et prepositis, qui nos deducebant semper de castro ad castrum* это синоним *castrum* = *statio militaris* (это, по-видимому, обратное заимствование из греческого (6 раз в нашем тексте), не путать с *castra*, *-orum*, 9 раз у Эгерии Lex. Aeth. 35), cf. Etude ling. 137 и Natalucci 253 a.1.

1(4) *mansimus* – в значении ‘ночевать’ уже у Горация, см. Introd. 96, § 207 и *mansio* > фр. *maison* etc.

(5) *maturius* – не ‘быстро’, а ‘рано утром’, ср. *presto, la domenica* (Natalucci p.73), *aux premières heures du dimanche* (P. Maraval, p. 131), am Sonntag früh (Röwekamp–Tönnies, S. 125), см. мою французскую статью (см. выше, прим. 9).

(5) *die dominica* – уже вытеснило *Solis dies*, сохранившееся в нем. *Sonntag*, англ. *Sunday*, см. Introd. §§ 166, 362. Сущ. *dies* у Эгерии обычно ж. р. (195 примеров – в действительности бесспорных гораздо меньше, см. Lex. Aeth. 54–55 s. v.), но в 9 случаях засвидетельствован и м. р. (секретарша?), см. IX, 1 *beatissimo die*; XX, 5 *per diem ipsum* etc., см. Etude ling. 22. Примеров м. р. тоже на самом деле больше: XLVI, 1 *per ipsos dies*; 2 (*bis*) *per illos dies* = 3; XLVII, 1 *per illos octo dies*; XLIX, 1 *ad plurimos dies*; 3 *per singulos dies*; XXV, 12 *per totos octo dies*. См. также Introd. 106, § 230, Lat. Synt. 10, § 18 и Komm. 192 ff. На мой взгляд, на Востоке на род сущ. *dies* влиял греческий (ἡ ἡμέρα). У грека Аммиана Марцеллина мы находим только м. р., у Эгерии наоборот: оба стремились избежать влияния своего субстрата. Возможно, именно здесь проходит граница между языческой и христианской латынью. О ситуации в романских языках см. G. Rohlf's в IF 61 (1954) 198, ср. рум. (*o*) *zi* и *duminică*, но исп. (*el/un*) *día* и *domingo*; в староокситанском оба рода.

(7–8) *lente et lente* – этот явно разговорный оборот (ср. ит. *piano piano*) встречается у Эгерии 5 раз, ср. XXXI, 4; XXXVI, 2; XLIII, 6, 7; есть и другие, напр. *locis et locis* VI.2; *unus et unus*

XXXVII, 2 (тоже пять раз), см. *Etude ling.* 103, 147; *Lat Syntax* 809; *Komm.* 84.

in coclea<*m*> – Лефстедт (*Komm.* 85) смог воспользоваться ThLL III (==) 1397, где нашел примеры с *in cocleam* и *per cocleam*, ср. Celsus (римский врач II в. н. э.) VIII 10, 1 *fascia...quasi in cocleam serpat* «en forme de spirale» (M. Nisard, Paris 1872, p. 265 a), ср. Colum. VIII, 17,2 *alios in cocleam retortos* «andere wiederum schneckenartig gewunden» (W. Richter–W. Heine, *Artemis* II, 318–9). Acc., таким образом, здесь вероятнее, см. *Etude ling.* 41, 136; *Introd.* 154–155, § 359. Väänänen. «Il est venu comme ambassadeur», «Il agit en soldat» et les locutions analogues en latin, français, italien et espagnol // *ASF Annales* B 73, 1 (Helsinki 1951) pp. 16–17; E. Löfstedt. *Late Latin* (Oslo 1960) 34–38.

Относительно *cochlea* ‘улитка’ и ее многочисленных вариантов в романских языках см. REW 2011, а также 2012 *cochlear* ‘ложка’ (OLD 341 s.v., cf. Petr. 33, 6 etc.), ср. фр. *cuillier*, исп. *cuchar(a)*, ит. *cucchiaio* и т.д.; см. еще *Introd.* 46, 55, 107.

(9) *ac si* – см. *комм.* к II,6.

2 (11) (*H*)*ac sic ergo...*(16) *ergo...peruenimus* – очень длинная и неуклюжая фраза, требующая для адекватной передачи массы знаков препинания, включая и скобки, но в целом передающая волнение паломницы, достигшей своей заветной цели.

(11) (*H*)*ac sic...* (12) *et sic* – см. *комм.* к II,4 *ut ... et sic*.

(13) *quia prorsus* – почему *prorsus* только здесь и во II,6 *prorsus ac si*?

(14) *ex ea parte* – единственный пример на *pars = causa, ratio* у Эгерии и потому весьма подозрительный. То же самое можно сказать и об *autem*, см. *Lex. Aeth.* 33 s.v. *autem* IV. Я рекомендовал бы заменить его на *enim* ‘ибо’: *ex ea enim parte* etc. с перестановкой, ср. XXXVI, 1 *In eo enim loco ecclesia est elegans*,

(17–18) *in e<um>...locollocum* – в рукописи стоит *loco*, но над последним *o* надписано *um*, III,1(11) *que/qui* (о *eli* см. мою статью: Черняк 2003). Как я уже отмечал, см. *комм.* к I, 2 *in eo ergo loco*, на пороге каролингского возрождения *loco* и *locum* употреблялись *promiscue*. Принадлежит исправление *um* над *o* беневентскому писцу или его архетипу, тоже вопрос спорный. Мнения издателей расходятся (Natalucci – *loco*, Röwekamp–Tönnies – *locum*). См. еще O. Prinz (ed. Heidelberg 1960, p. 3) *ad locum*, а также статью: R. Ambrosini. Il tipo sintagmatico «in eo loco» e questioni di principio nello studio della «Peregrinatio Aetheriae» // *Annali della Scuola Normale di Pisa* 2,24 (1955) 97–109 (цит. у Наталуччи, мне пока

недоступно). Я рискнул восстановить здесь языковой узус самой Эгерии, но на очень шатком основании.

(19) *fumigabat* – Ех. 19, 18 *totus autem mons Sinai fumabat*. Ср. REW 3570: рум. *a fumeга*, исп. *humear*; ит. *fumicare*, порт. *fumegar* < лат. *fumicare*.

3 (19) *ecclesia non grandis* – она упоминается у Теодорета, ученика Иоанна Златоуста (+466), см. Theodoret. h. rel. II, 121 (SCH 234, 224). Ее построил около 363 г. Юлиан Сабас; на ее фундаменте сейчас стоит часовня.

4 (22) *persubissemus* – гапакс и при том далеко не единственный такого рода у Эгерии, т. е. ее собственное словотворчество, ср. XVI, 6 *perdiscoperire*, XIX, 7 *perintrare* etc., см. Etude ling. 150.

(23) (*h*)*ostium* – Но в ст.-фр. *huis* и *huissier* ‘швейцар’ это бродячее *h*- удержалось. О произвольном написании *h*- вообще и в «Паломничестве» в частности см. мою статью: Черняк 2004₂: 439–445, особенно с. 444. Написание с *h*- встречается в «Паломничестве» 10 раз, а без – только 3, причем только в последних главах, см. Lex. Aeth. 92 и 146 s. v. Из этого можно сделать вывод, что архетип монтекассинской рукописи происходит из южной Галлии.

(25) *ascitis* – Гр. η к тому времени давно произносится как [i]. *quid plura?* – весьма изящная вставка (парентеза, фр. *incise*), нередкая не только у Цицерона, но и у Вергилия, Овидия и т. д.

(26–27) *nec non etiam et* – встречается в нашем тексте 12 раз, см. Etude ling. 129. Появляется уже у Варрона, см. OLD 1172 s.v. *neque* 10 b).

(28) *inbeccillitate* – ср. фр. *imbécile* ‘глупый, -ая’, книжное заимствование на рубеже 15 в. Восходит к лат. *baculum* ‘посох, палка’, ср. рус. *баццлла*, *бактерия* (из греч.) ‘палочка’.

5 (30) *nichil* – восстановление, явно ученого происхождения, давно уже непроизносившегося щелевого [h], см. Introd. 55, §101. Это написание встречается в 8 случаях из 8 у Эгерии; ср. исп. *aniquilar* ‘уничтожать’, см. Etude ling. 20 и прим. 30. Наш глагол появляется только в XV в. и восходит либо к ит. *annichilare*, либо к его прототипу лат. *adnichilare*, явной кальке гр. ἐξουθενέω, ср. рус. *уничижить*, *уничтожить*.

Вопрос о том, как Эгерия произносила *ch* в *nichi* и *nichil*, остается открытым. Лефстедт с Грэнджетом склоняются к [к], см. Comm. 97 и III, 1 *cocleas* вместо *cochleas*; см. еще для общей ориентации мою работу: Черняк 1985: 55–61. Лейманн, указывая на рекомендации римских грамматиков, предпочитает щелевой, см.

Leumann 1977: §178 III b), S. 175 со ссылкой на Glotta 36, 127 и Schulze, Kl. Schr. 466.

5 (31) *spelunca* – Ех. XXXIII, 22 *cumque transibit gloria mea ponam te in foramine petrae*; см. также Theodoret. *h. rel.* II, 13 (SCh 234, 222). Видимо, в конце VII в. мусульмане, захватившие Египет и Синай, воздвигли над этой пещерой небольшую мечеть, остатки которой видны до сих пор, см. Maraval 133, п.5.

6 (31) *lecto ergo ipso loco omni(a) de libro Moysi – omni(a)* исправил Холодняк и многие за ним последовали (Bernard, Geyer, Hergaus, Maraval, Natalucci, Röwekamp-Tönnies). В защитниках рукописного чтения тоже не было недостатка, в том числе и сам Вянянен. В *Introd.* § 384 р. 167 п. 1 он указывает на обороты *comperto quod* и *excluso* + асс., но они принадлежат гораздо более позднему времени. В *Etude ling.* 36 и 88 он уже пишет ... *omni*.

6 (33) *iam ut exiremus de (a)ecclesia* – «как только мы вышли из церкви» (или «когда мы выходили», ср. Siniscalco-Scarampi 51: «nell'uscire dalla chiesa»; Röwekamp-Tönnies 129: «als wir gerade die Kirche verließen»?). В предложениях времени, согласно классической норме, индикатив, см. *Etude ling.* 81, *Komm.* 97–102 и комм. к II, 7 (26) *antequam perueniremus*.

de (a)ecclesia – de уже практически вытеснило *ex* в «Паломничестве» (150 против 4 в местном значении), как и вообще в романских языках, см. *Komm.* 103–106, *Lat. Syntax* 263, § 146; *Et. ling.* 35.

(34) *eulogias* – русский эквивалент, вероятно, «благословения», но речь идет о маленьких подарках, ср. III, 7; XI, 1; XV, 6; XXI, 3. Это обычно освященный хлеб или фрукты. Они упоминаются и в *Vita Melaniae* 39 (*Vie de sainte Mélanie*, éd. par D. Gorce. SCh 90, Paris 1962), см. Natalucci 244 а. I. и 15, п. 31. Св. Мелания умерла в Иерусалиме в 444 г.

(34) *de pomis – de* в партитивном значении, см. *Introd.* 114, § 250; *Etude ling.* 37–38.

(35) *petrinus – petra* (5), *petrinus* (1) еще не заменили в нашем тексте *lapis* (11), *lapideus* (1). Ср. *Etude ling.* 136. Отметим попутно, что само прилагательное это чистое заимствование из греческого; в романских языках мы находим только рефлексы *petrosus*, ср. REW 6445 s.v. *petra*, где эта проблема не упомянута.

(35) *fruticem* – довольно странное слово, не бывшее широко употребительным в латыни и не имеющее продолжения в романских языках.

(36) *deorsum* – от *deorsum* (4 раза у Эгерии) > ст.-исп. *yuso*, окс. кат. *jos*, ст.-фр. *jus*, ит. *giuso*, *giú*, рум. *jos* (наречие и прил. 'низкий')

с массой производных, см. REW 2566, Introd. 51, 62. Прил. ‘низкий’ в латыни это *humilis, depressus, inferior* (о местности), *parvus* (о росте), перен. *sordidus, obscurus*. Распространившееся из Италии на запад *bassus* засвидетельствовано поздно (в глоссарии VIII в.), если не считать оскских *cognomina* типа *Bassus*, см. Ernout-Meillet, DELL, P. 1951³, p.120 s. v. (может быть, < гр. *basis* ‘база колонны’?). О предлоге ‘под’ см. комм. к II,1 *iacens subter latus montis*.

(38) *statim* – ‘сразу же’, т. е. с момента появления на Синае, 34 раза в «Паломничестве», в романских языках не сохранилось.

(39) *potariola* – первые отшельники никаких развлечений с садиками себе не позволяли: на одном из полотен Блюмарта (А. Bloemart, 1564–1651) в Эрмитаже (в Шатровом зале) птичка (ворон) несет в клюве пророку Илие яблоко – его дневной рацион. Вокруг отшельника зелень, пейзаж яркий и светлый, т. е. это явно не безжизненная пустыня (Илия, предтеча христианского монашества, какое-то время был на Синае, см. гл. IV «Паломничества»), но никаких признаков сельскохозяйственной деятельности нет.

orationes – от *arare* ‘пахать’, ср. др.-р. *орать, оратай* ‘пахарь’, *орало* ‘плуг’. Впрочем, эта конъектура Вёльфлина отнюдь не бесспорна: Гейер защищает рукописное чтение *orationes* ‘часовни’. хотя в этом значении оно засвидетельствовано позже, см. Komm.110–114 и Late Latin p.144 ss., где подробно разбирается проблема перехода от абстрактного значения к конкретному. По смыслу *orationes* вполне подходит: одни монахи закладывают сады, другие, в стиле первых отшельников (см. выше), часовни и кельи.

iuxta– ‘рядом’, здесь наречие, а не предлог с асс., см. Etude ling. 159; Natalucci 244 a.1.

(41) *elaborasse uideantur* – судя по этому заключительному колону, очень напоминающему цитероновское *esse uideatur*, Эгерия имела некоторое представление о клаузулах и курсе (см. Lat. Syntax 714 ff.).

7 (48) *egressi sumus foras (h)ostium* – из 11 примеров на *foras* 6 приходится на предлог с асс., см. Lex. Aeth. 83; Etude ling. 46 (une particularité d’Egérie); Introd. 112, § 245 *foras* как предлог не фигурирует, что весьма удивительно: в романских языках он представлен рум. *fără* ‘без’, ст.-окс. *foras* (G. Riquier «En son palais» 114), ит. *fuora, fuori*, фр. *fors, hors* < *foris* ‘кроме, вне’, см. REW 3431), и не очень понятно, откуда он взялся у Эгерии в значении ‘из’.

7 (47) *fregerat* – Ex. XXXII,19 и XXXIV, 4–7.

7 (48) *desiderabamus* – *desiderare* (12) и *desiderium* (9) > исп. *desear*, фр. *désirer* etc. уже вытеснили *optare* (1 – X, 9 *optati sumus*,

довольно странный отложительный, см. Etude ling.65: «par faux purisme») и *supere* (но см. производные, REW 2405–2408, напр. исп. *codicia*, фр. *convoitise*), см. Komm.115. В румынском все эти глаголы отсутствуют; взамен мы находим там *a pofti, poftă*, ср. р. *похоть, хотеть*.

8 (49) *Illud ...uos uolo scire...quia* – об асс. с. inf. и его субститутах, дополнительных предложениях с *quia, quod* etc. см. Komm. 116–123; Introd. 161–162, § 374; Etude ling. 76; Lat. Syntax 576, § 312. Образцом послужили греческий язык и в первую очередь переводы Св. Писания (Итала и Вульгата). Но первые примеры раньше, см. Plaut. Asin. 52 *equidem scio iam, filius quod amet meus istanc meretricem*; Bell. Hisp. 36,1 *legati renuntiaverunt, quod Pompeium in potestate haberent*; Petr.71,9 *scis quod epulum dedi*, поэтому Вянянен осторожно говорит об «une influence ultérieure du grec: Vulg. Ioh. IX,20 *scimus quia hic est filius noster*» 0 – Introd.162. Тем не менее асс. с. inf. иногда все еще попадаетея у Эгерии, ср. III, 8 *ut non me putarem aliquando altiores uidisse*.

8 (51) *in giro parietes ecclesiae* – см. комм. к II, 5 *Mons...per gir<um>*. Наш пример с асс. выглядит странным, но есть еще два с abl.: XIV, 2 «*Ecce ista fundamenta in giro colliculo isto*»; XXXVII,1 *stant in giro mensa diacones*, см. Lex.Aeth.85 s.v. *girus* С. Нормально здесь, разумеенся, встретить gen., ср. XIII, 3 *per girum ipsius colliculi parent fundamenta*, а также исп. *en torno de*, фр. *autour de* ‘вокруг’. Случаи перехода предложных конструкций в простые предлоги нередки, ср. фр. *chez* < *casa* и ст.-фр. *lez* < *latus*, но это как правило связано с упрощениями; однако есть и исключения, ср. ст.-исп. *allados* (только в документах) и ст.-ит. *allato*, см. мою статью: Черняк 1987: 248–258, особенно сс. 254–255.

8 (57) *mare illud A* – о смещении *-d* и *-t* начиная с середины I в. н. э. в *illud/illut* etc. см. Тронский 2001: § 218.

8 (57) *mare illud Parthenicum quod mittit Alexandriam* – Парфенийское («Девичье» – почему?) море, позднеантичное название юговосточной части Средиземного моря, см. Амт. Marc. XIV, 8, 10 и т. д.

mittit Alexandriam – «ведет в Александрию», ср. IX, 3 *<iter> publicum...quod mittit de Thebaida in Pelusio*, см. Komm.124; ср. фр. *ouï mène cette route*, см. Etude ling. 68. Это значение появляется поздно и не продолжается в романских языках.

8 (58) *fines Saracenorum* – впервые появляющееся у Птолемея (см. Ptol. V, 17, 3; VI, 7, 41) название бедуинов, впоследствии перенесенное на всех арабов и вообще мусульман. Эгерия имеет ввиду границу с независимой Аравией, Arabia felix. На самом деле с

Синая не видно ни «царства сарацин», ни Средиземного моря, см. Natalucci 246 a.1.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении текст «Паломничества» оказывается куда более сложным, чем это могло бы показаться с первого взгляда. Главное: какой-то позднеантичный читатель глоссировал словом *ingens* излюбленное прилагательное Эгерии *infinitus* = *magnus* ‘очень большой’ (оно встречается у нее 15 раз, в том числе, видимо, дважды уже в первой главе, Lex. Aeth. 107). Есть и частично топографическая проблема с I,1(2) *sex ... montes*. Как только мы устраним все эти ляпсусы, текст сразу приобретает более или менее нормальный вид позднелатинского сочинения с сугубо христианским содержанием. Бесспорных (при наличии вариантов я, естественно, нормализую текст) вульгаризмов в целом немного: дистрибуция *ad eum locum – in eo loco*, доминирование *de*, предлог *foras* ‘из’, безличное *habebat*, наречие *totum*, грецизм *tamen* = греч. δὲ; наконец, *infinitus* в явно неклассическом значении; и т. д. С «Паломничеством», как и с любым античным текстом, надо терпеливо работать, постепенно освобождая его от позднейших записей. И это, как мы видим, очень непростая работа.

A. B. Chernjak. *Itinerarium Egeriae*-3: Quelques mots sur le genre du texte.

Comme on sait, l'*Itin.* se compose de deux parties: 1. fragment d'un épître décrivant la visite au mont Sinaï, puis quelques excursions dans la terre de Moab (au sud-est du Jourdain) et sur l'Euphrate et enfin le retour de Jérusalem à Constantinople (ch.I-XXIV) et 2. fragment d'une description assez détaillée de la liturgie à Jérusalem (ch.XXV–XLIX). La relation mutuelle des deux parties est une question ouverte. Moi-même, dans une autre étude, j'ai pu constater que la plupart des „hispanismes“ d'Égérie ne se rencontrent pas ou presque que dans la première partie. L'explication de ce fait n'est pas évidente.

Tout en développant le thème de la langue d'Égérie, je voudrais présenter un essai d'édition commentée des ch. I-III de l'*Itin.* Ce qui m'a frappé le plus c'est le nombre de problèmes textologiques: I,1 *ubi sex tamen montes ...aperiunt* – la conjecture de Gamurrini *se(x)* me paraît douteuse; elle est tout de même acceptée par tout le monde. Dans I,1 *uallem infinitam, ingens, planissima* <*m*> *et ualde pulchram*, la forme indéclinable de l'adj. *ingens* ne trouve pas, à mon avis, d'explication qu'en tant qu'une glose interlinéaire ou marginale de l'adj. *infinitus*. Le fait est resté inaperçu, car les deux adj. ont presque la même fréquence dans l'*Itin.* Or on n'a pas vu que notre Égérie emploie *infinitus* = *ingens* „énorme“ là où l'usage classique ne l'admettait point, et un lecteur du

Vme ou VIme siècle s'en est avisé. Dans I, 2 *quam dixi ingens* la glose a „mangé“ le mot glosé; on écrira donc *q.d. infinitam*. En ce qui concerne les vulgarismes, on ne trouvent ici presque rien de nouveau: *montes illi, habebat, totum adv., foras = ex* etc. Les *realia* ont été traités en rapport au lecteur russe.

Литература

- Тронский 2001 – И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М.
- Черняк 1976 – А. Б. Черняк. Еще одно отражение греческого в балканской латыни (рум. *cătră < contra x cata*) // Грамматический строй балканских языков. Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука, 297–315.
- Черняк 1985 – А. Б. Черняк. К истории алфавитов в романоязычных странах // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука. С. 55–61.
- Черняк 1987 – А. Б. Черняк. Румынские этимологии (рум. *la* и лат. *latus*) // *Romano-Balkanica*. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука. С. 248–258.
- Черняк 2003 – А. Б. Черняк. *Veleda* или *Velaeda*? // Язык и культура кельтов. Материалы IX коллоквиума. СПб: Наука. С. 143–153
- Черняк 2004₁ – А. Б. Черняк. Языковая ситуация в древнем Риме: сообщения древних авторов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. СПб. С. 304–314.
- Черняк 2004₂ – А. Б. Черняк. Секст Помпей и его жаргон (Vell. II 73, 1 *studiis rudis, sermone barbarus*) // *Hrda manasa*. Сборник статей к 70-летию со дня рождения проф. Л.Г.Герценберга. СПб “Наука” 2004, 439–445.
- Черняк 2006₁ – А. Б. Черняк. Периодизация латыни у Исидора Севильского (Isid. Etymol. IX,1) // *Acta linguistica Petropolitana* II. Труды Института лингвистических исследований. Том II, часть I / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. С. 327–341.
- Черняк 2006₂ (= Пут.1) – А. Б. Черняк. «Путешествие Эгерии к святым местам»: несколько слов о рукописи // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. СПб.: Наука, 2006, 341–343
- Черняк 2007₁ (= Пут. 2) – А. Б. Черняк. «Путешествие Эгерии к святым местам» 2: К какому языковому варианту принадлежит «Путешествие»? // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI. СПб.: Наука. С. 326–329.
- Черняк 2007₂ – А. Б. Черняк. «Путешествие Эгерии к святым местам» 3: Несколько слов о жанре текста // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. Том III, часть 1. Общее и германское языкознание. К 50-летию научной деятельности проф. В. М. Павлова. СПб.: Наука. С. 315–329.
- Hofmann, Szantyr 1965 (= Lat. Syntax) – J. V. Hofmann, A. Szantyr. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München.

- Iliescu–Slusanski 1991 – Iliescu M., Slusanski D. Du latin aux langues romanes. Choix de textes traduits et commentés (du IIème siècle avant J. C. jusqu'au Xème siècle après J. C.). Gottfried Egert Verlag. P. 132–138.
- Leumann 1977 – M. Leumann. Lateinische Laut- und Formenlehre. München. Löfstedt 1911 (= Komm.) – E. Löfstedt. Philologischer Kommentar zur «Peregrinatio Aetheriae». Untersuchungen zur Geschichte der lateinischen Sprache. Uppsala-Leipzig.
- Maraval 1982 – P. Maraval. Égérie. Journal de voyage. Paris. (SCh = Sources chrétiennes 296).
- Natalucci 1999 – Egeria, Pellegrinaggio in Terra Santa, a cura di Nicoletta Natalucci. Bologna, 1999 (1991).
- van Oorde 1930 (= Lex. Aeth.) J. van Oorde. Lexicon Aetherianum. Amst.
- Röwekamp, Tönnies 1995 (= Röwekamp–Tönnies) – Egeria, Itinerarium = Reisebericht. Mit Auszügen aus Petrus Diaconus, De locis sanctis = Die heiligen Stätten, übersetzt und eingeleitet von Georg Röwekamp. unter Mitarb. v. D. Tönnies. [Herder] (Fontes Christiani 20) Freiburg u.a.
- Smiraglia 1990 – P. Smiraglia. Il testo di Egeria: problemi di struttura // Atti del Convegno internazionale sulla *Peregrinatio Egeriae*. Arezzo. P. 93–108.
- Smiraglia 1991 – P. Smiraglia. Un indizio per la cronologia relativa delle due parti dell'Itinerarium di Egeria // Studi di filologia classica in onore di Giusto Monaco. Vol. IV. Palermo 1991, 1491–1496.
- Väänänen 1981 (= Introd.) – V. Väänänen. Introduction au latin vulgaire. 3me éd. Paris.
- Väänänen 1987 (= Etude ling.) V. Väänänen. Le journal-épître d'Égérie (*Itinerarium Egeriae*): Etude linguistique. Helsinki.

**ФРАГМЕНТЫ ЛАТИНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ
В «КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ ГУСТАВА ШМИДТА»
(НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА МГУ)¹**

В Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ под шифром «Фонд 40» хранится «Коллекция документов Густава Шмидта». Это собрание, включающее в себя фрагменты рукописей, фрагменты раннепечатных изданий, средневековые грамоты и другие документы, некогда принадлежало библиотеке соборной гимназии города Гальберштадта. Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии состояла в большинстве своем из книг и рукописей, входивших ранее в библиотеку Собора Св. Стефана в Гальберштадте, который был основан в начале IX в. в ходе христианизации саксов, завоеванных Карлом Великим в конце VIII в. Через несколько лет после основания собора, при нем была основана школа (впоследствии – гимназия), а вскоре затем – заложена соборная библиотека. За многие века своего существования Собор Св. Стефана собрал обширную библиотеку. Изучению истории соборной библиотеки посвятил отдельную работу директор соборной гимназии доктор Густав Шмидт (ум. в 1892 г.; Schmidt 1878: 1–6), историю библиотеки собора в средние века рассматривает А. Дистелькамп (Diestelkamp 1927: 103–139)², очерк истории этой библиотеки сделан Е. Р. Сквайрс и Н. А. Ганиной (Сквайрс, Ганина 2004: 7–18).

После роспуска соборного капитула в 1810 г. часть фондов библиотеки собора Св. Стефана получила соборная гимназия, другая часть библиотеки собора перешла в библиотеку университета в Галле. Каталог рукописей, входивших в библиотеку Гальберштадтской соборной гимназии к концу XIX в., составил и опубликовал директор гимназии доктор Густав Шмидт (Schmidt 1878: 8–38; Schmidt 1881: 1–32). Помимо описаний целых рукописей в каталоге Г. Шмидта есть описания 15 рукописных фрагментов, обнаруженных им в

---

¹ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность заведующей Отделом редких книг и рукописей И. Л. Великодной за предоставление самых благоприятных условий для осуществления данной работы.

² А. Дистелькамп опубликовал (Diestelkamp 1927: 190–195) средневековый каталог соборной библиотеки, составленный 22 февраля 1465 года в ходе инвентаризации имущества собора и хранившийся в архиве Магдебурга (Magdeburg Staatsarchiv Кор. 671 a 1).

библиотеке гимназии (обычно – в переплетах рукописей или книг) (Schmidt 1881: 22–32). Однако в каталог вошли описания не всех найденных Шмидтом фрагментов: в действительности собранная им коллекция фрагментов, хранящаяся ныне в библиотеке МГУ, гораздо больше. В то же время Шмидт внимательно изучил большинство не изданных в каталоге фрагментов, многие снабдил транскрипцией и кратким комментарием. Все заметки Шмидта хранятся в МГУ вместе с самими фрагментами.

Как уже было сказано, коллекция Шмидта включает в себя фрагменты латинских и немецких рукописей, фрагменты раннепечатных изданий, средневековые грамоты и другие документы. Нас интересуют прежде всего фрагменты латинских рукописей. Всего в собрании 35 латинских фрагментов. Из них четыре фрагмента (№ 16, № 22, № 31, № 34) не поддаются идентификации. Девять латинских фрагментов происходят из текстов нелитературного содержания и разделяются на следующие группы: фрагменты богослужебных книг (№ 4 (миссал), № 17 (гомилиарий), № 20 (лекционарий), № 24 (фрагмент богослужебной книги)); фрагменты документов (№ 5 (перечень клириков) и № 26 (песчологий)); фрагменты естественнонаучных сочинений (№ 12 (естественная история), № 18 (травник)), и наконец, один небольшой фрагмент (№ 35) содержит лишь глоссу. Остальные 22 фрагмента являются фрагментами литературных текстов. Именно они и составляют предмет настоящей заметки, которая представляет собой описания всех этих фрагментов и комментарий к ним. Комментарий содержит сведения о произведениях, из которых они происходят, их авторах и рукописной традиции. Целесообразность комментария такого рода к средневековым латинским сочинениям, в особенности, грамматическим, тем более оправдана, что им уделяется немного внимания в отечественной филологии.

Фрагменты латинских литературных текстов в собрании Г. Шмидта распадаются на две большие группы: фрагменты классических латинских авторов (Гораций, Овидий, Дигесты, Присциан, грамматические трактаты Беда Достопочтенного) и фрагменты средневековой литературы. Средневековая латинская литература представлена следующими жанрами: агиографическая литература (фрагменты сборника житий святых, фрагменты из «Золотой легенды» Иакова Воррагинского), религиозная поэзия (фрагменты стихотворного пересказа Библии Петра Риги), послания (фрагменты посланий Иво Шартрского, Урбана II и Петра Винейского), и, наконец, фрагменты филологической литературы («Книга глосс», «Доктринале» Александра из Вильдьё, «Грецизм» Эбергарда Бетюнского и латинский перевод «Метеорологии» Аристотеля, выполненный Вильемом из Мёрбеке).

Большинство латинских фрагментов были идентифицированы Г. Шмидтом, а именно: № 1 и № 25 (Петр Рига); № 3 (Иво Шартрский, Урбан II), № 6 (Присциан), № 7 (Овидий), № 8 (Схолии к сатирам Ювенала), № 9 (Петр Винейский), № 10 (Гораций), № 13 (Дигесты), № 14, № 27 и № 30 (Иаков Ворагинский), № 15 (Гораций). Транскрипцию (или колляцию) текста многих фрагментов, наряду с их описаниями, он опубликовал в своем каталоге рукописей Гальберштадтской соборной гимназии; неопубликованные заметки Г. Шмидта хранятся вместе с фрагментами. Автором настоящего сообщения произведена атрибуция следующих, оставшихся неидентифицированными, фрагментов: № 2 (Беда Достопочтенный), № 11 и № 28 (Эбергард Бетюнский), № 19 (Вильем из Мёрбеке), № 21 (Книга глосс), № 23 (Присциан), № 29 (Александр из Вильдьё) и № 33 (Дигесты). В одном случае (№ 11) исправлена неверная атрибуция Г. Шмидта («zwei Blätter eines biblischen Gloss. & Synonymik»). Некоторые из моих атрибуций, а именно: № 2 (Беда Достопочтенный, «О метрике», «О фигурах и тропах»), № 19 (Латинский перевод «Метеорологии» Аристотеля), № 29 (Александр из Вильдьё, «Доктринале») и № 33 (Дигесты), были учтены составителями краткой описи собрания Г. Шмидта (см.: Сквайрс, Ганина 2004: 19, сноска 2), остальные вводятся в научный оборот впервые.

1. ФРАГМЕНТЫ КЛАССИЧЕСКИХ ЛАТИНСКИХ АВТОРОВ

Наиболее авторитетные современные каталоги рукописей римских авторов обычно включают рукописи, содержащие сочинения нехристианских латинских авторов до 400 г. и некоторых более поздних авторов, сыгравших важную роль в сохранении традиции римской литературы, а также апокрифические тексты, переводы и комментарии, созданные в античную эпоху; они не охватывают средневековых и гуманистических переводов и комментариев.³ Подходя к выбору классических латинских текстов в коллекции фрагментов Шмидта с этой точки зрения, следует отнести к ним не только сочинения авторов золотой латыни («Сатиры» и «Об искусстве поэзии» Горация, «Послания с Понта» Овидия) и Дигесты, но и более поздние, но излагающие античную грамматическую и риторическую теории произведения: «Курс грамматики» Присциана (V–VI в.) и трактаты Беды Достопочтенного (672/673–735) «О метрике»

---

³ Les manuscrits classiques latins de la bibliothèque Vaticane. Catalogue établi par E. Pellegrin et J. Fohlen, C. Jeudy, Y.F. Riou avec la collaboration d'A. Marucchi. Paris, t. I, 1975; t. II p. 1, 1978; t. II p. 2, 1982; Les manuscrits classiques latins des bibliothèques publiques de France. Catalogue établi par C. Jeudy et Y.F. Riou. Tome I (Agen – Évreux). Paris, 1989.

и «О фигурах и тропах». Краткий обзор фрагментов собрания, содержащих тексты римских авторов, уже был опубликован мною в 2003 г. (Антонец 2003: 3–6), в настоящем сообщении приводятся подробные описания и анализ всех классических фрагментов.

Одним из наиболее древних фрагментов всей коллекции Шмидта является фрагмент Беды, датирующийся IX в. Фрагмент представляет собой пять небольших частей листов рукописи. Из двух частей (лл. 2 и 3) складывается часть одного листа рукописи, из двух других частей (лл. 4 и 5) складывается небольшой фрагмент другого листа; наконец, одна часть (л. 1) представляет собой фрагмент третьего листа рукописи. По следованию текста первым следует считать л. 1, содержащий склонение местоимений и оглавление трактата Беды «О метрике», следующим листом был лл. 2–3 с текстом трактата «О метрике», затем шел лист лл. 4–5, содержащий «О фигурах и тропах». Склонение местоимений было обычным компонентом сборников грамматических трудов различных авторов: так, например, в Мюнхенской рукописи (codex Monacensis G. 121, olim Ratisbonensis Emmeramus) после учебника Доната следуют: *Item de pronomibus. Generis masculini numeri singularis idem etc. sequuntur declinationes pronominum et uariorum grammaticorum libri* (GLK, IV, p. XXXII). Присутствие склонений местоимений на одном листе с оглавлением трактата Беды, по-видимому, свидетельствует о том, что его трактаты входили в данном случае в грамматический сборник. Среди крайне немногочисленных рукописей IX–X вв., содержащих трактаты Беды «О метрике» и «О фигурах и тропах» (Laistner 1943), мы не обнаружили кодекса, из которого мог происходить наш фрагмент. Вероятно, он – часть утраченной рукописи. Подробное описание московского фрагмента таково:

Фонд 40. Опись 1, № 2.

2-я четв. IX в. Пергамен, 5 фр., л. 1: 169 x 44–46 мм, текст: 112 x 44–46 мм; л. 2: 39–49 x 150–185 мм, текст: 39–49 x 104 мм; л. 3: 28–32 x 130 мм, текст: 28–32 x 52 мм; л. 4: 23 x 57 мм; л. 5: 157–160 x 48–54 мм, текст: 145 x 48–54 мм. Каролингский минускул, 12 строк (л. 1), 5 строк (л. 2), 3 строки (л. 3–4), 16 строк (л. 5), коричневые чернила, интерлинейрные и маргинальные глоссы, современные тексту.

Содержание.

л. 1–1об.:

~ Declinationes pronominum.

inc.: «// feminine ulla ullius <ulli ullam o ulla ab ulla> ...».

expl.: «... [Ablatius his ambobus] his ambabus. FINIT» (cf.: GLK, IV, p. XXXII).

~ Capita de arte metrica Bedae.

(текст:)

<...> aba III De communibus syll[abis] <...> De mediis syllabis <...>
[nom]inum pronominum partic[ipiorum] <...> [ad]uerbiorum nun
<...> repositionum interiec[tionum] //» (GLK, VII, p. 227).

л. 2–3об.: Beda Venerabilis, De arte metrica GLK VII, p. 232, 9 – p. 233, 18 (с лакунами).

inc.: «// dira celeno quod post<eriores poetae magis in una parte>
orationis fieri uoluer<unt. Vnde nec huius exemplum> facile in
nostratibus ...» (VII, p. 232, 9).

expl.: «// flixos diuite gaza <Est> breuis in hoc eius<dem> //» (VII, 233, 18).

л. 4лиц.–5лиц.: Beda Venerabilis, De schematis et tropis RLM p. 613, 15 – p. 613, 18 (с лакунами).

inc.: «// A genere ut osanna filio david. a loco ut qui sedes super ...» (p. 613, 15).

expl.: «... hominum. VI. Epitheton est praeposita dictio //» (p. 613, 18).

л. 4об.–5об.: Beda Venerabilis, De schematis et tropis RLM p. 614, 1 – p. 614, 4 (с лакунами).

inc.: «// <Periphrasis est> circumloquutio quae fit ut aut breuitatem
splendide describat ...» (p. 614, 1).

expl.: «... terrestris domus nostra huius habitaci<onis> //» (p. 614, 4 –
изд.: Rhetores Latini minores ex rec. Caroli Halm. Lipsiae, 1863).

*История рукописи*⁴.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Аннотация.

Из фрагментов 2 и 3 складывается часть листа рукописи; расположение текста и размер лакуны позволяет установить, что на целом листе было 20 строк, размер листа составлял min. 200 x 300 мм.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 19.

К IX в. относится также фрагмент Присциана. Он представляет собой 17 узких (шириной от 6 до 16 мм) пергаменных полос различной длины (от 60 до 304 мм). Текст написан каролингским минускулом. Из 16 полос удалось составить 4 текстовых фрагмента, образующих часть листа. На восстановленном листе текст расположен в 2 столбца, приблизительная ширина одного столбца составляет 80 мм. Размер целого листа рукописи был приблизительно

---

⁴ Пометы и шифры, точное происхождение которых не установлено, приводятся отдельно.

304 x min. 200 мм, причем первоначальная высота листа устанавливается достаточно точно благодаря тому, что сохранились и были составлены целые полосы, имеющие верхнее и нижнее поле. По той же причине известно, что на целом листе было 38 строк.

Примечательно, что в библиотеке соборной гимназии Гальберштадта хранился кодекс Присциана IX–X в. Это была одна из старейших рукописей этого автора и один из основных источников текста (*H* в издании GLK; № 59 каталога Г. Шмидта). Ныне Гальберштадтский кодекс считается утраченным, но сохранились его описания. Существует несколько описаний кодекса⁵, самое тщательное из которых принадлежит Г. Герцбергу. Из его работы мы знаем детальное палеографическое описание, из каталога Г. Шмидта – точные размеры (310 x 250 мм), из него же и статьи А. Дистелькампа – историю рукописи. Размер и дата утерянного Гальберштадтского кодекса и нашего фрагмента в точности совпадают; кроме того, они оба происходят из одной и той же библиотеки. Тем не менее написания некоторых букв и система сокращений различны; различна и плотность текста: в *H* на одном листе в среднем 3–4 страницы издания М. Герца, а в нашем фрагменте на листе 6 страниц. Таким образом, обнаруженный в МГУ фрагмент Присциана – часть некоей утраченной рукописи, по некоторым признакам (полное написание *ae* и *est*), более древней, чем кодекс *H*.

В собрании Шмидта есть еще один фрагмент Присциана (№ 6), представляющий собой два неполных пергаменных листа и датированный XII в. Этот фрагмент давно известен науке. Он был впервые описан Г. Шмидтом к его каталогу рукописей гимназии (Schmidt 1881: 26). Шмидт выполнил копияцию этого фрагмента с изданием Герца (GLK) и опубликовал ее вместе с описанием фрагмента. Затем этот фрагмент фигурирует в научной литературе как утраченный или утерянный: именно в этот разряд его относят М. Гибсон и затем М. Пассалакка в своих каталогах рукописей Присциана (Gibson 1972: 124; Passalacqua 1978: 379, № XVI “codici perduti o irriveribili”). Ныне фрагмент, долгое время считавшийся утраченным, обнаружен в библиотеке МГУ.

Ниже предлагаются подробные описания обоих фрагментов.

Фонд 40. Опись 1, № 23.

Кон. IX в., Франция. Пергамен, 17 фр., 60–304 x 6–16 мм, высота текста: 247 мм. Каролингский минускул, 38 строк, коричневые чернила, интерлинейрные глоссы.

⁵ Ed. Krehliana a. 1819 sq.; Hertzberg 1841: 232–278; Hertz 1855: XVIII–XIX; Schmidt 1878: 25–26, № 59; Diestelkamp 1927: 186, 194; Meyer 1954; Mazzatinti, Sorbelli: II, 6; Passalacqua 1978: 378–379, № XV.

Содержание.

л. 1–1об.: Priscianus, Institutiones grammaticae II, p. 177, 24 – p. 183, 5 (с лакунами).

inc.: «// <S>i enim dica<m mag>nanimitas com<positum est a magn>o et animitat<e nihi>l dico animita<s> ...» (GLK, II, p. 177, 24).

expl.: «...<n>ominatiuus <antum decl>inatur ut praef<ectusurbis> senatuscons<ultum. Et inue>nimus per om<nes fere> //» (GLK, II, p. 183, 5 – изд.: Grammatici Latini rec. H. Keil. Lipsiae, 1857–1880, uol. II).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Аннотация.

Приблизительные размеры целого листа 304 x min. 200 мм (первоначальная высота листа сохранилась); 2 столбца шириной ок. 80 мм.

Библиография.

Антонец 2003: 5; Сквайрс, Ганина 2004: 26.

Фонд 40. Опись 1, № 6.

Бывш. Halberstadt, Bibl. des Domgymn., Fragm. 5.

XII в. Пергамен, 2 фр., л. 1: 109 x 150 мм, текст: 109 x 107 мм; л. 2: 110 x 152 мм, текст: 88 x 107 мм. Раннеготическое письмо, 20 строк (л. 1), 16 строк (л. 2), коричневые чернила, интерлинейрные и маргинальные глоссы, современные тексту.

Содержание.

л. 1–2об.: Priscianus, Institutiones grammaticae II, p. 151, 9 – p. 181, 9 (с лакунами).

~ л. 1лиц.: II, p. 151, 9 – p. 153, 17.

inc.: «// <fibu>lam in humeris aut armillam significat ...» (GLK, II, p. 151, 9).

expl.: «... hoc uolucres facit h<oratus> //» (GLK, II, p. 153, 17).

~ л. 1об.: II, p. 154, 18 – p. 155, 23.

inc.: «// tam forma terminationis quam declinatio prohibuit esse femininum ...» (GLK, II, p. 154, 18).

expl.: «... mas maris uas masculinum uadis ne<utrum> //» (GLK, II, p. 155, 23).

~ л. 2лиц.: II, p. 178, 6 – p. 179, 7.

inc.: «// cum autem in duo separatim intelligenda possint diuidi ...» (GLK, II, p. 178, 6).

expl.: «... quod illa participia uidentur a simplicibus suis esse composita quae //» (GLK, II, p. 179, 7).

~ л. 2об.: II, p. 180, 13 – p. 181, 9.

inc.: «// ut res publica rei publice iusiurandum iurisurandi (*sic*) quod graeci numquam faciunt in compositis dictionibus ...» (GLK, II, p. 180, 13).
expl.: «... cum igitur femininum et neutrum supradicti nominis excorrumpo //» (GLK, II, p. 181, 9 – изд.: Grammatici Latini rec. H. Keil. Lipsiae, 1857–1880, uol. II).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (помета карандашом почерком Г. Шмидта на л. 1лиц. поле: «Prisc. V.»);
Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Разрезы на обоих листах.

Библиография.

Schmidt 1881: 26; Gibson 1972: 124; Passalacqua 1978: 379, № XVI (“codici perduti o irriperibili”); Антонец 2003: 5; Сквайрс, Ганина 2004: 21.

Следующим по степени древности является фрагмент Дигест. Г. Шмидт датировал его XII в. (см. его заглавие на папке, в которой хранится фрагмент: «Fragmenta digestorum I. 2, 2. Saec. XII») (см.: Сквайрс, Ганина 2004: № 13а.). Фрагмент представлен частями двух листов одной и той же рукописи; первый лист содержит начало Дигест: I, 2, 2, 21 – I, 2, 2, 49 (с лакуной). Размер лакуны позволяет установить, что текст на целом листе рукописи был расположен в 2 столбца, один из которых (второй столбец на лицевой стороне листа и первый столбец на оборотной стороне) был впоследствии срезан. По объему текста, содержащегося в одном столбце, можно вычислить, что наш фрагмент был частью второго листа рукописи, что, возможно, и стало причиной его утраты. Второй лист (л. 2 = № 33) представляет собой поле рукописи, на нем сохранились только многочисленные глоссы и обрывки строк основного текста. Тем не менее на основании сохранившихся частей текста и содержания маргинальных комментариев достаточно точно можно установить, что лист содержал текст I, 12, 1, 14 – I, 16, 4, 5.

Чтобы оценить московский фрагмент с точки зрения его места в рукописной традиции, необходимо кратко изложить особенности рукописной традиции Дигест, ориентируясь прежде всего на лучшее критическое издание и текстологическое исследование Дигест, выполненное Теодором Моммзенем (Mommmsen 1870).

Из дошедших до нас рукописей Дигест единственным надежным источником текста является Флорентийский кодекс, написанный унциалом и датируемый VI–VII вв. По степени древности и ценности к нему примыкают так называемые *reliquiae Neapolitanae* – четыре листа палимпсеста, содержащие часть десятой книги Дигест;

и reliquiae Pommersfeldenses – небольшие фрагменты сорок пятой книги, написанные на папирусе (и те, и другие фрагменты относятся к VI–VII вв.). Эти три рукописи, некогда содержавшие весь корпус Дигест, составляют первую, наиболее важную, группу рукописных источников.

Особое место занимает Берлинский кодекс, который, наряду с эпитомой Юлиана⁶, содержит тетрадь с текстом последней части «Институций» Юстиниана и начала Дигест (до I, 20, 11), добавленную в кодекс позднее и датируемую IX в. Это единственная известная рукопись Дигест, написанная между концом VII в. и серединой XI в. Т. Моммзен считает, что она не могла быть переписана непосредственно с Флорентийского кодекса, но может восходить к нему через посредство промежуточного списка.

Все остальные рукописи Дигест – это так называемые «болонские рукописи» (codices Bononienses), то есть рукописи, так или иначе связанные с деятельностью болонских ученых XI в.⁷ Эти рукописи составляют вторую, весьма многочисленную, группу рукописных источников, и, по словам Т. Моммзена, «testes sunt primumque fallaces, dubii semper». Детально исследовав рукописную традицию Дигест, Т. Моммзен пришел к выводу, что после VI в. (времени правления Юстиниана) Дигесты были забыты и открыты вновь только в конце XI в., когда болонскими учеными был обнаружен Флорентийский кодекс. Именно к нему в конечном счете восходят все списки, сделанные в XI в. и позднее. Древнейшие, и лучшие, из болонских рукописей (все они относятся к концу XI – началу XII вв.) были переписаны с Флорентийского кодекса не непосредственно, а через промежуточную, ныне утраченную рукопись; этот общий архетип всех болонских кодексов Т. Моммзен обозначает сиглом S.

Возвращаясь к нашему фрагменту, приводим его колляцию с изданием Т. Моммзена.

л. 1лиц.:

23 hi] hii: *Mosc.*; 24 deinceps] deinde: *Mosc.* rem] rem publicam: *Mosc.* perduxerant] perduxerunt: *Mosc.* animaduertisset] animaduerteret: *Mosc.* transtulerat] transtulerant: *Mosc.* abdixisse] abdixisset: *Mosc.* suppositus] subpositus: *Mosc.* petierat] pecierat: *Mosc.* arrepto] arepto: *Mosc.* Algido: alligido: *Mosc.*; 25 tabulae] tabularum: *Mosc.* hique] hii quoque:

---

⁶ Сборник новелл (nouellae, «новые законодательные акты, принятые после издания кодексов Феодосия и Юстиниана»), составленный Юлианом, учителем права из Константинополя, и охватывающий новеллы 535–555 гг.

⁷ Болонскими учеными было введено, в частности, деление на три тома, и с тех пор рукописи, содержащие все 50 книг, встречаются крайне редко.

Mosc.; 26 patres] patris: *Mosc.*; 27 quoque] *om. Mosc. quod*] eo (*add. supra lineam*) quod: *Mosc. urbe*] hurbe: *Mosc.* 29 qui hastae] qui esset hoste (*corr. in haste*) prell(*lacuna*): *Mosc. constituti*] constitui: *Mosc.* 30 constituti sunt: *Mosc. add. supra lineam.*

л. 1об.:

44 hi] *om. Mosc.* Alfenus] alphenus: *Mosc.* Aulus] ualus: *Mosc.* Titus] ticius: *Mosc.* Caesius] celsius: *Mosc.* Ateius] atenus: *Mosc.* Pacuius] pacubius: *Mosc.* Labeonis Antisti] *om. Mosc.* Cinna] cuma: *Mosc.* decem] dedecim: *Mosc.* octo] *add. supra lineam ante libros: Mosc.* Alfenus] alphenus: *Mosc.* Ofilius] offilius: *Mosc.* is] his: *Mosc.* iurisdictione] iurisdictione: *Mosc.* composuit] composuit: *Mosc.* 45 qui idem] quidem: *Mosc.* reliquit] reliquid: *Mosc.* offerret] aufferret: *Mosc.* peritior] pericior: *Mosc.* Cascellio] *om. Mosc.* Cascellius] cascellus: *Mosc.* Cascellii] cascelli: *Mosc.* complures] conplures: *Mosc.* 46 Ligarium] legarium: *Mosc.* is] his: *Mosc.* Ligarius] legarius: *Mosc.* haurire] aurire: *Mosc.* quae] *om. Mosc.* Ligario] legario: *Mosc.* complures] conplures: *Mosc.* 47 Ateius] adte ius: *Mosc.* et] *om. Mosc.* offerretur] aufferretur: *corr. in of- Mosc.* fieret] fieret et: *Mosc. F^{ae} S libris*] liberis: *Mosc.* reliquit] reliquid: *Mosc.* hi] hii: *Mosc.* 48 successit] accessit: *corr. in suc- Mosc.* dissensiones] dissentione: *Mosc.* Nerua] et: *Mosc.* Sabinus] fultinus: *corr. in Sabi- Mosc.*

Из коляции видно, что во многих случаях московский фрагмент отражает произношение народной латыни периода перехода от поздней античности к раннему средневековью: произношение *ti* перед гласным как [ци] (24 *pecierat*, 45 *pericior*), отсутствие придыхания в тех словах, где оно должно быть, и гиперкорректное его прибавление (27 *hurbe* вместо *urbe*, 44 и 46 *his* вместо *is*, 46 *aurire* вместо *haurire* 25 и 47 *hii* вместо *hi*), озвончение конечного *t* (45 и 47 *reliquid* вместо *reliquit*), монофтонгизация дифтонга *au* (45 и 47 *aufferre* вместо *offerre*), утрата геминации согласных (24 *arepto* вместо *arrepto*), переход щелевого *v* в смычный *b* (44 *pacubius* вместо *pacuius*). Примечательно, что Флорентийский кодекс во всем огромном корпусе Дигест ни разу не допускает написание *ti* перед гласным как *ci*.⁸

В других случаях расхождения с текстом издания московский фрагмент представляет ошибки грамматического характера (например, 23 *abdixisset* вместо *abdixisse*; *tabularum* вместо *tabulae* и т. д.) и, особенно частые, ошибки в написании имен (например, 44 *atenus* вместо *Ateius*; *ualus* вместо *Aulus* и др.). Следует отметить также, что многие неверные чтения исправлены в нашем фрагменте

⁸ См.: Mommsen 1870: XXXX: «in tantae molis uolumine nusquam reperies litteras *c* et *t* ante *i* sequente altera uocali inter se permutatas».

на правильные самим переписчиком (30 *constituti sunt*: *Mosc. add. supra lineam*; 44 *octo Mosc. add. supra lineam ante libros*; 48 *accessit: corr. in suc-* *Mosc. fultinus: corr. in Sabi-* *Mosc.*).

Собственно вариантов текста в московском фрагменте обнаруживается лишь несколько:

24 *deinceps] deinde*: *Mosc. rem] rem publicam*: *Mosc.*

27 *quod] eo* (*add. supra lineam*) *quod*: *Mosc.*

47 *fieret] fieret et*: *Mosc. F^{ae} S*

Из них первые три не встречаются в рукописных источниках, учтенных в аппарате Моммзена, и не представляют значительного интереса. Напротив, последний вариант (47 *fieret] fieret et*: *Mosc. F^{ae} S*), в котором московский фрагмент совпадает с *variae lectiones*, содержащимися во Флорентийской рукописи (*F^{ae}*) и с общим архетипом всех болонских кодексов (*S*), имеет существенное значение. Это единственное совпадение московского фрагмента с чтениями, приведенными Моммзеном в аппарате. Но оно является важным свидетельством того, что наш фрагмент относится к группе болонских кодексов и, следовательно, может быть с уверенностью датирован временем после конца XI в. Таким образом, текстологический анализ фрагмента подтверждает датировку Густава Шмидта (XII в.) и определяет его место в рукописной традиции. Наконец, приводим описание фрагмента:

Фонд 40. Опись 1, № 13 и № 33.

XII в. Пергамен, 2 фр., л. 1 (№ 13): 355 x 88–94 мм, текст: 278 x 68 мм; л. 2 (№ 33): 328–353 x 70–73 мм. Каролингский минускул, 60–61 строка, коричневые чернила. Маргинальные и интерлинейные глоссы, современные тексту, но выполненные разными почерками. Рубрики, красные инициалы, изображение руки с указующим перстом. Помета XVII в. красными чернилами на л. 2об. поле: «1600 Jonas Ries. SAT. I.»

Содержание.

л. 1–1об.: *Digesta Iustiniani*, I, 2, 2, 21 – I, 2, 2, 49 (с лакуной).

~ л. 1лиц.: I, 2, 2, 21 – I, 2, 2, 30.

inc.: «// *essent qui edibus preessent in quibus omnia scita sua ples (sic) deferebat ...*» (I, 2, 2, 21).

expl.: «... *et triumviri monetalis eris argenti auri flatores et trium<uiri>//*» (I, 2, 2, 30).

В тексте лакуна: I, 2, 2, 30 – I, 2, 2, 44, соответствующая двум столбцам (срезан один столбец на лицевой стороне листа и один на оборотной).

~ л. 1об.: I, 2, 2, 44 – I, 2, 2, 49.

inc.: «// fere tamen libros conscripserunt alphenus uarus gaius ualus (*sic*) ofilius ticius celsius ...» (I, 2, 2, 44).

expl.: «... neque responsa utique signata dabant sed plerumque //» (I, 2, 2, 49 – изд.: *Digesta Iustiniani Augusti. Recognovit Th. Mommsen. Berolini, 1870*).

л. 2 – 2об.: *Digesta Iustiniani, I, 12, 1, 14 – I, 16, 4, 5.*

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Разрез в середине л. 1, часть текста заклеена бумагой от переплета, лист поврежден червем.

Библиография.

Антонец 2003: 6; Сквайрс, Ганина 2004: 24, 29.

Остальные классические латинские фрагменты коллекции Шмидта датируются более поздним временем. Так, в собрании Шмидта есть фрагменты из двух различных рукописей Горация. Первый из них относится, по-видимому, к XII в. и содержит небольшие фрагменты «Сатир»; второй относится к XIII в. и содержит части «Об искусстве поэзии». Оба фрагмента поступили в библиотеку Гальберштадтской соборной гимназии в качестве дара Теодора Шмида, занимавшего пост директора гимназии до Густава Шмидта. В каталоге рукописей гимназии Г. Шмидта нет описаний данных фрагментов. В то же время Шмидт работал над ними: его рукой на фрагментах проставлены пометы, указывающие точное место соответствующих произведений Горация (см. наше описание ниже). Ниже приводится коляция фрагмента № 10 с изданием С. Боржака: Q. *Horati Flacci opera. Ed. Stephanus Borzsák. Leipzig, 1984.* Для полноты картины в коляции учитываются все расхождения, за исключением написания *e* вместо *ae* и традиционного написания *Virgilius* вместо *Vergilius*.

Фонд 40. Опись 1, № 10. л. 1:

55 Vario] Varo: *Mosc. acquirere] acquirere: Mosc.*; 56 Enni] ennii: *Mosc. FL p² u;* 65 sterilisue] sterilis que: *Mosc., cett.*; 88 discere] dicere: *Mosc.*; 89 comica] comita: *Mosc.*; 90 indignatur] indignator: *Mosc.*; 91 Thyestae] thieste: *Mosc.*; 97 sesquipedalia] sexquipedalia: *Mosc. v dett.*; 98 querella] querela: *Mosc.*

лл. 2–3лиц:

302 qui] quod: *Mosc.*; 308 deceat] doceat: *Mosc. a¹ γ R¹ δ;* 310 chartae] carte: *Mosc.*; 311 sequentur] sequuntur: *Mosc. B K;* 313 sit] fit: *Mosc.*; 314 sit] fit: *Mosc.*; 319 locis] iocis: *Mosc. K U a. corr. M R F L δ' p u;* 323 Grais] graiis: *Mosc. a B U R L δ;* 325 pueri] pueris: *Mosc.*; 326

partis] partes: *Mosc.* diducere] deducere: *Mosc. dett.*; 328 superat] superest: *Mosc.* γ uar., *dett.* poteras] poteris: *Mosc.* eu] est: *Mosc.*; 329 sit] fit: *Mosc.*; 331 imbuerit] imbuerit: *Mosc. cett.* speramus] speremus: *Mosc.* M² R F L δ p u v *flor. Nostrad.*; 334 iucunda] iocunda: *Mosc.* M² F¹ δ pr. p² Э idonea] ydonea: *Mosc.*; 336 percipiant] precipiant: *Mosc.*; 339 ne] nec: *Mosc.* B C u *Seru.* uolet: *Mosc.* M² R F L δ pr. p u v; 340 Lamiae] lanie: *Mosc.*; 346 noto] uoto: *Mosc.*; 348 chorda] corda: *Mosc. cett.*; 350 nec] non: *Mosc.*; 353 est] om. *Mosc. dett.*; 354 si] se: *Mosc.* peccat] peccet: *Mosc.* librarius] liberarius: *Mosc.*; 356 chorda] corda: *Mosc.* a U pr. F L δ u v; 357 Choerilus] cherulus: *Mosc.* Э; 358 terue] terque: *Mosc. cett.*; 360 operi] opere: *Mosc.* a K U δ pr. *Hier. cod. Cantabr.* longo] in longo *Mosc.* a U M δ *corr. Hier. (codd. rec.)* somnum] sopnum: *Mosc.*; 362 capiat] capiet: *Mosc.*; 365 deciens] decies: *Mosc.* R² *cett.*; 371 Messallae] Messale: *Mosc.* nec scit] nescit: *Mosc. cett.* Cascellius] cassellius: *Mosc.* pretio] precio: *Mosc.*; 372 di] dii: *Mosc. cett.* columnae] columpne: *Mosc.*; 375 et Sardo] et om. *Mosc.*; 378 decessit] discessit: *Mosc. Ox. Dorv.*; 380 trochi] troci: *Mosc.*; 384 uitio] uicio: *Mosc.*; 385 nihil] nichil: *Mosc.* u v; 387 Maeci] mecii: *Mosc. cett.*

л. 3об.:

402 Tyrtaeusque] Pyceusque: *Mosc. variant codd.*; 404 uitae] uice: *Mosc.*; 405 Pieriis] Pyeriis: *Mosc.*; 406 longorum] longo est: *Mosc.*; 407 lyrae] lire: *Mosc.*

Как видно из коляции, в подавляющем большинстве случаев московский фрагмент представляет ошибки или неправильные написания. В тех случаях, где он содержит собственно разночтения, он следует то одной, то другой, то третьей из известных рукописных традиций, хотя большая часть разночтений принадлежит к традиции Ψ (по классификации Ф. Клингнера, = класс III по классификации О. Келлера и А. Гольдера).⁹ Как известно, в своем издании С. Боржак отказался от деления рукописей классы, и, на наш взгляд, рассматриваемый фрагмент – наглядное подтверждение справедливости этого отказа в некоторых случаях.

⁹ Совпадения с Ψ (= III): 56 Enni] enni: *Mosc.* F L p² u; 331 speramus] speremus: *Mosc.* M² R F L δ p u v *flor. Nostrad.*; 334 iucunda] iocunda: *Mosc.* M² F¹ δ pr. p² Э; 339 uolet: *Mosc.* M² R F L δ pr. p u v; 385 nihil] nichil: *Mosc.* u v. Совпадения с Θ (= II): 311 sequentur] sequuntur: *Mosc.* B K; 339 ne] nec: *Mosc.* B C u *Seru.*

Совпадения с Q (= I): 308 deceat] doceat: *Mosc.* a¹ γ R¹ δ; 360 longo] in longo *Mosc.* a U M δ *corr. Hier. (codd. rec.)*.

Смешанные случаи: 319 locis] iocis: *Mosc.* K U a. *corr.* M R F L δ¹ p u; 323 Grais] graiis: *Mosc.* a B U R L δ; 356 chorda] corda: *Mosc.* a U pr. F L δ u v; 357 Choerilus] cherulus: *Mosc.* Э; 360 operi] opere: *Mosc.* a K U δ pr. *Hier. cod. Cantabr.*; 378 decessit] discessit: *Mosc. Ox. Dorv.*

Фрагмент № 15 очень мал и не содержит разночтений с указанным выше изданием Боржака, поэтому его колляция не приводится. Ниже даны описания обоих фрагментов.

Фонд 40. Опись 1, № 15.

XI в. Пергамен, 2 фр., л. 1: 38 x 160 мм, текст: 38 x 100 мм; л. 2: 40 x 160 мм, текст: 40 x 100 мм. Раннеготическое письмо, 6 строк, коричневые чернила, маргинальные и интерлинейрные глоссы, современные тексту.

Содержание.

л. 1–2об.: Horatius, Sermones seu Saturae, I, 9, 36 – I, 10, 6 (с лакунами).

~ л. 1лиц.: I, 9, 36 – I, 9, 41.

inc.: «// <Praete>rita et casu tum respondere uadato ...» (I, 9, 36).

expl.: «... Tene relinquam an rem me sodes <non faciam. ille> //» (I, 9, 41).

утрачено 8 строк.

~ л. 2лиц.: I, 9, 50 – I, 9, 55.

inc.: «// Nec magis his aliena malis nil mi officit inquam ...» (I, 9, 50).

expl.: «... expugnabis et est qui uinci possit eoque //» (I, 9, 55).

утрачено 10 строк.

~ л. 1об.: I, 9, 66 – I, 9, 71.

inc.: «// Ridens dissimulare; meum iecur urere bilis ...» (I, 9, 66).

expl.: «... <Religio est. at mi: sum> paulo infirmior unus ...» (I, 9, 71).

утрачено 6 строк.

~ л. 2об.: I, 10, 1 – I, 10, 6.

inc.: «// Nempe incomposito dixi pede currere uersus ...» (I, 10, 1).

expl.: «... et laberi imos ut pulchra poemata mirer //» (I, 10, 6 – изд.: Q. Horati Flacci opera. Ed. Stephanus Borzsák. Leipzig, 1984).

История рукописи.

Библиотека Теодора Шмида (штамп на л. 2лиц.: «GYM[N. HALB.] / EX DON. / THEOD. [SCHMID.]»); библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (пометы Г. Шмида черными чернилами на л. 1лиц.: «Sat. I, 9, 36–41», л. 1об.: «Sat. 1, 9, 66–71», л. 2лиц.: «Sat. 1, 9, 50–55», л. 2об.: «Sat. I, 10, 1–6»); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

На л. 1лиц. и 2лиц. остатки клея и кожи от переплета.

Библиография.

Антонец 2003: 4–5; Сквайрс, Ганина 2004: 24–25.

Фонд 40. Опись 1, № 10.

XIII в. Пергамен, 1 л. + 2 фр., л. 1: 101 x 110 мм, текст: 57 x 62 мм; л. 2: 197 x 120 мм, текст: 143 x 62 мм; л. 3: 111 x 120 мм, текст: 91 x 62 мм. Готическое письмо, 13 строк (л. 1), 33 строки (л. 2), 22 строки (л. 3), коричневые чернила, глоссы современные тексту рукописи на л. 1об. нижнее поле: «Cumque sapit sapiens tunc se putati insipieti//» и на л. 3 об. (нижнее поле).

Содержание.

л. 1–3об.: Horatius, Ars poetica 54–413 (с лакунами).

~ л. 1лиц.: 54–66.

inc.: «// Cecilio plauto que dabit romanus ademptum ...» (54).

expl.: «... Vicinas urbes alit et graue sentit aratrum //» (66).

утрачено 20 строк.

~ л. 1об.: 87–99.

inc.: «// Cur ego si nequeo ignoro que poeta salutor ...» (87).

expl.: «... Non satis est pulchra esse poemata dulcia sunt //» (99).

~ л. 2–2об.: 301–366.

inc.: «// Tonsori licino commiserit o ego leuus ...» (301).

expl.: «... O maior iuuenum quamuis et uoce paterna» (366).

~ л. 3лиц.: 367–388.

inc.: «Fingeris ad rectum et per te sapis hoc tibi dictum ...» (367).

expl.: «... Et patris et nostras nonum que prematur in annum //» (388).

~ л. 3об.: 400–413.

inc.: «// Sic honor et nomen diuinis uatibus atque ...» (400).

expl.: «... Multa tulit fecit que puer sudauit et alsit //» (413 – изд.: Q. Horati Flacci opera. Ed. Stephanus Borzsák. Leipzig, 1984).

История рукописи.

Библиотека Теодора Шмида (штамп на л. 1лиц., 2об., 3лиц.: «GYMN. HALB. / EX DON. / THEOD. SCHMID.»); библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (пометы Г. Шмида черными чернилами на л. 1лиц.: «57», «66», л. 1об.: «87», «99», л. 2лиц. верхнее поле: «Horatii Arte poetica v. 302–366», л. 3лиц. верхнее поле: «Horat. Art. poet. 367–388», л. 3об.: «400», «413»); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

На л. 1лиц., 2об., 3об. следы клея от переплета.

Библиография.

Антонец 2003: 4; Сквайрс, Ганина 2004: 22–23.

Наконец, последний фрагмент латинских классиков, фрагмент «Посланий с Понта» Овидия, происходит из рукописи XIII–XIV в. Фрагмент был описан Г. Шмидтом в его каталоге рукописей соборной гимназии, где Шмидт приводит также и коляцию текста

данного фрагмента, выполненную им по изданию Меркеля (Lipsiae: Teubner, 1851).

Фонд 40. Опись 1, № 7.

Бывш. Halberstadt, Bibl. des Domgymn., Fragm. 8.

XIII–XIV в. Пергамен, 2 л. (= один двойной лист), 179–181 x 100–110 мм, текст: 173 x 50 мм. Готическое письмо, 41 строка, коричневые чернила, маргинальные и интерлинейрные глоссы, современные тексту.

Содержание.

л. 1–2об.: Ovidius, Epistulae ex Ponto II, 4, 7 – II, 9, 47 (с лакунами).
~ л. 1лиц.: II, 4, 7 – II, 5, 13.

inc.: «// Ante oculos nostros presto est tua semper ymago ...» (II, 4, 7).
expl.: «... Moribus ista tuis tam mitia uota dedisti //» (II, 5, 13).

Утрачены 3 строки (т. к. срезано нижнее поле), в тексте лакуна: II, 5, 14 – II, 5, 16.

~ л. 1об.: II, 5, 17 – II, 5, 57.

inc.: «// Vix hac inuenies totum mihi crede per orbem ...» (II, 5, 17).

expl.: «... Huic cum tu placeas et sidera uertice tangas //» (II, 5, 57).

Утрачены 179 строк, в тексте лакуна: II, 5, 58 – II, 8, 38, соответствующая одному двойному листу рукописи.

~ л. 2лиц.: II, 8, 39 – II, 9, 3.

inc.: «// Sic fera quam primum pauido germania uultu ...» (II, 8, 39).

expl.: «... Fama loquax uestras si iam peruenit ad aures //» (II, 9, 3).

Утрачены 3 строки (т. к. срезано нижнее поле), в тексте лакуна: II, 9, 4 – II, 9, 6.

~ л. 2об.: II, 9, 7 – II, 9, 47.

inc.: «// Me fortuna tibi de qua non conqueror hoc est ...» (II, 9, 7).

expl.: «... Adde quod ingenuas didicisse fideliter artes //» (II, 9, 47 – изд.: P. Ovidius Naso. Epistulae ex Ponto. Ed. J. André. Paris, 1977).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (карандашные пометы Г. Шмидта на л. 1лиц. верхнее поле: «ex Ponto II, 4, 7» и на л. 2лиц. верхнее поле: «2, 8, 39»); Научная библиотека МГУ.

Аннотация.

Нижнее поле срезано. Первоначально на листе было 44 строки.

Библиография.

Schmidt 1881: 28–29; Антонец 2003: 4; Сквайрс, Ганина 2004: 21.

В качестве приложения мы включили в наш обзор фрагмент схолиев к VIII сатире Ювенала, датирующийся ок. XIV в., хотя, исходя из упомянутых выше правил, он не считается классическим латинским текстом. Текст схолиев отличен от текста, изданного О. Яном (Jahn 1851). Полный текст второго столбца л. 1лиц. вместе

с кратким описанием фрагмента приведен Г. Шмидтом в его каталоге рукописей соборной гимназии (С. 29–30).

Фонд 40. Опись 1, № 8.

Бывш. Halberstadt, Bibl. des Domgymn., Fragm. 9.

XIV в. (?) Пергамен, 3 фр., л. 1: 113–120 x 144–150 мм, текст: 105–111 x 123 мм; л. 2: 5–11 x 115 мм, текст: 5–11 x 91 мм; л. 3: 7 x 18–28 мм. Мелкое готическое письмо, 2 столбца, 32 строки, коричневые чернила.

Содержание.

л. 1–1об.: Scholia ad Iuuenalis Saturam VIII, 48–158 (с лакунами).

~ л. 1лиц.: VIII, 48 – VIII, 94 (с лакуной).

inc. (1-ый столбец): «*//* *e* et quamuis ex dignitate grauis superbias nos uero ex utilitate contempnas. Facundum id est eloquentem et sapientem ...» (VIII, 48).

expl. (1-ый столбец): «... segnipedes id est pigri, nepotes id est alicuius *//*» (VIII, 67).

inc. (2-ой столбец): «*//* *incendebantur* donec clamarent taurus uidebatur mugire. in hoc missus est beatus Eustachius. sumum dico quod integer permaneas ...» (VIII, 83).

expl. (2-ой столбец): «... sed quid dampnatio tutor et capito ... – ... quicquid propter uestimentum habuit dedit ut hereditatem suam restitueret sibi *//*» (VIII, 94).

~ л. 1об.: VIII, 106 – VIII, 158 (с лакуной).

inc. (1-ый столбец): «*//* *habuit* igitur transmarinas partes et egiptum quintus catullus africanam et sardiniam augustus italiam utramque galliam et utramque hispaniam. sacrilegus Verres ...» (VIII, 106).

expl. (1-ый столбец): «... spoliatis a pecunia quod modo ad hoc in iuuenem de generositate sui generis *//*» (VIII, 125).

inc. (2-ой столбец): «*//* si te delectat securis id est sanguinis effusio ...» (VIII, 136–137).

expl. (2-ой столбец): «... sed cum peruigiles quia nocturnas et (1 слово неразб.) cum de superfluitate arg *//*» (VIII, 158).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

На л. 1об. следы клея от переплета.

Аннотация.

Два малых фрагмента оторваны снизу от большого и содержат продолжение его текста.

Библиография.

Schmidt 1878: 29–30; Антонец 2003: 6; Сквайрс, Ганина 2004: 22.

2. СРЕДНЕВЕКОВАЯ АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Латинская агиографическая литература представлена в коллекции Г. Шмидта тремя фрагментами. Два из них (№ 14 и № 30) содержат текст «Золотой легенды» Иакова Ворагинского, третий (№ 27), по-видимому, представляет собой фрагмент сборника житий святых и содержит фрагмент 167 главы «Золотой легенды» и фрагмент жития Св. Августина, написанного Филиппом из Гарвенгта.

Филипп из Гарвенгта (лат. *Philippus de Haruengt*, после 1100 – 11 / 13 апреля 1183 г.) был одним из крупнейших теологов XII в. Он родился в Гарвенгте (*Haruengt*) близ Монса в простой семье (*plebeius*) и, возможно, учился в Парижском университете. В 1129 г. он стал приором аббатства Бонн-Эсперанс, основанного незадолго до того (в 1126 / 1127 гг.). Перу Филиппа принадлежат духовно-философские сочинения, излагающие Священное Писание в аскетическо-мистическом духе, проповеди, послания, а также жития святых (*Leinsle U. G. // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. VII, 1994. Spalte 490–493*).

Иаков Ворагинский, или Якопо из Варацце (итал. *Jacopo da Varazze*, лат. *Iacobus de Voragine / Varagine*, ок. 1229–1298), теолог, монах доминиканского ордена, был автором нескольких сборников проповедей и «Генуэзской хроники» (*Chronicon Genuense*), однако всемирную известность ему принес свод житий, который сам он называл «Легендой святых» (*Chron. Gen. XII, IX*), переписчики рукописей – «Золотой легендой» (*Legenda aurea*), а составители первых печатных изданий – *Historia Lombardica*. Уже при жизни автора «Золотая легенда» получила широкое распространение во всей Европе. В настоящее время известно около 700 рукописей этого произведения. Первоначально авторский текст «Легенды святых» содержал, по-видимому, 180 житий: именно столько житий сохраняют некоторые из самых ранних рукописей, датируемые XIII в. Однако впоследствии в текст было внесено множество дополнений и вставок: так, первое печатное издание, вышедшее в 1471 г., включает 280 житий, а последующие издания – гораздо больше. Творчеству Иакова Ворагинского и его «Золотой легенде» посвящена замечательная статья И. Н. Голенищева-Кутузова в его книге «Средневековая латинская литература Италии» (Голенищев-Кутузов 1972: 199–225).

Долгое время единственным современным изданием латинского текста «Золотой легенды» оставалось издание Теодора Грессе (*Graesse* 1850). Издание Грессе выдержало три переиздания (1846; 1850 и 1890 гг.), однако было неудачно, так как оно основано на

печатных изданиях, а не на рукописях, и содержит много ошибок. В 1998 г. во Флоренции вышло новое, критическое, издание латинской «Золотой легенды», выполненное Джованни-Паоло Маджони (Maggioni 1998)¹⁰. К сожалению, во время составления описания оно оказалось для нас недоступным, поэтому текст всех трех упомянутых фрагментов описан по изданию Грессе. Ниже приводятся описания.

Фонд 40. Опись 1, № 14.

XIV в. Пергамен, 6 л. (= 2 двойных листа + 2 листа), 162–188 x 131–136 мм, текст: 153 x 117 мм. Готическое письмо, 2 столбца, 35 строк, коричневые чернила. Красные и синие филигранные инициалы, рубрики.

Содержание.

л. 1–6об.: Iacobus de Voragine, *Legenda aurea* p. 178–273 (с лакунами).

~ л. 1лиц.–1об.: Cap. XLIV, De cathedra sancti Petri (excerptum).

inc.: «// triplicem festiuitatem quam de eo ecclesia celebrat ...» (p. 180).

expl.: «... iuxta illud et simplices sicut columbe.» (fin. – p. 183).

~ л. 1об.–2об.: Cap. XLV, De sancto Mathia apostolo (excerptum).

рубрика: «Mathie apostoli».

inc.: «Mathias hebraice latine dicitur donatus domino uel donatio domini ...» (p. 183).

expl.: «... in nonnullis uero codicibus legitur quod patibulum crucis pertulit et tali martyrio //» (p. 187).

В тексте лакуна: p. 187–194.

~ л. 3лиц.–4об.: Cap. XLVI, 6–17, De sancto Gregorio (excerptum).

inc.: «// Tante autem largitatis et elemosinarum extitit ut non solum praesentibus sed in longe positis ...» (XLVI, 6 – p. 194).

expl.: «... quod cum praedicto monacho quasdam monasteriorum cartulas rapuisset ac //» (XLVI, 17 – p. 201).

~ л. 5лиц.–5об.: Cap. LVII (55), 8–fin., De sancto Ambrosio (excerptum).

inc.: «// fuissent a populo lapidati theodosius imperator indignatus iussisset omnes interimi ...» (8 – p. 257).

expl.: «... ita semper habui tamquam eam celesti oraculo acceperim. Vita et passio sanctorum tiburcii et valeriani in passione sancte cecilie continetur.» (fin. – p. 259).

~ л. 5об.: Cap. LVIII (56), De sancto Georgio (excerptum).

рубрика: «Georgii martyris».

---

¹⁰ В 2004 г. появилось новое издание французского перевода «Золотой легенды»: *La Légende dorée / Jacques de Voragine; préface de Jacques le Goff.* Paris, 2004 (Bibliothèque de la Pléiade; 504).

inc.: «Georgius dicitur a geios quod est terra et orge quod est colere, quasi colens terram id est carnem suam ...» (p. 259).

expl.: «... succedemus te et domum tuam. Quod rex uidens cepit filiam flere dicens: Heu me filia mea //» (p. 260).

~ л. блиц.–6об.: Cap. LIX (57), 1–fin., De sancto Marco euangelista (excerptum).

inc.: «// <exh>alauit circa annos domini LXIII sub nerone. Cum autem pagani eum comburere uellent ...» (p. 267).

expl.: «... cum multo gaudio feliciter obdormuit.» (fin. – p. 271).

~ л. 6об.: Cap. LX (58), De sancto Marcellino papa.

рубрика: «Marcellini papae et martyris».

inc.: «Marcellinus annis IX et mensibus IIIor romanam ecclesiam rexit ... (p. 271).

expl.: «... qui statim iuit et iussa expleuit.» (fin. – p. 272).

~ л. 6об.: Cap. LXI (59), De sancto Vitali (excerptum).

рубрика: «Vitalis martyris».

inc.: «Vitalis quasi uiuens talis quia qualis uiuebat exterius in opere ... (p. 272).

expl.: «... per VII dies insaniens in illo loco exclamabat dicens: Incendi<s> //» (p. 273 – изд.: Graesse 1850).

История рукописи.

Шифр карандашом на л. 6об. нижнее поле: «Philos. 2, 7 (?), 392»; шифр чернилами на л. 4лиц. левое поле: «Theologie L. I. 570».

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (нумерация страниц почерком Г. Шмидта на л. 1лиц. верхнее поле: «1»; на л. 1об.: «2»; на л. 2лиц.: «3»; на л. 2об.: «4»; на л. 3лиц.: «9»; на л. 3об.: «10»; на л. 4лиц.: «11»; на л. 4об.: «12»; на л. блиц.: «13»; на л. 6об.: «14» (л. 5лиц.–об. – без нумерации); пометы почерком Г. Шмидта на л. 2об. верхнее поле: «5–8 fehl.»; на л. 6об. верхнее поле: «multa folia desunt»); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Следы клея и остатки кожи от переплета на л. 1лиц. и 4об., 2лиц. и 3об., 5об.

Аннотация.

Два двойных листа (л. 1–4, или стр. 1–4 и 9–12 по пагинации Г. Шмидта) представляют собой два внешних двойных листа тетради; средние листы (стр. 5–8 по пагинации Г. Шмидта) утрачены, чем объясняется лакуна в тексте: р. 187–194, соответствующая 1 двойному листу рукописи, содержавшему конец жития апостола Матфея и начало жития Григория Великого. Последовательность л. 5 и л. 6 установлена на основании издания.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 24.

Фонд 40. Описание 1, № 27.

XIV–XV в. Пергамен, 1 фр., 197–205 x 237–285 мм, текст: 200–205 x 235 мм. Готическое книжное письмо, 2 столбца, 19–20 строк.

Содержание.

л. 1 лиц. (1 столбец): Iacobus de Voragine, Legenda aurea, cap. CLXXII (167), De Sancta Catherina (excerptum).

inc.: «// <pueri>s pleno sola remansit. habuit enim <pu>lcritudinem unde dicitur quia erat specio<sa> ualde et incredibili pulcritudine omni<u>m oculis admirabilis uidebatur ...».

expl.: «... tunc enim tres imperium tenebant scilicet constantinus //» (р. 797 – изд.: Graesse 1850).

л. 1 лиц. (2 столбец) – 1 об.: Philippus de Harveng, Vita beati Augustini Hipponensis episcopi (excerptum).

inc.: «// ethnicus, ista uero catholica. Qui diuino nescientes ducti consilio ...» (PL, uol. 203, col. 1206 B).

лакуны: «expenderet dum pro uoto proficeret ... – ... coaeuos et consimiles male<bat>»; «uento uiuit et aura ... – commendans aliam uehementer».

expl.: «... diuine i<taque> ualefaciens scripture in mani<chaeorum> incidit sectam nomine patris et filii //» (PL, uol. 203, col. 1207 C).

История рукописи.

Помета карандашом на л. 1 лиц. (правый верхний угол: «5»). Шифр черными чернилами на л. 1 лиц. (между столбцами: «Libb. philos. f. 2 N. 16»). Владельческая запись на л. 1 лиц. (между столбцами: «S. Iohannis», «Monasterii Halberstadiensis»).

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Срезано боковое поле и 2–3 буквы текста. На л. 1 об. следы клея от переплета, одна строка стерта, загнут угол.

Аннотация.

Размер лакун в тексте позволяет определить, что срезанная нижняя часть листа содержала 16–20 строк и, следовательно, целый лист – 36–40 строк.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 27–28.

Фонд 40. Описание 1, № 30.

XIV в. Пергамен, 2 фр., л. 1: 200–202 x 74–77 мм, текст: 164 x 57 мм; л. 2: 200 x 73–77 мм, текст: 164 x 54 мм (фрагменты составляют 1 лист размером 208 x 150 мм, текст: 164 x 114 мм). Готический курсив, 2 столбца, 36 строк, коричневые чернила. Красные рубрики, красные инициалы.

Содержание.

л. 1лиц.–2лиц. – 1об.–2об.: Iacobus de Voragine, *Legenda aurea* (excerptum).

~ Cap. XXXVIII, De sancto Blasio (excerptum).

inc.: «// decollari deberent flexis genibus adorauerunt dicentes Deus qui nos a tenebris liberasti et in hanc dulcissimam lucem adduxisti ...».

expl.: «... ecce uox de celis ad eum uenit quod sic fieret ut orauit sicque cum duobus puerulis decollatus est domini circa annos CCLXXXVII (*sic*)» (p. 169).

~ Cap. XXXIX, De sancta Agatha uirgine (excerptum).

заглавие: «Agatha V.».

inc.: «Agatha dicitur ab agyos quod est sanctus et theos deus quasi sancta dei ...»

expl.: «... qui eam sepelierunt».

заглавие: «PASSIO».

inc.: «Agatha uirgo ingenua mente et corpore pulcherrima in urbe ...».

expl.: «... et ecce circa mediam noctem uenit ad eam quidam senex quem antecedebat //» (p. 171 – Gnaesse 1850).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (пометы карандашом на л. 1лиц, верхнее поле: «7», на л. 2лиц, нижнее поле: «6»); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

На л. 1об. и 2об. следы клея.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 28.

3. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ

Средневековая религиозная поэзия представлена в собрании Шмидта двумя фрагментами самого популярного в средние века стихотворного переложения Библии – «Авроры» Петра Риги (ум. в 1209) (Manitius 1931: 820–831). Подробному анализу обоих фрагментов, а также описанию жизни и творчества Петра Риги посвящены упомянутые ниже работы Е. Р. Сквайрс и М. Р. Ненароковой. Мы ограничимся описаниями:

Фонд 40. Опись 1, № 1.

XIII в. Пергамен, 1 л., 203 x 112–138 мм, текст: 200 x 124–131 мм (часть текста срезана). Готический минускул, 2 столбца, 52–55 строк, коричневые чернила. Красные инициалы и рубрика.

Содержание.

л. 1лиц.–1об.: Petrus Riga, *Aurora* 263–474.

inc.: «// Ad gazam ueniens dux belliger idola tollit ...» (263).

В тексте лакуны: срезана часть 316 строки, концы строк с 317 по 371 и начала строк с 372 по 423.

expl.: «De patre facturi cesar in aure tua. Explicit liber machabeorum» (474 – изд.: Aurora. Petri Rigae Biblia versificata. A Verse Commentary on the Bible. Part I. Ed. P. E. Beichner. University of Notre Dame Press, 1965).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Срезано верхнее и нижнее поле; срезаны правый верхний и нижний угол и правое поле, из-за чего утрачены концы и начала строк.

Сведения о реставрации.

Фрагмент реставрирован в 2001 г.

Библиография.

Сквайрс, Ненарокова 2002: 170–177; Сквайрс, Ненарокова 2004: 51–84; Сквайрс, Ганина 2004: 19.

Фонд 40. Опись 1, № 25.

XIII в. Пергамен, 4 л., 205 x 155–159 мм, текст: 167 x 110 мм.

Книжное готическое письмо, 20 строк, коричневые чернила.

Красные инициалы.

Содержание.

л. 1–2об.: Petrus Riga, Aurora 201–280.

inc.: «// Affuit hic ionathas quia regis purpura uestit» (201).

expl.: «... Federis amplexu iunxit utrosque sibi» (280).

в тексте лакуна: 281–360, соответствующая двум листам рукописи.

л. 3–4об.: 361–438.

inc.: «// Ira uirum torquet et aristobolum tenet illum» (361).

строки, отсутствующие в изданиях:

post 390: «Nos apud hemathias pompeius tempori uictus est

Dum subit egyptum uertice plenus obit».

expl.: «Ierusalem parit huic tempore quemque suo //» (438 – изд.:

Aurora. Petri Rigae Biblia versificata. A Verse Commentary on the Bible. Part I. Ed. P. E. Beichner. University of Notre Dame Press, 1965).

История рукописи.

Шифр черными чернилами на л. 4об. нижнее поле: «Theolog. K. VI. 161».

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Сведения о реставрации.

Реставрирован в 2001 г.

Библиография.

Сквайрс, Ненарокова 2002: 170–177; Сквайрс, Ненарокова 2004: 51–84; Сквайрс, Ганина 2004: 26–27.

4. ПОСЛАНИЯ

Эпистолярный жанр представлен в коллекции Г. Шмидта фрагментами посланий Иво Шартрского (фрагмент № 3) и писем Петра Винеяского (№ 9).

Иво Шартрский (ок. 1040 – 23 декабря 1116 г.) родился в области Бовэ, изучал свободные искусства и философию в Парижском университете. Затем отправился в Бек (Вес), где, вместе с Ансельмом Кентерберийским, прослушал курс богословских наук у Ланфранка. Начав свою церковную карьеру каноником церкви в Неле (Nesle), 24 ноября 1090 г. Иво был назначен епископом Шартрским. В нелегкой борьбе с королем Филиппом I и архиепископом санским Рихером Иво Шартрского неизменно поддерживал папа Урбан II, с которым Иво был в дружеских отношениях. Иво прилагал огромные усилия к изучению церковного права и стал его непревзойденным знатоком, за что пользовался большим авторитетом у современников (Иво Шартрского нередко считают предшественником Грациана). Главными трудами Иво в этой области были два собрания канонического права: *Decretum* в 17 книгах (написано ок. 1095 г.) и *Panormia* (*Pannomia*) в 8 книгах. Его перу принадлежат также *Sermones* – сборник проповедей, включающий 24 проповеди. Важнейшую часть литературного наследия Иво Шартрского представляют его письма, которые уже в средние века были необычайно популярны (рукописи посланий Иво очень часто встречаются в каталогах средневековых библиотек). Историческое значение писем Иво Шартрского состоит в том, что благодаря им проясняется французская церковная история с 1090 до 1115 гг. Среди корреспондентов Иво были папа Урбан II и Ансельм Кентерберийский, с которым Иво находился в дружеских отношениях. Иво Шартрский не проявлял особого интереса к свободным искусствам после окончания университета, однако его послания содержат большое число цитат из античной литературы (Manitius 1931: 96–99).

Петр Винеяский (1190?–1249), канцлер и секретарь императора Священной Римской Империи Фридриха II, родился в Капуе, изучал юриспруденцию в Падуе. Обладая исключительным дипломатическим талантом, он постоянно защищал императора от нападков врагов и папы Римского. На Лионском соборе Петр Винеяский доверил защиту Фридриха II знаменитому юристу Таддео из Суэссы, который не смог предотвратить осуждение императора и его отлучение

от Церкви. Заподозрив Петра в предательстве, Фридрих заточил его в тюрьму в Пизе и велел ослепить, тем самым лишив его возможности защитить себя. Не вынеся такой несправедливости, Петр Винейский совершил самоубийство. Петр Винейский был человеком высокой культуры и большой одаренности; его законодательные реформы принесли большую пользу благосостоянию Италии. «Послания» Петра Винейского, большинство из которых написано от имени императора, содержат множество ценных сведений по истории и культуре XIII в.

В каталоге рукописей гимназии Г. Шмидт приводит краткое описание текста фрагмента посланий Иво Шартрского, ориентируясь на текст парижского издания 1585 г. (Ivonis episcopi Carnotensis epistolae. Parisiis ap. Seb. Nivellium 1585, 4) и используя нумерацию посланий, принятую в этом издании. Предлагаемое ниже полное описание текста фрагмента выполнено по более современному изданию «Латинской патрологии» Миня и учитывает его нумерацию. Фрагмент посланий Петра Винейского описан Г. Шмидтом очень кратко, поэтому мы приводим ниже полное описание его текста, используя Базельское издание 1566 г. (насколько мне известно, современного издания писем Петра Винейского не существует).

Фонд 40. Опись 1, № 3.

Бывш. Halberstadt, Bibl. des Domgymn., Fragm. 7.

XII в. Пергамен, 4 л. (= 2 двойных листа) + 2 фр., 213 x 148–153 мм, текст: 168–171 x 108–112 мм; фр. 1: 80–85 x 137 мм, текст: 57 x 112 мм; фр. 2: 92–96 x 122 мм, текст: 65 x 92 мм. Мелкое книжное готическое письмо, 35 строк, 12–13 строк (фр. 1), 14 строк (фр. 2), коричневые чернила. Красные инициалы.

Содержание.

л. 1–5об.: Iuo Carnotensis, Epistulae.

~ л. 1(= фр. 1)лиц.: Epistula 17 (excerptum).

inc.: «// pennas columbe <et auolabis a molestiis et requiesces et inhabitabis in solitudine> mentis ... (PL, uol. 162, col. 0029D).

expl.: «... non audeo manus subtrahere suscepto regimini. Non audeo officium linguae mee negare populo dei, cottidie //» (col. 0030B).

л. 1об.: Epistulae 17 (fin.); 18 (init.).

inc.: «// uobis precitis militare. Et quomodocumque res se habeat ... « (ep. 17 – col. 0031A).

expl.: «... nisi se ipsum praeuaricatoreм constituere. Si vero accep<tis> // (ep. 18 – col. 0031C).

~ л. 2лиц.–2об.: Iuo Carnotensis, Epistulae: 20 (fin.); 21; 22; 23; 24 (init.).

inc.: «// <conten>ti estote, quam si trangressi fueritis, scio quia ulterius episcopum habere non uultis...» (ep. 20 – col. 0033D).

expl.: «... non haec quasi ignorantia scribo, sed persuasum esse vellem tue paternitati, ut iterum manum //» (ep. 24 – col. 0036B).

В тексте лакуна (epistulae 24 (fin.); 25; 26), соответствующая одному листу рукописи.

~ л. 3–4об.: Epistulae 27; 28; 29; 30; 31 (init.).

inc.: « IVO dei gratia car<notensium> episcopus Eudoni normannie dapifero a zelo bono non torpescere. Quesivit a me dilectio tua utrum contra eum qui ...» (ep. 27 – col. 0038D).

expl.: «... depono in manu uestra praelationem quam hactenus habui in ecclesia beati quintini toto //» (ep. 31 – col. 0043C).

В тексте лакуна (epistulae 31 (fin.); 32; 33 (init.)), соответствующая одному листу рукописи.

~ л. 5лиц.–5об.: Epistulae 33 (fin.); 34; 35; 36 (init.).

inc.: «//<per>mittet. De cetero karissime leta tua et tristia tua communica suo tempore diligenti de dilecto ...» (ep. 33 – col. 0046A).

expl.: « ... collaudata a uobis eius electione in prioratus sui sede eum sublimare debuistis. //» (ep. 36 – col. 0048C).

л. блиц. (= фр. 2): Vrbanus II, Epistulae et priuilegia, 45.

inc.: « // <De>cembris VIII. Kalendas. <Epistula XLV.> Urbanus episcopus seruus seruorum dei R<icherio> senonensi archiepiscopo salutem et apostolicam [benedictionem]. Quantas pro gaufrido quondam episcopo carnotensis ecclesiae molestias sus<tinuerit> quantae> ad apostolicam sedem querelae perlate fuerint ...» (ep. 45 – PL, uol. 151, col. 0326C).

expl.: «... dulcedinem postulamus, ut omni litis fomite consopito, benignitate //» (ep. 45 – col. 0327A; изд.: Patrologiae cursus completus, series Latina, ed. J.–P. Migne. Parisiis.).

История рукописи.

Шифр черными чернилами на л. 3лиц. поле: «R I, 422.»

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (пометы карандашом на нижнем поле почерком Г. Шмидта: «II» (л. 1лиц.), «V» (л. 2лиц.), «III» (л. 3лиц.), «IV» (л. 4лиц.), «VI» (л. 5лиц.), «I» (л. блиц.), его же пометы карандашом на боковых полях, обозначающие номера посланий в издании: «17» (л. 1лиц.), «17; 98» (л. 1об.), «100; 101; 102» (л. 2лиц.), «103; 18» (л. 2об.), «20» (л. 3лиц.), «105» (л. 3об.), «105; 21» (л. 4лиц.), «106; 107» (л. 4об.), «108; 96; 109» (л. 5лиц.), «23» (л. 5об.), его же помета черными чернилами на л. блиц. («Ер. 2»)); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Загнуты поля листов. Многочисленные проколы. На фр. 2 лиц. остатки бумажной наклейки.

Аннотация.

Л. 2–5 представляют собой два двойных листа, составляющих I и III листы тетради, причем III лист (т. е. л. 3–4) является срединным листом тетради. II лист, находившийся между I и III, утрачен, чем и объясняются лакуны в тексте рукописи.

Библиография.

Schmidt 1881: 28; Сквайрс, Ганина 2004: 19–20.

Фонд 40. Описание 1, № 9.

Бывш. Halberstadt, Bibl. des Domgymn., Fragm. 10.

XIV в., Италия (?). Пергамен, 8 л. (= 4 двойных листа) + 1 фр., 251–293 x 180–218 мм, текст: 213 x 140–145 мм, фр. 1: 2–30 x 60–81 мм. Готическое письмо, 40 строк, горизонтальная реклама на л. 8об. («Quod cause postre»), коричневые чернила, глоссы. Красные и синие инициалы, рубрики.

Содержание.

л. 1–8об.: Petrus de Vineis, Epistulae I, 4–I, 11; I, 24–I, 31; II, 7–II, 15.
~ л. 1–1об.: Index epistularum I, 1 – II, 44.

заглавие: «Incipiunt capitula prime partis epistularum magistri petri de vineis».

inc.: «I. <Q>uerimonia friderici imperatoris super depositione sua ad papam et dominos cardinales».

expl.: «... XLIII. fidelibus suis de uictoria habita contra uolentes iuuare parmenses et de exactione pecunie».

~ л. 2–3об.: I, 4 – I, 11.

inc.: «// nobis adhaerere uolentibus et mandata praesentia deuote seruantibus inuiolata seruari uoluimus ...» (I, 4 – p. 107)

expl.: «... indirecta dirigat et malefacta conformet totius mundi pa<ci>» (I, 11 – p. 125).

~ л. 4–6об.: I, 24 – I, 31.

inc.: «// <ministrator inter> agmina militum casualiter incidit et ad priuatam honestamque custodiam ...» (I, 24 – p. 181).

expl.: «... celestis ordines (sic) cumulatione (sic) descendit euacuare nititur et credens cum superioribus//» (I, 31 – p. 210).

~ л. 7–8об.: II, 7 – II, 15.

рубрика: «Item imperatori super dedicatione cuiusdam ciuitatis».

inc.: «Gaudium quod super omne gaudium maximum reputauimus ...» (II, 7 – p. 268).

expl.: «... praemiis merito ualeamus. <II, 15> (рубрика:) Comitibus et nobilibus marchie ut parent se ad procedendum manu armata contra

rebelles. //» (II, 15 – p. 286; изд.: Epistolarum Petri de Vineis ... libri VI. Basileae ex Officina Ioannis Oporini, Anno Salutis humanae M.D.LXVI. Mense Martio).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (пометы на полях черными чернилами почерком Г. Шмидта на л. 2лиц. («Schluss von I, 4», «I, 5», «I, 6»), 2об. («I, 7», «I, 8»), л. 3лиц. («Schluss v. I, 8», «I, 9»), л. 3об. («I, 10», «I, 11»), л. 4лиц. («I, 25»), л. 4об. («I, 26», «I, 27»), л. 5лиц. («I, 27 Schluss», «I, 28»), л. 5об. («I, 29»), л. 6лиц. («I, 29», «I, 30»), л. 6об. («I, 31»), л. 7лиц. («II, 7», «II, 8», «II, 9»), л. 7об. («II, 10»), л. 8лиц. («Schluss von II, 10», «II, 11», «II, 12»), л. 8об. («II, 13», «II, 14», «II, 15»)); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Листы повреждены в верхней части. На лл. 1об.-2лиц. и 3лиц.-4об. следы клея от переплета.

Аннотация.

Четыре двойных листа являются частями трех последовательных тетрадей: л. 1–2 представляют собой внешний двойной лист первой тетради (средние листы утрачены, чем объясняется лакуна в тексте: index epistularum II, 45 – VI, 33; epistulae I, 1 – I, 4); л. 3–6 представляют собой два внешних двойных листа второй тетради (средние листы утрачены, чем объясняется лакуна в тексте: I, 11 – I, 24); л. 7–8 представляют собой внешний двойной лист третьей тетради (средние листы утрачены, чем объясняется лакуна в тексте: I, 31 – II, 7). Фрагмент отрезан от верхней части л. 3 и содержит часть текста послания I, 8 на лицевой стороне и часть текста послания I, 9 – на оборотной стороне.

Библиография.

Schmidt 1881: 30; Сквайрс, Ганина 2004: 22.

5. ФРАГМЕНТЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

С нашей точки зрения, фрагменты средневековых филологических сочинений, хранящиеся в коллекции Г. Шмидта, представляют больший интерес для филолога-классика, нежели фрагменты других жанров средневековой литературы, поэтому в настоящем сообщении им уделяется большее внимание.

Наиболее древнее филологическое сочинение средневековья из входящих в коллекцию Г. Шмидта представлено фрагментом № 21 (*Liber glossarum* (excerptum)).

Обширный глоссарий под названием *Liber glossarum* («Книга глосс») ¹¹ был, по-видимому, составлен в Корби ¹² в конце VIII в. неким Ансилевбом (*Ansileubus*) по поручению аббата Адальгарда. Источниками «Книги глосс» служили, во-первых, сочинения, наиболее близкие по своей структуре к глоссарию: древние сборники глосс и глоссарии (в этом случае Ансилевб использовал помету *De glossis*), из которых наиболее известными были глоссарии *Abstrusa* и *Abolita*; ¹³ так называемый Глоссарий Плацида ¹⁴ (этот источник отмечается как *Placidi*); глоссы к произведениям Вергилия (отмечаемые в «Книге глосс» пометой *Virgili*); «Этимологии» Исидора (помета *Isidori*); «Синонимы Цицерона» (помета *Ciceronis*) ¹⁵; выдержки из сочинения Павла Орозия «Об орфографии» (помета *Paulus*, иногда *Orosius*); и во-вторых, более объемные энциклопедические труды, среди которых уже упомянутое сочинение Исидора Севильского, а также многочисленные произведения отцов церкви (Августин, Иероним, Амбросий, Григорий Великий, Евхерий); исторические произведения (Евтропий, Павел Орозий); труды по медицине (пометы: *Galen*, *Hippocratis*, *ex Pandectis Medicis*, *ex Libris Medicinalibus*, *Oxeapathetica*); «Физиологи» (помета *Hoc Fisici Dicunt*); грамматические сочинения (*Audax*, *Phocas*, *Caper*); руководства по риторике (*Iuliani Toletani liber de uitiis*).

---

¹¹ О «Книге глосс» см.: Loewe 1876; Goetz 1893: 213–288; CGL, v. I: Goetz *De glossariorum*: 104–117; Weijers 1991.

¹² Одной из последних работ, посвященных аббатству Корби и его знаменитой мастерской письма, является книга Д. Ганца (*Ganz* 1990).

¹³ Глоссарии получили свое название по первым словам. Глоссарии *Abstrusa* и *Abolita* изданы в III томе *Glossaria latina* (1926 г.).

¹⁴ Глоссы Плацида изданы в IV томе *Glossaria latina* (1930 г.).

¹⁵ Сборник синонимов, встречающихся в произведениях Цицерона, существовал в нескольких редакциях, каждая из которых называется по ее первым словам. Гуманистическая редакция *Abditum, opertum* (о ней см.: CGL I: 81–86) издана В. Мане в двух вариантах: *M. Tullii Ciceronis [quae uulgo feruntur] Synonyma ad Lucium Veturium secundum editiones Romanas denuo excudi cur. G. L. Mahne. Lugduni Batavorum, 1850*; *M. Tullii Ciceronis [quae uulgo feruntur] Synonyma ad Lucium Veturium secundum editionem Parisinam denuo excudi cur. G. L. Mahne. Lugduni Batavorum, 1851*. Редакция *Amor, ardor* опубликована К. Барвиком в издании Харисия: *Flavii Sosipatri Charisii Artis grammaticae libri V. Ed. C. Barwick. Lipsiae, 1925 (= 1964)*, p. 412–449. Редакции *Arba, humus* и *Accusat, lacescit* были изданы Паоло Гатти: *Synonyma Ciceronis (Arba, humus) a cura di Paolo Gatti. Genova, 1993 // Università di Genova. Facoltà di lettere. Lexicographica II*; *Synonyma Ciceronis. La raccolta Accusat, lacescit. A cura di Paolo Gatti. Trento, 1994 // Editrice Università degli Studi di Trento. Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche Labirinti 9*.

Выдержки из «Книги глосс» были изданы в пятом томе «Корпуса латинских глоссариев» (CGL v. V: 159–255), а полностью она опубликована во втором томе «Латинских глоссариев» (Glossaria latina).

«Книга глосс» оказала сильнейшее влияние на последующую традицию глоссариев и послужила основой многих других глоссариев и собраний глосс. Прежде всего, она легла в основу очень распространенного в средние века труда итальянского ученого Папия «Начала учености» (*Elementarium doctrinae rudimentum*), написанного в 1053 г. Глоссарий Папия, в свою очередь, послужил источником для написанной ок. 1192 г. «Книги словопроизводства» (*Liber derivationum*) Гугуциона Пизанского (ум. в 1210 г.) – экзегетической энциклопедии, имевшей невероятное распространение в средние века. Сохранилось более 200 рукописей этого сочинения, которое существует только в рукописной традиции и ни разу не издавалось в печатном виде. На сочинения Папия и Гугуциона опираются «Католикон» Иоанна Бальба, законченный в 1286 г. (*Ioannis de Ianua de Balbis Summa quae uocatur Catholicon. s. l. et a. [c. a. 1480]*), обширный труд Вильгельма Бритона *Summa* или *Expositiones difficiliorum uerborum*, состоящий из 2500 словарных статей, и даже гуманистический словарь Иоганна Рейхлина *Vocabularius breuiloquus*, изданный в 1475–1476 гг.

Фрагмент «Книги глосс» из коллекции Г. Шмидта представляет собой среднюю часть первоначального целого листа рукописи; нижняя и верхняя части листа отрезаны. Фрагмент, по-видимому, служил обложкой книги или рукописи небольшого формата: на это указывают сгибы, соответствующие корешку, металлическая застежка, прикрепленная к полю, а также остатки бумажной наклейки (вероятно, с шифром) и пометы черными чернилами. Фрагмент можно датировать нач. XII в. Каждая словарная статья снабжена в нем пометой с указанием источника, обведенной прямоугольником; встречаются следующие пометы: *Glossae*; *Ysidori*; *Virgili*; *Placidi*; *Origeni*; *Augustinus*. *Ambrosii*; *Physiologus quoque dicit* (о значении помет см. выше). Ниже приводится описание фрагмента.

Фонд 40. Опись 1, № 21.

XII в. Пергамен, 1 фр., 145–163 x 288 мм, текст: 163 x 217 мм. Книжное готическое письмо, 2 столбца, 21–22 строки, коричневые чернила.

Содержание.

л. 1–1об.: *Liber glossarum seu Glossarium Ansileubi (excerptum). inc.: «// descendens raptam praedam pennis ad <litus> pertrahat ...» (Isid. 12, 7, 10–11).*

в тексте лакуны: л. 1лиц.: AQV 19. (*Ambr.* 5, 18). 20. (*Phys.*); л. 1об.: AR 7. *Arabia regio* (*Isid.* 14, 3, 15). 8. *Arabici* (*Isid.* 8, 5, 59). 9.

Arabicus lapis (Isid. 16, 4, 11). 10. Arrabonem : arram (Abstr.). 11. Arrabo (Isid. 9, 7, 5–6).

expl.: «... Virg. Arandum. Sulcandum. Intercidendum //» (изд.: Glossaria latina. Vol. I. Glossarium Ansileubi siue Librum glossarum ediderunt W.–M. Lindsay, J.–F. Mountford, J. Whatmough. Paris, 1926, p. 60: Aquila; A quo Sergia nomen; Ar).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

На листе сгибы, соответствующие корешку книги и металлическая застёжка, указывающие на то, что лист служил обложкой рукописи или книги. На л. 1 об. помета чернилами и остатки бумажной наклейки. На листе порезы и вырезанные квадраты.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 26 (фрагмент не идентифицирован).

Два следующих по времени грамматических сочинения, фрагменты из которых находятся в Гальберштадтской коллекции, были созданы в конце XII – начале XIII вв.

Первое из этих произведений, знаменитое в средние века «Доктринале» Александра из Вильдьё, представлено фрагментом № 29.

Известный средневековый грамматик и математик Александр из Вильдьё родился между 1160 и 1170 гг. в Вильдьё (под Авраншем), учился в Париже, умер в 1240 или в 1250 г. в Авранше в должности каноника (Personennamen des Mittelalters 2000: 34; Lexicon des Mittelalters: 381; Raby 1934: 86–88; Manitius 1931: 756–761). Одним из основных его трудов было энциклопедическое грамматическое произведение «Alphabetum maius», опирающееся на грамматику Присциана (его части дошли до нас в рукописи XIII века Paris. 7682 A)¹⁶. Выдержки из этой энциклопедии Александр оформил в 1199 г. как отдельное произведение под названием «Doctrinale (puerogum)» («Педагогическая поэма для детей») объемом в 2645 гекзаметрических стихов. «Доктринале» предназначалось для учеников, продолжающих изучение латинского языка и уже прошедших курс элементарной латинской грамматики, которую изучали по учебнику Доната. Со временем «Доктринале» вытеснило грамматику Присциана и стало самым популярным руководством по латинской грамматике. В

---

¹⁶ Другим произведением Александра из Вильдьё был Alphabetum minus, от которого сохранились только первые три слова в глоссе рукописи Amplon. Q 42. Это сочинение представляло собой элементарный учебник латинской грамматики, где в алфавитной форме излагались основные понятия и давались толкования слов.

течение XV в. появилось 290 полных и частичных изданий этого произведения. Известные ученые комментировали, исправляли и дополняли его и в XVI в., несмотря на то, что гуманисты язвительно называли Александра «варваром». С филологической точки зрения «Доктринале» важно тем, что оно внесло большой вклад в нормирование средневековой латыни. До сих пор сохраняет свое значение система латинского синтаксиса в сочинении Александра, послужившая образцом для современных грамматик.

Помимо своего грамматического труда Александр написал «Carmen de Algorismo» («Поэма об арабских цифрах») – стихотворную дидактическую поэму о счете посредством использования только что появившихся в Европе «индийских» (т. е. арабских) цифр (Halliwell 1839). Уже в XIII в. возникло много комментариев к этой поэме и ее переработок. Очень популярным было и другое стихотворное дидактическое произведение Александра о математических вычислениях «Massa compoti» («Все о счете») (Steele 1929). Кроме того, перу Александра принадлежит трактат «De sphaera» (сохранился в рукописи Cod. Erlang. 267), а также стихотворные сочинения «Summarium biblicum»¹⁷ и «Ecclesiale» (Ecclesiale. Ed. L. R. Lind. 1958).

Критическое издание «Доктринале», выполненное Д. Рейхлингом, вышло в 1893 г. (Reichling 1893). Издание содержит описания 250 рукописей «Доктринале», самая ранняя из которых датируется XIII в., и описания его первопечатных изданий. Фрагмент «Доктринале», хранящийся в библиотеке МГУ, происходит из поздней рукописи (XIV–XV в.) и содержит много ошибок. В то же время, в тексте московского фрагмента наличествует ряд разночтений, отсутствующих в критическом аппарате издания Рейхлинга. Приведенная ниже коллиция московского фрагмента с изданием Рейхлинга учитывает все варианты текста, кроме чисто орфографического написания *e* вместо *ae*. Первый лист *Mosc.* содержит стихи 2268–2320, второй лист – стихи 2473–2524.

л. 1:

2268 possis] possit: *Mosc.* audis] laudis: *Mosc.*; 2270 Samnis] sannis: *Mosc.* dabo tibi] tibi dabo: *P A3 M Mosc.*; 2271 longam] longum: *A P Me Mosc.*; 2273 nomen] cnomen: *Mosc.* in as] *om. Mosc.*; 2274 ceu] seu: *Mosc.*; 2275 monosyllaba] monosyllaba: *Mosc.*; 2276 tresque] tres *Mosc.* 2277 plurali] plurales: *Mosc.*; 2278–2279 recto longam] longam recto: *Mosc.*; 2279 tibi sit tellusque palusque] sit tellus que salus que: *Mosc.*;

¹⁷ Стихотворение описывает главные события Библии и состоит из 212 стихов. Оно дошло в нескольких рукописях: Engelberg. 119 (XIII в.), Monac. 14094. 17279 (XV в.) и 7662 (XV в.), Amplon. F 7. Q 28. 79. 151 (XV в.), Londin. Reg. 2. D. I (XV в.).

2280 Horati] orati: *Mosc.*; 2287 fit moderatus] sit medeyatus: *Mosc.*; 2289 recidit] recedit: *Mosc.*; 2293 propius] propriis: *Me Mosc.*; 2295 usu debes seruare moderno] usus debet *seruare* modernus: *Me* (formare) *Mosc.*; 2296 monosyllaba] monosyllaba: *Mosc.*; 2297 accentus grauis est] est grauis accentus: *S A3 P Me Mosc.*; 2299 syllaba] sillaba: *Mosc.*; 2300 breuisue] brevis que: *Mosc.*; post u. 2301: In circumflexis extremis *uel* in acutus / Usu non credo quicquam differre moderno / *Non* primas medias ue modo pronunciat usus / Circumflectendas aliter quam iure grauandas: *add. Me post u. 2298; Mosc. post u. 2301*; 2303 alias] alios: *Mosc.* facit hoc distancia uocis (distinctio: *Mosc.*) (uocum: *e Mosc.*) *add. S Me Mosc.*; 2304 addis] addes: *S P Me Mosc.*; 2306 di] dii: *Mosc.*; 2307 declinata] declinate: *Mosc.* latine] latino: *Mosc.*; 2311 syllaba] sillaba: *Mosc.*; 2312 *om. Mosc.*; 2315 sequenti] sequente: *Mosc.*; 2320 post 2315 in *Mosc.* seruant] seruat: *S Me Mosc.* compositis] compositio: *Mosc.*

л. 2:

2475 paronomasiam] paranomasiam: *Mosc.*; 2477 dant] dat: *Mosc.* paronomoeon] paranom<en>con: *Mosc.* uim uitat] uitat uim: *Mosc.*; 2479 dant] dat: *Mosc.* schesis onomaton] telonomacon: *Mosc.*; 2481 – totalis] notalis: *Mosc.* homoptoton] omoptoton: *codd. Mosc.*; 2482 flentes tristes] tristes stantes: *Mosc.*; 2484 homoteleuton] omoleucon: *Mosc.* hinc] si: *P Mosc.* subdis] subdes: *Mosc.*; 2485 huicque] atque: *S Me Mosc.*; 2486 polyptoton] poliptocon: *Mosc.*; 2487 litora] littora *Mosc.* fluctus] fructus: *Mosc.*; 2488 populos populis] populis populos: *S P Mosc.*; 2489 hirmos] yrinos: *S e Mosc.*; 2490 liquentes] patentes: *S P Me Mosc. superscr. A3*; 2492 est uirgilius tibi testes: *add. Mosc.*; 2494 polysyndeton] polam<enti>con: *Mosc.*; 2495 Casum iunctura uarie uoces sonantur: *Mosc.*; 2496 dialyton] dialicon: *Mosc.* facient] faciet: *Mosc.*; 2497 metaphora] methaphora: *Mosc.* 2498 catachresis] cathacresis: *codd. Mosc.*; metalempsis] megalempsis: *Mosc.*; 2499 post 2500: *Mosc.*; 2499 onomatopoeia] onomatepeya: *Mosc.* epitheton] epiteton: *Mosc.* homozeuxis] omozeusis: *Me codd. Mosc.*; 2500 synodoche] sinodochen: *Mosc.* periphrasis] perifrasis: *Mosc.*; 2501 hyperbaton] yperbacon: *Mosc.* his] hiis: *Mosc.* hyperbole] yperbolo post ea iungis: *add. Mosc.*; 2503 homo simplex cum dicitur agnus] dicitur agnus cum homo simplex: *Mosc.*; 2504 metaphora] methafora: *Mosc.*; 2505 catachresis] cathatre: *Mosc.*; 2506 uocatur] notat: *Mosc.*; 2507 praeunte] pereunte: *Mosc.* metalempsim] methalempsim: *Mosc.*; 2511 uice uersa] retrouerte: *S P Me Mosc.*; 2512 excellentia] extillentia: *Mosc.*; 2513 ponens nomen] nomen ponens: *A2 Me Mosc.*; 2514 dicendo] imponendo: *Mosc.* (ponendo: *Me*); 2515 iungam] iungas: *S P Me Mosc.* significanti] significandi: *Mosc.*; 2516 epitheton] epiteton: *Mosc.* ut: *om. Mosc.*; 2518 synodochen] sinodochen: *Mosc.* dicens haec est caput albens: *add. Mosc.* (dicens hec est caput alba: *S*; sic dicens hic caput albet: *M*; sic dicens hic caput albus:

e); 2519 onomatopoeiam] onematepeyon: *Mosc.*; 2520 sonitu] senitu: *Mosc. scrofa*] strophā: *Mosc.*; 2521 periphraſis] parifraſis: *Mosc.*; 2524 transcensus uerī] transcendens uerbi: *Mosc. hyperbola*] yperbola: *codd. Mosc.*

Хотя московский фрагмент слишком мал для того, чтобы делать далеко идущие выводы относительно его места в рукописной традиции «Доктринале», несколько наблюдений, касающихся его положения в ней, все же привести можно. Прежде всего следует отметить, что большая часть приведенных выше чтений *Mosc.* представляет собой прямые ошибки (в первую очередь это касается греческих слов, очень немногие из которых написаны в *Mosc.* правильно). В то же время *Mosc.* содержит ряд чтений, общих с рукописями *P* (codex Palatinus Vaticanus 1764, saec. XIII), *M* (codex Marcianus Venetus, Class. XII. Cod. CIX, saec. XIII) и *e* (editiones principes: (1) Sine loco, typographi nomine et anno (Venetiis, Vindelinius de Spira, c. a. 1470) и (2) Tarvisii, sine typographi nomine (Gerardus de Flandria), a. 1472) и, реже – с кодексом *S* (codex Stuttgartiensis, Bibl. Reg. Poet. et Philol. Q. 58, saec. XIII). Кроме того, *Mosc.* содержит ряд собственных чтений, не отмеченных в критическом аппарате издания Рейхлинга, большая часть которых представляют собой дополнения недостающих частей строк в некоторых местах «Доктринале». Описание московского фрагмента таково:

Фонд 40. Опись 1, № 29.

XIV–XV в. Пергамен, 2 л., 209 x 86–120 мм, текст 160 x 70–80 мм. Готическое письмо, 26 строк, маргинальные глоссы на л. 1лиц. Красные инициалы. Помета рукой XIV–XV в. на л. 1об., верхнее поле: «Liber iste constat iiii solidos halb iiii denarios».

Содержание.

л. 1–2об.: Alexander de Villa dei, Doctrinale 2268–2524 (с лакуной).

~ л. 1–1об.: 2268–2316.

inc.: «// Hinc tibi sic possit pro teste uelisque uel laudis ...» (2268).

expl.: «... Accentum seruat in composicio facit et fit //» (2320 hic post 2315).

~ л. 2–2об.: 2473–2524.

inc.: «// Significantis idem me petit ultio digna ...» (2473).

expl.: «... Transcendens uerbi manifestus yperbola fiet //» (2524 – изд.: Reichling 1893).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (пометы (пагинация ?) карандашом в правом верхнем углу на л. 1об.: «1» и на л. 2лиц.: «2»); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Листы были наклеены на крышки переплета, на л. 1лиц. и 2об. остатки кожи от переплета и незначительные следы клея.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 28.

Второе грамматическое произведение конца XII – начала XIII вв. – чрезвычайно популярный в средневековье «Грецизм» Эбергарда Бетюнского – представлено фрагментами из двух различных рукописей (№ 11 и № 28).

О жизни знаменитого в средние века филолога Эбергарда Бетюнского (Raby 1934: 84–86; Manitius 1931: 747–751) неизвестно почти ничего, кроме того, что он родился в Бетюне (графство Артуа, совр. департамент Па-де-Кале): *Nomen gentile Flandrensis seu Catalanus, / Dic patrium nomen Ebrardus Bethuniensis, / Hic interserui nomenque locumque magistri (Graecismus, XXV, 10–12)*; преподавал латинскую грамматику, по-видимому, в церковной среде; некоторое время жил в Анжу: *Qui sunt qui pugnant audaciter? Andegauenses / Qui sunt qui parcunt superatis? Andegauenses: / Egregios igitur liuor negat Andegauenses (Graecismus, III, 10–12)*. Дата его смерти (1212 г.) вычисляется на основании стихотворения неизвестного средневекового автора: *Anno milleno centeno bis duodeno / Condidit Ebrardus Graecismum Bethuniensis*¹⁸. Главным трудом Эбергарда была стихотворная грамматика латинского языка, которая после его смерти получила общеизвестное название *Graecismus*, а самому Эбергарду нередко придавали в последующие века прозвище «грецист» (*Graecista*).

Помимо «Грецизма» Эбергард написал трактат *Antihaeresis* («Против ереси»), направленный против секты вальденсов. В настоящее время известна только одна рукопись *Antihaeresis*. Она хранится в Брюсселе (*Bibl. Royale 1558*) и обычно датируется 1210 г., но, возможно, может быть отнесена и к более раннему времени (*Vicaire 1977: 276*). Первое издание трактата осуществил в 1614 г. Гретсер, опубликов его под неверным названием «Против вальденсов» (*Contra Waldenses*). В трактате «Против ереси» Эбергард сообщает, что он встретил вальденсов в месте под названием *Duillacum*. Этот факт мог бы пролить свет на биографию Эбергарда, однако именем *Duillacum* по-латински называются два населенных пункта: Дюляк-дан-ле-Термене (*Dulhac dans le Termenès*) в современном департаменте Од и Дуильи-пре-де-Перонн (*Douilly près de Péronne*) в современном департаменте Сомма. Факт принадлежности «Грецизма» и «Против ереси» одному и тому же

---

¹⁸ Это стихотворение сохранилось в схолиях Генриха из Гента (*Mirraeus, Bibl. eccl.: 173*). См.: *Manitius 1931: 747–748; Wrobel: VII–VIII*.

автору доказываемся не только параллелизмом и сходством многих деталей, но и обнаруженным Ломейером в *Antihaeresis* пассаже о самом авторе: *ego Ebrardus, natione Flandrensis, Betunia oriundus*, который находится внутри текста и тем самым гарантирует, что он не был прибавлен впоследствии. В тексте «Грецизма» многократно встречаются аналогичные свидетельства, не столь, однако, полные.

Эбергард был также автором трактата *De duodecim abusibus saeculi* («О двенадцати злоупотреблениях этого века»), труда *Proverbia Senecae metricè uersa* («Пословицы Сенеки в метрическом переложении») ¹⁹ и писем. О существовании писем Эбергарда известно только из каталога Дюнского аббатства (*Abbaye des Dunes*) 1628 года, где они значатся под номером 11.17: *Epistulae secundum artem dictatae Eberhardi Bethuniensis* (Исаак 1984), однако обнаружить рукопись писем до сих пор никому не удалось.

Долгое время Эбергарду Бетюнскому приписывали широко распространенную в средние века стихотворную поэтику «Лабиринт» (*Laborintus*) в 1000 стихов ²⁰. В действительности «Лабиринт» написал Эбергард Немецкий (*Eberhardus Alemannus*) в 1220–1250 гг. ²¹

Сочинения Эбергарда остаются недостаточно подробно изученными. Лучше всего исследован «Грецизм». Первое и единственное современное критическое издание «Грецизма» осуществлено Иоганнесом Вробелем в 1887 г. и было удачно (*Eberhardi Bethuniensis Graecismus. Edidit Ioh. Wrobel. Vratislaviae, 1887 // Corpus grammaticorum mediæ aevi. Vol. I*). Вробель использовал 17 рукописей, которые подробно описал в предисловии. После Вробеля значительный вклад в изучение жизни и творчества Эбергарда внес К. Ломейер (*Lohmeyer 1901: 412–430*). Он, в частности, доказал, что главы 1–8 не могут принадлежать самому Эбергарду и являются интерполяцией. Новейшей работой, посвященной Эбергарду и его метрической грамматике, является книга Анн Грондэ «Грецизм Эбергарда Бетюнского сквозь призму глосс», вышедшая в 2000 г. (*Grondeux 2000: 529–548* приведена подробная библиография работ, посвященных Эбергарду).

¹⁹ Издание: Taylor, V.; Duffell, M. J.; Burnett C. S. F. *Proverbia Senecae et versus Ebrardi super eadem*. MS Cambridge, Gonville and Caius College, 122/59, pp. 12–29 // *Euphrosyne* 26, 1998, p. 357–378.

²⁰ Эбергард Бетюнский называется автором «Лабиринта» и в некоторых отечественных работах, напр., в кн.: Антология педагогической мысли христианского средневековья. М., 1994. Т. II, стр. 179.

²¹ Сохранилось около 50 списков «Лабиринта», большинство из которых немецкого происхождения. Об Эбергарде Немецком см., напр.: *Lexicon des Mittelalters* III: 1523.

В своем нынешнем виде «Грецизм» состоит из 27 глав (= 4579 стихов), формирующих три части: (1) введение (Prohemium); (2) восемь глав, рассматривающих весьма разнообразные темы от риторических фигур до греческих этимологий, а также метрики и односложные существительные; и (3) 19 глав, первые 16 из которых рассматривают все восемь частей речи (имя существительное и прилагательное, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие), а три последние носят более теоретический характер (25 – *de speciebus nominum*; 26 – *de accidentibus uerborum*; 27 – *de diasynctica*).

В средние века три отмеченные выше части «Грецизма» носили собственные названия: Prohemium, Prima pars Graecismi, Secunda pars Graecismi, а внутреннее деление этих частей на главы не были тождественны современным. Первая часть (Prima pars Graecismi) состояла из 7 глав, так что современная восьмая глава была седьмой, а современная шестая была пятой (Grondeux 2000: 25–26). Вторая часть (Secunda pars Graecismi) тоже обнаруживала деление, отличное от того, что было дано в издании Вробеля и весьма логично (в отличие от современного издания) состояла из восьми глав, соответствующих восьми частям речи, за которыми шли три добавочные главы о синтаксисе (современные 25, 26, 27). Таким образом, в средние века в Secunda pars Graecismi видели две части: о частях речи и о синтаксисе. В конце XIII в. (или, возможно, ранее) на такое деление было наложено деление на книги: Prohemium составило I книгу, Prima pars Graecismi – II, Secunda pars Graecismi – III, IV и V (первые восемь глав о частях речи были поделены между двумя книгами: одна об имени, местоимении и глаголе, а вторая о пяти остальных частях речи; три последние главы образовали пятую книгу). Издание Вробеля частично воспроизводит средневековое деление.

Prima pars Graecismi (главы I–VIII в издании Вробеля) не принадлежит самому Эберхарду, а была добавлена к его грамматике уже после его смерти. Текст первой части нередко противоречит словам самого Эбергарда в Prohemium и в Secunda pars Graecismi. Восьмая глава в 339 стихах под названием *de nominibus exortis a Graeco* содержит много ошибок. Таким образом, «Грецизм» возник в несколько этапов из разнородных источников.

Эбергард написал свою грамматику в метрической форме (элегическим дистихом), следуя современной ему моде облекать учебный материал в стихи, однако поэтические достоинства труда Эбергарда даже на общем уровне средневековых дидактических поэм невелики, но он явно к ним и не стремился. Труд Эбергарда вряд ли мог служить пособием для изучения грамматики, скорее он

был предназначен для продолжающих учеников и способствовал закреплению, углублению и расширению грамматического материала, главным источником которого был учебник Доната и избранные указания Присциана. Сочинение Эбергарда, не вытеснившее Доната из учебной практики, в структуре (современных) глав 9–27 следует грамматике Доната, может быть именно по той причине, что использование грамматики Доната предполагалось как предшествующая ступень.

Ломейер поднял проблему источников «Грецизма» и показал, что Эбергард использовал *Barbarismus* Доната, Риторику к Гереннию, первую книгу Курса грамматики Присциана и комментарий Петра Гелиэ (*Petrus Helie*, кон. XI – нач. XII) к Присциану.

Грамматика Эбергарда нашла распространение уже в XIII в. и была столь успешна, что даже отчасти вытеснила из преподавания великий нормативный труд Присциана и стала в позднесредневековых университетах обязательным чтением. Одной из причин ее популярности было то, что начиная с III в. н. э. грамматика было принято писать прозой, а грамматика Эбергарда была стихотворной. О степени распространенности «Грецизма» свидетельствует как большое количество рукописей, так и многочисленные фрагменты во флорилегиях и цитаты у других ученых (Александр Неккам, Гуго из Тримберга).

Известно около 250 рукописей «Грецизма», из которых больше половины снабжено глоссами или комментарием. Большая часть рукописей «Грецизма» написана в немецкоязычных странах, второе место по числу рукописей занимает Франция. Наиболее существенную толику глоссированных рукописей дал период с XIII до начала XV в., а временем наибольшего успеха «Грецизма» (по крайней мере по данным сохранившихся рукописей) был XIV в.: устав Тулузского университета установил эту книгу в качестве учебника уже в 1328 г., а устав Парижского университета – в 1366 г., в XIV в. «Грецизм» был принят в качестве учебника и в Венском университете.

«Грецизм» связан своим происхождением с современным ему и не менее распространенным «Доктринале» Александра из Вильдьё (см. выше): обе стихотворные грамматики имели цель сосредоточить изучение латинской грамматики на усвоении тонкостей латинского словаря и некоторых начатков синтаксиса и поддерживали традиции позитивной грамматики. Неудивительно, поэтому, что дальнейшее бытование обеих поэм тесно связано. Впервые цитаты из «Грецизма» и «Доктринале» встречаются у Иоанна из Гарландии (*Ioannes de Garlandia*) в трех его трактатах: «Краткое изложение грамматики» (*Compendium grammaticae*), «Ключ к

краткому изложению» (*Clavis compendii*) и «Университетская этика» (*Morale scholarium*), вышедших между 1234 и 1236 гг. Вторым автором, упоминающим «Грецизм» был канцлер Амьена Ришар де Фурниваль: он включил его, тоже рядом с «Доктринале», в составленную им в 1240 г. «Библиономию» (*Biblionomia*) – список книг, рекомендуемых для публичной библиотеки. Обе стихотворные грамматики фигурируют в нем наряду с традиционными прозаическими. Третье датированное упоминание книги Эбергарда (опять-таки вместе с «Доктринале») засвидетельствовано у Конрада из Мюра (*Conrad de Mure*), певчего собора в Цюрихе, который в марте 1244 г. завершил дидактическую грамматику латинского языка под названием *Graecismus novus* (в 10554 стихах). В качестве отправной точки для своей грамматику Конрад взял название и композицию «Грецизма», о чем говорит в прологе. Во второй половине XIII в. число цитат из «Грецизма» неуклонно возрастает как во Франции, так и в Германии, что свидетельствует о растущем распространении текста.

Как и всякое произведение в стихах, «Грецизм» хорошо запоминается, что удобно для усвоения грамматического материала, но вместе с тем стихотворная форма заставляет его быть временами слишком кратким и эллиптическим. Поэтому для хорошего понимания «Грецизма» был необходим устный курс и глоссы. Основная масса глоссированных рукописей написана во время наибольшей популярности «Грецизма», т. е. в XIII–XIV вв., большинство неглоссированных рукописей датируется XV в. Несколькими десятилетиями позднее появились печатные издания «Грецизма» с комментариями, подписанными именем учителя (первое издание вышло в 1487 г. в Париже).

Средневековые комментарии к «Грецизму» и «Доктринале» столь близки, что нередко создается впечатление, что они взяты из одного источника. Глоссаторы обоих сочинений неустанно восхваляют тот факт, что они написаны в стихах, но всегда делают это в виде защиты комментируемых ими произведений по сравнению с древними Донатом и Присцианом. Глоссы к «Грецизму» и «Доктринале» трактуют эту тему в тождественных словах, заимствуя одну и ту же цитату из «Учебник стихосложения» Матфея Вандомского, так что невозможно какой именно из этих двоих комментаторов оказал влияние на второго. Помимо этих апологий встречается и критика древних трактатов: они якобы утомительны для слуха, дают слишком много сведений, что затрудняет восприятие и запоминание.

Изучая глоссированные рукописи «Грецизма», А. Грондэ заметила, что несмотря на то, что глоссы не тождественны в разных

рукописях, обнаруживают различные варианты, естественные стилистические различия и довольно существенные прибавления, основа текста обладает относительной устойчивостью во всех рукописях. Это позволяет думать, что глоссы возникли на однородной основе и постепенно развивались, приобретая более изощренную структуру от одной копии к другой.

Два московских фрагмента «Грецизма» значительно отличаются друг от друга. Если фрагмент № 11 (EBERHARDVS BETHVNIENSIS, *Graecismus* VIII, 194–265; X, 45–113 (с лакунами)) датируется XIV в. – временем наивысшего распространения «Грецизма» – и написан мелким книжным готическим письмом, украшен инициалами и снабжен подробным комментарием на полях, выполненным хотя и мелким, но четким и легко читаемым, письмом глосс; то фрагмент № 28 (EBERHARDVS BETHVNIENSIS, *Graecismus*, XXII, 14–93; XXIII, 1–25), относящийся к XV в., написан готическим письмом с элементами курсива, содержит множество сокращений и не имеет глосс. Текст обоих фрагментов заслуживает изучения – его мы подробнее рассмотрим в другой работе, ниже приводятся описания фрагментов.

Фонд 40. Опись 1, № 11.

XIV в. Пергамен, 4 фр., л. 1: 129 x 197 мм, л. 2: 17 x 197 мм, л. 3: 135 x 197 мм, л. 4: 14 x 197 мм, текст (л. 1, 3): 114 x 65 мм. Мелкое готическое письмо, 24 строки (л. 1), 26 строк (л. 3). 4 строки (л. 2), 3 строки (л. 4), коричневые чернила, интерлинейрные глоссы; комментарий на обоих полях. Синие инициалы, заглавные буквы отмечены красным штрихом.

Содержание.

л. 1–4об.: Eberhardus Bethuniensis, *Graecismus* VIII, 194–265; X, 45–113 (с лакунами).

~ л. 1лиц.–2лиц.: VIII, 194–221.

inc.: «// Ast obluio (*sic*) sit lethe dic inde letargum ...» (VIII, 194).

expl.: «... Est melam nigrum dic menalon piper inde //» (VIII, 221).

~ л. 1об.–2об.: VIII, 236–265.

inc.: «// Est ortos rectum ortographia fit hinc ...» (VIII, 236).

expl.: «... Est penta quinque petaptota dicitur inde //» (VIII, 265).

~ л. 3лиц.–4лиц.: X, 45–74.

inc.: «// Nobis ecclesia datur hebreis synagoga ...» (X, 45).

expl.: «... Lignorum proprie dicitur esse strues //» (X, 74).

~ л. 3об.–4об.: X, 85–113.

inc.: «// Ac euersio uel sub uersio perdicionum ...» (X, 85).

expl.: «... Sed quia nos faciles facit ad retinenda facultas //» (X, 113 – изд.: Eberhardi Bethuniensis Graecismus. Ed. Ioh. Wrobel. Vratislaviae, 1887 // Corpus grammaticorum medii aevi. Vol. I).

История рукописи.

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Аннотация.

Л. 2 отрезан снизу от л. 1 и содержит продолжение его текста; л. 4 отрезан снизу от л. 3 и содержит продолжение его текста.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 23 (фрагмент не идентифицирован).

Фонд 40. Опись 1, № 28.

XIV–XV в. Пергамен, 2 л., 195–204 x 112–120 мм, текст: 143 x 66 мм. Готический курсив, 27 строк, коричневые чернила. Красный инициал (на л. 2об.), заглавные буквы перечеркнуты красным штрихом. Пометы, современные тексту, на л. 1об. верхнее поле: «De conunctionibus» (заглавие главы) и на л. 2об. верхнее поле: «<De grae>positionibus» (заглавие главы)).

Содержание.

л. 1–2об.: Eberhardus Bethuniensis, Graecismus XXII, 14–93; XXIII, 1–25.

~ л. 1лиц.: XXII, 14–40.

(текст сильно поврежден)

~ л. 1об.: XXII, 41–67.

inc.: «// At dubitat dicens nescio si moriar ...» (XXII, 41).

expl.: «... Iunge quidem uel enim sed communes alie se sunt //» (XXII, 67).

~ л. 2лиц.: XXII, 68–93.

inc.: «// Inclinant que uene quas encliticas uocunt ...» (XXII, 68).

expl.: «... Iupiter ut pereat positum rubigine ferrum //» (XXII, 93 – изд.: Eberhardi Bethuniensis Graecismus. Ed. Ioh. Wrobel. Vratislaviae, 1887 // Corpus grammaticorum medii aevi. Vol. I).

~ л. 2об.: XXII, 94–95; XXIII, 1–25.

(текст сильно поврежден)

История рукописи.

Шифр черными чернилами на л. 1об.: «Theologie M. VI. 210».

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии (пометы карандашом на л. 2лиц. в правом верхнем углу: «3» и на л. 1об. в правом верхнем углу: «4»); Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

На л. 1лиц. и 2об. следы клея и кожи от переплета, текст сильно поврежден. На л. 1об. пятна синей краски.

Библиография.

Сквайрс, Ганина 2004: 28 (фрагмент не идентифицирован).

Наконец, последнее по времени написания (XIII в.) филологическое сочинение средневековья, обнаруженное в собрании Г. Шмидта, представлено фрагментом перевода «Метеорологии» Аристотеля, выполненного Вильемом из Мёрбеке (№ 19).

Существует два средневековых латинских перевода «Метеорологии» Аристотеля: древний (*Metheora Veteris Translationis*) и новый (*Metheora Nouae Translationis*). Древний перевод I–III книг «Метеорологии» был выполнен в XII в. Герардом Кремонским (*Gerardus Cremonensis*) с арабского. Латинский перевод IV книги, сделанный с греческого оригинала Генрихом Аристиппом (ум. ок. 1162 г.)²², Герард добавил к своему переводу трех первых книг, не исправляя. В начале XIII в. к этим двум переводам был добавлен латинский перевод книги Авиценны «О минералах» (*De Congelatis*), выполненный Альфредом Английским (*Alfredus Anglicus*) с арабского – переводы Герарда Кремонского, Генриха Аристиппа и Альфреда Английского обычно переписывались в рукописях как единый корпус. Новый перевод «Метеорологии» был сделан уже непосредственно с греческого оригинала Вильемом из Мёрбеке в XIII в. Образцы обоих (древнего и нового) переводов «Метеорологии» приведены Лакомбом в книге *Aristoteles Latinus. Codices* (Lacombe 1939). Перевод Вильема из Мёрбеке издан вместе с комментарием к «Метеорологии» Фомы Аквинского в третьем томе его сочинений в 1886 г.²³

Вильем из Мёрбеке родился ок. 1215 г. в Мёрбеке (Брабант), с 1278 г. стал членом ордена доминиканцев (*Ordinis Praedicatorum*), возможно, это произошло в Лувене. В соответствии с принятым в ордене порядком, Вильем получил миссионерское образование для работы на грекоязычном востоке. Надежные биографические сведения о нем известны только из немногочисленных документов,

²² Генрих Аристипп был архидиаконом Катании (в Сицилии). Он «привез в Сицилию греческие рукописи из библиотеки императора Мануила I Комнена и перевел IV книгу «Метеорологии» (Зубов 1963: 231).

²³ *Sancti Thomae Aquinatis doctoris angelici Opera omnia iussu impensaue Leonis XIII p. m. edita. Tomus tertius. Commentaria in libros Aristotelis de caelo et mundo, de generatione et corruptione et meteorologicorum ad codices manuscriptos exacta cura et studio fratrum ordinis praedicatorum. Romae, 1886.*

а также из заметок, которые он обычно делал им в конце своих переводов (они сохранились в рукописях).²⁴

Согласно этим сведениям 24 апреля 1260 г. Вильем закончил в Никее перевод составленного Александром Афродисийским комментария к «Метеорологии» Аристотеля, а 23 декабря 1260 г. он закончил в Фивах перевод сочинения Аристотеля «О частях животных». Через восемь лет, 18 мая 1268 г., он закончил в Витербо перевод сочинения Прокла под названием «Начала теологии» (*Elementatio theologica*); по стилистическим критериям Вильельму же атрибуируется перевод комментария Фемистия к трактату Аристотеля «О душе», датированный 22 ноября 1267 г. и, согласно колофону, законченный также в Витербо.

С 1267 г. Вильем находился в составе папской курии, а самое позднее с 1272 г. он в ней же был пенитенциарием (*paenitentarius*). В этом качестве он принял участие во Втором Лионском соборе (1274 г.) и оставался в этой должности по меньшей мере до ноября 1276 г.

В октябре 1277 г. Вильем закончил в Витербо перевод трактата Галена «О питании» (*De alimentis*); 5 апреля 1278 г. он был возведен в сан архиепископа Коринфского. В этом качестве он подписал в феврале 1280 г. перевод трех *Opuscula* Прокла. В 1284 г. Вильем был папским легатом в Перудже видимо, вернувшись до того в Рим. Дата смерти Вильема вычисляется на основе того факта, что его преемник на кафедре архиепископа Коринфского был возведен в сан 26 октября 1286 г.

На основании языковых критериев Вильему из Мёрбеке, помимо названных, можно приписать многочисленные другие переводы или переработки, не имеющие подписи в рукописях. Они охватывают почти весь Аристотелевский корпус (по словам Роджера Бэкона, именно цель перевести все сочинения Аристотеля преследовал Вильем), различные комментарии к Аристотелю (Александра Афродисийского, Фемистия, Аммония, Филопона, Симпликия), а также «Начала теологии» Прокла (1268 г.) и его же комментарии к платоновским диалогам «Парменид» (незадолго до 1286 г.) и «Тимей». Кроме того, переводы Вильема, сохранились в кодексе *Vat. Ottob. lat. 1850*, датированном 1269 г. и являющимся, по-видимо-

---

²⁴ Научная литература, посвященная жизни и творчеству Вильема из Мёрбеке, велика. Одними из последних работ являются: *Guillaume de Moerbeke. Recueil d'Études à l'occasion du 700e anniversaire de sa mort (1286)*. Ed. J. Brams et W. Vanhamel. 1989 (в ней см. подробную библиографию: W. Vanhamel. P. 301–383); J. Brams. *Guillaume de Moerbeke et Aristote // Traductions et traducteurs de l'antiquité tardive au XIVe s.* Louvain, 1990, p. 317–336.

му, автографом Вильема. Кодекс содержит математико-астрономические сочинения (семь произведений Архимеда с двумя комментариями, *Catoptrica* Герона Александрийского, *De analemmate* Птолемея). Возможно, эти переводы связаны с присутствием в Витербо математика Кампана из Новары, подобно тому, как перевод Галена возник на фоне знакомства с медиком Розеллом из Ареццо, которому он посвящен²⁵. В свою очередь Вильем побудил Вителона к написанию его «Перспективы», возникшей между 1271 и 1277 гг. (см. Пролог) и Генриха Бейта (*Bate*) к написанию *Magistralis compositio astrolabii* (в 1274 г.).

Фрагмент латинского перевода «Метеорологии» Аристотеля, хранящийся в библиотеке МГУ, является переводом Вильема из Мёрбеке, или так называемым новым переводом. Фрагмент представляет собой два двойных листа, бывших срединными листами тетради и содержащими текст II, 3, 37 – II, 8, 12, который в нескольких местах прерывается лакунами, связанными с повреждениями листов. Эти повреждения объясняются тем, что листы использовались в переплете некоей рукописи, но так как их размер был больше размера рукописи, они были обрезаны и затем наклеены на крышки переплета этой рукописи – ее шифр сохранился на л. 3об. («*Theologie E. I. 162*», номер исправлен той же рукой на «262»). Обрезая листы, переплетчик срезал часть л. 2 (поэтому на л. 2лиц. сохранились только начала строк второго столбца, а на л. 2об. сохранились только концы строк первого столбца) и часть л. 4 (поэтому на л. 4лиц. сохранились только начала строк второго столбца, а на л. 4об. сохранились только концы строк первого столбца). Кроме того, один двойной лист (лл. 2-3) оборван сверху – это повреждение, по-видимому, произошло уже после извлечения листов с крышек переплета и стало причиной утраты трех или четырех верхних строк на л. 2 и л. 3.

Фрагмент написан книжным готическим письмом и может быть датирован XIII в. Закругленные формы букв свидетельствуют о его возможном итальянском происхождении. В таком случае данный

---

²⁵ Распространенное представление о том, что к переводам Аристотеля Вильема побудил Фома Аквинский, не соответствует действительности. Впервые этот факт утверждается в краткой заметке Штамского (*Stams*) каталога, затем о том, что Фома Аквинский влиял на переводы из Аристотеля в качестве сотрудника Вильема, намекает биограф Фомы, Вильгельм из Токко, однако эти сведения не находят подтверждения в источниках. Возможно, между Вильемом и Фомой, как членами одного и того же ордена, мог происходить научный разговор. Несомненно, впрочем, лишь то, что Фома Аквинский одним из первых с большой пользой использовал сочинения Вильема.

фрагмент оказывается частью рукописи латинского перевода «Метеорологии», написанной при жизни ее переводчика, и безусловно заслуживает дальнейшего изучения. Ниже приводится подробное описание фрагмента.

Фонд 40. Опись 1, № 19

XIII в., Италия (?). Пергамен, 4 л. (= 2 двойных листа из середины тетради; у обоих листов отрезана часть одного столбца текста, л. 2–3 оборваны сверху), целый лист: 262 x 186 мм, текст: 182 x 130 мм. Готическое книжное письмо, 2 столбца, 35–36 строк (л. 1, 4), 32 строки (л. 2, 3), коричневые чернила, интерлинейрные и маргинальные глоссы. Красные и синие филигранные инициалы, рисунок чернилами (роза ветров), изображение руки с указующим перстом.
Содержание.

л. 1–4об.: Guilelmus de Moerbeke, *Translatio latina Meteorologicorum Aristotelis* II, 3, 37 – II, 8, 12 (с лакунами).

~ л. 1–1об.: II, 3, 37 – II, 4, 17.

inc.: «*//*<sub>mergantur fere in mari autem mediocriter habeant aut nauigabiliter propter quod quidem in fluuiis aliqui honerantium ...» (*op. cit. infra*, p. 402).

expl.: «... et cum talis segregatio fuerit et uenti optineant cessantibusque quia segregatur calidum semper et sursum fertur in superiorem *//*» (p. 408).

~ л. 2–2об.: II, 4, 17 – II, 5, 12 (с лакуной).

в тексте лакуна: «locum, constat uapor infrigidatus, et fit aqua. Et cum in idem compellantur nubes, et contra circumsteterit ad ipsas frigiditas, fit aqua et infrigidat sic-*//*», соответствующая 3–4 строкам, оборванным сверху на л. 2

л. 2лиц., 1–й столбец:

inc.: «<sic>cam exalationem cessare <igitur faciunt> facte aque uentos et cessantibus ips<ae fiunt propter> has causas ...» (p. 408).

expl.: «... palam quod motus quidem principium desuper *//*» (p. 412).

в тексте лакуна: p. 412 – 414 (часть л. 2 срезана: на л. 2лиц. сохранились только начала строк второго столбца, а на л. 2об. сохранились только концы строк первого столбца)

л. 2об., 2–ой столбец:

inc.: «*//* <inci>piunt flare propter longe existentem <solem> inualescere minus ...» (p. 414).

expl.: «... copulari <contingit propter> temperantiam non *//*» (p. 418).

в тексте лакуна: «enim excedunt aestus et frigus secundum longitudinem, sed ad latitudinem; quare, si non alicubi prohibet maris multitudo, totum est perambulabile. Et secundum apparentia circa

naigationes et itinera. Multum enim lon-//», соответствующая 3–4 строкам, оборванным сверху на л. 3

~ л. 3–4лиц., 1–й столбец: II, 5, 13 – II, 6, 16 (с лакунами).

л. 3лиц., 1–й столбец:

inc.: «//<lon>gitudo <differt> a latitudine quod enim <ab Heracle>is columnis usque ad ...» (p. 418).

expl.: «... ex adusto loco flantem //» (p. 418).

в тексте лакуна: «uentum esse austrum. Ille autem locus, propter solis uicinantiam, neque habet aquas neque pascua, quae propter liquefactionem facerent etesias. Sed quia multo maior est locus ille et expansus, maior et amplior et magis uerax uentus est auster borea», соответствующая 3–4 строкам, оборванным сверху на л. 3

л. 3лиц., 2–й столбец:

inc.: «// et magis pertingit huc quam iste illuc ...» (p. 419).

expl.: «... autem huic ap<eliotes a B; hoc autem oriens aequinoctialis: boreas autem et aparctias> ab I //» (p. LXIII).

в тексте лакуна: «hic enim Ursa: contrarius autem huic auster a T; meridies autem haec a qua flat, et T ipsi I contrarium, secundum diametrum enim: a Z autem caecias; hic enim ariens aestiualis: contrarius autem non qui ab E flat, sed qui a G, libs; iste enim ab occidente hiemali, contrarius autem huic, secundum diametrum enim ponitur: a D autem eurus; iste enim ab oriente hiemali flat, uicinus austr-//», соответствующая 3–4 строкам, оборванным сверху на л. 3

л. 3 об., 1–й столбец:

inc.: «// <austr>o propter quod sepe <euronoti dicuntur flare> ...» (p. LXIII).

expl.: «... principalissimi quidem igitur <uenti et determinati sunt hi> et hoc ordinati sunt modo. Essendi autem //» (p. LXIV).

в тексте лакуна: «plures uentos a locis ad arctum quam ab his qui ad meridiem, causa, habitabilem supponi ad hunc locum, et quia multo plus aqua et nix reponitur in hanc partem, quia illa sub sole sunt et illius latione; quibus», соответствующая 3–4 строкам, оборванным сверху на л. 3

л. 3об., 2–й столбец:

inc.: «// liquefactis <in terram et> calefactis a sole et terra necessarium ampliorem ...» (p. LXIV).

expl.: «... crebrique et fontes (sic) flant maxime isti propter quod et serenissimi sunt» (p. LXVII).

л. 4 лиц., 1–й столбец:

inc.: «uentorum flantes enim de prope maxime repellentes alios uentos cessare faciunt ...» (p. LXVII).

expl.: «... causa autem quia enefie fiunt maxime quando aliis flantibus inciderint alii isti autem maxime //» (p. LXVII).

в тексте лакуна: р. LXVII – р. LXXI (правая часть л. 4 срезана: поэтому на л. 4лиц. сохранились только начала строк второго столбца, а на л. 4об. сохранились только концы строк первого столбца)

~ л. 4об.: II, 6, 16 – II, 8, 12 (с лакуной).

л. 4об., 2-й столбец

inc.: «// ex<halatio consequitur ut in pluribus> impetum principii quare aut ...» (р. LXXI).

expl.: «... haec autem propter estum facit immobi<litatem hoc enim ualde> frigidum hoc autem ualde sic<cum est> //» (II, 8, 12 – р. LXXII, изд.: Sancti Thomae Aquinatis doctoris angelici Opera omnia iussu impensaе Leonis XIII p. m. edita. Tomus tertius. Commentaria in libros Aristotelis de caelo et mundo, de generatione et corruptione et meteorologicorum ad codices manuscriptos exacta cura et studio fratrum ordinis praedicatorum. Romae, 1886).

История рукописи.

Шифр черными чернилами на л. 3об.: «Theologie E. I. 162», номер исправлен той же рукой на «262».

Библиотека Гальберштадтской соборной гимназии; Научная библиотека МГУ.

Характеристика сохранности.

Листы извлечены с крышек переплета, на л. 1лиц., 4об., 2об., 3лиц. следы клея, текст поврежден, у л. 1 и л. 4 надорвано нижнее поле.

Библиография.

Антонец 2003: 6; Сквайрс, Ганина 2004: 25.

Итак, в коллекции документов Г. Шмидта находятся фрагменты самых знаменитых филологических трудов средневековья, а именно: фрагмент «Книги глосс» – крупнейшего глоссария, ставшего ценным источником для целого ряда позднейших энциклопедий и словарей; фрагменты «Доктринале» и «Грецизма» – двух популярнейших стихотворных грамматик латинского языка; и фрагмент латинского перевода «Метеорологии» Аристотеля – образец титанической деятельности Вильяма из Мёрбеке, одного из великих средневековых переводчиков. Отметим, что то же самое можно сказать и об остальных группах латинских литературных фрагментов – в них отражены почти все основные жанры и представлены наиболее известные произведения античности и средних веков. Будь все они целыми рукописями, они составили бы весьма приличную и добротную библиотеку.

Литература

- Антонец 2003 – Антонец Е. В. Фрагменты рукописей римских авторов в «Коллекции документов Густава Шмидта» (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.
- Голенищев-Кутузов 1972 – Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М.
- Зубов 1963 – Зубов В. П. Аристотель. М. (= 2000).
- Сквайрс, Ганина 2004 – Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. «Коллекция документов Густава Шмидта» в собрании Московского университета. Описание фонда // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М.
- Сквайрс, Ненарокова 2002 – Сквайрс Е. Р., Ненарокова М. Р. Две неизвестные рукописи «Авроры» Петра Риги // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб. С. 170–177.
- Сквайрс, Ненарокова 2004 – Сквайрс Е. Р., Ненарокова М. Р. Две неизвестные рукописи «Авроры» Петра Риги из фондов Научной библиотеки Московского университета // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фонда Отдела редких книг и рукописей. М. С. 51–84
- Diestelkamp 1927 – Diestelkamp A. Geschichte der Halberstädter Dombibliothek im Mittelalter // Sachsen und Anhalt. Bd. 3. Magdeburg.
- Ganz 1990 – Ganz D. Corbie in the Carolingian Renaissance. Sigmaringen.
- Gibson 1972 – Gibson M. Priscian, Institutiones grammaticae. A Handlist of Manuscripts // Scriptorium 26.
- Goetz 1893 – Goetz G. Der Liber Glossarum // Abhandlungen philol.-hist. Sachs. Gesellschaft. 13. S. 213–288.
- Goetz De glossariorum – Goetz G. De glossariorum latinorum origine et fatis
- Graesse 1850 – Jacobus a Voragine. Legenda aurea vulgo Historia Lombardica dicta. Recensuit Th. Graesse. Editio secunda. Lipsiae.
- Grondeux 2000 – Grondeux Anne. Le *Graecismus* d'Évrard de Béthune à travers ses gloses. Entre grammaire positive et grammaire spéculative du XIIIe au XVe siècle. Paris (Studia Artistarum. Etudes sur la Faculté des arts dans les Universités médiévales. 8).
- Halliwell 1839 – Carmen de Algorismo. Ed. J. O. Halliwell // Rara Mathematica.
- Hertz 1855 – Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVIII. Ex rec. M. Hertzii. Vol. I. Lipsiae // GLK, II.
- Hertzberg 1841– Hertzberg G. A. B. Prisciani codicis Halberstadiensis descriptio, eorumque locorum, quos grammaticus ex aliis scriptoribus citavit, comparatio nova // Archiv für Philologie und Paedagogik (= Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik oder Kritische Bibliothek für das Schul- und Unterrichtswesen). Bd. 7, Heft 2. Leipzig.
- Isaac 1984 – Isaac M.-T. Les livres manuscrits de l'abbaye des Dunes. Aubel.
- Jahn 1851 – D. Iunii Iuuenalis saturarum libri V cum scholiis ueteribus recensuit et emendauit Otto Jahn. Berolini.

- Laistner 1943 – Laistner M. L. W. A Hand-list of Bede Manuscripts. Ithaca. Lexicon des Mittelalters 1980 – Lexicon des Mittelalters. Bd. I. München.
- Glossaria latina – Glossaria latina iussu Academiae Britannicae edita. Vol. I. Glossarium Ansileubi siue Librum glossarum ediderunt W.-M. Lindsay, J.-F. Mountford, J. Whatmough. Paris, 1926.
- Lacombe 1939 – Aristoteles Latinus. Codices. Descripsit G. Lacombe. Pars prior. Roma.
- Loewe 1876 – Loewe G. Prodrum Corpus Glossariorum latinorum.
- Lohmeyer 1901 – Lohmeyer, K. Ebrard von Béthune. Eine Untersuchung über den Verfasser des *Graecismus* und *Laborintus* // Romanische Forschungen, 11.
- Maggioni 1998 – Legenda aurea / Iacopo da Varazze. Edizione critica a cura di Giovanni Paolo Maggioni. 2. ed. rivista dall' autore. Vol. I–II. Firenze, (Millennio medievale. Testi; 3. Millennio medievale; 6).
- Manitius 1931– Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. III. München.
- Mazzatinti, Sorbelli – Mazzatinti G., Sorbelli A. Inventari dei manoscritti delle Biblioteche d'Italia. Firenze, 1890–1957. 82 voll.
- Meyer 1954 – Meyer O. Fragmenta Prisciani Swinsfurtensia // Bericht des Hist. Vereins Bamberg 90, 2. Bamberg.
- Mommsen 1870 – Digesta Iustiniani Augusti. Recognovit Th. Mommsen. Berolini.
- Passalacqua 1978 – Passalacqua M. I codici di Prisciano. Roma.
- Personennamen des Mittelalters 2000 – Personennamen des Mittelalters. Nomina Scriptorum Medii Aevi. München.
- Raby 1934 – Raby F. J. E. A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. II. Oxford.
- Reichling 1893 – Das Doctrinale des Alexander de Villa-Dei. Kritisch-exegetische Ausgabe mit Einleitung, Verzeichniss der Handschriften und Drucke nebst Registern. Bearbeitet von Prof. Dr. Dietrich Reichling. Berlin // Monumenta Germaniae Paedagogica. Schulordnungen, Schulbücher und pädagogische Miscellaneen aus den Landen deutscher Zunge. Band XII.
- Schmidt 1878 – Schmidt G. Zur Geschichte der Bibliothek // Königliches Dom-Gymnasium zu Halberstadt. Oster-Programm 1878. Halberstadt.
- Schmidt 1881– Schmidt G. Die Handschriften der Gymnasial-Bibliothek II // Königliches Dom-Gymnasium in Halberstadt. Oster-Programm 1881. Halberstadt.
- Steele 1929 – Massa compoti. Ed. R. Steele // Opera hactenus inedita Rogeri Baconis. 6.
- Vicaire 1977 – Vicaire, M.-H. «Contra Iudaeos» méridionaux au début du XIIIe s. Alain de Lille, Ebrard de Béthune, Guillaume de Bourges // Juifs et judaïsme de Languedoc. Toulouse.
- Weijers 1991 – Weijers O. Dictionnaires et répertoires au Moyen Âge: une étude du vocabulaire // Etudes sur le vocabulaire intellectuel du Moyen Âge IV. Louvain

А. И. Любжин

«РОССИАДА» М. М. ХЕРАСКОВА И АНТИЧНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ¹

Во введении к работе о *Россиаде*, до сих пор, на наш взгляд, остающейся лучшим из исследований об этом крупнейшем памятнике русской поэзии XVIII столетия, Петер Тирген писал: «С учетом литературной плодovitости и ведущего положения в истории русской литературы и русского образования второй половины XVIII века, которое Херасков сохранял в течение десятилетий, издательская практика и научное исследование пренебрегли им до такой степени, что это само по себе вызывает удивление. До сих пор не существует критического издания, которое хотя бы в грубом приближении отвечало бы современным требованиям – как по охвату, так и по качеству, а в научной литературе – что непосредственно связано с предыдущим – нет исследования, посвященного собственно Хераскову»². Эти жалобы можно было бы повторить и сегодня – с не меньшим правом они распространяются практически на всю русскую поэзию XVIII столетия, пока почти не дождавшуюся заслуживающих внимания переизданий. В последнее время, однако же, ситуация постепенно начинает меняться к лучшему: творчество Хераскова, насколько мы можем судить, входит в моду³, появляются

---

¹ Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

² Studien zu M. M. Cherskovs Versepos «Rossijada». Materialien und Beobachtungen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms Universität zu Bonn, vorgelegt von Peter Thiergen aus Leipzig. Bonn, 1970. S. 9.

³ М. Гришакова. Символическая структура поэм М. Хераскова. В кн.: В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 30–48; недавно защищенная и не опубликованная диссертация: Г. А. Давыдов. Религиозно-философские поэмы М. М. Хераскова. М., 1999; Е. В. Хворостянова. Проблема поэтической эквивалентности в русской литературе XVIII века (две редакции «Россиады» М. М. Хераскова). В кн.: Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., «Наука», 2004. С. 285–294. Наши работы по данной проблематике:

интересные работы по античным реминисценциям у Державина, чьи результаты уже не могут не учитываться в издательской практике⁴, и – особенно отметим это отрадное явление – появилась коллективная монография, посвященная А. П. Сумарокову⁵, и поэтому пессимистический тон вступления можно слегка подкорректировать: объем выполненной работы пока еще не сопоставим с тем, что еще предстоит сделать, однако и результаты исследования уже достаточны для того, чтобы задать нужную инерцию научной работы. Подготовку удовлетворяющего современным требованиям издания *Россиады* автор этих строк рассматривает в качестве своей главной цели – и реминисценции античного эпоса, безусловно, являются одной из важнейших частей имеющего войти в такое издание комментария. Вторая задача данной статьи – рассмотреть метод обращения Хераскова со своими оригиналами. Отметим, что недостаток места лишает нас возможности претендовать на исчерпывающую полноту; прежде всего мы не останавливаемся на тех топосах, конкретное происхождение которых неясно и которые могут быть отнесены к «общеэпическим», но и там, где количество реминисценций велико (прежде всего это касается Вергилия и Овидия), некоторые менее яркие примеры мы исключили из рассмотрения.

Сразу же необходимо отметить, что Херасков не намерен упрощать своим поклонникам исследовательскую работу. Его литератур-

---

«Россиада» М. М. Хераскова и латинская эпическая поэзия. – Греко-латинский кабинет, № 3. 2000 г. С. 28–42; Эпические источники «Россиады» М. М. Хераскова. Индоевропейское языкознание... СПб., 2002. С. 101–107; Техника эпического каталога в «Россиаде» Хераскова. – Мv̇жда. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В. Д. Жигунина. Казань, 2002, с. 512–518 (тезисы: Техника эпического каталога в «Россиаде» Хераскова. – Античность в современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 14–16 ноября 2001 г. Казань, 2001, с. 100–102); Херасков и Гомер (на материале «Россиады»). Петрозаводск, 2007.

⁴ М. Я. Паит. Горацианские образы в ранней лирике Г. Р. Державина. Индоевропейское языкознание... Вып. VII. 16–18 июня 2003 г. СПб., 2003. С. 85–88; ее же. Ода Горация II, 9 (*Non semper imbres...*) в зарубежных комментариях XX века и в поэзии Г. Р. Державина (заметки к теме). В кн.: Вопросы классической филологии. М., Изд. МГУ. Вып. XIII. *Argumenta classica*. Труды молодых ученых, 2003. С. 166–172.

⁵ Е. П. Мстиславская, Л. И. Щеголева, Н. А. Кожевникова, М. А. Котомин. Александр Петрович Сумароков. Жизнь и творчество. Сб. статей и материалов. М., «Пашков дом», 2002. Сборник снабжен ценной библиографией.

но-теоретические рассуждения не только – и даже не столько – раскрывают, сколько маскируют его творческую лабораторию, а его метод работы с реминисценциями настолько сложен, что порой приводит филолога в отчаяние. В предисловии к *Россиаде* он дает следующие характеристики античных эпоей – своих оригиналов: «В *Илиаде* Гомер воспевает гнев Ахиллесов, за похищение его невольницы Бризеиды Царем Агамемноном, гнев толико бедственный Грекам и Пергаму; кровавые битвы, пагубу осаждающих и пагубу осажденных Троян. – Патрокл, друг Ахиллесов, убит Гектором – он мстит за своего друга – убивает храброго Гектора, и тем Поэма оканчивается.

В *Одиссее* воспето десятилетнее странствование Итакского Царя Улисса; возвращение его в дом свой и страшное избиение любовников Пенелопиных, которое *Мнистерофонией* наречено.

Виргилий в несравненной *Энеиде* воспел побег Энеев из разоренной Греками Трои, прибытие его в Карфагену, любовь его с Дидоною, неверность его к сей несчастной Царице – Другой побег его в Италию, где убив Турна, сопрягается он с Лавиниею, невестою сего почтенного Князя...

Фарзалию многие нарицают Газетами, пышным слогом воспетыми; но сии Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями; в ней воспета война Юлия с Помпеем; при всем том Поэма не dokonчана Певцом своим, и не была исправлена»⁶. В этом перечне отсутствует Овидий, влияние которого (как мы покажем ниже) несомненно; но это не единственный пункт дезориентации читателя.

---

⁶ Здесь и далее мы используем третью, последнюю редакцию эпоей. Первое ее издание – первый том «Творений», М., 1796. В Университетской Типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. Прочитированное предисловие – «Взгляд на эпические поэмы» – с. XV–XVII. Хронологическая последовательность в перечне нарушена: между Вергилием и Луканом, замыкающим список, стоят авторы новоевропейских эпоей: Мильтон, Вольтер, Тассо и Камюэнс. В дальнейшем мы будем пользоваться компьютерным текстом, подготовленным на основании издания 1807 года (также третья редакция), с нумерацией строк внутри каждой песни; ни для одного из существующих изданий (кроме подготовленных мною сетевых) такой нумерации не существует. Соответственно ссылки на страницы даваться не будут.

І. ЯЗЫК ЧТЕНИЯ

Проблема реконструкции библиотеки Хераскова не ставилась, да и вряд ли может быть поставлена в науке в обозримой перспективе. С этой стороны никакой поддержки ожидать не должно. Относительно лингвистических познаний Хераскова есть обтекаемые указания у Новикова («Человек острый, ученый и просвещенный, и искусный как в Иностранных, так и в Российском языке») ⁷ и Леклерка («M. Kéraskof (Michel Matféitz) qui possède les langues étrangères, après avoir essayé ses forces, & débuté avec gloire dans plusieurs genres de Poésie, ne ressemble point a ceux qui, ayant voltigé sur toutes les Sciences, ne peuvent se faire un nom dans aucune») ⁸, согласно которым Херасков владел иностранными языками. О его эрудиции свидетельствовал и кн. И. М. Долгоруков: «исполненный благих свойств ума, обогащенный познаниями» ⁹. Относительно латинского языка есть недвусмысленное показание Я. Штелина: Херасков «не понимал ни слова по-латыни» ¹⁰. Относительно греческого языка это совершенно очевидно. По свидетельству И. И. Дмитриева, Херасков любил читать на французском языке ¹¹; свидетельство относится к более поздним годам; тем не менее логически возможная версия о позднем обретении этой привычки внутренне недостоверна. Сохранившиеся в НБ МГУ книги с его владель-

---

⁷ Опыт исторического словаря о Российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. Собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 236.

⁸ «Г. Херасков (Михаил Матвейч), владеющий иностранными языками, испытал свои силы и дебютировал с успехом не в одном поэтическом жанре, вовсе не схож с теми, кои, промчавшись галопом по всем Наукам, не могут составить себе имя ни в одной» – *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne*. Par M. Le Clerc, Écuyer, Chevalier de l'Ordre du Roi, & Membre des plusieurs Académies. Tome premier. A Paris, Chez FROULLÉ, Libraire, Pont Notre-Dame, vis-à-vis le Quai de Gêvres; A Versailles, Chez Blaizot, Libraire du Roi & de la Famille Royale, rue Satory. M. DCC. LXXXIII. Avec approbation, et Privilège du Roi. P. 97.

⁹ Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни. Сочинение князя Ивана Михайловича Долгорукого, с предисловием О. Бодянского. Изд. Императорского общества Истории и древностей Российских при Московском Университете. М., 1874. С. 19.

¹⁰ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Том I. М., «Искусство», 1990. С. 345.

¹¹ Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. Изд. М. А. Дмитриева. М., 1866. С. 79.

ческими автографами, известные автору этих строк, также французские¹². Поэтому мы примем как основополагающую версию знакомство Хераскова с античными эпопеями прежде всего по французским (а не русским) переводам.

II. ГОМЕР

Херасков, которого довольно часто называли русским Гомером, по свидетельству М. Н. Муравьева, Гомера боготворил¹³. Заданный А. Н. Егуновым в его знаменитой работе вопрос, в чем это выразилось¹⁴, безусловно, заслуживает ответа, тем более что в самой «Россиаде» прямое гомеровское влияние труднее проследить, чем таковое же, к примеру, Тассо или Лукана. И не без причины: гомеровский эпос гораздо больше укоренен в жизненной стихии сравнительно с последующими образцами жанра, а те, в свою очередь, – в жанровой традиции, что справедливо и для *Россиады*. И потому вполне естественно, что, например, для странствия по аду и небесам Вергилий с VI книгой *Энеиды* гораздо актуальнее, чем XI песнь *Одиссеи*: греческие религиозные верования, отраженные в последней, меньше говорят сердцу современного Хераскову чита-

---

¹² 1) L'Aminte. Pastorale du Tasse. Imitée en vers français Par Baour de Lormian. A Paris, Chez J. Klostermann fils, Libraire rue du Jardinot n° 13. Шифр: 1 Rc 58. Инвентарный номер – и: 978 p. 2) Mémoires historiques sur Raoul de Coucy. On y a joint Le Recueil de ses Chansons en vieux language, avec la Traduction & l'ancienne Musique. A Paris, De l'Imprimerie de Ph.-D. Pierres, Imprimeur Ordinaire du Roi. M. DCC. LXXXI. Avec approbation et privilège du Roi. Шифр: 5 Mh 49. Инвентарный номер: Т. 1 – и: 244523; Т. 2. – и: 244524. Возможно, дальнейшие поиски дадут новые сведения о библиотеке Хераскова. За сообщение информации об этих книгах мы выражаем сердечную признательность сотруднику Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ Петру Владимировичу Кузнецову. От нас не ускользает, безусловно, слабость этого аргумента; тем не менее, как представляется, наличие первой из этих книг по крайней мере позволяет более уверенно отстаивать нашу точку зрения о преимуществе французских переводов сравнительно с другими.

¹³ «Степень любви к письменама в людях прикасавшихся к оным, есть термометр их собственного достоинства. Я верю, что Волтер читал Расина с восторгом. И знайте, что Михаил Матвеевич боготворит Гомера и мало, что не боготворит Ломоносова». – Мысли, замечания и отрывки (выбранные из записок автора). Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева, Ч. III. СПб., в Типографии Российской Академии. 1820. С. 319.

¹⁴ А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 111.

теля, чем результаты развития античной философской мысли, составляющие – наряду с такими же верованиями, но уже италийскими – содержание соответствующей книги эпоса об Энее. Безусловно, если бы мы предполагали литературным фоном гомеровского эпоса, эта картина подверглась бы существенной корректировке или обнаружилось бы, что она вовсе не соответствует действительности; но для современного Хераскову наблюдателя (а во многом и для нас) она именно такова. В качестве кладезя реминисценций Гомер подходит меньше своих последователей; однако он был вечным спутником Хераскова от ранней исторической поэмы *Чесмесский бой* и до поздней ироикомиической *Бахарианы*.

В ранней поэме Херасков пишет:

Восстань певец богов, великий муж восстань,
Учи меня, вещать, Гомер! Чесмесску брань.
Ты в памяти своих Героев нам оставил,
Которых подвиги под древней Троей славил;
Раждает таковых Российская страна,
Для падшей Греции в новейши времена¹⁵.

Вступление к последней поэме начинается так¹⁶:

Илионску брань воспев Гомер
Пел войну мышей с лягушками;
Тамо важен – тут забавен был,
Резвыми играл идеями...
Духа не имел Гомерова,
Ни шутовности Волтеровой,
После многих сочинений
Издаю в свободные часы
Приключенья Неизвестнаго...

Еще один элемент, который должен быть отмечен при рассмотрении гомеровского влияния на позднейшую литературную традицию (не обязательно эпическую), – та сокровищница поэтических образов и картин, которая потом будет использована многократно, окончательно утерев в глазах поколений свое раннегреческое происхождение. Из этих образов отметим три, на наш взгляд, наиболее важных.

В *Илиаде* (16, 33 слл.) Патрокл обращается к Ахиллу¹⁷:

---

¹⁵ Творения, т. 3, М., 1797. С. 103 (песнь II, 1–6). Ср. с. 124 (III, 249–262) с подробным пересказом сообщения Ахиллу о смерти Патрокла.

¹⁶ Бахариана, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М., в типографии Платона Бекетова. 1803. С. 5.

Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный,
Мать не Фетида, но синее море, угрюмые скалы
Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!

Этот образ легко переносится в любовную сферу, что осуществляется уже у Еврипида (*Med.* 1331–32, «львица, а не женщина, более дикая, чем тирренка Сцилла»). У Вергилия этот образ используется для рассказа о взаимоотношениях Энея и Дидоны (*Aen.* 4, 365 слл.); одновременно – и даже чуть раньше – он проникает с различными вариациями в римскую любовную лирику (*Catull.* 60, 1–3; ср. 64, 154–156; *Tib.* 1, 1, 63–64; 3, 4, 90); встречается у Овидия (*Met.* 7, 32–33), у Сенеки (*Herc. Oet.* 143–146) и у Тассо (*G. l.* 4, 77, 4–7; 6, 73, 3–4; 16, 57, 1–4). Наш список, безусловно, не полон; но его вполне достаточно, чтобы убедиться в невозможности постановки вопроса о прямом источнике. Конечно, Херасков не мог пройти мимо этого эпического украшения: оно встречается в третьей песни (509–510):

Увы! не нежна мать тебя носила в чреве;
Ты львицею рожден, извержен адом в гневе...

Второй образ – объятия, ловящие пустую тень. У Гомера он возникает в *Илиаде* (23, 99–101 – Ахилл обнимает тень Патрокла) и в *Одиссее*, при описании нисхождения главного героя в подземный мир. Одиссеей трижды пытается заключить в объятия свою покойную мать; трижды тень ускользает из его рук. Этот образ еще больше полюбился потомкам: мы его видим у Вергилия (*Aen.* 6, 700–702), у Проперция в его самой пронзительной и глубокой элегии (4, 7, 95–96), у Овидия в истории Цейкса и Гальционы, важной – как мы попытаемся показать – для Хераскова (*Met.* 11, 674–675), у Данте (*Purgatorio* 2, 79 сл.), у Тассо (*G. l.* 14, 6, 5–8), у Вольтера (*Henr.*, 6, 351 слл.) – вплоть до *Гяура* Байрона и ориентирующегося на него *Чернеца* Козлова, а также первого акта *Федры* Цветаевой. Вплоть до Вольтера (исключая Овидия и Проперция) сохраняется даже троекратность объятий. У Хераскова этот образ воспроизводится при встрече на небесах, куда допускается Иоанн ради пророчества о грядущем величии России (8, 425–431):

На небе Иоанн живушу мать узрел,
Вокруг ея главы из звезд венец горел;
Увы! вскричал в слезах, назначено ль судьбою,
Мне в небе обитать, любезна мать! с тобою?

---

¹⁷ Здесь и далее мы будем цитировать перевод Н. Гнедича по изданию: Полное собрание поэтических сочинений и переводов Н. И. Гнедича. Т. 2. Илиада. СПб., Изд. Н. Ф. Мертца, 1905.

В восторгах он желал ее облобызать,
Но тела не возмог устами осязать;
То был единый дух...

Здесь объятия заменяются лобзаниями, но как раз поцелуй *матери* свидетельствует о том, что Гомер мог быть и прямым источником: конечно, у Вергилия Эней в подземном мире мог встретить только Анхиза, а отнюдь не Венеру, и у римского поэта выбора не было, но у Хераскова как раз такой выбор имелся, и с равной вероятностью он мог бросить Иоанна на шею к отцу, который упоминается несколькими стихами ниже.

Герой, прорывающий отряды врагов, как бурный поток, смыывающий плотину, – третий гомеровский топос. В *Илиаде* это 5, 85 слл.:

Но Диомеда-вождя не узнал бы ты, где он вращался,
С кем воевал, с племенами Троян, с племенами ль Ахейан?
Реял по бранному полю, подобно реке наводненной,
Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;
Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
Ни зеленых полей удержать изгороди не могут...

Ср. Verg. *Aen.* 2, 305 слл.:

...aut rapidus montano flumine torrens
sternit agros, sternit sata laeta boumque labores
praecipitisque trahit silvas...¹⁸.

Verg. *Aen.* 2, 496 слл.:

Non sic, aggeribus ruptis cum spumeus amnis
exiit oppositasque evicit gurgite moles,
fertur in arva furens cumulo camposque per omnis
cum stabulis armenta trahit¹⁹.

Ср. также Ov. *met.* 3, 568 слл.:

Sic ego torrentem, qua nil obstabat eunti,
lenius et modico strepitu decurrere vidi;
at quacumque trabes obstructaque saxa tenebant,
spumeus et fervens et ab obice saevior ibat²⁰. –

---

¹⁸ «...Или быстрый поток горной реки повергает поля, валит посевы и труды быков, а также тащит рухнувший лес...».

¹⁹ «Не так, когда пенистый поток, разрушив дамбы, вырывается и побеждает водоворотом противостоящие громады, а затем, яростный, устремляется в поля и по всей пашне тащит скот со стойлами...».

²⁰ «Так я видел, что поток, которому ничто не противостояло, тек медленно и с небольшим шумом; но где его держали бревна и нагроможденные скалы, он пенился и бушевал и яростнее тек от заруды».

Ср. у Хераскова 6, 579 слл. (здесь все же более вероятно обращение к Вергилию):

Рассыпалась стена, Россиян удержавша.
Как будто бы река, пути себе искавша,
Которая с вершин коль быстро ни текла,
Плотиной твердою удержана была;
Но вдруг ее сломив, и чувствуя свободу,
Бросает с яростью в поля кипящу воду:
Так наши ратники, сугубя гнев и жар,
Бездушна Хана зря, ударили в Татар.

Итак, возвращаясь к исходной точке, вряд ли будет особым преувеличением с нашей стороны сказать, что Гомер был постоянным спутником Хераскова на протяжении всей его жизни. Рассмотрим подробнее, как влияние гомеровского эпоса сказывается в *Россиаде*. Таких прямых пересказов, как упомянутый в *Чесмесском бое*, *Россиада* не содержит. В качестве исходной точки нашего рассмотрения мы используем работу Тиргена.

Упоминания гомеровских сюжетов и героев в эпосе Хераскова – не такая уж редкость. Все случаи перечислены у немецкого исследователя; мы приведем только два примера.

Внутри себя и вне мечи и пламень зря,
Встречает город сей Российскаго Царя,
Который окружен отечества сынами,
Как новый был Атрид у Трои под стенами.
Он видит полночь всю под скипетром своим,
И многие Цари на брань дерзали с ним. (6, 105 слл.)

Подобен с ветрами плывущу Одиссею²¹,
Нигрин отправился в Казань с корыстью сею. (12, 83–84)

П. Тирген называет еще следующие места: 1, 439 слл.; 3, 101 слл.; 4, 448; 5, 152 (сравнение с Одиссеем у сирен); 9, 789 сл. (ср. II, 10, 469 слл.); 12, 582 сл.

Интереснее скрытые реминисценции, напр., такие: 12, 273–274, ср. реплику Ахилла II, 1, 234 слл.:

Как древу сей стрелы вовек не процветать,
Так Россам царства ввек Орде не уступать...

Шествие русских войск на штурм Казани, по его мнению, напоминает эпизод из главного каталога *Илиады* (2, 780–785):

---

²¹ Единственный пример употребления греческого имени. В остальных случаях – Улисс. Этот эпизод Тирген считает одним из важнейших и рассматривает более подробно.

Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала,
Дол застал, как под яростью бога, метателя грома,
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю...
Так застонала глубоко земля под стопами народов...

У Хераскова (12, 295 слл.; 325 слл.):

Как будто посреди цветов в глухой пустыне,
Российские полки дерзают в стройном чине...
Он рек; слова его подобны были грому,
В пылающих сердцах Россиян раздались,
И стены гордыя Казани потряслись,
Промчался в поле глас, как некий шум дубровы:
Пролить за веру кровь Россияне готовы!
И вдруг умолкнул шум, настала тишина:
Так вышел на берега, смиряется волна.

Важным пунктом сходства между двумя эпопеями, по мнению немецкого исследователя, служат и весы, на которых решается жребий победы – *Ил.* 8, 68–74:

Но, лишь сияющий Гелиос стал на середине небесной,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающий долгий:
Жребий Троян конеборных и меднооружных Данаев;
Взял последний и поднял: Данайских сынов преклонился
День роковой, Данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, Троян же до звездного неба вознесся.

У Хераскова (1, 481 слл.):

В сию достойную внимания годину
Измеривал Творец двух царств земных судьбину:
Российский до небес возвысился венец,
Ордынской гордости означился конец.

Анализ этой параллели, данный Тиргеном, настолько тонок и пронизателен, что мы не откажем себе в удовольствии его привести: «Конечно, Херасков не ведет *expressis verbis* речи о весах; однако глагол «измеривать» и то, что российская корона поднимается вверх, явно выдают, что намек был именно на этот образ. Мотив весов в эпической поэзии не является редкостью, напр., он встречается еще раз в *Илиаде*, 22, 209–213, в *Энеиде*, 12, 725–727 (как реминисценция *Илиады*, 22, 209 слл.) и в *Потерянном рае* 4, 995 слл. Однако в этих местах всегда символизируется судьба отдельного персонажа (Ахилл – Гектор, Эней – Турн, Гавриил – Сатана), в то время как отрывки, сопоставленные выше, предсказывают судьбу народов и царств. Кроме того, оба отрывка содержат ту подробность, что чаша весов (или же корона) победоносного народа взмывает вверх, что отсутствует в трех других названных

местах»²². Мы полностью разделяем высказанную позицию; ее не в силах поколебать и то обстоятельство, что в *Энеиде* Юпитер (уже без весов, как, впрочем, и в эпосе Хераскова) дает неопределенное пророчество о судьбе двух народов, примирение между которыми невозможно (10, 104 слл.). И, наконец, самым важным немецкому филологу представляется сходство между прощением Иоанна и царицы во 2-й песни «Россиады» со знаменитым прощением Гектора с Андромахой. Здесь Тирген дает развернутую характеристику, выявляя параллели по мотивам: приход женщины с ребенком на руках, ее слезы, речь (муж не жалеет ни жену, которая может остаться вдовой, ни ребенка, которому грозит участь сироты; дальнейшие советы); ответ (отклонение просьбы; лобзание и прощение – у Гектора с тоской, у Иоанна со слезами). Впрочем, советы – совершенно разные; и Тирген, не ограничиваясь *Илиадой*, видит еще один эпический источник данного эпизода в сцене прощания Энея с Креусой (где формулируется просьба взять супругу с собой, отсутствующая у Гомера). Резюме Тиргена заключается в том, что из 12 рассматриваемых сближений 8 относятся к *Илиаде* (причем к ее первой половине, остальные 4 – к *Одиссее*²³, что соответствует общепринятому взгляду той эпохи о сравнительном достоинстве поэм. Отсутствие реминисценций из второй половины *Илиады* объясняется тем, что Херасков пользовался вышедшим в 1776 году переводом первой половины гомеровского эпоса П. Екимова²⁴, который переводчик собирался посвятить кн. Трубецкому, отчиму Хераскова, что делает вероятным знакомство еще до публикации²⁵.

Мы уже высказывали высокую оценку вклада Тиргена; тем не менее с некоторыми из его тезисов необходимо поспорить. Что касается последнего эпизода, то речь о нем еще впереди; как нам представляется, к числу гомеровских реминисценций необходимо отнести эту – *Ил.* 7, 177–178 (ср. также *Ov. met.* 15, 38: *Squalidus ad superos tollens reus ora manusque*²⁶...):

Рати молились и длани к бессмертным горе воздевали;
Так не один говорил, на пространное небо взирая...

У Хераскова (7, 761–762):

Великий духом Царь, позная гнев Небес,

²² *Op. cit.*, S. 83–84.

²³ Остальные, как полагает Тирген, вряд ли восходят к самому гомеровскому эпосу и не подлежат обсуждению в рамках его работы.

²⁴ *Ibid.*, S. 88.

²⁵ *Ibid.*, S. 80.

²⁶ «Преступник, покрытый грязью, поднимающий к небесам лицо и руки...».

И руки и глаза ко высоте вознес,
и следующую (II. 20, 490 слл.):

Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям,
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развеивает погибельный пламень, –
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
Гнал, поражал; заструилось черною кровию поле.

Удачная битва сравнивается с пожаром в 11-й песни *Россиады* (414 слл.):

Как хворост огонь спешит в сухой печи возжечь,
Такое в Муромцах свирепство вспламенилось,
Пожаром гибельным Ордынцам учинилось:
Рассыпавшись как дождь, бегут от стрел они.
Так пламень ест траву во знойны летни дни,
Очистилось уже от битвы ратно поле,
Ордынцы скрылись в лес, не видно брани боле.

Эпизод в *Энеиде* (10, 405 слл.: Паллант сравнивается с пастухом, поджигающим лес с разных сторон), основой для Хераскова в данном случае послужить не мог.

Кроме того, мы склонны рассматривать один из наиболее патетических отрывков эпоса – прощание Сумбеки со статуей Сафгирея – как контаминацию мотивов прощания Гектора с Андромахой и оплакивание Гектора Андромахой (24, 723 слл.; у Хераскова 9, 107 слл.; здесь присутствует такой важный элемент позиции Андромахи, отсутствующий в помыслах Царицы, что ее и сына ждет рабство):

Лишь только довлелась она златых дверей,
Из меди изваян где виден Сафгирей;
Взор кинув на него она затрепетала,
Простерла длани вверх и на колени стала;
Порфиру свергнула; пеняющей на рок,
В очах супруговых ей зрится слезный ток;
Терзая грудь рекла: Супруг великодушный!
О мне несчастнейшей ты плачешь и бездушный!
Ты чувствуешь, что я в позорный плен иду;
Ты видишь токи слез, мою тоску, беду;
В последний раз, мой Царь! стопы твои объемлю,
В последний, где ты скрыт, сию целую землю;
Не буду в ней лежать с тобою, мой супруг!...
Лобзая истукан, затрепетала вдруг,
Как будто ночь ее крилами окружала,
В объятиях она бездушный лик держала.
Вещают, будто бы внимая плачу он,
Ил медь звенящая произносила стон.

Но светом некаким незапно озаренна,
Отторглась от Царя Сумбека ободренна,
Венец и трон! рекла, уже вы не мои!
Беги, любезный сын! в объятия сии;
От многих мне богатств, мне ты один остался,
Почто, несчастный сын, надеждой ты питался,
Что будешь некогда престолом обладать?
Невольница твоя, а не Царица мать,
О Князи сей страны и знамениты мужи!
Простите, стали мне в отечестве вы чужии;
Вы мне враги теперь! Россияне друзья...
Ах! естли есть еще чувствительны сердца,
Последуйте за мной, хотя я без венца...
Сумбека сняв венец с потупленной главы,
И зря на истукан, рекла: Мой Царь! увы!
Не долго будешь ты в сем лике почитаться,
Спокоен и в меди не можешь ты остаться;
Ты узришь город весь горящий вокруг себя;
На части разбьют безгласного тебя;
И тень твоя кругом летая в сокрушенье,
Попранным Царское увидит украшенье;
Попранным узришь ты сей дом и сей венец,
И кровь текущую реками наконец;
Гробницы праотцев граждане позабудут,
Мои гонители меня несчастней будут!
Опустошится град! Сумбека вопиет;
Терзающа власы, руками грудь бьет.
Когда рыдающа из храмин выступала,
В объятия она к невольницам упала...

Если наши предположения верны, то тезис об отсутствии реминисценций из второй половины *Илиады* не подтверждается; соответственно становится более вероятным наше предположение о том, что *Илиаду* Херасков читал в одном из французских переводов. Сходство вступления 7 песни и обращения Ахилла к Приаму будет рассмотрено в разделе, посвященном Овидию.

Отметим еще одну черту *Россиады* – скорее форму мысли – восходящую, как нам представляется, непосредственно к Гомеру. Ее можно назвать *irrealis epicus*. И у Гомера, и у Хераскова иногда ситуация складывается так, что предначертанное судьбами виснет на волоске; так у Гомера в *Илиаде* (8, 130 слл.; 11, 310 слл.)²⁷:

Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело,
В граде своем заключились бы, словно как овцы, Трояне;

---

²⁷ В оригинале первые стихи обеих реплик совпадают; у Гнедича они несколько расходятся.

Но увидел то быстро Отец и бессмертных и смертных...
Гибель была б, совершилось бы тут невозвратное дело,
Верно, упали б в суда отраженные рати Ахеян,
Если б Тидида на бой не призвал Одиссей прозорливый...

У Хераскова (10, 708 слл.; 11, 111 сл.):

Злодеи скоро бы вломиться в стан могли,
Когда б не прекратил сию кроваву сечу,
Князь Курбский с Палецким, врагам изшедши встречу...
Войну победою Казанцы бы решили,
Дворяне Муромски когдаб не поспешили.

III. ЛАТИНСКАЯ ЭПИКА. ВЕРГИЛИЙ

Есть у Хераскова пассажи, которые имеют своим источником латинскую эпiku – при сохраняющейся невозможности более точных указаний. К числу таких относится следующий образ (6, 620–621):

Иной, пронзенный в тыл, с коня стремглав валится,
И с кровью жизнь спешит его устами литься...

Здесь возможно как вергилиево, так и овидиевское происхождение: *Aen.* 2, 532: *concidit ac multo vitam cum sanguine fudit*²⁸; ср. также *Ov. met.* 2, 610: *...et pariter vitam cum sanguine fudit*²⁹; 11, 327: *conantemque loqui cum sanguine vita reliquit*³⁰).

К таким же местам, по-видимому, нужно отнести описание конца света (7, 965 слл. – на этот раз без вергилиевского оригинала):

Такие ужасы народы будут зреть,
Когда земля начнет в исход веков гореть;
Тут пламень огненный как море разливается,
Он поясом вокруг вселенной обвиеется;
И цепь, держащая в порядке здешний свет,
Со звуком рушится и в бездну упадет:
Там будет прах гореть, воспламятся реки;
Спасенья на земли не сыщут человеки.

Здесь мы можем уловить, – как представляется, скорее, нежели апокалиптические, хотя Св. Писание и христианские мотивы актуальны для Хераскова – овидиевские – *met.* 2, 295 слл. –

Fumat uterque polus! quos si vitiauerit ignis,

---

²⁸ «Пал и излил жизнь с обильной кровью».

²⁹ «И равным образом излил жизнь с кровью».

³⁰ «Пока он пытался говорить, вместе с кровью его оставила жизнь».

atria vestra ruent! Atlas en ipse laborat
vixque suis umeris candentem sustinet axem!
si freta, si terrae pereunt, si regia caeli,
in chaos antiquum confundimur!³¹ ... –

и лукановские тона, даже более сильные, чем овидиевские³² (1, 72 слл.):

...Sic, cum conpage soluta
saecula tot mundi suprema coegerit hora
antiquum repetens iterum chaos, [omnia mixtis
sidera sideribus concurrent,] ignea pontum
astra petent, tellus extendere litora nolet
excutietque fretum, fratri contraria Phoebe
ibit et obliquum bigas agitare per orbem
indignata diem poscet sibi, totaque discors
machina divolsi turbabit foedera mundi³³.

Теперь, как и в случае с Гомером, возьмем П. Тиргена в качестве исходной точки для наших рассуждений. Он полагает, что упоминания Этны (1, 169 слл.) –

Народ отчаянный, гонимый, утомленный,
Как будто в Этне огонь внезапно возпаленный,
Лесистые холмы, густыя древесна,
С поверхности горы бросает в небеса,
Народ возволновал!..

и Энкелада (3, 323 слл.) –

Является вдали, как новый Энкелад,
Который будто бы возстал, пресилив ад;
То Князь был Асталон: он шел горе подобен... –

восходят к 3-й песни *Энеиды*:

fama est Enceladi semustum fulmine corpus

---

³¹ «Дымятся оба полюса! А если их погубит пламя, ваши чертоги рухнут! Вот уже самому Атланту трудно удерживать на своих плечах падающую ось! Если море, если земля погибнет, если погибнет небесный дворец, – мы оказались в древнем хаосе!»

³² Из всего сюжета о Фэтоне Херасков непосредственно удержал, кажется, только воспламенившиеся реки.

³³ «Если, когда разрушатся скрепы, последний час завершит столько столетий существования мира, возвращая все в древний хаос, [и будут сталкиваться друг с другом светила], а огнистые звезды устремятся в море, земля не захочет простирать берега и извергнет из себя влагу, Луна пойдет навстречу своему брату и, не довольствуясь тем, что ей можно гнать колесницу по косому пути, потребует себе день, и все устройство разметанного мира нарушится, утратив согласие».

urgeri mole hac, ingentemque insuper Aetnam
impositam ruptis flammam exspirare caminis,
et fessum quotiens mutet latus, intremere omnem
murmure Trinacriam et caelum subtexere fumo³⁴.

Относительно этих сопоставлений нам остается только присоединиться к оговорке самого же Тиргена: «Сравнение с Этной и Энкеладом, безусловно, вовсе не обязательно восходят к *Энеиде*: они могут быть и другого происхождения (напр., ср. Lucan. Phars. 6, 294, Тассо *G. l.* 6, 23, 5 и Мильтон, PL 1, 233 слл.)»³⁵. Мы считаем вергилиевское происхождение в данном случае маловероятным; по крайней мере среди античных авторов найти надежный источник для этих мест не представляется возможным. Упоминание Дидоны (3, 570) лежит на поверхности, равным образом как имя Синона (11, 485; сам эпизод разведки не столь важен, как у Вергилия, где он является одним из ключевых во 2-й песни)³⁶ и стих 8, 131 («Целена свергнула в подобный страх Енея»)³⁷.

Следующий пункт сопоставления у Тиргена – речь Адашева (1, 501 слл.):

Адашев к славе огонь в Царе усугубляет,
Написанных Князей в предсении являет.
Се Рюрик, предок твой, вещает он Царю,
Троянску отрасль в нем и Августову зрю;
Он, силы подкрепив колеблемой державы,
Потомкам начертал бессмертной образ славы.

Поэтико-легендарную генеалогию Тирген совершенно справедливо сопоставляет с отечественной традицией³⁸; насколько она

---

³⁴ «Есть предание, что полусожженное молнией тело Энкелада лежит под гнетом этой громады, а гигантская Этна, нагроможденная вверх, выдыхает пламя из пробитых печей; когда же он, утомившись, переворачивается на другой бок, ропщет и содрогается вся Сицилия, а небо окутывается дымом».

³⁵ S. 90. В дальнейшем, чтобы не переобременять статью, мы не будем ссылаться на конкретные страницы монографии Тиргена: читатель легко сможет найти соответствующие места.

³⁶ Подробнее Тирген разбирает этот эпизод в самом конце своего раздела об *Энеиде* (S. 107). Полагаем, что параллель сама по себе очевидна, но ситуативное различие чрезвычайно велико – а потому не будем останавливаться на этом.

³⁷ Здесь имеется в виду мрачное пророчество, полученное Иоанном; ссылка на *Aen.* 3, 211 слл.

³⁸ О происхождении русских государей от «сродника Августа-Кесаря» Пруса заявляет, напр., в «Послании о Мономаховом венце» бывший тверской иерарх Спиридон (см. Я. С. Лурье. Переписка Грозного с

связана с концепцией Москвы – Третьего Рима, на чем настаивает филолог, мы рассмотрим в другом месте; однако есть и возможный французский источник, о котором Тирген не упоминает; потому мы отказываемся видеть в этом отрывке непосредственную связь с Вергилием. Вот начало *Франсиады* П. Ронсара³⁹:

Muse, enten-moy des sommets de Parnasse,
Guide ma langue et me chante la race
Des roys françois yssus de Francion
Enfant d’Hector, Troyen de nation,
Qu’on appeloit en sa jeunesse tendre
Astyanax, et du nom de Scamandre.

Более крупное заимствование, по Тиргену, – изображение неудачного похода россиян, прерванного восстанием стихий. Вот соответствующее место у Хераскова (1, 73 слл.):

Смутился дух его несчастливым походом,
Где он начальствовал в войне прошедшим годом;
Где сам Борей воздвиг противу Россов брань,
Крылами мерзлыми от них закрыв Казань;
Он мрачной тучею и бурями увился,
Подобен грозному страшилищу явился,
В глухой степи ревел, в лесу дремучем выл,
Крутился между гор, он рвал, шумел, валил,
И Волжския струи на тучны двинув бреги,
Подул из хладных уст морозы, вихрь и снеги;
Их пламенная кровь не стала Россов греть,
Дабы в наставший год жарчае воскипеть.

Примерно в том же самом месте у Вергилия (*Aen.* 1, 82–89)

...Venti uelut agmine facto,
qua data porta, ruunt et terras turbine perflant.
incubere mari totumque a sedibus imis
una Eurusque Notusque ruunt creberque procellis
Africus, et uastos uoluunt ad litora fluctus.
insequitur clamorque uirum stridorque rudentum;
eripiunt subito nubes caelumque diemque

Курбским. В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., «Наука», 1993 (1981), с. 230.

³⁹ О троянском происхождении французских королей: *Œuvres complètes de Pierre de Ronsard. Publiées sur les textes les plus anciens. Avec des variantes et des notes par M. Prosper Blanchemain. T. III. A Paris, chez P. Jannet, Libraire. M. DCC. LVIII. P. 43.* «Муза, вземли мне с Парнасских высей, руководствуй моим языком и воспой мне род французских королей, происходящих от Франсиона, ребенка Гектора, Троянца по племени, которого еще в нежной юности называли Астианаксом, и именем Скамандрия».

Teucrorum ex oculis; ponto nox incubat atra⁴⁰ ...

Следующий пункт, на взгляд Тиргена, – глубокая параллель между судьбами «несчастной» Сумбеки⁴¹ и «несчастной» Дидоны, *infelix Dido* (*Aen.* 1, 749; 4, 68, 450, 529, 596; 6, 456). В этом отношении Осман – в определенной степени параллель Энею, он «жесток» (3, 114), как и троянский герой (*Aen.* 4, 311 и 661). Дальнейшие параллели – любовь как «рана», любовь «развратная» у Хераскова в *pendant* к забывшей стыд и добрую молву Дидоне, любовное пламя; все это, однако, слишком общие мотивы, и мы несказанно удивились бы, не обнаружив их (за исключением моральной оценки)⁴². Сюда же относятся ключевое понятие Вергилия *furor* (непереводимое на русский язык) и фурия у Хераскова (3, 55 сл.):

В то время фурия, паляща смертных кровь,
Рожденная во тме развратная любовь;
Которая крушит и мучит человекoв,
Сльвуща некогда Кипридою у Греков;
Не та, которая вселенной в юных днях,
От пены сребряной родилася в волнах,
Сия вещей союз во свете составляет;
Другая рушит все, все портит, разравляет.
Такою был Иракл к Омфале распален,
Такой, Пелеев сын под Троей ослеплен;
На Ниловых брегах была такая зрима,
Когда вздыхал на них преобразитель Рима;
В очах ея покой, в душе ея война,
И токмо вздохами питается она,
Тоской, мученьями и плачем веселится.
Развратных ищет душ, алкая в них вселиться.

Очевидно, однако, что этот пассаж имеет первоначальным источником *Пир* Платона с его учением о двух Афродитах; сейчас мы не можем достоверно утверждать наличие или отсутствие промежуточ-

---

⁴⁰ «Ветры, как собравшись в колонну, рвутся, где только есть открытые ворота, и обвывают ураганом земли. Они налегли на море вплоть до самого дна – все заодно, рвутся и Эвр, и Нот, и стремительный вихрями Африк, и мчат к берегам обширные потоки. Раздаются человеческий крик и скрип канатов; тучи внезапно прячут от глаз троянцев дневной свет – над морем нависает черная ночь...»

⁴¹ 3, 578; 4, 289; 5, 211; 9, 296, 309, 327, 335, 704; 10, 54; 114 (несчастнейшая).

⁴² Важная параллель: «Жестокая любовь! koliko ты сильна!» (3, 95) – Verg. *Aen.* 4, 412; Тассо *G. l.* 4, 95, 5. По мнению Тиргена, ориентация на Дидону сильнее, чем на Армиду.

ных источников, но все же представляется, что версия эта является избыточной: почему бы Хераскову не читать непосредственно Платона? Мифологические и исторические примеры слишком лаконичны, чтобы об их источнике можно было что-то утверждать наверняка. Но дальнейшее рассуждение о структуре 3-й песни *Россиады* вскрывает ее глубоко идущую зависимость от знаменитой 4-й песни *Энеиды*. Структурные элементы – предложение разделить любовь и трон, отказ, ответ влюбленной: «Тебя породила не мать...», возвращение к себе, рана, нанесенная стрелой (у Вергилия раньше), магические заклинания, мечта о мести, беспокойство и самоубийство (или попытка самоубийства) – здесь остается только согласиться с Тиргеном, что структурно Херасков здесь испытал сильнейшее воздействие римского поэта. Но надо отметить, что роль Сумбеки у Хераскова выше, чем роль Дидоны у Вергилия: она действует на протяжении практически всей поэмы, круг ее любовных пристрастий шире, и в конце концов автор вознаграждает ее воссоединением с Алеем – когда над пошлой торжествует небесная Афродита.

Следующий важный пункт пересечения – изображение подземного мира. Тирген совершенно справедливо утверждает, что наряду с 6 песнью *Энеиды* источником для Хераскова послужили Мильтон и Вольтер (7-я песнь *Генриады*); чуть ниже – Гесиод. В качестве возможного дополнительного источника называется Овидий (*met.* 4, 432–485). Относительно подробностей мы полагаем, что 11-я песнь *Одиссеи* тоже может быть названа в этом списке; кроме того, остается труднейший вопрос о Данте, который обсуждать мы здесь не будем. Тирген считает вергилиевскими элементами упоминание Гекаты (4, 445 – *Aen.* 6, 247 и 574)⁴³; то обстоятельство, что, хотя форма персонификации пороков восходит к Вольтеру, а не к Вергилию, пороки – те же, что у римского поэта: честолюбие символизирует Салмоней (*Aen.* 6, 585 слл.), любостяжание и жадность наказываются в *Aen.* 6, 610 слл., измена – чуть ниже, а относительно сладострастия совпадает и пример – Иксион (4, 488; *Aen.* 6, 601; он фигурирует и у Овидия, *met.* 4, 461 слл.; у Вергилия это, впрочем, не единственный пример.

Аллегорезу Безбожия в *Россиаде* мы рассмотрим при рассмотрении Овидия.

---

⁴³ Признаемся, что параллель между поэтами в познании жизненной цели по смерти (4, 471 – *Aen.* 6, 566–569) мы не увидели.

Важной вергилиевской реминисценцией (несмотря на Овидия, Тассо и Вольтера) является аллегория Молвы (5, 291 слл.⁴⁴; ср. 6, 721–722⁴⁵):

Тогда крылатая в Казань парит молва,
Недремлюща во век, скоро, быстра, жива;
Молва Алеево прибытие вешает,
С Москвой взаимный мир Казанцам обещает.

В данном отношении можно согласиться с оценкой Тиргена, который гораздо выше ценит развернутые и яркие описания Вергилия и Овидия, нежели скупые и лаконичные заметки в новоевропейских эпопеях.

Следующим крупным структурным элементом *Россиады*, воспроизводящим, по мнению Тиргена, вергилиев образец, является начало 10-й песни; плавание Сумбеки по Волге с предварительным обращением к нимфам и плавание Энея по Тибру к Евандру; важный элемент – явление во сне Сумбеке – ее ангела-хранителя, а Энею – бога Тиберина.

К наблюдениям Тиргена можно добавить следующие чрезвычайно важные вещи: сравнение воинов с ветрами (XI, 227 слл.):

Тогда, совокупясь как страшные стихии,
Четыре витязя пошли против России,
Подобно слившимся четыре ветра вдруг,
Бунтуют Океян, летая с шумом вокруг. Ср. *Aen.* 2, 416 слл.:
*Adversi rupto seu quondam turbine venti
confligunt, Zephyrusque Notusque et laetus Eois
Eurus equis; stridunt silvae saevitque tridenti
spumeus atque imo Nereus ciet aequora fundo*⁴⁶,
и путника, наступившего ногой на змею (9, 643–644):
И будто на змию ступивый странник в поле,
Сказал, не храбростью, но страхом двигнут боле...

Ср. Verg. *Aen.* 2, 379 слл:

*Improvissum aspris veluti qui sentibus anguem
pressit humi nitens trepidusque repente refugit*

---

⁴⁴ *Aen.* 4, 173 слл.; *met.* 12, 43 слл.; *G. l.* 15, 32, 4; *Henr.* 1, 365 и 8, 477 слл. Мы усматриваем реминисценцию Тассо именно в указанном месте, а не в 1, 81, как Тирген.

⁴⁵ Здесь Тирген приводит дополнительную реминисценцию: *Lucan. Phars.* 1, 469 слл.

⁴⁶ «Как будто, образовав вихрь, четыре противоположных ветра сталкиваются – Зефир, Нот и гордящийся рассветными конями Эвр; шумят леса, и Нерей в пене свирепствует своим трезубцем и волнует море от самого дна».

attollentem iras et caerulea colla tumentem,
haud secus Androgeos visu tremefactus abibat⁴⁷.

Однако главные заимствования не сводятся к текстуальной близости отдельных мест. В явлении князя Александра Тверского Царю во сне легко можно узнать Гектора (1, 239 слл. – *Aen.* 1, 270 слл.); однако речь святого князя напоминает предупреждение не Приамова сына, а Меркурия (*Aen.* 4, 265 слл.)⁴⁸.

Является Царю сия святая тень
Во образе таком, в каком была в той день,
В который, в мире сем оставив зрак телесный,
Взлетела восстав в светлый дом небесный;
Потупленна глава лежаща на плечах,
Печальное лице, померклый свет в очах,
Мечем пронзенна грудь, с одежды кровь текуща,
Трепещущая тень с молчанием грядуща,
И спящего Царя во ужас привела,
Приблизилась к нему и так ему рекла⁴⁹:
Ты спишь, беспечный Царь, покоем услажденный,
Весельем упоен, к победам в свет рожденный;
Венец, отечество, законы позабыл⁵⁰,
Возненавидел труд, забавы возлюбил;
На лоне праздности лежит твоя корона,
Не видно верных слуг; ликует лесь у трона.

⁴⁷ «Как будто путник, который неожиданно наступил в колючих кустах на змею и в ужасе убегает от сердитой и раздувшей синюю шею – не иначе Андроей уходил, устрешенный зрелищем». Овидиевская параллель *fast.* 2, 347–48 ориентируется на Вергилия и здесь не может приниматься в расчет.

⁴⁸ Ю. П. Стенник в академической истории русской литературы (т. 1. Ч. 1. Древнерусская литература. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и др. Ч. 2. Литература XVIII века. Н. Д. Кочеткова, Г. П. Макогоненко, Г. Н. Моисеева и др. 1980.

⁴⁹ Интересно, насколько ближе к образцу заимствование Катенина (в первом действии «Андромахи»: Едва желанным сном мои сомкнулись очи, / Супруга моего мне вдруг явилась тень: / Но Гектор не таков, как был во славный день, / Когда суда данай воспламенив пожаром, / Патрокла поразил убийственным ударом, / Броней Ахилловой одет на страх врагам, / Вступал торжественно в спасенный им Пергам. / Весь бледный, рубищем предстал он мне покрывтый, / Лиющий токи слез, ударами избитый, / Власы его, брада, и весь окровавлен. / Вкруг ног еще ремней тех знак напечатлен, / Чем он, привязанный победною десницей, / Влачил по песку за гордой колесницей. / Я не могла вещать супругу моему, / Лишь руки в ужасе простерла я к нему...

⁵⁰ Здесь мы имеем дело не с реминисценцией отрывка вообще, но с довольно точной цитатой *Aen.* IV, 267: *heu, regni regumque oblite tuarum!* («Увы, забывший о своем долге и царстве!»).

Ты зришься тигром быть, лежащим на цветах...

И тот, и другой эпизод в *Энеиде* играют большую композиционную роль; Херасков мог ее только усилить, поскольку этот царский сон – завязка поэмы. Здесь он следовал за Тассо с явлением архангела Гавриила Гоффредо Бульонскому. Важное структурное заимствование – восходящее, правда, не только к *Энеиде*, но и к *Генриаде*, а в конечном счете к *Одиссее* – пророческая гора⁵¹, на которой отшельник Вассиан (играющий роль Сивиллы) приводит Иоанна и где ему открываются будущие судьбы России. Однако, как и в прошлый раз, столь сильный структурообразующий элемент изменил местоположение и функцию: если у Вергилия он отмечает начало второй половины эпоса, у Хераскова – всего лишь последней трети, и, кроме того, совершенно иное положение этих громадных и важных эпизодов в ряду других пророчеств: у Вергилия в конце восьмой песни (т. е. там же, где у Хераскова пророческий стержень поэмы) дано изображение щита, подкрепляющее то, что Эней узнал в аду с помощью Сивиллы; русский поэт сосредоточивает «профетический» материал в 8-й песни, образуя симметричную структуру: в начале Безбожие, олицетворенное в образе Магомета, предрекает Царю несчастную судьбу и сыноубийство (единственное место, где зрелость Иоанна бросает мрачную тень на его блистательную юность), а в конце истомленный душою Государь, достигнув крайнего предела своих несчастий, видит будущее величие своей державы, охватившей Понт и Тавриду. Иногда Вергилиевы параллели помогают объяснить непонятные явления (ср. в описании Троице-Сергиевой Лавры в одном из храмов – 1, 434 слл.):

То зданье к святости за тем приобщено,
Что славы древних лет хранит залог оно:
Герои кистью тут живой изображенны,
Которыми враги России низложены;
Там виден Святослав, сидящий на земли,
Ядущий хлеб сухой и в поте и в пыли;
Он зрится будто бы простой меж ратных воин;
Но древним предпочтен Атридам быть достоин.
Владимир меч и пальм носящ изображен,
Стоит трофеями и светом окружен;
У ног его лежит поверженна химера;
Со славою съединясь его венчает вера.
Там лавры Ярослав имеет на главе;
Донской блистает здесь; там Невский на Неве, –

---

⁵¹ Соотносится ли она со стоической горой у Сенеки (*dial.* 2, 1, 1–2), возвышающейся над судьбой?

если бы не дворец Пика (*Aen.* 7, 170 слл.), мы не смогли бы объяснить, каким образом портрет языческого князя мог оказаться на стене христианского храма. Однако здесь параллель заходит дальше: вергилиево место задает тональность второй половине эпоса, отражая в фигурах древних царей Италии новую окраску событий и будущее величие объединенной державы; Херасков по сравнению с образцом усиливает это звучание, подкрепляя его пророчеством и отводя ему место в первой песни, т. е. задавая таким образом лейтмотив всей поэмы; кроме того, это заимствование дает возможность выстроить в четвертой песни структурную параллель первой: в заколдованном лесу гробницы татарских царей хранят память о коварстве Казани; воспоминания о пороках и преступлениях венценосных предшественников Сумбеки и Едигера точно так же готовят пророчество тени Сафгирея о конечной гибели приволжской державы, как подвиги и добродетели киевских и московских владык – предвещание старца о преодолении многочисленных несчастий и конечной победе России в тяжелой войне. К Вергилию, по-видимому, восходит образ орла, нападающего на змею (6, 254 слл.; ср. *Aen.* 11, 751), аллегория Раздора (наряду с Вольгером – 12, 911 слл.; ср. *Aen.* 6, 280 сл. и *Henr.* 10, 511, которые образуют Херасковский пассаж взаимным сложением) и сравнение Иоанна с кедром перед лицом царицы (2, 361 слл.):

Как кедр с различных стран
Колеблем ветрами, был движим Иоанн:
Но в мыслях пребыл тверд...

У Вергилия: (*Aen.* 4, 441 слл. – Эней и Дидона):

Ac velut annoso validam cum robore quercum
Alpini Boreae nunc hinc nunc flatibus illinc
Eruere inter se certant...
Haud secus adsiduis hinc atque hinc uocibus heros
Tunditur, et magno persentit pectore curas;
Mens immota manet, lacrimae volvuntur inanes⁵².

Можно было бы не ограничивать этим перечень заимствований из Вергилия; большинство из неназванных все же, хотя по всей вероятности восходит к нему, относится к числу эпических (и не только эпических) топосов, о которых было сказано выше.

Можно только поддержать вывод Тиргена (S. 108) о преимуществе Вергилия сравнительно с Гомером и о идеально-теоретическом

⁵² «Как когда альпийские Борей наперебой вырывают мощный дуб с его древнею крепостью, дую то туда, то сюда... Не иначе то туда, то сюда бьют по герою слова, и в великой груди он сильно чувствует заботы; но ум остается непоколебимым, и слезы катятся понапрасну».

характере предпочтения гомеровского эпоса вплоть до эпохи Бури и натиска; реплика об отсутствии прямых параллелей в песнях 2 и 12 *Россиады* нами уже опровергнута, что касается утверждения об отсутствии значимых заимствований из последних трех книг *Энеиды*, в таком осторожном виде они бесспорны, но абсолютизировать эти тезисы мы бы не стали; отметим, что Тирген считает причиной сравнительно меньшего внимания к этим книгам мнение Вольтера, считавшего, что Эней превратился в них в грубого завоевателя. Насколько эта мысль верна, вероятно, так и останется под вопросом.

IV. Овидий

В *Россиаде* (если не считать Медеи, причем скорее еврипидовской⁵³) есть не так много упоминаний его сюжетов: имеются в виду сравнение ландшафта с Энной (5, 57; овидиево описание *met.* 5, 385 слл.)⁵⁴ и история Аглавры⁵⁵, превращенной в камень за зависть к сестре Герсе (*met.* 2, 533 слл.) – не самая знаменитая из овидиевых новелл. При этом само сопоставление весьма неожиданно: Сумбека – его Дидона, Киприда, Цирцея и Армида⁵⁶ – никак не похожа на умиряющую от зависти корыстолюбивую афинянку. При этом одна из подробностей в аллегории Зависти из этого отрывка в совсем другом месте берется для аллегорезы Безбожия:

Есть бездна темная, куда не входит свет,
Там всех источник зол, Безбожие живет;

---

⁵³ Тирген возводит это – со всеми оговорками – к соответствующей *Героиде*. Упоминания Медеи и Язона в *Россиаде*: 3, 551–52; 9, 165 (действительно здесь можно с определенной вероятностью говорить о связи с *Метаморфозами*, 7, 121–130, где змеинный сев описан подробно; еще одно имя собственное, возможно восходящее к Овидию, – «Прогнина сестра» (Филомела), 3, 489. Сама орфография наводит на мысль о скорее французском происхождении – причем не обязательно из перевода *Метаморфоз*, во французской поэзии этот сюжет встречается.

⁵⁴ Вероятность того, что оба упоминания восходят именно к Овидию, очень велика. П. Тирген (S. 156) возводит это место к *Потерянному раю* Мильтона (4, 268–275).

⁵⁵ 3, 502: «Преображалася Аглавра тако в камень».

⁵⁶ Первые три имени употребляются в сравнениях (3, 570 и 102). Последнее важно в силу оценки Хераскова: «*Армида* в Тассовом *Иерусалиме*, прекрасная волшебница; Армида, есть душа сей неоцененной Поэмы; ее хитрости, коварства, ее остров, ее нежности, ее самая свирепость по отбытии Ренода, восхитительны – но не суть назидательны».

Оно геэнскими окружено струями,
Пиет кипящий яд, питается змиями ... (7, 441 слл.)

(ср. *met.* 2, 768–769):

... Videt intus edentem
vipereas carnes, vitiorum alimenta suorum⁵⁷.

К Овидию же Тирген возводит упоминание мифов о Нарциссе и Эхо (5, 54; 425–426), об Адонисе (5, 427–428, ср. *met.* 10, 728 at suor in florem mutabitur⁵⁸; ср. 10, 734 сл.):

Нешастный Адонид, став жертвою любви,
Еще является на стебле во крови.

Здесь с немецким филологом нужно согласиться, поскольку картины, которые рассматривает Алей в 5-й песни, в этом месте посвящены любовным сюжетам – и входят таким образом в общий контекст грандиозного замысла Овидия; напоминает чем-то это место и описание пинакотеки у Петрония (*sat.* 83 – сюжеты не совпадают с херасковскими), хотя здесь мы не стали бы настаивать на непосредственном знакомстве. К сфере возможного влияния Овидия относит Тирген и 7, 17 («Венчалась класами Церерина глава» – ср., напр., *met.* 5, 341 слл., 10, 431 слл.), 7, 65 «Помонины дары» (ср. *met.* 14, 622 слл.); упоминание Орфея (7, 726); сюжет со спасением Алея от пропитанной ядом одежды, где Сумбеку автор называет «второй Деянирой» (9, 396 – по мнению Тиргена, смерть Лихаса и самоубийство добродетельного раба у Хераскова образуют контраст). В «лукановской» 7-й песни Тирген предполагает возможное влияние овидиева описания хаоса в 1-й книге *Метаморфоз* и речи Пифагора о взаимопревращении элементов в 15-й, а пламя и жар, преграждающие путь войску, напоминают в его глазах историю Фазтона; впрочем, он сам оговаривается, что здесь сказалось воздействие *Потерянного рая* и масонской литературы. Нам привлечение Овидия в данном случае кажется недостаточно обоснованным. К мотивам речи Пифагора относятся в глазах Тиргена вступление 7-й песни:

Каким превратностям подвержен здешний свет!
В нем блага твердого, в нем верной славы нет;
Великие моря, леса и грады скрылись,
И царства многие в пустыни претворились;
Гремел победами, владел вселенной Рим,
Но слава Римская исчезла яко дым;

⁵⁷ «Видит, как она внутри ест гадючье мясо, пищу своих пороков...».

⁵⁸ «А пролитая кровь превращается в цветок».

И небо никому блаженства не вручало,
Котораго б лучей ничто не помрачало.
Не может счастья не меркнуть красота;
И в солнце и в луне есть темные места!
Кругом сидящие на олтаре Фортуны,
Красуются цветы и страшные перуны.

Вот что говорит Пифагор у Овидия (*met.* 15, 259–269):

Nil equidem durare diu sub imagine eadem
crediderim: sic ad ferrum venistis ab auro,
saecula, sic totiens versa est fortuna locorum.
vidi ego, quod fuerat quondam solidissima tellus,
esse fretum, vidi factas ex aequore terras;
et procul a pelago conchae iacere marinae,
et vetus inventa est in montibus ancora summis;
quodque fuit campus, vallem decursus aquarum
fecit, et eluvie mons est deductus in aequor,
eque paludosa siccis humus aret harenis,
quaeque sitim tulerant, stagnata paludibus ument⁵⁹,

и далее (418–422) – та же судьба наступает и племена и народы:

Desinet ante dies et in alto Phoebus anhelos
aequore tinguet equos, quam consequar omnia verbis
in species translata novas: sic tempora verti
cernimus atque illas adsumere robora gentes,
concidere has...⁶⁰.

Тирген продолжает: для Овидия примеры бренности в дальнейшем изложении – Троя, Спарта, Микены, Афины; Рим, напротив, вечен; Херасков называет как раз Рим как образец преходящей славы (S. 116). Мы могли бы к этому прибавить, что как раз упоминание в этом контексте Рима дает возможность говорить об этом отрывке как о, возможно, связанном с данным местом *Метаморфоз* по принципу контраста. Тем не менее общая тональность у римско-

---

⁵⁹ «Я не в состоянии поверить, чтоб какая-либо вещь могла долго находиться в одном и том же образе; так вы, века, пришли от золотого к железному, и так изменилась фортуна мест. Я видел, как матерая земля превращалась в проливы, и видел земли, возникшие из воды; морские раковины лежали вдали от моря, и якорь находили на самых вершинах гор; где было поле, сток вод вырыл промоину, и оползень сверг гору в море; прежде болотистая почва превратилась в сухой песок, а прежде жаждавшие участки теперь заболочены».

⁶⁰ «Раньше окончится день, и Феб погрузит в глубокое море взмыленных коней, чем я смог бы перечислить словами все, превращенное в новые формы: мы видим перевороты эпох, видим, как обретают силы те племена, а эти слабеют...».

го поэта и Хераскова совершенно различна: естественнонаучный пафос с легким оттенком энтропийности – с одной стороны, и грозная судьба, не дающая нашему благополучию упрочиться, – с другой. Скорее это напоминает мрачный пессимистический взгляд, лежащий в основе греческого созерцания, который Ахилл формулирует в конце *Илиады* старцу Приаму (24, 525 слл.):

Боги судили всеиольные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях; боги одни беспечальны.
Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесив, Громовержец,
В жизни своей переменно и гонесть находит, и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет, – поношению предан:
Нужда, грызщая сердце, везде по земле его гонит.

«Цветы» и «перуны», которые лежат на алтаре Удачи (Судьбы?), – по-видимому, прямой аналог тем двум урнам, откуда черпает свои дары людям Громовержец. Тем не менее подчеркнем еще раз: мы не видим основания ради гомеровского контекста жертвовать овидиевым. Кроме этого, как полагает Тирген, легенда о городе, скрывшемся под водами (7, 81 слл.), может восходить к той же речи Пифагора (*met.* 15, 293–295, где речь идет о скрытых под водами Гелике и Бурисе, а плавучие острова (89–90 – наказание убийц Андрея Боголюбского, живьем заключенных в гробах) – аналог наказанию наяд, превращенных в острова *met.* 8, 577–589.

Важный элемент овидиева влияния, не отмеченный Тиргеном, – употребление в совершенно разных случаях деталей из истории Цейкса и Гальционы: при изображении Царицы, не желающей отпустить своего мужа в опасный поход (2, 354 слл.):

Останься! я молю, у ног твоих стена.
Когда же лютый сей поход уже положен,
И в брань идти отказ Монарху невозможен,
Так пусть единою мы правимся судьбой;
И сына и меня возми мой Царь с тобой!
С тобою будет труд спокойства мне дороже;
Я камни и пески почту за брачно ложе;
Возми с собою нас!...

Ср. *met.* 11, 439–442:

Quod tua si flecti precibus sententia nullis,
care, potest, coniunx, nimiumque es certus eundi,
me quoque tolle simul. certe iactabimur una,

nec nisi quae patiar, metuam, pariterque feremus,
quicquid erit, pariter super aequora lata feremur⁶¹.

Овидиево описание бури пригодилось для плавания русской рати в ладьях по Волге (7, 677 слл):

Ревущие валы подняв верхи свои,
Возносят к облакам великие ладьи,
И вдруг рассыпавшись во рвы их низвергают,
Где, кажется они геенны досягают,

ср. *met.* 11, 502–506:

Ipsa quoque his agitur vicibus Trachinia puppis
et nunc sublimis veluti de vertice montis
despicere in valles inumque Acheronta videtur,
nunc, ubi demissam curvum circumstetit aequor,
susplicere inferno summum de gurgite caelum⁶².

См также 691 слл.:

И будто воины втеснившись в проломы,
По улицам текут, и сокрушают дома:
Так бурная вода в ущелины течет,
И Волга разъярясь на дно суда влечет.

Ср. *met.* 11, 529–532:

Sic, ubi pulsarunt celsi latera ardua fluctus,
vastius insurgens decimae ruit impetus undae,
nec prius absistit fesam oppugnare carinam,
quam velut in captae descendat moenia navis⁶³.

---

⁶¹ «Поэтому, если твое решение не может измениться ни от каких просьб, и ты слишком твердо намерен идти, возьми меня с собой! Мы тогда точно будем плыть вместе, и я буду бояться лишь того, что испытаю сама, и все, что случится, мы перенесем вместе, и вместе будем нестись по обширным морям».

⁶² «Сам Трахинский корабль подвержен этим переменам, и то кажется, что он, будто с вершины огромной горы, смотрит в глубь Ахерона, то, когда его опустит вниз беспокойное море, взирает из бездны на вышнее небо».

⁶³ «Так, когда высокие волны ударили в крутые бока, идет шире девятый вал, и не прежде прекращает осаду усталого судна, чем спустится на стены пленного корабля». Реминисценции одного овидиевского сюжета в двух местах делают более вероятным (несмотря на то, что буря – один из топосов античного и новоевропейского эпоса) обращение именно к нему; здесь, кроме вышеизложенных соображений, впечатляет текстуальная близость – большая, чем обычно у Хераскова.

Жены казанского хана Едигера бегут от российских воинов, как овидиева Дафна от Аполлона:

Или как горлицы шумящие крилами,
Которых ястреба летая вокруг страшат:
Так жены обратясь за юношей спешат.

(Ср. Ov. *ars* 1, 117: *Ut fugiunt aquilas, timidissima turba, columbae, met. I 506 sic aquilam penna fugiunt trepidante columbae, met. 5, 605–606:*

*Ut fugere accipitrem penna trepidante columbae,
ut solet accipiter trepidas urguere columbas*)⁶⁴.

В 5-й песни *Россиады* (227 слл.) в речи Сумбеки можно уловить буколические мотвы, а именно – историю Циклопа и Галатеи:

Увы! суровья смягчились небеса,
И камни тронулись, и дикие леса;
Все, все в дубраве сей, ах! все преобразилось!
Лишь сердце для меня твое не умягчилось!
Жесточе ты древес, жесточе твердых гор?
Сумбека длит еще коварный разговор...

Они восходят к Theocr. 11 (*Циклон*) и Verg. *ecl.* 7 (точнее – к 7, 37–43), как и к не дошедшей до нас сицилийской традиции, но, по видимому, непосредственно заимствуются из пародии Овидия в *Метаморфозах* (13, 798 слл.)⁶⁵:

*Saevior indomitis eadem Galatea iuvencis,
Durius annosa quercu, fallacior undis,
Lentior et salicis virgis et vitibus albis,
His immobilior scopulis, violentior amne...*

Совершенно справедливо Тирген в другом месте, в изложении, посвященном Лукану⁶⁶, отмечает овидиевские реминисценции в описании жары (10, 837–838):

---

⁶⁴ «Как голубки, робчайшая стая, бегут от орлов»; «Так голубки с трепещущими крыльями бегут от орлов»; «Как голубки с трепещущими перьями бегут от ястреба, как ястреб обычно преследует трепещущих голубок». Топос бегства в эпике весьма распространен; прямой основой скорее является отрывок из 5-й книги *Метаморфоз*.

⁶⁵ «Галатея, более жестокая, чем необузданные тельцы, более твердая, чем многолетний дуб, более обманчивая, чем волна, более неподатливая, чем ветви ивы, чем белые побеги винограда, более неподвижная, чем эти утесы, и свирепее горного потока...».

⁶⁶ S. 129. Этот пункт пересечения – не единственный. И, как помнит читатель, не единственный пункт пересечения овидиевского и лукановского влияния.

Небесные кони спешащи солнце влечь,
Казалось, хотят вселенную зажечь...

Здесь отсылка к истории Фазтона не подлежит сомнению. И, наконец, последний пример из Овидия, который здесь целесообразно рассмотреть: в начале 12-й песни Херасков описывает царство Зимы (в прошлом веке это место было хрестоматийным и читалось всеми русскими школьниками); само описание исполнено не овидиевскими красками – в чем-то оно своей яркостью напоминает Державина – но «географическая привязка» обители Зимы сделана в духе Овидия:

В пещерах внутренних Кавказских льдистых гор,
Куда не досягал отважный смертных взор,
Где мразы вечный свод прозрачный составляют,
И солнечных лучей паденье притупляют;
Где молния мертва, где цепенеет гром,
Иссечен изо льда стоит обширный дом:
Там бури, тамо хлад, там вьюги, непогоды,
Там царствует Зима, снедающая годы.

Ср. *met.* 8, 788–791⁶⁷:

Est locus extremis Scythiae glacialis in oris,
triste solum, sterilis, sine fruge, sine arbore tellus;
Frigus iners illic habitant Pallorque Tremorque
et ieiuna Fames⁶⁸.

У Тиргена вызывает удивление, насколько велико количество овидиевских реминисценций у Хераскова: теория эпоса не рассматривала *Метаморфозы* как образец; они не упоминались ни у Вольтера, ни у самого Хераскова. Структурное влияние отсутствует, прежде всего Овидием затронуты мифология и «чудесное» (мы полностью разделяем эту позицию и добавим от себя, что играющий с нежной любовью поэт служит для Хераскова обильным кладезем поэтических подробностей). Поддерживая тезис о том, что реминисценции выходят за пределы переведенного Майковым (книги 1–8), мы не можем согласиться с тем, что мене релевантна для русского поэта последняя треть латинской эпопеи: приведенные нами цитаты из 11-й книги заставляют передвинуть границу.

---

⁶⁷ О правомерности отождествления Скифии и Кавказа: ср. начало эсхилевского *Прометей* («Мы пришли в отдаленную землю, в скифскую страну, в нехоженую пустыню»). Ср. также *met.* 8, 797–798.

⁶⁸ «Есть место на краю ледяной Скифии, печальная земля, бесплодная, без злаков, без деревьев; там живут цепенеющий Холод, Бледность, Дрожь и прожорливый Голод». П. Тирген рассматривает этот эпизод в главе, посвященной Ломоносову (S. 168–169).

V. ЛУКАН

П. Тирген (о Лукане: S. 118 слл.) считает лукановской реминисценцией (тем более убедительной, что аналогичные места отсутствуют у Гомера, Вергилия и в *Метаморфозах*) отрывок из десятой песни (160 слл.):

Терзающа власы, руками грудь бьет.
Когда рыдающа из храмин выступала,
В объятия она к невольницам упала;
Как Пифия она казалася тогда,
Трепещет, и грядет с младенцем на суда.

У Лукана Пифия описана в *Phars.* 5, 161–197, но текстуальная близость отсутствует: даже само слово *Pythia* не упоминается у римского поэта. В описании Сумбеки преобладают моменты оплакивания, а не пророческого вдохновения (Андромаха над телом Гектора?), и упоминание пифии в этом контексте нуждается в объяснении; на наш взгляд, Лукан здесь не дает ничего нового. Может быть, Херасков просто имел в виду: Сумбека предчувствовала то, что станет с ее родиной и ее городом; само по себе упоминание Пифии не может служить надежной отсылкой к какому бы то ни было источнику.

Следующей вероятной реминисценцией Лукана Тирген называет эпизод штурма дворца хана Едигера – попытку смягчить россиян красотой ханских наложниц (12, 713 слл.):

Россиян трогает красавиц сих моленье,
И близко прилегло к сердцам их сожаленье.
Сабинки древние так нежностью речей,
Смягчили сродников, кидаясь средь мечей.

У Лукана аналогичное сравнение встречается в 1-й книге *Фарсалии* (114–118): дочь Цезаря и жена Помпея Юлия – единственная, кто еще может встать между мужем и отцом. «Так Сабинки, оказавшись посреди, примирили зятьев с тестями». Но лукановское сравнение предельно конкретно и опирается на параллель в родственных отношениях; Херасков от этого далек. Таким образом, вряд ли мы имеем здесь что-либо, кроме упоминания исторического сюжета, присутствующего, безусловно, у Лукана, но и вообще популярного в римской литературе.

Значительно более вероятной лукановской реминисценцией представляется описание жилища волхва Нигрина (11, 673 слл.), где, как и у Лукана (*Phars.* 3, 233 и 236), соседствуют Гидасп (этой реки также нет в других великих античных эпосах) и Эвр:

В горах, которья объемлет мрачный лес,
Струясь, где лежит, высоких тень древес,
Которые Гидасп водами напаяет,
Где вместе грозный Евр с Зефиром обитает...

К числу надежных лукановских заимствований относится и персонифицированное Отечество (1, 227 слл.):

Всевышний рек: гряди к потомку твоему,
Дай видеть свет во тме, подай совет ему;
В лице отечества явися Иоанну,
Да узрит он в тебе Россию всю погранну!...

Ср. в *Фарсалии*, 1, 186 слл., в той же позиции, что и в *Россиаде*⁶⁹:

Ingens uisa duci patriae trepidantis imago
clara per obscuram uoltu maestissima noctem
turrigero canos effundens uertice crines
caesarie lacera nudisque adstare lacertis
et gemitu permixta loqui: quo tenditis ultra?

К этому можно было бы прибавить, что встревоженная Москва в первой песни эпоса о взятии Казани (153–168) – отражение (хотя и в более абстрактной и не столь мрачной тональности) лукановского рассказа о встревоженном, замершем перед бедой Рима (паника и мрачные пророчества: 1, 466 слл.). Описание древнего леса в окрестностях Казани, восходящее – как структурная единица – к Тассо, имеет, как правильно отметил П. Тирген, важные точки пересечения с лукановым описанием рощи друидов (*Phars.* 3, 399–425): здесь находятя грубые кумиры и алтари для страшных обрядов, сопряженных с человеческими жертвоприношениями. Это место, по мнению немецкого исследователя, Херасков «варьировал и, кроме того, развил намного подробнее, чем Лукан; хотя нет никаких текстовых совпадений, носивших бы принудительный характер, однако, как мне представляется, поскольку знакомство Хераскова с Фарсалией в данном случае само по себе предпосылка, сходство мотивов гарантирует зависимость» (S. 124). Мы солидаризируемся с этой позицией. У русского поэта в лесу расположены ханские гробницы. Отметим, что с этими захоронениями связано единственное замеченное нами внутреннее противоречие *Россиады*: если в 4-й песни Сафгирей похоронен в лесу, вместе с остальными

---

⁶⁹ «Вождю явился громадный образ трепещущего Отечества – совершенно отчетливый в непроглядной ночи, с печальным лицом, с растерзанными седыми волосами, рассыпанными по увенчанной башнями голове, с голыми плечами – и промолвил слова, смешанные со стоном: Куда еще вы рветесь?»...

владыками магометанской Казани, то в 10, 118 Сумбека, прощаясь с городом, обращается к покойному супругу: «В последний, где ты скрыт, сию целую землю».

Важнейший «лукановский» кусок эпопеи Хераскова, как уже было отмечено, – наиболее ярко в лукановские тона окрашена 7-я песнь, особенно ее вторая половина. П. Тирген видит здесь контаминацию Лукана и Тассо, отмечая, что второй источник был указан еще Мерзляковым, упустившим из виду Лукана (S. 125). Мы полагаем лукановское влияние гораздо более мощным, чем таковое же Тассо; но здесь, полагаем, не иметсмысла более подробно аргументировать эту точку зрения. Поход русской рати изображен как катонский марш по Ливийской пустыне. Здесь сохраниены все основные структурообразующие элементы лукановского рассказа. Начало – вихрь, останавливающий войска; жара, влекущая за собой засуху и томящая воинов жаждой. Тирген совершенно справедливо отмечает, что поведение Царя, отдающего принесенную ему воду раненым, и Катона, в гневе выливающего ее на землю, при одинаковой мотивировке – «Я могу переносить жажду так же, как и остальные», – несмотря на различия, свидетельствует о заимствовании; но, как представляется, можно указать источник херасковского отступления. Сам эпизод, как представляется, изначально восходит к повествованиям об Александре Македонском (см. Plut. *Alex.* 42; Arr. *Anab.* 6, 26). У Плутарха Александр отказывается отъ воды; у Арриана он хвалит принесших ее и выливает изъ шлема на землю. Версия Лукана (Катон порицает воина за то, что тотъ счел своего вождя столь слабым) дальше от Хераскова, чем обе вышеупомянутые. Потому вполне вероятно, что римский поэт и российский независимо друг от друга обработали один и тот же общий источник (Лукану известный или по крайней мере доступный, несомненно, лучше и в большем количестве литературныхъ обработок). Прекрасное наблюдение Тиргена – сопоставление описания жажды воинов у Хераскова с другим лукановским местом, из 4-й песни, где Цезарь, отрезав помпеянцев от воды, вынуждает их капитулировать. Ср., напр., 7, 927 слл.:

Ликния влажная и тополы широки,
Теряют жидкие свои природны соки;
Напрасно воины ту влагу достают;
Сорвав кору с древес, кроваву пену пьют...

и *Phars.* 4, 316–318:

Tunc herbas frondesque terunt, et rore madentis
destringunt ramos et siquos palmite crudo

arboris aut tenera sucos pressere medulla⁷⁰.

Есть и описания различных разновидностей змей (у Лукана мотив развит с большей подробностью, с этиологическим мифом о происхождении змей Ливийской пустыни и другими деталями):

Змии глотая яд, из мрачных нор выходят,
Болезни, раны, страх и язвы производят;
Извившись как ручей, в густой траве шипят
Бросятся стрелой и грудь насквозь разят;
Не страх от сих змиев Монарха сокрушает,
Но то, что воинство рок лютей уменьшает.
Как будто острия сверкающих ножей,
Там жалы видимы излучистых ужей;
Следы алкающей повсюду смерти видны;
Там гады страшные, там черные ехидны... (855 слл.).

Лукановской реминисценцией оказывается и вызванный нестерпимыми лишениями мятеж (естественно, поднятый новгородцами и подавленный самоотверженными речами Иоанна, которых устыдили оробевшие полки) –

Не уважая слов, ни слез, ни мнений Царских,
Единый из детей от Новграда Боярских;
От зноя ль и трудов в рассудке поврежден,
Или отчаяньем и негой услажден;
Сей ратник по полкам и страх и горесть сея,
Помешаны глаза, раскрыту грудь имея,
Бегущий возопил: Куда нас Царь ведет?
Здесь голод нас мертвит, а тамо язва ждет!
Оставили отцев, оставили мы дома,
Пришли сюда в места пустые, незнакомы;
Лишили небеса и пищи нас и вод;
Не явно ль Бог казнит за дерзкий нас поход?
Пойдем! назад пойдем!.. Он рек, и возшумели.
Развратны юноши подобну мысль имели.
Но взоры Царь на них как стрелы обратил,
И волны мятежа сей речью укротил:
Не славы мира я, о юноши! желаю,
Но мстить за Христиан усердием пылаю;
Коль вы не ищите торжественных венцев,
Спасать не мыслите ни братий, ни отцев.
Нещастные сыны! бегите, не трудитесь;
Оставьте копья нам, и в дома возвратитесь;
Я верных Россиян в полках моих найду,

---

⁷⁰ «А иногда они трут травинки и листья и срывают ветви, сочащиеся влагой, и [пьют] то, что найдут на сыром срезе или выдавят из нежной сердцевины».

Не слабых жен во брань, мужей с собой веду...
Скончав слова, дабы волненью не продлиться,
Велел ревнительным от робких отделиться;
И возопили все: С тобою мы идем!
За веру, за тебя с охотою умрем! (1023 слл.)⁷¹.

Херасков описывает события более скупой Лукановской роскоши и естественнонаучной точности – каким образом действует яд каждой разновидности змей – ожидать от него не приходится. Точно так же нет у него желания предельно сгущать мрачную атмосферу описаниями отвратительных предметов, столь разительно бьющего в глаза в *Фарсалии*. Кроме этого важного заимствования, придется ограничиться указаниями в самых общих чертах: страшные последствия гражданских войн (4-я песнь *Россиады*, вплетено в описания гробниц казанских Царей), возможно, восходят к римскому поэту; по крайней мере они окрашены в лукановские тона. Отметим и одну небольшую, но совершенно несомненную реминисценцию, упущенную Тиргеном: 7, 640 – «Вы скоро будете гражданской полны кровью» – и *Phars.* 2, 713: *Hic primum rubuit civili sanguine Nereus*⁷²... Резюме Тиргена заключается в преимущественном влиянии 9-й книги *Фарсалии* (что очевидно) и в превосходстве лукановских влияний во второй половине эпопеи (если убрать 7-ю песнь *Россиады*, это по крайней мере спорно).

VI. ДРУГИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нам уже не один раз приходилось отмечать влияние античной литературы за рамками крупных эпосов. Здесь мы перечислим обнаруженные нами примеры заимствований; общую картину составить из них трудно, и свидетельствуют они только об одном – обширной эрудиции нашего поэта. В конце 2-й песни (524: «Хочу переменить на звучной лире струны») – явный отрывок из *Anacreontea* 23, 5–6⁷³:
ἦμεῖσα νεῦρα λῤῶν / καὶ τῆν λύρην ἄλασταν.
Эпизод 3, 179 слл. – заимствование из Геродота (7, 187, 196)⁷⁴:

⁷¹ Описание похода через Ливийскую пустыню – IX песнь «Фарсалии».

⁷² «Здесь Нерей в первый раз покраснел от гражданской крови».

⁷³ «Давеча я поменял струны, да и лиру целиком». Впрочем, возможно и происхождение от Ариосто (*O. F.* VIII, 29, 1–4).

⁷⁴ Упоминание Персидского Царя как раз и позволяет говорить о том, что аналогичное место у Тассо – *G. l.* 13, 59, 5 – не является единственным источником.

Мамай как будто бы из недр изшедый земных,
В Россию прилетел со тучей войск наемных,
К нему склонилися, измены не тая,
Против Димитрия Российские Князья;
Обширные поля их войски покрывали,
И реки целья в походе выпивали.
Такую Перский Царь громаду войск имел,
Когда с угрозами на древних Греков шел...
Речь Безбожия (7, 471 слл.) –
Безбожие смутясь, в отчаянье трепещет,
Молниеносные на небо взоры мечет:
Увы! преходит власть моя, гласит оно,
Низверженна с небес вселенная на дно;
Последнее мое убежище теряю,
Завидно Небесам, что вред я сотворяю;
Но Богом будучи добра отчуждено,
Я им, конечно им, на вред и рождено,
И бытие мое во связи мира нужно;
Со Благочестием не лъзя мне жити дружно;
Кто смеет мой престол, кто смеет разрушать?
Иль хошет Бог меня последних жертв лишать?
О тартар! на тебя оковы возлагают! –

напоминает слова Аллекто на адском собрании у Клавдиана (*Ruf.* 1, 45 слл.)⁷⁵:

Sicine tranquillo produci saecula cursu,
sic fortunatas patiemur uiuere gentes?
quae noua corrumpit nostros clementia mores?
quo rabies innata perit? quid inania prosunt
uerbera, quid facibus nequiquam cingimur atris?
heu nimis ignauae, quas Iuppiter arcet Olympo,
Theodosius terris. en aurea nascitur aetas,
en proles antiqua redit <...>.
At nos indecores longo torpebimus aeuo
omnibus eiectae regnis? agnoscite tandem
quid Furias deceat; desuetas sumite uires

---

⁷⁵ «Что ж, мы так и будем терпеть, что век течет спокойно, а мир живет счастливо? Что ж это за такая снисходительность, которая развратила наши нравы? Куда пропала врожденная ярость? Что толку от бесполезных бичей, и с какой целью мы опоясываемся черными факелами? Ах, лентяйки, которых Юпитер не допускает до Олимпа, а Феодосий – до земли! Вот рождается золотой век, вот возвращается древнее поколение <...>. А мы так и будем коснеть в долгом бесславии, выброшенные отовсюду? Вспомните, наконец, что подобает фуриям; верните себе отвычные силы и примите постановление о злодействе, которое было бы достойно сего собрания».

conuentuque nefas tanto decernite dignum.

Напоминают Клавдиана и участники собрания адских сил: у Хераскова Мечь, Гордыня, Лечь, Лукавство, Вражда, Отчаянье; у Клавдиана (*Ruf.* 1, 28 слл.): Раздор (*Discordia*), Голод (*Fames*), Старость (*Senectus*), Болезнь (*Morbus*), Зависть (*Liuor*), Печаль (*Luctus*), Страх (*Timor*), Ярость (*Audacia*), Роскошь (*Luxus*), Нищета (*Egestas*), Скупость (*Auaritia*) и Заботы (*Curae*). Можно в общем и целом сказать, что способ оформления у поэтов – один и тот же, но содержательно Херасков христианизует отрывок из поэмы о Руфине⁷⁶.

Появление пропавшего Царя (9, 135 слл.), по-видимому, ориентируется на Горация:

Светлее небеса и солнце появилось;
Вещаньем о Царе все войско оживилось.
Пришел наш Царь! пришел! повсюду вопиют;
Им взгляды Царские обратно жизнь дают!

Ср. *carm.* 4, 5, 5–8⁷⁷:

Lucem redde tuae, dux bone, patriae.
instar veris enim voltus ubi tuus
adfulsit populo, gratior it dies
et soles melius nitent.

VII. ВЫВОДЫ

Подводя итоги вышесказанному, остановимся на следующих предварительных выводах: гомеровское влияние сказывается по

---

⁷⁶ Р. Л. Шмараков в докторской диссертации «Поэзия Клавдиана в русской рецепции конца XVII – начала XX вв.» (М., Московский педагогический государственный университет, 2008) рассматривает это сближение (авто-реферат, с. 12) и настаивает на том, что группа сцен первой песни «Россиады» воспроизводит таковую же в «Гильдоновой войне» (мольба страны к богу (Рим-Россия), явление во сне тени главному герою (Иоанн-Гонорий и Аркадий, Александр Тверской – оба Феодосия), встречи с другом (Адашев-Стилюхон; там же, с. 10–11). Можно признать в этой мысли определенную долю правды; но есть и очень сильные различия. У Клавдиана – безо всякого соответствия у Хераскова – и мольба, и сон даны парами, симметрично (к Юпитеру обращаются Рим и Африка); призыв Стилюхона предварен его упоминанием во сне, что связывает две сцены, у Хераскова совершенно отдельные; прямых текстуальных перекличек нам обнаружить не удалось.

⁷⁷ «Добрый вождь, верни свет своему отечеству. Ведь где, подобно весне, твой лик блеснет народу, день любезнее, и солнца сверкают лучше».

большей части опосредованно, через эпическую традицию; количество прямых реминисценций относительно невелико; *Энеида*, поставляя немало образов, сравнений и фигур, оказывает самое серьезное влияние на композицию поэмы Хераскова в целом; Овидий служит арсеналом поэтических образов и не влияет на структуру *Россиады* – хотя в своей ограниченной функции он, пожалуй, не уступает Вергилию и безоговорочно превосходит Лукана; *Фарсалия* служит источником для обработки отдельных – немногочисленных – важных и глубоко эшелонированных эпизодов, определяя структуру больших повествовательных кусков, но не эпоса как такового. При этом речь идет о достаточно глубокой переработке, об искусной комбинации чужих мотивов в сочетании с собственными находками, работающей на русский эпос как целое, а отнюдь не о прямом заимствовании и рабском подражании⁷⁸; да и в чем заключается литературная самостоятельность, как не в умении создать под свои творческие нужды оригинальный сплав из заданных элементов традиции? Образованность поэта, владеющего материалом античной литературы (как убедился читатель, не только эпической), новоевропейского эпоса, Св. Писанием и обширными сведениями в отечественной истории, позволяет создать произведение, до сих пор сложностью своей проблематики представляющее весьма соблазнительную задачу для филологического сообщества.

---

⁷⁸ Это обвинение можно было бы с большим правом предъявить Вольтеру и Ломоносову, в первых песнях *Генриады* и *Петре Великом* скопировавших структуру начала *Энеиды*.

Я. Л. Забудская

**ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА АНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ
(ПЕРЕДАЧА ЗВУКОПИСИ В ПЕРЕВОДАХ ЭСХИЛОВСКОГО
«АГАМЕМНОНА» Вяч. ИВАНОВЫМ И С. И. РАДЦИГОМ)**

«...перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с языка греческого или же латинского, каковые суть цари всех языков, — это все равно что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне, да и потом, чтобы переводить с языков легких, не надобно ни выдумки, ни красот слога ...»

Мигель де Сервантес Сааведра,
«Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»,
гл. 62.

Вынесенное в эпиграф высказывание уже появлялось в работах, посвященных проблемам художественного перевода. Образ «изнанки ковра»¹ очень наглядно передает ту трудность, перед которой оказывается переводчик, желающий передать в своей работе совокупность языковых приемов, создающую текст оригинала, сохранить словесный строй, отразить возможные интерпретации, учесть проблемы культурной адаптации... Для нас интересней то, что замечательной оговоркой в первой части фразы, льстящей самолюбию филолога-античника, для древних языков – «царей всех других» – трудности перевода по некой причине исключаются.

Теория перевода является в наши дни уже вполне разработанной наукой, но вопросы перевода художественного, как наименее поддающегося формализации, разработаны в ней пока слабее всего². В силу неизбежной описательности они заключены в рамки скорее истории. Ряд слагаемых теории перевода унаследован уже от античности и рассматривается с точки зрения учения о подражании.

---

¹ Сравнение это заимствовано Сервантесом у Луиса де Сапаты, переводчика и комментатора «Поэтики» Горация. См.: Ершова 2002: 305.

² Гаспаров 1988: 45. Краткий обзор развития отечественной теории перевода приводится в: Виноградов 2004: 6–10.

Правда, «соревновательный вид» перевода и подражания в Средневековье и Возрождении, опирающийся на концепцию *varia tractatio* («различная обработка», предполагающая передачу сюжета при отличии стилистических приемов от оригинала; предшествовавший ей по времени вариант *imitatio*, подражание стилю, предполагал, напротив, обращение к иному сюжету) представлял собой скорее парафразу, чем перевод в нашем понимании. Проблемы букввальности перевода изначально были связаны уже не с античной, а с христианской традицией, берущей начало от святого Иеронима, и ограничивались поначалу необходимостью «точного» перевода Библии и отцов церкви (Евдокимова 2002: 117). Само установление термина «перевод» можно связать с отходом от концепции *imitatio* и разделением перевода и подражания на два разных жанра; именно тогда позднелатинское *translatore* сменяется новым *traducere* (Стаф 2002: 174). Грамматическо-риторическое понимание термина *translation* уходит корнями в античность: *translatio* – это троп, «перенос смысла». Историческая семантика понятия *translatio(n)* обуславливает понимание перевода как истолкования текста, извлечение его скрытого смысла (Стаф 2002: 175). С другой стороны, история термина предполагает в *translation* переводы из древних авторов; в узком плане это можно понимать как перевод с латыни на новый язык, в широком – как конкретное воплощение идей *translatio studii*, занимавших умы гуманистов. Весь этот контекст уходит при переводе с языков «легких». Вот возможные истоки уточнения, которое делает Сервантес, перефразируя Луиса де Сапату. Таким образом, переводы античных авторов оказываются меж двух традиций – точного перевода христианских текстов и вольной переработки-адаптации текстов на современных языках. В разное время к ним применялись различные переводческие приемы, восходящие к различным литературным традициям. Обязательным для них остается одно: имплицитно предполагаемое глубокое знание переводчиком особых реалий античной эпохи – а степень знакомства с ними читателя определяла суть переводческой стратегии. *Translatio auctorum* в контексте *translatio studii* (а оно, в свою очередь, в контексте *translatio imperii*) и сформировало феномен «перевода древних» в разные эпохи национальных культур. Культурологическое значение переводческих концепций подтверждается в том числе и тем, что именно дискуссии о переводах Гомера Де Ла Мота и Дасье дали новую силу «спору о древних и новых».

Традиция переводческой рецепции античности в России короче, но насыщенной. С XVIII по XX век насчитывается пять периодов, характеризующихся тяготением то к «вольным», то к «буквалистским» переводам (Гаспаров 1988: 55–58). В самом широком плане

это тяготение определяется характером того, что было названо выше *translatio studii*, «перенос знания», различными периодами распространения образования и развития культуры. Периоду широкого «переноса», распространения культуры свойственен переводвольный, имеющий характер ознакомительный (в России это XVIII век, применительно к античности это работы Тредиаковского и Державина; вторая половина XIX века и послереволюционный период). Определяющим фактором в этот период становится отсутствие общепринятой нормы перевода, приводящее к тому, что «мысли и чувства» подлинника извлекаются из контекста по желанию и вкусу переводчика, и адаптация литературной формы к национальной традиции. После поверхностного ознакомления наступает период творческого и глубокого усвоения – это эпоха перевода буквального (первая половина XIX века и начало XX соответственно). Здесь уже не менее важным, чем передача «мыслей», становится отражение поэтического своеобразия оригинала. Правда, традиция перевода античной драмы не совсем в эту схему укладывается – особенно в отношении Эсхила.

История приобщения русского читателя к наследию древнегреческих трагиков прослеживается с конца XVIII века. Первые переводчики, как правило, опирались на французские переводы Лагарпа, а греческая основа оказывалась вторичной. Переводы осуществлялись либо прозой, либо александрийским или белым стихом. Первым из афинских трагиков был переведен Софокл, сначала его «Филоктет», затем «Антигона» и «Царь Эдип». Переводы делались либо в прозе (В. Голицын, П. Львов, Я. А. Галинковский, П. Соколов, И. И. Мартынов), а в стихотворных опытах предпочтение отдавалось александрийскому (С. Аксаков, Н. Кошанский, А. Ф. Мерзляков, Ап. Григорьев, О. Вейсс, Н. Котелов) и белому стиху (С. Шестаков, В. Водовозов, Д. С. Мережковский). Переводы Эсхила появились позже, причем перевод «Семерых против Фив» А. Ф. Мерзлякова 1825 г. безнадежно устарел (Гитин 2003: 14), а вышедший в 1891 г. «Прометей» Мережковского был подвергнут суровой критике. Предшествовавший рассматриваемым текстам Вяч. Иванова и С. И. Радцига перевод «Агамемнона», выпущенный в 1883 г. Н. Котеловым вместе с остальными частями трилогии, был прозаическим. Актуальность проделанной работы, острота нехватки переводов Эсхила подтверждается в том числе и тем, что, к примеру, И. Анненский в своих лекциях по истории античной драмы, анализируя Эсхила в аудитории, не знакомой с древнегреческим, был вынужден прибегнуть к цитатам из Мережковского, чьи переводческие принципы были раскритикованы в том числе и самим Анненским (Гитин 2003: 14). Таким образом, затеянное М. Сабаш-

никовым издание «Памятников мировой литературы» было призвано восполнить в том числе и эту лакуну.

Первое намерение Иванова перевести Эсхила, и именно «Орестею», для Александринского театра, опережало замысел Сабашникова и относилось к 1908 году (Мейерхольд 1976: 114). Инициатива принадлежала В. Э. Мейерхольду, замысел не осуществился, но удачно совпал с издательскими планами М. Сабашникова. Издателю была известна склонность Иванова к кунктаторству, и первые попытки заключения жесткого договора относятся к 1911 г. (Сабашников 1983: 292). По первоначальному замыслу вся «Орестея» должна была быть закончена к маю 1912 г., но в результате к февралю 1913 года был переведен один «Агамемнон»³. В том же 1913 вышел «Агамемнон» в переводе С. И. Радцига⁴. Характер этого издания скорее популяризаторский, чем научный, что видно по предисловию, содержащему самые общие сведения об Эсхиле и античной трагедии. Скорее всего, оно было осуществлено на средства автора, являясь «пробой пера» молодого ученого, и с этой точки зрения конечно же несопоставимо с трудом Иванова. Во всяком случае, Ф. Ф. Зелинский, составляя в 1918 году хрестоматию «Древнегреческая литература эпохи независимости» просил у Иванова перевод сцены с Кассандрой («не могу же я своих слушательниц оставить без Эсхила... без Вашего Эсхила...») (Котрелев 1989: 514). Из переписки Иванова видно, насколько он был чувствителен к вопросам литературного приоритета, особенно в отношении «Орестей».

В целом перевод Радцига находится в русле установившейся традиции – белый стих, ремарки (правда, сдержанные), рифмы в хоровых частях, – с той только разницей, что Радциг гораздо более строг в соблюдении точности передачи смысла текста Эсхила, чем его предшественники в отношении текстов Софокла. Перевод Иванова имеет более экспериментальный характер: традиция эквиметрического перевода греческой лирики тогда только складывалась (собственно, передача размеров подлинника в их тоническом варианте и стала традицией благодаря Иванову, что признавал даже строгий критик его Вересаев – Вересаев 1915: 389), создание искусственного «жанрового» языка для перевода античного текста удалось только Гнедичу; тем не менее, очевидно стремление

---

³ Языковая сущность переводческой деятельности Иванова, в том числе в сопоставлении вариантов перевода «Агамемнона», рассмотрена в работе: Казанский 2003: 15–24.

⁴ При переводе Вяч. Иванов опирался на издание Кирхгоффа (A. Kirchhoff. *Begolini*, 1880). См.: Казанский 2003: 23; в основу перевода С. И. Радцига был положен текст 2-го издания Вейля (*Lipsiae*, 1907).

Иванова создать особый «трагедийный» язык и стиль, все с той же целью – точности в передаче оригинала⁵.

Сейчас уже не нужно доказывать, что эта самая точность, насколько она вообще достижима, невозможна без учета и передачи стилистических особенностей переводимого текста. А стилистическое исследование, в свою очередь, невозможно без внимания к фонетическому (фоническому) строю поэтического текста. Другое дело, что применительно к греческой поэзии изучение такого раздела фоники, как звукопись, а именно аллитерация и ассонанс, является эпизодическим. Элементы звуковой аранжировки обнаруживаются по большей части в прозаических текстах – у досократиков (Denniston 1952: 124–127), в пословицах (Stromberg 1954: 12), прорицаниях Дельфийского оракула (Parke, Wormell 1956: XXIV). Считается, во-первых, что эти приемы не рассматриваются древнегреческой поэтикой: к ним можно отнести только риторические положения о единоначатиях и грамматические, ставшие у Платона в «Кратиле» философскими – о роли звукоподражания в этимологии, да описания обратного аллитерации приема – липограммы⁶. Считается, во-вторых, что аллитерация чужда самому строю греческого языка, не имеющего динамического ударения, и греческому стихосложению (Opelt 1958: 206). Аргумент весьма весомый, если рассматривать аллитерацию в ее традиционном первом значении – как повтор начальных согласных слова, как правило предупредных (англо-немецкая традиция, опирающаяся на древнегерманскую версификацию и приемы скальдической поэзии). Наивысшим воплощением такая аллитерация имеет тавтограмму, считающуюся, с одной стороны, чертой традиционной поэзии, а с другой – экспериментальной. Более широкое понимание аллитерации – любой повтор согласных, как ассонанс – любой повтор гласных, который иной раз рассматривается как частный случай аллитерации, определяющийся в таком случае как любой повтор звуков. Тогда несомненно созвучия уже в гомеровских формулах. Для русской школы (а также французской и итальянской) свойственно, как правило, именно такое понимание аллитерации. Критерий в таком случае становится расплывчатым – число звуков не велико, особенно гласных, и повторяются они с неизбежностью. В литературоведческих статьях, посвященных аллитерации, можно встретить определение звукоповтора как троекратного; в математической статистике доста-

⁵ Более подробно соотношение степени точности и степени вольности в переводах Иванова рассматривалось в статье: Любжин 2002: 141–147.

⁶ «О сочетаниях имен» 14 (80). См.: Античные теории языка и стиля. М., Алетей, 1996. С. 224.

точным считается шестикратный повтор, что дает 90% достоверной вероятности (это при условии, что параметр распределен по нормальному закону, а в нашем случае параметр «нормального закона» варьируется от автора к автору, ведь «звуковые предпочтения» поэтов могут различаться. Кроме того, интервал, в пределах которого повторение звуков может рассматриваться как значимое, все равно может быть определен только исходя из эстетического восприятия). Р. Якобсон (Якобсон 1975: 204–225), характеризуя природу звукового символизма в поэзии прежде всего с точки зрения повторяемости фонем, подчеркивает несводимость сущности звуковой ткани стиха к числовым соотношениям: фонема в важной позиции в стихе, даже будучи одиночной, может приобрести решающее значение. Но это немного другой вопрос – о значении звуков. А вопрос о преднамеренности вообще приходится оставить в стороне в связи с невозможностью эту преднамеренность доказать, как, впрочем, и опровергнуть.

Что позволяет говорить обо всем этом в связи с данным материалом? Не только тот очевидный факт, что Иванов придерживался второго, более широкого понимания аллитерации, и что звукопись в стихотворном тексте была для него чрезвычайно важна (чему подтверждением служит специальное исследование «К проблеме звукообраза у Пушкина» и посвященные звукоповторам места в работе «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» – Иванов 1987: 343–349; 633–650). Интересно то, что в этих работах Иванова фактически можно найти краткий ответ на каждую из упомянутых выше проблем, ставящих под вопрос изучение аллитерации в греческой поэзии: он пытается найти обоснование звукоповторов в теории Аристотеля, рассматривает их как прием типологический и применяемый поэтом бессознательно.

Любопытно и практическое обращение к звукописи Иванова-переводчика. К этому приему он прибегает в переводе «Гимна к Аполлону» Алкея, причем переводя прозаический пересказ Гимерия (Himer. Or. XIV, 10). Оригинал Алкеева пеана не сохранился, и сам Иванов называет свою работу «опыт реставрации потерянного подлинника» (Иванов 1914: 34). Размер – алкеева строфа – был определен единственной сохранившейся строкой; содержание – парафразой Гимерия; воссоздание стиля и поэтики целиком зависело от представлений о них переводчика. Отличие динамического синтаксиса перевода от плавного стиля Гимерия можно объяснить и типологическим различием поэзии и прозы, и требованиями метрики; сама метрика, попытка передачи алкеевой строфы, стала экспериментом, выраженным эксплицитно; таким же экспериментом, только имплицитным, стала звуковая организация. Несколько

раз воспроизводится звуковой повтор по одной и той же формуле – двойное единоначатие сочетается с повтором того же согласного в середине слова: *златою митрой Зевс повязал; дал лебедей с колесницей легкой* (в сочетании с тройным *Л* в предыдущей строке это передает плавный полет колесницы); *вещать уставы вечные; гостил год целый в Гипербореях*. Неслучайность этого приема подтверждается при сравнении с греческим текстом (в оригинале нет ни определения *легкой* при колеснице, ни *повязывания* митры (Зевс украшает сына одновременно митрой и лирой), ни *вечных уставов* (а есть *правда и закон*⁷ – δίκη καὶ θεμιν). Композиционный и смысловой центр гимна, седьмое предложение, содержит звуковые ассоциации с адресатом гимна – Аполлоном: *Лет лебединый на полдень клонит* (Теперик 2002: 153). Аллитерация – *Л* повторяется во всех четырех значимых словах, *Н* – в 3, служит здесь своеобразным «обрамлением» для анаграммы имени бога, непосредственно предшествующей обращению с уже прямым именованьем. Вторая половина стихотворения синтаксически характеризуется краткостью предложений, контрастирующей с длинными фразами первой половины гимна (Теперик 2002: 151–152), фонически – обилием шипящих и свистящих, передающим описываемый в этих двух строфах щебет птиц, приветствующих бога. Оканчивается стихотворение излюбленной для поэта аллитерацией на *Р* – *плещет родник серебром гремячим* (*серебро* в оригинале есть, а *гремячего* – нет; сам гимн у Гимерия завершается описанием Кефиса, вздымающего волны подобно Гомерову Энипею – всю эту фразу Иванов в своем переводе опускает). Все это можно было бы считать случайностью, если бы подобное рассмотрение не использовал сам Иванов – применительно к стихам Пушкина. Справедливо замечая, что звукопись, «инструментовку стиха», уместно рассматривать как «прием» лишь поскольку речь идет о сознательном применении средств художественной выразительности, он предполагает в истинной поэзии «звукосложение» ненамеренное, обусловленное «естественной ономагопеей» и звуковыми пристрастиями поэта («идиосинкразиями поэтической апперцепции», по формулировке Иванова)⁸.

⁷ Русский перевод см. в кн.: Лосев 1996 : 468–469.

⁸ Типичный пример разбора «звукосочетаний»: «Еще пример самоцветного, самозвучного слова, подобранного поэтом в россыпях языка: звукообраз «Обвала» есть самое слово «обвал» с его музыкой тяжкого падения и глухого раската. Эта тема варьируется и как бы меняет тональности: ударное *ал* (вал) подготавливается вначале суровым *лы* (валы) и разрешается в конце, перейдя через *вод* (свод), в *ол*, *вол* («шел» с рецидивом «сказал», «влекся вол», «верблюда вел», наконец – «Эол», с обертонем «орел», откликающимся на «орлы» первой строфы)...

Таким образом, мы получаем редкую возможность оценивать поэта по им же самим заданным критериям. Звуковая аранжировка (несомненно авторская, поскольку стихотворная форма придается прозаическому оригиналу) становится для Иванова одним из приемов «реставрации». Как писал С. С. Аверинцев, Иванов, «перелагая стихи античных поэтов, ставил перед собой трудную задачу: передать не только облик и настроение переводимой оды, не только своеобразие переводимого автора, но и специфические тайны греческого стиха, даже греческого языка, иначе говоря, как раз то, что, казалось бы, менее всего поддается воссозданию средствами русского стиха и русского языка» (Аверинцев 1978: 60–61). Несомненно, что такой спецификой стиха и языка были для Иванова и особенности звукоряда.

Конечно, сложно признать сознательную передачу звукописи в переводах, предшествовавших по времени основным работам, признающим аллитерацию как прием в греческих текстах вообще и у Эсхила в частности (Defradas 1958: 371; Deniston 1952; Opelt 1958). Но, хотя звукопись как важный компонент эхиловского стиля стала признанным фактом с середины XX в., тем не менее разрозненные наблюдения звуковых соответствий присутствовали в комментированных изданиях Эсхила и раньше⁹. Конечно, невозможно говорить о передаче фонетических особенностей подлинника, если перевод делается через текст-посредник, но в работе как Иванова, так и Радцига несомненна попытка передать языковое богатство оригинала, именно в опоре на подлинник, минуя французский или немецкий подстрочник. Очевидно, что Иванов, очень чувствительный к фонике, не мог не воспользоваться возможностями, которые предоставлял греческий текст. Каких принципов в отношении фоники придерживался Радциг, неизвестно, но тем более интересно сопоставить именно в этом ракурсе два перевода, принадлежащих к разным направлениям в переводческой технике.

Редкий случай, когда звукопись очевидна – это игра со звучанием и смыслом в имени Елены, так называемый звукообраз, в Ag. 686 и сл.: 'Ελένας ... ἔλανδροσ... ἑλέπτολις. Радциг ограничивается строкой «Злая язва заела», довольно удачно воспроизводя греческую парономасию и соединив ее с аллитерацией, становящейся

Звукосложение этого сотканного из горных эхо стихотворения с особою наглядностью показывает, что самое звукоподражание у Пушкина (как и у древнего Виргилия) ищет опереться на уже существующую в составе языка – в форме ли ономотопеи, или псевдоономотопеи — естественную звукопись слова». См.: Иванов 1990: 262–266.

⁹ Систематизация этих разрозненных наблюдений проводится в статье: Сумм 2002: 232–248.

почти транслитерацией ἐλεῖν, хотя и добавив в сноске «непереводимая игра слов». Иванов разворачивает звукопись на всю строфу, добавив к «плену», «пленять» и «пленнице» еще и отсутствующего в тексте оригинала «еленя»: здесь звуковой и смысловой организации служит уже не просто аллитерация и парономасия, но и амплификация. В целом, оба переводчика воспользовались семантическими возможностями, заложенными в звуковом строе оригинала, хотя каждый подобрал свой эквивалент, передающий по-русски как сходство звучания, так и предполагаемое сходство значения Ἐλένας и ἐλεῖν.

Второй случай, когда в оригинале фраза несомненно строится на созвучии корней – это завершение речи Клитемнестры в диалоге с Агамемноном. Чеканное двустопное похоже не столько на инвокацию бога (хотя в кратчайшем виде в нем присутствуют необходимые элементы – обращение, эпитет, просьба), сколько на магическое заклинание:

973 Ζεῦ Ζεῦ τέλειε τὰς ἐμὰς εὐχὰς τέλει
Μέλοι δέ τοι σοὶ τῶνπερ ἄν μέλλῃς τελεῖν

О Зевс верховный, Зевс вершитель, сам сверши,
О чем молю! Вспомни, что судил свершить! (пер. Вяч. Иванова)

Зевс, Зевс вершитель, мне мольбу сверши!
Пекись о том, что должен совершать. (пер. С. И. Радцига)

Конечно же, повтор корней не обойден в обоих переводах, но ни в одном не передано все богатство звуковых и смысловых соответствий греческого оригинала: Μέλοι – μέλλῃς не передает ни «вспомни, что судил», ни тем более «пекись». Иванов в своем переводе пытается «разбавить» сухой повтор корней паронимасией (*верховный – вершитель*).

Еще один контекст, где звуковая аранжировка сходна у обоих переводчиков – пророчество Кассандры (1125–1127). Правда, созвучие βοὸς λαβοῦσα: ἰδοὺ ἰδοὺ ἄπεχε τῆς βοὸς / τὸν ταῦρον ἐν πέπλοισι / μελαγκέρῳ λαβοῦσα μηχανήματι / τύπτει передано посредством звучания, отличного от оригинала: звук **P** 5 раз повторяется у Радцига («*проць быка от телицы! / опутав одеждой хитро, / она чернорогого вдруг поражает*»), 7 – у Иванова («*Держи! Прочь от быка гони/корову! Рог бодает / рог черный прободает плоть, полотнами / обвитую*»); у первого еще добавляется ассонанс на **O**, у второго – создающий паронимасию звуковой повтор «*плоть*,

полотнами¹⁰ обвитая», эквивалентный внутренней перекличке βοῦς λαβοῦσα. Сам Иванов называет сочетания *P* с *A* и *O* «роковыми грозящими» (Иванов 1990: 265). В любом случае, созвучие корней (неслучайность его у Эсхила подтверждается местом в «Умоляющих» 584–587, отмеченном Мюрреем – Murray 1958: 24–26) в обоих переводах подчеркивается и служит экспрессии (то есть функция здесь эмотивная, в отличие от предыдущего случая с именем Елены, когда формальное звуковое сходство заставляет сопоставлять и смысл слов). Хотя в оригинале и в этом случае возможна именно смысловая, сопоставительная связь, выводящая функцию аллитерации за пределы просто эмфазы.

Помимо совпадений, в рассматриваемых переводах есть и расхождения в представлении «фонической» картины оригинала. Так, в переводе Радцига не передается близкая к рифмовке звукопись, основанная на сходстве падежных окончаний (*genitivus pluralis*, *accusativus singularis*) в анапестах хора в Ag. 68–70.

68–70 τελεῖται δ' ἐς τὸ πεπρώμενον·
οὔθ' ὑποκλαίων οὔθ' ὑπολείβων
οὔτε δακρύων ἀπύρων ἱερῶν
ὄργας ἀτενεῖς παραθέλλξει

89–90 πάντων δὲ θεῶν τῶν ἀστυνόμων
ὑπάτων χθονίων
τῶν τ' οὐρανίων τῶν τ' ἀγοραίων
βωμοὶ δώροισι φλεγόνται

Здесь, конечно, иной прием – омойотелевт, хотя и оттененный анафорой в строках *οὐτ* и единоначатием *ὑποκλαίων* – *ὑπολείβων*. Созвучие подкрепляется и самим анапестическим размером. Правда, эта красивая схема разрушается разночтением *ἐπικλείων*, но восстанавливается конъектурой Шпитца *ἐπιλείβων*. Не отмечает Радциг и обилия окончаний генитива чуть ниже, в строках 88–90. У Иванова эта звукопись передана рифмовкой окончаний, как существительных, так и глаголов: «ни **маслам** не *смягчить*, ни *слезам* не *залить*» и «**всем** родимым богам, что царят в *вышине!* и

¹⁰ Похожий звуковой комплекс встречается у Эсхила в первой строфе парода «Хоэфор» – *πέπλων πεπληγμένων* («разорванных одежд»). При совпадении контекстов это можно было бы счесть почти транслитерацией (хотя конечно же не переводом). в сложившихся обстоятельствах – либо совпадением, либо перенесением языковых элементов. В переводе же данного фрагмента «Плакальщиц» Иванов прибегает к аллитерации на *P*: «скорбью разодранные складки черных покрывал».

живут в глубине, / что врага стерегут и свой град берегут...». Возможно, Радциг не рассматривал скопление G. Pl. в оригинале как звукопись, либо не считал уместной рифмовку окончаний вне лирических строф (лирические части Радциг, напротив, последовательно передает рифмованными строфами, следуя уже установившейся на русской почве традиции). Иванов же и в других своих переводах передавал подобные строки (напр., Choerh. 719–720) рифмой. Это тем более обращает на себя внимание, что вопреки установившейся к тому времени традиции переводить хоровые части традиционными для русской поэзии рифмованными размерами Иванов рифм избегает. Интересно, что во всех случаях это анапесты, скорее всего мелические (Андроненко, Бродоцкая 2004: 133–135). Принцип передачи звуковых соответствий здесь можно назвать адекватным – в отличие от греческого $\omega\eta$ рифма у Иванова каждый раз своя.

Не отмечается в переводе С. И. Радцига и единоначатие-ассонанс на $\epsilon\upsilon$ - в сочетании с лексическим повтором в 262–266. Иванов же передает не просто сам факт звукописи, а весь рисунок звуковых и лексических повторов, довольно причудливый, сочетая однокоренные слова с паронимами.

ΧΟΡΟΣ

Σὺ δ' εἶτε κεδινὸν εἶτε μὴ πεπυσμένη
Ἐὐαγγέλοισιν ἐλπίσιν θηπολεῖς
Κλύοιμ' ἂν εὐφρων· οὐδὲ σιγῶση φθόνος

ΚΛΥΤΑΙΜΝΕΣΤΡΑ

Ἐὐαγγέλλος μὲν ὥσπερ ἡ παροιμία
Ἐὼς γένοιτο μητρὸς εὐφρόνης πάρα
Πεύση δὲ χάρμα μείζον ἐλπίδος κλύειν
Πριάμου γὰρ ἠρήκασιν Ἀργεῖοι πόλιν

X: Утешена ль вестями, в уповании ль
На весть благую жертвы жжешь? Мне знать о том
Отраднo было б. А смолчишь – обиды нет.
K: Заря, как люди молвят, да родится нам
От матери отраднoй – благовестницеѣ.
Услышишь радость, что и в снах не чаялась:
Одержит мощь аргивская Приамов град!

Здесь в оригинале мы видим лексическую переключку в репликах хора и Клитемнестры (буквально «из слов вопроса слова ответа»), подкрепленную и переключкой звуковой – ассонансом на $\epsilon/\epsilon\upsilon$ и аллитерацией на придыхательный лабиовелярный и сонорный. В переводе Иванова это передано как лексически – *весть благая* –

благовестница, отрадно- отрада – радость, фонетически в этот ряд добавляются *заря, родится, Приамов град* и еще ряд созвучий на согласные *Р* и *Л* и гласные *А* и *О*. Интересно, что в опубликованных Н. Н. Казанским разночтениях в машинописи 20-х гг. (Казанский 2003: 23) звуковая аранжировка приближена именно к рассмотренным выше созвучиям: *гласит присловье* вместо *как люди молвят* и *Взяла Приамов город мощь аргивская* в последней строке. Фонетически, возможно, это и спорно, но лексические переплетения довольно прозрачны и мастерски переданы Ивановым, но то, что их можно и не заметить, показывает перевод того же места из варианта Радцига.

Зато в переводе Радцига (осознанно либо нет, сказать трудно) передается семантически значимый звуковой повтор в строке 337. Клитемнестра, навязчиво повторяя *ευ* в рассказе о действиях ахейцев в побежденной Трое (*ὡς δ' ἐὐδαίμονες ἀφύλακτον ἐδῆσουσι πᾶσαν ἐὐφροίην*), будто пытается их «сглазить» (Сумм 2002: 243). Во всяком случае, так называемый прием трагической иронии тут очевиден. В переводе Радцига 7-кратный повтор звука *с* создает звуковое обрамление слову «счастье»: «*И в сырости под сводами неба ныне / счастливые просят всю ночь без стражи*», и далее «*Вот только б страсть сильнее не обуяла/губить, прельстясь корыстью, то, что свято*»¹¹. Если это не случайно само по себе, то не случайна и замена ассонанса аллитерацией. Именно за аллитерацией закреплена коннотативная функция, так как считается, что именно согласные несут на себе семантическую нагрузку. Сюда же добавляется и то, что можно назвать «семантикой звука» – о «змеином шипении» и «мучительном звучании» звука *С* говорил уже Дионисий Галикарнасский.

Конечно, в тексте оригинала количество звукоповторов не ограничивается вышеперечисленными. Генетически эвфоническая техника Эсхила, видимо, обусловлена архаичностью поэтического

---

¹¹ Разумеется, такое скопление *С* на сравнительно небольшом участке текста ощущается, но его можно объяснить случайностью или же неосознанным проявлением звуковых пристрастий автора перевода (для Иванова, скажем, характерно пристрастие к *Р*). Обилием свистящих отличается и начальная речь стража, и парод, завершающийся словами о «*язве, что сердце снедает*», и завершение реплики хора в коммесе с Кассандрой «*быстрой смерть идет стопой*». Подтверждения особой смысловой нагрузки звукописи в приведенных примерах найти невозможно. Как, впрочем, и в большинстве других случаев, нам остается лишь констатировать факт. Разумеется, выделение такого рода аллитераций субъективно, поскольку относится к области естественных человеческих реакций на звучащее слово.

κρητὶς ‘берег’, κλυδών ‘прибой’, κρατήρ κακῶν), πρύμνη πόλεως ‘корма города’ и т. д. Аллитерация здесь предстает как варьирование звуковых комплексов, передающее смысловые связи и формирующее символическую метафорику языка¹⁴. Пример такого словообразующего звукового варьирования в «Агамемноне» – στόμιον μέγα Τροίας στρατωθέν¹⁵ или θράσος μελαίνας μελάθροισιν ἄτας (Ag. 771). Такие аллитерированные метафоры обнаруживаются только при специальном разыскании, и очень сложно подобрать адекватные и тем более эквивалентные средства для их передачи. Иванов здесь избирает первый путь – адекватных стилистических приемов, не обязательно воспроизводящих конкретную аллитерацию, но дающих представление о языке и стиле подлинника: собственные аллитерированные словосочетания *жрица мужей, скверна крови, город с горем* (сосватать), *и к победе и к обиде* (знамень), *чадо удачи*, христианизированные¹⁶ *страстная скорбь, первый грех*¹⁷, *гнев господен*; анафоры в рамках одной-двух строк, не продиктованные именно этим фрагментом текста, но имеющие аналогии в других строках трагедии: *что печешься, незванный печальник*, – *о чем? не твоя то печаль* (1551–52; в греческом тексте схожи приемы в 770 – ἄμαχον, ἀπόλεμον, ἀνίερων 1116 – ξύνεινος ξυναίτια, 1410 – ἀπέδικες ἀπέταμες ἀπόπολις, 1470-71– κράτος καρδιόδηκτον ἐμοὶ κρατύνεις); «этимологизированное» Ἄπολλον – ἀπόλεσας переводится опять-таки параномастически (*путье страж разящий, сразивший меня*). В переводе Радцига следы таких аллитерированных словосочетаний обнаружить сложнее, разве что в подчеркнутом хиазмом «*барыш остался, перевесил беды*» да в «*губит голода недуг*». Стилистическая основа специфических для этого перевода словосочетаний – не звуковая и не «библейская», хотя она тоже построена на интертекстуальности, или, точнее, на

¹⁴ «Символ – две половинки разломленной таблички, монеты; совпадение зазубрин означало узнавание. Такого рода зазубринами в метафорах Эсхила, вероятно, служат аллитерации». Сумм 2002: 247.

¹⁵ Ag. 134. Силк видит здесь единоначатие **στ** в корнях, но цепочка может продлеваться **στ-τρ-σ-στρ-τ-θ**. См.: Сумм 2002: 240.

¹⁶ На осознанности таких отсылок к Библии и текстам богослужения в переводах Вяч. Иванова настаивал С. С. Аверинцев. См.: Аверинцев 2003: 6–8.

¹⁷ Тот же «первый грех» появляется и у Радцига – видимо, иначе πρόταρχον ἄτην было не перевести. Но у Радцига этот «грех» – скорее след не осознанной христианизации языка, а той же традиции, которая заставляла переводить как «Рок» и «грех» всю разнообразную лексику «судьбы» в трагедии и которой следовал, к примеру, Ф. Ф. Зелинский в своих переводах Софокла.

том, что называется «памятью жанра»: это формулы романтической поэзии вроде «горечь памяти», «сердца трепет роковой», «жар вдохновенья», «песен могучий порыв», «стрелы очей», «мучительная тоска», «цвет любви» и т. д., – все это появляется исключительно в лирических хорových частях, имеющих форму традиционных для русской поэзии рифмованных размеров и продиктовано именно этой формой, а не греческим оригиналом.

Весь изложенный выше материал наглядно подтверждает, насколько сложен ответ на вопрос, где же проходит грань между явлением и приемом, – возможно, один из самых сложных в стилистике художественного текста. При поэтическом переводе адекватная (приравненная) и/или эквивалентная (равнозначная, всецело заменяющая)¹⁸ передача таких характеристик оригинала, как звукопись, является факультативной. Однако передача именно стилистических характеристик прежде всего свидетельствует о стремлении переводчика к точности. В нашем случае это стремление совпало с особенностями эпохи: интересу к истокам поэтического языка и реставрации поэтами «серебряного века» древнейших элементов поэтической техники (Гогешвили 2000: 263–265), к которым относятся и аллитерационные связи. Однако, нельзя не учитывать, что такая реставрация архаической поэтики происходит в рамках иной поэтической культуры и традиции. Природа звуковых аллитераций в текстах Эсхила, изначально ориентированных на произнесение, отличается от буквенных повторов в предназначенных для чтения переводах, что может принципиально исключать эквивалентность в передаче данного стилистического приема.

Конечно, субъективность в выделении и определении фонетических соответствий в оригинале влечет за собой и субъективность в оценке их передачи переводом, но в рассмотренных случаях вполне можно говорить о системе, специфичной для каждого из переводчиков. В рассмотренных контекстах оба переводчика пользуются скорее адекватной, чем эквивалентной передачей звуковых повторов оригинала. Радциг не выходит за рамки фоники как таковой; Иванов усиливает собственно звуковые повторы посредством стилистических приемов, близких звукописи – амплификации и паронимии. Звукопись в переводе Радцига – аккуратно-эпизодическая, звукопись Иванова – результат согласованности поэтического и филологического подхода. В стремлении к максимальной точности перевода и близости оригиналу Радциг идет по пути традиционному, Иванов – по пути эксперимента. Те же тенденции

---

¹⁸ Варианты терминологического определения «эквивалентности», «адекватности» приводятся в работе Виноградов 2004: 18–19.

видны и на других уровнях стилистического анализа текстов переводов, к примеру на метрическом, лексическом.

Парадоксальным образом одновременно созданные переводы оказались принадлежаниями не только и не столько к разным переводческим традициями – они объединены общей задачей сохранения и передачи именно словесного строя оригинала, – сколько к различным периодам истории художественного перевода «древних» в России¹⁹. «Пограничное» расположение во времени и определяет специфику обоих текстов. Радциг в задачах своего перевода следует логике распространения культуры «вширь», целям информативно-просветительским; его перевод носит характер адаптации, с одной стороны, и упорядочения нормы – с другой. В переводе Иванова наглядно демонстрируются средства, позволяющие избавить переводы с древних языков от характера «изнанки ковра». Ивановский Эсхил – пример не знакомства, а творческого усвоения, намеренный эксперимент, сохраняющий в основе своей все ту же идею *translatio studii* и соединяющий вопросы интерпретации текста с вопросами развития человеческой культуры. На особенности перевода Иванова влияет уже не просто филологическая подготовка переводчика, а его мировоззренческие концепции²⁰. Параллельное привлечение обоих переводов с корреляционным анализом может послужить наглядным культурологическим и эстетическим уроком, оказаться плодотворным как для теории и практики художественного перевода, так и для изучения греческого текста – ибо ни в каких других обстоятельствах стилистические возможности греческого языка и текста не раскрываются так ярко, как в сопоставлении с художественным его переводом.

---

¹⁹ О необходимости существования именно обоих типов перевода любого художественного произведения для истинного знакомства с иноязычной культурой писал М. Л. Гаспаров в статье, посвященной переводческим экспериментам В. Брюсова. См.: Гаспаров 1988: 47–50, 58–59.

²⁰ Влияние мировоззренческих установок Иванова на его переводческие принципы отражается не только в «христианизации» языка, но и, к примеру, в привнесении в тексты Эсхила идей «соборности» (в восьми контекстах его переводов трагедий говорится о «соборе», и лишь в половине случаев выражение коллективного единства присутствует в греческом подлиннике).

Литература

- Аверинцев 1978 – Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л.
- Аверинцев 2003 – Аверинцев С. С. Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9–11 сент. 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers.
- Андроненко, Бродоцкая 2004 – Андроненко Т. М., Бродоцкая А. М. Об одной отличительной особенности мелических анапестов // *Philologia classica*. вып. 6. *Cathedra Petropolitana*. СПбГУ.
- Виноградов 2004 – Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М.
- Вересаев 1915 – Вересаев В. Об Алкее и Сапфо в переводе г. Вяч. Иванова // *Вестник Европы*. №2.
- Гаспаров 1988 – Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // *Поэтика перевода*. М.
- Гитин 2003 – Гитин В. Иннокентий Федорович Анненский и его лекции по античной драме // *Иннокентий Анненский. История античной драмы*. СПб.: Гиперион.
- Гогешвили 2000 – Гогешвили А. А. Еще раз об анаграмме в начале «Энеиды» // *Colloquia classica et indo-europeica II*. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб. С. 263–265.
- Евдокимова 2002 – Евдокимова Л. В. Эволюция прозаического и стихотворного перевода в XIII – XIV веках // *Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения*. М., ИМЛИ РАН.
- Ершова 2002 – Ершова И. В. «Перевод древних» в художественной практике и теоретической мысли Испании XVI века (на материале переложений «Искусства поэзии» Горация) // *Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения*. М., ИМЛИ РАН.
- Иванов 1914 – Иванов Вяч Алкей и Сапфо. Собрание песен и лирических отрывков. М.
- Иванов 1987 – Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. IV. Брюссель.
- Иванов 1990 – Иванов Вяч. К проблеме звукообраза у Пушкина // *Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – перв. половина XX в.* М.: Книга.
- Казанский 2001 – Казанский Н. Н. Code slicing («Расслоение языкового кода» как поэтический прием) // *Res philologica II*. Филологические исследования. Сб. статей памяти академика Г. В. Степанова. СПб: Петрополис. С.125–140.
- Казанский 2003 – Казанский Н. Н. «Вячеслав Иванов как переводчик Эсхила». См.: Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9–11 сент. 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers. С. 15–24.
- Котрелев 1989 – Котрелев Н. В. Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил. Трагедии*. М.: Наука.

- Лосев 1996 – Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. В кн: Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль.
- Любжин 2002 – Любжин А. И. Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводе Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: творчество и судьба. М.: Наука. С. 141–147.
- Мейерхольд 1976 – Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896–1939. М.
- Сабашников 1983 – Сабашников М. В. Воспоминания. М.
- Стаф 2002 – Стаф И. К. Морализованный перевод и национальная традиция в литературе раннего французского Возрождения: пример Гийома Тардифа // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения. М., ИМЛИ РАН.
- Сумм 2002 – Сумм Л. Б. Звук – значение: аллитерации в образном языке Эсхила // ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ. Вопросы классической филологии. Вып. XII. Сб. статей в честь А. А. Тахо-Годи. М., МГУ. С. 232–248.
- Теперик 2002 – Теперик Т. Ф. Вячеслав Иванов: поэтика перевода (на материале «Гимна к Аполлону» Алкея // Вячеслав Иванов: творчество и судьба. М.: Наука.
- Якобсон 1975 – Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс. С. 204–225.
- Defradas 1958 – Defradas J. E. Le rôle d'allitération dans la poésie grecque // Rev. Et. Anc. LX.
- Denniston, Page 1957 – Aeschylus. Agamemnon. Ed. by J. Denniston and D. Page. Oxford.
- Denniston 1952 – Denniston J. D. Greek Prose Style. Oxford.
- Murray 1958 – Murray R. D. The Motif of Io in Aeschylus' Suppliants. Princeton.
- Opelt 1958 – Opelt I. Alliteration in Griechichen? // Glotta, XXXLII.
- Parke, Wormell 1956 – Parke H. W., Wormell D. E. The Delphic Oracle. Oxford. Vol. 2. Stromberg 1954 – Stromberg R. Greek Proverbs. Goeteborg.
- Silk 1974 – Silk M. S. Interaction in poetic imagery. With special reference to early Greek Poetry. Cambridge.

УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ* **(TIMNA MUIRE; TRANSITUS MARIAE)**

перевод со среднеирландского, предисловие и комментарии
С. В. Иванова

Текст «Успения» содержится в следующих рукописях:
Oxford, Laud Misc. 610, fol. 34–38 (1453–1454 гг.);
Paris, Bibliothèque Nationale, Fonds Celtique, MS. I, fol. 14vb
(начало XVI в.);
Liber Flavus Fergusiorum ii, fol. 48(49)a-50(51)b (1434–1440 гг.);
BM, Egerton 136, fol. 73 (отрывок из последней части текста, 1630 г.).

Перевод осуществлен с издания Чарльза Донахью (Donahue 1942) по рукописи Laud.

Как указал еще в 1922 году Сент-Джон Сеймур, ирландское «Успение Богородицы» имеет много общего с некоторыми апокрифами восточнохристианского происхождения, а «значительная его часть находит параллели в сирийском тексте, известном под названием *Obsequies*, и, возможно, даже восходит к нему» (Seymour 1922: 39). И, хотя все имеющиеся в нашем распоряжении ирландские рукописи, содержащие «Успение Богородицы», были написаны не ранее XV в., указание на то, что это сказание имело хождение в более ранний период, можно обнаружить в «Видении Адамнана», тексте, восходящем к X в., где мы находим следующий отрывок: «Кроме того, также были взяты все апостолы в день смерти Марии, и увидели они муки и ужасные страдания неправедных людей, когда приказал Господь ангелам запада разверзнуть землю перед апостолами, чтобы узрели они и увидели ад со многими его страданиями, как Сам Он обещал им это задолго до Своего распятия» (BA: 334). Ныне точка зрения, согласно которой ирландские редакции «Успения Богородицы» принадлежат к традиции, представленной сирийским *Obsequies*, является общепринятой (Shoemaker 2002: 32–33). Тем самым ирландское «Успение» вписывается в рамки обширной группы текстов, именуемой традицией «пальмовой ветви», поскольку эта ветвь играет важную роль в повествовании. Самый ранний текст этой традиции, сирийские фрагменты *Obsequies*, датируется концом V – началом VI вв. Полный вариант этого произведения сохранился только в эфиопском (геэзском) переводе,

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента МК-100.2007.6.

озаглавленном *Liber Requieí* и, судя по всему, вполне точно передающем оригинал. Поскольку *Liber Requieí*, как считается, ближе всего к первоисточнику, к которому напрямую восходят ирландские редакции, в комментариях к тексту даны параллельные места из *Liber Requieí*. Цитаты из *Liber Requieí* приводятся по английскому переводу Стивена Шумейкера (Shoemaker 2002: 290–350). Вероятно, апокриф об успении и вознесении Марии, на который опираются ирландские тексты, был принесен в Ирландию в VII в. (McNamara 1975: 123)

В переводе сохранено разбиение на абзацы и разделы издания Чарльза Донахью.

[1] Был час и время, когда святая мать Божия возносила молитвы и пела прекрасные псалмы. Прошло же полных сорок семь лет с вознесения Спасителя на небеса. И тогда же пришел Иисус Христос, сын Бога Живаго, от ангелов Царствия [Небесного], к Деве Марии, Своей матери¹. Так и было, и Он сказал ей: «Восстань, Мария, и возьми эту пальму в руку твою, ибо близка грань смерти к тебе, и пора отнести тебя к ангельской обители и вечному блаженству. И Я непременно пошлю всех апостолов встретить и сопровождать твое тело, и не отойдут они, пока ты не будешь вознесена в Царствие Небесное, где покой и радость». Тогда Мария взяла пальму из рук Сына и сказала:

[2] «Эта пальма, сказала она, которую Ты дал мне, Возлюбленный Сын, как только увидят все ее у меня, гнев и ревность иудеев поднимется против меня». Но Иисус сказал Марии: «Не бойся и не страшись взять у Меня эту пальму, ибо чудеса и великие знамения произойдут в Иерусалиме через нее».

После того, как Мария услышала эти слова, Спаситель пошел к прекрасной горе Елеонской, и когда приблизились они к горе, то увидели там прекрасный сияющий образ наподобие огня по всей горе². И когда обходили Иисус Христос и Его святая мать гору, пригibasили все деревья, которые были на горе тут и там вдоль путей и тропинок, по которым они шли. И склоняли они свои вершины и воздавали честь сияющей пальме, которая была в руке

---

¹ В тексте: *tanic isu crist <...> d'innsaigi muire oighi a mathar fein*. В переводе Донахью: *Jesus Christ <...> came <...> to visit His own mother*. Следует отметить, что здесь опущено наименование «Дева Мария», восстановленное в нашем варианте. Сочетание *d'indsaigid* функционировало как сложный предлог, поэтому нет необходимости передавать его через инфинитив *to visit*.

² В тексте: *ar in tsiab uilí*, опущено в переводе Донахью.

святой Марии. Тогда Мария возрадовалась³ этому и сказала Иисусу: «Ясно, сказала она, что все деревья почитают Тебя, но не только – они почитают эту пальму, которую Ты вложил мне в руку. И теперь я ясно понимаю, что Ты Иисус Христос, Сын Бога Живаго, и что это Ты сошел с неба, чтобы придти ко мне, ибо никто не мог бы свершить столь великих чудес и знамений, кроме Царя Славы»⁴.

Иисус Христос сказал Марии:

[3] «Видела ли ты прежде мои чудеса, когда шла с Иосифом в Египет, спасаясь от Ирода? И ты подошла к этой пальме в пустыне и сказала Иосифу: “Господин, я голодна, а нам нечего есть в этой пустыне”. И тогда Иосиф сказал тебе, что у него нет для тебя еды, “ибо из-за тебя я был изгнан и бросил троих сыновей. Я не знаю, как они без меня. Нет здесь деревьев с плодами, кроме этой пальмы, а я не могу взобраться на нее из-за ее высоты. Но дай твою грудь Сыну, чтобы не был Он голоден вместе с нами, ибо мы точно знаем, что Этот Сын рожден от Святого Духа. И пусть не допустит Святой Дух, чтобы Он был голоден, и явит нам милосердие, и мы

---

³ В тексте go-altaigh. Донахью дает перевод *wondered*, указывая на чтение латинского ирландского «Успения» *admirans*. Тем не менее, мы посчитали возможным следовать одному из значений глагола *altuighim* (ср.-ирл. от *ad-tluichethar*) «радоваться».

⁴ Ср. *Liber Requieí* (далее – LR) 3: «И когда она [Мария] подошла к горе Елеонской, возрадовалась гора со всеми деревьями. Затем деревья склонили свои вершины и почтили книгу, которую она [Мария] держала в руках. И увидев это, Мария изумилась, говоря: “Это Иисус”. И она сказала: “Господин мой, видно, Ты мой Господь? Ибо столь великое чудо свершилось через Тебя: ибо я вижу, что такое множество деревьев воздают почести Тебе. И я говорю, что никто не способен сотворить такое чудо, кроме Царя Славы, Который явился мне”». Следует отметить, что в LR вместо пальмы Мария получает книгу.

позаботимся о Нем”⁵. Вот что сказал Иосиф тебе, мать, в пустыне, где были мы трое на прекрасной горе Елеонской⁶.

[4] Но Я – и Я ребенок у твоей груди, возлюбленная мать – сказал Иосифу: “Что я должен сделать для тебя, возлюбленный отец, без промедления? Чтобы дерево дало свой плод, чтобы напитать мою мать. Поверь этому и всему, что я тебе ни скажу, ибо воистину я питаю вас и всех в обоих мирах⁷, но более того, никто из тех, кто поверит в меня, не будет голоден”. И тогда, поистине, дорогая мать, Дитя, что было у твоей груди, повернуло лицо к пальме и сказала ей: “о пальма, сказал Он, склони свою вершину, чтобы Мой отец и Моя мать напитались от тебя”. Тут же склонилась пальма. И сказал Иисус: “О древо, величайшее из древ египетских, восстань и вознесись величественно надо Мной по причине благородства и смирения, которое ты проявило к нам в пустыне, где ты стоишь”⁸.

[5] И тогда пальма выпрямилась в твоём присутствии и вознеслась в воздух и на небеса и была помещена в раю. Кто же мог вознести эту пальму, о Дева Мария, кроме Меня Одного? – сказал Он. Благословляю людей, проявляющих смирение перед Богом, и

---

⁵ Ср. LR 5–6: «И Он сказал: “Мать, ты не понимаешь Моей силы. В первый раз Я явил ее тебе у источника, к которому Я привел Иосифа. И Дитя плакало <...>, и Иосиф был зол на тебя и сказал: “Дай ребенку грудь”. И ты дала ему грудь, когда вы пошли к горе Елеонской, спасаясь от Ирода. И когда вы подошли к деревьям, ты сказала Иосифу: “Господин, мы голодны, и что нам есть в этой пустыне?” И тогда он обратился к тебе с упреками, говоря: “Что я могу сделать? Разве не довольно тебе того, что из-за тебя я расстался с семьей? <...> Теперь я здесь с тобой и не знаю даже, что с моими семью детьми”. <...> И затем он сказал тебе: “Здесь нет плодов, которые мы могли бы съесть. Эта пальма высока, и я не могу взобраться на нее. <...> [Но Дитя] было рождено от Святого Духа. И Он не оставит тебя голодной, но сжалится над тобой”».

⁶ В тексте: a sleib alainn olimfi «на прекрасной горе Олимп». Как отмечает Донахью, очевидная ошибка или описка писца.

⁷ В тексте ‘s a’ chruinne chechtardha «в обоих мирах», в редакции Liber Flavus Fergusiorum in cruinni «в мире». Донахью предлагает вариант перевода in the company, однако такое толкование представляется натянутым.

⁸ Ср. LR 7–8: «И Дитя оставило грудь и сказала Иосифу: “Отец, почему ты не взберешься на эту пальму и не принесешь плодов матери, чтобы напитать ее? <...> И Я питаю вас”. И Дитя обернулось и сказала пальме: “Склони вершину с плодами и напитай Мою мать и отца”. И она тут же склонилась. <...> И Он сказал пальме: “Повернись ко мне, о пальма, ибо пальма величайшее древо во всей земле Египетской. Выпрямись и вознесись, ибо ты смирилось и выполнило Мою волю”. <...> И она тут же выпрямилась».

помещаю их в обители, полагающиеся праведникам, когда выходят их души из их тел⁹.

[6] Я напомнил тебе об этом теперь, о мать, чтобы ты не сомневалась, что Я сотворю чудо. И когда твоя душа покинет тело, Я приду к тебе, и легион ангелов небесных вместе со Мною¹⁰ и все апостолы рядом, как обещал Я тебе давно, чтобы помолиться над твоим телом, и Я непременно услышу эту молитву». Когда же сказал Иисус Христос эти слова, прежде чем удалиться от Марии, Мария после этого опустилась на землю. И когда понял Иисус, что Мария переполнена грусти и печали, вернулся Он назад, чтобы порадовать ее, и ее сердце наполнилось радостью Духа Святого от того, что пришел к ней Спаситель. И сказала Мария Иисусу: «Сверши благие дела для апостолов, ибо придут в последние времена ложные апостолы и ложные учителя, и не услышит их Господь»¹¹. Тогда вознесся Иисус Христос на небо.

[7] Мария же отправилась домой, и когда была она вблизи дома, великое потрясение охватило весь дом от славы и чести пальмы, что была в ее руке. И она пошла в заднюю комнату дома и омылась и переделась во славу руки Творца, Который до этого говорил с ней¹². Она села и благословила Творца, и вот что она сказала: «Благословляю Тебя за то, что Ты сошел ко мне с небес на землю. Благословляю всех, кто постоянно восхваляет Тебя. Благословляю Тебя за то, что Ты выбрал меня для небес и защитил мое тело на земле. Благословляю Тебя за то, что Ты забрал меня во плоти в

---

⁹ Ср. LR 9–10: «И тогда пальма выпрямилась перед нами и вознеслась в Рай. И кто вознес ее, о Мария? Разве не Я? Я возношу не только деревья, но и людей, смиряющихся перед Богом. Я – Тот, Кто возносит их и помещает в обитель справедливости».

¹⁰ Ср. LR 11: «Ибо когда Я буду послан к тебе, Я приду к тебе не один, но со всем сонмом ангельским. И они придут и будут петь тебе».

¹¹ Туманное место. Возможно, соотносится с LR 18: «И ныне кто те, кто скажут это со всем сердцем и душой и разумом? Ибо до творения те, кто хвалится перед людьми, говоря: “Мы Божьи”. Его память вызывает их, когда они ищут излечения от болезни. И те, кто просят у тех, [кто пребывал до творения?], – Бог не слышит их, ибо воля Божья не с ними. Они не смогут призывать Бога от своего имени, как и от имени других. И когда они кричат, Бог их не слышит». Далее в LR 19–23 приводится пример, на котором Иисус показывает апостолам различие между угодной и неугодной молитвой.

¹² Ср. LR 36: «И Мария вернулась домой. И тогда дом затрясся от славы книги, которая была в ее руках. И она тайком прошла во внутреннюю комнату и положила книгу, завернув ее в прекрасную ткань. И она надела священные одежды».

седьмой святой град¹³ среди ангелов небесных и к вечному блаженству. Благословляю Твою душу и Твое сияние, как Ты сошел ко мне. Благословляю все дела, что Ты сотворил, ибо они пребудут вовек. Услышь же молитву и великий призыв Марии к Тебе, чтобы не имел власти дьявол ни над мной, ни над моей смертью»¹⁴.

[8] Когда же Мария произнесла эти слова, послал Отец Небесный вестников и посланников за набожными, святыми и достойными людьми, которые были поблизости от нее. И когда пришли они к ней, она сказала им: «Слушайте меня все, сказала она, и верьте тому, что я скажу вам, ибо это причина вашего собрания вокруг меня, ибо завтра покинет меня моя душа и я взойду в Царство Небесное. Готовьтесь прилежно со мной до этих пор, ибо я не прошу от вас ни золота, ни серебра, а только постоянной молитвы. Прилежно готовьтесь со мной и сделайте приготовления к похоронам и возьмите в руки яркие сияющие факелы, каждый из вас, ибо это лучше горестных стенаний и сожалений о преходящем и суетном мире¹⁵. Поистине я звезда, сражающаяся с дьяволом, который нападает на род человеческий. И я говорю вам это, ибо дьявол не может сделать ничего праведников, ибо два ангела сходят за душой каждого человека в смертный час, то есть ангел праведности и ангел неправедности. И если человек творит добрые дела, пока жив, приходит к нему ангел праведности и возносят ангелы небесные душу с собой в обители праведных. Если же человек творит зло, придут к нему ангелы неправедности и демоны¹⁶ со своими приспешниками и уносят демоны эту душу с собой в ад. Мы же, сказала Мария, о возлюбленные братья и сестры, посмотрим на себя самих, чтобы не было пристанища дьявола в нас и чтобы дьявол не смог сделать ничего против нас»¹⁷.

---

¹³ Т. е. на седьмое небо.

¹⁴ Благословения и молитва Марии в LR 36–37 отличаются от ирландского текста, но занимают в нем то же место в ходе повествования.

¹⁵ Ср. LR 38: «И произнеся эту [молитву], Мария пошла и сказала служанке: “Пойди и позови моих родственников и тех, кто знает меня, и скажи: Мария зовет вас”. И когда они пришли к дому Марии, она сказала им: “Отцы и братья, помогите мне, ибо сегодня я покину тело и отправлюсь к вечному упокоению. Восстаньте же и окажите мне величайшую услугу, ибо я не прошу у вас ни золота, ни серебра, ибо все это тщета и ничтожество. Но я прошу у вас одного, окажите мне услугу этой ночью. Пусть каждый из вас возьмет по лампаде и держите их зажженными три дня”».

¹⁶ В тексте *ticfaid aingil na h-anfirinne cuige agus diabuil*. «Демоны» опущены в переводе Донахью.

¹⁷ Ср. LR 40: «Ибо два ангела приходят за человеком, один праведности, а другой неправедности, и они приходят со смертью. И когда [смерть]

[9] Когда слышали девы, которые были в доме, эти слова Марии, охватили их трепет и страх великий и сказали они: «О венец рода человеческого и мать Спасителя, ибо ты наш пастух, если ты боишься, как же мы выступим против него? Ибо если овчар бежит от волка, куда пойдут овцы?» Сказав это, принялись они плакать и тяжело печаловаться в присутствии Марии и людей, которые были в доме. Тогда сказала им Мария: «Замолчите, сказала она, и не гневите Господа». И тут же все поднялись и помолились Господу и рассказали о чудесах и знамениях Христа на земле в присутствии Марии¹⁸.

Когда они вели эту беседу, пришел в дом, где были они, Евангелист Иоанн. Когда Мария увидела Иоанна, испустила она тяжелый вздох и не смогла сдержать слез и сказала громким голосом: «О возлюбленный отец Иоанн, помнишь ли ты, когда Святой Спаситель доверил меня тебе в тот день, когда взошел на крест и пострадал ради рода человеческого? Ибо в тот день был ты при Нем и я сказала Ему: Ясен путь, которым Ты идешь. Кому должна быть я доверена и на кого оставяешь Ты меня? Я доверяю тебя, о возлюбленная мать, в руки Иоанна. И помнишь ли ты, о Иоанн, это поручение, которым доверил меня тебе Иисус Христос? Ибо ты был для него лучшим из апостолов, и ты спал у груди Христа на Тайной Вечере»¹⁹.

забирает душу, уходящую из тела, приходят два ангела и судят его тело. И если за ним были хорошие и праведные дела, ангел праведности радуется этому, ибо не находит в нем греха. И он призывает других ангелов, и они приходят за душой. <...> И тогда злой ангел плачет, ибо не находит в нем своей доли. И если находят у него злые дела, радуется [злой ангел]. И он приводит с собой еще семерых ангелов, и они забирают душу и уводят ее. Ангел праведности горько плачет. И вот, о отцы и братья, пусть не будет найдено в вас зла».

¹⁸ Ср. LR 40–41: «И когда Мария сказала это, женщины сказали ей: “О сестра наша, ставшая матерью всего мира, даже если все мы боимся, что случилось с тобой и почему боишься ты, мать нашего Господа? Тогда горе нам! Куда нам бежать, если это случится с нами? Ты наша надежда. <...> И если пастух страшится волка, куда бежать овцам?” И тогда все, кто стоял там, заплакали, и Мария сказала им: “Замолчите, братья, и не плачьте, но восславьте Того, Кто сейчас среди нас”. <...> И сказав это, она призвала свою семью и сказала им: “Восстаньте и молитесь”. И помолвившись, они сели и стали говорить между собой о величии Христа и знамениях, которые Он явил».

¹⁹ В тексте *is tu ro-chodail fa choim crist*. В переводе Донахью *thou didst sleep under Christ's protection*. Однако, так как здесь говорится о Тайной Вечере, *fa choim* скорее следует переводить буквально «на груди» или «у груди Христа».

[10] Тогда отвечал Иоанн святой матери Иисуса и сказал ей: «Чего ты хочешь от нас?» И отвечала Мария Иоанну и сказала ему: «Прошу я лишь, чтобы ты защитил мое тело и был в миг моей смерти и не оставил меня без защиты. И я сама слышала некоторых из иудеев, сговаривающихся между собой сжечь мое тело, когда выйдет из меня моя душа. От меня, говорят они, родился обманщик иудейского народа»²⁰.

[11] Когда же услышал Иоанн, что Мария завтра вознесется на небо, склонил Иоанн свое лицо к земле и горько заплакал, так что увлажнилась земля пред его лицом. «О Господь, сказал он, зачем Ты открыл нам печали и горести мира, когда мы не можем этого вынести?» Мария сказала Иоанну: «Встань и перестань плакать». И приказала людям, которые были в доме, петь псалмы, «пока не закончу беседовать с Иоанном»²¹. [12] Затем Мария отвела Иоанна в заднюю часть дома в тайное место и сама показала ему одежды, которые приготовила к погребению и сказала ему: «Известно тебе все, что есть в этом доме, и ничто из этого не принадлежит мне, кроме погребальных одежд и двух рубашек для двух дев, которые со мной, и я дарю рубашки им перед смертью». И затем показала Мария Иоанну сияющую пальму, которую прежде дал ей Спаситель, и сказала Иоанну: «Молю тебя, возлюбленный отец, Иоанн, возьми у меня эту пальму и помести ее над моим ложем, когда выйдет моя душа из тела». Тогда ответил Иоанн Марии и сказал ей: «Я не могу взять у тебя эту пальму, пока не соберутся все апостолы вокруг нее, чтобы не поднялось ни толков, ни ревности

Ср. LR 42: «И когда рассвело, пришел апостол Иоанн и постучал в дверь Марии. И он открыл дверь и вошел. И когда Мария увидела его, опечалилась она; она заплакала и не могла сдержать слез <...>. И она воскликнула громким голосом, говоря: “Отец Иоанн, вспомни, что Господь сказал тебе обо мне в день, когда Он ушел от нас, и я сказала Ему: “Куда Ты идешь и на кого оставляешь меня, и где я буду жить?” И Он сказал мне, а ты стоял и слушал: “Иоанн позаботится о тебе”. И не забывай, о Иоанн, что Он приказал тебе обо мне, и помни, что Он любил тебя больше, чем их. Помни, что ты возлежал у Его груди”».

²⁰ Ср. LR 43: «{Иоанн сказал}: “Поведай мне, о чем печалится твоя душа?” И она [Мария] сказала ему: “Отец Иоанн, яви мне свою доброту. Охрани мое тело и положи его в могилу. И охраняй меня со своими братьями апостолами. Ибо я слышала, как говорили первосвященники: “Когда мы найдем ее тело, то бросим его в огонь, ибо от нее произошел обманщик”».

²¹ Ср. LR 43–44: «И когда Иоанн услышал ее слова: “Я покину свое тело”, он упал и заплакал, говоря: “О Господь, кто же мы, что ты послал нам это горе, ибо мы еще не забыли прежних несчастий, так за что же нам еще одно?”. <...> И затем Иоанн встал и утер слезы. И Мария сказала ему: “Пойдем со мной”, и сказала ему: “Скажи людям петь [псалмы]”».

апостолов ко мне из-за того, что ты дала ее мне, а не кому-либо из прочих, ибо есть среди апостолов некто, кто выше по чину. И все апостолы придут вместе с ним, чтобы воздать тебе должные почести»²².

Когда сказал Иоанн эти слова в том месте, где они были в доме, в тот же миг и час пришли все апостолы из краев и городов, в которых они проповедовали слово Божье. В облаках небесных прибыли они к дверям дома, в котором пребывала Дева Мария²³.

[13] И тогда случилось землетрясение, [которое почувствовали] все твари земные, после собрания апостолов при прибытии в одно время и в мгновение ока к дверям дома, в котором находились Мария и Иоанн. И первым пришел туда апостол Петр, глава Церкви и предстоятель высоких святых апостолов и за ним апостол Павел, избранный сосуд, приведший больше всех людей к вере в Господа²⁴.

[14] Когда увидели они друг друга, каждый удивился, что прочие пришли, каждый по отдельности, в одно время, и сказали: [15] «Вознесем хвалу Господу и Святому Спасителю, что по Его милости к нам мы пришли и собрались вместе, ибо сегодня исполняется пророчество главного пророка, сына Иосифа²⁵, когда он сказал эти слова: *Esse quam bonum et quam iocundum habitare fratres in unum*, то есть, что лучше, чем собрание святых братьев

---

²² Ср. LR 44–45: «И она [Мария] показала ему [Иоанну] свои погребальные одежды и все приготовления к похоронам, говоря: “О отец Иоанн, я показала тебе все, но знай, что нет у меня ничего в этом большом доме, кроме погребальных одежд и двух рубах. И так как здесь есть двое бедняков, когда я покину тело, отдай их им”. И после этого она подвела его к книге, которую дал ей ангел, чтобы взяли ее апостолы. И она сказала ему: “Отец мой Иоанн, возьми эту книгу, чтобы нести ее перед моим гробом, ибо для этого дана она мне”. И тогда Иоанн отвечал и сказал: “О сестра Мария, я не могу взять ее, пока не пришли апостолы. Иначе, когда они придут, поднимется говор и недовольство среди нас. Ибо есть некто среди них, кто выше меня; он был назначен главным из нас”».

Шумейкер полагает, что в данном случае «книга» появляется вместо «пальмы», благодаря тому, что переводчик перепутал греческие слова βραβεῖον (награда, пальма) и βιβλίον (книга).

²³ Ср. LR 46: «И после этого они [Иоанн и Мария] вошли в дом, и когда они вышли из потайной комнаты, раздался великий грохот, так что все в доме затряслось. И затем сошли на облаке апостолы к дому Марии: двенадцать числом, каждый на облаке».

²⁴ Ср. LR 46: «Первыми [пришли] Петр и с ним Павел – он тоже прилетел на облаке, ибо он был в числе апостолов».

²⁵ Очевидно, ошибка писца: здесь, конечно, имеется в виду Давид, сын Иессея.

вместе?»²⁶ И все апостолы сказали одновременно: «Помолимся Господу, что открыл нам, почему мы были приведены сюда»²⁷. Затем ответил им апостол Петр и сказал Павлу: «Помолись первым Господу». И сказал Павел Петру: «Как бы мог я молиться Господу первым в твоём присутствии? Ибо я младший апостол избранный из всех апостолов и не пристало мне быть впереди тебя на дороге, на которой ты сам стоишь. Но ты же, Петр, сказал Павел, ты величайший и сильнейший из всех апостолов, и помолись за нас и за себя самого Господу. Кто из нас осмелится молиться Господу в твоём присутствии?» Затем все апостолы преисполнились великой радости от смирения Павла²⁸. И тогда сказал Петр: «Помолимся все вместе Иисусу Христу, ибо Он привел нас в это место». И так сказал это Петр и обратил лицо свое долу и преклонил колени и простер руки и начал молитву и сказал: «О Боже Всемогущий, сказал он, мы в Твоих чинах на небе и на земле, и Ты носился над несказанной бездной, и Ты одолел дьявола и обратил его власть в ничто. Ибо Ты таков, воздеваю я руки, ибо Ты наше вечное успокоение и наша спасительная надежда. И Ты Отец и Сын и Святой Дух, Который пребывает и пребудет вовеки». Тогда ответили все апостолы и сказали: «Да будет так»²⁹.

[16] Тогда пошел Иоанн к ним и сказал им: «Благословите меня, дорогие братья». И тогда ответили Петр и Андрей Иоанну и сказали: «О дражайшая нам душа из рода человеческого, скажи нам, как ты пришел сюда и когда ты пришел». Отвечал Иоанн на это и сказал: «Когда я был в городе по имени Эфес, в юго-восточной части света в области Малой Азии»³⁰. И я проповедовал там в

---

²⁶ Пс. 132:1: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»

²⁷ Ср. LR 46: «И они [апостолы] стали смотреть друг на друга и дивились тому, что собрались вместе. И Петр сказал: “Братья, помолимся Богу, Который собрал нас вместе с нашими братьями <...>. Поистине, братья, исполнилось слово пророка, сказавшего: Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!” <...> И все апостолы сказали в один голос: “Да, помолимся и узнаем, зачем Бог собрал нас вместе”».

²⁸ Ср. LR 47: «Затем <...> Петр сказал Павлу: “Восстань и помолись прежде нас, ибо дух наш радуется ныне в вере Христовой”. И Павел сказал ему: “Смилуйся, я неопит и не достоин следовать за пылью от твоих ног. Как же мне молиться прежде тебя? Ибо ты столп света, и все наши братья здесь лучше меня. Помолись же за нас, отец, чтобы радость Христа пребывала с нами”. И апостолы возрадовались его смирению».

²⁹ Хотя текстуально молитва Петра в нашем тексте не совпадает с молитвой из LR, они соотносятся друг с другом, занимая одинаковое место в повествовании (ср. LR 48–49).

³⁰ В тексте: an tan ro-badusa is in cathraib darb ainm effis is in leth sairdes do'n domun i crichaib na h-assaia bicci. Допахью, на основании параллельных мест

девятом часу и 25 нас было там. И снизошло к нам огромное ужасное облако, и я услышал глас Божий в этом облаке. Оно окутало меня и принесло меня сюда, то есть к дому Девы Марии и святых людей с востока и запада, и когда беседовала Мария с апостолами³¹. О возлюбленные братья, сказал Иоанн, полезнее вам слушать Марию. И пусть никто из вас не покажет слез и горя, чтобы не было слухов и смущения у людей, но пусть каждый из вас укрепляет другого в молитве и восхвалении Господа, ибо поведал мне Иисус Христос в ночь Тайной Вечери, когда возносится один из нас на небо, не следует выказывать горя и печали»³².

[17] Тогда вошли Иоанн и все апостолы в дом, в котором была Мария, и сказали ей: «*aue maria uirgo plena dominus tecum*, то есть, Здравствуй, Дева Мария, преисполненная благодатью Святого Духа. И благословенна ты между апостолами и благословен Плод чрева твоего». И отвечала Мария и сказала: «Да пребудет с вами Бог, и я молю вас, апостолы Господа, скажите мне, как вы пришли сюда и кто сказал вам, что я в таком положении». Тогда рассказали апостолы ей, что это была сила Божья и «она взяла каждого из нас

в латинском ирландском «Успении», полагает, что первоначально вместо Эфеса стояли Сарды (*sairdis*), и только позднее имя Иоанна стало ассоциироваться с Эфесом, вследствие чего *sairdis* изначального варианта превратился в *leth sairdes* «юго-восточная часть». Тем не менее, можно отметить, что связь Иоанна с Эфесом указывается уже у Евсевия (Евсевий Памфил: 78), так что объяснять возможное исправление поздней легендой нет необходимости.

³¹ Как отмечает Донахью, здесь текст очевидно неверно передан писцом. Вероятно, вместо апостолов, с которыми беседует Мария, в оригинале стояли святые люди, сошедшиеся в ее дом до прибытия апостолов.

³² Ср. LR 50: «<...> и Иоанн пришел к ним [апостолам] и сказал: “Благословите меня”. Тогда они все обняли его один за другим. И после этого Петр сказал: “Андрей и Иоанн, возлюбленные Господом, как вы пришли сюда? И сколько дней вы здесь?” И Иоанн сказал ему: “Послушай же, что случилось со мной. Когда мы были в дальних краях и я учил 28 человек, верующих в Спасителя, в девятый час я был вознесен перед ними. И облако сошло в то место, где мы собрались, и оно подхватило меня на глазах у всех и принесло меня сюда. <...> А теперь, братья, когда вы пойдете завтра, не плачьте, и не будет смятения, ибо если вы заплачете, будет великое смятение. Ибо так мне сказал Господь, когда я возлежал у его груди на Тайной вечере: Если люди, которые придут к ней, увидят, что мы плачем, они осудят нас в сердце своем и скажут: Они тоже боятся смерти”».

Отметим, что хотя Петр в LR обращает вопрос к Андрею и Иоанну, отвечает один Иоанн, как и в ирландском тексте, где Андрей в этом эпизоде не фигурирует.

отдельно в облаках небесных³³ из мест, где мы сеяли слово Божье»³⁴. [18] Тогда охватили ликование и великая радость Святую Марию от слов апостолов, и она благословила Сына своего и говорила так: «Благословляю Тебя, о Сын, ибо Ты Господь всех тварей, и сейчас Ты выполнил все, что обещал мне давно, что пошлешь апостолов к моему усению». И отвела их Дева Мария в тайную комнату и показала им свой саван и погребальные одежды³⁵.

Когда настало утро третьего дня и приблизилось время смерти Марии, Петр сказал всем апостолам и народу, который был там, поднять яркие свечи и неослабно следить, чтобы быть достойными перед Спасителем «и пусть не говорит никто из вас, что это смерть Марии, но вечная жизнь и мирная слава»³⁶. [19] Тогда сказал Павел Петру: «О возлюбленный отец, знаешь ли ты, что я не видел Спасителя во плоти? Ибо недавно я пришел к апостольской вере? Хотел бы я, чтобы явил мне Спаситель что-либо из тайн Своих, ибо слышал я, что Он явил вам многое на чудесной горе Елеонской». «О возлюбленный брат Павел, сказал Петр, подожди немного, ибо придет к нам Христос с небесными ангелами к телу Марии, ибо все, что Он обещал нам однажды, будет исполнено воистину»³⁷. И сказал снова Павел Петру: «Если желаешь ты явить мне таинства,

---

³³ В тексте a nellaib nime «в облаках небесных». В переводе Донахью опущено.

³⁴ Ср. LR 51: «И затем апостолы вошли в дом Марии и сказали в один голос: “Мария, сестра наша и мать всех спасенных, радуйся”. И Мария сказала: “Как вы пришли сюда и кто здесь сказал вам, что я покидаю тело? И как собрались вы все вместе? Ибо я вижу, что вы опечалены”. И они рассказали, каждый про себя, в каком краю он находился и как сошло облако и подхватило их и принесло сюда».

³⁵ Ср. LR 52–53: «И тогда Мария возрадовалась и сказала: “<...> Благословляю Тебя, [Господь], ибо сбылось все, что Ты сказал мне. Ибо Ты сказал мне: Увидишь меня с моими апостолами, когда покинешь свое тело”. И сказав это, Мария позвала Петра и всех апостолов. И она отвела их во внутреннюю комнату и показал им свои погребальные одежды, в которых они должны были похоронить ее».

³⁶ Ср. LR 56: «[Петр сказал]: “Братья мои, не думайте, что это смерть. Это не смерть, а вечная жизнь”».

³⁷ Ср. LR 78: «И Павел сказал Петру: “Отец наш, ты знаешь, что я неофит и недавно уверовал в Христа. Ибо я не видел Господа, и Он не открыл мне великой и славной тайны. Но я слышал, что Он открыл ее вам на горе Елеонской. И я молю тебя открыть ее и мне тоже”. И Петр сказал Павлу: “Павел, брат мой, мы рады, что ты пришел к вере Христовой, но не можем открыть тебе эту тайну. <...> Но наберись терпения, ибо мы будем здесь три дня, и Господь сойдет с ангелами к телу Марии, и если Он прикажет нам, мы с радостью поведем тебе”».

скажи мне что-нибудь из учений, которым учили вы сами, чтобы им я учил, пока я жив». И сказал Петр: «О Павел, сказал он, хорошо то, что ты ищешь и вот это учение: кто не постится каждый день, не обретет милости Божьей». Павел сказал: «О возлюбленный отец Петр, сказал он, не говори этого, ибо люди не примут этого учения из-за его тяжести и восстанут против вас и умертвят вас и воздвигнут идолов для почитания». Тогда обратился Павел свое лицо к Иоанну и спросил у него, какому учению он учит. И отвечал Иоанн и вот что он сказал: «Кто не избежит любого зла до дня своей смерти, не войдет в Царство небесное». Павел сказал Иоанну: «О возлюбленный отец, не примут люди этого учения, но скажут, что побьют вас камнями из-за тяжести этого учения». Затем сказал Павел, обратив лицо к Андрею: «Каково учение?» Ответил Андрей: «Кто не оставит отца своего и мать свою и сестру свою и всех друзей своих из любви к Спасителю, не увидит Царства небесного». Тогда сказал Павел: «Легче учение Иоанна и Петра, чем это, о Андрей, и не вынесут смертные люди столь великого учения из-за тяжести его, ибо не подобает столь великий груз необъезженному жеребцу, пока он не объезжен. Так же не подобает слишком тяжелое учение давать людям, пока они не примут мягких суждений»³⁸ и легкое учение»³⁹.

---

³⁸ Следует, видимо, согласиться с исправлением Донахью, предлагающего вместо *breatha i soim* «скрытые суждения» читать *breathai soem* «мягкие суждения».

³⁹ Ср. LR 84–86: «И Павел отвечал и сказал: “О Петр, если ты не хочешь открыть мне величие Христа, Спасителя нашего, скажи мне, чему ты учишь, когда отправляешься проповедовать, чтобы я мог учить твоему учению?” И Петр сказал ему: “Брат мой Павел, хорошо то, что ты говоришь. Если ты хочешь узнать учение, которому мы учим, слушай, и я скажу тебе. Когда я иду проповедовать, я говорю, что кто не постится каждый день, не увидит Бога”. И Павел сказал Петру: “Отец наш Петр, что ты говоришь? Ведь если они услышат, они восстанут и убьют нас, ибо они поклоняются богам и не верят в Бога и в пост”. И Павел обратился к Иоанну и сказал ему: “Отец наш Иоанн, поведай нам свое учение, и мы будем ему учить”. И Иоанн сказал: “Когда я иду учить, я говорю, что тот, кто не сохранит целомудрия до дня смерти, не увидит Бога”. И Павел отвечал и сказал Иоанну: “Что ты говоришь? Ибо они не поверят тому, что ты говоришь, ведь они поклоняются камням и деревьям. Если они услышат это от нас, то побьют нас камнями”. И Павел обратился к Андрею и сказал ему: “Скажи мне свое слово, отец наш Андрей: ведь Павел великий епископ, а Иоанн девственник, и потому они говорят суровые слова”. И Андрей сказал ему: “Когда я иду проповедовать, я говорю, что тот, кто не оставит отца своего и мать свою, и братьев, и детей, и имения своего, не следует за Богом и не сможет увидеть Его”. И Павел сказал

[20] Тогда сказал Петр: «О возлюбленный брат Павел, сказал он, как желаешь ты, чтобы мы учили?» Павел ответил и сказал: «Взыскую я Господа, как дать учение, чтобы приняли люди и вынесли легкие суждения, подходящие для каждого из них и пост каждого из них каждую неделю, чтобы не падало утомление или угнетение при пощении каждый день на слабые души и пост до девятого часа для сильных крепких людей». Тогда поднялся большой говор между всеми апостолами от этой беседы апостолов⁴⁰. Тогда сошел Иисус Христос, Сын Бога Живаго, Спаситель семени Адамова, из солнечных обителей Царства небесного и с ним архангел Михаил и спустились посреде апостолов в молчании. И благословил их Спаситель и вот что Он сказал: «Здрав, вечно здрав будь, святой апостол Петр и Иоанн после него и Павел избранный. И воистину говорю вам, о возлюбленные апостолы, сказал Иисус, что не примут от вас учение, которое вы установили и примут учение Павла». И спросил Иисус апостолов: «Почему не освободите вы весь мир от пут и ловушек дьявола? Подобаet вам установить легкое учение, чтобы приняли его от вас, ибо в последние времена мира исполнится это учение». [21] Тогда Христос сказал Павлу: «Да не будет тебе печали и грусти, что не открыли тебе апостолы божественные таинства, ибо открою Я их тебе и Марии»⁴¹.

Андрею: “Слова Петра и Иоанна гораздо легче твоих, Андрей, ибо ты сразу отрываешь всех от земли”».

⁴⁰ Ср. LR 86–87: «И сказал Петр: “О Павел, возлюбленная душа, скажи нам, как бы ты хотел, чтобы мы учили?” И Павел сказал им: “Вот мой совет, который вы услышите от меня, чтобы мы установили такое учение, которое смогут вынести люди, ведь они еще только в начале пути. <...> И установим пост для них в один день, и они не будут поститься остальную неделю. <...> И скажем им: Пусть слабый постится до второго часа, средний силами до девятого, а сильный до вечера”. <...> И тогда поднялся говор между апостолами, не согласными со словами Павла».

⁴¹ Ср. LR 88: «И когда Павел сидел у входа и беседовал с ними [апостолами], сошел с небес Господь Иисус с Михаилом. И Он сел среди апостолов, когда они осуждали слова Павла. И Он сказал: “Привет тебе, епископ Петр, и тебе, девственник Иоанн: вы мое наследие. Привет тебе, Павел, мудрый советник. Истинно говорю вам, что не поймут ваши советы, ни Петра, ни Иоанна, ни Андрея, только Павла. И я вижу весь мир в путах, и что Павел найдет их в путах. Тогда все ваши слова станут известны в последний день”. И Господь обратился к Павлу: “Брат мой Павел, не печалься, что апостолы не открыли тебе славной тайны, [ибо Я открою ее тебе]”».

Отметим, что здесь по сравнению с LR в нашем тексте наблюдается иная последовательность эпизодов. Беседа об апостольском учении, занимающая в ирландском «Успении» разделы 19–21, соотносится с LR

Затем Он удалился в своем сияющем огненном облачении⁴² и позвал Павла с Собой. Когда увидел Иуда, что Спаситель берет с собой Павла на небеса, возгласил он гласом великим и сказал: «О Иисус, Сын Бога Живаго, Ты пришел в этот мир и Ты не разбираешь людей, [воздавая] только по заслугам каждого человека. Как же берешь Ты с Собой этого человека, [не дав ему] бороться со мной, как боролись другие апостолы? Пусть спустится сюда вниз, сказал дьявол, и сразимся и узнаем, у кого из нас сила. И если у него сила, бери его с собой на небеса и покажи ему божественные таинства». Иисус сказал Павлу: «Восстань, о Павел, сказал Он, и сразись с дьяволом, ибо Я обещал, что не возьму никого на небеса, если он не выиграет битву с дьяволом». И сказал Павел Иисусу: «Как же сражусь я с дьяволом, ибо недавно я обратился, и юна моя вера?»

[22] Тогда Иисус сказал: «Восстань, о Петр, вместе с Павлом и сразись вместе с ним против дьявола». И пошли они оба и сразились и пал тогда дьявол⁴³. Так пришли Павел с Петром к остальным апостолам в дом, где пребывала Мария. И затем снизошел великий свет в дом, где пребывала Мария, и тогда не могли люди всего мира смотреть на него из-за величия его сияния и яркости, что была в доме. И тогда сошел глас великий с неба и сказал им: «Моя сила и Моя власть и Сам Я вместе с вами до конца и скончания века». Тогда сказала Мария и апостолы великому гласу, услышав глас Спасителя: «Благословляем Тебя, ибо Ты правишь и властвуешь всеми душами». Затем вышла Дева Мария [из дома], чтобы помолиться Господу, и когда закончила она возносить молитву, вошла она в дом и возлегла на ложе, и были апостолы вокруг нее со всех сторон. И в полдень сей избранный дом наполнился ужасным великим громом и ангельским благоуханием, так что каждый из тех,

---

78–88, но в LR она следует за рассказом об отнесении тела Марии к могиле и обращении иудеев, а в ирландском тексте предшествует ему.

⁴² В тексте: a n-a cluim taitnemaig tentige. Cluim имеет значение «оперение, перья». Возможно, текст испорчен. Перевод дается по смыслу. У Донахью *plumage*.

⁴³ Ср. LR 103–104: «И Господь взшел на облако и позвал Павла с Собой. И дьявол возопил в вышине, говоря: “Иисус, Сын Божий, пришедший в мир и учивший в Иерусалиме и повелевший апостолам учить весь мир в Иерусалиме, как же Ты позволяешь вознестись Павлу, прежде чем он сразится со мной и победит меня? Подобало, чтобы Ты показал все двенадцати, ибо они достойны, и они сражались со мной и победили меня. Но этот не сражался со мной и не победил меня. Как же Ты позволишь ему вознестись? Пусть он сначала сразится со мной, и если победит меня, бери его и покажи ему все”». Далее в LR Господь посылает в помощь Павлу Петра. Битве с дьяволом отведена значительная часть текста (разделы 105–131), примерно четверть всего объема LR.

кто был в доме, кроме апостолов и дев, уснули, и приказала Мария молиться и петь псалмы⁴⁴.

[23] Тогда сошел Иисус Христос, Сын Бога Живаго, и воинство небесное вместе с Ним и пели они небесную музыку в честь Спасителя и Марии и чистой Девы. И благословил Христос апостолов и потом благословил Марию. И благословила Его Мария, и вот что она сказала: «Благословляю Тебя, о Сын Отца Небесного, и Ты выполнил все, что обещал мне и послал Твоих апостолов и Твоих ангелов к моей душе и Сам сошел с ними». Когда Мария произнесла эти слова, отлетел дух ее жизни от нее и взял Спаситель душу в Свои руки и отнес ее с Собой с честью и почетом. И все архангелы небесные восстали вокруг нее и так видели ее апостолы, как поднимают ее с собой ангелы, и так она явилась им в образе и виде человеческом и была она в семь раз белее снега⁴⁵.

[24] И тогда спросили апостолы, есть ли любая другая душа на земле, столь же белая, как душа Марии. Ответил Спаситель на это и сказал Петру: «Таковыми будут все души после крещения, ибо когда выходят они из своих тел, на них остается тьма телесных грехов, приставших к ним, ибо никто не может удержаться от греха, как смогло тело Марии. И потому белее ее души любого другого человека»⁴⁶.

---

⁴⁴ Ср. LR 66: «[Когда] взошло солнце, Мария встала и вышла из дома, и она вознесла молитву. И помолвившись, она вошла в дом и легла. <...> И Петр сел у ее изголовья, Иоанн в ногах, а остальные апостолы вокруг ее одра. И в этот час раздался грохот и разнеслось приятное благоухание, подобно райскому. И все те, кто стоял подле Марии, заснули, кроме дев: Он удержал их от сна, чтобы они были свидетельницами погребения Марии и славы ее».

⁴⁵ Ср. LR 67–68: «И наш Господь Иисус Христос сошел на облаке с неисчислимым множеством ангелов. И Иисус вошел во внутреннюю комнату, где была Мария; Михаил же и ангелы остались за порогом и пели [псалмы]. И когда Он вошел и увидел апостолов с Марией, то обнял их. И тогда Мария обняла Его <...> и благословила, говоря: “Благословляю Тебя, говорившего со мной и не обманувшего меня и сказавшего мне: Я не пошлю ангелов за твоей душой, и Он пришел ко мне Сам. И это случилось со мной, Господи, по слову Твоему”. <...> И сказав это, она преставилась. И тогда Господь взял ее душу и передал в руки Михаила. <...> И апостолы видели, как дух Марии был передан в руки Михаила, <...> [и дух был] подобен любому человеческому телу и в семь раз белее».

⁴⁶ Ср. LR 69: «И Петр возрадовался и спросил Господа: “У кого еще душа столь же бела, как у Марии?” И Он сказал ему: “О Петр, у всех избранных, кто был послан сюда, была такая душа, ибо они происходили из святых мест. Но когда они покидают свои тела, они уже не белы, ибо в одном виде они были посланы, в другом обретаются. Поскольку любили они дурные

Тогда Иисус сказал Петру: «Пусть положат ее плащ на тело Марии и возьмут ее с собой к окраине города, ибо там новая могила, и положат ее в могилу и охраняют ее, как было сказано вам». Когда поистине сказал Иисус эти слова, тогда заговорило тело Марии и вот что оно сказало: «Вспомни, о Царь вечной славы, сколь верно блюло это тело, по пророчеству, все заповеданное мне до сего дня». Ответил тогда Иисус телу Девы Марии и вот что Он сказал ей: «Я не оставлю тебя, ибо ты была Моим чистым храмом, о незабвенная мать, и чистейшим сосудом, в котором было зачато и выношено тело Господа и божественные тайны»⁴⁷. Когда закончил Он эту хвалу Своей матери, вознеслась Мария на небеса⁴⁸.

[25] Затем Петр и все прочие апостолы и три девы, следившие за телом Девы Марии, пошли и подняли тело Марии с глубоким почтением, как и подобало ей. Затем Петр взял в руку пальму и сказал Иоанну: «О Иоанн, сказал он, так как ты младший из нас, выйди на дорогу и возьми тело Марии и первым вознеси хвалу Господу». Тогда сказал Иоанн Петру: «Ты наш отец и верховный апостол и учитель и незыблемое основание и глава церкви небесной и земной и в твои руки дал Бог ключи от неба и власть над градом небесного». Тогда встал Петр и начал петь псалмы и сказал: «In exitu israhel de egipto domus iacob de populo barbaro»⁴⁹.

[26] Так была взята душа Девы Марии среди ангелов в облака небесные и ее тело погребено в земле в присутствии апостолов.

дела, потемнела их душа от многих грехов. И если кто блюдет себя, как в первые дни, душа его будет белой, когда он покинет тело»».

⁴⁷ В тексте: *agus na glanruine diaida* «и божественные тайны». Опущено в переводе Донахью.

⁴⁸ Ср. LR 70: «И Спаситель сказал Петру: “Возьми тело Марии, иди быстрее из города в левую сторону и найдешь новую могилу. Положи туда тело и охраняй его, как Я приказал тебе”. И когда Он сказал это, воскликнуло ее тело, говоря: “Помни меня, о Господь, Царь Славы, ибо я образ Твой. Помни меня, ибо я хранило великое сокровище, данное мне”. И тогда Иисус сказал ее телу: “Я не оставлю тебя, жемчужина Моего нового сокровища, Я не оставлю тебя, запечатанное святилище Божье”».

⁴⁹ Пс. 113:1: Когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова – из народа иноплеменного. Ср. LR 71: «И Петр, и прочие апостолы, и три девы приготовили тело Марии к погребению и положили его на носилки. И после этого спящие проснулись. И Петр взял книгу [в других текстах традиции “пальму”] и сказал Иоанну: “Ты девственник и будешь петь перед носилками, возьми ее”. Иоанн сказал ему: “Тебе, наш отец и епископ, подобает нести пальму перед ней, пока мы не придем к месту погребения”. И Петр сказал ему: “Чтобы не печалился никто из нас, прикрепим ее к носилкам Марии”. И тогда апостолы поднялись и понесли носилки Марии. И Петр запел “Когда вышел Израиль из Египта”».

Когда услышал иудейский народ и главные иудейские священники апостолов, поющих псалмы над телом Девы Марии и плач ее друзей, которые любили ее, тогда напал на главных иудейских священников дьявол и искуситель рода человеческого и пособник всякого зла и гонитель всякого добра. И сказал им: «Восстаньте и убейте апостолов и сожгите тело Марии, ибо оно носило обманщика, который пришел к вам»⁵⁰.

[27] И тогда пришел народ иудейский с острыми мечами и большими мощными дубинами и тяжелыми боевыми топорами убивать апостолов. Тогда отнято было зрение у их глаз и сила у их рук и движение у их ног, так что иудеи не знали оттого, каким путем идти. И все же была власть и сила дьявола с иудеями, так что один из них нанес ужасный удар, чтобы сломать пальму, которая была в руке Иоанна и скинуть тело Марии с носилок и протянул руку к носилкам. Но был он остановлен, ибо рука его отделилась от его тела и приклеилась к носилкам⁵¹. Тогда возопил иудей жалостно и взмолился Спасителю и апостолам, чтобы помогли ему. Отвечал же ему апостол Петр и сказал: «Если веруешь, что Иисус Христос, Сын Бога Живаго, Тот, Кто сможет исцелить тебя, будешь исцелен». Отвечал ему иудей и сказал такие слова⁵²: «Верую я воистину, сказал он, что это Бог ослепил и отказал нам в вере, когда мы распяли Иисуса Христа из зависти и ревности», и тогда сказал Петр: «Если веруешь с чистым сердцем, восстань и благослови Святую Марию и поцелуй носилки, на которых лежит тело, и исцелишься». И сделал иудей так, как приказал ему Петр, и исцелился, после того как принес искреннее покаяние Богу, через чудеса Марии и апостолов⁵³.

[28] Тогда сказал Петр иудею: «Возьми эту пальму в свою руку и иди в город, и каждый, у кого будет отнято зрение и руки и ноги, пусть уверует в Иисуса Христа, Сына Бога Живаго, и коснись их

---

⁵⁰ Ср. LR 72: «И первосвященники услышали шум и голоса поющих и невидимых [ангелов]. <...> И тогда Сатана вошел в их сердца и они сказали: “Пойдем и убьем апостолов и сожжем тело той, кто выносил обманщика”».

⁵¹ Ср. LR 73: «И поднявшись, они двинулись с мечами и копьями, чтобы убить апостолов. И затем ангелы из облаков поразили их слепотой, так что они разбили головы об стену, ибо не видели, куда идут. <...> Затем один из них дотянулся руками до носилок, и они [руки] были отрублены по плечи и остались висеть на носилках <...>».

⁵² В тексте: do-fregair in t-iudhal he agus adubairt na briatra so. Опущено в переводе Донахью.

⁵³ Эпизод с исцелением примерно соответствует LR 74–76, где он занимает значительно больший объем.

этой пальмой, и они тут же исцелятся через чудеса Божьи»⁵⁴. Тогда пошел глава священников к народу иудейскому, как сказал ему Петр, и рассказал им, как он был исцелен и сказал им: «Каждый из вас, кто уверует, как я уверовал, будет исцелен». И весь народ города сделал так, как научил их главный священник, обрели здоровье и уверовали все в Бога и апостолов⁵⁵.

Тогда апостолы отнесли тело Марии к могиле, и сели апостолы вокруг могилы, как прежде приказал им Спаситель⁵⁶. Тогда сошел к ним Иисус Христос, Сын Бога Живаго, вместе со Своими ангелами и сказал им: «Мир и радость вам и Моя сила». Тогда сказал Иисус Христос Михаилу, чтобы он отнес тело Марии в облака небесные. И после того как отнесли они тело в облака небесные, сказал Иисус Христос апостолам: «Подойдите ближе ко мне». И когда они собрались вокруг него, то вознеслись они со своих мест в облака небесные вместе со Спасителем, и Он сказал им: «Идите в рай Адама». И когда пришли апостолы в рай, тогда нашли они тело Марии под Древом Жизни в раю⁵⁷.

[29] Была возвращена душа обратно в тело Марии, и тогда апостолы сказали Иисусу: «Просили мы показать нам ад, когда были мы однажды с Тобой». И сказал Иисус: «Будет хуже вам его увидеть». «Как бы то ни было, мы не соглашались, чтобы Ты не показывал нам его, и Ты обещал показать его нам и явить его в день, когда упокоится Мария». Тогда сказал им Спаситель: «Будет показан вам ад, если вы хотите». «Воистину хотим», сказали апостолы. Когда закончился этот разговор, сошло к ним ужасное огромное облако, и были вознесены апостолы и Михаил и Дева Мария вместе со Спасителем и сошли во ад и были принесены

---

⁵⁴ Ср. LR 76: «И Петр сказал ему: “Встань и возьми пальму и иди в город, и там ты найдешь слепых, которые не видят и не могут найти пути. Скажи им, что случилось с тобой и прикоснись к глазам тех, кто уверует, и тогда они прозреют. А если не уверуют, не прозреют”».

⁵⁵ Ср. LR 77: «И он пошел, как приказал ему Петр <...> и взял пальму и говорил с ними о вере. И кто уверовал, у того отверзлись глаза, а кто не уверовал, у тех глаза не отверзлись, и они остались слепыми».

⁵⁶ Ср. LR 77–78: «И апостолы тут же отнесли Марию к могиле. И когда они положили ее [на землю], они все сели, ожидая, когда придет Господь и заберет тело Марии».

⁵⁷ Ср. LR 89: «И Господь сказал им [Михаилу и ангелам]: “Вознесите тело Марии в облака”. И когда было вознесено ее тело, Господь сказал апостолам, чтобы они подошли к Нему. И они вознеслись на облаке и пели ангельскими голосами. И Господь приказал облакам лететь на восток в Рай. И когда они вместе прилетели в Рай, то положили тело Марии под древом жизни. И они принесли ее душу и вложили в тело».

апостолы туда на землю, и сказал Иисус Христос: «Да откроется нам ад». И он тут же открылся⁵⁸.

[30] Когда ужасное племя адское увидело Спасителя и апостолов и ангелов и Деву Марию и архангела Михаила над собой, начали они стенать, печалиться, жаловаться, тяжело причитать и кричать ужасно и громко, и вот что говорили обитатели ада: «О Михаил, ты наш правитель и наш вождь и наш настоятель и наша сила, и ты усердствуешь ради нас». Когда же увидели апостолы страдания и муки адские, не могли они смотреть на них⁵⁹. И тогда Михаил обратил свое лицо долу и заплакал и тяжело опечалился и взмолился Господу, чтобы подать им помощь. «Кажется мне, сказал он, что это я сам претерпеваю эти муки». Сказал Иисус Михаилу: «Восстань и прекрати плакать, ибо не любезнее эти люди тебе, чем Тому, Кто сотворил их, и не тяжелее твоя скорбь, чем скорбь Того, Кто отдал жизнь за них. И не подобает тебе, о Михаил, говорить так, ибо Я отдал Мою кровь ради них и принял образ человеческий для них. Ты же, Михаил, ныне молящий за них, вечно молишь за них. Восстань, Михаил, и покажи апостолам адские муки⁶⁰. И тогда пошел Михаил с ними и показал им людей, и тяжелая огненная земля пламенеет у них во рту, так что не могли они говорить, и они причитали и претерпевали свою кару. И тогда спросила Мария и апостолы: «Какое зло содеяли эти люди, которым причиняют такие

---

⁵⁸ Ср. LR 90: «И тогда апостолы сказали Спасителю: “Господь, разве Ты не говорил нам, когда был с нами и мы просили Тебя, что Ты покажешь нам мучения?” И Он сказал им: “Вы хотите этого? Тогда храните терпение в этот день, и Я вознесу вас и покажу вам их [мучения]”. И говоря с апостолами, Господь сделал знак облакам, и они подхватили апостолов и Марию и Михаила с Господом. И они отнесли их к закату солнца и оставили там. И Господь приказал могучим ангелам, и земля разверзлась, и открылась Геенна».

⁵⁹ Ср. LR 90: «И Господь дал место апостолам, чтобы они могли увидеть, что хотели. И они увидели проклятых. И когда те увидели Михаила, то зарыдали. И они говорили: “Михаил, наш ангел Михаил, наш царь Михаил, наш архангел Михаил, который каждый день предстательствует за нас. Не забыл ли ты о нас навек? Почему ты не попросишь за нас Господа?” И апостолы и Михаил пали наземь от печали за грешников в мучениях».

⁶⁰ Ср. LR 93–94: «И Михаил тоже пал пред Господом Иисусом и сказал: “Молю Тебя, Господи, дай этим людям отдохновение от мук и не заставляй меня смотреть на них и думать, что я осудил их”. И тогда Иисус поднял Михаила, говоря: “Михаил, избранный мой, прекрати плакать. Любишь ли ты их больше, чем Тот, Кто их сотворил и милосерден ли ты к ним больше, чем Тот, Кто дал им дыхание? <...> Восстань, Михаил, и мы покажем апостолам, что здесь есть”».

великие страдания?» Отвечал им Иисус и сказал: «Это мудрые люди и ученые и знающие Божественное Писание, сказал Он, и знаменитые учителя, которые сами не исполняли божественных таинств, которым всех учили»⁶¹.

[31] После этого увидели они других людей близ этих, и великие необычайные муки [претерпевали они], то есть их руки постоянно пылали, и не могли они взглянуть вверх, чтобы попросить помощи, и малые дети из их бедер поедали их⁶². И спросили апостолы: «Какое зло содеяли эти люди?» «Невежественные священники, которые не понимали Божественных слов и канонов Господа и Божественных таинств причащения тела Господня и не понимали слов покаяния, которые подобает передавать людям, которые им исповедуются»⁶³.

[32] После этого увидели они вблизи них людей, и цепи на их ногах и руках красно-пламенные, и демоны таскали их и бичевали. Сказала Мария: «Какое зло содеяли эти люди?» Сказал Христос: «Нечестивые старики, которые владели большими мирскими богатствами и не давали милостыни бедным и сирым и несчастным, но трагично на распутниц и на пьянство. Поэтому они со своими телами пребывают в этих великих муках»⁶⁴.

После этого увидели они других людей, и красные пылающие мечи [пронзали] их языки. И тогда сказала Мария: «Какое зло

---

⁶¹ Ср. LR 95: «И затем они [апостолы] увидели человека, во рту которого была пламенеющая бритва, и он не мог говорить. Тогда Мария и апостолы воскликнули: “Кто этот человек, пребывающий в таких мучениях?” И он [Михаил] сказал: “Это тец, произносивший славные слова, и не исполнявший их. Поэтому он претерпевает такие муки”».

⁶² Ср. (ВА: 340): «Вот дети калечат духовных лиц, ибо они были доверены им для наставления, и те их не наставляли и не упрекали в грехах».

⁶³ Ср. LR 95–96: «И тогда они увидели другого человека <...>, и претерпевал он великие муки от огня в его руках и не мог говорить. И малые дети кусали его за бока <...>. И апостолы сказали: “Кто этот человек, который не снискал милости, ибо огонь в его руках, а те ведут его и кусают?” И Спаситель сказал: “Это тот, кто говорил: Я дьякон, и брал царственную кровь и не заботился о ней, как подобает”».

⁶⁴ Ср. (ВА: 339): «Есть там еще большой сонм <...>, и велико их страдание, ведь прикованы они к огненным столпам. <...> Огненные цепи в облике змей протянуты через их грудь. <...> Вот кто пребывает в такой муке: <...> безжалостные эренаги, которые, будучи в присутствии мощей святых, собирают дары и церковную десятину и захватывают их в личное владение, а не раздают странникам и нищенствующим Божьим».

содеяли эти люди?» «Это мирские судьи, сказал Иисус, те, которые неправедно судили и не вели суд по справедливости»⁶⁵.

[33] Тогда сказал Спаситель остановиться и прекратить показывать муки адские, и так прекратилось это [видение]. Когда же племя адское увидело Деву Марию и апостолов, тяжело скорбели они и горько стенали, и после говорили так: «О Мария, сказали они, мать Вечного Света и мать живых и мертвых, светоч Града Небесного, прекрасная царица воинства небесного, мать Высшего Царя, помоли Твоего Святого Сына, чтобы дал Он нам покой». И другой сонм обитателей ада взмолился к апостолам, чтобы получить помощь от них⁶⁶. И отвечал им Иисус и сказал обитателям ада: «Я был распят ради вас и бичеван и ударен по голове и ранен в бок. Вы же, сказал Он, отвергли 10 заповедей закона Божия и Мое учение. Почему же должен Я давать вам покой?»

[34] И все же из-за слез Марии и чести апостолов и заступничества Михаила Я дам вам покой на три часа каждое воскресенье»⁶⁷. И тогда сказал Спаситель: «Закройте ад», сказал Он.

[35] Тогда был закрыт ад по приказанию Царя неба и земли. И была тогда отнесена Дева Мария под Древо Жизни в раю и вознеслись Спаситель и Михаил на небо после вознесения Девы Марии с честью под Древом Жизни и воинство Божье вокруг нее восхваляя Спасителя, то есть Иисуса Христа, Сына Бога Живаго.

[36] Затем отправились апостолы в свои города, оставив Деву Марию с Иисусом Христом. И в них возглашали они Слово Божье, пока, в Божье время, не взял Он их к Себе из этих городов в небесное упокоение в единстве Сына Бога Живаго и Троицы, то есть, Отца и Сына и Святого Духа.

Finid

---

⁶⁵ Ср. (ВА: 339): «<...> у других огненными гвоздями пробиты языки <...>. Вот кто пребывает в такой муке: <...> неправедные судьи».

⁶⁶ Ср. LR 99: «Тогда те, кто пребывал в мучениях, взмолились и сказали: “Мария, мы молим тебя, Мария, свет и мать Света, Мария, жизнь и мать апостолов, Мария, золотой светоч, Мария, наша владычица и мать нашего Господа, Мария, наша царица, попроси Сына своего дать нам вдохновение”. А другие молили Петра, Андрея и Иоанна».

⁶⁷ Ср. LR 100: «[Господь сказал]: “Из-за слез Михаила, Моих святых апостолов и Моей матери Марии, ибо они пришли и увидели вас, Я даю вам девять часов покоя в воскресный день”».

Библиография

- ВА – Видение Адамнана. Перев. со среднеирланд., вступит. ст. и коммент. С. В. Иванова // Кентавр / Centaurus. *Studia classica et mediaevalia*. № 3, 2006. С. 329–356.
- Евсевий Памфил. Церковная история. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1993.
- Donahue 1942 – Donahue Ch. *The Testament of Mary. The Gaelic Version of the Dormitio Mariae together with an Irish Latin Version*. New York, 1942.
- McNamara 1975 – McNamara M. *The apocrypha in the Irish church*. Dublin, 1975.
- Seymour 1922 – St J. D. Seymour. *Irish Versions of the Transitus Mariae* // *Journal of Theological Studies*, 23, 1921–1922. P. 36–43.
- Shoemaker 2002 – S. J. Shoemaker. *Ancient Traditions of the Virgin Mary's Dormition and Assumption*. Oxford, 2002.

ГРЕЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ БАЛЛАДА ОБ АРЕТИ

В 1947 году (этот год указан на суперобложке издания, на титульном листе обозначен 1943 год) был опубликован объемный (в двух томах) труд немецкой исследовательницы греческого фольклора Эдвиги Людеке «Греческие народные песни». В первом томе¹ представлены тексты песен на различных диалектах греческого языка, собранные исследовательницей из разных источников; во втором томе песни даны в переводе на немецкий язык, осуществлённом автором труда. (Второй том, к сожалению, остался для меня недоступным).

В собрание включено более 260 текстов песен, записанных в различных пунктах Греции и опубликованных собирателями в разные годы XIX–XX в. Значительная часть песен записана у информантов самой исследовательницей. Другая часть опубликована ею впервые из рукописных собраний. Источники и пункты записей в издании указаны. Песни сгруппированы в соответствии с их тематикой; некоторые из них приводятся в разных версиях, записанных у разных информантов.

Тексты сопровождаются лексиконом диалектных слов и списком встречающихся в песнях имён собственных.

В собрании представлены песни очень широкой тематики: исторические, клефтские, песни о чужбине, о любви, плясовые, свадебные, о смерти, загробном мире и др.

Самый большой раздел составляют так называемые *παράλογες* – термин автора, который здесь можно перевести как «сказочные, алогичные (песни)». В их числе представлена в пяти версиях (№ 14 – № 18, с. 15–28), записанных в различных пунктах Греции, песня об Арети, – песня, которую, по-видимому, правильно будет рассматривать по жанру как балладу. Эта баллада интересна, прежде всего, своим сюжетом.

Общий сюжет вариаций баллады сводится к следующему.

У матери² девять (в версии № 18 – десять) сыновей и одна дочь по имени Арети³. Дочь сватают в далекие края (в версии № 14, с. 15,

---

¹ Ε. Λύντεκε. Ελληνικά δημοτικά τραγούδια. Μέρος Α'. Ελληνικά κείμενα. Αθήναι, 1947.

² Любопытно, что ни в одном из текстов ничего не говорится об отце.

ст. 5 – в Вавилон, в версии № 17, с. 23, ст. 3 – «за пять черных морей»; ср. русское «за тридевять земель»). Все братья против выдачи сестры замуж на чужбину, лишь Костас⁴ уговаривает мать дать согласие. Мать соглашается. Дочь уезжает на чужбину. Для семьи наступают чёрные дни (в версиях №14, 15 это происходит в високосный год). Все братья Арети умирают. Накануне смерти и мать. Она проклинает умершего Костаса за то, что он уговорил её отдать дочь замуж так далеко, вследствие чего дочь не может навестить мать. Для Костаса тягостно это проклятие, он просит Бога сделать так, чтобы он смог поехать за сестрой и привезти её к матери. Его желание исполняется; он отправляется в путь на коне, в которого превращается надгробный камень (либо саван и т. п.). Костас находит сестру в полном здравии и благополучии и сообщает ей, что мать хочет её видеть. При этом он так или иначе улучшает момент, чтобы при встрече его с сестрой никто не присутствовал. Обычно (в разных версиях) Костас находит сестру танцующей. Арети спрашивает у Костаса, какие новости из дома – хорошие или плохие, ибо от этого зависит, как ей одеться в дорогу: в нарядное платье или в траур. Костас отвечает, что мать больна, а что касается её одежды, то она может ехать в том же платье, какое на ней (№17, с. 23–24, ст. 25–35). На обратном пути некоторые признаки беспокоят Арети относительно состояния Костаса, – странные признаки, указывающие на то, что Костас неживой: то некая птица (в версиях №14, 15 – это соловей) человеческим голосом возвещает, что мёртвый везет живую, то Арети почувствует запах ладана или земли. На вопрос сестры, как это следует понимать, брат находит уклончивый ответ, говоря, например, что птицы имеют обыкновение петь так в этих краях и т. п. При подъезде к дому Костас говорит Арети, чтобы она дальше шла одна и под каким-нибудь предлогом (например, под тем предлогом, что ему надо поставить свечку в ближайшей церкви, исполнить некий обет) покидает её, чтобы на самом деле вернуться в могилу. Арети приходит к дому; дверь его заперта. Мать впускает её только когда по какому-то признаку убеждается, что это ее дочь (например, Арети должна просунуть в окно руку, чтобы мать убедилась, увидев ее обручальное кольцо). Едва Арети входит в дом, мать умирает. В версии №15 мать перед смертью успевает, спросив дочь о том, кто её привёз, и получив ответ, рассказать ей, что все её братья умерли. Несчастливая Арети просит Бога превратить

---

³ Имя Арети в различных версиях дано в трёх вариантах: Арети, Аретуса, Арето.

⁴ Имя Костаса представлено также в трёх вариантах: Костас, Костандинос, Костандис.

её в птицу, чтобы она своими печальными криками могла оплакивать своих близких⁵. Её желание исполняется.

В версии № 16 после рассказа матери Арети о смерти сыновей умирают они обе. Похоронили их возле могилы Костаса. На могиле сестры выросло лимонное дерево, на могиле брата – кипарис. Деревья склоняются друг к другу и целуются. Проходят два праведника мимо могилы к источнику, чтобы напиться, и видят, как деревья нежно целуются; странники славят Господа.

Во всех представленных в издании версиях, кроме одной, повествование ведётся от лица автора; в версии № 18, с. 26–28, оно ведётся от лица Аретусы. Тексты изобилуют диалогами и всякого рода повторами.

Как видим, сюжет очень необычный⁶. Любопытно, что в этих народных поверьях, на которых он строится, смешаны религиозные мотивы языческие и христианские (с одной стороны – Господь, Христос, с другой – Харон⁷). Общим остается Ад (№ 16), вера в загробную жизнь. Народные верования выражены и в представлениях о том, что мёртвый может встать из могилы и действовать, как живой).

Баллада с подобным в основных своих моментах сюжетом (разумеется, с другими именами действующих лиц) широко известна также в болгарском фольклоре⁸. Совершенно очевидно, что сюжет в своей основе заимствован, – неясно какой стороной.

Ниже дан подстрочный перевод одной из версий баллады (№ 15, С. 17–18). Текст её в этой версии составлен с помощью наиболее

---

⁵ Речь идёт о небольшой совке (κουκουβάγια, диалектное χουχουβάγια в версии № 15), которая обитает обычно на чердаках заброшенных зданий и кричит по ночам печальным, стонущим криком.

⁶ См. о греческом фольклоре статью: С. С. Аверинцев, Т. Н. Чернышева. Греческая литература второй половины XV и XVI в. // История всемирной литературы. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 519–521, где коротко изложен сюжет одной из версий песни «Константин и Арети» (с. 520).

⁷ Как отмечает Маркос Авгерис, Харон (Χάρως) – в греческих народных песнях обозначает «смерть»; см. Μ. Αυγέρης. Ζητήματα της λογοτεχνίας μας. Αθήνα, 1979. С. 108.

⁸ См.: П. Динеков. Български фолклор. Първа част. Второ издание. София, 1972. С. 411 сл. Об аспектах близости и особенностях в фольклоре балканских народов см.: Z. Sako Studime për folklorin. Tiranë, 1984. С. 173 сл.

распространённого в греческих фольклорных произведениях нерифмованного пятнадцатисложника.

Счастливы горы, счастливы и поля,
счастлива и Арети со своими близкими;
а имеет она девять братьев и восемнадцать двоюродных братьев и сестёр.
Сватают её очень далеко, в чужие края,
и мать её не захотела, и все родственники [не захотели отдавать её замуж
так далеко],

кроме Костаса, который был торговцем:
– «Мама, отдадим Арети в чужие края,
я ведь торговец и у меня будет куда ездить».
[Мать согласилась].

Но пришел високосный год, чёрное лето,
умерли девять братьев и восемнадцать двоюродных братьев и сестёр;
тяжело больна и мать её, при смерти.

Проклинала она [мать] Костаса, прокликает Костаса:
– «Костас мой, чтоб ты превратился в камень, Костас, в чёрный камень».

Птичка пролетала и услышала это, летит к Костасу и говорит:

– «Костас, мать тебя клянёт, тяжёлое проклятие тебе, говорит,
за то, что ты выдал замуж Арети очень далеко, в чужие края».

И Костас, услышав это, обращается к Богу.

Превращает саван в коня, а гроб в седло,
тотчас сел верхом и едет привезти её [Арети].

По дороге, когда ехал, просит Бога:

– «Боже, дай мне застать Арети у источника, набирающей воду».

Как и просил, поехал и нашел её [у источника],

и издалека приветствует её, и вблизи говорит ей:

– «Здравствуй, Арети, радости тебе! – «Всего доброго тебе, Костас.

Костас, если ты приехал [за мной] для хорошего, я пойду переодеться
[в нарядное платье],

если же ты прибыл [за мной] для плохого, поеду так, как есть».

– «Давай поедem, Арето, поедem так, как ты есть».

По дороге, когда они ехали, по дороге, когда едут,

птичка пролетала и села на круп лошади.

Она не пела, как птичка, ни как ласточка,

но пела и говорила человеческим говором:

– « Не есть ли это грех и неправота, странность большая,
что путешествуют живые вместе с мёртвыми ?»

– «Костас, что говорит птица, Костас, что говорит соловей ?»

– «Птичка это, – ну и пусть [себе] поёт, птичка это, – и пусть говорит».

– «Костас, где твой усы, и где твой светлый чуб?»

– «Арето, я заболел [и болею] вот уже скоро год,
и выпали мои усы, и выпал мой чуб.»

Как только въехали в деревню, у двери церкви [Костас говорит]:

– «Арето, отправляйся в наш дом, а я приеду следом за тобой;

у меня приношение по обету для церкви и я пойду, чтобы оставить его.»

Она выходит напротив [дома] и смотрит, и не узнаёт дом.

– «Костас, который дом наш, который наш двор ?»

– «Видишь тот двор, заросший травой ?

Это наш дом, это наш двор.»

Она находит ворота открытыми, двор, заросший травой, находит мать свою очень ослабленной.

Слабым голосом, как могла, [мать] произнесла:

– «Арето моя, кто тебя привёз и кто отвезёт?»

– «Мама, меня привёз Костас и Костас отвезёт.»

– «Арето, где наш Костас и где остальные твои братья?

Костас наш умер и все твои братья [умерли].»

– «Боже мой, преврати меня в птицу, преврати меня в сову, чтобы я летала по заброшенным домам и горевала.»

ИЗ ИСТОРИИ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

**Становление италийской эпиграфики в XIX веке:
переписка И. В. Цветаева с А. Фабретти в 1875 – 1885 гг.**

Вступительная статья, публикация, примечания и перевод

В своей книге «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.» (Цветаев 1883), посвященной важному периоду исследовательской работы в области классической филологии, профессор Московского университета И. В. Цветаев писал в 1883 году: «Десять лет тому назад занятия латинской филологией привели меня к сознанию необходимости включить в круг своего изучения и языки народов, издревле населявших Италию, каковы сабиняне, самниты, умбры, вольски, фалиски и др. Народы эти – родные братья латинов, и потому, чтобы яснее понять природу языка последних, необходимо брать в расчет и лингвистические особенности первых.

Языки этих народов дошли до нас в надписях на камне, металле, терракоте, стукке¹, кости или на каком-либо другом твердом материале. Европейская наука уже издавна трудится над разъяснением этих надписей, над раскрытием их содержания и формы. Достаточно здесь указать на более видные имена Ланци, Ремондини, Гротефенда, Лепсиуса, Ауфрехта, Кирхгофа, Моммзена, Фабретти, Корссена, Бюхелера, Бугге и Бреалья. Их усилиями уже многое сделано на этом нелегком пути, но многое остается и для грядущих поколений ученых, средства которых будут несомненно богаче, чем у их предшественников» (Цветаев 1883: 1).

Из этих строк видно, что Цветаев ставил имя А. Фабретти в один ряд с крупнейшими европейскими филологами-классиками, исследователями в области латинской эпиграфики, труды которых он считал для себя основополагающими.

В ноябре 1875 г. по инициативе И. В. Цветаева возникает его переписка с А. Фабретти, которая не носила постоянного характера, однако, продолжалась в течение десяти лет². В многочисленных своих лингвистических работах 1877–1887 гг., посвященных ита-

---

¹ От stucco (итал.) – гипс, штукатурка.

² Письма И. В. Цветаева к А. Фабретти хранятся в библиотеке «Augusta» (Перуджа) в Фонде Фабретти (ф. 2222, д. 2198, лл. 271 – 271, лл. 279 – 280, д. 2206, л. 180об., д. 2202, л. 185.) Письма А. Фабретти к И. В. Цветаеву хранятся в ОРГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва) в Фонде Цветаева (Ф. б, оп. I, д. 4326, 4327).

лийским надписям³, Цветаев постоянно ссылался на труды Фабретти, подчас не только соглашаясь, но и споря с его выводами.

Судя по всему, Цветаев не был лично знаком со своим итальянским корреспондентом, поэтому мы не найдем в его очерках портрета Фабретти. А Цветаеву свойственно было подробно рассказывать об итальянских коллегам-единомышленниках, с которыми ему приходилось плодотворно сотрудничать в различных регионах Италии⁴.

Биография А. Фабретти (Furiozzi 1979; Cottini 1985; Fagioli 1993) никогда прежде не попадала в научный оборот в отечественной антиковедческой литературе, однако, она отражает все самые сложные, яркие и противоречивые события эпохи объединения Италии и становления нового государства. Он был не только авторитетным ученым – историком, археологом, филологом-классиком, но и выдающимся политическим и общественным деятелем Рисорджименто.

Джузеппе Гоффредо Ариоданте Фабретти родился в провинции Умбрия, в Перудже, 1 октября 1816 года в многодетной семье. Его отец, Джузеппе Фабретти, служил курьером в канцелярии суда в Маджоне. А. Фабретти получил начальное домашнее образование, под руководством матери занимаясь классическими штудиями. Позднее, преодолевая трудности, с которыми приходилось сталкиваться любому при изучении древних языков, он вместе с тем обнаруживал недюжинные способности, в чем убедил родных, еще в юности основав вместе со своими единомышленниками подобие «академии», предназначенной для чтения и анализа древних литературных текстов.

Вскоре свои интересы Фабретти сосредоточил на изучении истории своего края и на археологии, материал для которых он мог найти в скромной отцовской библиотеке. Несмотря на разнородность ее состава, она содержала в себе внушительный материал по истории Перуджи. Позднее, за период обучения в перуджийской школе, Фабретти проникся особым взаимным уважением и симпатией к известному археологу Дж. Б. Вермильоли⁵ и преподавателю гре-

---

³ Цветаев И. Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Киев, 1877; Цветаев И. Итальянские надписи // Журнал Министерства народного просвещения, 1882; Цветаев И. Фалисские надписи // ЖМНП, 1883; Цветаев И. Пелигнские надписи // ЖМНП, 1885 и др.

⁴ См.: Цветаев 1883; Соснина 2001; Sosnina 2005₁, а также письма И. В. Цветаева к И. В. Помяловскому: Соснина 2005: 139–169; Sosnina 2005₂: 172–177; Соснина 2006: 267–268.

⁵ Вермильоли Джованни-Баттиста (G.-V. Vermiglioli, 1789 – 1848), историк, археолог, литератор; возглавлял кафедру археологии Перуджийского университета в 1810–1846 гг.

ческого языка А. Медзанотте⁶, которые начинали придавать своим историческим исследованиям патриотическое значение, и со временем эта тема становилась доминирующей.

Однако в семье было решено, что Ариоданте должен закончить курс естественных наук, фармацевтики и ветеринарии на медицинском факультете Болонского университета, куда он и поступил в 1839 г. И в июне 1841 г. Фабретти выходит из университета с лицензией на право заниматься ветеринарной практикой.

Университетская Болонья, город, в котором как нигде рождались и бродили в умах патриотические идеи, целиком завладел мыслями Фабретти, пробудив в нем гражданское сознание. Вернувшись в Перуджу, он отказался от перспективы ветеринарной практики, поскольку тогда уже его политические взгляды и жизненные интересы были сосредоточены в другом направлении. Неизвестно, когда и каким образом он оказался в рядах карбонариев, но сразу по возвращении домой он вступает в одну из двух перуджийских масонских лож (она называлась «Femezza» ‘стойкость’), в которой еще в конце 1838 года читал лекции по истории и философии для вновь вступивших масонов. Под руководством Вермильоли он продолжал углублять свои знания по археологии, что позднее затмило все прочие интересы, и Фабретти начал специализироваться на истории этрусков.

Со временем Фабретти вовлекается в политические процессы, предшествовавшие объединению Италии. Поначалу он вместе с другими активно приветствует избрание нового папы Пия IX в июне 1846 г. Новый папа на первых порах был окружен ореолом «либерального священника» и поначалу объявил амнистию политическим заключенным. По решению папы освобождались все политзаключенные, которые соглашались подписать «торжественную клятву»: выполнять все обязанности верноподданных папского государства. Это касалось и политических эмигрантов. Энтузиазм населения был огромен: в Риме и других городах папского государства проходили массовые демонстрации, прославляющие Пия IX. На главной площади Болоньи хор и оркестр, состоящие из двухсот певцов и двухсот музыкантов, исполнили гимн в честь нового папы, написанный специально по этому случаю знаменитым Джоакино Россини, который сам дирижировал.

Однако надежды патриотов не оправдались. 29 апреля 1848 г. в Консистории Пий IX решительно разрушил надежды всех тех, кто искренне желал, чтобы римский первосвященник встал во главе новой республики, которая могла бы объединить итальянский на-

---

⁶ Медзанотте Антонио (A. Mezzanotte), преподаватель греческого языка и литературы Перуджийского университета в 1810–1850 гг.

род. Его торжественная речь имела широкий резонанс не только в Италии, но и в Европе, и показала невозможность участия Пия IX в национально-освободительном движении.

В период 1846–1847 гг. в Италии происходили массовые народные волнения. 12 января 1848 г. на Сицилии вспыхнула революция, которая повлекла за собой введение конституций в Турине, Флоренции, Риме и Неаполе.

После бегства Пия IX из Рима, в январе 1849 г. Фабретти был избран в ходе голосования представителем Перуджи на римскую Учредительную Ассамблею, где сразу же был назначен одним из четырех ее секретарей, а также сотрудником Министерства народного образования. Падение Республики застало Фабретти в Перудже, которую он должен был немедленно покинуть, опасаясь действительной реакции, поскольку не подлежал сентябрьской амнистии. Первым делом он направился во Флоренцию, где нашел поддержку в лице Дж.-П. Вьёссё,⁷ с которым они начинают публиковать в журнале «Исторический итальянский архив» «Неизданные исторические хроники Перуджи с 1150 г. по 1563 г. на основе документов...» (два тома вошли в состав 16-го выпуска «Архива» в 1851 г.).

В начале 1850-х гг., опасаясь преследования по политическим мотивам, Фабретти вместе с женой, Филоменой Ферретти, переселяется в Турин, центр наивысших политических волнений того времени, с рекомендацией Дж.-П. Вьёссё к директору университетской библиотеки С. Гаццара, который и помог Фабретти найти средства к существованию.

В столице Пьемонта Фабретти пришлось заново налаживать жизнь: искать возможность частных уроков и сотрудничества в периодических изданиях, предлагая материалы о находках в области этрусской эпиграфики. Он получал также небольшие субсидии от Комитета помощи политэмигрантам, которые поступали из Министерства внутренних дел Сардинии. В эти годы Фабретти был

---

⁷ Вьёссё Джован-Пьетро (G. P. Vieuusseux, 1779–1863) – богатый флорентийский коммерсант и меценат. В 1819 году при поддержке А. Мадзони и Дж. Леопарди основал во Флоренции (с 1840 г. – в Палаццо Строрци) культурный центр (Кабинет Вьёссё), имевший в своей основе отдел рукописей, фундаментальную библиотеку, обширную коллекцию периодических изданий Италии, Франции, Великобритании, России по вопросам истории, литературы, географии, экономики, статистики; собрание атласов и словарей. С 1821 года издавал ряд журналов, в том числе «Archivio storico italiano» (выходит с 1842 г.). Ныне Кабинет Вьёссё является важным научно-исследовательским центром (Gabinetto scientifico letterario G. P. Vieuusseux).

идейным сторонником Мадзини и вынашивал республиканские идеи.

В Турине Фабретти становится одним из инициаторов создания Комитета помощи политэмигрантам, который поддерживало Министерство внутренних дел. Со временем значение Комитета возрастает и его переименовывают в Союз итальянской эмиграции (1851). Фабретти был его сотрудником со дня основания, затем членом правления с июня 1856 г., в последующий год – вице-президентом, и президентом – с августа 1858 г. до его упразднения в феврале 1860 года после провозглашения объединения Италии.

В Перуджу Фабретти смог вернуться лишь в октябре 1860 г. на несколько недель, и сразу же по приезде занялся подготовкой переговоров с новым правительством о реорганизации университета в Перудже. Дальнейшая жизнь Фабретти протекала между Туринем и Перуджей. В Турине у него был дом и работа, в Перудже развернулась его политическая деятельность, которую он начал в феврале 1861 г. на первых выборах в парламент нового государства. Он принадлежал к числу левых конституционалистов. В 1865 г. Фабретти был избран кандидатом на выборах от партии левых г. Перуджи, а позднее (в 1887 г.) также членом Коммунального управления в Турине. Пиком в карьере было его утверждение королевским декретом от 26 января 1889 г. в должности сенатора. Эту работу Фабретти продолжал сочетать с преподаванием в Турине.

Последние десять лет своей жизни, особенно после смерти жены (в 1885 г.) и по состоянию здоровья, Фабретти постепенно отходит от преподавания. Он обратился мыслями к своим молодым годам, к темам, увлекавшим его тогда. Фабретти оборудовал в Музее кустарную типографию и напечатал малыми тиражами для друзей и библиотек «Хроники города Перуджи» в 5 томах (1887–1894) и другие издания.

Зимой 1893–1894 гг. Фабретти тяжело заболел; не оправившись от болезни, он скоропостижно скончался 15 сентября 1894 года на своей вилле в пригороде Турина (Monteu da Po). Его прах по завещанию перевезли в Перуджу, где он и был похоронен с почестями. Незадолго до смерти, 9 февраля 1889 года, Фабретти передал родному городу свою библиотеку, насчитывающую более 4500 томов и весь свой архив, который в начале 1900-х годов был тематически систематизирован и хранится ныне в фондах Перуджийской библиотеки «Augusta»⁹.

---

⁸ Университет в Перудже был основан в 1308 г.

⁹ Библиотека «Augusta» была основана в Перудже в 1582 г. перуджийским гуманистом Просперо Подиани как частная библиотека и содержала более 10000 томов. С 1623 г. она стала открытой для публики и является одной

В становлении научной карьеры А. Фабретти значительную роль сыграл его учитель Дж. Б. Вермильоли, который способствовал тому, что в 1842 году Фабретти становится заместителем главного хранителя Коммунальной Библиотеки Перуджи. А с 1846 года поступает на кафедру археологии, где в 1848 г. утверждается штатным профессором. Одновременно в 1844–1846 гг. вместе с единомышленниками он основывает литературное приложение к газете «L'Osservatore del Trasimeno», где публикует целый ряд исторических очерков, эссе об искусстве, преимущественно по теме этрускологии. Тогда же готовит и первую публикацию в «Бюллетень» Немецкого археологического института в Риме под названием «Раскопки в Перудже: письмо к доктору Генцену» (1849) (Fabretti 1849: 49–55). В этот период Фабретти посвящает себя исследовательской работе и готовит свой первый выдающийся труд, посвященный истории своего края: «Биографии умбрийских кондотьеров в документах» (Fabretti 1842–1846); он публикует его несколькими частями в Монтепульчано с 1842 по 1846 гг. Этот труд обнаружил мастерство исследователя и ясность литературного изложения автора. Книга вышла в четырех томах, пятый содержал приложение документов.

В первые трудные годы вынужденного переселения Фабретти в Турин Дж.-П. Вьёссё продолжал публиковать его статьи в «Историческом итальянском архиве». Среди них: «Этруская надпись, найденная на территории Вольтерры» (1856), «Дж.-Б. Вермильоли, и его документы об этрусской Перудже» (1857) и др. Тогда же Фабретти задался целью собрать все известные этрусские надписи и надписи на итальянских диалектах для создания глоссария всех терминов, встречающихся в эпиграфических источниках и у древних авторов. Им был задуман колоссальный труд по систематизации обширного материала, растянувшийся на долгие годы. При скудной финансовой поддержке министра Л. Чибрарио¹⁰ этот труд начал печататься в королевской типографии в 1858 г. и мгновенно разошелся по всей Европе.

С 20 июня 1858 г. Фабретти становится ассистентом Туринского Музея античности. В течение девяти последующих лет вышли из печати несколько монументальных томов по итальянской эпиграфике: «Corpus inscriptionum Italicarum antiquioris aevi...», «Glossarium Italicum...ex Umbricis, Sabinis, Volscis, Etruscis, aliisque monumen-

---

из старейших публичных библиотек в Италии. С 1849 г. располагается в Палаццо Конестабиле (1629).

¹⁰ Чибрарио Луиджи (L. Cibrario, 1802–1870), князь, историк, политик, общественный деятель; с 1853 г. – министр финансов в правительстве К. Кавура.

tis...», (Турин, 1867), к которому следовало приложение: «Primo supplemento alla raccolta delle antichissime iscrizioni italiane», (Турин, 1872 – 1874), в 2 томах. Затем последовали: «Secondo supplemento...», (Рим, 1874) и «Terzo supplemento...», (Рим – Турин, 1878). Последний том был опубликован во Флоренции в 1880 г. издателем Ф. Гамуррини и назывался «Appendice al Corpus inscriptionum Italicarum di Ariodante Fabretti». Издание «Primo supplemento...» было переведено также на немецкий язык («Paleographische Studien von Ariodante Fabretti...», Leipzig, 1877).

22 ноября 1859 г. декретом наместника пармской провинции Л. Фарини¹¹ Фабретти был назначен профессором истории литературы и риторики университета Модены и хранителем моденской библиотеки. А вскоре, в 1860 г., он получает место доцента римской словесности и современной итальянской диалектологии в Болонском университете. Продолжая жить в Турине, Фабретти совмещал свою работу с преподаванием археологии в Туринском университете, а также был избран действительным членом Туринской Академии наук (1865).

С кафедры археологии (которой он посвятил свой очерк «Музей античности Королевского университета Турина», 1872) Фабретти переходит к заведованию магистратурой словесного факультета с 1880-го по 1883 гг. Одновременно, с 1872 г. он состоял директором Туринского Музея античности, где развернулась его основная научная деятельность, и где он подготовил целый ряд публикаций.

В 1876 г. был избран действительным членом Академии деи Линчеи, с 1877 г. являлся действительным членом Академии делла Круска. В 1883 – 1886 гг. Фабретти был президентом Туринской Академии наук, с 1886-го по 1891 г. – вице-президентом, и директором Отделения богословских наук с 1892 г. до своей кончины.

В библиотеке «Augusta» в фонде А. Фабретти сохранилось, в частности, все его обширное эпистолярное наследие, включающее письма историков и филологов: Т. Моммзена, Э. Ренана, П. Виллари, Дж.-П. Вьёссё, политических деятелей Рисорджименто: Ф. Криспи, А. Депретиса, Р. Бонги, Дж. Мациони и многих других. В их числе четыре письма профессора И. В. Цветаева.

Поводом обращения Цветаева к Фабретти послужила просьба о присылке копий с эпиграфических памятников, хранящихся в Туринском музее. Специально приехать за этим в Турин Цветаев не мог. Его годичное пребывание в Италии с научными целями закончилось, и письмо к Фабретти он адресовал уже из Бонна.

---

¹¹ Фарини Луиджи Карло (L. C. Farini, 1812–1866), историк, государственный деятель. В 1851–1852 гг. возглавлял Министерство народного просвещения в правительстве Д'Адзелио, с 1859 г. губернатор провинции Парма.

Фабретти откликнулся на просьбу молодого коллеги и выслал ему требуемые копии.

Тон первых трех писем Цветаева к Фабретти – ученический, тон начинающего исследователя, обращающегося к авторитетному маститому ученому. Это самые ранние по времени дошедшие до нас письма И. В. Цветаева. Они отражают ту степень уважения и благодарности к своим учителям, в том числе и итальянским, которые он пронесет через годы, отдавая должное людям, по чьим следам он прокладывает собственный путь в науке. Его неуверенность в своих начинаниях того периода выдает оговорка, которую он сделает в письме от 20 декабря 1875 года: «Не будьте слишком строги к этим, еще несовершенным опытам молодого человека, выросшего в стране, где решение заняться наукой – сродни авантюризму»¹².

В письмах к Фабретти Цветаев делится своими эпиграфическими удачами. Подробно об этом он расскажет в книге «Путешествие по Италии...». Например, о помпейской надписи из Дома Фавна, о которой говорится в вышеуказанном письме, он позднее напишет: «<Дж. Де Петра¹³> указал мне на такие надписи, которые, по его мнению, должны быть обследованы подробнее других, обследованы по несколько раз и при разном освещении. Ему казалось, что некоторые из красных дипинт¹⁴, находящиеся на туфовых стенах древнейшей кладки, в последнее время выступают ярче и полнее, по мере осыпания и опадания штукатурки, которою были обведены постройки в римские времена Помпей. Догадка г. Де Петры оправдалась на деле: при смачивании стен водой, при осмотре их в разные часы дня и особенно ранним утром и к вечеру, помертвевшие и выцветшие начертания стали вздыматься из-под опадающего стукка яснее, чем читали прежде как сами руководители раскопок, так и некоторые немецкие ученые, занимавшиеся этим предметом. Мало-помалу, таким образом, между прочим, был добыт нами текст целой надписи, тянувшийся на протяжении двух аршин и состоящий из нескольких строк, причем получился и совершенно другой смысл, чем полагали прежде» (Цветаев 1883: 11–12).

---

¹² Письмо И. В. Цветаева к А. Фабретти от 20 декабря 1875 г. Библиотека «Augusta», Фонд Фабретти (№ 2222), д. 2198, л. 279.

¹³ Де Петра Джулио (G. De Petra, 1841–1925) – выдающийся историк, археолог. С 1865 г. – инспектор раскопок в Помпее, с 1873 г. – ординарный профессор археологии Неаполитанского университета, в 1875 – 1900 гг. – директор Неаполитанского национального музея.

¹⁴ От *dipinto* (итал.) – надпись или рисунок краской на штукатурке (фреска).

В этом же письме Цветаев упоминает и имя капуанского антиквара-копателя Горацио Паскале из селения Курти, чья коллекция стала для него источником приобретения нескольких важных копий с итальянских надписей. Об этом мы также найдем подробности на страницах «Путешествия по Италии...»: «Г. Паскале был всегда большим счастливецом между собратами по ремеслу, оттого его дом имеет вид музея по множеству ценных предметов кампанской древности. В особенности ему счастливо было на предметы домашней утвари и расписные вазы; собрание их сделало бы честь любому первостепенному европейскому музею. Как человек богатый и одинокий, он назначает тысячные суммы каждой вещи, и потому его коллекции расходятся туго. Вазы эти принадлежат разным эпохам и стилям. Лично для нас нужны были лишь те из них, которые носят осские¹⁵ надписи (о существовании таких ваз мне было известно из археологической литературы), да еще необходим был один золотой перстень с надписью владельца-самнита. Первых уже не оказалось, и Паскале не мог припомнить, кому и когда он их продал, знает только, что купивший был иностранец... Что касается до перстня, то крайне своеобразный характер надписи заставлял меня прибегнуть к помощи какого-нибудь рисовальщика» (Цветаев 1883: 19–20).

К третьему письму к Фабретти от 4 мая 1876 года Цветаев приложил акварельную копию этрусской надписи на терракотовой урне, выполненную неизвестным копиистом-рисовальщиком в Риме. Эта копия – редкий ныне документ, возможно, единственный дошедший до нас документ такого рода из всех, которыми пользовался Цветаев в своей работе. Поскольку такой материал, вероятно, не сохранялся после использования его по назначению, то есть после прочтения и опубликования. Таким образом, до нас не дошли многочисленные бумажные и фотографические копии, привозимые Цветаевым из итальянских научных командировок. В «Путешествии по Италии...» Цветаев упомянул торговца Сантелли, у которого он скопировал этрусскую надпись. Говоря о неудачной поездке в город Фермо (провинция Анкона) в поисках раритетов частной коллекции, Цветаев пишет: «Богатый музей наследниками, как людьми чуждыми науке, был распродан по частям в разные руки. Последнюю по времени была продана коллекция терракот, между которыми были и вещи самнитского происхождения. Покупателем оказался один из римских антиквариетов-купцов г. Сантелли» (Цветаев 1883: 112).

---

¹⁵ Написание, принятое в отечественном антиковедении в конце XIX века (совр. осские).

Ответные два письма Фабретти к Цветаеву хранятся в Отделе рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина. Они относятся к декабрю 1879 г. и маю 1885 г. Первое из указанных писем А. Фабретти посылает Цветаеву как благодарный отклик на присланные ему два тома Цветаева «Сборника осских надписей...» в переводе на латинский язык (1878). «Эти исследования, в которые Вы так углубились, – пишет Фабретти, – лингвистические изыскания, полученные при горячей поддержке <итальянских коллег>, не могли не обрадовать меня тем, что и среди Ваших соотечественников вырастает, таким образом, понимание важности знакомства с древними говорами Италии»¹⁶.

Спустя несколько лет, в апреле 1885 года, Цветаев сопроводит письмом присылку Фабретти своей новой книги по итальянской эпиграфике. Это письмо подпишет уже «профессор Московского университета», и тон письма будет другим – от равного к равному, однако, в обращении к Фабретти он поставит не только: «Глубокоуважаемый профессор», но и: «мой дорогой учитель».

Работы И. В. Цветаева по итальянской диалектологии были по достоинству оценены его итальянским коллегой А. Фабретти. На присылку нового издания Фабретти откликнулся незамедлительно: «От всей души благодарю Вас за дар, к которому прикасаюсь с трепетом, как и к другим Вашим книгам, которые уже украшают мое домашнее научное собрание»¹⁷.

Ныне эти книги Цветаева хранятся в Перуджийской библиотеке «Augusta» в составе фонда Ариоданте Фабретти.

Позднее, в 1902 году, коллега и друг Цветаева В. И. Модестов писал о нем и о его эпиграфических книгах: «Ученое значение его измеряется трудами, имеющими вполне европейское значение. Трудов этих русская публика совершенно не знает, даже не подозревает об их существовании, но их знает весь ученый филологический мир и знает как труды основные в этой области, к которой они относятся. Не появляется ни одной книги, ни одной статьи в Европе и Америке по итальянской диалектологии, где бы не было, и притом обыкновенно на первом месте, указания на сборники надписей древних наречий средней и нижней Италии, сделанные Цветаевым. Составление этих сборников, где в первый раз представлен необыкновенно ценный материал итальянских наречий, стоило автору труда огромного и самоотверженного. <...> в среде европейских филологов ни одно имя из имен русских

---

¹⁶ Письмо А. Фабретти к И. В. Цветаеву от 27 декабря 1879 г. ОР ГМИИ им. А. С. Пушкина, ф. 6, оп. I, д. 4326.

¹⁷ Письмо А. Фабретти к И. В. Цветаеву от 22 мая 1885 г. ОР ГМИИ им. А. С. Пушкина, ф. 6, оп. I, д. 4327.

специалистов не известно так широко и так почетно, как имя Цветаева, ни одно так часто не упоминается в ссылках, как его имя. Живя последние годы больше за границей, чем в России, я встречал там и сям ценителей трудов Цветаева, и о нем чаще всего заходила речь, когда дело шло о русских специалистах по изучению древнего мира» (Модестов 1902).

ПЕРЕПИСКА И. В. ЦВЕТАЕВА С А. ФАБРЕТТИ (1875–1885 гг.)

1

И. В. Цветаев – А. Фабретти

Бонн, 18 ноября 1875 г.

Глубокоуважаемый профессор,

Имея любезное обещание господина Антонио Бертолотти¹⁸, государственного архивариуса, рекомендовать меня Вашей милости – честь, которой я желал от всего сердца, – осмеливаюсь писать Вам об одной вещи, которая для меня крайне важна. Составляя на русском языке первый сборник осских надписей с очерком грамматики, с грамматическими и историческими пояснениями, а также с глоссарием и приложением таблиц с копиями надписей, я совершил поездку по южным провинциям Италии и на Сицилию, и теперь имею на руках весь материал, какой только известен в Италии. Не достаёт только копий с надписей Туринского Музея, опубликованных Вами в «*Atti e Memorie della deputazione di storia patria per le province di Romagna*», вып. III, страница 155 и следующие. Не имея возможности посетить Турин на моем возвращении в Германию, в настоящее время прошу оказать мне любезность – выслать, если это возможно, кальки этих надписей, а также и копию из Вашей публикации, которую я не смог найти в печатном виде в Риме и Неаполе. Со своей стороны, осмелюсь предложить Вам в качестве компенсации одну рисованную надпись из Помпеи, которая до сих пор не была прочитана должным образом, как сказал мне мой друг и сподвижник Джулио Де Петра.

Прочтение доктора Р. Шона, в том виде, как оно дано в публикации Корссена (*Ephem. Epigr.*¹⁹ III, p. 173, h. 31), позднее в

---

¹⁸ Бертолотти Антонио (A. Bertolotti, 1834 – 1893), историограф, директор Государственного архива в Мантуе. Преподавал палеографию в Римском университете.

¹⁹ *Ephemeris Epigrafica, Corporis Inscriptionum Latinarum Supplementum*, Berlin. (Приложение к «Корпусу латинских надписей», издается в Берлине с 1872 г.)

более аккуратной и полной публикации профессора Джулио Де Петра, и теперь читается в две строки, как и идентичные этой надписи три других в рельефном виде (Fabretti CLLT №№ 2795 – 2796; Corsen Ephem. Epigr. II, p. 172, № 30). В пробел в первой строке напрашивается вот это: [далее следует оскская надпись, которую невозможно воспроизвести шрифтом. – Е. С.] и тогда перевод всего текста должен бы быть следующим:

Noc Ambitu (Vitae extracta)
eunt ante aedificius
Maii Castricieii* et   *или Castricieii?
Marae Spurnii Lucii fil.
ubi habitat*
Vibius Sehius... Vibii fil (?)

*Каким новое прочтение слова представляет Дж. Фиорелли²⁰ (Помпейская надпись. Неаполь, 1875). Саму надпись никому не показывают из соображения предосторожности.

Фотография хорошего качества сделана мною в сентябре прошлого года. Длина строк: 1 – 0, 96; 2 – 0, 98; 3 – 0, 98; 4 – 0, 74 + 0, 006; 5 – 0, 64; 6 – 0, 86. Высота букв в оригинале: от 0, 2 до 0, 07.

Извините, профессор, дерзость моей просьбы и этих досужих рассуждений, которые я позволил себе из чувства глубокого доверия к Вам, которое идет от самого сердца, нижеподписавшийся

Ваш покорный слуга
Иван Цветаев,
профессор Варшавского университета.

Мой адрес: Бонн, Венцель-Гассе, № 31.

P. S.: С Вашего разрешения я мог бы представить Вам и некоторые другие помпейские надписи, которые не были до сих пор опубликованы. Простите, профессор, мое недостаточно хорошее владение языком.

2

И. В. Цветаев – А. Фабретти

Бонн, 20 декабря 1875 г.

Глубокоуважаемый профессор,

Сердечно благодарю Вас за копии-факсимиле, которыми Вы осыпали меня. В ответ я очень хочу поделиться несколькими фотографиями оских надписей, которые я снял в июне – октябре

---

²⁰ Фиорелли Джузеппе (G. Fiorelli, 1823–1896), выдающийся итальянский археолог, инспектор раскопок в Помпее, директор Неаполитанского национального музея в 1863–1875 гг., с 1875 г. – генеральный директор Управления по делам музеев и археологических раскопок в Италии.

уходящего года. Не будьте слишком строги к этим, еще не совершенным опытам молодого человека, выросшего в стране, где решение заняться наукой – сродни авантюризму.

Надписи, которые я рад представить Вам, не то, чтобы были опубликованы с ошибками, но они не так тщательно выверены, как надписи Кампанского Музея. Например, не полностью воспроизведена фраза, рисованная красной краской на первом угловом камне (слева от входа) в Доме Фавна, скопированная в первый раз Р. Шоном, и потом опубликованная Корссеном. Мне посчастливилось увидеть истину после реставрации этой надписи. Она уже ранее была прочитана опытным филологом, к сожалению, недавно умершим, так преждевременно. Возможность увидеть и скопировать эту надпись так четко, как это теперь выглядит на фотографии, должно быть, мне удалось потому, что я начал читать ее после сильного ливня.

Накануне моего отъезда любезный директор Де Петра ошастливил меня копией фрагмента надписи, открытой 25 октября в Помпее, форму которой, без сомнения, Вы уже узнали. Я получил также от почтенного Габриэле Яннелли²¹, хранителя Кампанского Музея, точную копию фрагмента надписи, полученной от Паскале из Курти осенью уходящего года.

Если Вы до сих пор не получили факсимиле осской надписи, которая читается на метательном снаряде, находящемся в Музее древностей в Бонне, с радостью вышлю Вам ее.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и заверить в искреннем и глубоком уважении

преданного Вам И. Цветаева.

3

И. В. Цветаев – А. Фабретти

Мюнхен, 4 мая 1876 г.

Глубокоуважаемый профессор,

После долгой болезни глаз осмеливаюсь снова писать Вам и представить копию этрусской надписи, которую я нашел на маленькой терракотовой урне у торговца Сантелли в Риме в октябре прошлого года. Владелец мне говорил, что эта вещь была найдена им на земле сабинов вместе с другими древними предметами.

---

²¹ Яннелли Габриэле (G. Iannelli, 1825–1895), священнослужитель г. Капуя, историк, инициатор создания и первый директор (1870–1895) муниципального археологического музея (Museo Campano), секретарь местной государственной «Комиссии по охране памятников древности» и редактор печатного органа этой комиссии.

Примите, дорогой профессор, эту маленькую вещь как дань глубокого уважения, которое молодой русский человек питает к Вам. Три или четыре месяца назад я посылал Вам несколько фотографий осских надписей из Молизе, Капуи и Помпеи, к сожалению, этот маленький пакет я отправил не заказной почтой, поэтому не знаю, получили Вы его или нет.

С глубоким уважением
остаюсь Ваш покорный слуга
Иван Цветаев.

Мюнхен, Барерштрассе, № 38 а/3.

<Автограф на копии (акварель) этрусской надписи: «Достопочтенному профессору Ариоданте Фабретти в знак глубокого уважения от Ивана Цветаева. Мюнхен, 4 мая 1876.»

4

А. Фабретти – И. В. Цветаеву

Рим, 27 декабря 1879 г.²²

Многоуважаемый милостивый государь,
Сознаю, что я неаккуратно отвечал на Ваши постоянные любезные обращения, с присылкой мне двух Ваших работ²³ в области древних языков южной Италии. Эти исследования, в которые Вы так углубились, лингвистические изыскания, полученные при горячей поддержке <итальянских коллег>, не могли не обрадовать меня тем, что и среди Ваших соотечественников вырастает, таким образом, понимание важности знакомства с древними говорами Италии.

Ответить Вам тысячей благодарностей было бы недостаточно: к ним я добавлю, что считаю драгоценным украшением своей библиотеки два Ваших тома. Но я прошу у Вас снисхождения за мою нерасторопность и частые длительные опоздания с ответом. Я почти целый год был болен, и лишь недавно мог приступить к своим научным занятиям, чередующимся с общественными, которые заставляют меня заседать в Палате депутатов Парламента.

Надеюсь, что Вы не лишите меня своего расположения, которого я, вероятно, все-таки достоин и сохраните уважение к Вашему другу. С моим ближайшим возвращением в Турин вышлю Вашей

---

²² Письмо на бланке Палаты депутатов: Camera dei Deputati.

²³ Zvetaieff I. Sylloge inscriptionum oscarum. Pars I–II. Petropoli–Lipsiae, 1878.

милости мой третий выпуск «Корпуса» античных надписей²⁴, опубликованный недавно; к этой книге я постараюсь добавить одну или две брошюры. А пока что примите признание и мое искреннее одобрение Ваших достойнейших филологических трудов и уверенность в глубоком уважении и сердечной благодарности.

С совершенным почтением
к Вашей милости

Ариоданте Фабретти.

5

И. В. Цветаев – А. Фабретти

<Москва>, 21 апреля 1885 г.

Глубокоуважаемый профессор и мой дорогой учитель,
На днях Вы получите из Лейпцига мои «Inscriptiones Italiae Mediae dialecticae», прошу принять эту книгу благосклонно в знак моей глубочайшей признательности Вам за неизменную поддержку Вашей милости, и всем ученым Италии. Буду очень счастлив, если этот вклад станет желанным подарком для Вас и Вы рекомендуете его членам Туринской Академии.

Преданный и весьма признательный

Иван Цветаев,

профессор Московского университета.

6

А. Фабретти – И. В. Цветаеву

Турин, 22 мая 1885 г.²⁵

Многоуважаемый профессор,
Ваше долгожданное письмо от 21 числа предыдущего месяца пришло несколько дней спустя после Вашей новой важной публикации по италийской эпиграфике. К существенным заслугам Вашей книги добавлено прекрасное типографское исполнение!

От всей души благодарю Вас за дар, к которому прикасаюсь с трепетом, как и к другим Вашим книгам, которые уже украшают мое домашнее научное собрание. Ваш труд будет непременно отмечен в нашей газете, как только я объявлю о нем на ближайшем заседании Академии.

---

²⁴ Fabretti A. Terzo supplemento alla raccolta delle antichissime iscrizioni italiane. Torino, 1878.

²⁵ Письмо на бланке Туринской Академии наук: Reale Accademia delle scienze di Torino / Presidenza.

Уже давно я распрощался с этрусской эпиграфикой и в этом году занимаюсь средневековой историей, о чем сделал несколько докладов в Академии.

Надеюсь на Ваше дальнейшее расположение, уважаемый профессор, и остаюсь всегда Ваш

преданный и весьма признательный
Ариоданте Фабретти.

Литература

- Модестов 1902 – Модестов В. Профессора и студенты в Греции и Римской империи // Петербургские ведомости, 27 февраля.
- Соснина 2001 – Соснина Е. Б. Итальянские версты Ивана Цветаева. Иваново: ИД «Референт».
- Соснина 2005 – Соснина Е. Б. Музы Трехпрудного переулка. М.: Дом-музей Марины Цветаевой; Иваново: ИД «Референт». С. 139–169;
- Соснина 2006 – Соснина Е. Б. «Пелигнские надписи»: Из истории эпиграфических штудий профессора И. В. Цветаева // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции (19–21 июня 2006 г.). СПб.: Наука.
- Цветаев 1883 – Цветаев И. В. Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. М.
- Cottini 1985 – Cottini Orsini G. A. Fabretti e i suoi tempi. Roma,.
- Sosnina 2005₁ – Sosnina E. B. Le verste italiane di Ivan Cvetaev. Saggio biografico. Trad. dal russo di Piero Cazzola. Torino: CIRVI.
- Sosnina 2005₂ – Sosnina E. Ivan V. Cvetaev e Giosue Carducci (Storia di un incontro) // Slavia, , №2 (aprile-giugno), pp. 172 – 177;
- Fabretti 1842–1846 – Fabretti A. Biografie dei capitani venturieri dell'Umbria, scritte ed illustrate con documenti. Montepulciano.
- Fabretti 1849 – Fabretti A. Scavi di Perugia – Lettera al dott. Henzen // Bullettino dell' Instituto di Corrispondenza archeologica. P. 49–55.
- Fagioli 1993 – Fagioli Vercellone G. Fabretti Ariodante // Dizionario biografico degli Italiani. Vol. 43. Roma. P. 731–736.
- Furiozzi 1979 – Furiozzi G. B. L' emigrazione politica in Piemonte nel decennio preunitario. Firenze.

А. А. СМИРНОВ ОБ «ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» И. М. ТРОНСКОГО

Как известно, в качестве докторской диссертации И. М. Тронский защитил в Ленинградском университете рукопись своей книги «История античной литературы», которая увидела свет после войны и затем несколько раз переиздавалась¹. Оппонентами на диспуте, состоявшемся 11 ноября 1941 г. в уже осажденном городе, были академик С. А. Жебелев, член-корреспондент АН СССР И. И. Толстой и профессор А. А. Смирнов. Если имена двух крупнейших филологов-классиков в этой связи вполне естественны (ср.: Толстой 1947: 121–123), то имя филолога-западника Смирнова в данном контексте может показаться неожиданным, если не принять во внимание некоторые обстоятельства.

Из всех филологов-классиков своего поколения И. М. Тронский, вероятно, был наиболее тесно связан с общим литературоведением, причем ориентирами и научными партнерами его в этой области были ученые очень высокого класса. Так, в 1927 г. Л. Я. Гинзбург, – ее знакомство с И. М. и М. Л. Тронскими завязалось, по-видимому, еще в их молодые годы в Одессе – записала: «На днях разговор с Иос. М. Тронским, который как-то окончательно утвердил мои мысли последнего времени: нужна литературная социология» (Гинзбург 2002: 31). Особенно важна для Тронского была дружеская и идейная близость с В. М. Жирмунским. Не позднее начала 1930-х гг. сложился тесный дружеский кружок, в который входили В. М. Жирмунский, Г. А. Гуковский, И. М. Тронский и М. К. Азадовский. Объединяла этих выдающихся филологов прежде всего близость исследовательских интересов и направление научной мысли.

Их подход к литературе в 1930-40-е гг. можно описать в таких терминах, как постформализм, историзм, умеренный социологизм².

---

¹ Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1946. Допечатка: Л., 1947. 2-е издание книги вышло в 1951 г., 3-е – в 1957 г. Посмертно вышли еще три издания книги И. М. Тронского, подготовленные В. Н. Ярхо и Н. А. Чистяковой: 4-е – М., 1983; 5-е – М., 1988; 6-е – М., 2005.

² Ср. в гораздо более позднем письме И. М. Тронского к В. Н. Ярхо (от 7 апреля 1965 г.): «В Ленинградском отделении Института [языкознания] есть традиция противопоставить столичной

Особое значение филологи этого круга придавали понятию литературного процесса и так называемой теории стадиальности. «Учитывая стадиальность исторического (в частности, литературного) развития, мы должны констатировать сходство между идеологиями, принадлежащими к одинаковой стадии общественного развития и одинаковыми по своему классовому происхождению, независимо от наличия или отсутствия между ними непосредственного соприкосновения и взаимного влияния», – утверждал Жирмунский (Жирмунский 1936: 389). «Мы можем проследить здесь последовательную смену аналогичных стадий развития поэзии на сходных ступенях общественно-исторического процесса», – читаем в другой его статье (Жирмунский 1979: 66). «Советское литературоведение может противопоставить идее цикличности идею стадиальности развития», – писал тогда же И. М. Тронский, базируя эту теорию на марксистском понимании исторического процесса, взглядах А. Н. Веселовского и некоторых идеях Н. Я. Марра (Тронский 1946: 125–126)³.

Интересен в этой связи эпистолярный отзыв И. М. Тронского о посмертно изданной в 1942 г. «Истории римской литературы» акад. М. М. Покровского (1869–1942). 6 июня 1943 г. он писал из Саратова М. К. Азадовскому: «Ты пишешь мне о Покровском. Книга его неизмеримо выше Радцига, почти (как ни странно только «почти») свободна от lapsus'ов фактического характера и всюду основана на собственном знании материала, а не только чужих книг, во многих случаях и на собственных исследованиях (правда, опубликованных, нового для данной книги по-видимому не делалось); а рядом с этим ужасающая методологическая и эстетическая убогость, ни малейшего представления о том, что существует нечто, именуемое литературным процессом, (не говоря уже о понимании этого процесса!), неумение уловить своеобразие римской литературы и оценка ее с позиций поколения, “воспитавшегося” на Апухтиных и Фофановых»⁴.

Несомненно, что «История античной литературы» И. М. Тронского в теоретическом отношении основывалась на концепции стадиальности. Стадии литературного процесса, будучи социально-исторически обусловлены, различаются, по его мнению, «способом освоения действительности в связи с развитием мышления по

структуральной моде некий социологический аспект». Цит. по: Ярхо 1998: 8.

³ Г. А. Гуковский развивал гораздо более историсофски заостренный (в духе гегельянства и марксистского «финализма») вариант теории стадиальности. Ср.: Гуковский 2002: 106–131.

⁴ РГБ. Ф. 542. К. 71. Д. 42. Л. 5–6.

содержанию и по структуре», что выражалось «в самых разнообразных стилевых формах, характерных для античной литературы, в литературной трактовке пространства и времени, природы и общества» (Тронский 1946: 133–137).

Долгое время книга И. М. Тронского была единственным на русском языке общим курсом античной литературы, который не только вышел из-под пера крупного ученого и основывался на самостоятельных разысканиях, но и теоретически был очень продуман и выражал определенное, заслуживающее серьезного внимания историко-литературное мировоззрение. Лишь появление в 1970–1990-х гг. трудов М. Л. Гаспарова, дающих в своей совокупности почти полную историю греческой и римской литературы, изменило эту ситуацию.

Выдающийся филолог-романист, кельтолог и шекспировед Александр Александрович Смирнов (1883–1962)⁵ не разрабатывал теорию стадильности и из литературоведов, окружавших в 1930–1940-е гг. В. М. Жирмунского, лично был близок только с ним самим (дружба их была очень давней и крепкой, она доходила еще к дореволюционным временам и продолжалась всю жизнь). В целом Смирнов разделял теоретические позиции Жирмунского, хотя и не был особенно склонен к построению широких концепций. Отличительными чертами его работ были историзм и тонкое чувство формы.

Ученик А. Н. Веселовского, Ж. Бедье, А. д'Арбуа де Жюбенвиля и других крупнейших ученых, А. А. Смирнов владел большинством романских, германских и кельтских языков и был одним из самых образованных русских филологов. Окончив в 1901 г. с золотой медалью 7-ю петербургскую классическую гимназию, он с юности хорошо знал также латинский и древнегреческий языки, а в Петербургском университете слушал лекции Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева. В Париже, где Смирнов провел большую часть 1905–1913 гг., занимаясь в Сорбонне и Школе хартий, он углубил свои познания в народной и средневековой латыни и при случае давал уроки греческого языка. В своих работах Смирнов не раз касался проблем, связанных с античной литературой, хотя и не занимался ею специально. В течение многих лет А. А. Смирнов читал в Ленинградском университете лекции по истории западноевропейской литературы Средневековья и Возрождения и был одним из основных авторов соответствующего печатного курса, подготовленного к печати накануне войны и опубликованного после

---

⁵ См. о нем: Жирмунский 1963: 78–81. Переизд. в кн.: Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур. Л., 1981. С. 280–286; Плавский 1969: 283–293.

нее, практически одновременно с курсом И. М. Тронского, который он хронологически продолжал (Алексеев, Жирмунский, Мокульский, Смирнов: 1947). А. А. Смирнов имел, таким образом, все данные, чтобы оценить труд И. М. Тронского с позиций филолога-западника. Отзыв его, как нам кажется, представляет несомненный интерес с точки зрения истории филологической науки.

Отзыв А. А. Смирнова печатается по автографу – РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 84. Л. 53–59. В комментариях мы сочли небезинтересным привести некоторые места из черновых набросков Смирнова, не вошедших в окончательный текст отзыва. (Там же. Л. 60–67). А. А. Смирнов ссылается всюду на машинопись работы И. М. Тронского. В необходимых случаях мы отсылаем к соответствующим местам ее первого издания⁶.

* * *

ОТЗЫВ О ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ И. М. ТРОНСКОГО
«ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Работа И. М. Тронского представляет собой весьма ценный труд, основанный на глубоком изучении первоисточников и всестороннем использовании огромной научной литературы. Все узловые вопросы истории греческой и римской литературы пересмотрены автором заново, и в очень многих случаях это привело его либо к новым, весьма интересным выводам и наблюдениям, либо к уточнению результатов прежних исследований. Еще существеннее то, что выводы по отдельным пунктам и проблемам сведены И. М. Тронским в единое целое, образуя законченную концепцию процесса развития античной литературы на базе общего исторического развития античного общества. Два варианта литературного развития в условиях формирующегося, расцветшего и затем изживающего себя рабовладельческого строя, древнегреческий и древнеримский, рассматриваются И. М. Тронским в тесной взаимной связи, определяемой отчасти параллелизмом развития, отчасти огромным влиянием, которое старейшая из двух литератур, греческая, оказала на римскую. Вместе с тем И. М. Тронский включает античную литературу в общеевропейский литературный процесс, отмечая как черты внутренне общие литературе античной и западноевропейской (с полным учетом, конечно, специфики той и

---

⁶ А. А. Смирнову принадлежит также датированный 19 января 1948 г. трехстраничный отзыв на 1-е издание «Истории античной литературы» И. М. Тронского – ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 98. Этот отзыв, написанный в связи с выдвижением книги на премию Ленинградского университета, представляет собой сокращенный вариант отзыва 1941 г.

другой), так и важнейшие случаи воздействия античных образцов на западноевропейские литературные течения или на отдельных западноевропейских авторов.

При огромном охвате работы И. М. Тронского можно удивляться искусству, с которым он уместил на сравнительно небольшом пространстве своей книги такое количество первоклассного материала, умело отобранного и освещенного ярко и разносторонне⁷. Следует отметить, что, сосредоточившись в первую очередь на моментах идеологического порядка, И. М. Тронский уделяет в то же время достаточно внимания анализу поэтики, стиля, художественной формы рассматриваемых произведений.

К числу наиболее удачных мест в работе, содержащих в большинстве случаев нечто принципиально новое, относятся: очень точный и яркий анализ «гомеровского» искусства (стр. 95 слл.); раскрытие степени и формы проявления личности в греческой лирике VII–VI вв. (стр. 140 слл.); очень тонкая характеристика Эсхила, ограничивающая традиционное представление о его «аристократизме» и показывающая его связь с афинской демократией и прогрессивность его идей, глубокую человечность его и свободолюбие – словом, все то, что делает Эсхила одним из величайших трагических поэтов⁸; отлично разработанный раздел эллинистической литературы и греческой литературы периода римского владычества – например, экскурс о происхождении и развитии буколки (стр. 437–439); очень полная и свежая характеристика позднегреческого романа (стр. 509 слл.) и т.д.; характеристика Цицерона как синтеза римской и греческой культуры (стр. 645 слл.)⁹; раскрытие связи между научно-философской и поэтической стихией поэмы Лукреция (стр. 681 слл.); глубоко содержательные и свежие характеристики творчества Вергилия, Горация, римских элегиков и т.д.

Те критические замечания, которая я хотел бы сделать по поводу новой работы И. М. Тронского, представляют собой не столько возражения по существу против основных его положений, сколько попытку внести в них некоторые добавления или коррективы.

---

⁷ Ср. в черновых набросках: «Замечательно по искусству отбора и организации материала». (РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 84. Л. 66).

⁸ Ср. в черновых набросках: «Эсхил. Отлично дана тонкая характеристика. Уточнено и правильно ослаблено традиционное шаблонное о его «аристократизме» и показана связь с афинской демократией. Соотношение судьбы (рока) и свободной человеческой личности. Люди не слепые игрушки рока. Характер патриотизма Эсхила и т. п. Словом, освобожден от схематизма и показано, чем он – один из величайших трагиков мира». (Там же. Л. 62).

⁹ Ср. в черновых набросках: «Орtime: Цицерон как синтез римской и греческой культуры». (Там же. Л. 63 об).

Прежде всего, отмечу, что наряду со строго историческим подходом к явлениям, который господствует в работе И. М. Тронского, в ней все же встречаются изредка остатки нормативных оценок, являющейся не до конца преодоленным наследием традиций старой европейской и русской классической филологии. Вот несколько примеров. Автор находит, что «стремление к концентрации действия приводит иногда (автора «Илиады») к несообразностям. Так сцены 3-й книги «Илиады» (единоборство Париса с Менелаем, смотр со стены) были бы гораздо уместнее в начале осады Трои, чем на 10-й год войны, к которому приурочено действие «Илиады»» (стр. 93)¹⁰. Установившаяся в новое время логика художественного повествования не властна над приемами древнего эпического творчества. По той же причине едва ли правильно видеть большее совершенство «Одиссеи» (по сравнению с «Илиадой») в том, что роль главного героя «выдвинута в ней резче» (стр. 72–73)¹¹. Нарушение исторического принципа можно обнаружить также в замечаниях автора о сохранении «исторической перспективы» и «архаизации» в «Илиаде» (Стр. 75 и 77)¹². Правильнее, мне думается, было бы здесь говорить об архаизме, о бессознательных пережитках глубокой старины, примеры чему мы находим нередко в эпосе западно-европейских народов (например, в «Песни о Роланде» говорится об «императоре» и о «франках», в чем никак нельзя усмотреть «ученую реконструкцию» редактора поэмы). Неправильно также видеть «небрежности» у Плавта в его повторах, сценах, не подвигающих действия вперед и т. п. Такова поэтика Плавта, его драматическая система, общая система едва ли не всякого народного театра. Лучше поэтому не говорить, что Плавт отстывает от «строгой архитектоники» в построении своих пьес, ибо такая архитектоника противоречит его искусству¹³.

Перехожу к замечаниям, касающимся вопроса о генезисе и развитии литературных жанров. Превосходно освещены фольклорные корни древнегреческой литературы. Однако изложение еще выиграло бы в широте, если бы в него были введены хотя бы в форме гипотезы основные положения теории первобытного синкретизма А. Н. Веселовского. В этом случае на первый план выступило бы синкретическое обрядовое действие, являющееся согласно этой теории, основным источником форм поэтического творчества, тогда

---

¹⁰ В печатном издании «Истории античной литературы» (далее: ИАЛ) С. 50–51) Тронский говорит не о «несообразностях», а о «невыверженности ситуаций».

¹¹ Ср.: ИАЛ: 40–41

¹² Ср.: ИАЛ: 53–54.

¹³ По-видимому Тронский учел это замечание Смирнова. Ср.: ИАЛ: 304.

как в изложении И. М. Тронского эта роль едва ли основательно отводится «рабочей» (или «трудовой») песне – источнику, повидимому вторичному и вспомогательному¹⁴.

В разделе о героическом эпосе недостаточно подчеркнута возможность существования других древних поэм, кроме «гомеровских», т. е. поэм, посвященных другим группам сказаний. Если киклические поэмы получили свою окончательную форму поздно и под влиянием «гомеровских» поэм (стр. 134 слл.), это не исключает того, что песенно-эпический материал их мог и должен был быть столь же древним, как и материал «гомеровских» поэм. Исчезновение этих других песен и поэм – факт несколько не удивительный. Очень важные параллели может дать в этом отношении история французского, или немецкого, или испанского героического эпоса. Без учета этого момента получается обуженная картина греческого эпоса, в которой гомеровские поэмы занимают слишком исключительное положение. С другой стороны, проблема особенности формы гомеровских поэм – «обширное действие в рамках короткого эпизода» (стр. 92) – находящей очень мало аналогий в мировом эпосе, лишь поставлена автором, но никак им не разрешена.

Очень правильно указание, что зарождение греческой художественной прозы определяется социальными причинами (стр. 181–182)¹⁵. Однако эти последние недостаточно раскрыты. Ссылка на «рост критической и научной мысли» еще не объясняет всего. Аналогии с происхождением средневековой художественной прозы в XIII в. наводят на мысль о значении развития городского ремесла и торговли, рост производственной техники, несший с собой новую идеологию, в частности, известный рационализм и «прозаизм» мышления. Безусловно «городским» жанром является новелла, которой вообще автором уделено слишком мало внимания. Отсутствие древних образцов ее, так же как это наблюдается и в отношении эпоса, ничего не доказывает. Развлекательно-назидательные повестушки были без сомнения жанром искони весьма распространенным в народе, но лишь в условиях развитой городской жизни они получили новое литературное оформление и проникли в письменность. Включение этих соображений, хотя бы в форме гипотезы, без сомнения расширило бы перспективу в смысле более целостного охвата античной литературы.

По вопросу о причинах расцвета греческой драмы в V в. можно было бы, как мне кажется, учесть соображения А. Веселовского, считающего, кроме развития личности, вторым необходимым усло-

---

¹⁴ Тронский принял это замечание. Ср.: ИАЛ: 18.

¹⁵ Ср.: ИАЛ: 94–95.

вием для этого «громкие народно-исторические события» (в данном случае Греко-персидские войны)¹⁶.

Как уже было сказано, хорошо разработан И. М. Тронским вопрос о влияниях – греческой литературы на римскую и античной литературы на западноевропейские. Прежде всего, большое сочувствие вызывает критический, вполне марксистский подход к самому понятию «влияние». Автор во всех важнейших случаях раскрывает, почему именно то или иное литературное явление могло оказать влияние, и как заимствованное преобразовалось в новых условиях. Например, хорошо объяснено, почему европейскому Ренессансу была ближе латинская литература, чем греческая (стр. 542–543). Впрочем, отмечу тут же небольшую неточность: нельзя говорить, что на европейскую литературу до XVIII в. влияла только литература римская: Рабле, Ронсар, Полициано, Расин и другие многим обязаны грекам. Равным образом, очень тонко раскрыто отношение Плавта к греческой комедии (стр. 591 и 595–597), Энния к Гомеру и Еврипиду (стр. 601) и т. д.

В двух-трех местах, однако, по вопросу о влиянии античной литературы на западноевропейскую допущена нечеткость. Недооценено античное влияние на средневековую литературу, лишь по глубине, но не по обширности, уступающее влиянию античности на Ренессанс. Непонятно в этой связи выражение, что влияние это обнаруживается «даже» в церковной литературе Средних веков (стр. 3): ведь «церковная» (лучше сказать «клерикальная») литература Средних веков была главнейшим проводником влияний античности, хотя бы в очень узком понимании¹⁷. Неясна, с другой стороны, фраза: «В античности возникли и от нее ведут свое начало жанры, подвергавшиеся впоследствии значительным трансформациям» (стр. 3)¹⁸: Ни эпос, ни роман и новелла, ни драма, ни лирика на европейской почве не «возникли» из античных образцов. Наконец, разные линии развития европейского романа смешаны на стр. 533¹⁹.

Желательно было бы также в том, что касается влияний античной литературы на западноевропейскую сделать несколько добавлений:

---

¹⁶ В черновых набросках содержатся следующие замечания Смирнова, не вошедшие в окончательный текст: «Мало о стиле Аристофана – например, соединение в языке тонкой литературности и народности. Ср. насколько подробно о Плавте» (РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 84. Л. 61). «Почему не сказано об Овидии (к которому автор строг и, может быть, чрезмерно!), про его культ чувственности, технику оболъщения, что отличает его резко от других элегиков?» (Там же. Л. 61).

¹⁷ Замечание Тронским было принято. Ср. ИАЛ: 4.

¹⁸ Ср.: ИАЛ: 4.

¹⁹ Ср.: ИАЛ: 268.

упомянуть о юношеском переводе Мольера поэмы Лукреция (интересном в связи с сильным влиянием на Мольера эпикуреизма), отметить влияние Лукиана, кроме Эразма Роттердамского, Рабле, Гуттена и Свифта, также на крупнейшего французского гуманиста XVI в. Десперье («Кимвал мира») и, пожалуй, на А. Франса, прибавить в списке позднейших обработок темы Прометея к упомянутым там произведениям Гете, Байрона и Шелли еще некоторые другие, например, поэмы Мильтона, Леопарди и стихотворение Огарева «Прометей», в которое он вложил протест против тирании Николая I. По поводу влияния Плутарха на европейскую литературу XVI–XVIII вв. правильно отмечено, что к нему привлекал заключенный в его произведениях «гуманный морализм, враждебный аскетизму», а в эпоху Французской революции в нем видели «воплощение республиканских добродетелей» (стр. 486). Но к этому следовало бы добавить, что еще с XVI в. Плутарх был учителем гражданской доблести, любви к родине, гуманизма²⁰.

Все эти замечания и ряд еще других, которые можно было бы сделать по поводу мелких частных работ, не могут повлиять на общую оценку труда И. М. Тронского, который, будучи вполне оригинальным первым целостным и обобщающим, подлинно марксистским обзором античной литературы, намного превосходит предшествующие опыты в этом направлении, делавшиеся в советской науке (книги П. Когана, Дератани, Радцига²¹), и представляет собой чрезвычайно ценный вклад науку об античности. Считаю, что работа эта вполне заслуживает присуждения степени доктора филологических наук.

Профессор Ленинградского гос. университета
доктор филологических наук
А. А. Смирнов

6. XI. 1941

---

²⁰ Ср.: ИАЛ: 353, 256, 124, 245.

²¹ Имеются в виду учебные книги: Коган 1907 (до 1937 г. книга выдержала 7 изданий); Дератани 1936; Радциг 1940.

Литература

- Алексеев, Жирмунский, Мокульский, Смирнов 1947 – Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульский С. С., Смирнов А. А. История западноевропейской литературы. Раннее Средневековье и Возрождение. Под общей ред. В. М. Жирмунского, М. Гинзбург 2002 – Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.
- Гуковский 2002 – Гуковский Г. А. О стадиальности истории литературы (1943). Публ. Д. В. Устинова // НЛЮ. № 55. С. 106–131.
- Дератани 1936 – Дератани Н. Ф. История античной литературы. М. 2-е изд. – 1938;
- Жирмунский 1936 – Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний // ИАН ООН. № 3.
- Жирмунский 1979 – Жирмунский В. М. К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада (1947) // Жирмунский В. М. Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Л.
- Жирмунский 1963 – Жирмунский В. М. Памяти А. А. Смирнова // Известия АН СССР. ОЛЯ. Вып. 1. С. 78–81 (= Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур. Л., 1981. С. 280–286).
- Коган 1907 – Коган П. С. Очерки по истории древних литератур. М.
- Плавский 1969 – Плавский З. И. А. А. Смирнов ученый и литератор // Лопе де Вега. Новеллы. Пер. А. А. Смирнова. М. С. 283–293.
- Радциг 1940 – Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М.-Л.
- Толстой 1947 – Толстой И. И. Рец. на кн.: И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1946 // Вестник ЛГУ. №7. С. 121–123.
- ИАЛ – Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1946.
- Тронский 1946 – Тронский И. М. Стадиальное единство античной литературы // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук. Л.
- Ярхо 1998 – Ярхо В. Н. И. М. Тронский в его письмах (К 100-летию со дня рождения) // Классические и индоевропейские языки. СПб.

КОНРАД ГЕССНЕР (1516–1565) КАК БИБЛИОГРАФ¹

Конрад Гесснер – замечательный швейцарский гуманист и просветитель. Его издательская и научная деятельность была исключительно многообразна: при жизни им как автором или редактором были выпущены 63 книги, среди них сочинения по ботанике, фармакологии, биологии, библиографии, лингвистике, минералогии, издания Галена, Марка Аврелия, Стобея и др. антологий (Wellisch 1975: 177–233). При этом научные труды Гесснера не лишены глубины и новизны. Сам стиль работ открывает постоянную исследовательскую заинтересованность автора (множество индивидуальных суждений, биографических подробностей, в связи с историей написания работ), соединенную с осторожностью в критике, благодарным отношением ко всем письменным источникам и устным информантам. Последнее выражается как в пространных словах признательности в предисловиях, так и в тщательно соблюденных отсылках к тому или иному автору всякий раз, когда Гесснер приводит не собственные, а почерпнутые где-либо сведения. У Гесснера мы видим и начатки современных «списков использованной литературы»: в наиболее развернутом варианте такая библиография (предпосланная основному тексту труда) была составлена для *Historia animalium*². Исключительную корректность Гесснера по отношению к традиции и «коллегам по цеху» мы наблюдали во всех его трудах, к которым нам приходилось обращаться. Джордж Сартон обращает внимание на то, что в последней опубликованной книге Гесснера, посвященной ископаемым, камням и драгоценностям (*De rerum fossilium, lapidum et gemmarum maxime figuris et similitudinibus liber*), не всюду проявлена эта добросовестность в ссылках на источники; впрочем, Сартон сам предлагает возможное

---

¹ Основу статьи составил доклад на XIX научных чтениях «Книжные редкости Российской национальной библиотеки» (Санкт-Петербург, 28 мая 2008 г.)

² β v. – γ v. Сначала перечисляются авторы, чьи сочинения о животных не сохранились; затем идет список из 251 автора (у некоторых упоминается по нескольку работ), чьи сочинения непосредственно использовались Гесснером; затем – список ученых мужей (как и в первом случае, без нумерации), чьими сведениями и изображениями животных Гесснер воспользовался для *Hist. Anim.*

морфологической классификации животного мира слишком трудна для него⁶. Тем не менее, он обобщил имевшиеся к его времени сведения о различных видах животных, добавив к ним собственные суждения; причем обобщил, по его собственным словам, более *удобным* для читателя образом, чем если бы использовал некую «научную» классификацию: по алфавиту проще искать необходимую информацию; кроме того, в те времена не всегда было четко установлено, к какому роду относить тот или иной вид (*Vita clarissimi philosophi...*, *ibid.*). Удобству поиска и, одновременно, систематизации сведений способствовало также распределение информации внутри статьи по семи рубрикам⁷. В наборе этих рубрик мы находим, словно в сконцентрированном виде, основные области интересов и деятельности Гесснера (в том числе, его медицинскую практику).

Алфавитный принцип расположения материала характерен и для многих других работ Гесснера. В сочинении «Митридат: О различиях языков» (*Mithridates 1555*) «нейтральная» словарная организация позволила, как нам кажется, избежать насильственного помещения языков в ту или иную хронологическую или иерархическую схему, которые были очень распространены в XVI веке⁸ (это тот случай, где «ненаучность» выглядит «научнее»; возможно, выбор формы здесь произошел неумышленно, скорее Гесснер просто использовал привычную ему композицию; во всяком случае, предисловие не лишено априорного конструирования, в связи с проблемой происхождения и развития языков).

Не алфавитную, но также и не философскую классификацию Гесснер применил во второй части библиографии “*Bibliotheca Universalis*”, озаглавленной “*Pandectae*”, являющейся всеобщим сис-

---

⁶ Fischer 1966: 43–44. Заметим, что «систематизаторский» период в естествознании вообще начался позже – в XVII веке. Сочинения Гесснера относятся к периоду, в который доминировали описание и коллекционирование. См.: Ogilvie 2008: 34–49.

⁷ А. Названия животных на различных языках; иногда Гесснер сам придумывал названия, если они отсутствовали в каком-то языке – например, латинские эквиваленты немецким названиям. В. Ареал распространения; внешний вид. С. Внутреннее строение животного. D. Повадки животного, его способности, отношения с человеком. Е. Использование животных человеком – например, в сельском хозяйстве. F. Использование животного в пищу; польза здоровью от этого; приготовление отдельных блюд. G. Лекарства из животных. H. Филологический раздел: этимологии названий, пословицы, мифы о животных. См.: *Vita clarissimi philosophi*: 10 v.–12 r.

⁸ Краткую сумму этих моделей см., например, в: Dutz, Kaczmarek 2000: 1071–1081.

тематическим указателем⁹. Е. И. Шамурин показывает, что последовательность книг в Пандектах исходит из порядка изучения соответствующих предметов в школах и университетах того времени (в то же время, внутри устоявшихся комплексов – тривия, квадривия, факультетских дисциплин – Гесснер располагает науки, сообразно собственным взглядам) (Шамурин 1955: 123–124). Эта классификация весьма условна, едва ли может считаться «системой наук», но, с учетом ряда обстоятельств (адекватность «академических» разделов самому рассматриваемому материалу), она, в общем, соответствовала библиографической задаче сочинения, подавая материал в наиболее привычной публике рубрикации (Шамурин 1955: 129–130).

Приведенные примеры и соображения подводят нас к некоторому предварительному представлению о научных занятиях Гесснера. Стремление к аккуратности в использовании чужих сведений и стремление к систематизации имеющихся у человечества знаний равно проявляются в библиографических и иных научных его работах и, одновременно, случат стимулом к их созданию и руководящим принципом. Теперь мы обратимся к тому, как Гесснер описывает отдельные издания. Здесь на наших глазах появляется привычная для нас теперь модель библиографического описания¹⁰.

В отличие от систематизаторского, критического и биографического аспектов, этой стороне «Библиотеки» почему-то уделялось меньше внимания. В известных нам работах лишь отмечается, что Гесснер приводит издателя, место и год издания книги, при этом почти никак не комментируя мотивы включения этих (и других!) сведений в библиографию (Fischer: 271; Симон 1963: 119–122). Как нам кажется, разбор этих мотивов необходим, во-первых, так как едва ли библиографическое описание могло возникнуть случайно или как вещь в себе, безо всяких внешних обстоятельств; во-вторых, Гесснер сам излагает эти мотивы в предисловии к Библиотеке. Следовательно, он считает, что эти мотивы важны и что они могут быть не вполне очевидны современникам.

Практически все предисловие к первому тому «Библиотеки» имеет целью обоснование того, что «Библиотека» это не только сочинение, имеющее предшественников в своем жанре (и потому

---

⁹ Pandectarum sive partitionum universalium Conradi Gesneri Tigurini... libri XXI... Tiguri: Froschoverus, 1548.

¹⁰ Современную схему описания см., например, во «Введении в библиографию» Ф. Гаскелла. По полноте библиографических сведений для книг 16го века «Библиотека» (в сумме трех изданий – 1545, 1555 и 1574 годов) превосходит энциклопедию Цедлера и лексикон Йохера, а в ряде случаев – составленную в 19ом (!) веке библиографию Грессе.

уже имеющее право на существование), но труд, прежде всего, *полезный*. Исходя из возможной пользы, Гесснер показывает необходимость избранной им структуры энциклопедии и характера отдельных описаний. Не останавливаясь на особенностях биографических статей и выборе авторов, перейдем сразу к интересующим нас сведениям об отдельных изданиях. Гесснер пишет: «Когда было возможно, я старался указать, где напечатана книга, какими типографами, в каком году, сколько в ней страниц» (*Bibliotheca Universalis*: *4 v). И далее, поясняя, для чего это необходимо: «отсюда можно заключить и о многом другом, и о стоимости книги». Затем говорится о том, чем полезны читателю названные пункты описания по отдельности. Издатель: разные типографы печатают с разным качеством, *multum interest inter typographos...* Год издания: многое из напечатанного ко времени Гесснера уже нельзя было найти; кроме того, новые издания лучше прежних (если издатели добросовестны). Место издания: по нему можно понять, где легче достать книгу (ср. сетование Гесснера: «книги, издаваемые в одних частях Европы, редко становятся доступными в других ее частях, если не попадают в библиотеки»¹¹). О формате книги и числе страниц не говорится далее специально, но очевидно, что, по мнению Гесснера, эти сведения необходимы читателю, чтобы лучше опознать издание. А это одновременно важное и нелегкое дело: некоторые книги издаются не раз, и не все издатели (как сказано) равно хороши. Гесснер упоминает некоторые издания по нескольку раз, если они представляют собой сборник сочинений одного или многих авторов (с отсылками за более полными описаниями к другим словарным статьям), он также старается расписывать собрания сочинений (например, Аристотеля, Галена, Цвингли) по томам: «так и очевиднее будет представление об объеме тома [sic! т. е. важно и число страниц – М. С.], и легче найти нужное сочинение, ведь не всегда на титуле перечисляются все сочинения, содержащиеся в томе, а небольшие сочинения часто бывают прибавлены к большим; кроме того, многие книготорговцы до того несведущи, что если их спросить о книге другими словами, чем указано на титульном листе, не могут ответить [есть ли у них эта книга]» (*Bibliotheca Universalis*: *5 r).

---

¹¹ *Bibliotheca Universalis*: *3 r. Любопытны в этом отношении данные о собственной библиотеке Гесснера: больше трети выявленных к настоящему моменту изданий были напечатаны в Базеле и Цюрихе; еще около четверти – в Париже, Венеции и Страсбурге, т.е. на родине Гесснера и в городах, в которых ему приходилось подолгу бывать. См.: Leu, Keller, Weidmann 2008: 11–12.

В тех случаях, когда собрание сочинений автора еще не издано, сведения «Библиотеки» об отдельных его сочинениях, в том числе имеющихся только в рукописях, могут быть очень полезны издателям, чтобы подготовить их собрание; в последнем случае, собственная заслуга, видимо, кажется Гесснеру особенно высокой – он так описывает свой труд: “*diligentissime enim singulorum scripta minuatim collegi, et tanquam Aesculapius disjecta Virbij membra in unum corpus restitui*” (Bibliotheca Universalis: *5 r). В статьях «Библиотеки», при перечислении сочинений отдельных авторов, также заметна любовь Гесснера к собраниям сочинений: как в случае многотомных изданий, так и тогда, когда сборник трудов занимает всего один том, Гесснер предпочитает указать, в первую очередь, такие *сборники*, а иногда и ограничиться ими, добавляя лишь не вошедшие в них отдельные сочинения (так происходит в первом издании «Библиотеки» с библиографиями Аристотеля, Галена, Цвингли, Эразма, Феофраста). Видимо, это предпочтение обусловлено, главным образом, двумя обстоятельствами – доступностью в собрании сразу всех сочинений автора и качеством их издания. Как уже сказано, само появление «Библиотеки» было призвано способствовать развитию этого отдела книгопечатания.

Гесснеру всю его жизнь приходилось иметь дело с книгопечатниками, некоторые из них – такие как Кристофер Фрошовер, Робер и Анри Этьены – были его хорошими друзьями. Не обошли его и неприятности, связанные с изданием книг. Так, в собственной библиографии, рассказывая о своей первой вышедшей книге – переиздании греко-латинского словаря итальянского лексикографа Фаворина (Гуарино) – он упоминает печальные обстоятельства: большая часть дополнений и исправлений (а их было сделано Гесснером множество) не была учтена – видимо, печатник (Иоганн Вальдер) приберег их для последующих изданий, но вскоре умер, а рукопись с исправлениями пропала (Bibliotheca Universalis: 180 r.; Н. Wellisch 1975: 177). Вальдер, кроме того, не указал имя Гесснера на титульном листе. В другом случае, отдавая в печать *Historia plantarum* (указатель растений, составленный по работам Диоскорида, Павла Эгинета, Феофраста и Плиния Старшего), Гесснер поместил астериском те названия растений, которые не встречаются у Диоскорида, но издатель не всюду напечатал эти астериски. Гесснер указывает все три издания справочника, особенно отмечая третье – венецианское, – замечательное своим размером: “*in-16, i. e. minima forma enchiridii*” (Bibliotheca Universalis: 180 v.–181 r.; Wellisch 1975: 179). Это тот случай, когда внимание к формату определено

связано с удобством данного издания для читателя¹². Список примеров можно было бы продолжить, но и без того мы видим, что у Гесснера было достаточно оснований для разработки подробного библиографического описания.

Конечно, ряд сведений (особенно об издателе, годе издания и формате) Гесснер мог брать из издательских и книготорговых каталогов. Но заметим, что регулярно книготорговые каталоги стали выпускаться только с 1564 г. (год смерти Гесснера), и в первых из них, например, место издания было указано только для одной пятой части книг (Симон 1963: 83–86). Примечателен и тот факт, что Гесснер – единственный автор первой половины XVI века, который об этих каталогах упоминает (Fischer: 272). Более того, он приводит образцы этих каталогов во второй части «Библиотеки», каждая из книг которой посвящена какому-либо книгопечатнику. За посвящением следует перечисление изданий типографа или целый каталог, списанный с каталога реального (когда Гесснер составляет список изданий по памяти, он это оговаривает). В некоторых из этих каталогов год издания и формат приводятся регулярно, в других крайне редко, в третьих вообще не приводятся, зато для каждой книги указана ее цена. Предшественником Гесснера в создании масштабной библиографии был Иоганн Триттенгемский (*De scriptoribus ecclesiasticis*, 1494). Последний описывал преимущественно рукописные книги. Таким образом, тот «идеальный» вариант библиографической записи, который мы множество раз встречаем в «Библиотеке», своим возникновением во многом обязан инициативе и скрупулезности самого Конрада Гесснера.

Приведем пример такой записи (вместе с контекстом): *Claudii Galeni opera omnia quae reperiri potuerunt, tum germane, tum quae ei perperam adscribuntur, Venetiis primum excusa sunt in officina Aldi¹³; deinde Basileae, anno 1538. in magno folio, tomis quinque chartis septingentis sex: in officinis Cratandri, Bebellii & Hervagii <...>* [Затем перечисляются редакторы, авторы предисловий к отдельным томам; упоминается, что конъектуры не приводятся в тексте, но выносятся на поля] (*Bibliotheca Universalis*: 169 v., sq.). Мы видим, что указаны год, место издания, издатель, формат, число страниц; порядок этих

---

¹² Нам приходилось работать со вторым, парижским, изданием: оно, хотя и большего формата (in-8), также исключительно миниатюрно.

¹³ Заметим, что Гесснер всюду старается упомянуть первые издания; часто это издания Альда, о котором известно, что он не раз выпускал списки напечатанных им книг (см.: Симон 1963: 83); видимо, в таких случаях, Гесснер брал сведения из этих списков, тем более, что здесь указания о формате и числе страниц, как правило, не приводятся, часто не упоминается и год издания; это, очевидно, не описания *de visu*.

сведений может из раза в раз совершенно меняться, но «оптимальный» набор остается тем же.

Далее следует список сочинений Галена. Этот элемент описания весьма специфичен и мог иметь разные формы. В первом издании «Библиотеки» в статье о Галене (как, например, и в статье об Аристотеле) этот список не был росписью томов собрания сочинений, но располагал труды автора в определенном, намеренном порядке. В случае с Галеном, это последовательность, в которой его рекомендует читать Якоб Сильвий (Жак Дюбуа), автор многочисленных комментариев к Галену. Кроме того, Гесснер отметил астериском те сочинения, которые полезно читать не только медикам. В библиографии Аристотеля приводится краткое содержание отдельных сочинений, обсуждаются вопросы атрибуции, группировки сочинений по темам; перечисление отдельных трудов также дано по темам.

Во втором, сокращенном, издании «Библиотеки» (1555: под редакцией Иоганна Симмлера, но с дополнениями по «Appendix Bibliothecae», составленному и выпущенному в том же году Гесснером) списка сочинений Галена нет (Epitome Bibliothecae: 34 v.), издатель отсылает к первому изданию или прямо к работам Якоба Сильвия; перечисляются только издания, с рядом дополнений. Интересно, что для второго издания трудов Галена (Venetiis, 1550) отмечается наличие индекса; этот также существенный элемент библиографических описаний Гесснера. Вместо упомянутого разбора сочинений Аристотеля мы теперь находим в соответствующей статье роспись двухтомного базельского издания и список недошедших сочинений. Кроме того, добавлены некоторые новые издания и издания отдельных книг, с разной степенью подробности описания (иногда весьма кратко, например: ...ab Orogino impressi octava forma) (Epitome Bibliothecae: 17 v.–18 г.).

В третьем, также сокращенном, издании «Библиотеки» (1574 г.) статья об Аристотеле практически не изменена, добавлены только в самом конце сведения о некоторых фрагментах Аристотеля у других авторов (Bibliotheca instituta et collecta: 65–66). Статья о Галене увеличена во много раз, сравнительно с предыдущим вариантом. Дело в том, что к этому времени (в 1562 году) вышло в свет третье издание *opere omnium* Галена, для которого Конрад Гесснер написал вводную статью и составил подробную библиографию. Так вот, перечисляемые далее книги Галена собраны по классам и повторяют порядок книг по этому изданию (Bibliotheca instituta et collecta: 127–130).

Варианты в полноте библиографических описаний по трем изданиям «Библиотеки» сами по себе примечательны. Например, в первом издании «Библиотеки» (1545 г.) (Bibliotheca Universalis: 611

г.–611 v.) для книг Теодора Библиандра¹⁴ всякий раз указываются место и год издания, издатель и формат. Во втором издании (1555 г.) (*Epitome Bibliothecae*: 172 г.–172 v.) как раз у этих книг, а также у книг, изданных с 1545 по 1551 г. (т. е. в период, охватываемый базельской эпитомой Ликосфена (Вольфхарта) 1551 г.), указания о формате совершенно отсутствуют, но появляются далее для книг, изданных после 1551 г., приводятся они и в добавлениях «Библиотеки» 1574 г. (предыдущая часть уже не редактируется) (*Bibliotheca instituta et collecta*: 650–651).

В статье, посвященной Гийому Постелю, в первом издании (*Bibliotheca Universalis*: 292 г.–293 v.) приведен небольшой список его сочинений с довольно подробными описаниями и эксерптами из предисловий. Во втором издании (*Epitome Bibliothecae*: 68 г.–69 г.) остается только список сочинений, примерно с той же степенью полноты описаний (иногда приводятся даже формат и число страниц), но к нему добавляется каталог трудов Постеля, составленный и присланный им самим. Каталог состоит из двух частей. В первой – большей – части сочинения перечисляются без каких-либо библиографических сведений – далее сообщается, что относительно них неизвестно, изданы они или нет. Затем перечисляются изданные труды из того же каталога, уже с описаниями. В третьем издании «Библиотеки» (*Bibliotheca instituta et collecta*: 261–263) этот раздел перепечатан без изменений, кроме добавления в конце одной книги 1572 г. Были ли изданы книги из первой части каталога, видимо, не выяснялось, т.к. прежнее примечание сохраняется.

Интересна история библиографии самого Конрада Гесснера. В первом издании «Библиотеки» (1545) (*Bibliotheca Universalis*: 179 г.–183 г.) книги Гесснера описаны достаточно подробно, чаще всего указываются и издатель, и формат, и число страниц (хотя есть и пропуски). Во втором издании (1555) (*Epitome Bibliothecae*: 36 г.–36 v.) для книг, вышедших до 1548 г. (т. е. до «Пандектов»), указания о формате и числе страниц (а иногда и издателя) совершенно исчезают (похожее мы отмечали, говоря о библиографии Т. Библиандра). А в добавлениях 1555 года, приводимых после астериска (с 1548 г.), мы вновь видим полные описания. В третьем издании (1574) (*Bibliotheca instituta et collecta* : 136–142) статья о Гесснере совершенно изменена и состоит преимущественно из письма Гесснера 1542 г. Вильяму Тернеру, английскому зоологу и ботани-

---

¹⁴ Для примера мы выбрали здесь трех авторов (Т. Библиандра, Г. Постеля и К. Гесснера), чьи библиографии были особенно важны для Гесснера, как по личным, так и по научным соображениям.

ку¹⁵, где он приводит подробный список своих сочинений, в том числе и неизданных. Здесь все описания, видимо, соответствуют библиографическому идеалу Гесснера. В случае, когда сочинение издано в сборнике (так произошло с книгой об ископаемых 1565 года), расписано содержание всего сборника.

Картина, которую мы видим, весьма неоднозначна. Возможно, чрезмерная краткость описаний второго издания возникла в результате переписывания эпитомы Ликосфена, роль которой в истории «Библиотеки» еще предстоит определить. Но предварительно можно сделать вывод, что, в поисках наиболее полной информации, следует просматривать все три издания «Библиотеки» (1545, 1555 и 1574 гг.).

Литература

- Симон 1963 – К. Р. Симон. История иностранной библиографии. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты.
- Шамурин 1955 – Е. И. Шамурин. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты.
- Besterman 1936 – Th. Besterman, The beginnings of systematic bibliography. 2nd ed., rev. London, OUP.
- Bibliotheca instituta et collecta – Bibliotheca instituta et collecta primum a Conrado Gesnero...recognita et...aucta per Iosiam Simlerum Tigurinum. Tiguri : Froschoverus, 1574.
- Bibliotheca Universalis – Bibliotheca Universalis, sive catalogus omnium scriptorium locupletissimus... authore Conrado Gesnero Tigurino doctore medico. Tiguri: Froschoverus, 1545.
- Dutz, Kaczmarek 2000 – K. D. Dutz, L. Kaczmarek. Vorstellungen über den Ursprung von Sprachen im 16. und 17. Jahrhundert // History of the Language Sciences. Vol. I. Berlin [et al.]: Mouton de Gruyter. P. 1071–1081
- Epitome Bibliothecae – Epitome Bibliothecae Conradi Gesneri... Tiguri: Froschoverus, 1555.
- Fischer 1966 – H. Fischer. Conrad Gessner (26. März 1516 – 13. Dezember 1565): Leben und Werk. Zürich: Kommissionsverlag Leemann AG.
- Fischer – H. Fischer. Conrad Gessner (1516-1565) as Bibliographer and Encyclopedist // The Library. Vol. XXI, No. 4.
- Gudger – E. W. Gudger. The Five Great Naturalists of the Sixteenth Century: Belon, Rondelet, Salviani, Gesner and Aldrovandi: A Chapter in the History of Ichthyology // Isis, Vol. 22. No. 1. P. 33–36.
- Leu, Keller, Weidmann 2008 – U.B. Leu, R. Keller, S. Weidmann. Conrad Gessner's private library. Leiden; Boston: Brill.

---

¹⁵ Письмо напечатано также как приложение к Vita clarissimi philosophi:20 v.–31 r.

- Mithridates 1555 – Mithridates. De differentiis linguarum... Conradi Gessneri observationes. Tiguri: Froshoverus.
- Ogilvie 2008 – B. W. Ogilvie, The science of describing. Natural history in Renaissance Europe. Chicago; London: The Univ. of Chicago press.
- Sarton 1957 – G. Sarton. Six wings: Men of science in the Renaissance. Bloomington: Indiana university press.
- Vita clarissimi philosophi – Vita clarissimi philosophi et medici excellentissimi Conradi Gessneri, conscripta a Iosia Simlero Tigurino. Item, Epistola Gesneri de libris a se editis. Et Carmina complura in obitum eius conscripta... Tiguri: Froshoverus, 1566.
- Wellisch 1975 – H. Wellisch. Conrad Gessner: a bio-bibliography// Journal of the Society for the Bibliography of Natural History. № 7. P. 177–233.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

GEDANKEN ÜBER EIN NEUES BUCH*

Paul Widmer. Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekte der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen. – Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2004. – 239 S. – (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 111). Hardcover-Einband, ISBN 3-85124-693-4.

Wie dem Vorwort zu entnehmen ist, stellt das vorliegende Buch eine geringfügig überarbeitete Version einer an der Universität Bern eingereichten Doktorarbeit dar. Der Autor (derzeit wissenschaftlicher Assistent an der Universität Marburg) hat seinerzeit *inter alia* bei Jochem Schindler in Wien Unterricht genommen: durch die von Schindler und seinen Schülern entwickelte Methode und Theorien, die teilweise das Tageslicht in publizierter Form nie gesehen haben, ist das Buch, das m.E. eine höchst willkommene Erscheinung auf dem Gebiet der Indogermanistik ist und einen wesentlichen Fortschritt für die richtige Auffassung des urindogermanischen Nominalsystems bedeutet, entscheidend geprägt.

Das Buch ist eigentlich der Vorgeschichte zweier keltischer Wörter gewidmet, nämlich *itu- ‘Getreide, Korn’ (air. *ith*, altkymr. *it*, altkorn. *yd*, bret. *ed*) einerseits, und *eitu- ‘Feld’ (air. *iath*) andererseits. Das Buch bietet jedoch viel mehr an; es werden manche (auch bislang in der Fachliteratur wenig behandelte) Facetten der grundsprachlichen Flexions- und Derivationsmorphologie mit grösstem denkbaren Scharfsinn und ebensolcher Gelehrsamkeit erörtert. Zu all diesen indogermanistischen Ausführungen gibt dem Autor folgendes Problem den Anlass: da beide keltischen Wörter offenbar zusammengehören, jedoch sowohl formal wie auch semantisch divergieren (vollstufiges ‘Feld’, schwundstufiges ‘Korn’), muss anhand der ebenfalls evidenten Verwandtschaft mit dem fast in der gesamten Indogermania gut bezeugten u-Stamm aind. *pitū-* ‘feste Speise’, jav. *pitu-* ‘feste Nahrung’, lit. *piētūs* ‘Mahlzeit, Mittagsmahl’, arm. *hiwt* ‘ἵκμας, βάθος, ὕλη’ ein einheitliches Modell vorgeschlagen werden, das die funktionale sowie die formale Seite berücksichtigen würde. Vom semantischen Standpunkt

---

* Herrn Univ.-Prof. Martin Peters (Wien) gebührt mein bester Dank für vielfache Anregung und Kritik; für die konstruktive Diskussion möchte ich auch Sergio Neri (Jena) herzlichst danken.

her gesehen ist die Ableitung ‘Feld’ ⇒ ‘Korn’ plausibel, wobei man das Derivat lokativisch erfassen müsste (‘Korn’ – ‘was auf dem Feld gewonnen wird, was auf dem Feld ist, bzw. wächst’); wie W. zu Recht hervorhebt (S. 35), wird ein solches Verhältnis jedoch gewöhnlich mittels Suffigierung ausgedrückt. Der Zweck der Untersuchung besteht somit darin, die Derivationskette *pitu- → *pejtu- irgendwie anders zu motivieren.

W. stellt sich (m.E. mit gutem Recht) gegen die Versuche, die genannten Wörter an eine eigene Wurzel *pejt- ‘nahren’ *uel sim.* anzuknüpfen (so Benveniste), und argumentiert stattdessen dahingehend, dass die Verknüpfung mit der gut bekannten Wurzel *pej_h-, die wegen der Kurzvokale im Indoiranischen sowie des Fehlens von Laryngalreflexen im Baltischen angezweifelt werden könnte, durch die Annahme aufrecht erhalten werden kann, dass der Laryngal gemäss der Wetter-Regel in einem *pih_x-tū- verloren gegangen ist¹. Dies setzt übrigens voraus, dass in (einem) Paradigma dieses Wortes die „offene“ Flexionsweise vorhanden war – und hier ist es gerade nicht unangebracht auf alternative Möglichkeiten hinzuweisen, die in dem zu besprechenden Buch nur kurz gestreift werden: sollte man geneigt sein, die voll- und schwundstufigen Formen in einem Paradigma zu vereinigen (wie früher von R. S. P. Beekes und Kim McCone gemacht), ergibt sich folgende Möglichkeit:

*pej(h_x)-tu-s, *pi(h_x)-téu-s ‘Korn’ (proterokinetisch)
 → *pej(h_x)-tou-s, *pi(h_x)-tū-és ‘Getreide habend’ (holokinetisch)

Auf letzteres könnte eventuell lit. *piētūs* mit /ū/ zurückgehen (mit Ablautersatz **eu** /u >> **ū**/u). Derivationstyp wäre derjenige von *neġ-u-, *ŋġ-éu-s ‘Tod’ → *néġ-ou-s, *ŋġ-ū-és ‘Tod habend, Leiche’². Man muss in diesem Fall (wie W. mit Recht betont, S. 24–25) mit einer komplizierten Bedeutungsentwicklung (lit. *piētūs* ‘Mahlzeit’ < ‘Korn enthaltend’, air. *iath* ‘Feld’ < ‘Korn habend/gebend’) rechnen; dass ursprünglich verschiedenen Wörtern zugehörige Paradigmen in den Einzelsprachen einander in ihrem Ablaut beeinflussen können (so *iath* als

¹ Der Autor ist sich natürlich der Tatsache bewusst, dass auch in proterokinetisch flektierten Paradigmen der Form des Instrumentalis Nullstufe im Suffix eigen war (aind. *kṛtvā* < *k^wṛtué/óh₁, *raśmā* RV 6, 67, 1 (< *raśmnā) von *raśmán-* ‘Zugseil’, *drāghmā* von *drāghman-*, usw.; diese wichtige Erkenntnis stammt von Jochem Schindler), somit wäre die Ausbreitung einer konstant laryngallosen Wurzelform auch in einem proterokinetisch flektierten Paradigma von *pih_x-tū-eh, her möglich gewesen (aus semantischen Gründen ist dies jedoch nicht sehr wahrscheinlich: was soll ‘mit Nahrung’ schon für eine besonders frequente Form gewesen sein?).

² Ob diese Rekonstruktion zutrifft, ist nicht ganz sicher, siehe unten.

ob aus *peih_x-tu-), ist uns z. B. aus der Lage im Altindischen gut bekannt, wo *mádhu-*, *mádhvah* häufig die adjektivische Bedeutung ‘süß’ aufweist (aus *mó/éd^hu- ‘Süßigkeit’ → *méd^hu-, *m^heu-s > *mádhu*, *mádhoh* ‘süß’), siehe Nussbaum 1998a: 149, oder aus griechisch ἡύς vs. ἦεα· ἄγαθά³. Eine interessante Parallele wäre übrigens im griechischen (ion.) νέκυς (ū) ‘Leiche’ zu finden: der Bedeutung nach reiht sich das Wort mit av. *nasāum* und air. Nom. Pl. *écai* zusammen, es hat sich jedoch der Klasse der griechischen -ου-Stämmen (πάτωρ, δμῶς, usw.) gar nicht angeschlossen (s. Nussbaum 2001, wo auch ein sophistiziertes Szenario angeboten wird). Dass proterokinetic flektierte Paradigmen teilweise schon in der Grundsprache Wurzelablaute aufgegeben haben, ist ja gut bekannt (W. gibt das selber zu, S. 27; zum Vergleich bieten sich viele u-stämmige Adjektive im Altindoiranischen und Griechischen, oder die Reflexe der *-ti-Stämme an), deswegen ist nicht verwunderlich, dass *pitu- ‘Korn’ keine vollstufigen Formen aufweist. Somit wäre es, wenn auch nicht ohne Zusatzannahmen, grundsätzlich möglich air. *iath* im üblichen Rahmen zu erklären.

Zugegebenermaßen reißt auch dieser Lösungsversuch weger der grossen Menge der anzunehmenden analogischen Ablaut-veränderungen nicht vom Stuhle; deswegen ist W. bestrebt nachzuweisen, dass der Fall von air. *ith* vs. *iath* nur unter gewaltiger Modifikation des in der letzten Dekade geläufigen Modells der internen Derivation erklärbar ist. Aus diesem Grund folgt im Kap. III eine Beschreibung der idg. Paradigmenstruktur und aller bislang angesetzten Flexions- und Ablautklassen (eine ausführliche systematische Darstellung war bisher bei Schaffner 2001: 69–94 zu finden⁴) und auch eine knappe Darstellung des Wesens der internen Derivation, die seit langem ein Desideratum war.⁵ Andere Ansichten bleiben ebenfalls nicht unerwähnt: z. B. wird

³ Wenn diese von Nussbaum 1998a: 158, Anm. 201 angeführte auf Empedokles zurückgehende Hesychglosse (der überlieferte Akzent ist irrelevant) nicht einfach eine metrisch gedehnte Fortsetzung einer Adjektivform *h₁s-eu-h₂ darstellt (worauf mich Martin Peters *per litteras* hinweist, 16.04.2003).

⁴ Wenn auch vom Standardmodell (Schindler, Eichner, Peters, Oettinger, nur teilweise Rix), das auch in den USA allein geläufig ist (Nussbaum, Jasanoff, Rau, Melchert, Vine), etwas divergierend: in Schaffners Buch wird eine Unterteilung von Flexions- und Ablautklassen unternommen, die sich stark an Gert Klingenschmitts etwas abweichenden Ansichten orientiert (wobei manche Klassen mit abgeleiteter Funktion eine vlt. schon grundsprachliche Verallgemeinerung der wurzelhaften Ablautstufe der Derivationsbasis darstellen, so sicher *kouē_i- ‘Priester’).

⁵ Schindlers Ansichten werden in knapper Form bei Griepentrog 1995: 109–110, Anm. 51, sowie bei Widmer 1997: 124–125 referiert. Ganz prägnant wird in dem zuletzt genannten Aufsatz formuliert: “**Die Ableitung eines Stammes A' aus einem Stamm A der Form W(E)-S(E) ohne Suffigierung unter Wechsel**

Kritik an zwei in Rieken 1999⁶ gemachten Mutmassungen geübt, nämlich, dass der Typ „akrostatisch II“ (mit W_{ϵ}) auf neutrale Nomina beschränkt sei (dagegen sprächen nach W. solche Beispiele wie gr. $\delta\eta\rho\iota\varsigma$ oder jav. *bāšar*⁷) und dass proterokinetisch flektierte Nomina o-Stufe im Suffix aufgewiesen haben (was schon aus Systemgründen allein bedenklich ist und wofür keine überzeugende Evidenz bekannt ist); dann setzt sich W. mit den Theorien von Xavier Tremblay, der heutzutage ganz intensiv an der Rekonstruktion der idg. nominalen Flexionsmorphologie arbeitet, kritisch auseinander: vom Belang für W.s eigene Forschung ist wohl der Aufsatz Tremblay 1998b, wo ein neuer Flexionstyp etabliert wird, und zwar $W_{\epsilon}S_{\theta}D_{\theta}$: $W_{\theta}S_{\theta}D_{\epsilon}$, wobei als Grundlage gerade idg. u-Stämme gedient haben. Nach W. ist Tremblays Ansatz insofern bedenklich, als in allen von ihm angeführten Beispielen die konstante Schwundstufe im Suffix sich dadurch erklären lässt, dass in den obliquen Formen von diesen Wörtern der Stamm des Instr. Sg. verallgemeinert wurde⁸.

der Ablautklasse konnte im Idg. deskriptiv unter anderem folgende Funktionen übernehmen:

- 1) Bildung neutraler Kollektiva: * $uod\grave{r}$ → * $ued\ddot{o}r$ ‘Gewässer’;
- 2) Bildung possessiver Adjektiva: * $pih_{\times}u\grave{r}/en-$ → * $pih_{\times}u\ddot{o}n$ ‘mit Fett versehen’;
- 3) Bildung geschlechtiger Konkreta und Abstracta: * $tepes-$ n. ‘Hitze’ (aind. *tāpas-*) → * $tepos-$ m. ‘Wärme’ (lat. *tepor*);
- 4) Bildung belebter geschlechtiger Singulativa zu Neutra: * $seh_1-m\grave{n}$ n. (lat. *sēmen*) → * $seh_1-m\ddot{o}n-$ m. (lat. *Sēmō*), * $k\acute{e}rh_1os-$ n. ‘Wachstum’ (arm. *ser*) → * $k\acute{e}rh_1\acute{e}s-$ (lat. *Cerēs*)”.

⁶ Die in diesem Buche am Anfang jeden Kapitels befindlichen Anmerkungen zu den idg. Grundlagen jeweiligen heth. Nominalklasse haben sich aber in jedem Fall als höchst nützlich und informativ erwiesen, da eine gründliche Darstellung vorher gefehlt hatte.

⁷ Wenn letzteres wirklich auf ehemalige Existenz eines * $b^h\acute{e}r-$ tr- schliessen lässt, wie Michael Janda vorschlägt (in einer von Schindler 1994: 401 zitierten Diplomarbeit); zu berücksichtigen ist allerdings die Möglichkeit einer rein phonetischen Entwicklung, wofür neulich Michiel de Vaan plädiert («Short *a yields YAv. *ā* after one of the labial consonants *v, x*¹ or *b* and in front of $\check{s} < *rt$; this change only occurs in initial syllable», siehe de Vaan 2003: 54): gerade im Fall von idg. * b^her- ist eine morphologische Lösung jedoch gar nicht unwahrscheinlich (vgl. toch. A Impf. *pārat* < * $b^h\acute{e}r-t(o)$, serb. *brēme*, aind. *bhārman-* < * $b^h\acute{e}r-m\grave{n}$ -, ahd. *bāra* und auch air. *birit* aus * $b^h\acute{e}r-nt-ih_2$). Zu beachten ist allerdings, dass de Vaan die Existenz von Narten-Wurzeln überhaupt leugnet, siehe de Vaan 2004.

⁸ Was übrigens auch die Semantik besagter Wörter nahelegt, vgl. für * $p\acute{e}rtu-$ / $*prt-\acute{e}u-$ s ‘Brücke’ (mit bewahrtm archaischen Akzentwechsel in av. *pəṛtu-*/*pəṣu-*) solche mit dem Instr. Sg. konstruierte idg. Redewendungen wie ‘einen Weg gehen’ (RV V, 64, 3 *mitrāsya yāyām pathā* oder Plt. *Curc. 35 nemo ire*

Kapitel IV behandelt ausführlich den indogermanischen u-Stamm *polh₁-u-. Mit grossem Fleiss sind alle relevanten Formen samt ihrer Semantik diskutiert; der Verfasser ist zu dem (zweifelloso korrekten) Urteil gelangt, dass für das Indogermanische von zwei Stämmen auszugehen ist, einem akrostatisch flektierten Substantiv *po/elh₁-u- ‘Vielheit, Fülle’ (indirekt in gr. πολὺς zwar mit adjektivischer Bedeutung, wie schon von Nussbaum 1997 behauptet, sowie in germ. *falū-, dessen Existenz erst aufgrund der ostseefinnischen Nebenüberlieferung erschlossen werden kann: fi. *paljo*, wot. *pal’jo* ‘viel, Menge’) ⁹ und einem proterokinetisch flektierten Adjektiv *pelh₁-u-/ *plh₁-eū-s ‘zahlreich, viel’ (ved. *purú-*, av. *po^uru-*). Aus formalen Gründen bleiben sowohl kelt. *elū- (air. *il* ‘zahlreich’), wie auch germ. *filu- (goth. *filu*) ambig; die adjektivischen Bedeutungen legen wohl nahe, dass diese Formen auf einen adjektivischen Stamm zurückgehen. Insbesondere ist auf eine Erörterung von vermeintlichen Reflexen eines *pelu- im Griechischen hinzuweisen (sam. EN Πελευεσιος; S. 85), eine vor kurzem von Martin Peters (Peters 1997 [2002]: 103–104) in allzu knapper Form vorgebrachte Erkenntnis, hinzuweisen. Somit scheint dieses idg. Wort eine endgültige Behandlung erfahren zu haben. Anhand dieses Wort wird S. 96–98 eine der Funktionen der internen Derivation besprochen, nämlich die Bildung von adjektivischen Stämmen (wohl possessiven Derivaten) aus substantivischen akrostatisch flektierten Stämmen.

Das Kapitel V ist am wichtigsten für W.s Gesamtkonzeption sowie m.E. am strittigsten im ganzen Buch.

Der Ausgangspunkt von W.s Überlegungen ist die Tatsache, dass oben nachgewiesenes *po/elh₁-u- die Vollstufe I aufweist, während primäre Bildungen zu dieser Wurzel ausschliesslich mit der Vollstufe II *pleh₁- gebildet seien ¹⁰. Des weiteren listet er noch einige Fälle auf, wo

---

quemquam publica prohibet uia): dadurch erklärt sich vermeintlich archaisches *pr̥θu- in Yidya *pilf*.

⁹ Einen Reflex von o-stufigem *polh₁u- sieht W. auch im arm. *yolov* ‘viel, in Menge’, das er, einer auf Sophus Bugge zurückgehenden Idee freilich mit gewissen Modifikationen folgend aus einem adverbialen Syntagma *y-olov < *olub^h₁ herleitet und das nach ihm auf die Existenz eines *olr < *polu-r schliessen lässt.

¹⁰ Mögliche Gegenbeispiele wie ved. *pāṛīman-* und *pāṛīṅas-* (av. *x^uarənō*, das nach Lubotsky 1998 ebenfalls hierher gehören kann, wird nicht einmal erwähnt, ebenso fehlt πόλις) sind S. 106–107 besprochen. Das von W. als Beweis für seine These, dass bei der Bildung von sekundären deadjektivischen s-Abstrakta neue Hochstufen erscheinen können, zitierte Paar *sġ^huno- ‘stark’ : altgr. σθένος ‘Stärke’ kann auch einer anderen Erklärung unterliegen, und zwar kann σθένος eine externe Ableitung (vermittels des Suffixes -s-) von einem *sġ^hu-en-ó- ‘bei Stärke befindlich’, das seinerseits von einem Lokativ *sġ^hu-en ‘bei

bei der Bildung von sekundären Stämmen neue Hochstufen an falscher Stelle eingeführt worden sind, z. B. notorisches *deiúó- von *diěū-, oder delokativische Hypostase: *h₃neb^h-on-, Lok. Sg. *h₃nb^h-en- ‘Nabel’ ⇒ *h₃enb^h-on- ‘beim Nabel befindlich’ (as. *ambo* ‘Wanst’), *ǵ^hiēm, *ǵ^him-és ‘Winter’ ⇒ *ǵ^héim-en- ‘im Winter’ (χειμών ‘Winter’)¹¹. Aufgrund dieser Lage zieht W. den Schluss, dass die Stämme mit Schwebelaut sekundär sind, und möchte diese neue Theorie auf indogermanische u-Stämme, die die Vollstufe an „falscher“ Stelle aufweisen, anwenden,

Stärke’, das zum akrostatischen Stamm *so/eǵ^h-u- ‘Kraft’ gehört haben mag, abgeleitet worden sei (zu einem solchen Lokativ vgl. *ǵ^hu-én, das man wegen urion. und urwestgriechisch γούνατ-/ γονατ- ansetzen muss, s. Martin Peters *apud* Martínez García 1997: 356, Anm. 2; in [Николаев 2006: 56–57, Anm. 24] macht der Rez. den Versuch, einen Lokativ *b^hrh₁u-en ‘beim Fliessen’ von einem u-Stamm *b^horh₁u- (φόρυς· δακτύλιος ὁ κατὰ τὴν ἔδραν Hsch.) anzusetzen, der später als zu einem r/n-Stamm gehörig reinterpretiert worden sei, wodurch *b^hro/eh₁u-ŕ/-n- ‘Quelle’ entstanden sei (altgr. φρέαρ, arm. *aḫiwr*, eventuell got. *brunna*); *ibid.* bemüht sich der Rez. zu zeigen, dass aléu einen Lokativ *h₂(e)jū-en von *h₂o/ejū- darstellt, und nicht einen endungslosen Lokativ von einem n-Stamm. Letzten Endes ist es nicht unmöglich, dass es im Paradigma desjenigen akrostatischen u-Stammes *d^hōmu- ‘thickness’, dessen Existenz durch altgr. θαμός* wahrscheinlich gemacht wird (*d^hému-, *d^hméu-s ‘thick’ ← *d^hōmu-), einen Lokativ *d^hḡuén ‘what is in thickness’ gegeben hat, zu dem wiederum infolge einer Reinterpretation wie oben skizziert ein *d^hemūr/-n- ‘Hüfte’ (*scil.* ‘thick thing’, vgl. die Benennung des Halses, altgr. ἀγχήν, äol. ἄμφην, arm. Plur. tant. *awjik*^c, das offenbar mit idg. *h₂eng^hu- ‘eng’ zusammenhängt, oder aind. *ūrú-* ‘Schenkel’ wenn in der Tat ein Zusammenhang mit *urú-* ‘breit’ besteht) hinzugebildet wurde, woher lat. *femur, feminis/femoris*; man darf auch mutmassen, dass in besagtem Lok. *d^hḡuén ‘in thickness’ oder schon ‘bei Hüfte’ (worauf lat. *femen* Paul. Fest. 92 sehr gut zurückgehen kann, auf diese Form ist jedoch nicht der geringste Verlass), bzw. in dessen urindoiranischem Fortsetzer, eine Dissimilation zweier benachbarter Labiale stattgefunden hat, wodurch ein *d^hḡuén entstand; da der Bedeutungswandel ‘etwas Dickes’ > ‘Hüfte’ schon durchgeführt worden war, kam dem neuen aufgrund der Reinterpretation dieser Lokativform zustande gekommenen Paradigma eine Bedeutung ‘Gebogenes’ > ‘Bogen’ zu, daher urindoír. *d^hānūr, *d^hānūáns (anders zu der Sippe Janda 1998). Zusammenfassend: die *-er/n Lokative waren in der Ursprache ein wichtiger Berührungspunkt zwischen u-Stämmen und r/n-Heteroklitika, und dadurch konnten jederzeit Vermischungen entstehen, zu welchen die apophonische Gestalt des Lokativs (mit dem nur dieser Form eigenen Schwebelaut) beigetragen hat.

¹¹ Unverständlich ist der Bindestrich nach aind. *hēman* (bei W. *hēman-*), der den Eindruck vermittelt, es handle sich um den n-Stamm *hēman-* ‘Eifer’ (ganz seltener Fall einer Nachlässigkeit W.s). Warum dieser Fall unter Hypostasen genannt wird, ist nicht ganz klar: es geht eigentlich nur um Bildung des Lokativs.

nämlich, *po/elh₁-u- ‘Vielheit’, *po/elh₂-u- ‘Fläche’ und *ko/ert-u- ‘Härte’, um so eventuell den Status des Hauptgegenstandes seines Buches, *pejtu- ‘Feld’, klären zu können. Bevor er das machen dürfte, bedürfte er dennoch eines Beispiels von Schwebeablauf in einer durch interne Derivation zustande gekommenen Ableitung: ein solches findet er in dem idg. amphikinetischen Stamm *h₂éus-ōs, *h₂us-s-és ‘Morgenröte’ (eine detaillierte und sehr nützliche Erörterung von dessen Formen wird vorangestellt). W. argumentiert dahingehend, dass dieses Wort sich von der zugrundeliegenden Wurzel *h₂ues- ‘hell werden’ durch die Vollstufe I unterscheidet; das wäre nach W. dadurch zu erklären, dass amphikinetisches *h₂éus-ōs ‘(Göttin) der Morgenröte’ von einer primären Bildung mit der Bedeutung ‘Aufleuchten, Morgenröte’ nach Muster von *seh₁-m̃ n. (lat. *sēmen*) → *seh₁-mōn- (lat. *Sēmō*) intern deriviert worden ist. Diesen Stamm möchte W. als *h₂ues-es- n. ansetzen (zum Typus von deverbalen -s-stämmigen *Nomina actionis* vgl. *dens-es-, *ġenh₁-es-, *uenh_x-es-, usw.); da so ein Stamm nirgends bezeugt zu sein scheint (!), stützt der Autor sich darauf, dass neben neutralen s-Stämmen öfters r/n-Stämme in gleicher Funktion auftauchen, und zieht solche Fälle wie *h₂eug-o/es- ‘Macht’ (ved. *ójas-*): *h₂eug-r/n-, oder *ued-o/es- ‘Wasser’ (aind. *útsa-* ‘Brunnen’, vlt. altgr. *ὑδῆι*¹²): *uod̃ zum Vergleich heran¹³. Spuren eines vermeintlichen r/n-Stammes *h₂ues-r/-n-, der auf soeben beschriebene Weise einem *h₂ues-es- n. in der Grundsprache zur Seite stünde, sieht er in ved. Lokativ *vasar(-hán-)*

¹² Diese Form kann bekanntlich entweder auf einen s-Stamm oder auch auf ein Wurzelnomen zurückgehen. Hier vermisst man einen Hinweis auf García-Ramón 1992: 192, Anm. 52.

¹³ Auf derselben Liste steht das Paar *(h₁)ieh₂-o/es- (air. Nom./Akk. *á* ‘Wagen’, vlt. av. *yāh-* ‘Bittgang’, metrisch /yaah/): *(h₁)ieh_xr̃/ŋ- ‘Jahr’; derweil ersteres den geläufigen Typ eines von einer Verbalwurzel abgeleiteten s-Stammes mit konkretisierter Bedeutung darstellen darf (die Wurzel *(h₁)ieh₂ in aind. *yāti*, so z.B. Heiner Eichner *apud* Weiss 1993: 125, Anm. 7), ist jedoch die Rekonstruktion von letzterem nicht ohne Zweifel (obzwar sie nach Schindler 1982: 194 ziemlich fest in der Fachliteratur gebucht ist (Weiss 1993: 125ff., Anm. 7, 8; Hoffmann-Forsman 1996: 153; Tremblay 1998a: 321; zuletzt tritt diese Rekonstruktion bei Peters 2002: 364 und Tremblay 2004 auf); der Rez. hat versucht, eine alternative Erklärung aufzustellen, um die Annahme einer komplexen Wurzelapophonie (-o-/ -ē- / -e-) zu vermeiden (s. Николаев 2003): es wäre wohl möglich von einem *h_xoi-r̃ sowie davon derivierten internen Kollektivableitungen *h_xier- (gath. *yār^a*) und *h_xeior- auszugehen, von denen externe Sekundärableitungen (*h_xiēr-o- und *h_xiōr-o-) jeweils im Germanischen (*jēra-) und Griechischen (ὥρα) zu finden wären. Die Beweisführung von W. wird davon jedoch nicht betroffen.

und in der V̥ddhiableitung *vāsar-á-* einerseits¹⁴, sowie im Stamm **h₂ués-en-* ‘in der Frühe’, den er aus toch. A *wse*, B *yšiye* ‘Nacht’ gewinnt, andererseits¹⁵. Sein Urteil lautet (S. 122–123): “Es ist [...] möglich, dass in interner Derivation, die ohne Suffigierung auskommt, wie auch bei externer Derivation von der Derivationsbasis unabhängige neue Vollstufen eingeführt werden (mit oder ohne Schwebeablaut)”.

Diese Beweisführung, zwar scharfsinnig, scheint mir unnötig kompliziert zu sein; ich bin der Meinung, dass die Argumentation W.s nicht ausreicht, um ein (direkt gar nicht belegtes) **h₂ués-es-* n. oder auch **h₂ués-ŕ/-n-* rekonstruieren zu dürfen (und mithin wird, wenn ich Recht habe, sein Hauptbeispiel für Schwebeablaut in interner Derivation entfallen). Wie dem Text zu entnehmen ist, handelt es sich bei allen Beispielen W.s eigentlich nur um Lokative, bzw. delokativische Hypostasen (**h₃enb^h-en-*, **ĝ^héim-en-*, **h₂ués-er-*, **h₂ués-en-*), oder andererseits um Zugehörigkeitsableitungen (**dejuo-*). Jetzt drängt sich die Frage auf, ob man den nur in diesen Kategorien beobachtbaren Schwebeablaut auch für zugrundeliegende Nomina rekonstruieren darf. Dass dem Lokativ innerhalb der indogermanischen Paradigmen ablautmässig eine Sonderstellung zukommt, ist gut bekannt (s. Schindler 1994); dass Lokative im Indogermanischen mit verschiedenen Suffixen gebildet werden können, erhellt z.B. aus den Verhältnissen beim idg. Wort für ‘Erde’:

¹⁴ Das idg. Wort für ‘Frühling’ wird ebenfalls (zwar zögernd) S. 117 zum Vergleich herangezogen: aind. *vasant-á-* (Segmentierung von W., ohne jede Erläuterung – heisst das dass der Autor von einer Struktur, wie sie z.B. in altgr. γούνατος, δούρατος, οὔρατος zu finden ist, ausgeht?), altkorn. *guaintoin*, aksl. *вєсна*, arm. *garown*, lat. *uēr*, lith. *vāšara* ‘Sommer’ gehen nach W. alle auf ein und denselben Stamm **h₂ués-ŕ/-n-* ‘Hellwerden’ zurück. Es gibt jedoch m.W. nicht den geringsten Beweis dafür, dass das idg. Wort für Frühling jemals mit Laryngal angelautet hat: vor *vasantá-* sind vedisch keine Dehnungen zu finden, und die altgriechischen Formen lassen keinen Laryngal zu (ξαρ, Alk. ἦρ); trotz dem scharfsinnigen Versuch von Peters, die Wirkung seiner (ohne Zweifel zutreffenden) Regel **H_xCR_r- > urgr. *CR_r-* auch auf Kontexte wie **H_xCVCRC_r-* auszudehnen (Peters 1980: 61, Anm. 30; zustimmend Janda 2000: 250, Stüber 2002: 104, jedoch ohne zusätzliche Argumente), fehlen es überzeugende Zeugnisse dafür.

¹⁵ W. plädiert für diese aus Jorundur Hilmarssons Feder stammende Etymologie, für die er auch manch ein zusätzliches Argument findet (z. B. macht er auf rgvedische Parallelen zu ‘glänzende Nacht’ sowie auf eine avestische Unterteilung der Nacht in vier Teile, wobei mit *ušah-* gerade der Teil von Mitternacht bis zum Schwenden der Sterne bezeichnet wird, aufmerksam), indem er auch die Analysen von Pinault, Ringe und Klingenschmitt, die das Wort aus idg. **h₂ues-* ‘existieren’ herleiten, berücksichtigt und zu widerlegen bemüht ist.

*d^hġ^h-ōm, Gen.Sg. *d^hġ^h-m-és: *d^hġ^h-ém-i > aind. *kṣámi*¹⁶;
 *d^hġ^h-ém-en ⇒ *d^hġ^h-ém-on- > arch. lat. *hemo* ‘Mensch, Irdischer’;
 *d^hġ^h-ém-el > neuphyrg. ζεμελωσ ‘id.’, altgr. χθαμαλός¹⁷;
 *d^hġ^h-m-én (> aind. *jmán*) ⇒ *d^hġ^h-m-ó(n) > alit. *žmuo* ‘id.’¹⁸;
 *d^hġ^h-(e)m-ér > av. *zəmar*(gūz-).

Aus dieser breiten Palette erhellt übrigens, dass die Koexistenz von Lokativen auf *-er und auf *-en keinen Anlass dafür gibt, eine heteroklitische Stammalternation für den Rest des Paradigmas des betreffenden Wortes zu rekonstruieren.

Jetzt wenden wir uns dem Problem des Schwebelautes zu: die Kategorie, wo dieses Phänomen am deutlichsten zu sehen ist, sind gerade die Lokative, v.a. von Wurzelnomina (synchronisch gesehen, ist Schwebelaute eine Eigenschaft des mit den Suffixen *-er/*-en/*-el gebildeten idg. Lokativs). Die Bildungsregeln für idg. Lokativ sind noch nicht befriedigend geklärt, v.a. weil gute Beispiele so rar sind, deswegen ist jede diesbezügliche Theorie schwierig zu stützen. Ein paar (recht gewagte) Vermutungen wären jedoch nicht unangebracht¹⁹. Wir sind sicher, dass in diesem Bereich die Regel von Johannes Schmidt gegolten hat, nach der „veränderliche stämme im suffixlosen locativ die letzte silbe um je eine stufe stärker haben als in den «schwächsten» casus“ (Schmidt 1885: 308). Folgende Beispiele sollten dies veranschaulichen: *pód-/ *péd-s ‘Fuss’, Loc.Sg. pēd in air. *ís* ‘unten’, alb. *-posh* (in *pērposh* ‘unter’) < *pēd-su/i; *dóm-/ *dém-s ‘Haus’, Loc.Sg. *dēm > gav.

¹⁶ Dieser Lokativ liegt wahrscheinlich auch air. *duine* < *d^hġ^h-om-ijo- zugrunde; dass (zumindest einige) idg. -iyo- Ableitungen delokativisch sind, macht Balles 1997 wahrscheinlich.

¹⁷ Mit Vokalassimilation? Siehe Peters 1997[2002]: 108.

¹⁸ Der “Schwundlaut” hier ist nicht ganz klar: nach dem, was wir über die Stellung des Lokativs in amphikinetischen Paradigmen wissen, ist gerade S(e) zu erwarten, vgl. *ġ^h(e)sér(i) von *ġ^hésōr, *ġ^hesrés ‘Hand’: nach Schindler 1967: 249 setzt toch. A *tsar* den starken Stamm *ġ^hesor- > *šāsær, während toch. B *šar* mit palatalisiertem Anlaut nur auf *ġ^hesér- > urtoch. *šāsār- > B *ššar zurückgehen kann (im heth. *ki-iš-ša-ri* ist -ša-r- wohl als [sr] zu deuten). Die baltischen Reflexe von idg. *h₂eġ-mō(n), Gen. *h₂ġ-mn-és (altgr. ἄκμων, aind. *ásmā*, Gen. Sg. *ásnaḥ*) weisen S(e) auf: der lit. Nom. Sg. *akmuõ* ‘Stein’ geht zwar erwartungsgemäss auf *h₂eġ-mō zurück, aber die sonstigen Formen (Acc. Sg. *ākmenī*, Gen.Sg. *akmeñs*) reflektieren *h₂eġ-men- (s. Schaffner 2001: 90–91). Die altgermanischen Sprachen (ausser den skandinavischen) haben S(e) auch in Gen. und Dat. von -n-Stämmen, vgl. got. *gumins*, *gumin* ‘Mensch’, ahd. *gomen*, *gomen* ‘id.’

¹⁹ Die Ausführungen unten bauen vor allem auf der Arbeit von Alan Nussbaum auf (alles Wesentliche in Nussbaum 1986).

*dqm*²⁰. Bemerkenswert und keineswegs zufällig ist die Tatsache, dass die Lokative von denjenigen Wurzelnomina, deren Wurzelstruktur Samprasaraṇa-Ablaut zulässt, dagegen keine Dehnstufe, sondern Schwebelaute aufweisen: *h₁ou̯d-, *h₁ud-és ‘Erde’ (altgr. οὐδας, οὐδει) ⇒ *h₁uéd-en > arm. *getin* ‘Erdboden’, s. Peters 1997 [2002]: 109, Anm. 23²¹; *diēu-s, *diu-és ‘Himmel’ ⇒ *deiu̯el > altgr. εὐδείελος (Peters, *loc.cit.*)²².

Jetzt zu den Beispielen von W.:

²⁰ Die Länge ist in dieser monosyllabischen Form natürlich nicht durch Brugmanns Regel zu erklären; es drängt sich jedoch die Frage auf, ob es nicht um die (m.W. weder befriedigend rekonstruierte noch aus guten Gründen abgelehnte) Dehnung in Monosyllaba geht (i.S.v. Beekes 1990). Letzten Endes kommt auch die Wirkung von “Extended Szemerényi’s Law”, bzw. von Nussbaums Regel in einer endungslosen Form *demh₂ in Frage.

²¹ Hierher nach Peters auch heth. *ut-ne-e*, *ut-ni-i-aš*. Norbert Oettinger deutet das Wort etymologisch (nicht aber morphologisch) anders: nach ihm geht *utnē* auf *ud(e)nēi zurück, das ein i-stämmiges Kollektivum von *ued-en- darstellte (letzteres wird von ihm von *uodr, *uedn- abgeleitet), s. Oettinger 2000.

²² Sollte dies zutreffen, ergibt sich übrigens eine Möglichkeit ein bekanntes Problem im Italischen zu lösen: die Bezeichnung vom ‘Vögel’ enthält im Lateinischen und Umbrischen ein prothetisches Vokal in der Stellung vor /u/, was für diese Sprachen eine keineswegs geläufige Erscheinung ist, vgl. lat. *avis*, umbr. Akk.Pl. *avif*, *avef*, *auif*, *auief*. Da alle Beispiele fürs Auftreten eines prothetischen Vokals im Lateinischen auf Kontext [#] _TC hinweisen (*āiō* < *h₁ĝe-je/o-, *āctus* < *h₂ĝ-to-, vlt. alat. *apiō*, *apīscor* < *h₁p-je/o-, siehe Meiser 1998: 105–106; Gegenbeispiel für *h₂u- > *au- ist wohl *uentus* aus *h₂uéh₁-nt-o-), muss man nach einer anderen Lösung suchen. Da man mit Schindler ein Wurzelnomen *h₂uóĭ-s, Gen.Sg. *h₂uėj-s ansetzt (Schindler 1969), ist nach dem oben gesagten ein Rekonstrukt *h₂éui ‘beim Vögel’ (d.h. *h₂-é-ui mit *vrddhi*-bedingter Vokaleinfügung an falscher Stelle) für Lok.Sg. berechtigt (so eine Form wäre gar nicht systemfremd, da sie sich als Lok. passgerecht in ein Paradigma eines nichtexistenten Wurzelnomens *h₂éu- sich einfügen liesse). Sollte so ein *h₂éui in der Tat existiert haben, könnte im Uritalischen der Stamm von Lokativ verallgemeinert worden sein (was allerdings im Bereich von -n und -men Stämmen stattgefunden hat). Letzten Endes darf man dahingehend spekulieren, dass ein altes Lokativ des Wortes für ‘Herz’ (*kér (< *kerd), Gen.Sg. *krd-és) in erstarrtem Komposit *kred-d^heh₁- ‘ins Herz legen’ bewahrt wurde (siehe Tremblay 2004: 581–585, der das Wort jedoch als d-stämmiges *Akrokinetikum* bestimmt; die Möglichkeit *kred als Lokativ eines Wurzelnomens zu erfassen hat der Rez. auch seinerzeit überlegt, ist jedoch grosse Vorsicht geboten, da es auch andere nicht weniger überzeugende Lösungen gibt).

Im Falle von $*h_3enb^h$ -en ‘beim Nabel’ hat der Autor selber die Existenz eines Wurzelnomens $*h_3neb^h$ - anerkannt (nach Ritter 1983)²³. Nach oben Gesagtem ist als ursprünglicher Lokativ von solch einem Wurzelnomen eben $*h_3enb^h$ - zu postulieren. Nun ist auch evident, dass die endungslosen Lokative mit suffigierten koexistieren können (vgl. $*dém$ und $*d̥mh_2ér$, das nach einer Analyse von Alan Nussbaum altgriechisch δάμαρτ- ‘Gattin’, myk. *da-ma*, *da-ma-te* < $*d̥mh_2r$ -t- und vedisch *dārā-* zugrundeliegt²⁴); dazu kommt auch der Umstand, dass beide Typen im Spätindogermanischen sicherlich mit einander vermischt wurden, auf diese Weise entstehen Lokative, die im Suffix wie auch in der Wurzel jeweils vollstufig sind²⁵. Deswegen ist es möglich, lat. *umbo* ‘Schildbuckel’ so zu deuten, dass in diesem Fall ein sekundär einem Lokativ $*h_3nb^h$ -en hinzugebildeter n-Stamm vorliegt; as. *ambo* ist eine auf einem Lokativ $*h_3(e)nb^h$ -en aufbauende Hypostase (i.S.v. Nussbaum 1986: 190–191).

Was $*ḡ^hėj̥men$ anbelangt, ist eine analoge Analyse möglich: die Bezeichnung für ‘Winter’ lässt sich aufgrund von heth. *gēmi*, lat. *hiems*, jav. *ziia*, *zim*- als $*ḡ^h(i)j̥ém$, $*ḡ^him-és$ rekonstruieren. Jay Friedman hat in einem von W. leider (wohl aus chronologischen Gründen) nicht rezipierten Aufsatz überzeugend gezeigt, dass dieses Wort kein hysterokinetischer *m*-Stamm ist, sondern ein Wurzelnomen, das vermittels interner Derivation von $*ḡ^h(i)j̥óm$, $*ḡ^h(i)j̥ém-s$ ‘Schnee’ (altgr. χιών, arm. *jiwn*, aisl. *gó-*) abgeleitet worden ist (Friedman 2003). Das heisst, dass die „ursprüngliche“ Form des Lokativs als $*ḡ^hėj̥im$ (möglicherweise mit Dehnung in Monosyllaba des weiteren zu $*ḡ^hėj̥im$ entwickelt) oder als $*ḡ^him-en/-er/-el$ angesetzt werden kann; durch eine Vermischung oder einfache Durchführung von R(e) hat $*ḡ^hėj̥men$ das Licht der Welt erblickt. Beide altgr. ‘Winter’-Wörter χείμα und χειμών sind als sekundäre Bildungen zu betrachten.

Zusammenfassend darf gesagt werden, dass W.s Argumente für ein generelles Auftreten vom Schwebelaute in interner Derivation nicht ausreichen; von Formen mit lokativischer Semantik auf $*-er$, $*-en$, $*-el$ und deren Ableitungen lässt sich keine verallgemeinernde Aussage für den Gesamtkomplex der internen Derivation ableiten²⁶.

²³ S. 110, Anm. 154; dies anhand einer sehr plausiblen Analyse von ae. *umbor* ‘Kind’ als hypostasiertem Lokativ $*h_3nb^h$ -er ‘beim Nabel’.

²⁴ In einem Referat, siehe Nussbaum 1998b.

²⁵ Das ist natürlich ganz grob ausgedrückt; eine detailliertere Diskussion geht über das Rahmen dieser Besprechung hinaus, man vergleiche die Überlegungen Nussbaums und Schindlers zu dieser Frage, s. Nussbaum 1986: 289–292.

²⁶ Welchen Ursprung der Schwebelaute als gemeinsame Eigenschaft von solchen Lokativen und thematischen (sowie anderen) extern derivierten

Die Frage von Schwebeablaut und dessen Funktion bedarf noch zusätzlicher Untersuchung. Zum Beispiel ist W. in die gesamte Problematik von Schwebeablaut im Komparativ in seinem Buch gar nicht näher eingegangen: es ist ja allgemein anerkannt, dass got. *iusiza* ‘besser’ auf *eṷsis- zurückgeht, der Autor schreibt idg. *h₁uesu- jedoch dort, wo er die komplexe Apophonie dieses Wortes (air. *fīu* ‘wert’, kymr. *gwīw* < urkelt. *u̯ih_u- < *h₁uēs_u- vs. air. *fó* ‘wert’, pal. *wasū* ‘die Güte’ < *h₁uosu-) diskutiert (S. 188–193), keinerlei Sekundärstatus zu²⁷. Diese

Zugehörigkeitsbildungen gehabt hat, ist schwer zu bestimmen. Ganz gewagt ist folgende Beobachtung: vom Standpunkt der Semantik her wäre wohl eine Suche nach gemeinsamen Wurzeln der auffälligen Stammbildung von Lokativ und Zugehörigkeitsableitungen berechtigt; sollte ein Zusammenhang in der Tat bestehen, wäre eine Bedeutungsentwicklung ‘bei X seiend’ ⇒ ‘zu X gehörig’ denkbar. Auf deutsch gesagt, heisst das, dass das indogermanische *vrddhi* (i.e. das Ableitungsmodell, in welchem ein Nomen mit der Grundbedeutung ‘zu X gehörig’ unter Einführung eines /e/, das dem Grundwort X selbst fehlte, gebildet wird) auf Lokative mit zusätzlichem bzw. abweichend positioniertem /e/ zurückzuführen wäre (die Idee basiert eigentlich auf Tischvorlagen/Notizen Schindlers, mit denen sich der Rez. während eines Aufenthalts in Wien dank der Liebenswürdigkeit von Herrn Univ.-Prof. Martin Peters vertraut machen konnte). Somit gelangt man zu einer Hypothese, die eher im glottogonischen Bereich liegt, wodurch deren Stützung unheimlich erschwert wird. Ein Fall sollte trotzdem die Idee veranschaulichen: altgr. θήρ, lith. *žvėris*, aksl. *звѣрь* lassen auf Existenz eines idg. Wurzelnomens *ǵ^huēr, *ǵ^huer-ós ‘wildes Tier’ schliessen (Schindler 1972: 37). Akrostatische Flexion *ǵ^huēr, *ǵ^huēr-s wird von Jenny Larsson vermutet (s. Larsson 2001: 56–57), jedoch ohne zwingende Gründe; aus Systemgründen setzt man vielmehr ein Paradigma *ǵ^huēr, *ǵ^huēr-s oder *ǵ^huōr, *ǵ^huēr-s ‘Wildheit’ als den Anfangspunkt der Ableitungskette *ǵ^huēr- ‘Wildheit’ [+Koll.; [akro]statisches Paradigma] → *ǵ^hue/ør- ‘ein wilder Tier’ [+ Individ.; mobiles Paradigma] an; nach dem oben Gesagten darf man auf die Existenz einer uralten Lokativform *ǵ^heur ‘bei Wildheit’ schliessen, die sich durch die Dehnung in Monosyllaba zu *ǵ^hēur entwickeln musste (eine Resyllabifizierung zu *ǵ^hēur wurde wohl vermieden, da die Form sich sonst einem Nom.Sg. eines r/n-Stammes angeglichen hätte). Wenn Steven Young zu Recht lith. *žiaurīs* ‘grausam’ auf *ǵ^hēur- zurückgeführt hat (vgl. lat. *ferus*: *ferōx*; s. Young 2002), sieht man die Verwendung des Allomorps *ǵ^hēur > *ǵ^hēur ‘bei Wildheit’ in einer Zugehörigkeitsableitung ‘der bei Wildheit befindliche’ > ‘der mit Wildheit versehene’ > ‘wild, grausam’ (oder aber direkt *ǵ^he-e-ur-u- ‘mit Wildheit versehen’ mit “possessivischem” *-u₁- (worüber siehe unten im Text), jedoch mit grossem Vorbehalt, da im Baltischen adjektivische u-Stämme produktiv sind).

²⁷ Im Rahmen von W.s Theorie sollte man wahrscheinlich damit rechnen, dass das zum akrostatischen Substantiv *h₁uosu- gehörige Adjektiv (oder auch umgekehrt) zunächst vielmehr ein *h₁ēusu- gewesen war und dieses sich erst

Besprechung ist kein richtiger Ort für etwaige neue Erwägungen, der Rez. möchte aber darauf hinweisen, dass gerade auf dem von W. untersuchten Gebiet der adjektivischen u-Stämme das Heranziehen der Stammbildung des Komparativs gar nicht unangebracht wäre: wenn man davon ausgehen darf, dass (synchronisch gesehen) bei der indogermanischen Komparativbildung neue Hochstufen an „falscher“ Stelle eingeführt werden konnten, wäre durch die Annahme einer analogischen Angleichung an einige (vermutlich frequent gebrauchte) Komparativformen manches zu erklären²⁸.

Wir müssen aber zu W.s Buch zurückkehren; der Rez. möchte an das von W. vorgeschlagene „Inversions“-Modell (nach dem interne Derivate prinzipiell neue, von dem Ablaut der Derivationsbasis unabhängige Ablaute und Ablautstellen aufweisen können) nicht gerne glauben (wahrscheinlich wird aber diese Skepsis nicht von allen Fachleuten geteilt werden). Dieses Modell wendet W. im Kap. V des weiteren auf ein germ. *felþu- < idg. *pelth₂-u- (ae. *feld*, Gen. Sg. *felda*) an (S. 124–128): in diesem Fall sieht der Autor eine Substantivierung *płth₂-u- / *płth₂-eu- ‘eben, flach’ → *pelth₂-u- ‘Fläche, Ebenheit’. Es muss jedoch daran erinnert werden, dass es eigentlich wenig Grund gibt, die Reflexe im Germanischen als Spuren von einem u-Stamm anzusehen (was W. S. 124 auch anerkennt); die meisten Wörter aus dem Vergleichsmaterial gehen auf *pelth₂-o- > ahd. *feld* oder *płth₂eh₂ > aisl. *fold* zurück (so z. B. Schaffner 2003: 215); in ersterem Thematum ist der Hochstufenvokal erwartungsgemäss²⁹ an falscher Stelle und in letzterem findet sich eine ebenfalls zu erwartende Schwundstufe³⁰. Ein denkbare Szenario wäre, dass das Germanische zwei Stämme ererbt hatte: sowohl ein

später analogisch ans (öfter verwendete?) als sein Derivationsprodukt zu betrachtende *h₁uosu- angeglichen hat; die letztgenannte Entwicklung hätte der Komparativ dann bloss gar nicht mitgemacht. Ob eine solche Annahme glaubhaft ist, sei dahingestellt.

²⁸ So z.B., ergibt sich wenn man aufgrund von heth. *daluki/a-*, altruss. *ДОЛНА* und gr. *δολιχός* auf die Existenz eines akrostatischen u/i-Stammes schliessen darf (die Wörter werden in einem anderem Zusammenhang von W. S. 83 erwähnt), die Möglichkeit, den alten Komparativstamm als *dleh₁-ios- anzusetzen, und analogische Verbreitung der Wurzelform *dleh₁- z.B. in av. *drājah-* anzunehmen (gegenseitige Berührung zwischen Komparativstamm und s-Stämmen ist gar nicht ausgeschlossen, diese Möglichkeit erörtert W. selber S. 140–141). Diese „Komparativ-Lösung“ halte ich auch im Fall von *kertu- ‘stark’ (← *ko/ertu- ‘Stärke’) >> *kretu- unter Einfluss von *kret-ios- für einzig plausibel; kann man wirklich umhin? Die derivationelle Vorgeschichte des Komparativs bleibt für zukünftige Forschung zu klären.

²⁹ Da auch ein *vrd̥dhi* vorliegen darf.

³⁰ Nach dem von Heiner Eichner aufgestellten Muster *(h_x)uṛd^heh₂ > got. *waurda*: *(h_x)uṛd^ho-m > lat. *uerbum* (Eichner 1985: 141, Anm. 46).

u-stämmiges Adjektivum ‘flach’ wie auch ein Thematikum ‘Feld’ samt Kollektivum; da die germanischen u-Stämme eine eindeutig aussterbende Klasse darstellen, kann sich der seltene Adjektivstamm im Laufe der Sprachentwicklung den Ablaut vom frequenten *felþa- angeeignet haben.

Überraschend innovativ erscheint das VI. Kapitel, wo ganz glänzend dargestellt wird, dass das neutrale Adjektiv sich ablautmässig nicht wie das geschlechtige Adjektiv verhält, sonder einem „höheren“ Paradigma gehört. Schon alleine aus theoretischen Gründen leuchtet das ein, da alle bisherigen Theorien von Akzent-Ablautparadigmen die Frage des Genus so gut wie unerwähnt liessen. Als Beispiele dafür dienen:

1) die *-nt- Partizipia, bei deren Erörterung W. mit Recht amphikinetische Flexionsweise annimmt³¹) und auf die Diskrepanz belebt Nom. Akk. Sg. *h₁s-ont- : unbelebt Nom. Akk. Sg. *h₁s-nt hinweist (zwar erwähnt aber leider nicht ausführlich behandelt wird die Andeutung von Johannes Schmitt, gemäss der die altgr. Flexion -μα, -ματος auf ein entsprechendes Muster bei den neutralen, übrigens auch thematischen, Partizipien (etwa ein *φέρα, *φέρατος), zurückgeht).

2) adjektivischer *-h₂-Stamm mit der Bedeutung ‘gross’: *meġ-oh₂-, m. (amphikinetisch dekliniert: aind. Akk. *mahām*, Gen. *mahās*) : *meġ-h₂-, n. (altgr. μέγα, heth. *mēk*, vlt. arm. *mec*).

3) Komparativuffix *-jos- ~ -is-: in einem höchst interessanten Abschnitt wird für das Komparativsuffix amphikinetische Flexionsweise nachgewiesen, wobei belebte Formen im Nom. Sg. den Ausgang *-jōs aufweisen (air. -(i)u, vgl. *sinu* ‘älter’ < *sen-jōs), die neutrischen aber auf *-jos hinweisen (lat. -ius < *-jos, vlt. aksl. -(j)e; S. 141–143 wird für air. -a Herkunft aus *-jos wahrscheinlich gemacht). Was die Sachlage im Griechischen betrifft, ist es wohl nicht ganz korrekt zu sagen, dass *-ion (< *-ison) „als Ersatz für *-jos gedeutet [wurde]“ (S. 143): da im Bereich der adjektivischen *-on-Stämme des Griechischen die Länge im Nominativ sehr gut als grammatisches Merkmal von geschlechtigen Formen dient, muss das Eintreten eines *-ihōn in neutrischen Formen

---

³¹ Vernünftig sind W.s Worte über Dehnstufen der Wurzel in manchen nt-Partizipien (S. 137, Anm. 211): „Ob die nt-Partizipien zu akrostatischen Verben ansonsten einen unabhängigen Ablaut aufwiesen, bleibt unklar“. Man muss gestehen, dass solche Fälle wie aind. *dāśat*, *śāsāt* oder *sādād[yonī]*- in den Rahmen einer heutzutage weitverbreiteten Theorie von den nt-Partizipia und deren Flexionsweise (*h₁s-ont- / *h₁s-nt-; von Narten-Stämmen *ġerh₂-ont- / *ġ(e)rh₂-nt-) trotz ihres altertümlichen Eindrucks gar nicht passen, also wohl als einzelsprachliche Neuerungen betrachtet werden müssen (-at wohl in Anlehnung an 3 Pl. von Narten-Praesentia, so Martin Peters [Unterricht] und W. selbst).

nichts für die ursprüngliche Apophonie besagen³². Weiters behandelt W. noch einen anderen Ausgang von neutralen Nom./Akk. Sg.- Formen, nämlich *-is, der meistens da, wo er bewahrt wird, auf adverbialen Gebrauch festgelegt ist (was von vornherein dieser Endung ein hohes Alter zuschreiben lässt): es geht um solche Fälle wie lat. *magis* < *m₀g_{is}, *plūs* < *ploh₁is, osk. *mais*, got. *mais* < *meh₂is, apr. *tālis* (vlt. air. *sia* 'länger' und *lia* 'mehr', wenn aus *seh₁-is und *pleh₁is, was nach W. nicht sicher ist).

4) der Ablaut des *n-(oder *h_{1/3}en-?)-stammigen Adjektivs, das in altgr. Nom.-Akk. n. μέλαν aufzuspüren ist: nach Peters 1980: 164 stellt die Form ein *mel- η mit aus obliquen Kasusformen bezogenem -n dar. W. hebt mit gutem Recht die Tatsache hervor, dass eine Ableitung von einem thematischen Stamm (aind. *māla-*, lit. *mėlas*) keine Form auf C- η zeigen sollte, argumentiert aber dahingehend, dass es im Griechischen „eine morphologische Regel gegeben haben [muss], die es erlaubt hat, von einem sekundären geschlechtigen Stamm (hier der Form R-S($\ddot{o}$)) einen neutralen Stamm der Form R-S($\emptyset$) neu hinzuzubilden“.³³

Einen weiteren Beweis dafür, dass in neutrischen Formen der Ablaut nicht mit dem Ablaut des geschlechtigen Stammes übereinstimmte, liefert der Akzent: W. macht auf den bekanntesten Fall gav. *vahiiō* 'besser', n. : gav. *vaxiiā*, m. wieder aufmerksam (letzteres geht nach W. auf *uahiāh* zurück; die Betonung sei durch die *k^wetuóres-Regel zustande gekommen). Aus dem Altindischen wird das Paar *vṛṣṇi-*, n. 'mannhaft' : *vṛṣṇí-*, m. 'widderartig' genannt. Während ersterer Beispiel wohl überzeugt, kommen in bezug auf das letztere Bedenken. W. schreibt

³² Nicht erwähnt wird die (recht gewagte, aber verlockende) Deutungsalternative, dass *-isōn (m.-f./n.) im Urgriechischen eben die von W. angesetzte neutrische Form *-is alleine ersetzt hat, indem die Form durch Anfügen jenes individualisierenden *-ōn zustande gekommen ist (keine Spur von *-iosōn!).

³³ Liegt dem gr. Wort ein (kollektivistisches?) *meleh₂ zugrunde? Nach der von Gert Klingenschmitt unterstellten Regel tritt ein abstufendes Element an einen akrostatisch flektierten Stamm in nullstufiger Gestalt an (von Klingenschmitt wird eigentlich „ein nicht dem quantitativen Ablaut unterworfenen, durch Antritt des Suffixes *-es- in nullstufiger Gestalt an thematische Stämme gebildeter Typ auf *-e/o-s-,“ erörtert, siehe Klingenschmitt 2000: S. 193, Anm. 7; dieser Vorschlag Klingenschmitts wird versuchsweise in Nikolaev 2003 in Bezug auf andere Stammklassen diskutiert). Da *-eh₂ Stämme, die zumindest in späturnidogermanischer Zeit als Feminina zu thematischen Stämmen auf -o- fungiert haben (von prototypischen *eh₂-Stämmen wie *g^wenh₂, *g^wneh₂-s ist hier nicht die Rede), akrotonisch flektiert haben (d.h. barytoniert waren), ist es denkbar, dass im Rahmen eines solchen derivationellen Prozesses ein Paradigma *mélh₂-on, *mélh₂-n-es entsteht: auf diese Weise gelangt man zu einem urgriech. *melan- im obliquen Stamm.

nämlich S. 154, dass „die derivationelle Vorgeschichte von *vřšni-* nicht mit Bestimmtheit eruirt werden kann“; dem ist wohl nicht beizupflichten: die nächstliegende Annahme ist gewiss die, dass eine Verwandtschaft mit idg. **h₂ur̥s-en-* ‘Männchen’, aind. *vřšan-*, lat. *uerrēs* < **ur̥sē+s*, lit. *veršis*, Toch. A *kayur̥s*, B *kau_rr̥se* < **g^wou-(h₂)ur̥sē(n)* und mit der Wurzel **h₂uers-* ‘besprengen’ (aind. *váršati*, heth. *waršivezzi*, altgr. οὐρέω; zwar mit einem anderen Suffix gebildet, gehören offenbar doch zur selben Wurzel heth. *hurnēzzi* und altgr. ῥάινω) vorliegt (so Oettinger 2005). Es wäre wohl von einem **h₂ur̥s-n-o-* auszugehen³⁴, von dem ein Abstraktum **h₂ur̥s-n-i-* abgeleitet wird³⁵. Die Koexistenz von einem hysterokinetischen agentiven n-Stamm und einem i-stämmigen Abstraktum findet in **pes-én-* ‘Rammler’ *uel sim.* (heth. Nom. Pl. *pišeneš*, Gen. Sg. *pišnāš* ‘Mensch’) :: **pes-ni-* ‘Männlichkeit’ > lat. *pēnis*³⁶ eine gute Parallele³⁷. Die Bildung **h₂ur̥s-ni-* ‘Männlichkeit’ ist dann in aind. *vřšni-* fortgesetzt³⁸; von diesem **h₂ur̥s-ni-* wird ein internes Derivat gebildet, nämlich ein Nomen agentis **h₂ur̥s-ní-* ‘mit Männlich-

³⁴ Oder **h₂uors-n-o-* > altgr. οὐρανός i.S.v. Peters 1994? (Eine alternative Lösung für οὐρανός, die kein Nomen Agentis **h₂uors-n-o-* ‘besprengend’ *uel sim.* voraussetzt, geht auf Wilhelm Schulze zurück und wurde in der letzten Zeit von Michael Janda wieder aufgenommen, siehe Janda 2004: zu aind. *váršman-/varšmán-*).

³⁵ Typ **h₂eġro-* ‘scharf’ (gr. ἄκρος ‘spitz’, lat. *ācer*, altir. *ēr*, alit. *ašrūs*, aksl. *ostrǫ*) ⇒ **h₂ó/éġri-* (altgr. ὄκρῆς ‘Spitze’ und lat. *ocris* ‘mons confragosus’), s. zuletzt Nussbaum 1999: 399.

³⁶ So z. B. Pinault 1980: 32, offenbar nach Schindlerscher Lehre.

³⁷ Die von Georges-Jean Pinault unlängst vorgeschlagene Deutung, laut der die hethitische Bezeichnung des Menschen auf eine mit Hoffmanns Suffix gebildete Ableitung eines **pes-* ‘membrum virile’ zurückgeht, ist m.E. bedenklich, insbesondere wenn man besagtes Hoffmann-Suffix als **-h₃en-* und nicht als **-h₁en-* bzw. als decasuative (in diesem Fall von Instrumentalis) Ableitung **-h₁en-* mit Nussbaum ansetzt (darüber in Rez [2004: 180, Anm. 15]).

³⁸ Wobei das Genus zeigt, dass ein ursprüngliches Abstraktum vorliegt, und barytonischer Akzent erwartungsgemäss zugunsten eines akrostatischen i-stämmigen Nomens spricht, da nach Nussbaum der Wurzelablaut im resultierenden i-Stamm von demjenigen des zugrundeliegenden thematischen Stammes unabhängig war, vgl. lat. *rūbrīca* < **h₁ro/eu^dri-h₃k^w-o-* ‘red-looking’: der vollstufige i-Stamm wird in dem Fall von nullstufigem **h₁rud^hro-* deriviert (vgl. lat. *ruber*, altgr. ῥεϋθρός). Dass wir keinem **váršni-* < **h₂uo/ers-ni-* begegnen, sollte nicht überraschen: denkbar, ja sogar erwartet wäre eine Durchführung von wurzelhafter Schwundstufe in Anlehnung an **h₂ur̥s-en-*, *vřšan-*.

keit versehen', das im aind. *vr̥ṣṇí-*, m. 'Widder' weiterlebt³⁹. Dies bleibt zwar unbeweisbar, bietet aber eine Alternative zur Lösung W.s.

Nach der Feststellung einer Divergenz zwischen neutralem und geschlechtlichem Stamm eines Adjektivs beim Suffixablaute und Akzent in Kap. VI argumentiert W. des weiteren in Kap. VII dahingehend, dass die zwei Stämme auch in bezug auf den Wurzelablaute nicht gleich gewesen sind. S. 155–164 werden toch. B *māka'*, A *māk* 'viel' überzeugend auf ein *moġh₂- (über ein **mækā-*) zurückgeführt, das einen Nom.-Akk. Sg. n. in einem akrostatisch flektierten Paradigma von diesem Adjektivstamm darstelle. Nicht in einer einzigen Sprache, sondern in mehreren idg. Sprachen vorhandene Überreste eines ähnlich o-stufigen (und somit zu einem akrostatischen Paradigma gehörigen) neutralen Adjektivstammes findet W. auch für die Wurzel *pleh₁-⁴⁰: dies wären lat. *plūs* < *plois (PLOVS *CIL*² 581 stellt nach W. eine inverse Schreibung dar), germ. **flajz-* (an. *fleire* 'mehr'), wenn nicht von **majz-an-* 'grösser' beeinflusst, und ark. ΠΛΟΣ 'mehr', das, wie W. mit Recht betont, als ein Archaismus gelten muss: letzteres könnte entweder ein analogisch nach neutralen Komparativformen auf -ος umgestaltetes *plois darstellen oder aber durch Kontraktion aus *plēos < *pleh₁ios hervorgegangen sein⁴¹. Was altgr. (Adv.) πλεῖν 'mehr' betrifft, hält W. die Herleitung aus *pleh₁is für fraglich, da genausogut eine Verkürzung aus **pleion-* vorliegen kann⁴². S. 167–168 wird anhand germ. **flajz-* (< **plois-*) auch germ. **majz-an-* 'grösser' (goth. *maiza*, ae. *māra*) besprochen, das samt seinen Verwandten (kymr. *moe*, altpr. *muisieson* und osk. *mais*) von W.

³⁹ Geht lat. *pēnis* auf **pes-ní-* 'Rammler, Reiber' ← *pó/és-ni-* 'Rammelung' zurück?

⁴⁰ Unerwähnt bleibt Klingenschmitt 1982: 259, wo ein Rekonstrukt **ploh₁-is-* offenkundig zum ersten Mal in Betracht gezogen wurde.

⁴¹ Bzw. durch irregulären Lautwandel *-ēo- > -jō- i.S.v. Méndez Dosuna 1993.

⁴² Aus dem Griechischen bleibt noch ein mögliches Indiz für ein **pleh₁-is-* unerwähnt (die folgende Andeutung stammt von Martin Peters, Unterricht): sollten die (wohl der uräolischen Dialekteinheit entstammenden) homerischen Formen πλέες, πλέας (denen sich lesb. πλέα, πλέας und kret. πλιες, πλια, πλια(ν)ς wohl anschliessen) ihre Existenz der Reinterpretation einer neutrischen Form *pleis als geschlechtliche Form mit nominativischem -s verdanken (wodurch ein neuer Stamm **plei-* entstehen konnte, zu dessen „Nom.Sg.“ *pleis die Formen *plei-a, -es, usw. hinzugebildet sein konnten), so wird ein Stück an Evidenz für ein *pleh₁is gewonnen, das den schwachen Stamm des akrostatisch flektierten Nomens darstellen darf. Wie Peters jedoch trefflich moniert, ist die ungezwungene Lösung die, dass schon im Uräolischen (nach einem frühen Schwund von intervokalischem *-j- und *-h-) als Reflex von *pleiohes ein *pleoes existiert haben und eventuell zu einem *plees* vereinfacht worden sein könnte.

treffend auf *meh₂-is- zurückgeführt wird (wegen des Kymrischen, das ein *moh₁-is- ausschliesst, bleibt dies die einzige Möglichkeit⁴³).

Aus diesen Gründen ist W. zu dem Schluss gelangt, dass einem neutralen o/e-akrostatischen Stamm ein geschlechtiger amphi-kinetischer Stamm gegenüberstand (S. 170):

*pló/éh₁-is- n. ~ *pléh₁-jos-, m.

*mó/égh₂- n. ~ *méê-oh₂-, m.

Übertragen wird dieses Ergebnis auch auf die früher erwähnten Fälle (*-nt-, *-n- Stämme), für welche Indizien einer Divergenz zwischen belebter und unbelebter Form beim Wurzelablaut zwar gefehlt haben, für die aber trotzdem Unterschiede beim Suffixablaut und Akzent nachgewiesen worden waren. Dies ist zwar überraschend, trotzdem sehr überzeugend.

Welche Folgerungen für die am Anfang gestellte Frage zieht W. nun am Schluss seines Werkes, nachdem so viele Einzelheiten der Aufbau des idg. Nominalsystems und nominaler Derivation erörtert wurden? In letzten Kapiteln argumentiert W. dahingehend, dass das neutrale Adjektiv und das neutrale Abstraktum formal beide o/e akrostatisch waren (nebst protero- oder amphikinetischem geschlechtigen Adjektiv), und dies die Relation geschlechtiges Konkretum : neutrales akrostatisch flektierte Adjektiv abgelöst hat; dadurch wird die Derivation *pitu- 'Korn' → *pejtu- 'Korn habend' ermöglicht. Über diese mutige Lösung kann man natürlich verschiedener Meinung sein: indem man die Beurteilung dieser strittigen Frage und W.s glänzender aber nicht unwiderlegbarer Strategie auch späteren Rezensenten überlassen kann (da es sich in obigem Text hoffentlich zeigen lässt, dass die Basis für W.s sophistiziertes Szenario, nach dem einige akrostatische u-Stämme entgegen der üblichen Derivationsrichtung von proterokinetischen Adjektiven abgeleitet worden sind, wobei Schwebeablaut sie als Neubildungen erkennen lässt, eigentlich sehr schmal ist), sollte in Folgendem auch noch eine Möglichkeit hingewiesen werden.

Eine sehr interessante, aber von W. wohl verfrüht verworfene Idee (S. 35, Anm. 30) ist die, dass man mit zwei unterschiedlichen u-Suffixen operieren kann (parallel zu dem von Schindler aufgestellten Paar *-o₁- und *-o₂-, Schindler 1984): somit dürfte man wohl *-u₁-, possessivisch und vrddhierend, und -u₂-, nicht-possessivisch und ohne vrddhi der Wurzelsilbe des derivationellen Basis ansetzen. Der Rez. glaubt wohl, dass die von W. im Kap. IX diskutierten Beispiele in diesen Rahmen gut passen, etwa *uējd^hu- 'Wild, unkultiviertes Land; wild' (air. *fiad*, m.,

⁴³ Dies ist auch semantisch vernünftig, weil für germ. *majz-an-, kymr. *moe*, altpr. *muisieson* und osk. *mais* die Wurzel *meh₂- 'reif werden, gross werden' (lat. *māurus*, altgr. μακρός < *meh₂-k-ro- nach der Wetter-Regel) der Bedeutung nach besser passt als *meh₁- 'messen'.

mittelkymr. *gwyd*) als ‘Bäume habend, mit Bäumen versehen’ von **uid^hu-* ‘Baum’ (air. *fid*, kymr. *gŵydd*). Es trifft zwar vollkommen zu, dass uns Vergleichsmaterial für eine so riskante Rekonstruktion fehlt; es wäre jedoch auf einige interessante Fälle hinzuweisen (s. Rez. 2005c):

– für die Grundsprache ist das Paar **ġéh₂u-* ‘Kinnlade’ (akrostatisch; vgl. toch. A Nom. Du. fem. *śanwem*, indoiranisches **j^(h)anH-u-* sowie die Form von germ. **kinnu-* < **kenu-*) → **ġéh₂u-*, *ġnh₂eus ‘zur Kinnlade gehörig, Kinn, Wange, Mund u.s.w.’ (arm. *cnawt*, altgr. γένειον, air. *gin*, die Bedeutung von germ. **kinnu-*) anzusetzen. Wir dürfen jedoch vermuten, dass es im Indogermanischen auch ein Wurzelnomem ähnlicher Bedeutung gegeben hat: aufgrund von lit. *žándas* ‘Wange, Kinnlade’, lett. *zuóds* ‘Kinn’ sowie altgr. γνάθος und γναθμός⁴⁴ gelangt man zu einer Rekonstruktion **ġonh₂(d^h)-*/**ġnh₂(d^h)-*/**ġneh₂(d^h)-*⁴⁵ (Typ **ḱuó(n)* / *ḱunés ‘Hund’, **d^huó(r)* / **d^hurés* ‘Tür’; vlt. impliziert die wegen des Akzents von γνάθος anzusetzende betonte Schwundstufe in **ġnh₂(d^h)-* älteren Ablaut **ġonh₂(d^h)-*/**ġneh₂(d^h)-*). Sieht man von der Dental-Erweiterung momentan ab, darf man zum Vergleich auch das idg. Wort für ‘Zahn’ heranziehen, das im der Indogermania dem alten Wort **h₁d-ont-* ‘Beisser’ zur Seite gestanden ist: aksl. *зѣбъ*, lett. *zùobs*, toch. A *kam*, B. *keme*, aind. *jám̐bha-*, sowie (semantisch weiter entfernt) altgr. γόμφος, an. *kambr*, lit. *žambas*. Diesem **ġom-b^ho-* ‘Zahn’ liegt, einer kühnen Vermutung von Rez. entsprechend, dasselbe **ġonh₂-* (mit grundsprachlicher Laryngaltilgung gemäss dem de Saussure-Hirtschen Gesetz, und anschließender Assimilation **-nb^h-* > **-mb^h-*) zugrunde⁴⁶. Somit ergibt sich als grundsprachliche Derivationskette: **ġonh₂-*, **ġneh₂-* (>> **ġnh₂-*) ‘Zahn’ ⇒ **ġéh₂u₁-* ‘Gezähnt habend’ > ‘Kinnlade’ (als Derivationsbasis wird schwacher Stamm **ġneh₂-* verwendet)⁴⁷.

– wenn RV *ṁp. λεγ. pādú-* X, 27, 24 mit Oldenberg als ‘Schuh’ zu verstehen ist (was auch mittelindische Evidenz nahelegt, vgl. pā. *pādūkā-* ‘Schuh’), gewinnt das Ableitungsmodell **pó/éd-* ‘Fuss’ ⇒ **pōd-u₁-*

⁴⁴ γνάθος setzt ein **ġnh₂-d^ho-* fort, wohl über ein **gənat^ho-* mit „Reverse-Lindeman“; γναθμός geht (woferne nicht an ersteres angeglichen) auf ein **ġneh₂-d^hmó-* mit Wetter-Regel zurück.

⁴⁵ Schwebeablautendes **ġneh₂(d^h)-* ist wohl im Lokativ zuhause.

⁴⁶ Erst nach der Abfassung dieser Zeile hat sich der Rez. mit den Ausführungen in ganz wichtigem Buch Neri 2003 vertraut machen können, wo *inter alia* eine ähnliche, zwar in Details etwas abweichende Lösung für **ġom-b^ho-* vorgeschlagen worden ist, siehe Neri 2003: 240 (dies mit überzeugenden Parallelen für eine Erweiterung **-b^h*; ob vielmehr ein altes Kompositum mit **b^heh₂-* als Hinterglied vorliegt sei dahingestellt).

⁴⁷ Über dieses “genuine problem” ausführlich an einer anderen Stelle.

‘Fuss in sich habend’ > ‘Schuh’ an Plausibilität (got. *fotus* ist wohl nicht direkt gleichsetzbar).

– sollte Alan Nussbaum Recht haben, indem er die Existenz eines *neġ-u-, *nġġ-ġu-s ‘Tod’ (das manchmal wegen air. *éc* samt Verwandten angesetzt wird) überhaupt leugnet, und kymr. Nom. Pl. *angheu*, air. Nom. Pl. *écaí*, Dat. Pl. *écaib* ‘Tod’ direkt mit av. *nasāum* ‘Leiche’ gleichsetzt (Nussbaum 2001)⁴⁸, wird uns ein weiterer Beleg für possessivisches *-u₁- vergönnt: *neġ- ‘Tod’ (lat. *nex*, altgr. *νέκες*: *νεκροί* Hsch.) ⇒ *néġ-u₁- ‘Tod habend’ (altgr. *νέκυσ* (*ĩ*)) → *néġ-ou-s, *nġġ-ġ-és ‘Tod habend’ (av. *nasāum*, air. Nom. Pl. *écaí*)⁴⁹.

– sollte altgr. *γραῦς*, hom. *γρηῦς* ‘altes Weib’ mit Martin Peters auf ein *ġréh₂-ġu-s, Gen.Sg. *ġréh₂-ġu-os zurückgeführt werden (Peters 1980: 252, Anm. 210⁵⁰; anders Nussbaum 2001: *ġrh₂-s-ou-), ist es durchaus in Erwägung zu ziehen, dass ein Stamm *ġérh₂-i- ‘[hohes] Alter’ zugrunde liegt (ein Versuch, mögliche Reflexe eines solchen Stammes im Griechischen nachzuweisen, zwar aufgrund ausschliesslich onomastischer Evidenz, wurde in Nikolaev 2003 unternommen⁵¹), dadurch gelangt man zu einer Auffassung von *ġréh₂-ġ-u- ‘mit hohem Alter versehen’ als einer Sekundärableitung von besagtem i-Stamm vermittelt des eben thematisierten Suffixes -u₁-: da die Anfügung dieses Suffixes mit Vrddhierung gekoppelt zu werden scheint, wird auch das Auftreten des Wurzelvokals an falscher Stelle verständlich (anzunehmen ist dabei, dass als Derivationsbasis nullstufiges *ġrh₂-i- gedient hat), vgl. *dġġġu-s ⇒ d-e-ġu-ó-, d. h. so wird auch das von Nussbaum angesprochene Problem der Petersschen Lösung, nämlich unerwarteter Schwebeablaut, erledigt⁵².

⁴⁸ Da dieser wichtige Vortrag unveröffentlicht blieb, ist ein Zitat aus der Tischvorlage nicht angebracht:

„1. ancestor of OIr. *tét do écaib* ‘dies’ meant ‘goes to the dead (ones)’; 2. ‘dead ones’ (*ənkoques: Av. *nasāuūō*) reinterpreted as ‘death’; 3. Pre-OIr. alone partly rationalized by back-forming Sg. **enku-* (> *éc* ‘death’) to Pl. *enques“.

⁴⁹ Unklar bleibt jedoch, was für eine Funktion der Derivationskette *néġ-u- → *néġ-ou- in diesem Fall zuzuschreiben ist. Hier sind wir mit einem ganz schwierigen Problem konfrontiert, nämlich, wie viel an grammatischer Semantik wir einem Suffix und wie viel einem Deklinationstyp zuschreiben wollen?

⁵⁰ Wo bemerkt, dass Dr. Peters selbst derzeit geneigt ist die Lösung von Nussbaum anzunehmen.

⁵¹ Die in dieser Arbeit vertretene Erklärung des Schwebeablauts ist somit zu revidieren.

⁵² Als Beispiele für *-u₂- dürfen folgende Fälle dienen: *dóm-/dém-s ‘Haus’ ~ *dóm-u- (lat. *domus*; daher intern *dm-ou- > *δμῶς* ‘Sklave’ < *‘zum Haus gehörig’ abgeleitet); liegt dasselbe Suffix in demjenigen -u- vor, vermittelt dessen von Verbalwurzeln Substantive abgeleitet werden (ved. *jásu-* ← *jas-*,

Das Buch zeichnet sich auch durch die Menge der vorgebrachten Einzelanalysen, sowohl philologischen wie auch rein etymologischen, aus: Ich erwähne gerne die Diskussion von jav. *karšō.rāzqm-* Y 62, 5 (S. 67, Anm. 84) einerseits oder die überzeugende etymologische Deutung von toch A. *ewār* ‘wild’ < *h₂a/oju-ro- (S. 74) und inhaltsreiche Erörterung der Frage nach der Vokalisierung der Laryngale (S. 82) andererseits. Vorzüglich sind Abschnitte über Feinheiten der diachronischen Phonologie des Keltischen (z. B. S. 189–190).

Jetzt, nachdem die Schwerpunkte von W.s Theorie besprochen wurden, möchte ich einige Einzelbemerkungen zum Text darbieten (die Stellungnahmen sind teils als ergänzend konzipiert, teils drücken sie meine eigene Meinung zu den jeweiligen Problemen aus).

W.s Deutung des bekanntlich schwierigen ‘Schlange’-Wortes (S. 63) ist zwar höchst scharfsinnig, für den Rez. jedoch nicht ganz überzeugend: nach dieser (schon auf W.s Magisterarbeit zurückgehenden) Fassung wird das Wort mit anlautendem *h₃ angesetzt, wobei arm. *iž* ‘Viper’ als ein Fortsetzer von einer dehnstufigen Wurzelform und altgr. ὄφις *mithin* als schwundstufig in der Wurzel zu verstehen sei. Somit entfällt leider jede Möglichkeit, altgr. ἔχιδας zum Vergleich heranzuziehen, was angesichts derselben Bedeutung einerseits und des Vorhandenseins einer phonetisch wie morphologisch plausiblen Lösung andererseits nicht zu empfehlen wäre. Denkbar wäre dagegen ein *paradigm-split* in einem ursprünglichen Paradigma *h₁og^{wh}i-, *h₁eg^{wh}i-s, nachdem im Gen.Sg. *h₁eg^{wh}i-s zuerst die Endung verdeutlicht (*h₁eg^{wh}i-s >> *h₁eg^{wh}i-os) und dann nach geläufigen Gesetzen der historischen Phonologie des Altgriechischen das /g^{wh}/ vor /j/ entlabialisiert worden ist (Rix 1992: 86); schliesslich wäre in dem in einem ἰέσσος zu resultierenden *h₁eg^hi-os noch die Suffixgestalt verdeutlicht worden: *ek^hi-os > *ek^hi-os (dahingehend argumentieren Jasanoff und Nussbaum 1996: 198, von W. natürlich erwähnt). Arm. *iž*, sicher dehnstufig, muss jedoch nicht in dasselbe Paradigma mit einer diesfalls überaus komplexen Abstufung gehören: da das armenische Wort eine bestimmte Art Schlange bezeichnet, kann in diesem Fall ein Vrddhi-Derivat vorliegen, “-i- being another manifestation of the usual *vrddhi* vowel -o-” (Olsen 1999: 828, Anm. 21). Palatales */ġ^h/ in der Bezeichnung des Igels – wohl eines „Schlangenfressers“ – (lith. *ežys*, aksl. *ѡжъ* < *h₁eg^hiō-,

---

air. *riuth* ‘Rennen’ ← *reth-*, altgr. τέρυς ← τείρω, siehe Rau 1998: 156)? Man darf auch, nach Analogie zu -o_{1/2}-, vermuten dass dem -o₂- die Bedeutung von Zugehörigkeit eigen gewesen ist; spekulieren dürfte man des weiteren dahingehend, dass in denominalem Gebrauch dieses Suffix amphikinetisch flektierte: dadurch erklären sich Fälle wie *ph₂-ter- ‘Vater’ ⇒ *ph₂-tr-ou- ‘zum Vater gehörig > Onkel’.

altgr. ἐχίνοσ < *h₁eġ^hi-h₃n-o- / *h₁eġ^h-ih₁-no- mit Hoffmann-Suffix, arm. *ozni* < *h₁oġ^h-ē/īn-jo-, ahd. *igil* < *h₁eġ^hilo-) dürfte als analogisch zu *ġ^hēr (lat. *ēr*, *ēris*, altgr. χήρ: ἐχίνοσ) entstanden interpretiert werden.

S. 79 und noch deutlicher S. 99 schreibt W., dass „...die adjektivischen u-Stämme den Ablaut der Wurzel grundsprachlich schon aufgegeben hatten“. Das Urteil ist wohl allzu generalisierend geraten: Reste von hochstufigen adjektivischen u-Stämmen sind fast in jeder Einzelsprache vorhanden (vgl. got. *qairrus*, heth. *tepu-*, s. Neumann 2000: 246, Anm. 8; aus dem Griechischem wäre wohl ἦδύς, εὐρύς, εὐρύς, πράύς, ἀμβλύς, *αἰσχυς, θήλυς, αἰπύς zu nennen: zwar sind dies durchwegs schwierige Fälle, die manchmal ganz knifflige Probleme bieten, trotzdem legen sie nahe, dass besagtes Aufgeben des Wurzelablaufs keine Regel gewesen ist).

S. 88 wird behauptet, dass „für das Indogermanische die Existenz von i-Adjektiva nicht nachzuweisen ist“ (wohl eine des öfteren in der Fachliteratur wiederholte Ansicht). Grundsätzlich stimmt das, doch muss dies nicht so interpretiert werden, dass im Gegensatz zu den u-Stämmen von den akrostatischen i-stämmigen Substantiven vermittels der internen Derivation keine proterokinetic flektierten Adjektiva abgeleitet werden konnten. Als Beispiel dafür kann die altindische Benennung des Feuergottes, *Agní-*, dienen: das Wort setzt offenbar *h₁eġ^w-ni-, *h₁ġ^w-néi-s ‘zum Feuer gehörig’, eine Ableitung von akrostatischem *h₁o/eg^w-ni- ‘Feuer’ (aksl. ОГНЬ) fort⁵³. Der Rez. selber ist bemüht gewesen, solch eine Gleichung aufzustellen: im Falle vom gr. ἄσις ‘Schlamm’ legt das in intervokalischer Stellung erhaltene -σ- den Gedanken nahe, dass das Wort auf ein ablautendes Paradigma zurückgeführt werden muss, und zwar am ehesten *h₂émsi-, Gen.Sg. *h₂mséi-s ‘schwarz > dreckig’⁵⁴: das /s/ im Reflex jenes *h₂ms-i- wird nach *h₂éms-i- analogisch bewahrt (vgl. θρασύς < *d^hérsu-, *d^hrséu-^o der δασύς < *dénsu-, *d^hrséu-⁵⁵), und aind. *ásita-* ‘schwarz’ setzt eine erweiterte Form des i-stämmigen Adjektivs fort.

S. 98 wird anhand der Diskussion der externen Derivate mit der Struktur R(e)-u-o- (die von substantivischen Stämmen abgeleitet werden und somit die Existenz eines schwachen Stammes R(e)-u- wahrscheinlich

⁵³ Auf dieses Beispiel hat den Rez. Jay Jasanoff aufmerksam gemacht (Frühjahr 2002).

⁵⁴ Der Zusammenhang von ἄσις, aind. *ásita-*, heth. *hanzana-* und ahd. *ams(a)la-* ermöglicht die lautliche Rekonstruktion *h₂ems-/ *h₂ms- ‘schwarz’ (das Wort ist somit eins von Beispielen gegen die Wirkung von Rixs Gesetz bei Nasalen; darüber ausführlich Rez. 2005a). Ein Substantiv der Bedeutung ‘Schwärze’ ist m.E. viel weniger wahrscheinlich, zwar gar nicht ausgeschlossen.

⁵⁵ Gegen W. (S. 186) erweist lat. *densus* keinerlei idg. vollstufiges *denso-.

machen, Typ *soru-, heth. *šāru* ‘booty’ : *ser- $\bar{u}$ -o-, kymr. *herw* ‘raid’) ein Beispiel aus einer Mitschrift Nussbaums zitiert, nämlich, γλυκύ- ‘süss’ : γλυκκός· γλυκός Hsch. Die relevanten Probleme der altgriechischen Lautlehre werden gar nicht angesprochen: es ist ja bislang noch nicht befriedigend geklärt worden, was für ein Ergebnis eine urgriechische Sequenz *-k $\bar{u}$ - überhaupt gehabt hat; ich verweise auf einen rezenten Aufsatz von Irene Balles (Balles 2002), wo sie für die lautgesetzliche Lautentwicklung zu -(π) π - plädiert (implizit argumentiert dahingehend auch Rix 2003: 371–372; diesen Hinweis verdanke ich Sergio Neri)⁵⁶.

Die Fachliteratur ist ungefähr bis 2002 rezipiert. Leider nicht mehr herangezogen werden konnte der wichtige Beitrag George-Jean Pinault (Pinault 2003), der dem Autor offenkundig nicht rechtzeitig zugänglich geworden ist; Pinault hat sich übrigens streng gegen eine rezente Deutung von Martin Peters geäußert: nach letzterem stellt toch. B *mot* ein wichtiges Indiz eines akrostatischen Stammes *mód^hu- dar (zu dieser Idee ist W. unabhängig gelangt, S. 101). Es ist zwar klar, dass in Widmers Arbeit keinerlei Vollständigkeit in der Beschreibung möglicher Fälle der internen Derivation angestrebt wurde, dennoch ist nicht ganz klar, warum Rau 1998[2001], eine wichtige *case study* eines interessanten Beispiels interner Derivation bei u-Stämmen, nicht rezipiert wurde⁵⁷. Es ist weiters bedauerlich, dass die Doktorarbeit von Xavier Tremblay (Tremblay 1998a), wo die gesamten avestischen u-Stämme Gegenstand einer gründlichen Untersuchung sind, sowie die Magisterarbeit von Sergio Neri (Neri 2003), wo sämtliche u-Stämme des Gotischen behandelt werden, für den Autor augenscheinlich unzugänglich geblieben sind; der Aufsatz Tremblays über interne Derivation (im selben Band wie derjenige von Pinault) ist W. ebenso nicht rechtzeitig zugänglich geworden. Dasselbe betrifft den ungemein wichtigen Aufsatz Friedman 2003.

⁵⁶ Der Rez. selber ist der Meinung, dass solche Beispiele wie isoliertes λάκκος, das offenbar als eine derartige Ableitung von akrostatischem *loku- (air. *loch*) aufgefasst werden muss (wohl *l₂kuos mit einem *Schwa secundum*), die Entwicklung zu -κκ- höchst wahrscheinlich machen; die Ableitung könnte sich jedoch jederzeit der Form nach ans Grundwort angegliedert haben, deswegen ist auch der Fall von πέλεκκον Il. 13. 612, πελέκκησε Od. 5. 244 gegenüber πέλεκυς ‘Axt’ nicht ganz überzeugend (das Wort ist zwar ein vorderasiatisches Lehnwort, aber sicherlich indogermanischen Alters, vgl. aind. *paraśú-*).

⁵⁷ W. begrenzt seine Untersuchung auf adjektivische u-Stämme; die Stämme, die zwar durch interne Derivation zustande gekommen sind, sich jedoch ausschliesslich substantivische Bedeutung angeeignet haben, bleiben ausser Betracht.

Es erübrigt sich zu sagen, dass alle relevante Aufsätze von Jochem Schindler und Alan Nussbaum, den für die Entwicklung der Theorie von der internen Derivation wichtigsten Forschern, gebührende Erwähnung finden⁵⁸; auf das Verhältnis dieses Buches zum Werk von Alan Nussbaum ist besonders im Vorwort hingewiesen: Der Autor hebt hervor, dass ihm eine Mitschrift Nussbaumscher Vorlesungen erst im Frühjahr 2003 bekannt geworden ist (auf diese Mitschrift ist im Text mehrmals verwiesen). Nussbaum hat auch *per litteras* dem Autor manche Anregung gegeben (am deutlichsten erhellt dies aus dem Abschnitt über *h₁ē/ōsu-). Dadurch hat die Arbeit natürlich nur an Qualität gewinnen können.

Der Satz ist sehr sauber; ich vermag nur folgende Ungeschicklichkeit anzumerken: S. 65 wird πεοσ- für πέος oder πεε- geschrieben⁵⁹. Was die Schreibung der griechischen Wörter sonst anbelangt, fand ich die Verwendung von oberem Strich statt Bindestrich unglücklich. S. 65 wird für aind. (*ṛdhád*)*rayas*, das W. als Nom. Pl. gelten lässt, eine Vorform *-rh₁-e₁-ns mit der Endung von Akk. Pl. rekonstruiert (eine Erläuterung wäre wohl auf jeden Fall wünschenswert gewesen, da Grassman die Form vielmehr als Gen. bestimmt⁶⁰). Manches ist in den Literaturverweisen schief geraten: S. 158, Anm. 241 wird auf „van Windkens“ verwiesen (statt van Windekens), S. 164 auf „Meiser 1989“ (statt Meiser 1998) und S. 186 auf „Darms 1987“ (statt Darms 1978); Hintze 1994

---

⁵⁸ Bei der Diskussion von altr. πολύς vermisst man jedoch den Hinweis auf Nussbaum 1997.

⁵⁹ Die Rekonstruktion *h₂pesos- wird ohne jeglichen Verweis aufs Problem des anlautenden Laryngals gegeben: im Lichte sowohl der hethitischen (OS: Nom. Pl. *pí-še-ni-eš*, KUB XLIII 30, Rs. III, 11; KBo XVII 1 + KBo XXV 3, Rs. IV, 6 haben *p|í-iš-na-a-aš*) wie auch der griechischen Evidenz liegt die Annahme eines anlautenden Laryngals keineswegs nahe; Pinault 2004: 454 rekonstruiert zwar ein Wurzelnomen *pes- ‘Reiben’, dem man eine o/e-Wurzelapophonie zuschreiben und für das man daher auf einen frühen Laryngalschwund nach dem de Saussureschen Gesetz und folgende Durchführung eines laryngallosen Stammes schliessen darf (ein ähnlicher Fall liegt wohl nach *opinio communis* in der voreinzelsprachlich nach *dom(h₂)- ‘Gebäude’ „anišisierten“ Wurzel *dem- ‘bauen’ vor, siehe jedoch Rez. 2005b), doch ist all dies noch kein Grund, um eine Änderung an der Rekonstruktion dieser Wurzel, die auch keinen Gewinn zu bringen scheint, vorzunehmen. Da W. selber andererorts (*apud* Rieken 2004: 292) mit *pesos- operiert, muss *h₂pesos- ein Versehen sein.

⁶⁰ Vlt. mit gutem Recht, da es an der genannten Stelle (VIII, 46, 23ab *dása šyāvā ṛdhádrayo vītāvārāsa āśāvah*) es sowohl um „zehn schnelle geraden Schweif habende Rosse eines Reichtum mehrenden“ wie auch um „zehn schnelle geraden Schweif habende Reichtum mehrende Rosse“ (i. S. v. Ludwig) gehen kann. Geldner knüpft das Hinterglied an die Wurzel *rī-* / *ray-* an, indem er nominativisch übersetzt „den Lauf gewinnende Renner“.

erscheint überhaupt nicht in der Bibliographie; S. 214 steht in dem Literaturverzeichnis „The Phonological Development...“ und S. 229 sowohl „Die primärem“ wie auch „Rekonstruktion der“; bei Lubotsky 1981 fehlen die Seitenangaben (133–138).

Zusammenfassend darf folgendes gesagt werden: es liegt uns eine ungemein wichtige Studie vor, in der (manchmal zum ersten Mal) die aktuellsten Probleme der modernen Indogermanistik erörtert werden. Praktisch wird eine dringend notwendige Einführung in die Theorie der internen Derivation dargeboten; es werden wichtige Fragen gestellt, und es werden sehr interessante Antworten gegeben, wenn auch manches für die zukünftige Forschung zu erledigen bleibt. Am Anfang der Besprechung ist schon die Tatsache zur Sprache gekommen, dass das Buch eigentlich nur zwei Wörtern gewidmet ist: In dieser Hinsicht ist ein Vergleich mit Alan Nussbaums „Head and Horn“ alles andere als unwürdig. Das Buch ist sehr luzid und klar geschrieben; alle Behauptungen folgen ganz logisch aus einander. Selbst wenn man dem Autor in einigen Punkten seiner Ausführungen nicht immer gerne zustimmen will, oder auch wenn einem in bezug auf W.s Hauptidee noch manches Bedenken kommt, steht es ausser Zweifel, dass ab nun jeder mit der Nominalmorphologie des Urindogermanischen Beschäftigte dieses Buch auf seinem Tisch nicht weg lassen darf.

Abgekürzt zitierte Arbeiten:

- Николаев 2003 – Николаев А. С. Индоевропейское обозначение года и проблема Locativus Sg. в акростатическом склонении // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 16–18 июня 2003 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2003. С. 167–179.
- Николаев 2005a – Николаев А. С. К действию закона Рикса в древнегреческом языке // *Hrdá mánasā*: Сборник статей к 70-летию проф. Леонарда Георгиевича Герценберга / Ред. Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова, А. С. Николаев, А. В. Шацков. СПб.: Наука, 2005. С. 38–72.
- Николаев 2005b – Николаев А. С. Тох. А *śamantār* и индоевропейский претерит с продленной ступенью аблаута в корне // Вопросы языкознания. 2005. Т. 5. С. 68–83.
- Николаев 2005c – Николаев А. С. Соотношение грамматической и лексической семантики в индоевропейском языке: вопросы внутренней деривации // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 20–22 июня 2005 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. С. 158–169.
- Николаев 2006 – Николаев А. С. О суффиксе индоевропейских и тохарских причастий (к проблеме звукового развития и.-е. *ē > пратох.

- *'æ) // Acta Linguistica Petropolitana. T. 2. Ч. 1. СПб.: Hayka, 2006. С. 46–78.
- Balles 1997 – Balles I. Reduktionserscheinungen in langen Wortformen als Ursprung morphologischer Doppelformen im Urindogermanischen: die Suffixformen *-iō- und *-iō- // Die Sprache. 1997. Bd. 39. H. 2. S. 147–167.
- Balles 2002 – Balles I. Air. *barae*, gr. *φρένες*, gr. *πραπίδες* und die Vertretung von idg. *-kū- im Griechischen // *Novalis Indogermanica: Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag / Hrsgg. von M. Fritz und S. Zeilfelder*. Graz: Leykam, 2002. S. 1–24. (Grazer vergleichende Arbeiten; 17).
- Beekes 1990 – Beekes R. S. P. Wackernagel's explanation of the lengthened grade // *Sprachwissenschaft und Philologie (Wackernagel Colloquium) / Hrsgg. von H. Eichner und H. Rix*. Wiesbaden: Ludwig Reichert. S. 33–53.
- Eichner 1985 – Eichner H. Das Problem des Ansatzes eines urindogermanischen Numerus 'Kollektiv' ('Komprehensiv') // *Grammatische Kategorien – Funktion und Geschichte. (Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Berlin, 20–25.02.1983) / Hrsgg. von B. Schlerath, V. Rittner*. Wiesbaden: L. Reichert, 1985. S. 134–169.
- Friedman 2003 – Friedman J. Notes on IE *ǵ^hiēm- 'winter' // *UCLA Indo-European Studies Bulletin*. 2003. Vol. 10. Nr. 2. P. 1–20.
- García Ramón 1992 – García Ramón J. L. Griechisch *ἱερός* und seine Varianten, vedisch *iṣirá-* // *Rekonstruktion und Relative Chronologie (Akten der VIII. Fachtagung der Indogermanische Gesellschaft, Leiden 31. August – 4. September 1987) / Hrsgg. von R. S. P. Beekes, A. Lubotsky und J. Weitenberg*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1992. S. 183–205. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 65).
- Griepentrog 1995 – Griepentrog W. Die Wurzelnomina im Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1995. 510 S. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 82).
- Hoffmann, Forssman 1996 – Hoffmann K., Forssman B. Avestische Laut- und Flexionslehre. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 84). 330 S.
- Janda 1998 – Janda M. Die hohle und die geschlossene Hand im Urindogermanischen // *Die Sprache*. 1998. Bd. 40. H. 1. S. 1–25.
- Jasanoff, Nussbaum 1997 – Jasanoff J. H., Nussbaum A. J. Word games: the linguistic evidence in Black Athena // *Black Athena revisited / Ed. by M. R. Lefkowitz, G. M. Rogers*. Chapel Hill; University of North Carolina Press, 1997. P. 177–205.
- Klingenschmitt 1982 – Klingenschmitt G. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden: L. Reichert, 1982. 306 S.
- Klingenschmitt 2000 – Klingenschmitt G. Mittelpersisch // *Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft*

- vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen / Hrsgg. von B. Forssman, R. Plath. Wiesbaden: L. Reichert, 2000. S. 191–229.
- Larsson 2001 – Larsson J. H. Proto-Indo-European Root Nouns in the Baltic Languages // Proceedings of the Twelfth Annual UCLA Indo-European Conference (Los-Angeles, May 26–28, 2000) / Ed. by M. E. Huld, K. Jones-Bley, A. della Volpe and M. R. Dexter. Washington, D.C.: Institute for Study of Man, 2001. P. 50–64.
- Lubotsky 1998 – Lubotsky A. Avestan *xʷarənah*: the etymology and concept // Sprache und Kultur der Indogermanen (Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Innsbruck, 22.-28. September 1996) / Hrsgg. von W. Meid. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998. P. 479–488. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 93).
- Martínez García 1997 – Martínez García F. J. Apuntes sobre la ampliación en -n- de la flexión nominal indoeuropea // Veleia. 1997. Vol. 14. P. 355–367.
- Meiser 1998 – Meiser G. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. 258 S.
- Méndez Dosuna 1993 – Méndez Dosuna J. Metátesis de cantidad en Jónico-Ático y Heracleota // Emerita. 1993. T. 61. Fasc. 1. P. 95–134.
- Neri 2003 – Neri S. I sostantivi in -u del gotico. Morfologia e preistoria. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, Abteilung Sprachwissenschaft, 2003. 393 S. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 108).
- Neumann 2000 – Neumann G. ῥίμφα und *rawakose* // Philokypros: Mélanges de philologie et d'antiquités grecques et proche-orientales dédiés à la mémoire d' Olivier Masson / Éd par L. Dubois et E. Masson. Salamanca: Universidad de Salamanca, 2000. P. 245–250. (Suplementos a Minos; Núm. 16).
- Nikolaev 2003 – Nikolaev A. S. Rund um att. γρᾶϋς, hom. γρηϋς: zur Deutung einiger altgriechischer Personennamen // Colloquia Classica et Indo-Germanica III / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2003. S. 179–198.
- Nussbaum 1986 – Nussbaum A. J. Head and Horn in Indo-European: the words for “horn”, “head” and “hornet”. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1986. 305 p. (Studies in Indo-European Language and Culture; Vol. 2).
- Nussbaum 1997 – Nussbaum A. J. A Note on Hesychian τέρυ and τέρυας // Festschrift for Eric P. Hamp / Ed. by D. Q. Adams. Washington D.C.: Institute for the Study of Man, 1997. P. 110–119. (Journal of Indo-European Studies Monograph Series; Vol. 23).
- Nussbaum 1998a – Nussbaum A. J. Two studies in Greek and Homeric linguistics. Göttingen: Vanderhoeck und Ruprecht, 1998. 177 p. (Hypomnemata; Heft 120).
- Nussbaum 1998b – Nussbaum A. J. More on “Decasuative” Nominal Stems in Indo-European. Vortrag gehalten an der 17 East Coast Indo-European Conference (University of North Carolina, Chapel Hill, 31.05.1998).
- Nussbaum 1999 – Nussbaum A. J. *Jocidus: an Account of the Latin Adjectives in -idus // Compositiones Indogermanicae in Memoriam Jochem

- Schindler / Hrsgg. von H. Eichner, H.-Chr. Luschützky, V. Sadovski. Praha: enigma corporation, 1999. S. 377–420.
- Nussbaum 2001 – Nussbaum A. J. Some secondary u-stems in Greek and Indo-European: Greek γράυς ‘old woman’ and IE *nekoṷ- ‘corpse’. Vortrag gehalten an der Tagung “Indo-European Noun Formation – Inventory and Analysis” (Copenhagen 20–21.10.2001). Nicht erschienen in den Akten.
- Oettinger 2000 – Oettinger N. Heth. *udnē*, armen. *getin* und lyk. *wedre/i-* // Anusantatyai: Festschrift für Johanna Narten zum 70. Geburtstag / Hrsgg. von A. Hintze und E. Tichy. Dettelbach: Röhl, 2000. S. 181–187. (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft Beiheft; 19).
- Oettinger 2005 – Oettinger N. Hysterokinetische n-Stämme als Nomina agentis: Zu gr. ἄρσην ‘Männchen’ und anderem // *Hṛdā mānasā*: Сборник статей к 70-летию профессора Леонарда Георгиевича Герценберга / Ред. Н. Н. Казанский, Е. П. Крючкова, А. С. Николаев, А. В. Шацков. СПб.: Наука, 2005.
- Olsen 1999 – Olsen B. A. The Noun in Biblical Armenian: Origin and Word-Formation (with special emphasis on the Indo-European heritage). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. 1100 p. (Trends in Linguistics: Studies and Monographs; 119).
- Peters 1994 – Peters M. Griech. γῆ, armen. *erkir* ‘Erde’ // Iranian and Indo-European Studies: Memorial Volume of Otakar Klima / Ed. by P. Vavroušek. Praha: enigma corporation, 1994. P. 205–213.
- Peters 1997 (2002) – Peters M. Indogermanische Chronik 35. Teil 3 // Die Sprache. 1997 (2002). Bd. 39. H. 3. S. 94–129.
- Peters 2002 – Peters M. Aus der Vergangenheit von Heroen und Ehegöttinnen // *Novalis Indogermanica*: Festschrift für Günter Neumann zum 80. Geburtstag / Hrsgg. von M. Fritz und S. Zeilfelder. Graz: Leykam, 2002. S. 357–380. (Grazer vergleichende Arbeiten; 17).
- Pinault 1980 – Pinault G.-J. Instrumental et adverbe prédicatif (en marge de „Genetiv und Adjektiv“) // *LALIES*. 1980. T. 1. P. 31–33.
- Pinault 2003 – Pinault G.-J. Sur les thèmes indo-européens en *-u-: dérivation et étymologie // *Indogermanisches Nomen: Derivation, Flexion, Ablaut* (Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft, Freiburg, 19. bis 22. September 2001) / Hrsgg. von E. Tichy, D. Wodtko, B. Irslinger. Bremen: U. Hempen, 2003. P. 153–188.
- Pinault 2004 – Pinault G.-J. Sur les traces du lièvre tokharien // *Per Aspera ad Asteriscos: Studia Indogermanica in Honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV* / Ed. by A. Hyllested, A. R. Jørgensen, J. H. Larsson et Th. Olander. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2004. S. 447–456. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 112).
- Rau 1998 – Rau J. PIE *uóǵidu- /uéǵidu- and its Derivatives // *Die Sprache*. 1998. Bd. 40. H. 2. S. 133–160.
- Rieken 1999 – Rieken E. Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen. Wiesbaden: Harrasowitz, 1999. 608 S. (Studien zu den Bogazköy-Texten; Heft 44).

- Rieken 2004 – Rieken E. Reste von e-Hochstufe im Formans hethitischer n-Stämme? // Indo-European Word Formation (Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen, October 20th-22nd 2000) / Ed. by J. Clackson and B. A. Olsen. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2004. S. 283–294.
- Ritter 1983 – Ritter R.-P. Eine verkannte Etymologie für armen. *aniw* ‘Rad’ // MSS. 1983. Bd. 42. S. 191–196.
- Rix 1992 – Rix H. Historische Grammatik des Griechischen: Laut- und Formenlehre / 2. korr. Auflage. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. 297 S.
- Rix 2003 – Rix H. The Latin imperfect in *-bā-*, the Proto-Indo-European root **b^hueH₂-* and full grade I forms from *seṭ*-roots with full grade II // Language in Time and Space: A Festschrift for Werner Winter on the Occasion of his 80th Birthday / Ed. by B. L. M. Bauer, G.-J. Pinault. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 363–384. (Trends in Linguistics, Studies and Monographs; 144).
- Schaffner 2001 – Schaffner S. Das Vernersche Gesetz und der innerparadigmatische Grammatische Wechsel des Urgermanischen im Nominalbereich. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, Abteilung Sprachwissenschaft, 2001. 664 S. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 103).
- Schaffner 2003 – Schaffner S. Der Beitrag des Germanischen zur Rekonstruktion der urindogermanischen Akzent- und Ablautklassen // Indogermanisches Nomen: Derivation, Flexion, Ablaut (Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft, Freiburg, 19. bis 22. September 2001) / Hrsgg. von E. Tichy, D. Wodtko, B. Irslinger. Bremen: U. Hempfen, 2003. S. 203–218.
- Schindler 1967 – Schindler J. Tocharische Miscellen // Indogermanische Forschungen. 1967. Bd. 72. S. 239–249.
- Schindler 1969 – Schindler J. Die idg. Wörter für „Vögel“ und „Ei“ // Die Sprache. – 1969. Bd. 15. S. 144–167.
- Schindler 1972 – Schindler J. L’apophonie des noms-racines indo-européens // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1972. T. 67. Fasc. 1. P. 31–38.
- Schindler 1984 – Schindler J. Einiges über indogermanische o-Stämme. Referat gehalten am 4.12.1984 (Wien).
- Schindler 1994 – Schindler J. Alte und neue Fragen zum indogermanischen Nomen // In Honorem Holger Pedersen (Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft, Kopenhagen 1993) / Hrsgg. von J.E. Rasmussen. Wiesbaden: L. Reichert, 1994. S. 397–400.
- Schmidt 1885 – Schmidt J. Der locativus singularis und die griechische i-declination // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (= Kuhns Zeitschrift). 1885. Bd. 27. S. 287–309.
- Tremblay 1998a – X. Tremblay. Études sur les noms suffixaux athématiques de l’Avesta: Thèse de Doctorat pas publié. Paris, 1998.
- Tremblay 1998b – Tremblay X. Sur *parsui* du Farhang-i-ōim, *ratu-*, *pərātu-*, *pitu-* et quelques autres thèmes avestiques en -u // Studia Iranica. 1998. Vol. 27. Fasc. 2. P. 187–204.

- Tremblay 2003 – Tremblay X. Interne derivation: “Illusion der la reconstruction” oder verbreitetes morphologisches Mittel? Am Beispiel des Awestischen // Indogermanisches Nomen. Derivation, Flexion und Ablaut. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft (Freiburg, 19.-22. September 2001) / Hrsgg. von E. Tichy, D. Wodtko, B. Irslinger. Bremen: U. Hempfen, 2003. S. 231–259.
- Tremblay 2004 – Tremblay X. Die Ablautstufe des Lokativs der akrostatischen Nomina // Per Aspera ad Asteriscos: Studia Indogermanica in Honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV / Ed. by A. Hyllested, A. R. Jørgensen, J. H. Larsson et Th. Olander. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2004. S. 573–590. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 112).
- de Vaan 2003 – Vaan M. de. The Avestan Vowels. Amsterdam; New York: Rodopi. 710 p. (Leiden Studies in Indo-European; Vol. 12).
- de Vaan 2004 – Vaan M. de. ‘Narten’ Roots from the Avestan Point of View // Per Aspera ad Asteriscos: Studia Indogermanica in Honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV / Ed. by A. Hyllested, A. R. Jørgensen, J. H. Larsson et Th. Olander. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2004. S. 591–600. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft; Bd. 112).
- Vine 1999 – Vine B. Lat. *-ināre* / *-ināri* // UCLA Indo-European Studies. 2000. Vol. 1. P. 71–84.
- Weiss 1993 – Weiss M. Studies in Italic Nominal Morphology. Unveröffentlichte Cornell Doktorarbeit.
- Young 2002 – Young S. Lithuanian *žiaurūs* : *žvėrūs* // Acta Linguistica Lithuanica. 2002. Vol. 47. P. 109–115.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ТРИПОЛЬЕ / КУКУТЕНЬ. О ДОВЕРИИ К ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ПОСТРОЕНИЯМ АРХЕОЛОГОВ

Следует оговориться с самого начала: настоящая работа не ставит перед собой цель проследить *все* попытки лингвистической атрибуции этой важнейшей энеолитической археологической культуры. Во-первых, за десятилетия, прошедшие после открытия и идентификации Триполья – Кукутень, этих попыток было достаточно, однако, как и сейчас, они, по большей части, являются производными от целостных археологических и палеолингвистических построений, большинство из которых уже отвергнуто современной наукой. Поэтому ниже речь пойдёт лишь о гипотезах, предложенных в последние десятилетия. Во-вторых, изучение даже этих недавних попыток лингвистической атрибуции (можно сразу же отметить, что большинство из них было предпринято археологами) связано с поисками ответа на известный вопрос: *Archaeologists and Indo-Europeanists – Can They Mate?*¹. По понятным причинам, оценка большинства гипотез будет дана с точки зрения лингвистической индоевропеистики: формы керамики или, скажем, погребального обряда в данном случае нерелевантны. В ряде же случаев придется прибегнуть к аргументам обычного здравого смысла, ибо некоторые из обсуждаемых ниже гипотез – в том числе и предложенных достойными специалистами в своей области – следует, прежде всего, рассматривать именно так, а не как-либо иначе.

Как поэтически выразился Дж. Мэллори, «this quest for the origins of the Indo-Europeans has all the fascination of an electric light in the open air on a summer night: it tends to attract every species of scholar or would-be savant who can take pen to hand» (Mallory 1989: 143. См. также обзор проблематики: Mallory 1973: 21–65.). Действительно, за время существования индоевропеистики было предложено значительное количество локализаций «индоевропейской прародины» и вариантов хронологических рамок, в которых она должна была существовать. На сегодняшний день сосуществуют две основные теории. Согласно одной, индоевропейцев следует локализовать в

---

¹ Hawkes 1987: 203–215. Об “interdisciplinary miscommunications” между лингвистами и археологами см. статью Р. Диболда в этом же издании (Diebold 1987: 19–71). См. также Дыбо 2003: 65–79.

Анатолии в эпоху неолита, и индоевропеизацию континента следует увязать с распространением древнейшего сельского хозяйства². В соответствии со второй, связанной с такими именами, как М. Гимбутас, В. Н. Даниленко, Н. Я. Мерперт и (со значительными модификациями) отстаиваемой Дж. Мэллори и Д. Энтони³, индоевропейцев помещают в Северопричерноморских степях в эпоху энеолита⁴. Следует отметить, что в последнее время традиционные взгляды на систему взаимоотношений между «степью» и сельскохозяйственным населением Триполья / Кукутень были подвергнуты значительной ревизии, и ряд археологов (М. Ю. Видейко, Ю. Я. Рассамахин, И. В. Манзура и др.) настаивают на том, что движение происходило не из степи, а в степь (см. с дальнейшей библиографией: Манзура 2000: 237–295 и Manzura 2005: 313–328). При любом подходе к локализации индоевропейской прародины культура Триполье / Кукутень, названная так по двум эпонимным поселениям, открытым, соответственно, в 1909 и 1899 гг. на Украине и в Румынии, так или иначе оказывается местом, где возникали связи между индоевропейским и доиндоевропейским миром Европы.

Сразу же следует отметить, что при анализе этой проблематики возможны также и недоразумения, вызванные исключительно терминологическими расхождениями в отдельных традициях. Прежде всего это касается позднего периода, условно называемого «Триполье С-2» (в румынской традиции его именуют «переходным»). Как было отмечено, «трансформация основных признаков культуры Триполье / Кукутень на заключительных стадиях развития была настолько ощутимой, что неизбежно породила разногласия в раскрытии содержания понятия «позднее Триполье» и даже вызвала возражение ряда исследователей против отнесения позднейших памятников к этой культуре» (Дергачев, Манзура 1991: 5. Ср. также:

---

² В классическом виде сформулирована в монографии: Renfrew 1987. Обстоятельный анализ этой книги и немедленных откликов на неё археологов и лингвистов см. в работе: Meid 1989. В дальнейшем Ренфрю значительно модифицировал свою теорию, ср., напр., Renfrew 2000: 7–34 и см. ссылки на его сочинения ниже. «Анатолийская прародина» индоевропейцев разрабатывается (по-разному) в трудах многих исследователей, преимущественно – археологов.

³ Mallory 1989; ср. Mallory, Adams 2006. Последняя работа хорошо известна российским индоевропеистам, см. Герценберг 2007: 53. Ср. также недавнее исследование: Anthony 2007.

⁴ Предпринимались и попытки синтеза этих построений, см., напр., Cavalli-Sforza 1996: 66–67; критику см. в работе Naarmann 1998: 409–410. Об иных направлениях поиска и.е. прародины (Николс, Хауслер), см. ссылки в Mallory, Adams 2006: 463. О теории М. Алинеи см. ниже.

Дергачев 1980 и ряд обобщающих статей в сборнике: *Cucuteni aujour'd'hui*. Piatra Neamț 1996). К примеру, Усатовская археологическая группа в северо-западном Причерноморье (прибл. 3270–2880 гг.), традиционно рассматривается в рамках периода Триполье С-2, однако в формировании населения, ассоциируемого с этой культурой, принимал участие как позднетрипольский компонент, так и степной. Исследователи отмечают (см., напр., Manzura 2005: 332–334. Ср. также Manzura 1993: 30–34, библиография), что известная социальная дифференциация «усатовцев» могла определяться этнической принадлежностью. Недавно было высказано предположение (Anthony 2007: 349–360; Anthony 2008: 1–51) о том, что доминанция степной элиты сделало «усатовское общество» носителем индоевропейского диалекта, который лёг в основу прагерманского. Впрочем, и хронология, и механизм распространения «усатовского языка», предложенные Д. Энтони, вызывают существенные возражения⁵. Следует также отметить, что ряд исследователей-археологов (см., напр., Nikolova 2005: 92, библиография) полагает, что изменение материальной культуры в макро-регионе не связано с приходом пришлого населения, а «изменение населения» (“population change”) не является предпосылкой для изменения языкового.

Возвращаясь к основной проблематике предлагаемого исследования, можно с самого начала напомнить, что ономастические данные (в первую очередь – гидронимика) справедливо не используются в современной науке для установления и.-е. прародин⁶. Обращение же археологов к топонимике для дополнительной аргументации предлагаемых гипотез, основанных собственно на археологических данных (или в качестве самостоятельной гипотезы), у лингвистов может вызвать только недоумение. Остановлюсь лишь на двух примерах, демонстрирующих две различные стороны этого распространного заблуждения. Уважаемый археолог (Дергачев 2000: 188–236, особенно с. 208; ср. Dergachev 2002: 93–112) отстаивает «миграционную концепцию», согласно которой войны-индоевропейцы завоевывают мирное сельскохозяйственное население Триполья / Кукутень. Для доказательства оборонительной сущности последней он ссылается на ... современные названия соответствующих поселений, как румынские и венгерские, так и славянские. В. А. Дергачёв

⁵ См. Фалилеев 2008. Рассматривая социальную организацию «усатовского общества» Энтони делает те же методологические ошибки, которые характерны для многих построений археологов, поверхностно знакомых с теорией, к примеру, Ж. Дюмезиля, см. в этой связи: Schjødt 1996: 184–196.

⁶ Ср.: Mallory, Adams 2006: 447. В скобках отмечу, что недавнюю попытку П. Буссе (Busse 2007: 89–98) использовать гидронимические данные для установления кельтской прародины нельзя считать убедительной.

указывает на топонимы, отражающие естественную труднодоступность рельефа (Coada Dealui, Măgura, Stîncă, Остров, Скала, Гора), и искусственные оборонительные сооружения (Cetate / Cetățuie, La Șanțuri, Horodiște, Городище). Он приводит статистику соотношения этих географических названий (244 примера) с укрепленными поселениями по периодам:

	Топонимы	Укрепленные поселения
Pre-Cucuteni- Триполье А	5	4
Cucuteni А- Триполье В	90	47
Cucuteni АВ – Триполье В2	27	9
Cucuteni В- Триполье С1	56	26
Последний период	66	42

Понятно, что подобный лингвистический аргумент не нуждается в каком-либо комментарии. Стоит впрочем отметить, что рассматривая эти данные автор призывает лингвистов подумать о механизме, который позволил сохраниться до наших дней топонимам, созданных в эпоху энеолита. Полагаю, что лингвисты не откликнутся на этот призыв.

Иной подход к топонимике регионов, населённых в древности носителями культуры Триполья / Кукутень, представлен в монографии Ю. Л. Мосенкиса (Мосенкіс 2001). Этот исследователь полагает, что язык соответствующих племён ... оставил лингвистические следы в современных географических названиях. Мосенкис выделяет «трипольский субстрат» в сопоставлении с ономастическими данными других регионов как Европы, так, скажем, и Кавказа, где засвидетельствованы следы близких археологических культур, и где ряд топонимов и гидронимов внешне напоминают украинские, ср., например, название рек *Хорол* на Украине и *Q'orolis-cq'ali* 'хорольская вода' в Аджарии. Метод, используемый в этой работе – понятен, и, казалось бы, что подобную публикацию вообще неэтично упоминать в научном контексте – произведений типа «Россия – родина слонов» или «The Moon is made of cheese» достаточно на прилавках как отечественных, так и зарубежных книжных магазинов. Однако тот факт, что это произведение было подробно отрецензировано известным учёным в уважаемом российском лингвистическом журнале (Илиади 2003: 149–153), заставляет о многом задуматься.

Оставив в покое «вечноживой трипольский язык»⁷, обратимся к вопросам собственно лингвистической атрибуции носителей культуры Триполья / Кукутень. Очевидно, что для тех исследователей, которые прослеживают исход индоевропейцев из Малой Азии, эта группа должна представлять индоевропейские племена, в то время как для сторонников «курганной гипотезы» она принадлежит неиндоевропейской «Old Europe» (в терминологии М. Гимбутас). Это действительно так. Здесь можно выделить несколько недавних работ. Так, М. Алексиану, уделяя значительное внимание индоевропейско – прото-уральским контактам, полагает, что в случае признания носителей культуры Триполья / Кукутень индоевропейцами, эти контакты становятся необъяснимыми⁸. Другой исследователь – М. Вандер Линден (Vander Linden 2004: 138–154) – рассуждает об «автономизации» памятников типа Животиловка – Волчанск, сочетающих заимствованные элементы и местные «традиции степи», в рамках т. н. «ностратической гипотезы». Как полагает автор, для которого, в этой связи, также предпочтительнее локализация индоевропейцев в Северном Причерноморье, «the process of “autonomization” observed in the archaeological record has close affinities with the phenomena implicitly but logically implied by the putative existence of a former, larger Nostratic unity». Такой взгляд, впрочем, идёт вразрез – как хронологически, так и географически – с каноном описания, принятым собственно в ностратических построениях, которые помещают носителей этого конструкта в юго-западной Азии значительно более раннего периода⁹. Как и многие другие специалисты, ассоциирующие индоевропейцев со степью, эти исследователи совершенно обоснованно не пускаются в поиски лингвистической идентификации неиндоевропейцев-носителей культуры Триполья / Кукутень¹⁰. Впрочем, в некоторых работах эти неиндоевропейцы ассоциировались и с хаттами, и с кавказскими племенами, а в недавней обстоятельной (но весьма проблематичной) книге Д. Энтони по индоевропейской проблематике их – как, скажем, и носителей культур Караново I, Криш и Старчево, следы

⁷ «Пред-письмо» Триполья / Кукутень (см. Lazarovici 2006: 57–92; более широкий контекст: *Signs of Civilisation*. Novi Sad, 2004), несмотря на многочисленные попытки (что, конечно, вполне ожидаемо), нерасшифровано.

⁸ Alexianu 2006: 209–214. Впрочем, об опасности перевода лингвистических контактов в географические координаты см. Mallory, Adams 2006: 456.

⁹ См., напр., Dologopolsky 1998. Ср. Р. 26 и 64. Построение Вандер Линдена не учитывает ни одной работы, написанной на восточнославянских и румынском языках.

¹⁰ Подобные размышления, как отмечает В. Майд (Meid 1991: 38), строятся в вакууме и носят исключительно спекулятивный характер.

которых ведут в неолит Греции – считают носителями некоторого афро-азиатского языка (см. Mallory, Adams 2006: 461; Anthony 2007: 147, 305). Понятно, что лингвистическая составляющая подобных построений основывается на общей логике видения тем или иным учёным динамики (или статики) доисторического населения региона. Стоит заметить в этой связи, что согласно антропологическим наблюдениям, останки носителей этой культуры идентифицируют со «средиземноморским» типом¹¹, однако антропологические аспекты археологии («био-археология») вызывают сомнения и даже споры¹².

Большинство исследователей, для которых Триполье / Кукутень является культурой индоевропейской, пытаются соотнести язык её носителей с той или иной группой в составе индоевропейской языковой семьи. Нередко этой семьёй оказываются ... славяне. В «классическом» варианте теории К. Ренфрю об этом говорить не очень внятно – «археологическая трансформация» от культуры линейной керамики в Прото-Кукутень и Прото-Триполье «приведёт к языкам на тех территориях, где теперь распространены славянские языки» (Renfrew 1987: 159–160). Известный же итальянский лингвист М. Алинеи, отстаивая свою теорию «Палеолитической непрерывности», прямо считает носителей этой культуры славянами (а носителей культуры Степи – тюрками)¹³. Впрочем согласно этой концепции, румынский язык был пренесён на соответствующую территорию в эпоху раннего неолита носителями культуры «Импрессо» из районов современной Далмации – здесь дальнейшие комментарии излишни. Что же касается лингвистической атрибуции культуры Триполье / Кукутень самим К. Ренфрю, то в поздних работах он, к примеру, высказывает предположение, что

---

¹¹ См., напр., Bălteanu 1995: 3–7 и статьи О. Лариной, А. Варзара и Д. Пеземского в сборнике *Interferențe culturale-cronologice în spațiul nord-pontic* (Chișinău, 2003). Впрочем, «средиземноморский» тип неожиданно реконструируется и для ряда насельников Малой Польши эпохи позднего железа – времени и места, где мы ожидаем увидеть кельтов и германцев. См. Rudnicki 2005: 195–205. Не стоит забывать и о том, что современные носители и.-е. языков принадлежат к различным антропологическим типам, ср. Dolukhanov 1995: 206.

¹² См., к примеру, Day 2001 и пространную рецензию на эту книгу Ш. Циммера в *JIES* 30 (2002), 151–160.

¹³ См. Alinei 1996–2000. У группы Алинеи имеется свой сайт, <http://www.continuitas.com/intro.html>, где помещена полная библиография трудов на эту тематику. Работы Алинеи и его единомышленников публикуются, в том числе, в достаточно уважаемых журналах, ср. Alinei 2003: 13–41. Попытки поиска индоевропейцев в каменном веке (социо)лингвистами также известны: см., напр., Robb 1993: 747–760.

индо-иранцы восходят именно к этому культурному комплексу (Renfrew 2003: 34 и сл.).

При лингвистической атрибуции археологических культур, в том числе – и Триполье / Кукутень, некоторые авторы обращаются к трудам лингвистической индоевропеистики, прежде всего – рассматривающим лингвистическое членение индоевропейской общности. Как известно, в этом аспекте индоевропеистика значительно продвинулась со времён первой схемы, предложенной Августом Шлейхером. За это время к кругу индоевропейских добавился целый набор новых языков и языковых групп. Появились так же и новые методики анализа связей между группами индоевропейских языков, а для некоторых построений характерен и интерес не только к относительной, но и абсолютной хронологии. К последним принадлежит схема, отстаиваемая Р. Грейем и К. Аткинсоном¹⁴, в которой, на первый взгляд, подтверждается абсолютная хронология распада общеиндоевропейского праязыка, предложенная и исповедуемая К. Ренфрю. Впрочем, это построение, сколь оно бы ни было популярно среди сторонников теории «анатолийского» происхождения индоевропейцев (как и второй популярный конструкт, созданный специалистами в нескольких областях знания, в том числе и индоевропеистике¹⁵), было воспринято многими лингвистами осторожно или даже подверглось беспощадной критике¹⁶. Удивительным образом, у части археологов, занимающихся индоевропейской проблематикой, остаётся популярной схема, предложенная Р. Антиллою ещё в 1972 году. Так как в этом построении италийские и кельтские языки составляют подгруппу на уровне промежуточной реконструкции – а это положение повторяется, без

¹⁴ Gray, Atkinson 2003: 435–439; Gray, Atkinson 2006: 91–109. Как известно, подобная ранняя датировка существования и распада индоевропейского праязыка оспаривается значительным количеством специалистов. См. указанные выше работы лингвистов (ср. также: Garrett 2006: 139–151, особенно с. 148) и археологов – сторонников Причерноморского происхождения индоевропейцев.

¹⁵ Ringe, Warnow, Taylor 2002: 59–129; ср. Nakhleh, Warnow, Ringe, Evans 2005: 171–192. См. также обзор проблематики в работе: Blažek 2007: 82 и сл. Понятно, что исчезнувшие и.-е. языки, возможно оставившие заимствования в других идиомах – например, «евфратский» (Whittaker) или «темеатический» (Holzer) – в этих построениях не учитываются. О соотношении этих построений с генетическими наблюдениями см.: Oppenheimer 2006: 252 и сл.

¹⁶ См., напр., Clackson 2007: 18–19 и Isaac 2004: 54–57. Последнее из указанных сочинений вновь напоминает нам о том, что в распоряжении исследователей не имеется лингвистических аргументов в пользу гипотезы об итало-кельтском единстве.

всякого основания, и в самых недавних схемах¹⁷ – археологи даже пытаются отождествить (пра-)кельтов и носителей (пра-)италийских языков с соседствующими археологическими культурами. К примеру, А. Галлэ, опираясь на схему Р. Аттилы, предлагает два варианта лингво-археологических корреляций. Первый вариант идентифицирует (пра-)италиков с культурой Вучедол, а (пра-)кельтов – с т. н. *Begleitkeramik*, или археологическим комплексом Рейн – Рона, или культурой колоколовидных кубков (*Bell Beaker*) Голландии, а второй – ассоциирует (пра-)италиков с т. н. *Begleitkeramik*, а (пра-)кельтов – с оставшимися культурными комплексами (минус Вучедол)¹⁸. Следует отметить, что традиционно эти языковые группы ассоциируются с более поздней культурой полей погребальных урн, что находит отражения и в работах некоторых сторонников анатолийской прародины индоевропейцев¹⁹. Иное построение мы находим в недавнем докладе С. В. Конча (Конча 2008: 58–59) – «языковые предки кельто-италов со значительной вероятностью локализируются для этого времени [III–II тыс. до н. э. – А. Ф.] в областях, прилегающих к Верхнему и Среднему Дунаю». Автор доклада пытается выступить в пользу старой гипотезы (П. Кречмер) о «доисторическом арийско-итало-кельтском контакте» и ссылается при этом на категорически устаревшие исследования (Вандриес, Барроу, Калыгин, Королёв). Судя по всему, современная литература, анализирующая индо-ирано-кельтскую проблематику (К. Х. Шмидт, П. Де Бернардо Штемпель, Р. Кёддерич, Г. Р. Айзак, ср. также изданную, увы, уже посмертно статью В. П. Калыгина) – и, между прочим, постулирующая некоторую общность (лингвистических) морфологических инноваций в кельтском, индо-иранском, греческом, фригийском (и частично в славянском), что может подразумевать и какой-то уровень географического единства – не была учтена. В таком контексте ссылка на время и место контактов

---

¹⁷ Кроме указанных выше работ, ср. также обобщающую статью В. Блажека (Blažek 2007) и важную монографию Ringe 2006: 5, где вновь италийские и кельтские языки объединены в одну группу.

¹⁸ Gallay 2001: 41–57. О соответствующих археологических культурах см. (недавно) Vander Linden 2006. Схему Аттилы находим и в работах археологов, занимающихся протоиндоевропейской проблематикой. Ср., напр., Renfrew 1989: 150; Zvelebil 1995: 194–195. О логике соответствующих построений см. дискуссию между К. Ренфрю и известными индоевропейцами: Discussion // *When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*. Ann Arbor, 1990. P. 399 и сл.

¹⁹ Sheratt, Sheratt 1988: 586 и сл. Отмечу, что в других археологических построениях с этой культурой ассоциируются иллирийцы, фракийцы, дако-мизийцы и фригийцы, см., напр., Kristiansen 1998: 404.

между носителями (пра)языков, предлагаемая этим исследователем, не имеет смысла.

Нет сомнений, что у археологов, занимающихся индо-европейской проблематикой, собственно и нет иных возможностей кроме как использовать построения лингвистов, даже если они и неоправданны – как и в приведенных выше случаях с несуществующей «итало-кельтской общностью», о которой, впрочем, придётся вспомнить и ниже. Однако для того, чтобы привязать археологические реалии к лингвистическим построениям археологам приходится иногда манипулировать данными – это вызывает, мягко говоря, недоумение у лингвистов. Так, М. Цвелебил (Zvelebil 1995: 192 и сл.; с некоторыми изменениями также: Zvelebil 2003: 387 и сл.) выделяет «Древнеевропейский» языковой континуум в бассейне Дуная (4500–3500 до н. э.), хронологически более или менее сосуществующий с «западномедитерранским и.-е. диалектом в Италии» (5500–4500 до н. э.) и «результатом языковой дивергенции на Балканах», давшим фракийский, фригийский, армянский и пеласгский (4500–2500 до н. э.). Все эти подгруппы восходят к протоиндоевропейскому диалекту на Балканах (6000–4500 до н. э.), который, в свою очередь, образовался от общеиндоевропейского после отделения от него анатолийской группы (и, возможно, индо-иранского). Получается, что по крайней мере часть носителей культуры Триполья / Кукутень должны были говорить на «древнеевропейском» языке – Цвелебил использует здесь терминологию Х. Краэ и соотносит с этим языком всю археологическую группу. Известно, что сам концепт «древнеевропейского» в последнее время оказался в самом центре оживлённой дискуссии – одни исследователи настаивают на существовании этой промежуточной стадии в истории индоевропейского языка, другие в принципе исключают возможность его существования, третьи считают данные, традиционно рассматриваемые в этой связи, неиндоевропейскими и субстратными (см., соответственно: Kitson 1996: 73–118; Isaac 2005: 189; Vennemann 2003). Что же касается дальнейшего развития, то тут вырисовываются просто пугающие перспективы. Согласно Цвелебилу из этого «единства» путём языковой эволюции выделяется итало-кельто-германская группа, которую он датирует 4000–2000 гг. до н. э. В 4000–3500 гг. до н. э. из того же континуума, но путем креолизации (!), образуется индо-иранская и балто-славянская общность, давшая позднее, соответственно, индо-иранский и балто-славянский. Комментировать это построение, пожалуй, бессмысленно.

В заключение следует отметить следующее. Как было показано выше, лингвистическая атрибуция носителей культуры Триполья /

Кукутень в современной археологии трактуется двояко. Сторонники Севернопричерноморской локализации прародины индоевропейцев видят в них неиндоевропейские племена; дальнейшее же уточнение их лингвистической принадлежности вряд ли возможно. Для археологов–сторонников теории анатолийской (в терминологии К. Ренфрю) прародины индоевропейцев, носители культуры Триполья / Кукутень – это, конечно, индоевропейцы. Дальнейшие умозаключения по поводу собственно языков, на которых они говорили, зависят напрямую от знания того или иного археолога современной индоевропейской лингвистики, в первую очередь – раннего членения индоевропейской языковой общности. В этой области индоевропеистики существуют нерешенные проблемы, работа над которыми может способствовать попыткам идентификации групп культур возможно уже эпохи ранней бронзы (но уж ни в коем случае – каменного века) с возможными подгруппами индоевропейских языков (ср. понятие промежуточной реконструкции в индоевропеистике). Что же касается идентификации археологических культур с носителями тех или иных индоевропейских языков, то, как и прежде, она остаётся достаточно проблематичной и неравномерной. Так, на сегодняшний день ассоциация (прото-)тохаров с Афанасьевской археологической культурой (см., напр., Mallory, Maig 2000 и ср. Клейн 2000: 178–187) принимается большинством исследователей, в то время как гипотеза об идентификации носителей кельтских диалектов с гальштатской археологической культурой (ранний железный век), столь популярная еще несколько десятилетий назад, ныне вызывает оживлённые споры (см. удачный обзор проблематики: Megaw 2005: 65–78). Понятно, что для большинства других ранних археологических культур Европы и Азии подобные ассоциации также были предложены, однако в большинстве случаев в их оценке лингвистами возобладал здоровый скептицизм. Закончить же этот обзор недавних лингвистических атрибуций носителей археологической культуры Триполье / Кукутень мне хотелось бы цитатой: “To be credible, geneticists – and archaeologists and linguists – need to admit the uncertainty of our knowledge about the pre-history of even so well-known a linguistic family as Indo-European, and to detach themselves from the “Neanderthal Loan-Words in Proto-World” school of philology” (Sims-Williams 1998: 524). Напомню, что англ. *credible* означает как ‘вероятный, правдоподобный’, так и ‘заслуживающий доверия’.

Литература

- Герценберг 2007 – Л. Г. Герценберг. Новые книги // Индоевропейское языкознание и классическая филология 11. СПб. С. 53.
- Дергачев 1980 – В. А. Дергачев. Памятники позднего Триполья: Опыт систематизации. Кишинев.
- Дергачев 2000 – В. А. Дергачев. Два этюда в защиту миграционной концепции // *Stratum plus*. Т. 2. С. 188–236.
- Дергачев, Манзура 1991 – В. А. Дергачев, И. В. Манзура. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев.
- Дыбо 2003 – А. В. Дыбо. Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. М. С. 65–79.
- Илиади 2003 – А. И. Илиади. Рец. Мосенкіс, Мова трипільської культури // Вопросы языкознания. №. 3. С. 149–153.
- Клейн 2000 – Л. С. Клейн. Миграция тохаров в свете археологии // *Stratum plus*. Т. 2. С. 178–187.
- Конча 2008 – С. В. Конча. К исторической интерпретации арийско-италокельтских изоглосс // Языковые контакты в аспекте истории. М.
- Манзура 2000 – И. В. Манзура. Владеющие скипетрами // *Stratum plus*. Т. 2. С. 37–295.
- Мосенкіс 2001 – Ю. Л. Мосенкіс. Мова трипільської культури. Джерела. Методи. Результати реконструкції. Київ.
- Фалилеев 2008 – А. И. Фалилеев. Усатовские вожди и прагерманцы: к вопросу о лингвистической принадлежности археологической группы // *Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (editia a XVIII-a)*. Chișinău (в печати).
- Alexianu 2006 – M. Alexianu. Le complexe culturel Cucuteni-Tripolye: culture archeologique et aire linguistique // *Cucuteni 120 – valori universale*. Iași. P. 209–214.
- Alinei 1996–2000 – M. Alinei. Origini delle lingue d'Europa. Vol. I–II. Bologna, Il Mulino.
- Alinei 2003 – M. Alinei. The paleolithic continuity theory on Indo-European origins: an introduction // *Studi Celtici*. Vol. 2. P. 13–41
- Anthony 2007 – D. W. Anthony. The Horse, the Wheel and Language. How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton.
- Anthony 2008 – D. W. Anthony. A New Approach to Language and Archaeology: The Usatovo Culture and the Separation of Pre-Germanic // *JIES*. Vol. 36. P. 1–51.
- Bălțeanu 1995 – A.-C. Bălțeanu. Sur les caractéristiques anthropologiques des populations néolithiques gumelniétiennes et tripoliennes du Bassin ouest pontique (sic!) // *Annuaire Roumain d'Anthropologie*. T. 32, P. 3–7.
- Blažek 2007 – V. Blažek. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages // *JIES*. V. 35.

- Busse 2007 – P. Busse. Hydronymie und Urheimat: Ein neuer Ansatz zur Lokalisierung der Urheimat der Kelten // *Kelten-Einfälle an der Donau*. Wien. S. 89–98
- Cavalli-Sforza 1996 – L. L. Cavalli-Sforza. The spread of agriculture and nomadic pastoralism: insights from genetics, linguistics and archaeology // *The origins and spread of agriculture and pastoralism in Eurasia*. London and New York.
- Clackson 2007 – J. Clackson. *Indo-European linguistics. An introduction*. Cambridge.
- Day 2001 – J. V. Day. *Indo-European origins. The anthropological evidence*. Washington.
- Dergachev 2002 – V. Dergachev. Two Studies in Defence of the Migration Concept // *Ancient Interactions: East and West in Eurasia*. Cambridge. P. 93–112.
- Diebold 1987 – A. R. Diebold. *Linguistic Ways to Prehistory // Proto-Indo-European: The Archaeology of a Linguistic Problem*. Washington. P. 19–71
- Dologopolsky 1998 – A. Dologopolsky. *The Nostratic Macrofamily and Linguistic Palaeontology*. Cambridge.
- Dolukhanov 1995 – P. M. Dolukhanov. *Archaeology and linguistics: theories old and new // Whither archaeology?* Praha.
- Gallay 2001 – A. Gallay. *L'énigme campaniforme // Bell Beakers Today*. Trento. Vol. 1. P. 41–57.
- Garett 2006 – A. Garrett, *Convergence in the formation of Indo-European subgroups. Phylogeny and chronology // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages*. Cambridge. P. 139–151
- Gray, Atkinson 2003 – R. D. Gray, Q. D. Atkinson. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // *Nature*. Vol. 426. P. 435–439.
- Gray, Atkinson 2006 – R. D. Gray, Q. D. Atkinson. How old is the Indo-European language family? Progress or more moths to the flame? // *Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages*. Cambridge. P. 91–109.
- Haarmann 1998 – H. Haarmann. On the problem of primary and secondary diffusion of Indo-Europeans and their languages // *JIES*. Vol. 28.
- Hawkes 1987 – C. Hawkes. Archaeologists and Indo-Europeanists – Can They Mate? Hindrances and hopes // *Proto-Indo-European: The Archaeology of a Linguistic Problem*. Washington. P. 203–215.
- Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic. Chișinău, 2003.
- Isaac 2004 – G. R. Isaac. The nature and origins of the Celtic languages: Atlantic seaways, Italo-Celtic and other paralinguistic misapprehensions // *Studia Celtica*. Vol. 38, P. 54–57.
- Isaac 2005 – G. R. Isaac. *Scotland // New approaches to Celtic place names in Ptolemy's Geography*. Madrid.
- Kitson 1996 – P. R. Kitson. *British and European river-names // Transactions of the Philological Society*. V. 94. P. 73–118/
- Kristiansen 1998 – K. Kristiansen. *Europe before history*. Cambridge.
- Lazarovici 2006 – C.-M. Lazarovici. Semne și simboluri în cultura Cucuteni-Tripolie // *Cucuteni 120 – valori universale*. Iași. P. 57–92

- Mallory 1973 – J. Mallory. A Short History of the Indo-European Problem // JIES. Vol.1. P. 21–65.
- Mallory 1989 – J. Mallory. In Search of the Indo-Europeans. London.
- Mallory, Mair 2000 – J. Mallory, V. H. Mair. The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. London.
- Mallory, Adams 2006 – J. P. Mallory, D. Q. Adams. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford.
- Manzura 1993 – I. Manzura. The East-West interaction in the mirror of the eneolithic and early bronze cultures in the northwest Pontic // Revista Arheologică. Vol. 1.
- Manzura 2005 – I. Manzura. Steps to the steppe: or, how the North Pontic region was colonised // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 24 (4). P. 313–328.
- Megaw 2005 – W. Megaw. The European Iron Age with – and without – Celts: a bibliographical essay // European Journal of Archaeology. Vol. 8. P. 65–78.
- Meid 1989 – W. Meid. Archäologie und Sprachwissenschaft. Innsbruck.
- Meid 1991 – W. Meid. Aspekte der germanischen und keltischen Religion im Zeugnis der Sprache. Innsbruck.
- Nakhleh, Warnow, Ringe, Evans 2005 – L. Nakhleh, T. Warnow, D. Ringe, S. Evans. A comparison of phylogenetic reconstruction methods on an Indo-European dataset // Transactions of the Philological Society. Vol. 103 (2). P. 171–192.
- Nikolova 2005 – L. Nikolova. Social changes and cultural interactions in later Balkan prehistory // Reports of Prehistoric Research Projects. Vols. 6–7.
- Oppenheimer 2006 – S. Oppenheimer. The Origins of the British. New York.
- Renfrew 1987 – C. Renfrew. Archaeology and Language. London.
- Renfrew 2000 – C. Renfrew. At the Edge of Knowability: Towards a Prehistory of Languages // Cambridge Archaeological Journal. Vol. 10. P. 7–34.
- Renfrew 1989 – C. Renfrew. Models of change in language and archaeology // Transactions of the Philological Society. Vol. 87.
- Renfrew 2003 – C. Renfrew. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: ‘Old Europe’ as a PIE Linguistic Area // Language in Prehistoric Europe. Heidelberg.
- Ringe 2006 – D. Ringe. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford.
- Ringe, Warnow, Taylor 2002 – D. Ringe, T. Warnow, A. Taylor. Indo-European and Computational Cladistics // Transactions of the Philological Society. Vol. 100 (1). P. 59–129
- Robb 1993 – J. Robb. A social prehistory of European languages // Antiquity. Vol. 67. P. 747–760.
- Rudnicki 2005 – M. Rudnicki. A late La Tène inhumation grave from Pełczyska: comments on the cultural situation in the upland area of Little Poland // Celts on the Margin. Studies in European Cultural Interaction 7th Century BC – 1st Century AD. Kraków. P. 195–205.
- Schjødtt 1996 – J. P. Schjødtt. Archaeology, language and comparative mythology // Indo-European religion after Dumézil (= JIES Monograph series 16). P. 184–196.

- Sheratt, Sheratt 1988 – A. Sheratt, S. Sheratt. The archaeology of Indo-European: an alternative view // *Antiquity*. Vol. 62.
- Sims-Williams 1998 – P. Sims-Williams. Genetics, linguistics, and prehistory: thinking big and thinking straight // *Antiquity*. Vol. 72.
- Vander Linden 2004 – M. Vander Linden. The Roots of the Indo-European Diaspora: New Perspectives on the North Pontic Hypothesis // *Proceedings of the fifteenth Annual UCLA Indo-European conference*. Washington. P. 138–154.
- Vander Linden 2006 – M. Vander Linden. Le phénomène campaniforme dans l'Europe du 3ème millénaire avant notre ère. Synthèse et nouvelles perspectives. Oxford.
- Vennemann 2003 – T. Vennemann. *Europa Vasconica – Europa Semitica*. Berlin, New York.
- Zvelebil 1995 – M. Zvelebil. Indo-European origins and agricultural transition in Europe // *Whither archaeology?* Praha.
- Zvelebil 2003 – M. Zvelebil. Demography and dispersal of early farming populations at the Mesolithic-Neolithic transition: linguistic and genetic implications // *Examining the farming/language dispersal hypothesis*. Cambridge.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ТРАДИЦИЯ В ГРЕЦИИ И МАЛОЙ АЗИИ

I. S. YAKUBOVICH. Hittite-Luvian Bilingualism and the Development of Anatolian Hieroglyphs.....	9
N. N. KAZANSKY. "Linguistic Thought" of Mycenaean Scribes....	37
С. Р. ТОХТАСЬЕВ. К орфографии рукописей Гомера в архаический период: I.....	64
M. N. KAZANSKAYA. Ὑπολαβῶν ἔφη (εἶπε) chez Hérodote: les particularités d'usage.....	96
Н. С. ГРИНБАУМ. Язык Пиндара (итоговое обозрение).....	118
И. И. КОВАЛЕВА. Эрихтоний: миф в структуре Панафиней.....	152
M. L. KISILIER. Ένα Ελληνικό ιδίωμα στην Ανατολική Ουκρανία (περιοχή Μαριούπολης).....	156

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛАТИНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ГРАММАТИКИ

В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ. Латинский трилистник.....	169
А. В. ГРОШЕВА. Лат. <i>viscum</i> 'омела' (к проблеме формы и значения).....	221
М. В. ДОМОСИЛЕЦКАЯ. Судьбы латинских фитонимов на Балканах.....	234
Е. А. ГЛЕБОВА. Изучение пространственных изоглосс италийского диалектального континуума и проблемы италийского языкового союза как продолжение традиций Московской лингвистической школы.....	257
М. А. ТАРИВЕРДИЕВА. Неличные формы латинского глагола и модальность.....	261

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ

С. Л. НЕВЕЛЕВА. Мудрец-сказитель в Махабхарате (к проблеме эпического текстосложения).....	277
--	-----

М. Д. АНДРЕЕВА. Значения среднего залога в эпическом санскрите (на материале третьей книги «Махабхараты»)...	295
А. Е. КУЗНЕЦОВ. Цезий Басс: I. Свидетельство Персия.....	306
А. Б. ЧЕРНЯК. «Путешествие Эгерии к святым местам» 4: Несколько слов о жанре текста, а также текст и комментарий к главам I–III.....	341
Е. В. АНТОНЕЦ. Фрагменты латинских литературных текстов в «Коллекции документов Густава Шмидта» (Научная библиотека МГУ).....	366
А. И. ЛЮБЖИН. «Россиада» М. М. Хераскова и античная эпическая традиция.....	415
Я. Л. ЗАБУДСКАЯ. Проблемы стилистики художественного перевода античных текстов (передача звукописи в переводах эсхиловского «Агамемнона» Вяч. Ивановым и С. И. Радцигом).....	453
<i>УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ (Timna Muire; Transitus Mariae).</i> Перевод со среднеирландского, предисловие и комментарий С. В. Иванова.....	471
Ю. А. ЛОПАШОВ. Греческая народная баллада об Арети.....	494

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Е. Б. СОСНИНА. Становление италийской эпиграфики в XIX веке: переписка И. В. Цветаева с А. Фабретти в 1875 – 1885 гг. Вступительная статья, публикация, примечания и перевод.....	501
Б. С. КАГАНОВИЧ. А. А. Смирнов об «Истории античной литературы» И. М. Тронского.....	517
М. Л. СЕРГЕЕВ. Конрад Гесснер (1516–1565) как библиограф	527

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

А. S. NIKOLAEV. Gedanken über ein neues Buch (Paul Widmer. <i>Das Korn des weiten Feldes...</i>).....	541
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. Лингвистическая атрибуция носителей культуры Триполье / Кукутень. О доверии к лингвистическим построениям археологов.....	571

TABLE OF CONTENTS

LINGUISTIC SITUATION AND LANGUAGE TRADITION IN GREECE AND ASIA MINOR

I. S. YAKUBOVICH. Hittite-Luvian bilingualism and the development of Anatolian hieroglyphs.....	9
N. N. KAZANSKY. The "Linguistic thought" of Mycenaean scribes..	37
S. R. TOKHTAS'EV. On the orthography of Homeric manuscripts of the archaic period: I.....	64
M. N. KAZANSKAYA. Ὑπολαβὼν ἔφη (εἶπε) chez Hérodote: les particularités d'usage.....	96
N. S. GRINBAUM. Pindar's language (survey and summary).....	118
I. I. KOVALEVA. The Erichthonius myth in the structure of the Panathenean festival.....	152
M. L. KISILIER. Ένα Ελληνικό ιδίωμα στην Ανατολική Ουκρανία (περιοχή Μαριούπολης).....	156

RESERACHES ON LATIN LEXICOLOGY AND GRAMMAR

V. L. TSYMBURSKY. Latin trefoil.....	169
A. V. GROSHEVA. The issue of the form and meaning of Latin <i>viscum</i> 'mistletoe'.....	221
M. V. DOMOSILETSKAYA. The development of Latin phytonyms in the Balcan area.....	234
E. A. GLEBOVA. The study of the areal isoglosses of the Italic dialectal continuum and the problem of the Italic Linguistic area in the traditions of the Moscow Linguistic School.	257
M. A. TARIVERDIEVA. Infinite forms of the Latin verb and modality	261

STUDY OF TEXTS

S. L. NEVELEVA. The sage-narrator in the <i>Mahabharata</i> (the problem of the creation of the epic text).....	277
---	-----

M. D. ANDREEVA. The semantics of the middle voice in Epic Sanskrit (<i>Mahabharata</i> , book 3).....	295
A. E. KUZNETSOV. Caesius Bassus: I. According to the testimony of Persius.....	306
A. B. CHERNYAK. “Egeria’s pilgrimage to the Holy places” 3: on the genre of the text.....	341
E. V. ANTONETS. Fragments of Latin literature in the “Gustav Schmidt’s document collection” in the Scientific Library of the Moscow State University.....	366
A. I. LIUBZHIN. The <i>Rossiada</i> by M. M. Kheraskov and the ancient epic tradition.....	415
Ya. L. ZABUDSKAYA. Stylistic problems posed by the translation of ancient texts (the rendering alliteration and assonance of in the translations of Aeschylus’ <i>Agamemnon</i> by Vyacheslav I. Ivanov and Sergei I. Radzig).....	453
<i>ASSUMPTION (Timna Muire; Transitus Mariae).</i> Translation from Middle Irish, Preface and Commentary by Sergei V. Ivanov.....	471
Yu. A. LOPASHOV. The Greek folk ballad of Arete.....	494

THE HISTORY OF CLASSICAL PHILOLOGY

E. B. SOSNINA. The beginnings of Italic epigraphy as a science in the 19 th century: the correspondence of I. V. Tsvetaev and A. Fabretti in the 1875–1885. Introduction, text, commentary, and translation.....	501
B. S. KAGANOVICH. A. A. Smirnov on the “History of Ancient Literature” by I. M. Tronsky.....	517
M. L. SERGEEV. Conrad Gessner (1516–1565) as bibliographer....	527

REVIEWS

A. S. NIKOLAEV. Gedanken über ein neues Buch (Paul Widmer. <i>Das Korn des weiten Feldes...</i>).....	541
A. I. FALILEEV. Linguistic attribution of the Tripolye/Cucuteni culture: Reliability of linguistic theories proposed by archeologists.....	571